Русский
Вѣстник.
1870. №11-12

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

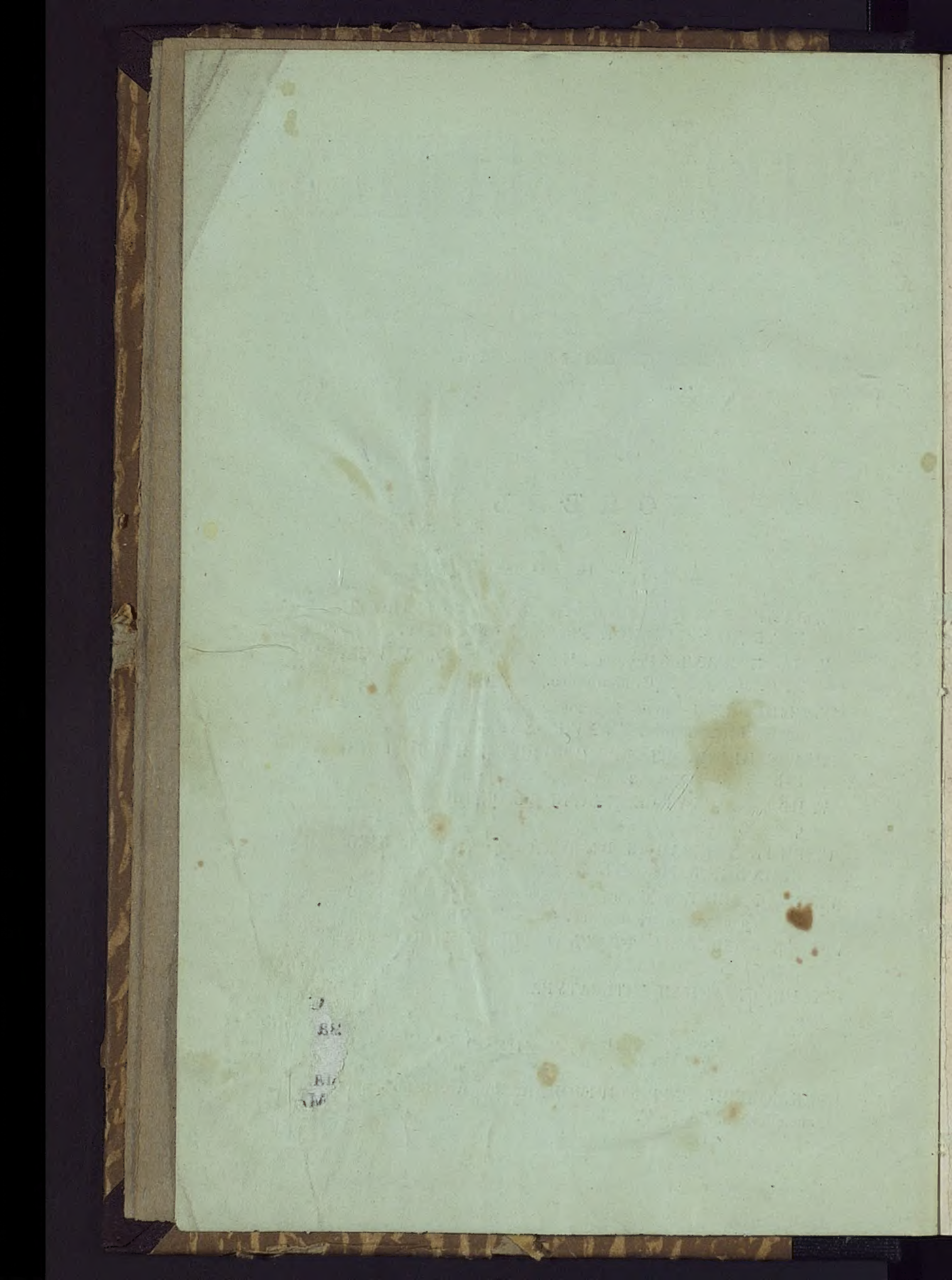
ТОМЪ ДЕВЯНОСТЫЙ.

1870

НОЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1871 году будетъ стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 40 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка съ ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	16	—
Въ Бельгію, Нидерланды и Швейцарію . . .	17	—
Въ Данію	18	50

Въ Англію, Францію, Испанію, Португалію и Швецію . . . . 20 —
Въ Италію . . . . 24 —

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Желающіе пріобрѣсти *Русскій Вѣстникъ*, за прежніе годы, могутъ покупать его въ конторѣ Университетской типографіи по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

Отдѣльно за каждый годъ.

		Съ пер.	Безъ пер.
За второе полугодіе 1857 года	12 книгъ	5 руб.	4 р. 25 коп.
„ 1858 годъ	24 книги	10 „	8 „ 50 „
„ 1859 „	24 „	10 „	8 „ 50 „
„ 1860 „	24 „	10 „	8 „ 50 „
„ 1861 „	12 книгъ	8 „	6 „ 50 „
„ 1862 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1863 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1864 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1865 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1866 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1867 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1868 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1869 „	12 „	8 „	6 „ 50 „

За нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ.

	Съ пер.	Безъ пер.
За два года, какіе угодно	15 р.	12 р. — к.
„ три года	22 „	17 „ 50 „
„ четыре года	28 „	22 „ — „
„ пять лѣтъ	33 „	25 „ 50 „
„ шесть лѣтъ	37 „	28 „ — „
„ семь „	40 „	29 „ 50 „
„ восемь „	43 „	31 „ — „
„ девять „	46 „	32 „ 50 „
„ десять „	49 „	34 „ — „
„ одиннадцать лѣтъ	52 „	35 „ 50 „
„ двѣнадцать „	55 „	37 „ — „
„ двѣнадцать съ половиною лѣтъ . .	56 „ 50 к.	37 „ 75 „

Иногородные адресуютъ свои требованія въ редакцію *Русскаго Вѣстника*. Гг. книгопродавцамъ дѣлается уступка: съ пересылкой 5%, безъ пересылки 10%.

Тутъ же отпускаются и отдѣльныя книжки *Русскаго Вѣстника*, для пополненія разрозненныхъ годовыхъ экземпляровъ, за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67 и 68 годы по 50 коп. за книжку безъ пересылки, а съ пересылкою по 70 коп. За 1869 и текущій 1870 годъ отдѣльныя книжки отпускаются по 1 руб. 50 коп. за книжку.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1870.

ЛАТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ РУСИ

ДО БРЕСТСКОЙ УНІИ

Латинская церковь въ Полотской землѣ, или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ была учрежденіемъ сравнительно новымъ. Она была введена великимъ княземъ Литовскимъ Ягайломъ Ольгердовичемъ, который вмѣстѣ съ польскою короной принялъ латинство, и окрестивъ въ латинскую вѣру Литвиновъ-язычниковъ, объявилъ римскую церковь господствующею въ Литовскомъ княжествѣ. До половины XIII столѣтія Литовцы не имѣли никакихъ сношеній съ латинскою церковью, и безпрестанно сталкиваясь въ ежегодныхъ кровавыхъ схваткахъ съ ливонскими рыцарями, проповѣдывавшими христіанство съ мечомъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой, неиначе смотрѣли на католиковъ какъ на непримиримыхъ и злѣйшихъ враговъ. Еще непріязненнѣе были сношенія Литвиновъ съ Поляками и рыцарями нѣмецкаго ордена въ Пруссіи, которые огнемъ и мечомъ истребляли языческую вѣру Пруссовъ, единоплеменниковъ и единовѣрцевъ Литвы; съ этой стороны взаимные набѣги и опустошенія были даже чаще и жесточе чѣмъ со стороны Ливоніи. При таковыхъ враждебныхъ отношеніяхъ, доходившихъ нерѣдко до звѣрской жестокости, естественно не

могло быть и рѣчи о мирной проповѣди католической вѣры въ литовскихъ предѣлахъ; для Литвиновъ непримиримый врагъ и злодѣй были синонимами латинника, и конечно не лучше смотрѣли на латинянъ и Русскіе, перемѣшанные съ Литвинами и стоявшіе въ Литовскомъ государствѣ въ числѣ передовыхъ дѣятелей.

Но съ половины XIII столѣтія отношенія Литовцевъ къ католикамъ повидимому готовы были измѣниться. Тогдашній великій князь литовскій Миндовгъ, тѣснимый съ одной стороны Волынскими князьями Даніиломъ и Василькомъ Романовичами, а съ другой стороны ихъ союзниками ливонскими рыцарями, чтобы вылутаться изъ такой бѣды, въ 1251 году послалъ къ магистру Ливонскаго ордена письмо, въ которомъ писалъ что желаетъ принять христіанство. Римскій папа Иннокентій IV, узнавши объ этомъ письмѣ, немедленно прислалъ повелѣніе къ магистру Ливонскаго ордена прекратить войну съ Миндовгомъ и, надѣясь на скорое порабощеніе Литвы римской церкви, далъ приказъ Кульмскому епископу чтобъ онъ не слишкомъ обременялъ сборомъ десятинъ латинскія церкви, которыя будутъ строиться въ литовскихъ владѣніяхъ, дабы такимъ образомъ не оскорбить Миндовга и его подданныхъ и не отклонить ихъ отъ принятія католицизма. Когда же Миндовгъ, вмѣстѣ съ своею женой, двумя сыновьями и нѣкоторыми изъ приближенныхъ, принялъ крещеніе; то тотъ же папа объявилъ его любезнѣйшимъ сыномъ римской церкви, и приказалъ кульмскому епископу вѣнчать его королевскою короной, и съ тѣмъ вмѣстѣ распорядиться устройствомъ каѳедральной церкви въ литовскихъ владѣніяхъ и посвященіемъ туда особаго епископа; а епископамъ рижскому, дерптскому и езельскому писалъ въ своей буллѣ чтобъ они съ своей стороны вмѣстѣ съ нѣмецкими рыцарями спѣшили обращать Литвиновъ-язычниковъ въ латинство. Но всѣ распоряженія папы не привели ни къ чему; нѣмецкимъ рыцарямъ, какъ въ Ливоніи, такъ и въ Пруссіи, нужно было не проповѣданіе Евангелія Литвинамъ, а грабежи и опустошенія Литовской земли; а посему они не только не способствовали проповѣданію, а напротивъ всѣми мѣрами старались препятствовать этому, продолжая свои нападенія на сосѣднія литовскія владѣнія; и такимъ образомъ довели дѣло до того что Миндовгъ, видя что принятіе латинства не ограждаетъ его владѣній отъ набѣ-

говъ рыцарей, а подчиненіе иноземному государю, папѣ, еще стѣсняетъ и оскорбляетъ его самого, выпроводилъ изъ Новгорода поселившагося тамъ литовскаго епископа Христіана, и въ 1260 году снова объявилъ себя язычникомъ, чтителемъ дѣдовскихъ боговъ. Затѣмъ, въ 1261 году, Миндовгъ, вступивши въ союзъ съ языческими Пруссами, началъ войну съ прусскимъ нѣмецкимъ орденомъ, и разбилъ Нѣмцевъ на рѣкѣ Добрѣ. Такимъ образомъ латинство при Миндовгѣ почти ограничивалось только притворнымъ крещеніемъ его самого, его жены и дѣтей и нѣкоторыхъ приближенныхъ; латинскіе миссіонеры едва ли и показывались гдѣ въ Литвѣ, кромѣ Новгорода литовскаго, да и тамъ едва ли имѣли какой успѣхъ, ибо тамошнее коренное населеніе было русское и православное, по крайней мѣрѣ о тогдашней дѣятельности сихъ миссіонеровъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій.

Затѣмъ, въ продолженіи шестидесяти лѣтъ не было и слуховъ о латинской проповѣди въ Литовской землѣ, безпрестанныя войны съ Нѣмцами и Поляками, отличавшіяся крайнею жестокостью, такъ озлобили Литвиновъ-язычниковъ противъ латинства, что латинскимъ миссіонерамъ мудрено было и показаться тамъ, а ежели гдѣ на западныхъ или на сѣверныхъ окраинахъ они и показывались, то конечно не имѣли успѣха, по крайней мѣрѣ за все это время до насъ не дошло никакого извѣстія хотя бы объ одномъ латинскомъ костелѣ въ Литовской землѣ. Наконецъ, въ 1323 году, великій князь Литовскій Гедиминъ, тѣснимый съ одной стороны нѣмецкими рыцарями, а съ другой стороны татарскимъ ханомъ Узбекомъ, желая хотя сколько-нибудь удержать рыцарей, послалъ къ папѣ Іоанну XXII письмо съ изъявленіемъ готовности вмѣстѣ съ своими князьями принять латинскую вѣру, только бы папа укротилъ злобу Нѣмцевъ. Это письмо радостно встревожило папу, Іоаннъ XXII принялъ извѣстіе о готовности Гедимина принять латинство гораздо горячѣе чѣмъ Иннокентій IV принялъ таковое же извѣстіе о Миндовгѣ; до насъ дошло тринадцать буллъ этого папы о снаряженіи латинской миссіи въ Литовскую землю. Онъ писалъ объ этомъ окружное посланіе ко всему латинскому духовенству и къ нѣмецкимъ рыцарямъ, и къ Польскому королю Владиславу Локетку, и къ самому Гедимину, котораго постоянно величалъ королемъ Русскимъ. Но пока снаряжались миссіи и велись переговоры, нашествіе Татаръ прекратилось, и Гедиминъ, оправившись и

видя что нѣмецкіе рыцари плохо слушаютъ папскихъ приказаній, прекратилъ переговоры съ папой, и когда папскіе послы снова явились къ нему, то отвѣчалъ имъ: „Я не знаю вашего папы и знать не хочу, исповѣдую вѣру моихъ отцовъ и не измѣню ей пока буду живъ.“ Тѣмъ и кончилось сношеніе Гедимина съ Римомъ; такимъ образомъ и въ это время проповѣдь латинская не имѣла успѣха, и католикамъ не удалось построить ни одного костела въ Литвѣ, и, кажется, ихъ миссіонерамъ не удалось даже и появиться тамъ.

Послѣ заявленія Гедиминомъ готовности принять латинство прошло еще сорокъ лѣтъ, и ни одного латинскаго костела не было построено въ Литвѣ. Наконецъ уже при Гедиминовомъ преемникѣ Ольгердѣ, одинъ литовскій вельможа, Гастольдъ, бывшій великокняжескимъ намѣстникомъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, желая вступить въ бракъ съ дочерью одного польскаго пана, Бучацкаго, ревностнаго католика, принялъ въ 1364 году въ Краковѣ латинское крещеніе; и когда Ольгердъ перевелъ Гастольда намѣстникомъ въ Вильну, онъ, съ дозволенія князя, построилъ на своемъ виленскомъ дворѣ первый латинскій кляшторъ и вызвалъ изъ Моравіи четырнадцать монаховъ Францисканскаго ордена. Но первоначальная проповѣдь латинства францисканцами была встрѣчена враждебно со стороны виленскихъ гражданъ; мы не знаемъ чѣмъ собственно была вызвана эта враждебность въ мирныхъ виленскихъ гражданахъ, спокойно дозволявшихъ жить въ своемъ городѣ и имѣть свои церкви и монастыри христіанамъ православнаго вѣроисповѣданія; но знаемъ заподлинно что когда Гастольдъ отправился съ Ольгердомъ на войну противъ Московскаго государя, то, пользуясь его отсутствіемъ, виленскіе язычники поголовно бросились на Гастольдовъ латинскій кляшторъ, сожгли его, а изъ францисканскихъ монаховъ семь человѣкъ убили, другихъ же семерыхъ, привязавши каждаго къ крыжу (латинскому кресту), пустили внизъ по рѣкѣ Виліи, приговаривая: „Съ запада солнца вы пришли, на западъ и ступайте, за то что сказили нашихъ боговъ.“ Ольгердъ, возвратившись изъ Московскаго похода, сильно разгнѣвался на такое самоуправство, и по просьбѣ Гастольда, выдалъ ему на смерть 500 Виленцевъ. Гастольдъ, казнивши выданныхъ, построилъ новый кляшторъ, и опять на своемъ дворѣ, но уже не на томъ мѣстѣ гдѣ былъ первый кляшторъ, и вызвалъ изъ Моравіи тѣхъ

же францискановъ, въ числѣ 36 человѣкъ, и вскорѣ потомъ самъ поступилъ во францисканскій орденъ и съ своими товарищами по монашеству началъ проповѣдывать народу латинство, надѣясь современемъ сдѣлаться бискупомъ литовской миссіи; но въ 1374 году погибъ вмѣстѣ съ своими товарищами при нападеніи Татаръ, которыхъ навели на кляшторъ сами Виленцы.

Несмотря на такое враждебное расположеніе Литовскаго народа къ латинству, спустя нѣсколько времени въ Вильну прибыла, вѣроятно изъ Польши, третья миссія, должно-быть уже по смерти Ольгерда, которая тамъ и осталась. Вслѣдъ за первою миссіей, погибшею въ Вильнѣ въ 1366 году, въ томъ же году появилась особая миссія францискановъ въ Лидѣ, которая хотя въ 1369 году была побита народомъ, тѣмъ не менѣе продолжала держаться въ Лидѣ, и при помощи новыхъ миссіонеровъ, вѣроятно прибывшихъ изъ Ливоніи, учредила тамъ свой кляшторъ. Какіе были успѣхи сихъ миссій, мы не имѣемъ извѣстій; но во всякомъ случаѣ по враждебному расположенію Литовскаго народа къ латинству, взрощенному вѣковою борьбой, большихъ успѣховъ, конечно, не могло быть; и мы не имѣемъ даже никакихъ указаній или намековъ чтобы въ это время существовали гдѣ-либо въ Литовской землѣ латинскіе костелы кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ кляшторовъ виленскаго и лидскаго. Такимъ образомъ въ продолженіе слишкомъ ста тридцати лѣтъ со времени перваго заявленія Миндовга о желаніи принять католицизмъ, успѣхи латинства въ Литвѣ, несмотря на покровительство нѣкоторыхъ князей и вельможъ, ограничивались только постройкой двухъ кляшторовъ, которые притомъ нѣсколько разъ были разрушаемы народомъ; тогда какъ русскія православныя церкви и монастыри строились спокойно и безпрепятственно почти по всѣмъ литовскимъ городамъ, а половина Вильны была уже православною и имѣла нѣсколько церквей и монастырей. Все это ясно показываетъ что латинская церковь могла быть введена въ Литвѣ только княжескою властью, да и то не иначе какъ при помощи чужеземнаго войска и иноземныхъ интригъ, что по доброй волѣ и по убѣжденію Литовцы никогда бы не приняли католицизма, а скорѣе сдѣлались бы православными, и это время полнаго торжества православія въ Литвѣ

уже было недалеко, еслибы не вступились въ это дѣло иноземныя и собственно польскія интриги.

Литовцы и Русскіе, при Ольгердѣ и послѣ него, на столько уже успѣли въ войнахъ съ Польшей, что распространили свои владѣнія вплоть до самой Вислы, и Польша находилась въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, особенно по случаю внутреннихъ междоусобій, послѣдовавшихъ за смертію польскаго короля Людовика, неоставившаго послѣ себя дѣтей мужескаго пола. Поляки, чтобы выпутаться изъ этой бѣды, собрали сеймъ въ Петрковѣ, и на этомъ сеймѣ положили войти въ сношенія съ великимъ княземъ литовскимъ Ягайломъ Ольгердовичемъ и предложить ему руку Ядвиги, дочери покойнаго короля Лудовика, которая уже была объявлена королевой Польши. По таковому рѣшенію сейма начались переговоры съ Ягайломъ, на которыхъ Поляки, предлагая ему руку Ядвиги и корону польскую, выставили главнымъ условіемъ чтобъ Ягайло принялъ латинское крещеніе въ Краковѣ. Властолюбивый Ягайло, уже крещенный прежде въ православную вѣру, увлекшись Польскою королевой, принялъ предложеніе Петрковскаго сейма, поѣхалъ въ сопровожденіи своихъ братьевъ и съ огромною свитой литовскихъ бояръ въ Краковъ, крестился тамъ вмѣстѣ съ братьями и боярами по латинскому обряду и на коронаціи далъ торжественное обѣщаніе соединить Литву, Жмудь и Русь съ Польшей и обратить тамошнихъ жителей въ латинство. Во исполненіе этого обѣщанія, Ягайло въ 1387 году прибылъ съ своею супругой Ядвигой, съ архіепископомъ гнѣзненскимъ, со множествомъ латинскаго духовенства, въ сопровожденіи польскихъ князей и вельможъ и съ значительнымъ польскимъ войскомъ.

Пріѣхавши въ Вильну, Ягайло предъ городомъ собралъ народное вѣче, на которомъ язычники Литвины, отстаивая своихъ дѣдовскихъ боговъ, долго спорили съ княземъ, и Ягайло, не видя успѣха въ спорахъ, приказалъ Полякамъ разрушить языческіе жертвенники и храмы, и истребить идоловъ. Невооруженная толпа народа, уже оставленная своими вельможами, большею частію принявшими латинское крещеніе въ Краковѣ, и видя что дѣдовскіе боги не умѣютъ защитить сами себя, наконецъ согласилась принять крещеніе. Лѣтописецъ Стрійковскій пишетъ: „по приказанію Ягайлы, Литовцы язычники были раздѣлены на толпы, и каждую толпу латинское духовенство кропило освященною водой и давало цѣлой толпѣ одно

какое-либо христіанское имя; и такимъ образомъ заразъ было окрещено въ разныхъ мѣстахъ около тридцати тысячъ язычниковъ, кромѣ крещенныхъ уже прежде въ Краковѣ и въ Вильнѣ на сеймѣ, и кромѣ шляхты и бояръ, которыхъ для почета крестили поодиночкѣ. Ягайло, чтобы больше побудить простой народъ къ латинскому крещенію, приказалъ новокрещеннымъ выдавать по бѣлому суконному балахону, которые для сего были привезены изъ Польши въ большомъ количествѣ.

Такимъ образомъ хотя въ сущности обращено было въ латинство только меньшинство, и сравнительно незначительное, да и то только наружно; тѣмъ не менѣе латинская церковь объявлена господствующею въ великомъ княжествѣ Литовскомъ на всемъ его пространствѣ; и Ягайло, въ томъ же 1387 году, въ которомъ крестилъ Виленцевъ, издалъ новый законъ. По этому закону требовалось: 1) чтобы всѣ Литвины, проживающіе въ Литвѣ и на Руси, перешли въ католическую вѣру отъ всякой иной секты (значитъ и изъ православія); 2) чтобы новокрещенные не были отвлекаемы отъ послушанія римскому костелу и не женились на Русскихъ, и не выходили за нихъ замужъ, пока тѣ не перейдутъ въ послушаніе римскому костелу; 3) православныя русскія дѣвицы и женщины, выходя замужъ за католиковъ, обязаны принять католическую вѣру, а равно Русскіе или православные Литвины, вступая въ бракъ съ католичками, должны принять латинскую вѣру, подъ страхомъ телѣсныхъ наказаній непослушнымъ; 4) имѣнія данныя въ Литвѣ латинскимъ костеламъ и духовенству освобождаются отъ всѣхъ податей на государя и мѣстнаго владѣльца (*Скарб. дипломат.* Иг. Даниловича, т. I, стр. 266). Въ томъ же 1387 году, Ягайло построилъ въ Вильнѣ латинскій костелъ во имя Св. Станислава, учредилъ при немъ католическую архіепископскую каѳедру для всѣхъ Литовцевъ и назначилъ въ виленскіе архіепископы, прежде бывшаго духовника венгерской королевы Елизаветы, Поляка Андрея Возжилу, изъ дворянской фамиліи Ястребковичей, который въ 1388 году и былъ утвержденъ папскою буллой; потомъ, для распространенія латинства, самъ ѣздилъ по литовскимъ городамъ, вмѣстѣ съ латинскимъ духовенствомъ, и построилъ парафіальные костелы: въ Вилькомірѣ, Мешаголѣ, Неменчинѣ, Мѣдникахъ Литовскихъ, Кревѣ, Больцахъ и Гайновѣ (*Хрон. Стрійков.* стр. 446). Для возвеличенія же латинской церкви, Ягайло и

его двоюродный братъ Витовтъ къ каѳедральному костелу и парафіальнымъ костеламъ приписали по городамъ богатыя имѣнія и снабдили ихъ большими привилегіями; какъ это видно изъ опредѣленій Городеньскаго сейма 1400 года, гдѣ сказано: „Всѣ церкви въ Литовской землѣ, какъ каѳедральныя, такъ коллегіальныя, парафіальныя и конвентальныя, каковы Виленская и пр., какъ уже воздвигнутыя, такъ и тѣ которыя будутъ воздвигнуты, какъ снабженныя имѣніями, такъ и тѣ которыя будутъ снабжены, охраняемъ во всѣхъ ихъ вольностяхъ, неприкосновенностяхъ, привилегіяхъ, льготахъ и обычаяхъ, по такому же точно порядку, какъ въ Польскомъ королевствѣ" (*Wolum. leg.*, т. I, pag. 30).

Но крещеніе виленскихъ язычниковъ и объявленіе римской церкви господствующею или государственною церковью во всѣхъ литовскихъ владѣніяхъ еще не утвердило этой церкви и не дало ей полной силы въ литовскомъ народѣ; ея господство было только внѣшнее, поддерживаемое государственною властью и даже военною силой; ей еще предстояла продолжительная и упорная борьба. Жмудская страна, особенно много терпѣвшая отъ проповѣдниковъ латинства, приходившихъ туда съ огнемъ и мечомъ отъ нѣмецкаго и ливонскаго рыцарскихъ орденовъ, не хотѣла слышать о принятіи латинской вѣры. Мужественные Жмудины поголовно возстали на защиту своихъ дѣдовскихъ боговъ и безпощадно гнали отъ себя всѣхъ миссіонеровъ латинства, такъ что миссіонеры сіи перестали и являться туда; и только послѣ двадцати шести-лѣтней борьбы, соединеннымъ силамъ Ягайлы и Витовта, въ 1413 году, удалось наконецъ принудить Жмудиновъ къ принятію латинской вѣры. Ягайло самъ пришелъ въ Литовскую землю, и вмѣстѣ съ Витовтомъ, сопровождаемый большимъ войскомъ, истребилъ всѣ рощи и другія мѣста почитаемыя Жмудинами за жилища боговъ, и открылъ новую латинскую епископскую каѳедру въ Мѣдникахъ, или по-жмудски Ворнахъ (*Лѣт. Быхов.*, стр. 41), и на основаніи опредѣленій Городеньскаго сейма 1400 года приписалъ къ ней большія имѣнія и снабдилъ ее тѣми же привилегіями какъ и виленскую каѳедру. Но собственно открытіе жмудской или мѣдниковской епископской каѳедры послѣдовало въ 1417 году, для этого потребовалось разрѣшеніе отъ латинскаго собора, бывшаго въ то время въ Констансѣ и утвержденіе папы Мартына V. Вмѣстѣ съ епископскою каѳедрой въ Мѣд-

никахъ, Ягайло открылъ девять парафіальныхъ костеловъ въ главныхъ уѣздахъ Жмудской земли, именно: въ Ейраголѣ, Крожахъ, Мѣдницахъ, Россіенахъ, Видиклѣ, Велунѣ, Колтынянахъ, Цертахъ и Лукникахъ. Старшихъ ксендзовъ въ жмудскихъ парафіальныхъ костелахъ Ягайло назначилъ каноника-ми при епископскомъ каѳедральномъ капитулѣ въ Мѣдникахъ, и первымъ бискупомъ на Мѣдниковской каѳедрѣ посадилъ Нѣмца Матвѣя, виленскаго уроженца, знавшаго жмудскій языкъ. (Длугош. Lib. XI pag. 300.) Впрочемъ всѣ сіи распоряженія были только чисто внѣшними; Жмудины попрежнему оставались язычниками, и на другой же годъ по учрежденіи епископской каѳедры въ Мѣдникахъ поголовно возстали на бискупа и латинское духовенство, иныхъ побили, другихъ прогнали, а новопостроенные костелы разрушили, и снова стали приносить обычныя жертвы дѣдовскимъ богамъ. Витовтъ поспѣшилъ съ войскомъ подавить языческое возстаніе, казнилъ шестьдесятъ человѣкъ главныхъ заводчиковъ; но тѣмъ конечно не успокоилъ возбужденныхъ Жмудиновъ. Кровь ихъ еще нѣсколько лѣтъ лилась на защиту дѣдовской вѣры, хотя въ 1421 году папѣ Мартыну V и было донесено что Жмудины принадлежатъ уже къ членамъ римской церкви.

Такимъ образомъ латинская церковь между Литовцами и Жмудинами-язычниками была утверждена силою и не разъ возобновлявшимися кровопролитіями. Этой церкви, кромѣ борьбы съ язычествомъ, предстояла борьба съ православною восточною церковью, исповѣданіе которой было свободно во всѣхъ литовскихъ и жмудскихъ владѣніяхъ, не только между Русью изстари исповѣдовавшею эту вѣру, но и между Литвой и Жмудинами, изъ которыхъ также многіе принадлежали къ восточной церкви. Православные храмы и монастыри свободно строились и учреждались по литовскимъ и жмудскимъ городамъ, тогда какъ Жмудины поголовно разрушали костелы латинскіе построенные Ягайломъ и Витовтомъ. Латинское духовенство, прибывшее съ Ягайломъ въ Вильну для крещенія язычниковъ, съ неудержимою ревностью принялось было крестить силой и другую половину жителей Вильны, исповѣдовавшихъ уже восточное православіе; но твердое сопротивленіе такому насилію, выказанное православными, на сторону которыхъ стали многіе князья и вельможи, какъ русскіе такъ и литовскіе, уже исповѣдовавшіе православіе, съ перваго

же раза дало такой отпоръ, что латинскіе миссіонеры должны были отказаться по крайней мѣрѣ наружно отъ своей неумѣстной ревности. Ягайло и Витовтъ, руководители латинянъ, не желая поднять на себя заразъ и язычниковъ и христіанъ восточнаго исповѣданія, рѣшились оставить послѣднихъ въ покоѣ отъ явнаго и насильственнаго обращенія въ католичество; отъ Ягайла и Витовта даже дошло до насъ нѣсколько грамотъ охраняющихъ неприкосновенность разныхъ православныхъ церквей въ Вильнѣ и другихъ городахъ Литовскаго княжества, и даже утверждавшихъ за ними разныя привилегіи и недвижимыя имущества или вотчины, такъ что въ Римѣ и въ Польшѣ ревностные латинцы явно стали выказывать подозрѣніе на Ягайлу въ его будто бы сочувствіи къ православію; и онъ, чтобъ оправдать себя предъ папой и латинскимъ духовенствомъ, въ 1412 году, въ присутствіи стригонійскаго арцибискупа и кохмагистра Михаила, обратилъ въ латинскій костелъ великолѣпную православную каѳедральную церковь въ Перемышлѣ и приказалъ повыбросать изъ могилъ останки православныхъ похоронныхъ при этой знаменитой церкви. (Длугош. Lib. XI pag. 334.)

И дѣйствительно, католическому духовенству мудрено было не подозрѣвать Ягайлы и Витовта въ покровительствѣ православію; ибо оба сіи князя и ихъ ближайшіе преемники настолько еще сдерживали ревность латинянъ, что въ ихъ время не было выстроено ни одного латинскаго костела ни въ Полоцкѣ, ни въ Минскѣ, ни въ другихъ городахъ на востокѣ отъ Березины и по Неману, собственно въ русскихъ или давно обрусѣлыхъ земляхъ, гдѣ все населеніе сплошь исповѣдовало православіе восточной церкви; и латинство волей-неволей должно было ограничиваться только обращеніемъ еще некрещенныхъ язычниковъ Литвы и Жмуди, явно не касаться православныхъ восточной церкви и строить свои костелы только въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, гдѣ язычники жили рядомъ съ православными. По видимо покровительствуя православнымъ въ разныхъ случаяхъ, какъ Ягайло, такъ и Витовтъ только старались сдерживать всеобщее неудовольствіе большинства и такъ-сказать раздѣлять противниковъ латинства, въ сущности же оба князя, за одно съ латинскимъ духовенствомъ, не останавливались ни предъ какими мѣрами для нихъ сподручными чтобы возвысить латинство и унизить православіе; такъ уже въ первомъ повелѣніи

Ягайлы о введеніи въ Литву латинства, изданномъ 1387 году, было сказано что всѣ Литвины проживающіе на Литвѣ и на Руси должны перейти въ латинскую церковь отъ всякой другой секты, слѣдовательно и изъ восточнаго православія, которое латиняне называютъ сектой схизмой. Потомъ на Городеньскомъ сеймѣ 1413 года Ягайло и Витовтъ, объявивъ соединеніе Литвы съ Польшей, постановили: „что только принадлежащіе къ латинской церкви и принявшіе польскіе гербы князья и бояре литовскіе имѣютъ право пользоваться разными привилегіями установленными въ Польшѣ; а также въ высшія должности и достоинства въ государствѣ должно избирать не иначе какъ изъ фамилій принявшихъ латинскую вѣру; равнымъ образомъ въ совѣтъ государевъ могутъ быть допускаемы только исповѣдающіе латинство, а отнюдь не схизматики (то-есть православные восточной церкви), или иные невѣрные.“ Такимъ образомъ православные однимъ симъ постановленіемъ были сравнены чуть не съ язычниками и отодвинуты въ государственной службѣ и общественныхъ дѣлахъ на задній планъ; такъ что для поддержанія житейскихъ выгодъ и для достиженія высшихъ достоинствъ и должностей должны были волей-неволей переходить въ латинство, и конечно таковые отступники отъ православія бывали и можетъ-быть не совсѣмъ рѣдко. Затѣмъ на Констанскомъ соборѣ, въ 1415 году, была рѣчь подчинить православное духовенство папѣ и православную церковь въ литовскихъ владѣніяхъ соединить съ латинскимъ костеломъ, и эта мысль подчиненія православнаго духовенства папѣ, начиная съ Костанскаго собора вплоть до Брестской уніи, никогда не покидала римской куріи и постоянно руководила папскою политикой въ отношеніи къ православной церкви въ Литвѣ; она время отъ времени высказывалась то яснѣе, то какъ будто бы затаивалась, смотря по обстоятельствамъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

По указаніямъ Констанскаго собора или, по крайней мѣрѣ, въ его видахъ, великій князь литовскій Витовтъ созвалъ соборъ православныхъ епископовъ въ Новгородкѣ литовскомъ, и съ цѣлію ослабленія православной церкви въ своихъ владѣніяхъ настоялъ отдѣлить литовскую православную церковь отъ московской и выбрать особаго митрополита, въ которые и выбранъ былъ соборомъ Болгаринъ Григорій Цамблакъ, человѣкъ ученый, присутствовавшій на Констанскомъ соборѣ и представлявшійся папѣ Мартыну V; но таковое отдѣленіе

церкви и выборъ особаго митрополита на этотъ разъ не оправдали надежды Витовта подчинить православную литовскую церковь римскому папѣ. Григорій Цамблакъ оказался вполнѣ православнымъ и ревностнымъ пастыремъ церкви, нисколько не склоннымъ къ тому чтобы подчинить православную церковь римскому папѣ. Кромѣ того значительная часть Литовскихъ церквей, несмотря на опредѣленіе Новгородскаго собора, осталась вѣрною митрополиту московскому Фотію; такъ что самъ Витовтъ, въ 1427 году, нашелся вынужденнымъ дозволить московскому митрополиту попрежнему управлять тѣми церквами въ Литвѣ которыя признавали его святительскую власть. А въ 1432 году, самъ Ягайло долженъ былъ обѣщать жителямъ Луцка, исповѣдовавшимъ православную вѣру, что онъ не будетъ обращать ихъ церквей въ костелы и обезпечитъ неприкосновенность православнаго исповѣданія. Тѣмъ не менѣе ни Ягайло ни Витовтъ не думали отступать отъ основной мысли латинства, высказанной на Констанскомъ соборѣ, и соглашались на видимое покровительство православной церкви и какъ бы уравненіе въ правахъ съ латинскою церковью единственно потому, что по обстоятельствамъ не могли не соглашаться и при томъ всегда имѣли въ виду чтобы православная восточная церковь признавала свою зависимость отъ папы и никакъ не дерзала думать о своемъ распространеніи, и кажется только подъ сими условіями давали обѣщанія ей покровительствовать, и какъ скоро замѣчали въ православныхъ іерархахъ противное симъ условіямъ, то начинали ихъ преслѣдовать. Такъ, въ 1401 году, Витовтъ настоялъ чтобы лишенъ былъ сана луцкій епископъ Севастіанъ, не признававшій папской власти надъ своею церковью; или въ 1404 году, какъ скоро было донесено Витовту, что епископъ туровскій Антоній обращаетъ язычниковъ въ православную вѣру восточнаго исповѣданія; то онъ немедленно потребовалъ снять съ него епископскій санъ, а потомъ принудилъ его бѣжать въ Москву. (Narbut, т. 6. стр. 88.)

Но и такое условное и унизительное для православія примиреніе съ латинскою церковью отнюдь не заключалось въ характерѣ латинства, никогда не знавшаго терпимости. Латинское духовенство и олатиненные король Ягайло и великій князь Витовтъ постоянно преслѣдовали и нерѣдко явно высказывали одну цѣль,—во что̀ бы то ни стало унизить и даже уничтожить православіе, не пренебрегая

никакими средствами; только смуты, постоянно волновавшія Литву, вынуждали Ягайлу и Витовта по обстоятельствамъ дѣлать нѣкоторыя уступки православнымъ, нѣсколько сдерживать ревность латинскаго духовенства и такъ сказать еще считаться съ православною церковью, и какъ бы руководствоваться вѣротерпимостью, чего на дѣлѣ никогда не было. Главное препятствіе останавливавшее ревность католическаго духовенства состояло въ томъ что у православныхъ, во все время властвованія Ягайлы и при ближайшихъ его преемникахъ, почти постоянно былъ какой-либо покровитель изъ претендентовъ на великое княжество Литовское. Такъ первыя восемь лѣтъ по введеніи латинства въ Литву сторонникомъ и покровителемъ православныхъ былъ родный братъ Ягайлы, Казиміръ Скиригейло, котораго Ягайло, получивъ польскій королевскій престолъ, объявилъ великимъ княземъ Литовскимъ и подчинилъ ему всѣхъ тамошнихъ удѣльныхъ князей. Объ этомъ князѣ, ненавидимомъ католиками, литовскій историкъ іезуитъ Албертъ Вьюкъ Кояловичъ говоритъ: „Казиміръ Скиригейло, хотя вмѣстѣ съ братомъ своимъ королемъ (Ягайлою) и былъ обращенъ въ римское католичество въ Краковѣ, тѣмъ не менѣе, по наученію Русскихъ, между которыми выросъ, былъ болѣе склоненъ къ греческимъ обрядамъ, нерадѣлъ о распространеніи римской религіи между своими подданными, и заботу объ этомъ дѣлѣ или вовсе упускалъ изъ виду, или откладывалъ вдаль на будущее время.“ (*Histor. Litv.* Albert. Wijuk Kojalowicz pars. II, pag. 2.) Этотъ аттестатъ историка іезуита лучше всего свидѣтельствуетъ и о причинахъ непреклонной ненависти католиковъ къ Скиригейлу и о тѣхъ безчисленныхъ клеветахъ которыя сыпались на него польскими и литовскими хронистами, а за ними и историками, а также и о томъ почему при жизни Скиригейла ни король Ягайло ни латинское духовенство не смѣли слишкомъ напирать на православныхъ. Это же свидѣтельство Кояловича объясняетъ почему ревностный латинянинъ Ягайло, послѣ первой же неудачи въ войнѣ съ Витовтомъ, поспѣшилъ передать великокняжескую власть надъ Литвой еще недавнему своему врагу Витовту, а Скиригейла поручилъ Витовту же перевести въ Кіевъ. Явно что здѣсь дѣйствовали Поляки и латинское духовенство, для которыхъ Скиригейло, оставаясь великимъ княземъ литовскимъ, былъ очень опасенъ по своимъ близкимъ и сочувственнымъ отношеніямъ къ православнымъ.

Латинянамъ въ 1395 году хотя и посчастливилось сбыть съ рукъ Скиргейла, при помощи одного монаха, успѣвшаго отравить его ядомъ, изъ-подъ пальца спущеннымъ въ чашу вина; но лишивъ православную церковь одного ревностнаго защитника, они не избавились отъ покровителей той же церкви въ литовскомъ велико-княжескомъ домѣ. За Скиргейломъ явился родный его братъ Свидригайло Болеславъ, хотя и латинянинъ, но постоянный противникъ Ягайлы и Витовта; и посему долженствовавшій опираться на православныхъ, и ему православные всегда сочувствовали какъ своему покровителю, о чемъ мы находимъ прямыя свидѣтельства у того же историка, іезуита Кояловича. Такъ въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ говоритъ что православные виленскіе монахи въ 1394 году тайно держали сторону Свидригайла, какъ ревностнаго защитника ихъ секты. (Ibid. pag. 40.) Или въ другомъ мѣстѣ, описывая разныя партіи представлявшія своихъ претендентовъ на велико-княжеское достоинство по смерти Витовта, разказываетъ что иные и особенно русскіе вельможи желали Болеслава Свидригайла; ибо по опыту признавали его за покровителя своей религіи (ibid. pag. 140). Или при описаніи войны Свидригайла съ Сигизмундомъ, Кояловичъ прямо указываетъ что за Свидригайла почти вся Русь подняла оружіе (ibid. pag. 159). „То же самое было въ 1435 году, когда Русь для Свидригайла собрала такую рать, что Сигизмундъ поспѣшилъ вызвать войска изъ Польши“ (ibid. pag. 166). При таковыхъ отношеніяхъ Свидригайла къ православнымъ Русскимъ естественно латинянамъ нельзя было и думать объ упорномъ преслѣдованіи православія, а таковыя отношенія продолжались слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. А посему латинскіе короли Польши и великіе князья Литовскаго княжества, подъ грозой тѣснаго союза православной Руси съ Свидригайломъ, замышлявшимъ совершенное отдѣленіе Литвы отъ Польши и особенно ненавидѣвшимъ Поляковъ, волей-неволей во все это время должны были удерживаться отъ преслѣдованія православной церкви; и время отъ времени поступаться православнымъ разными правами и привилегіями, хотя по польскому обычаю большею частію только на бумагѣ, безъ желанія приводить въ исполненіе то что̀ съ большою торжественностью писалось въ грамотахъ. Такъ Владиславъ какъ преемникъ Ягайлы, при вступленіи своемъ на престолъ, далъ письменно торжественное обѣщаніе дать Русскимъ права и привилегіи одинаковыя съ Поляками

безъ отношенія къ различію вѣроисповѣданія; но это обѣщаніе, какъ свидѣтельствуетъ довольно откровенный польскій историкъ Длугошъ, не было исполнено подъ предлогомъ молодости, а потомъ и смерти короля. (*Hist. Pol.* Dlug. Lib. XI pag. 669.) На дѣлѣ же конечно при самомъ написаніи обѣщанія, несмотря на его торжественность, было уже положено не исполнять обѣщаннаго. Точно также въ 1443 году, Казиміръ, среди смутъ и подъ грозой тѣснаго союза православной Руси съ Свидригайломъ, далъ обѣщаніе поровнять въ общественномъ значеніи православное духовенство съ латинскимъ; но какъ скоро Свидригайло умеръ и междоусобія улеглись, то съ тѣмъ вмѣстѣ и данное обѣщаніе было или забыто, или осталось спорнымъ.

Но Ягайло и его ближайшіе преемники, постоянно встрѣчая покровителей православія въ своемъ же княжескомъ домѣ и послѣ первыхъ же неудачныхъ попытокъ видя невозможность явно и прямо преслѣдовать православныхъ и обращать ихъ въ латинство, тѣмъ не менѣе никогда не оставляли другаго плана высказаннаго на Констанскомъ соборѣ, и состоявшаго въ томъ чтобы незамѣтно вызывать православныхъ на соединеніе съ латинскою церковью, не измѣняя обрядовъ восточной церкви и только признавая зависимость отъ папы. Къ этой цѣли постоянно стремились и Ягайло съ своими ближайшими преемниками, и литовское духовенство и польскіе магнаты, видѣвшіе въ этомъ лучшее средство ослабить русскую національность. Такъ еще въ 1427 году, на Луцкомъ сеймѣ былъ поднятъ вопросъ о необходимости уніи между западною и восточною церковью въ Литвѣ; впрочемъ эта попытка, какъ рановременная, кончилась ничѣмъ, сами польскіе сенаторы признали унію еще неудобоисполнимою; ибо по собственному ихъ сознанію тогда православныхъ въ Литвѣ было гораздо болѣе чѣмъ католиковъ. Но скоро казавшееся невозможнымъ представилось осуществимымъ. Между православными іерархами въ Литвѣ оказалась, еще необъясненная въ исторіи, личность, Герасимъ епископъ смоленскій, и онъ же будто бы митрополитъ Русскій. Этотъ іерархъ, можетъ-быть получившій свой санъ при помощи латинствующихъ вельможъ при дворѣ Ягайлы или Свидригайлы, кажется, составилъ небольшую партію изъ плохихъ православныхъ и изъ католиковъ, къ которой вѣроятно принадлежалъ и Свидригайло; эта партія очевидно находила

возможнымъ соединеніе восточной церкви съ западною подъ властію папы. Были ли составлены какія правила этого соединенія, до насъ объ этомъ не дошло извѣстій; только слухъ о желаніи соединить церкви дошелъ до папы Евгенія IV, чрезъ Петра, нареченнаго епископа жмудскаго, пріѣзжавшаго въ Римъ для посвященія въ епископскій санъ, и чрезъ магистра Яна Никольсдорфа. И папа по этому слуху писалъ въ 1434 году къ Свидригайлу чтобъ онъ посовѣтовалъ Герасиму прежде всего созвать соборъ русскихъ епископовъ и всего духовенства, который бы далъ ему полномочіе вести съ папой дѣло о соединеніи церквей; и въ томъ же году и въ томъ же смыслѣ папа прислалъ бумагу и къ самому Герасиму. (*Scarb. dipl. Sap.* Danilowicza т. II, pag. 158.) Но былъ ли Герасимомъ созванъ соборъ по этому дѣлу неизвѣстно, а вѣроятнѣе собора не было; ибо въ слѣдующемъ же году Свидригайло сжегъ въ Витебскѣ самого Герасима за измѣническія сношенія его съ Сигизмундомъ, врагомъ Свидригайловымъ, и тѣмъ, кажется, кончилось дѣло соединенія церквей, затѣянное Герасимомъ и его безвѣстною партіей. Самъ папа Евгеній кажется не вѣрилъ въ успѣхъ этого предпріятія.

Но едва прошло два года по сожженіи Герасима, какъ въ 1437 году открылся соборъ въ Феррарѣ, а потомъ во Флоренціи, на который прибыли императоръ константинопольскій Іоаннъ Палеологъ, искавшій у папы помощи противъ Турокъ, и константинопольскій патріархъ со многими епископами греческой церкви, и куда также явился митрополитъ московскій и всея Руси, Грекъ Исидоръ, съ епископомъ суздальскимъ Аврамiемъ. На этомъ соборѣ были составлены правила соединенія церквей восточной и западной и подчиненія ихъ папѣ. Хотя соборъ этотъ, замышленный собственно изъ политическихъ видовъ, не привелъ къ надлежащему рѣшенію вопроса о соединеніи, и ни греческая, ни русская, ни прочія восточныя церкви не согласились съ его опредѣленіями; тѣмъ не менѣе онъ послужилъ самымъ сподручнымъ средствомъ для веденія дѣла уніи церквей въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и какъ замѣтилъ Віюкъ Кояловичъ, чрезъ митрополита Исидора доставилъ латинцамъ большія выгоды въ Литвѣ. (*Hist. Litw.* pars II, pag. 187.). Митрополитъ Исидоръ, бѣжавшій изъ Москвы, какъ ревностный распространитель уніи прибылъ въ Литву и началъ проповѣдовать соединеніе церквей, составленное на Флорентійскомъ соборѣ и будто бы

принятое всѣми восточными церквами, и чтобъ удобнѣе завлечь православныхъ къ уніи, въ 1443 году, убѣдилъ великаго князя литовскаго Казиміра дать православному духовенству въ Литвѣ одинаковыя права съ латинскимъ духовенствомъ, какъ уже безразличному вслѣдствіе соединенія восточной и западной церкви на Флорентійскомъ соборѣ; и съ этого времени являются въ Литвѣ партіи *унитовъ*, принимающихъ флорентійское соединеніе, и *дизунитовъ*, остающихся при древнемъ православіи. Первыхъ латинствующее литовское правительство покровительствуетъ, даетъ привилегіи равныя съ латинянами, а вторыхъ начинаетъ преслѣдовать, какъ непослушныхъ вселенскому собору.

Этотъ хитро придуманный Исидоромъ планъ обращенія православныхъ въ унію на первый разъ довольно удался, и іезуитъ Кояловичъ правду сказалъ что Исидоръ много потрудился на пользу латинства въ Литвѣ. Дѣйствительно съ этого времени, покрайней мѣрѣ офиціально, литовская православная церковь рѣзко отдѣлилась отъ сѣверо-восточной или московской, такъ что московскій митрополитъ всея Россіи вскорѣ пересталъ даже называться митрополитомъ кіевскимъ, и митрополитомъ кіевскимъ и всей западной Руси былъ объявленъ Исидоръ, и хотя обыкновенно жилъ въ Римѣ, тѣмъ не менѣе западная русская митрополія считалась за нимъ, и онъ присылалъ изъ Рима грамоты къ западнымъ русскимъ епископамъ, что̀ и продолжалось до 1458 года, когда папа Каллистъ объявилъ его титулованнымъ патріархомъ константинопольскимъ. На мѣсто себя въ западно-русскіе митрополиты Исидоръ представилъ папѣ своего любимца и ученика, унита Болгарина Григорія, вывезеннаго изъ Константинополя, бывшаго тамъ архимандритомъ Дмитріевскаго монастыря; папа Каллистъ утвердилъ Исидорово представленіе, и далъ повелѣніе проживавшему въ Римѣ константинопольскому патріарху, униту Григорію IV Маммѣ, посвятить Григорія въ митрополиты западной Руси. Новопосвященный митрополитъ Григорій, преемникомъ Каллиста, папою Піемъ II, былъ отправленъ въ Литву съ рекомендательными грамотами отъ папы и Исидора къ королю Казиміру и другимъ литовскимъ князьямъ. Въ Римѣ посылку Григорія въ Литву считали окончательнымъ обращеніемъ всей западной Руси въ унію; папа Пій II, въ своей грамотѣ къ Казиміру, не только объявилъ Григорія митрополитомъ всей западной Руси, но и прямо отчислилъ къ

его митрополіи слѣдующія девять русскихъ епархій: Брянскую, Смоленскую, Перемышльскую, Туровскую, Луцкую, Владимірскую на Волыни, Полотскую, Холмскую и Галицкую. Такимъ образомъ въ Римѣ уже измѣрили и границы унитской русской митрополіи, вѣроятно полагая что таковому распоряженію не будетъ противниковъ, а ежели и будутъ, то съ ними, при помощи олатыненаго правительства, немудрено будетъ управиться, и тѣмъ удобнѣе что къ этому времени Казиміръ освободился отъ грозы Свидригайла, а православные, не имѣя митрополита, повидимому, не могли дать надлежащаго отпора, и ихъ легко было смущать опредѣленіями Флорентійскаго собора, носившаго титулъ вселенскаго.

И дѣйствительно, торжество флорентійской уніи, повидимомо, было уже недалеко; Казиміръ, покорный повелѣніямъ папы, освободившись отъ Свидригайла и другихъ претендентовъ на престолъ, непрочь былъ привести въ исполненіе распоряженія римской куріи относительно западной русской митрополіи; православные находились въ крайности, у нихъ не было ни покровителя, ни руководителя, ни единства плана какъ дѣйствовать. Нѣкоторые изъ тамошнихъ епископовъ уже вошли въ общеніе съ Григоріемъ и признали его власть. Но неожиданно для латинянъ и ихъ единомышленниковъ, на помощь православнымъ западной Руси явились православные Руси восточной, Московской; въ Москвѣ, какъ только узнали о пріѣздѣ Григорія въ Литву, въ томъ же 1458 году, по повелѣнію великаго князя Василія Васильевича былъ созванъ соборъ восточно-русскихъ епископовъ, на которомъ флорентійскую унію и ея ревнителя Григорія, именуемаго митрополита кіевскаго, предали проклятію, и всѣ восточной Руси святители написали грамоту не входить въ общеніе съ Григоріемъ и не принимать отъ него никакихъ грамотъ. (*Ак. Истор.* Т. I. № 61.) Затѣмъ въ томъ же году, ревностный архипастырь московской православной церкви, митрополитъ Іона, отправилъ посломъ въ Кіевъ троицкаго игумена Вассіана, къ тамошней княгинѣ Анастасіи, супругѣ кіевскаго князя Александра Владиміровича, и ея дѣтямъ, чтобъ они твердо держались древняго православія и всѣхъ удерживали отъ общенія съ лжемитрополитомъ Григоріемъ, какъ отступникомъ православныя церкви и ученикомъ Исидоровымъ. А вслѣдъ за посольствомъ въ Кіевъ, въ томъ же году Іона отправилъ посланіе къ смоленскому епископу Мисаилу и окружное посланіе ко всѣмъ

епископамъ литовскимъ; въ обоихъ посланіяхъ онъ убѣждалъ чтобъ епископы литовскіе твердо держались православія и не признавали власти унита Григорія, какъ уже проклятаго на Московскомъ соборѣ за отступничество отъ православной церкви, и удерживали бы отъ того же врученную имъ отъ Христа паству православныхъ христіанъ, наказуя ихъ отъ божественныхъ писаній, хотя бы пришлось кому и пострадать за вѣру, какъ святымъ мученикамъ (ibid. № 62 и 63). Московскій соборъ и посланія митрополита Іоны имѣли громадное значеніе для православныхъ въ западной Россіи или великомъ княжествѣ; воодушевленные московскими посланіями, всѣ литовско-русскіе князья, еще неолатыненные, и почти всѣ литовскіе епископы съ своими паствами отказались признать митрополитомъ присланнаго папой Григорія и остались вѣрными православію. Король Казиміръ, какъ ревностный латинянинъ, началъ ихъ преслѣдовать подъ именемъ дизунитовъ; но это преслѣдованіе, предпринятое противъ громаднаго большинства, послужило только къ вящему утвержденію древняго православія, такъ что Григорій, именовавшійся митрополитомъ кіевскимъ, даже не смѣлъ пріѣхать въ Кіевъ. А когда въ 1472 году онъ умеръ въ Новгородѣ Литовскомъ; то православные, несмотря на всѣ происки латинянъ, отказались отъ всякихъ сношеній съ латинскимъ духовенствомъ и унитами, и въ 1474 году выбрали на кіевскую митрополію епископа смоленскаго Мисаила, ревностнаго защитника древняго православія. И съ этого времени, въ продолженіи 128 лѣтъ, не было уже унитскихъ митрополитовъ въ Литовскомъ княжествѣ, да вѣроятно и самихъ унитовъ Исидорова и Григоріева согласія было немного, они, должно-быть, по смерти Григорія, иные прямо перешли въ латинство, а другіе возвратились къ православію; по крайней мѣрѣ борьбы православія съ унитствомъ мы не встрѣчаемъ до Брестской уніи.

Видя полную безуспѣшность всѣхъ попытокъ привлечь православныхъ къ уніи съ латинскою церковью, польско-литовское правительство, по смерти унитскаго митрополита Григорія, наконецъ отказалось отъ мысли распространять унію и обратилось къ прежней политикѣ Ягайлы: обращать православныхъ прямо въ латинство и всѣми возможными средствами преслѣдовать не принимающихъ его. Таковому направленію политики конечно много способствовало и то что къ этому времени король Казиміръ успѣлъ смирить всѣхъ своихъ

противниковъ въ Литвѣ, и посему съ большею смѣлостью могъ гнать православныхъ, не имѣвшихъ уже за себя сильныхъ заступниковъ между литовскими князьями. Какъ бы то ни было, съ последней половины продолжительнаго Казимірова властвованія начались въ Литвѣ сильныя гоненія на православныхъ и постепенное уничтоженіе данныхъ имъ прежде правъ и привилегій. Литовскій историкъ Нарбутъ говоритъ: „Въ концѣ царствованія короля Казиміра и при сынѣ его Александрѣ появились въ Литвѣ религіозные фанатики, которые настояли на стѣсненіи прерогативъ всѣхъ христіанъ не состоящихъ въ единеніи съ римскимъ костеломъ, и преслѣдованія ихъ простерлись такъ далеко, что въ Вильнѣ и Витебскѣ православнымъ было запрещено строить новыя церкви и поправлять старыя; были приглашены въ Литву бернардины, которые взялись обращать Русскихъ въ латинство; бискупъ Войцехъ Таборъ поддерживалъ все это при дворѣ и въ сенатѣ. Бернардины разсѣялись по всей литовской Руси, проповѣдуя единство костела и намѣстничество Христово на землѣ въ лицѣ папы; сами русскіе священники и монахи, признавшіе унію, хлопотали объ отмѣнѣ православныхъ церковныхъ обрядовъ и о преслѣдованіи дизунитовъ.“ (Narbut, *Dzieje narod. St.* T. 8, pag. 467—469.) Свидѣтельство Нарбута согласно съ фактами разбросанными въ памятникахъ; только Нарбутъ напрасно отыскиваетъ какихъ-то фанатиковъ, появившихся будто бы только въ концѣ царствованія Казиміра, и до Казиміра, и при Казимірѣ, и послѣ него, главнымъ фанатикомъ всегда былъ, есть и будетъ римскій костелъ, и его основное правило—давить всѣхъ кому приходится быть съ нимъ въ соприкосновеніи; а въ Литвѣ рядомъ и за одно съ нимъ дѣйствовалъ другой еще фанатикъ—польская справа, съ непримиримою злобой всегда преслѣдовавшая русскую цивилизацію, какъ совершенно противуположную ей по своему строю, нетерпѣвшему порабощенія меньшихъ бо́льшими и незнакомому съ польскимъ быдломъ. При такихъ двухъ крупныхъ коллективныхъ фанатикахъ, нѣтъ надобности искать какихъ-то индивидуальныхъ фанатиковъ. Фанатизмъ въ преслѣдованіи православія и русской народности, какъ мы уже видѣли, никогда не прекращался ни въ латинскомъ костелѣ, ни въ польской справѣ, а только сдерживался обстоятельствами и особенно тѣмъ, что и католики и Поляки были еще очень слабы предъ русскимъ элементомъ въ западной Россіи, какъ прямо сознавались сами

польскіе сенаторы на Луцкомъ съѣздѣ въ 1427 году; въ концѣ же царствованія Казиміра латинство и польщизна значительно усилились во владѣніяхъ великаго княжества Литовскаго, и доселѣ сдерживаемый фанатизмъ преслѣдованія православныхъ поспѣшилъ развиться во всей своей жестокости.

Такъ Казиміръ, къ концу своей жизни, годъ отъ года сталъ издавать строгіе указы противъ православныхъ. Іезуитъ Віюкъ Колловичъ въ своей исторіи Литвы, подъ 1491 годомъ, говоря объ отпаденіи Сѣверскихъ князей, пишетъ: „Между прочими причинами къ отпаденію присоединилось и то что король жестокими указами противъ послѣдователей восточной церкви, къ которымъ принадлежали Сѣверскіе князья, старался распространить флорентійскую унію латинской церкви съ греческою“ (Kojal, par. II, p. 256). Но Кояловичъ здѣсь выражается несовсѣмъ точно и какъ іезуитъ прикрываетъ латинство флорентійскою уніей; приглашенные же въ Литву бернардины да и самъ Казиміръ въ это время требовали уже не уніи, а полнаго отреченія отъ православія и перекрещиванія; такъ что самъ папа вскорѣ нашелъ нужнымъ поумѣрить ревность польскихъ латинянъ, и къ Казимірову сыну, королю Александру, писалъ: „Вовсе нѣтъ надобности чтобы снова крестить всю Русь, а только требовать чтобы были послушны апостольскому престолу на основаніяхъ Флорентинскаго собора, а жить имъ по греческимъ обрядамъ и имѣть греческихъ поповъ“. (*Сборникъ Мухан.* 1е изд., стр. 109.) Русскіе князья, владѣвшіе разными удѣлами въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и исповѣдовавшіе православную вѣру, въ 1488 году коллективно жаловались константинопольскому патріарху на гоненіе за вѣру, прося благословенія на кіевскую митрополію архіепископу полоцкому Іонѣ, и писали такъ: „Молитву и прошеніе наше возсылаемъ святительству твоему, яко да учинитъ святыня твоя къ нашему утвержденію, ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ, милосердно да не умедлитъ отъ руки твоей мечъ духовный отцу нашему, имъ же оборонити насъ добро творящихъ“. (*Вилен. Археогр. Сборникъ*, т. I, стр. 3.) „Наконецъ гоненія за вѣру произвели то что большія русскія области съ своими князьями стали отпадать отъ Литвы; такъ въ 1490 году, князья Бѣлевскіе, Барятинскіе, Одоевскіе и Воротынскіе съ своими владѣніями передались московскому великому князю Ивану Васильевичу, а въ 1491 году, такъ же поступили князья

Сѣверскіе со всею Сѣверскою землей (то-есть съ цѣлымъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра), такъ что Москва, не дѣлавши никакихъ усилій, пріобрѣла огромное и богатое княжество.“ (*Kojalov.* par. II, pag. 254—255.) Но и этотъ тяжелый урокъ нисколько не образумилъ ни престарѣлаго Казиміра, ни сына его Александра, гоненіе на православныхъ продолжалось попрежнему, и довело дѣло до того, что московскій великій князь Иванъ Васильевичъ, при Александрѣ, объявилъ свое право на вмѣшательство за своихъ единовѣрцевъ и началъ продолжительную войну, кончившуюся постыднымъ миромъ для Литвы и Польши, большимъ разореніемъ и потерею многихъ важныхъ областей.

Но ни Казиміра, ни сына его Александра нельзя много винить въ гоненіяхъ на православіе и въ пагубныхъ послѣдствіяхъ ихъ гоненій для великаго княжества Литовскаго. Казиміръ и Александръ здѣсь были скорѣе только орудіями латинскаго костела и польской справы, съ которыми они не могли какъ слѣдуетъ бороться, по слабости и шаткости своего положенія въ томъ общественномъ строѣ который успѣлъ сложиться въ Польшѣ и Литвѣ. Латинскій костелъ и польская справа, забравшіе все въ свои руки въ Литвѣ и Польшѣ, главные виновники и двигатели гоненій на православіе и русскую народность, ничего не хотѣли знать и вѣдать о положеніи западно-русскаго государства, и быстро неслись къ его разложенію, неудержимо стремясь къ одному: обратить православныхъ въ латинянъ и Русскихъ въ Поляковъ. Тщетно Александръ думалъ поправить свои дѣла вступленіемъ въ бракъ съ Еленой московскою, дочерью великаго князя Ивана Васильевича; этотъ несчастный бракъ еще болѣе запуталъ дѣла. Латинскій костелъ и польская справа думали держать Елену какъ невольницу; не смѣя, по договору съ Московскимъ государемъ, прямо и насильно обратить ее въ латинство, они употребляли всѣ тайныя мѣры къ достиженію той же цѣли, подводили къ ней католическихъ законоучителей, не дозволяли строить русской придворной церкви, удаляли отъ нея бояръ и слугъ исповѣдующихъ православную вѣру и окружали ее католиками, а которую дочь княжескую или боярскую греческаго закона Елена возметъ къ себѣ во дворъ, то ее приказываютъ силою крестить въ латинство, какъ свидѣтельствуетъ великій князь Иванъ Васильевичъ въ своемъ отвѣтѣ венгерскому послу. (*Сборникъ*

Мухан., 1е изд., стр. 116.) Въ какомъ положеніи при-этомъ находился самъ Александръ, лично дружественно жившій съ своею умною супругой Еленой, лучшимъ свидѣтельствомъ служитъ слѣдующій отвѣтъ его московскому посольству: „А што есте намъ говорили отъ великаго кня: я Ивана Васильевича, чтобы мы дочери его, а нашей княгини поставили церковь греческаго закона, на переходѣхъ подлѣ ея хоромъ, ино князи наши и панове вся земля имѣютъ на то права и записи отъ предковъ нашихъ и отца нашего, и отъ насъ, и то въ правѣхъ записано чтобы церквей греческаго закона больше не прибавляти; ино намъ тыхъ правъ предковъ нашихъ и отца нашего, и нашихъ негодится рухати" (ibid. стр. 79). Въ этомъ отвѣтѣ подъ дипломатическою холодною формой ясно выступаетъ вся горечь тогдашняго положенія Александра. Онъ, такъ сказать, былъ связанъ по рукамъ и ногамъ даже въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ. Ежели онъ не имѣлъ уже возможности своей любимой супругѣ разрѣшить построеніе придворной православной церкви, которую онъ былъ обязанъ выстроить даже по брачному договору, то послѣ этого что̀ же могъ онъ сдѣлать вообще для своихъ подданныхъ исповѣдовавшихъ православную вѣру. А Александръ не лгалъ, говоря московскимъ посламъ что по законамъ онъ не можетъ построить православной придворной церкви, онъ дѣйствительно не могъ этого сдѣлать, еслибъ этого не дозволилъ римскій костелъ.

При Александровомъ преемникѣ Сигизмундѣ ревность латинскаго костела и польской справы къ подавленію православія и русской народности наконецъ развилась до невѣроятныхъ размѣровъ. Такъ въ 1509 году, по опредѣленію Петрковскаго сейма, король Сегизмундъ издалъ указъ, по которому предоставилъ назначеніе и содержаніе намѣстниковъ православной Галицкой митрополіи латинскому арцибископу во Львовѣ, и въ своемъ указѣ писалъ такъ: „Мы желая своимъ королевскимъ авторитетомъ способствовать преуспѣянію православной (латинской) вѣры въ здѣшнемъ краѣ, и имѣя въ виду грамоты за печатьми апостольскаго престола, данныя нашимъ предкамъ для возвышенія львовскаго костела, и по обязанности христіанскаго государя желая чтобы самые схизматики тѣмъ удобнѣе были приведены и присоединены къ христіанской вѣрѣ, или по крайней мѣрѣ исправились въ своихъ заблужденіяхъ, дали и обнародовали такой указъ, чтобы

настоящій архіепископъ львовскій, Бернардъ Вильчка и его преемники теперь и на будущее время сами назначали намѣстниковъ русскаго клироса во Львовѣ и въ другихъ мѣстахъ львовской епархіи; но на русскихъ поповъ этого указа не распространяемъ.“ (*Supplemen. ad. Hist. Russ. monum.* pag. 137.) Этотъ указъ, важный по своему содержанію, замѣчателенъ и по своей формѣ; въ немъ говорится о русской церкви, но ни разу не упомянуто имени этой церкви, она названа только клиросомъ Русскихъ; да и православные русскіе христіане названы не христіанами а схизматиками, которыхъ слѣдуетъ обратить въ христіанскую вѣру; въ подлинномъ указѣ сказано: „quo facilius ipsi schismatici ad religionem christianam adducantur et alliciantur.“ И такая уловка отнюдь не случайность: у насъ есть еще одинъ указъ Сигизмундовъ, въ которомъ безцеремонность поведена еще дальше. Въ указѣ отъ 31го марта 1522 года, объ утвержденіи намѣстникомъ галицкой митрополіи, избраннаго латинскимъ архіепископомъ Бернардомъ, дворянина Якима Гдашицкаго, Сигизмундъ не иначе называетъ православныя русскія церкви какъ синагогами; онъ пишетъ о новомъ намѣстникѣ, что далъ ему власть визитировать синагоги и поповъ, такъ-называемаго русскаго обряда; а посему ему должны повиноваться всѣ попы и служители синагогъ русскаго обряда (ibid. стр. 158). И этотъ указъ также не случайность, не прихоть короля, не фантазія писца королевской канцеляріи. Здѣсь, какъ и въ указѣ 1509 года, все писано по разсчету, король не могъ написать иначе, ибо такъ хотѣлъ латинскій костелъ, подталкиваемый польскою справой. И еслибы Сигизмундъ вздумалъ сопротивляться такому желанію костела, то поднялась бы страшная буря и самъ бы Сигизмундъ попалъ въ схизматики у латинскаго духовенства. Мы на это имѣемъ прямое доказательство въ одномъ случаѣ, бывшемъ съ Сигизмундомъ въ томъ же 1522 году и записанномъ въ исторіи Литвы у Віюка Кояловича: Сигизмундъ, желая сколько-нибудь достойно наградить князя Константина Острожскаго, знаменитѣйшаго полководца своего времени и спасителя отечества, назначилъ его палатиномъ въ Троки. Великихъ заслугъ князя Острожскаго никто не могъ отрицать, онѣ у всѣхъ были на глазахъ, забыть ихъ было еще некогда; но князь Острожскій былъ православный по вѣрѣ, крѣпко стоялъ за православіе и за-одно съ православнымъ духовенствомъ отвергалъ повиновеніе православныхъ

папѣ; и этого было достаточно чтобы на Гродненскомъ сеймѣ 1522 года поднялась страшная буря противъ Сигизмунда, дерзнувшаго сдѣлать таковое назначеніе. Латинствующіе вельможи, съ латинскимъ духовенствомъ во главѣ, прямо обратились къ королю съ протестомъ и говорили что древній ягайловскій законъ, не только свято соблюдаемый всѣми великими князьями литовскими, но и подтвержденный ими, не допускаетъ въ сенатъ и къ прочимъ достоинствамъ всѣхъ тѣхъ которые не хотятъ быть въ повиновеніи у римскаго папы; и протестующіе не прежде успокоились, какъ исторгли у короля торжественное обязательство, вооруженное всѣми публичными формальностями, чтобы ни онъ, ни его преемники ни въ какомъ случаѣ не допускали въ сенатъ людей не исповѣдующихъ католической вѣры. (Kojałow. par. II, pag. 380.) Послѣ таковой бури Сигизмунду мудрено было не назвать синагогой русской православной церкви въ указѣ данномъ дворянину Гдашицкому на намѣстничество въ галицкой митрополіи.

Въ указѣ Гдашицкому дѣло преслѣдованія и нетерпимости было дѣйствительно доведено до крайнихъ предѣловъ, далѣе которыхъ идти уже некуда. Костелъ потерялъ религіозное значеніе даже въ глазахъ католиковъ и обратился въ оружіе политической интриги противъ русской народности и православной церкви въ западной Россіи. Самъ король Сигизмундъ въ послѣдніе годы своего царствованія уже нашелся вынужденнымъ защищать православныхъ отъ своевольствъ и притѣсненій латинскаго духовенства; такъ до насъ дошелъ его указъ къ князю Яну, бискупу виленскому, отъ 1531 года, въ которомъ Іосифа, митрополита кіевскаго, уже называетъ архіепископомъ и митрополитомъ и требуетъ чтобы бискупъ запретилъ своему виленскому урядику судить и рядить виленскихъ православныхъ священниковъ, какъ состоящихъ въ вѣдѣніи кіевскаго митрополита, и прямо пишетъ въ своемъ указѣ: „ино вѣдь то рѣчь непотребная, чтобы урядникъ твоей милости поповъ закону греческаго смѣлъ судить и рядить“ (*Вилен. Археогр. Сбор.*, т. VI стр. 29.) Подобный же указъ, отъ 1533 года, былъ посланъ къ князьямъ, панамъ, воеводамъ, старостамъ, намѣстникамъ, тіунамъ, боярамъ и всѣмъ законникамъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, чтобъ они не дѣлали неправдъ и грабежей церковнымъ людямъ православна-

го исповѣданія и не вступалися въ духовныя дѣла и судъ митрополита кіевскаго (ibid. стр. 19.) Такимъ образомъ уже самъ Сигизмундъ перемѣнилъ свою рѣчь и церквей русскихъ не называетъ синагогами и защищаетъ кіевскаго митрополита отъ притѣсненій виленскаго латинскаго бискупа, и конечно измѣненіе тона въ королевскихъ указахъ послѣдовало недаромъ, значитъ оказалась перемѣна въ самомъ направленіи. Дѣйствительно къ концу царствованія Сигизмунда и особенно при его преемникѣ Сигизмундѣ-Августѣ сами латиняне уже не вѣрили въ свой костелъ.

Вслѣдствіе реформатскаго движенія, охватившаго Литву при Сигизмундѣ-Августѣ, началась полная реакція, явно въ пользу православной церкви. И Сигизмундъ-Августъ, въ своей грамотѣ ко львовскому арцибискупу, тому же Бернарду Вильчкѣ, отъ 9го апрѣля 1535 года, православныхъ Русскихъ уже называетъ христіанами и церкви ихъ величаетъ костелами, а не синагогами, и хотя почти съ извиненіями, но требуетъ отъ львовскаго арцибискупа чтобъ онъ дозволилъ назначенному отъ кіевскаго митрополита Макарія намѣстнику, архимандриту Іосифу, управлять свободно православными церквами въ львовской епархіи; какъ прямо сказано въ грамотѣ: „ижъ бы преченный архимандритъ, въ земляхъ ему приказанныхъ, могъ бы то выполняти съ костельными парсунами вѣры своей“ (*Ак. Зап. Рос.*, т. II, стр. 336). И это черезъ 12 лѣтъ послѣ Сигизмундова указа 1522 года; подлинно быстрая и полная реакція! Король чуть не равняетъ православной русской церкви съ латинскимъ костеломъ, по крайней мѣрѣ съ почтительностью говоритъ о той и другомъ, и даже русскаго митрополита въ своей грамотѣ называетъ: „учливый отецъ Макарій, грецкой вѣры и русской митрополитъ“. Таковаго униженія римскаго костела не потерпѣло бы католическое духовенство въ Польшѣ и Литвѣ двѣнадцать лѣтъ назадъ. Конечно и теперь латинскіе арцибискупы и бискупы еще своевольничали и дѣлали православнымъ жестокія притѣсненія, но русскій митрополитъ и другіе православные святители могли уже искать на нихъ управы предъ королемъ, и хотя съ большимъ трудомъ, но уже успѣвали въ этомъ, и латинскимъ бискупамъ въ таковыхъ случаяхъ оставалось только досадовать и горячиться, или прибѣгать къ самоуправству при помощи польскихъ пановъ своихъ пріятелей. Такъ въ 1540 году арцибискупъ львовскій, узнавши что галицкій намѣстникъ кіевскаго

митрополита Макарія получилъ отъ короля листъ освобождающій его отъ подчиненности ему арцибискупу, горячился и кричалъ: „я того не перестану пока я живъ; або вѣмъ суть Русь у моей моци: король того безъ мене не могъ дати.“ Но крикъ остался крикомъ, а подсылки поймать и убить намѣстника не удались, ибо за него стала вся православная львовская шляхта (ibid. стр. 361.) А въ 1545 году, по жалобѣ митрополита кіевскаго Іосифа на латинскихъ каплановъ, звонившихъ почью въ соборной православной церкви въ Вильнѣ и на самого виленскаго бискула Яна, что онъ не взыскиваетъ съ своихъ каплановъ за безпорядки и требуетъ на свой судъ православныхъ священниковъ, король Сигизмундъ, называя въ своей грамотѣ Іосифа митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и всея Руси, прямо писалъ къ князю Яну, бискупу виленскому: „рачилъ бы твоя милость впередъ своихъ духовныхъ повстягнути, абы такого находу и легкости (неуваженія) церквамъ ихъ закону греческаго не чинили, ижъ бы таковыя жалобы на нихъ на потомъ до насъ не доходили. „А что касается до звону и кгвалту церковнаго нынѣшняго, что митрополитъ жаловался, ино твоя бы милость митрополиту на тыхъ каплановъ право далъ и справедливость вчинилъ, и тотъ кгвалтъ церковный велѣлъ оправити такъ, какъ бы митрополиту въ томъ жаль не было“ (*Вилен. Ар. Сбор.*, т. VI, стр. 24). Князь Янъ, бискулъ виленскій, былъ главой всего латинскаго костела въ Литвѣ, и отъ него король потребовалъ дать законное удовлетвореніе кіевскому митрополиту, чтобы онъ не жаловался и былъ доволенъ; въ двадцатыхъ годахъ XVI столѣтія конечно подобное требованіе даже было немыслимо, жалоба митрополита кіевскаго тогда осталась бы безъ послѣдствій.

Вообще положеніе латинскаго костела въ литовскихъ владѣніяхъ въ XVI вѣкѣ быстро стало ухудшаться. Наглость и безцеремонность, съ какими онъ относился къ прочимъ христіанскимъ церквамъ, принесли ему самые горькіе плоды, какихъ онъ и не ожидалъ; вслѣдствіе своихъ нерелигіозныхъ отношеній къ прочимъ христіанскимъ церквамъ, онъ самъ, незамѣчая того, потерялъ религіозное значеніе въ глазахъ народа. И когда въ западной Европѣ начались религіозныя движенія, быстро распространившіяся и по литовскимъ владѣніямъ; то по свидѣтельству лѣтописи Стрыйковскаго: „въ то время мало уже кто вѣрилъ въ папу.“ (*Chronik.* Str. pag. 737.) На латинскій костелъ еще съ первыхъ годовъ XVI столѣтія

стали смотрѣть какъ на государственное, чисто политическое, а не религіозное учрежденіе, и епископскія каѳедры въ своемъ значеніи сравнялись съ воеводствами, старостствами, кастелянствами и подобными чисто мірскими государственными достоинствами и доходными статьями; на нихъ уже выбирались люди не по нравственнымъ качествамъ и не по способностямъ къ духовному сану, а по принадлежности по происхожденію къ тому или другому роду или фамиліи магнатовъ, какъ вознагражденіе за воинскія или гражданскія заслуги предковъ. И этотъ взглядъ принадлежалъ самому правительству и былъ утвержденъ закономъ еще съ первыхъ годовъ XVI столѣтія; именно, въ постановленіяхъ Радомскаго сейма 1505 года прямо сказано отъ имени королевы родительницы (Елисаветы): „по общему совѣту и по согласію всѣхъ нашихъ совѣтниковъ и по просьбѣ всего дворянства, симъ настоящимъ статутомъ и декретомъ освятили, уставили на вѣчныя времена, и безвозвратно опредѣлили чтобы между прочимъ къ каѳедральнымъ церквамъ въ епископы и въ прелаты, а къ колегіальнымъ церквамъ въ начальственныя достоинства были производимы только люди принадлежащіе къ сословію благородныхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ настрого запрещаемъ подъ наказаніемъ вѣчной ссылки и конфискаціи всего имущества, каковому наказанію подвергаемъ какъ тѣхъ которые какимъ бы то ни было образомъ осмѣлятся идти противъ настоящаго постановленія, отыскивая вышепомянутыхъ достоинствъ или принимая ихъ по предложенію, такъ и ихъ родителей, родственниковъ и тайныхъ и явныхъ помощниковъ. Такъ что, какъ только кто-либо не принадлежащій къ благороднымъ окажется противникомъ сего постановленія, симъ самымъ поступкомъ уже будетъ подвергнутъ помянутому наказанію, вмѣстѣ съ своими родителями и родственниками. Ибо какъ само дворянство (nobilitas) привыкло собственными шеями защищать государство въ военныхъ случаяхъ, и во время мира всегда стояло за церковь какъ за самого себя: то и никакимъ образомъ нельзя допустить чтобы правителями церкви были не тѣ которые служили ей защитою." (*Wol. leg.* T. I. pag 138.)

Ежели таковый явно нерелигіозный взглядъ на церковныя высшія должности утвержденъ былъ самимъ закономъ; то на практикѣ всѣ высшія церковныя должности просто обратились въ доходныя статьи магнатовъ, часто вовсе неспособныхъ къ занятію таковыхъ должностей, и даже недумав-

шихъ казаться способными и достойными, ни по жизни, ни по научному и религіозному образованію. Послѣ этого немудрено что въ Литвѣ въ XVI столѣтіи мало кто вѣрилъ въ папу и римскую церковь. Когда самая церковь даже по закону обратилась въ оброчную статью магнатовъ и ихъ фамилій, реформаціонныя движенія потянувшіяся изъ западной Европы здѣсь нашли уже готовую почву. Латинскій костелъ въ Литвѣ на время перестала быть орудіемъ къ подавленію русской народности въ западной Россіи. Мѣстнымъ интересамъ въ русскихъ областяхъ были даже сдѣланы значительныя уступки. Такъ значеніе русской православной церкви, какъ церкви христіанской, а не синагоги, было признано еще при Сигизмундѣ первымъ литовскимъ статутомъ 1530 года; въ 8мъ раздѣлѣ этого статута въ 7 артикулѣ сказано: „Уставуемъ ижъ о-речь земную и о доводъ держанья земли немаютъ припущоны быти Жидове, а ни Татарове, одно христіане латинскаго або греческаго закона.“ То же подтверждено статутомъ 1566 года, разд. IX, арт. 3. А въ XI раздѣлѣ того же статута, въ артик. 3, одинаково ограждаются отъ нападеній какъ латинскія, такъ и православныя русскія церкви и школы и дома священнослужителей. Въ законѣ сказано: „Тежъ еслибы кто пришедши кгвалтовнѣ на костелъ, або на цвинтару въ школѣ, або въ капланскомъ и поповскомъ дому кого забилъ або ранилъ; а тые раны значны были; тогды подъ таковымъ способомъ и доводомъ маетъ быти каранъ, яко вышеей о кгвалтовникахъ писано.“ А на Варшавскомъ сеймѣ 1564 года, когда была рѣчь о полномъ соединеніи народовъ Польскаго и Литовскаго въ одинъ народъ; то уже не было и помину объ уничтоженіи или пониженіи православной церкви; вопросъ былъ только о томъ какъ устроить и поровнять выборъ короля; ибо въ Польшѣ выборъ короля былъ свободный, а Литовское княжество считалось дѣдиною и отчиною Гедиминовичей. (*Wol. leg.* T. II. pag 29.) Далѣе, въ привилегіи 1869 года о присоединенія Волынской земли къ коронѣ польской сказано: „обыватели сей земли рады нашии духовные и свѣтскіе, княжата, панята, шляхта, рыцарство, также и духовные станы римскаго и греческаго закона чтобы познали нашу ласку: постановляемъ, чтобы ихъ города, замки, мѣста, осѣдлости, мѣстечки и веси со всѣми ихъ подданными были свободны отъ всякихъ пошлинъ и поборовъ. Къ тому же еще обѣщаемъ и обязываемся всѣхъ помянутыхъ

княжатъ земли Волынской и потомковъ ихъ, какъ римскаго, такъ и греческаго закона, содержать въ стародавной чести и достоинствѣ. Такимъ же образомъ обѣщаемъ и обязуемся достоинствъ и почестей и урядовъ нашей Волынской земли, духовныхъ и свѣтскихъ, великихъ и малыхъ, какъ римскаго, такъ и греческаго закона, не уменьшать, не затемнять, а охранять въ цѣлости." То же самое повторяется въ привилегіи на присоединеніе Кіевской земли, данной въ томъ же 1569 году. (*Wolum. leg.* T. II. pag. 82—87.) Такимъ образомъ давленіе и нетерпимость латинскаго костела въ западной Россіи въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій дошедшія до крайнихъ предѣловъ, съ тридцатыхъ годовъ XVI столѣтія на-время пріостановились; православная церковь, по наружности по крайней мѣрѣ, получила почти одинаковыя права съ латинскимъ костеломъ.

Но не долгъ былъ періодъ такого либерализма. Полякамъ по послѣднимъ разчетамъ нужна была унія политическая, то-есть полное соединеніе Польскаго и Литовскаго государства въ одно цѣлое (до сихъ же поръ было соединеніе только въ лицѣ короля, да и то большею частію при особомъ великомъ князѣ литовскомъ, какимъ преимущественно былъ наслѣдникъ польской короны); для полнаго же соединенія можно было пожертвовать временными уступками. За то какъ только, въ 1569 году, совершилась политическая унія на Люблинскомъ сеймѣ, какъ въ томъ же году уже призваны были въ Литву іезуиты. Извѣстіе о приглашеніи іезуитовъ первоначально такъ непріятно подѣйствовало не только на православныхъ, но и на латинянъ, что іезуитовъ неиначе можно было ввести въ Вильну, какъ подъ прикрытіемъ военной силы; но таковой пріемъ конечно не остановилъ іезуитовъ, они, поддерживаемые латинскимъ виленскимъ бискупомъ Валеріаномъ Протасевичемъ и грамотами короля, съ большимъ искусствомъ принялись за свое обычное дѣло сѣянія раздоровъ; сперва при помощи проповѣдей и училищъ они успѣли раздуть фанатизмъ латинянъ, а потомъ мало-по-малу начали сѣять раздоры между православными. Іезуиты особенно усилились при короляхъ Стефанѣ Баторіи, не уважавшемъ никакой религіи, и при Сигизмундѣ III, іезуитскомъ воспитанникѣ. Стефанъ Баторій, для польской короны перешедшій изъ протестанства въ латинство, желая привлечь къ себѣ расположеніе римскаго папы и Поляковъ, особенно покровитель-

ствовалъ іезуитамъ; при немъ іезуитскія колоніи распространились по всѣмъ литовскимъ владѣніямъ, и Виленскій коллегіумъ возведенъ на степень академіи; затѣмъ отцы іезуиты утвердились въ древнемъ православномъ Полотскѣ и до того тамъ усилились, что по милости короля завладѣли вотчинами всѣхъ православныхъ полотскихъ монастырей и церквей, не только въ Полотскомъ уѣздѣ, но и въ другихъ мѣстахъ; какъ прямо сказано въ королевской грамотѣ 1583 года: „яко есмо надали и фундовали на костелъ Божій и на коллегіумъ въ Полотску отцомъ іезуитомъ вси добра игуменскія и иншихъ всѣхъ монастыровъ и церквей замку и мѣстъ Полотскихъ, кромѣ самаго владычества; такъ и теперь умыслили и постановили есьмо тые села отцомъ іезуитомъ Полоцкимъ и декторови въ моцъ, въ держанье и уживанье ихъ подати и поступити.“ (*Ак. Зап. Рос.* т. III № 137.) Такимъ образомъ въ пользу іезуитовъ были обобраны всѣ полоцкіе монастыри и церкви, и оставлены неприкосновенными только вотчины полоцкаго архіепископа, какъ лица высокопоставленнаго, котораго тронуть было не безопасно; а по отобраніи имуществъ конечно уже не трудно было и закрыть обнищавшіе монастыри, и мало-помалу православный Полотскъ обратить въ гнѣздо латинства и іезуитизма.

Фанатизмъ католиковъ, по мѣрѣ усиленія іезуитовъ, быстро принималъ обширные размѣры, и достигъ того, что въ 1584 году католики, подъ предводительствомъ львовскаго латинскаго арцибискупа, князя Яна Димитрія Соликовскаго, въ навечеріи праздника Рождества Христова, во время богослуженія, съ безгвалтомъ напали на православныя церкви во Львовѣ, съ безчестіемъ выгнали служащихъ священниковъ, разогнали богомольцевъ, заперли и запечатали всѣ львовскія церкви, несмотря на протесты многихъ православныхъ дворянъ съѣхавшихся во Львовъ по случаю земскихъ сроковъ. Православный львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, вмѣстѣ съ православными галицкими дворянами, подалъ объ этомъ заявленіе въ галицкій гродскій судъ для производства суда и слѣдствія и наказанія виновныхъ; судъ тянулся цѣлый годъ, и это ясное и вопіющее дѣло было перенесено въ Варшаву къ самому королю, и кончилось тѣмъ что епископъ Гедеонъ, вмѣсто удовлетворенія за обиду и публичное оскорбленіе православной церкви, вынужденъ былъ подать мировую, да и то, кажется, по ходатайству такихъ мужей, какъ князь Константинъ Ос-

трожскій, воевода кіевскій и маршалокъ земли Волынской, панъ Станиславъ Жолкевскій, воевода Белзкій и другіе знаменитости; а безъ этого посредничества и ходатайства можетъ-быть былъ бы обвиненъ самъ Гедеонъ и православные галицкіе дворяне. (*Ак. Зап. Рос.* Т. III. №№ 140 и 147.) И все это дѣлалось когда православная церковь, по основнымъ законамъ утвержденнымъ на Люблинскомъ сеймѣ, находилась подъ покровительствомъ государства и въ своихъ правахъ была почти сравнена съ латинскимъ костеломъ, когда по хартіямъ повидимому не допускалось никакихъ гоненій и притѣсненій православной церкви.

Но львовское дѣло еще далеко не было такъ гибельно для православной церкви въ западной Россіи, какъ гибельны были распоряженія самого короля Стефана Баторія, хотя видимо и не грозившія церкви какимъ-либо угнетеніемъ, но на дѣлѣ причинившія ей страшныя разоренія, такія разоренія, что даже іезуитскій воспитанникъ Сигизмундъ III, въ 1589 году, нашелся вынужденнымъ отмѣнить распоряженія своего предшественника. Распоряженія сіи состояли въ томъ что по смерти или выбытіи православнаго митрополита, или епископа, или другаго начальственнаго духовнаго лица, всѣ церковныя имущества, какъ движимыя, такъ и недвижимыя, а равно самыя церкви и монастыри бывшія въ ихъ вѣдѣніи, до назначенія королемъ новаго митрополита или епископа или другаго начальственнаго лица, должны всецѣло находиться въ полновластномъ завѣдываніи мѣстныхъ воеводъ, земскихъ подскарбіевъ, старостъ, державцовъ и ихъ намѣстниковъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ таковаго порядка было то что всѣ имущества православныхъ церквей были разграблены, и даже бо́льшая часть документовъ на право владѣнія уничтожены; ибо временные самовластные разпорядители, не дававшіе никакого отчета въ своихъ распоряженіяхъ и преимущественно принадлежавшіе къ латинянамъ, распоряжались церковными имуществами въ свою пользу, продавали ихъ, дарили, брали на себя, а церковныхъ подданныхъ разоряли и разгоняли. (*Ак. Вилен. Коммис.* Т. II № 5.) Къ этому страшному злу для православной церкви присоединилось еще другое зло не менѣе тяжкое, король Стефанъ Баторій придумалъ отдавать православные монастыри и церкви въ награду за мірскія службы мірянамъ; и такимъ образомъ православные монастыри и церкви были обращены въ кормленья или доходныя статьи

служилыхъ людей, и почти то же было съ епископіями, какъ это подробно изложено въ посланіи галицкихъ православныхъ дворянъ къ кіевскому митрополиту Онисифору, въ 1585 году, гдѣ между прочимъ сказано что перемышльская епископія была отдана какому-то Стефану Брылинскому, тіуну и слугѣ пана старосты перемышльскаго, и панъ староста взялъ въ свою власть всѣ имѣнія епископства и распоряжается ими по своей волѣ, а епископъ, какъ его слуга, противъ своего господина и слова молвить не смѣетъ. А на другихъ епископіяхъ сидятъ люди также недостойные, и къ поруганію святаго закона на стольцахъ епископскихъ живутъ съ женами своими, кромѣ всякаго стыда и дѣтки плодятъ; а есть и по два епископа на одной епископіи. (*Ak. Зап. Рос.* T. III. № 146.)

Такимъ образомъ латинская церковь, слѣдуя внушеніямъ польской справы, вслѣдъ за Люблинской уніей, при помощи іезуитовъ, опять принялась преслѣдовать православіе, разорять и унижать православную церковь, завлекать всѣми возможными средствами православныхъ въ латинство, и при помощи правительства, въ самомъ управленіи православною церковью заводить безпорядки и передавать управленіе слабымъ и даже недостойнымъ людямъ, которые по своей жизни были только соблазномъ и поруганіемъ церкви. И все это дѣлалось для того чтобы православные, постоянно встрѣчая прямо бросающіеся въ глаза соблазны въ своей церкви, какъ бы по доброй волѣ переходили въ латинство. А когда это не удалось, то латинскій костелъ съ іезуитами обратился съ тѣми же средствами къ другой цѣли,—именно чтобы вынудить православныхъ на принятіе уніи, чего, при помощи русской же іерархіи, частію и достигъ, въ 1595 году, и съ тѣмъ вмѣстѣ переполнилъ западную Русь новыми бѣдствіями.

Мы прослѣдили вкратцѣ разные пріемы дѣятельности латинскаго костела въ западной Россіи или въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, отъ принятія латинской вѣры великимъ княземъ Ягайломъ Ольгердовичемъ до введенія Брестской церковной уніи, въ 1595 году, при Сигизмундѣ III. Заключимъ нѣсколькими общими замѣчаніями о характерѣ этой дѣятельности по отношенію къ русской церкви и русской народности въ западной Россіи.

Литовскій историкъ Нарбутъ, сторонникъ и латинской церкви и полнаго соединенія Литвы съ Польшей, такъ описываетъ положеніе западной Россіи въ религіозномъ отношеніи

до появленія тамъ латинства и вслѣдъ за его появленіемъ. „Христіанская вѣра восточнаго исповѣданія первая начала разпространяться въ языческой Литвѣ тихимъ путемъ свободнаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ, а не по приказу и принужденію. Литвины язычники нисколько не щитали за зло что живущіе между ними инородцы не покланялись ихъ мѣстнымъ богамъ; какъ была разница въ языкѣ, такъ допускалась терпимость въ вѣрѣ. Христіане русскіе и язычники Литвины составляли одно отечество подъ однимъ государемъ, засѣдали на одной скамьѣ и вмѣстѣ рядили о благѣ родины, вмѣстѣ шли на бой и складывали кости въ одной могилѣ; Литвинъ уважалъ знамя Св. Юрія на хоругви русской, а Русскій воздавалъ военную честь Богу Кавасу на знамени литовскомъ. А посему великіе князья, имѣя вѣрныхъ подданныхъ въ христіанской Руси, не касались ихъ религіозныхъ порядковъ, пока интересъ политическій не столкнулся съ религіознымъ. Ягайло, сдѣлавшись королемъ польскимъ и перешедши въ римско-католическую церковь, съ тѣмъ вмѣстѣ принялъ на себя обязанность нетолько обращенія язычниковъ, но и приведенія къ единству вѣры всѣхъ своихъ подданныхъ всѣми зависящими отъ него средствами.... Коротко сказать и въ Польшѣ и Литвѣ эпоха религіозной нетерпимости началась съ владычествованія Ягайлы и Витовта, то-есть со введенія латинскаго исповѣдованія въ Литву.“ * Такимъ образомъ по сознанію самихъ сторонниковъ латинской церкви, она вмѣсто мира и согласія, царствовавшихъ въ западной Руси, внесла мечъ и вражду, и сама явилась орудіемъ политической интриги веденной изъ Польши. Исторія этой церкви въ западной Россіи свидѣтельствуетъ, что она и въ послѣдствіе сохранила то же значеніе. Все что ни предпринимала эта церковь въ западной Россіи, — перекрещивала ли православныхъ, тянула ли ихъ въ унію и подъ верховную власть папы; все клонилось къ тому чтобы внести раздоръ въ западную Русь, расшатать народныя силы, создавшія великое княжество Литовское; посѣять вражду между дружественными и всею предшествовавшею исторіей тѣсно связанными другъ съ другомъ населеніями Литвы и Руси, составлявшими до введенія сюда латинской церкви одинъ мужественный народъ, дававшій отпоръ Полякамъ и нѣмецкимъ рыцарямъ въ Ливоніи и Пруссіи.

* Нарбутъ. Кн. 6, стр. 340.

Силой окрестивши Литву и Жмудь, латинская церковь отдѣлила эти два племени отъ Русскихъ и направила старанія на то чтобы стѣлать эти племена матеріаломъ для распространенія польщизны, усердно трудилась надъ уничтоженіемъ исконныхъ народныхъ обычаевъ и общественнаго строя народной жизни, и о замѣненіи всего этого польскими обычаями и польскимъ строемъ жизни. А Русскихъ въ то же время преслѣдовала и угнетала какъ схизматиковъ и явныхъ своихъ противниковъ. Жизнь Литовцевъ и Жмудиновъ она подтачивала тѣмъ что вводила въ нее чуждыя и даже враждебныя ей начала; а для разложенія строя общественной жизни Русскихъ не останавливалась ни предъ какими жертвами, смотря по удобству, одинаково употребляя то насиліе, то обманы. И надо сознаться что латинская церковь работала въ западной Россіи на пользу Польши съ удивительнымъ усердіемъ, и усердная работа эта принесла именно тѣ плоды которыхъ желала польская справа. Въ продолженіе первыхъ 180 лѣтъ отъ введенія латинства въ Литву, она наконецъ успѣла совершенно разстроить общественную жизнь и у Русскихъ и у Литовцевъ, такъ что великое княжество Литовское прежде грозное и для Поляковъ и для нѣмецкихъ сосѣднихъ рыцарскихъ орденовъ, почти потеряло возможность продолжать самостоятельную государственную жизнь, и волей-неволей на Люблинскомъ сеймѣ, въ 1569 году, должно было присоединиться къ Польской коронѣ, подъ льстивымъ титуломъ *равные къ равнымъ*, а на дѣлѣ какъ пригодный матеріалъ для поддержанія разшатаннаго внутренними безпорядками и своеволіемъ магнатовъ Польскаго государства.

И. БѢЛЯЕВЪ.

НА НОЖАХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БОЛЬ ВРАЧА ИЩЕТЪ.

VIII. Изъ балета *Два вора.*

Покойная ночь которую всѣ пожелали Висленеву была неспокойна. Простясь съ сестрой и возвратясь въ свой кабинетъ, онъ заперся на ключъ и началъ быстро ходить взадъ и впередъ. Думы его летѣли одна за другою толпами, словно онъ куда-то несся и обгонялъ кого-то на ретивой тройкѣ, ему, очевидно, было сильно не по себѣ: его точилъ незримый червь, отъ котораго нельзя уйти какъ отъ самого себя.

— Весь я истормошился и изнемогъ, говорилъ онъ себѣ. — Здѣсь какъ будто легче немного, въ отцовскомъ домѣ, но надолго ли?... Надолго ли они не будутъ знать что̀ я изъ себя сдѣлалъ?... Кто я и что̀ я?... Надо, надо спасаться! Дни ужасно быстро бѣгутъ, сбѣжали безвѣстно куда цѣлые годы, перевалило за полдень, а я еще не доигралъ ни одной игры.... Нѣтъ нужна рѣшимость.... квитъ или двойной кушъ!

Висленевъ нетерпѣливо сбросилъ пиджакъ и жилетку и уже

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 10.

хотѣлъ совсѣмъ раздѣваться, но вмѣсто того только завелъ руку за разстегнутый воротъ рубашки и до крови сжалъ себѣ ногтями кожу около сердца. Черезъ нѣсколько секундъ, онъ ослабилъ руку, подошелъ въ раздумьи къ столу, взялъ перочинный ножикъ, открылъ его и приставилъ къ крышкѣ портфеля.

„Разъ, и все кончено и все объяснится," пробѣжало въ его умѣ.

— Но если тутъ дѣйствительно есть такія деньги? Если.... Гордановъ не лгалъ, а говорилъ правду? Откуда онъ могъ взять такія цѣнныя бумаги? Это ложь.... Но однако какое же я имѣю право въ немъ сомнѣваться? Вѣдь во всѣхъ случаяхъ до сихъ поръ онъ меня выручалъ, а не я его.... И что же я выиграю оттого если удостовѣрюсь что онъ меня обманываетъ и хочетъ обмануть другихъ? Я ничего не выигрываю. А если онъ дѣйствительно владѣетъ вѣрнымъ средствомъ выпутаться самъ и меня выпутать, то я, обличивъ предъ нимъ свое невѣріе, послѣднимъ поклономъ всю обѣдню себѣ испорчу. Нѣтъ!

Онъ быстрымъ движеніемъ бросилъ далеко отъ себя ножъ, задулъ свѣчи и, распахнувъ окно въ садъ, свѣсился туда по грудь и сталъ вдыхать свѣжій ночной воздухъ.

Ночь была тихая и теплая, по небу шли грядками слоистыя облака и заслоняли луну. Дождь, не разошедшійся съ вечера, не расходился вовсе. На усыпанной пескомъ дорожкѣ противъ окна ларисиной комнаты лежали три полосы слабаго свѣта, пробивавшагося сквозь опущенныя сторы.

„Сестра не спитъ еще", подумалъ Висленевъ. „Бѣдняжка!.... Славная она, кажется, дѣвушка.... Только никакого въ ней направленія нѣтъ.... А въ правду, чортъ возьми, и нужно ли женщинамъ направленіе? Правила, я думаю, нужнѣе. Это такъ и было: прежде цѣнили въ женщинахъ хорошія правила, а нынче направленіе.... Мнѣ, по правдѣ сказать, въ этомъ случаѣ старина гораздо больше нравится. *Правило*, это нѣчто твердое, вѣрное, само себя берегущее и само за себя отвѣтствующее, а направленіе.... это: день мой — вѣкъ мой. Это все колеблется, перемѣняется и мятется, и въ своихъ перебиваніяхъ и въ своихъ задачахъ. И что такое это наше направленіе?... Кто мы и что мы? Мы лѣземъ на мѣста, не пренебрегаемъ властью, хлопочемъ о деньгахъ и полагаемъ что когда заберемъ въ руки и деньги и власть, тогда сдѣлаемъ и „об-

щее дѣло“.... Но вѣдь это все вздоръ, все это лукавство, никакъ не болѣе, на самомъ же дѣлѣ теперь о себѣ хлопочетъ каждый.... Гордановъ служилъ въ Польшѣ, а развѣ онъ любитъ Россію? Онъ потомъ учредилъ кассу ссудъ на чужое имя, и дралъ и съ живаго и съ мертваго, говоря что это нужно для „общаго дѣла“, но развѣ какое-нибудь общее дѣло видало его деньги? Онъ давалъ мнѣ взаймы.... но развѣ мое нынѣшнее положеніе при немъ не то же самое что положеніе Нѣмца котораго Блонденъ носилъ за плечами, ходя по канату? Я долженъ сидѣть у него на закоркахъ, потому что я *долженъ*.... Прегадкій каламбуръ! Но мой Блонденъ рано или поздно полетитъ внизъ головой.... онъ не сдобруетъ, этотъ чудотворецъ, заживо творящій чудеса, и я съ нимъ вмѣстѣ сломаю себѣ шею.... Я это знаю, я это чувствую и предвижу. Здѣсь, въ родительскомъ домѣ, мнѣ это ясно до боли въ глазахъ.... Мнѣ словно кто-то шепчетъ здѣсь: „кинь, брось его и оглянись назадъ.... А назади?...“

Ему въ это мгновеніе показалось что позади его кто-то дышетъ.

Висленевъ быстро восклонился отъ окна и глянулъ назадъ.

По полу, черезъ всю переднюю, лежала чуть замѣтная полоса слабаго свѣта и ползла чрезъ открытую дверь въ темный кабинетъ и здѣсь терялась во тьмѣ.

„Луна за облакомъ, откуда бы могъ быть этотъ свѣтъ?“ подумалъ Висленевъ, тихо вышелъ въ переднюю, и вздрогнулъ.

Высокій фасадъ большаго дома занимаемаго семействомъ Синтянина былъ весь теменъ, но въ одномъ окнѣ стояла легкая, почти воздушная бѣлая фигура, съ лицомъ ярко освѣщеннымъ двумя свѣчами, которыя горѣли у ней въ обѣихъ рукахъ.

Это не была Александра Ивановна, это легкая, эѳирная, полудѣтская фигура въ бѣломъ, но не въ бѣломъ платьѣ обыкновеннаго покроя, а въ чемъ-то въ родѣ ряски монастырской бѣлицы. Стоячій воротничокъ обхватываетъ тонкую, слабую шейку, дѣтскій станъ словно ловитъ пеленой и широкіе рукава до локтей открываютъ тонкія руки, озаренныя трепетнымъ свѣтомъ горящихъ свѣчъ. Съ головы на плечи вьются свѣтлыя русыя кудри, и два черные острые глаза глядятъ точно не видя, а уста шевелятся.

„И что̀ она дѣлаетъ, стоя со свѣчами у окна?“ размышлялъ Висленевъ. „И главное, кто это такой: ребенокъ, женщина или

пожалуй привидѣнье.... духъ!... Какъ это смѣшно! Кто ты? Мой ангелъ ли спаситель иль темный демонъ искуситель? А вотъ и темно.... Какъ странно у нея погасъ огонь! Я не видалъ чтобъ она задула свѣчи, а она точно сама съ ними исчезла.... Что̀ это за явленіе такое? Завтра первымъ дѣломъ спрошу что̀ это за фея у нихъ мерцаетъ въ ночи? Не призываюсь ли я вправду къ покаянію? О, да, о, да, какая разница, еслибъ я пріѣхалъ сюда одинъ, именно для одной сестры, или теперь?... Мнѣ тяжело здѣсь съ демономъ на котораго я возложилъ мои надежды. Сколько разъ я думалъ придти сюда какъ блудный сынъ, покаяться и жить какъ всѣ они, ихъ тихою, простою жизнью.... Нѣтъ, все не хочется смириться и надежда все лжетъ своимъ лепетомъ, да и нельзя: въ нашъ вѣкъ отсылаютъ къ самопомощи.... Самъ себѣ, говорятъ, помогай, то-есть что̀ же, крадь что ли, если не за что̀ взяться? Вотъ отъ этого и мошенниковъ стало очень много. Фу, Господи, откуда и зачѣмъ опять является въ окнѣ это бѣлое привидѣніе? Что̀ это?... Обѣ руки накрестъ и свѣчи у ушей взмахнула.... Нѣтъ ее.... и холодъ возлѣ сердца.... Ну, однако мои нервы съ дороги воюютъ. Давно пора спать. Нечего думать о мистеріяхъ блуднаго сына, теперь ужь настала пора ставить балетъ *Два вора*.... Что̀?... и онъ вдругъ вздрогнулъ при послѣднемъ словѣ и повторилъ въ умѣ „балетъ *Два вора*.“ „Ужасно!... А вонъ окно-то въ садъ открыто о сю пору.... Какая неосторожность! Садъ кончается неогороженнымъ обрывомъ надъ рѣкой.... Вору ничего почти не стоитъ забраться въ садъ и.... украсть портфель. Висленевъ перешелъ назадъ въ свой кабинетъ и остановился. Такъ ничего невозможно сдѣлать съ такою нерѣшительностью....“ соображалъ онъ, „оттого мнѣ никогда и не удавалось быть честнымъ что я всегда хотѣлъ быть честнѣе чѣмъ слѣдуетъ, я всегда упускалъ хорошіе случаи, а за дрянные брался.... Гордановъ бы не раздумывалъ на моемъ мѣстѣ обревизовать этотъ портфель, тѣмъ болѣе что сюда въ окна, напримѣръ, очень легко могъ влѣзть воръ, взять изъ портфеля цѣнныя бумаги.... а портфель.... бросить разрѣзанный въ саду.... Отчего я не могу этого сдѣлать? Низко?... Передъ кѣмъ? Кто можетъ это узнать?... Гораздо хуже я хотѣлъ звать слѣсаря. Слѣсарь свидѣтель.... По самого себя стыдно. Сердце бьется! Но я вѣдь и не хочу ничего взять себѣ, это будетъ только хитрость, чтобы знать: есть у Горданова средства повести

какія-то блестящія дѣла, или все это вздоръ? Конечно, конечно: это простительно, даже это нравственно разоблачать такое темное мошенничество! Иначе никогда на волю не выберешься.... Гдѣ ножъ?... Куда я его бросилъ?“ шепталъ онъ, дрожа и блуждая взоромъ по темной комнатѣ. „Фу, какъ темно! Онъ, кажется, упалъ подъ кровать....“

Висленевъ началъ шарить впотьмахъ руками по полу, но ножа не было.

— Какая глупость! Гдѣ спички?

Онъ началъ осторожно шарить по столу, ища спичекъ, но и спичекъ тоже не было.

— Все не то, все попадается портфель.... Вотъ кажется и спички.... Нѣтъ!... Однакоже какая глупость.... съ кѣмъ это я говорю и дрожу.... Гдѣ же спички?... У сестры все такъ въ порядкѣ и нѣтъ спичекъ.... Что?... Съ какой стати я сказалъ: „у сестры“.... Да, это правда, я у сестры, и на столѣ нѣтъ спичекъ.... Это оттого что онѣ вѣрно у кровати.

Онъ, чуть касаясь ногами пола, пошелъ къ кровати: здѣсь было еще темнѣе. Опять надо было искать на ощупь, но Висленевъ, проводя руками по маленькому столику, вдругъ неожиданно свалилъ на полъ колокольчикъ, и съ этимъ быстро бросился обутый и въ панталонахъ въ постель, и закрылся съ головой одѣяломъ.

Его обливалъ потъ и въ то же время била лихорадка, въ головѣ все путалось и плясало, сдавалось что по комнатѣ кто-то тихо ходитъ, стараясь не разбудить его.

— Не лучше ли дать знать что я не крѣпко сплю и близокъ къ пробужденію? подумалъ Іосафъ Платоновичъ, и притворно вздохнулъ соннымъ вздохомъ, и потянувшись совлекъ съ головы одѣяло.

Въ жаркое лицо ему пахнула свѣжая струя, но въ комнатѣ было все тихо.

— Сестра притихла, или она вышла, подумалъ онъ и ворохнулся посмѣлѣе.

Конецъ спустившагося одѣяла задѣлъ за лежавшій на полу колокольчикъ, и тотъ, медленно дребезжа о края язычкомъ, покатился по-полу. Вотъ онъ описалъ полукругъ, и все стихло, и снова нигдѣ ни дыханья, ни звука, и только слышно Висленеву какъ крѣпко ударяетъ сердце въ его груди. онъ слегка разомкнулъ рѣсницы, и видитъ—темно.

— Да можетъ-быть сестра сюда вовсе и не входила, мо-

жетъ все это мнѣ только послышалось.... или можетъ-быть не послышалось.... а сюда входила не сестра.... а садъ кончается обрывомъ надъ рѣкой.... ограды нѣтъ, и воръ.... или *онъ самъ* могъ все украсть, чтобы послѣ обвинить меня и погубить!

Висленевъ быстро сорвался съ кровати, потянулъ за собою одѣяло, и кинувшись къ столу, судорожными руками нащупалъ портфель и палъ на него грудью.

Нѣсколько минутъ онъ только тяжело дышалъ и потомъ, медленно распрямляясь, всталъ, прижалъ портфель обѣими руками къ груди и высунувшись изъ окна, поглядѣлъ въ садъ.

Ночь темнѣла предъ разсвѣтомъ, а на пескѣ дорожки попрежнему мерцали три полоски свѣта, проходящаго сквозь шторы италіянскаго окна ларисиной спальни.

— Неужто это Лара до сихъ поръ не спитъ? А можетъ-быть у нея просто горитъ лампада. Пойти бы къ ней и попросить у нея спички? Что же такое? Да и вообще чего я пугаюсь! Вздоръ все это; гиль? Я не только долженъ удостовѣриться, а я долженъ.... взять, да, взять, взять.... средство чтобы самому себѣ помогать.... Презираю себя, презираю другихъ, презираю то что меня могутъ презирать, но ужь кончу же это все разомъ! Прежде всего разбужу сестру и возьму спичекъ, тутъ нѣтъ ничего непозволительнаго? Нездоровится, неспится, а спичекъ не поставлено, или я не могу ихъ найти?

Висленевъ прокрался въ самый темный уголъ къ камину и поставилъ тамъ портфель за часы, а потомъ подошелъ къ запертой двери въ залъ, и осторожно повернулъ ключъ.

Замочная пружина громко щелкнула, и дверь въ залу отворилась.

Ну ужь теперь надобно идти!

Онъ подошелъ къ дверямъ сестриной комнаты, но вдругъ спохватился и сталъ.

— Это никуда не годится, рѣшилъ онъ.—Зачѣмъ мнѣ огонь? Въ саду можетъ кто-нибудь быть, и ему все будетъ видно ко мнѣ въ окно что я дѣлаю! Теперь ночь, это правда, но самыя неожиданныя случайности часто выдавали самыя вѣрно разчитанныя предпріятія. Положимъ, я могу опустить штору, но все-таки будетъ извѣстно что я просыпался, и что у меня былъ огонь.... тѣнь можетъ все выдать, надо бояться и тѣни.

Онъ сдѣлалъ два шага назадъ и остановился противъ балконной двери.

— Не лучше ли отворить эту дверь? Это было бы прекрасно.... Тогда могло бы все пасть на то что забыли запереть дверь, и ночью взошелъ воръ, но....

Онъ ужь хотѣлъ повернуть ключъ, и остановился: опять пойдетъ это замочное щелканье, и потомъ.... это неловко.... могутъ пойти гадкіе толки, вредные для чести сестры....

Висленевъ отмѣнилъ это намѣреніе и тихо возвратился въ свой кабинетъ. Осторожно, какъ можно тише притворилъ онъ за собою дверь изъ залы, пробрался къ камину, на которомъ оставилъ портфель, и вдругъ чуть не свалилъ завѣтныхъ часовъ. Его даже облилъ холодный потъ, но онъ впотьмахъ не зная самъ какимъ чудеснымъ образомъ подхватилъ часы на лету, взялъ въ руки портфель и отдохнувъ минуту отъ волненія, началъ хладнокровно шарить руками, ища по-полу заброшеннаго ножа.

Хладнокровная работа оказалась далеко успѣшнѣе давишнихъ судоргъ, и ножикъ скоро очутился въ его рукахъ. Взявъ въ руки ножъ, Висленевъ почувствовалъ твердое и неодолимое спокойствіе. Сомнѣнія его сразу покинули, — о страхахъ не было и помину. Теперь ему никто и ничто не помѣшаетъ вскрыть портфель, узнать дѣйствительно ли тамъ лежатъ цѣнныя бумаги и потомъ свалить все это на воровъ. Размышлять больше не о чемъ, да и некогда, ножъ, крѣпко взятый рѣшительною рукой, глубоко вонзился въ спай крышки портфеля но вдругъ Висленевъ вздрогнулъ, ножъ завизжалъ, вырвался изъ его рукъ, точно отнятый стороннею силой и упалъ куда-то далеко за окномъ, въ густую траву, а въ комнатѣ, среди глубочайшей ночной тишины, съ рычаньемъ раскатился оглушительный звонъ, трескъ, шипѣніе, свистъ и грохотъ.

Висленевъ схватился за косякъ окна и не дышалъ, а когда онъ пришелъ въ себя, предъ нимъ стояла со свѣчей въ рукахъ Лариса, въ ночномъ пеньюарѣ и кругломъ фламандскомъ чепцѣ на черныхъ кудряхъ.

— Что здѣсь такое, Joseph? спросила она голосомъ тихимъ и спокойнымъ, но наморщивъ лобъ, и острымъ взглядомъ окидывая комнату.

— А.... Что такое?

— Зачѣмъ ты пустилъ эти часы! Они уже восемнадцать лѣтъ стояли на минутѣ батюшкиной смерти.... а ты ихъ стронулъ

— Ну, да я испугался и самъ! заговорилъ оправляясь Вис-

леневъ. — Они подняли здѣсь такой содомъ что мертвый бы впалъ въ ужасъ.
— Ну да, это немудрено, у нихъ давно все перержавѣло, и разумѣется, какъ колеса пошли, такъ и скатились всѣ до новаго завода. Тебѣ не надо было ихъ пускать.
— Да я и не пускалъ.
— Помилуй, кто же ихъ пустилъ? Они всегда стояли.
— Я тебѣ говорю что я ихъ не пускалъ.
— Ты вѣрно ихъ толкнулъ или покачнулъ неосторожно. Они стояли безъ четырехъ минутъ двѣнадцать, прошли нѣсколько минутъ и начали бить, пока сошелъ заводъ. Я сама не менѣе тебя встревожилась, хотя я еще и не ложилась спать.
— А я вѣдь, представь ты, спалъ и очень крѣпко спалъ, и вдругъ здѣсь этотъ шумъ и.... кто-то.... словно бросился въ окно.... я вспрыгнулъ и вижу.... портфель.... гдѣ онъ?
— Онъ вотъ у тебя у ногъ.
— Да вотъ.... и онъ нагнулся къ портфелю.
Лариса быстро отвернулась, и подойдя къ камину, на которомъ стояли часы, начала поправлять ихъ, а затѣмъ задула свѣчу, и переходя безъ огня въ переднюю, остановилась у того окна у котораго не задолго предъ тѣмъ стоялъ Висленевъ.
— Чего ты смотришь? спросилъ онъ выходя вслѣдъ за сестрой.
— Смотрю нѣтъ ли кого на дворѣ.
— Ну и что же: нѣтъ никого?
— Нѣтъ я вижу, кто-то прошелъ?
— Кто прошелъ? Кто?
— Это вѣрно жандармъ.
— Что? жандармъ! Зачѣмъ жандармъ? И Висленевъ подвинулся за сестрину спину.
— Здѣсь это часто.... Къ Ивану Демьянычу депеша или бумага, и больше ничего.
— А, ну такъ будемъ спать!
Лариса не подала брату руки, но молча подставила ему лобъ, который былъ холоденъ какъ кусокъ свинца.
Висленевъ ушелъ къ себѣ, заперся со всѣхъ сторонъ и опуская штору въ окнѣ, подумалъ: „Ну, чортъ возьми совсѣмъ! Хорошо что это еще такъ кончилось! Конечно, тамъ мой ножъ за окномъ.... Но впрочемъ кто же знаетъ что это мой

ножъ?... Да и если я не буду спать, то я на зарѣ пойду и отыщу его....

И съ этимъ онъ не замѣтилъ какъ уснулъ.

Лариса между тѣмъ, войдя въ свою комнату, снова заперлась на ключъ, и ставъ на срединѣ комнаты, окаменѣла.

— Боже! Боже мой! прошептала она, приходя черезъ нѣсколько времени въ себя,—да неужто же мои глаза.... Неужто онъ!

И она покрылась яркою краской багроваго румянца и перешла изъ спальни въ столовую. Здѣсь она сѣла у окна и спрятавшись за косякомъ, рѣшилась не спать пока настанетъ день и проснется Синтянина.

Ждать приходилось не долго, на дворѣ уже замѣтно сѣрѣло, и у сосѣда Висленевыхъ, въ клѣткѣ, на высокомъ шестѣ, перепелъ громко ударялъ свое утреннее „бакъ-ба-бакъ!“

IX. Дока на доку нашелъ.

Чтобъ идти далѣе, надо возвратиться назадъ, къ тому полуночному часу въ который Гордановъ уѣхалъ изъ дома Висленевыхъ къ себѣ въ гостиницу.

Мы знаемъ что, когда Павелъ Николаевичъ пріѣхалъ къ себѣ, было безъ четверти двѣнадцать часовъ. Онъ велѣлъ отпрягать лошадей и, проходя по корридору, кликнулъ своего новаго слугу.

— Ко мнѣ должны сейчасъ пріѣхать мои знакомые: дожидай ихъ внизу и встрѣть ихъ и приведи, велѣлъ онъ лакею.

— Понимаю-съ.

— Ничего ты не понимаешь, а иди и дожидайся. Подай мнѣ ключъ, я самъ взойду одинъ.

— Ключа у меня нѣтъ-съ, потому что тамъ, въ передней, васъ ожидаютъ съ письмомъ отъ Бодростиныхъ.

— Отъ Бодростиныхъ! изумился Гордановъ, который ожидалъ совсѣмъ не посланнаго.

— Точно такъ-съ.

— Давно?

— Минуты три не больше, я только проводилъ и шелъ сюда.

— Хорошо, все-таки жди внизу, приказалъ Гордановъ и побѣжалъ вверхъ, прыгая черезъ двѣ и три ступени.

— Человѣкъ съ письмомъ! думалъ онъ, это конечно, ей по-

мѣшало что-нибудь очень серіозное. Чортъ бы побралъ всѣ эти препятствія въ такую пору, когда все больше чѣмъ когда-нибудь виситъ на волоскѣ.

Съ этимъ онъ подошелъ къ двери своего ложемента, нетерпѣливо распахнулъ ее и остановился.

Корридоръ былъ освѣщенъ, но въ комнатахъ стояла непроглядная темень.

— Кто здѣсь? громко крикнулъ Гордановъ на порогѣ и мысленно ругнулъ слугу что въ номерѣ нѣтъ огня, но замѣтивъ въ эту минуту маленькую гаснущую точку только что задутой свѣчи, повторилъ гораздо тише:

— Кто здѣсь такой?

— Это я! отвѣчалъ ему изъ темноты тихій, но звучный голосъ.

Гордановъ быстро переступилъ порогъ и заперъ за собою дверь.

Въ это мгновеніе плеча его тихо коснулась мягкая, нѣжная рука. Онъ взялъ эту руку и повелъ того кому она принадлежала къ окну, въ которое слабо свѣтилъ снизу уличный фонарь.

— Ты здѣсь? воскликнулъ онъ, взглянувъ въ лицо таинственнаго посѣтителя.

— Какъ видишь.... Одинъ ли ты, Павелъ?

— Одинъ, одинъ, и сейчасъ же совсѣмъ отошлю моего слугу.

— Пожалуста, скорѣй пошли его куда-нибудь далеко... Я такъ боюсь... вѣдь здѣсь не Петербургъ.

— О, перестань все знаю и самъ дрожу.

Онъ свѣсился въ окно и позвалъ своего человѣка по имени.

— Куда бы только его послать, откуда бы онъ не скоро воротился?

— Пошли его на извощикѣ въ нашу оранжерею купить цвѣтовъ. Онъ не успѣетъ воротиться раньше утра.

Гордановъ ударилъ себя въ лобъ и воскликнувъ: „отлично“! выбѣжалъ въ корридоръ. Здѣсь столкнувшись носъ съ носомъ съ своимъ человѣкомъ, онъ далъ ему двадцать рублей и строго приказалъ сейчасъ же ѣхать въ бодростинское подгородное имѣніе, купить тамъ у садовника букетъ цвѣтовъ какой возможно лучше и привезти его къ утру.

Слуга поклонился и исчезъ.

Гордановъ возвратился въ свой номеръ. Въ его гостиной теплилась стеариновая свѣча, слабый свѣтъ которой былъ

заслоненъ темнымъ силуэтомъ человѣка, стоявшаго ко входу спиной.

— Ну вотъ мы и совсѣмъ одни съ тобой! заговорилъ Гордановъ, замкнувъ на ключъ дверь и направляясь къ силуэту.

Фигура молча повернулась и начала нетерпѣливо разстегивать напереди частыя пуговицы черной шинели.

Гордановъ быстро опустилъ занавѣсы на всѣхъ окнахъ, зажегъ свѣчи, и когда кончилъ, предъ нимъ стояла высокая, стройная женщина, съ подвитыми въ кружокъ темнорусыми волосами, большими сѣрыми глазами, свѣжимъ, пріятнымъ лицомъ, которому небольшой вздернутый носъ и полныя пунсовыя губы придавали выраженіе очень смѣлое и въ то же время пикантное. Гостья Горданова была одѣта въ черной бархатной курточкѣ, въ такихъ же панталонахъ и высокихъ, черныхъ лакированныхъ сапогахъ. Бѣлую, довольно полную шею ея обрамлялъ отложной воротничокъ мужской рубашки, застегнутой на груди брилліантовыми запонками, а у ногъ ея на полу лежала широкополая, сѣрая мужская шляпа и шинель. Однимъ словомъ, это была сама Глафира Васильевна Бодростина, жена престарѣлаго губернскаго предводителя дворянства, Михаила Андреевича Бодростина, — та самая Бодростина которую не разъ вспоминали въ висленевскомъ саду.

Сбросивъ неуклюжую шинель, она стояла теперь похлопывая себя тоненькимъ хлыстикомъ по сапогу и съ легкою тѣнью ироніи, глядя прямо въ лицо Горданову, спросила его:

— Хороша я, Павелъ Николаичъ?

— О да, о да! Ты всегда и во всемъ хороша! отвѣчалъ ей Гордановъ, ловя и цѣлуя ея руки.

— А я тебѣ могу вѣдь, какъ Татьяна, сказать что „прежде лучше я была и васъ, Онѣгинъ, я любила“.

— Тебѣ нѣтъ равной и теперь.

— А затѣмъ мнѣ знаешь что̀ надобно сдѣлать?... Повернуться и уйти, сказавъ тебѣ прощайте, или... даже не сказавъ тебѣ и этого.

— Но ты разумѣется такъ не поступишь, Глафира?

Она покачала головой и проговорила:

— Ахъ Павелъ, Павелъ, какой ты гнусный человѣкъ!

— Брани меня какъ хочешь, но одного прошу: позволь мнѣ прежде все разказать тебѣ?...

— Зачѣмъ?... Ты только будешь лгать и сдѣлаешься жалокъ

мнѣ и гадокъ, а я совсѣмъ не желаю ни плакать о тебѣ, какъ было встарину, ни брезговать тобой, какъ было послѣ, отвѣтила съ гримасой Бодростина, и вынувъ изъ боковаго кармана своей курточки черепаховый портъ-сигаръ съ серебряною отдѣлкой, достала пахитоску и, отбросивъ ногой въ сторону кресло, прыгнула и полулегла на диванъ.

Гордановъ подвелъ ей подъ локоть подушку. Бодростина приняла эту услугу безо всякой благодарности, и не глядя на него, сказала:

— Подай мнѣ огня!

Глафира Васильевна зажгла пахитоску и откинулась на подушку.

— Что̀ ты смѣешься? спросила она сухо.

— Я думаю: какой бы это былъ судъ, гдѣ женщины были бы судьями? Ты осуждаешь меня, не позволяя мнѣ даже объясниться.

— Да; объясняться,—это давняя мужская спеціальность, но она уже намъ надоѣла. Въ чемъ ты можешь объясниться? Въ чемъ ты мнѣ не ясенъ? Я знаю все что̀ говорится въ вашихъ объясненіяхъ. Вашъ мудрый полъ довольно глупъ: вы очень любите разнообразіе, но сами всѣ до утомительности однообразны.

Она подняла вверхъ руку съ дымящеюся пахитоской и продекламировала:

Кто устоитъ противъ разлуки,—
Соблазна новой красоты,
Противъ бездѣйствія и скуки,
И своенравія мечты?

— Не такъ ли?

— Вовсе нѣтъ.

— О, тогда еще хуже!... Резоны, доводы, примѣры и пара фактовъ изъ подвиговъ какихъ-то дивныхъ, всепрощавшихъ женщинъ, для которыхъ ваша память служитъ синодикомъ, когда настаетъ покаянное время.... все это скучно, и ненужно, Павелъ Николаичъ.

— Да, ты позволь же говорить! Быть-можетъ я и самъ хочу говорить съ тобой совсѣмъ не о чувствахъ, а....

— О принципахъ... Ахъ, пощади и себя, и меня отъ этого шарлатанства! Оставимъ это донашивать нашимъ горнич-

нымъ и лакеямъ. Я пришла къ тебѣ совсѣмъ не для того чтобъ укорять тебя въ измѣнахъ: я не изъ тѣхъ которыя рыдаютъ отъ отставокъ, ты мнѣ чужой...

— Позволь тебѣ немножко не повѣрить?

Бодростина тихонько перегнула голову, и взглянувъ черезъ плечо, сказала серіозно:

— А ты еще до сихъ поръ въ этомъ сомнѣвался.

— Признаюсь тебѣ и нынче сомнѣваюсь.

— Скажите, Бога ради! А я думала всегда что ты гораздо умнѣе! Пожалуста же впередъ не сомнѣвайся. Возьми-ка вотъ и погаси мою пахитоску, чтобъ она не дымила, и перестанемъ говорить о томъ о чемъ уже давно пора позабыть.

Гордановъ замялъ пахитоску.

Въ то время какъ онъ былъ занятъ такою работой, Бодростина пересѣла въ уголъ дивана, и сложивъ на груди руки, начала спокойнымъ, дѣловымъ тономъ:

— Если ты думалъ что я тебя выписывала сюда по сердечнымъ дѣламъ, то ты очень ошибался. Я, cher ami, стара для этихъ дѣлъ—мнѣ скоро двадцать восемь лѣтъ, да и потомъ, еслибъ ужь лукавый попуталъ, то какъ бы нибудь и безъ васъ обошлась.

Бодростина завела руку за голову Горданова и поставила ему съ затылка пальцами рожки.

Гордановъ увидалъ это въ зеркало, засмѣялся, поймалъ руку Глафиры Васильевны и поцѣловалъ ея пальцы.

— Ты похожъ на мальчишку котораго высѣкутъ и потомъ еще велятъ ему цѣловать розгу, но оставь мою руку и слушай. Благодарю тебя что ты пріѣхалъ по моему письму: у меня есть за тобою долгъ, и мнѣ теперь понадобился платежъ....

Гордановъ сконфузился.

— Что̀, видишь какая презрѣнная проза насъ сводитъ!

— Истинно презрѣнная, потому что я... голъ, какъ турецкій святой, съ тою разницей что даже лишенъ силы чудотворенія.

— Ты совсѣмъ не о томъ говоришь, возразила Бодростина:—я очень хорошо знаю что ты всегда голъ какъ африканская собака, у которой предъ тобой есть явныя преимущества въ ея вѣрности, но мнѣ твоего денежнаго платежа и не нужно. Вотъ, на тебѣ еще!

Она вынула съ этимъ изъ-за жилета пачку новыхъ сторублевыхъ ассигнацій и бросила ихъ на столъ.

— Но я не возьму этого, Глафира!

— Возьмешь, потому что это нужно для моего дѣла, которое ты долженъ сдѣлать, потому что я на одного тебя могу положиться. Ты долженъ мнѣ заплатить одинъ невещественный долгъ.

— Скажи яснѣе какой? Ихъ множество.

— Перечти всѣ важнѣйшіе случаи въ нашихъ съ тобой столкновеніяхъ. Начинай назадъ тому семь лѣтъ, ты, молодой студентъ, вошелъ „въ хижину бѣдную, Богомъ хранимую", въ качествѣ учителя двѣнадцати-лѣтняго мальчика, и встрѣтивъ въ той хижинѣ, „за Невой широкою, дѣву свѣтлоокую", ты занялся развитіемъ сестры болѣе чѣмъ уроками брата. Кончилось все это тѣмъ что „дѣва" увлеклась плѣнительною сладостью твоихъ обманчивыхъ рѣчей и положившись на твои сладкія приманки въ аллюминіевыхъ чертогахъ свободы и счастія, въ трудѣ съ беранжеровскими шансонетками, бросила отца и мать и пошла жить съ тобою „на разумныхъ началахъ", глупѣе которыхъ ничего невозможно представить. Колоссальная дура эта была я. Подтверди это.

— Что жь тутъ подтверждать! Собственное сознаніе лучше свидѣтельства цѣлаго свѣта.

— Какая у тебя холодная натура, Гордановъ! Я еще до сихъ поръ не отвыкла стыдиться что ты когда-то для меня нѣчто значилъ. Но я все-таки дорисую тебѣ вашей честности портретъ. Я тебѣ скоро надоѣла, потому что вамъ всякій надоѣдаетъ кому надобно ѣсть. Вы всѣ, господа, очень опрометчиво поступали, склоняя женщинъ жить только плотью и не вѣрить въ душу: вамъ гораздо сподручнѣе были бы безплотныя; но я къ сожалѣнію была не безплотная и доказала вамъ это живымъ существомъ, котораго вы „во имя принципа" сдали въ Воспитательный домъ. Потомъ вы.... хотѣли спустить меня съ рукъ, обратить меня въ карту для игры съ передаточнымъ вистомъ. „Такія дескать у насъ правила игры", но я вамъ плюнула на ваши „правила игры" и стала казаться опасною.... Вы боялись чтобъ я съ'дуру не повѣсилась, и положили спровадить меня къ отцу и къ матери: „вотъ дескать ваша дочка! Не говорите что мы разбойники и воры, мы ее совсѣмъ не украли, а поводили, поводили, да и назадъ привели." Но я и на такіе курбеты была неспособна: сидѣть съ вашими

стриженными, грязношеими барышнями и слушать ихъ безконечныя сказки „про бѣлаго бычка“, да склонять отъ бездѣлья слово „трудъ“, мнѣ наскучило; ходить по вашимъ газетнымъ редакціямъ и не выручать тяжелою работой на башмаки, я считала глупымъ, и въ томъ не каюсь.... Конечно было средство женить на себѣ принципнаго дурака, сказать что я стѣснена въ своей свободѣ и потребовать чтобы на мнѣ женился кто-нибудь „изъ принципа“, въ родѣ Висленева.... но мнѣ всѣ „принципные“ послѣ васъ омерзѣли.... Тогда рѣшились попрактиковать на мнѣ еще одинъ принципъ: пустить меня какъ красивую женщину на поиски и привлеченье къ вамъ богатыхъ людей.... и я, ко всеобщему вашему удивленію, на это согласилась, но вы, тогдашніе міровые дѣятели, были всѣ столько глупы что, вознамѣрясь употребить меня вмѣсто червя на удочку для приманки богатыхъ людей, нужныхъ вамъ для великаго „общаго дѣла“, не знали даже гдѣ водятся эти золотые караси и гдѣ ихъ можно удить.... На ваше счастье отыскался какой-то панъ Холявскій, или панъ Молявскій: онъ пронюхалъ что есть милліонеръ, помѣщикъ трехъ губерній, заводчикъ и фабрикантъ и предводитель благороднаго дворянства, Бодростинъ, который бы желалъ имѣть красивую лектрису. Мѣсто это тонкость пана Холявскаго и ваше великодушіе и принципъ приспособили мнѣ, обусловливъ дѣло тѣмъ что половина изо всего что за меня будетъ выручено должна поступить на „общее дѣло“, а другая половина на „польское дѣло“. Вы это помните?

— Конечно.

— И помните какъ я жестоко обманула васъ, и ихъ, и „общее дѣло“? Ха-ха-ха!... Послушай, Павелъ Николаевичъ! Ты давеча хотѣлъ цѣловать мои руки: изволь же ихъ, я позволяю тебѣ, цѣлуй ихъ, цѣлуй, онѣ надѣли на васъ такіе дурацкіе колпаки съ ослиными ушами, это стóитъ благодарности.

Бодростина опять расхохоталась.

— Какъ весело! Гордановъ.

— Аахъ, когда бы ты вправду зналъ какъ это весело надуть бездѣльниковъ и негодяевъ! Ха-ха-ха.... Ой!... Подайте мнѣ пожалуйста воды, а то со мной сдѣлается истерика отъ смѣху.

Гордановъ всталъ, подалъ воды, и сидя въ креслѣ, нагнулся лицомъ къ колѣнамъ. Бодростина жадно глотала воду и все

продолжала смѣяться, глядя на Горданова чрезъ край стакана.

— Возьми прочь, наконецъ выговорила она сквозь смѣхъ, опуская на полъ недопитый стаканъ, и въ то время какъ Гордановъ нагнулся чтобы поднять этотъ стаканъ, она полушутя, полусеріозно, ударила его по спинѣ своимъ хлыстомъ.

Павелъ Николаевичъ вспрыгнулъ и поблѣднѣлъ. Бодростина еще дерзче захохотала.

— Это очень непріятная шутка: отъ нея больно! весь трясясь отъ злобы, сказалъ Гордановъ.

Бодростина въ одно мгновеніе эластическимъ тигромъ соскочила съ дивана и стала на ноги.

— А-а, заговорила она съ презрительною улыбкой.—Вамъ больна эта шутка съ хлыстомъ, тогда какъ вы меня всю искалѣчили.... въ лектрисы пристраивали.... и я не жаловалась, не кричала „больно". Нѣтъ, я васъ слушала, я васъ терпѣла, потому что знала что повѣсившись, надо мотаться, а оторвавшись кататься: мнѣ оставалась одна надежда, мой царь въ головѣ, и я васъ осмѣяла.... Я пошла въ лектрисы потому.... что знала, что не могу быть лектрисой! Я знала что я хороша, я лучше васъ знала что красота есть сила, которой не чувствовали только ваши тогдашніе косматые уроды.... Я пошла, но я не заняла той роли которую вы мнѣ подстроили, а я позаботилась о самой себѣ, *о своемъ собственномъ дѣлѣ*, и вотъ я стала „ея превосходительство Графира Васильевна Бодростина", дѣлающая неслыханную честь своимъ посѣщеніемъ перелетной птицѣ, господину Горданову, аферисту, который поздно спохватился, но жадно гонится за деньгами и играетъ теперь на своей и чужой головкѣ. Но вы такой мнѣ и нужны.

— Я готовъ служить вамъ чѣмъ могу.

— Вѣрю: я всегда знала что у васъ есть свой point d'honneur, своя „каторжная совѣсть."

— Я сдѣлаю все что̀ могу.

— Женитесь для меня на старухѣ!

— Вы шутите?

— Ни мало.

— Я не могу этого принимать иначе какъ въ шутку.

— Да, вы правы, я не хочу васъ мучить: мнѣ не надо чтобы вы женились на старухѣ. Я фокусовъ не люблю. Нѣтъ, вотъ въ чемъ дѣло....

— Который разъ ты это начинаешь?

Бодростина вмѣсто отвѣта щелкнула себя своимъ хлыстомъ по ногѣ и потомъ, поднявъ этотъ тонкій хлыстъ за оба конца двумя пальцами каждой руки, протянула его между своими глазами и глазами Горданова въ линію и проговорила:

— Старикъ мой очень зажился!

Гордановъ отступилъ шагъ назадъ.

Глафира Васильевна медленно опустила хлыстъ къ своимъ колѣнамъ, медленно сдѣлала два шага впередъ къ собесѣднику, и мѣряя его холоднымъ проницающимъ взглядомъ, спросила:

— Вы, кажется, изумлены?

Въ глазахъ у Бодростиной блеснула тревога, но она тотчасъ же совладѣла съ собой, и оглянувшись въ сторону гдѣ стояло трюмо, спросила съ улыбкой:

— Чего вы испугались, не своего ли собственнаго отраженія?

— Да; но оно очень преувеличено, отвѣчалъ Гордановъ.

— Вы очень впечатлительны и нервны, Поль.

— Нѣтъ; я впечатлителенъ, но я не нервенъ.

Съ этими словами, онъ взялъ руку Бодростиной и добавилъ:

— Моя рука тепла и суха, а твоя влажна и холодна.

— Да, я нервна, и если у тебя есть стаканъ шампанскаго, то я охотно бы его выпила. Не будемъ ли мы спокойнѣе говорить за виномъ?

— Вино готово, отвѣчалъ, уходя въ переднюю, Гордановъ, и черезъ минуту вынесъ оттуда бутылку и два стакана.

X. Въ органѣ перемѣнили валъ.

— Чокнемся! сказала Бодростина, и ударивъ свой стаканъ о стаканъ Горданова, выпила залпомъ болѣе половины и поставила на столъ.

— Теперь садись со мной рядомъ, проговорила она, указывая ему на кресло.—Видишь въ чемъ дѣло: весь міръ, то-есть всѣ тѣ которые меня знаютъ, думаютъ что я богата: не правда ли?

— Конечно.

— Ну да! А это ложь. На самомъ дѣлѣ я такъ же богата какъ церковная мышь. Это могло быть иначе, но ты это разгро-

илъ, и вотъ это и есть твой долгъ, который ты долженъ мнѣ заплатить, и тогда будетъ мнѣ хорошо, а тебѣ въ особенности.... Надѣюсь что могу съ вами говорить, не боясь васъ встревожить?

Гордановъ кивнулъ въ знакъ согласія головой.

— Я тебѣ откровенно скажу, я никогда не думала тянуть эту исторію такъ долго.

Бодростина остановилась, Гордановъ молчалъ. Оба они понимали что подходятъ къ очень серіозному дѣлу и очень зорко слѣдили другъ за другомъ.

— Выйдя замужъ за Михаила Андреевича, продолжала Бодростина,— я надѣялась на первыхъ же порахъ, черезъ годъ или два, быть чѣмъ-нибудь обезпеченною на столько чтобы покончить мою муку, уѣхать куда-нибудь и жить какъ я хочу.... и я во всемъ этомъ непремѣнно бы успѣла, но я еще была глупа, и несмотря на всѣ продѣланныя со мною штуки, вѣрила въ любовь.... хотѣла жить не для себя.... я тогда еще слишкомъ интересовалась тобой.... я искала тебя вездѣ и повсюду: мой мужъ съ перваго же дня нашей свадьбы былъ въ положеніи молодаго козла, у котораго чешется лобъ, и лобъ у него чесался не даромъ: я тебя отыскала. Ты былъ нелѣпъ. Ты взревновалъ меня къ мужу. Это было съ твоей стороны чрезвычайно пошло, потому что долженъ же ты былъ понимать что я не могла же не быть женой своего мужа, съ которымъ я только что обвѣнчалась; но.... я была еще глупѣе тебя: мнѣ это казалось увлекательнымъ.... я любила видѣть какъ ты меня ревнуешь, какъ ты, снявши съ себя голову, плачешь по своимъ волосамъ. Что̀ дѣлать? Я была женщина: ваша школа не могла меня вышколить какъ собачку, и это меня погубило; взбѣшенный ревностью, ты оскорбилъ моего мужа, который предъ тобой ни въ чемъ не виноватъ, который старѣе тебя на полстолѣтія и который даже старался и умѣлъ быть тебѣ полезнымъ. Но все еще и не въ этомъ дѣло: но ты выдалъ меня, Павелъ Николаичъ, и выдалъ головой съ доказательствами продолженія нашихъ тайныхъ свиданій послѣ моего замужества. Глупая кузина моя, эта злая и пошлая Алина, которую ты во имя „принципа“ женской свободы съ такимъ мастерствомъ женилъ на дурачкѣ Висленевѣ, по совѣту вашихъ дуръ, вообразила что я глупа какъ всѣ онѣ и измѣнила имъ.... выдала ихъ!... Кого? Кому и въ чемъ могла я выдать? Я могла вы-

дать только одно что онѣ дуры, но это и безъ того всѣмъ извѣстно; а она, благодаря тебѣ, выдала мою тайну—прислала мужу мои собственноручныя письма къ тебѣ, противъ которыхъ мнѣ, разумѣется, говорить было нечего, а осталось или гордо удалиться, или.... смириться и взяться за невѣтшающее женское орудіе — за слезы и моленія. Обстоятельства уничтожили меня въ конецъ, а у меня ужь слишкомъ много было проставлено на одну карту чтобы принять ее съ кона, и я не постояла за свою гордость: я приносила раскаяніе, я плакала, я молила.... и я, проклиная тебя, была уже не женой, а одалиской для человѣка котораго не могла терпѣть. Всѣмъ этимъ я обязана тебѣ!

Бодростина хлебнула глотокъ вина и замолчала.

— Но, Глафира, вѣдь я же во всемъ этомъ не виноватъ! сказалъ смущенный Гордановъ.

— Нѣтъ, ты виноватъ; мущина который не умѣетъ сберечь тайны ввѣрившейся ему женщины всегда виноватъ и не имѣетъ оправданій.

— У меня украли твои письма.

— Это все равно, зачѣмъ ты дурно ихъ берегъ? но все это уже относится къ архивной пыли прошлаго, печально то лишь что все что было такъ легко холодной и нелюбящей женѣ, то оказалось невозможнымъ для самой страстной одалиски: фонды мои стоятъ плохо и мнѣ грозитъ бѣда.

— Какая?

— Большая и неожиданная! Человѣкъ, когда слишкомъ заживется на свѣтѣ, становится глупъ....

— Я слушаю, промолвилъ глухо Гордановъ.

— Мой мужъ, въ его семьдесятъ четыре года, сталъ легкомысленъ какъ ребенокъ.... онъ сталъ страшно самоувѣренъ, онъ кидается во всѣ стороны, рискуетъ, аферируетъ, не слушаетъ никого и слушаетъ всѣхъ.... Его окружаютъ разные люди, изъ которыхъ, положимъ, иные мнѣ преданы, но у другихъ я преданности себѣ найти не могу.

— Почему?

— Потому что для нихъ выгоднѣе быть мнѣ не преданными, таковы здѣсь Ропшинъ и Кюлевейнъ.

— Что это за птицы? спросилъ Гордановъ, поправивъ назадъ рукава: это была его привычка когда онъ терялъ спокойствіе.

Отъ Бодростиной не укрылось это движеніе.

— Ропшинъ.... это бѣлокурый Чухонецъ, юноша добраго сердца и небольшой головы, онъ служитъ у моего мужа секретаремъ и находится у всѣхъ благотворительныхъ дамъ въ амишкахъ.

— И у тебя?

— Быть-можетъ; а Кюлевейнъ, это.... кавалеристъ, родной племянникъ моего мужа,—ораторъ, агрономъ и мотъ, пріѣхавшій сюда подсиживать дядюшкину кончину; и вотъ тебѣ мое положеніе, или я все могу потерять такъ, или я все могу потерять иначе.

— Это въ томъ случаѣ если твой мужъ заживется, проговорилъ Гордановъ, разсматривая внимательно пробку.

Бодростина отвѣчала ему пристальнымъ взглядомъ и молчаніемъ.

— Да, рѣшилъ онъ черезъ минуту, — ты должна получить все.... все что̀ должно по закону и все что̀ можно въ обходъ закону. Тутъ надо дѣйствовать.

— Ты сюда и призванъ совсѣмъ не для того чтобы спать или развивать въ висленевской Геѳсиманіи твои примирительныя теоріи.

Гордановъ удивился.

— Ты почему это знаешь что я тамъ былъ? спросилъ онъ.

— Господи! какое удивленье!

— Тебя тамъ тоже ждали, но я конечно зналъ что ты не будешь.

— Еще бы! Ты лучше разкажи-ка мнѣ теперь на чемъ ты самъ здѣсь думалъ зацѣпиться? Я что-то слышала: ты мужикамъ землю что ли какую-то подарилъ?

— Какое тамъ „какую-то?“ Я просто подарилъ имъ весь надѣлъ.

— Плохо.

— Плохо, да не очень: я за это былъ на виду, обо мнѣ говорили, писали, я имѣлъ мѣсто....

— Имѣлъ и средства?

— Да, имѣлъ.

— И все потерялъ.

— Что жь повторять напрасно.

— И въ Петербургѣ тебѣ было пришпилили хвостикъ на гвоздикъ?

Гордановъ покраснѣлъ и заставивъ себя улыбнуться черезъ силу, отвѣчалъ:

— Почему это тебѣ все извѣстно?

— Ахъ, Боже мой, какая непослѣдовательность! часъ тому назадъ ты сомнѣвался въ томъ что ты мнѣ чужой, а теперь ужь удивляешься что ты мнѣ дорогъ и что я тобой интересуюсь!

— Интересуешься какъ оберъ-полицеймейстеръ.

— Почему же не какъ любящая женщина.... по старой привычкѣ?

Она окинула его двусмысленнымъ взглядомъ и произнесла другимъ тономъ:

— Вы, Павелъ Николаевичъ, просто странны.

Гордановъ разсмѣялся, всталъ, и заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ жилетные карманы, прошелъ два раза по комнатѣ.

Бодростина, не трогаясь съ мѣста, продолжала распросъ.

— Ты что же, вѣрно хотѣлъ поразмѣняться съ мужиками?

— Да взять себѣ берегъ....

— И построить заводъ?

— Да.

— На что же строить, на какія средства?... Ахъ да: Лариса заложитъ для брата домъ?

— Я никогда объ этомъ не думалъ, отвѣчалъ Гордановъ.

Бодростина ударила его шутя пальцемъ по губамъ и продолжала:

— Это все что-то старо: застроить, не достроить, застраховать, заложить, сжечь и взять страховыя.... Я не люблю такихъ стеоретипныхъ ходовъ.

— Покажи другіе, мы поучимся.

— Да, надо поучиться. Ты началъ хорошо: квартира эта у тебя для пріѣзжаго хороша, одобрила она, оглянувъ комнату.

— Лучшей не было.

— Ну да; я знаю. Это по здѣшнему считается хорошо. Экипажъ, лошадей, прислугу.... все это чтобъ было.... Необходимо чтобы твое положеніе било на эффектъ, понимаешь ты: это мнѣ нужно! Планъ мой таковъ что.... общаго плана нѣтъ. Въ общемъ планѣ только одно: что мы оба съ тобой хотимъ быть богаты. Не правда ли?

— Молчу, отвѣчалъ улыбаясь Гордановъ.

— Молчишь, но очень дурное думаешь. Она прищурила глаза, и послѣ минутной паузы положила свои руки на плечи Горданову и прошептала: ты очень ошибся, я вовсе не хочу никого посылать персидскимъ порошкомъ.

— Чего же ты хочешь?

— Прежде всего здѣсь старъ и младъ должны быть увѣрены что ты богачъ и дѣлецъ, что твоя деревнишка.... это такъ, одна кроха съ твоей трапезы.

— Твоими устами пить бы медъ.

— Потомъ.... потомъ мнѣ нужно полное съ твоей стороны невниманіе.

Гордановъ беззвучно засмѣялся.

— Потомъ? спросилъ онъ,—что̀ жь далѣе?

— Потомъ: ухаживай, конечно, не за первою встрѣчною и поперечною,—ладучихъ звѣздъ здѣсь много, какъ вездѣ, но ихъ ладенья ничего не сто̀ятъ: ихъ пятна на пестромъ незамѣтны,—одинъ бѣлый цвѣтъ марокъ,—ударь за Ларой,—она красавица, и будь я мущина, я бы сама ее въ себя влюбила.

— Потомъ?

— Потомъ конечно соблазни ее, а если не ее—Синтянину, или обѣихъ вмѣстѣ,—это еще лучше. Вотъ ты тогда здѣсь на расхватъ!

— Да ты напрасно мнѣ объ этомъ и говоришь, мной здѣсь можетъ-быть никто и не захочетъ интересоваться!

— О, успокойся, будутъ! У тебя слишкомъ дрянная репутація чтобы тобой не интересовались!

— Какъ это пріятно слышать! Но кому же извѣстна моя репутація?

— Моему мужу. Онъ сначала будетъ вредить тебѣ, а потомъ, когда увидитъ что мы съ тобой враги, онъ станетъ тебя защищать, а ты опровергнешь все своимъ прекраснымъ образомъ мыслей; и въ тебя начнутъ влюбляться.

— Ну вотъ ужь и влюбляться.

— Когда же въ провинціи не влюблялись въ новаго человѣка? Встарь это счастье доставалось перехожимъ гусарамъ, а теперь.... пока еще влюбляются въ новаторовъ, ну и ты будешь новаторъ.

— Я что̀ же за новаторъ?

— Ты? а развѣ ты уже отмѣнилъ свое рѣшеніе прикладывать къ практикѣ теорію Дарвина?

Гордановъ щипалъ усъ и молчалъ.

— Глотай другихъ, или иначе тебя самого проглотятъ другіе—выводъ кажется вѣрный, произнесла Бодростина,—и ты его когда-то очень отстаивалъ.

— Я и теперь на немъ стою.

— А во время оно, когда я только вышла замужъ, Михаилъ Андреичъ завѣщалъ все состояніе мнѣ, и завѣщаніе это...

— Цѣло?

— Да; но только надо чтобъ оно было послѣднее, чтобы послѣ него не могло быть никакого другаго.

Гордановъ чувствовалъ что руки Бодростиной, лежавшія на его плечахъ, стыли, а на его вѣкахъ какъ бы что̀ тяготѣло и гнало ихъ книзу.

Вышла минута тягостнѣйшаго раздумья: обѣ фигуры стояли какъ окаменѣвшія другъ противъ друга, и наконецъ Гордановъ съ усиліемъ приподнялъ глаза и прошепталъ: „да!"

Бодростина опустила свои руки съ его плечъ и взявъ его за кисти, сжала ихъ и спросила его шопотомъ: „союзъ?"

— На жизнь и на смерть, отвѣчалъ Гордановъ.

— На смерть.... и.... потомъ.... на жизнь, повторила она, и встрѣтивъ взглядъ Павла Николаевича, отодвинула его отъ себя подалѣе рукой и сказала:

— Я совѣтую тебѣ погасить свѣчи. Съ улицы могутъ замѣтить что у тебя свѣтилось до зари, и пойдетъ тысяча заключеній, изъ которыхъ невиннѣйшее можетъ повести къ подозрѣнію что ты разбиралъ и просушивалъ фальшивыя ассигнаціи. Погаси огонь и открой окно. Я вижу уже брезжетъ заря, мнѣ пора брать свою ливрею и идти домой; сейчасъ можетъ вернуться твой посолъ за цвѣтами. Я ухожу отъ цвѣтовъ къ терніямъ жизни.

Она подошла къ окну, которое раскрылъ Гордановъ, погасивъ сперва свѣчи, и заговорила:

— Вонъ видишь ты тотъ бельведеръ надъ домомъ, вправо, на горѣ? То нашъ домъ, а въ этомъ бельведерѣ, въ фонарѣ, моя библіотека и мой пріютъ. Оттуда я тебѣ черезъ нѣсколько часовъ дамъ знать вѣрны ли мои подозрѣнія на счетъ завѣщанія въ пользу Кюлевейна.... и если они вѣрны.... то.... этой бѣлой занавѣсы, которая парусить въ открытомъ окнѣ, тамъ не будетъ завтра утромъ, и ты тогда.... поймешь что дѣло наше скверно, что мигъ наступаетъ рѣшительный.

Съ этимъ она сжала руку Горданова, и взявъ со стула свою шинель, начала одѣваться. Гордановъ хотѣлъ ей помочь, но она его устранила.

— Я вовсе не желаю, сказала она,—чтобы ты меня разсматривалъ въ этомъ уродствѣ.

— Ты, Душенька, во всѣхъ нарядахъ хороша.

— Только не въ траурной ливреѣ, а впрочемъ, мнѣ это очень пріятно что ты такъ веселъ и шутливъ.

— Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ: съ ума не сойдешь.

— И прекрасно, продолжала она, застегивая частыя петли шинели.—Держись же хорошенько, и если ты не сдѣлаешь ошибки, то ты будешь владѣть моимъ мужемъ вполнѣ, а потомъ.... обстоятельства покажутъ что̀ дѣлать. Вообще заставь только чтобъ отъ тебя здѣсь приходили въ восторгъ, въ восхищеніе, въ ужасъ, и когда вода будетъ возмущена....

— Но ты съ ума сошла!... Твой мужъ меня не приметъ!

— О, разумѣется не приметъ!... если ты самъ къ нему пріѣдешь, но если онъ тебя позоветъ, тогда, надѣюсь, будетъ другое дѣло. Пришли ко мнѣ пожалуйста Висленева.... его я могу принимать, и заставлю его быть трубой твоей славы.

— Но этотъ шутъ тебя чуждается.

— А пусть онъ разъ придетъ, и тогда онъ больше не будетъ меня чуждаться. Только ужь вы, Павелъ, пожалуста не ведите регистра моимъ прегрѣшеніямъ,—намъ теперь совсѣмъ не до этого вздора.... Висленевъ будетъ нашъ козелъ, на котораго мы сложимъ наши грѣхи.

— Это очень умно, но ты только должна знать что онъ вѣдь ораторъ и у него правая пола ума слишкомъ заходитъ за лѣвую. Онъ все будетъ путаться и не распахнется.

— Не бойся, онъ распахнется, такъ что его послѣ и не застегнешь.

— Но я тебѣ хочу сказать что на немъ ужасно трудно что-нибудь сыграть.

— Ну, есть мастера которые даютъ концерты и на фаготѣ.

— Но зачѣмъ именно онъ тебѣ нуженъ, *онъ*, ничтожный мальчишка?

— А видишь, Поль, когда взрослый человѣкъ хочетъ достать плодъ, онъ всегда посылаетъ мальчика трясти дерево.

— Смотри сама: съ нимъ даже и кокетство нужно совершенно особаго рода.

— Милый другъ, не рѣжь льву мяса, ему на это природа зубы дала.

— Беру мои слова назадъ.

— А я иду впередъ. Прощай!... Ахъ, да! завтра же сдѣлай визитъ губернаторшѣ, и на дняхъ же найдемъ случай пожертвовать двѣ тысячи рублей въ пользу ея дѣтскихъ пріютовъ. Это первая взятка которую ты кинешь обществу

впередъ за нужную тебѣ индульгенцію. Деньги будутъ, не жалѣй ихъ,—за все Испанія заплатитъ.... Видѣться мы съ тобой не будемъ пока пріѣдетъ мой мужъ: рисковать изъ-за свиданій непростительно. Висленевъ же долженъ быть у меня до тѣхъ поръ, и чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше. Да, вотъ еще что̀: въ новомъ мѣстѣ людей трудно узнать скоро, какъ ты ни будь уменъ, и потому я должна дать тебѣ нѣсколько совѣтовъ. Ты сразу напалъ на самыхъ нужныхъ намъ людей.

— Я ихъ всѣхъ разглядѣлъ.

— Смотри,—она стала загибать одинъ по одному пальцы на лѣвой рукѣ,—генералъ Синтянинъ предатель, но его опасаться особенно нечего; жена его—это женщина умная и характера стальнаго; майоръ Форовъ—честность и жена его тоже; но майора надо беречься; онъ бываетъ дурацки прямъ и болтливъ; Лариса Висленева.... я уже сказала что еслибъ я была мущина, то я въ нее бы только и влюбилась; затѣмъ Подозеровъ....

— Ну, это....

Гордановъ махнулъ рукой.

— Что̀ „это?“ сощуривъ глаза, передразнила его Бодростина.—Нѣтъ, это такое „это“, что мой тебѣ совѣтъ, приказъ и просьба—имъ не манкировать.

— Да что̀ имъ не манкировать? Это какой-то испанскій дворянинъ донъ-Сезаръ де-Базаръ.

— Да, да, ты вѣрно его опредѣляешь, но эти господа испанскіе дворяне самый опасный народъ: у нихъ есть дырявые плащи, въ которыхъ имъ все ни по чемъ, ни холодъ, ни голодъ. А ты съ ними, я знаю, непремѣнно столкнешься, тѣмъ болѣе что онъ влюбленъ въ Ларису.

— Да, я это замѣтилъ: она ему печоночку изъ супа выбирала; но не знаю я что̀ онъ у васъ здѣсь значитъ, а у насъ въ университетѣ его не любили и преблагополучно сорвали ему головенку.

— Все это ничего не значитъ, его и здѣсь не любятъ; но этотъ человѣкъ заковалъ себя крѣпкою броней.... А Лора, ты говоришь, ему выбирала печоночку?

— Да, выбирала; но скажи пожалуста что же онъ сталъ что ли хитръ послѣ житейскихъ трепокъ?

— Ни мало: онъ даже безтактенъ и неостороженъ, но онъ ничѣмъ для себя не дорожитъ, а такіе люди опаснѣй всѣхъ. Помни это, и еще разъ прощай.... А ты тонокъ!

— Въ чемъ ты это видишь?

— Даже печоночки не просмотрѣлъ и по ней выслѣдилъ!

— М-да! теперь все дѣло въ печеняхъ сидитъ, а впрочемъ я замѣчаю что и тебя эта печонка интересуетъ? Не разболися сердцемъ: это предъ сраженіемъ негодится.

— О, да, да, какъ разъ разболюся! отвѣчала разсмѣявшись Бодростина.—Нѣтъ, мой милый другъ, я иду въ дѣло завѣщая тебѣ какъ Ларошжакленъ: si j'avance, suivez moi; si je recule, tuez moi; si je meurs, vangez moi, хотя знаю что послѣдняго ты ни за что̀ не исполнишь. Ну, наконецъ, прощай! зашла бесѣда наша за ночь. Если ты захочешь меня видѣть, то ты будешь дѣйствовать такъ какъ я говорю, и если будешь дѣйствовать такъ, то вотъ моя рука тебѣ что Бодростинъ будетъ у тебя самъ и будетъ всѣмъ хорошо, а *тебѣ въ особенности*.... Ну, прощай, до поры до времени. А что̀ мой братъ Григорій?

— Служитъ.

— Я совсѣмъ и забыла про него спросить. Что̀ онъ теперь: начальникъ отдѣленія?

— Вице-директоръ.

— Вотъ какъ!

Бодростина вздохнула.

— Вы видитесь съ нимъ?

Гордановъ покачалъ отрицательно головой.

— Ну, наконецъ, совсѣмъ прощай, торопливо сказала Бодростина и, взявъ Горданова рукой за затылокъ, поцѣловала его въ лобъ.

— Ты ужь идешь, Глафира?

— А что̀?... Пора.... Да и тебѣ, какъ кажется, со мной вдвоемъ быть скучно.... Мы люди дѣловые, все кончили, и время отдохнуть предъ предстоящею работой.

Гордановъ протянулъ къ ней свои руки, но она прыгнула, подбѣжала къ двери, остановилась на минуту на порогѣ и исчезла, прошептавъ: „А провожать меня ненужно“.

Черезъ минуту, внизу засвистѣлъ блокъ и щелкнула дверь, а когда Гордановъ снова подошелъ къ окну, то мальчикъ въ сѣрой шляпѣ и черной шинели перешелъ уже черезъ улицу и, зайдя за уголъ, обернулся, погрозилъ пальцемъ и скрылся.

— Что̀ жь, такъ и быть, когда она будетъ богата, я на ней женюсь, разсуждалъ, засыпая, Гордановъ, — а не то надо будетъ порѣшить на Ларисѣ.... Конечно, здѣсь мало, но.... все-таки за что-нибудь зацѣплюсь хоть на время.

IV. Утро, которое хочетъ быть мудренѣе вечера.

Послѣ ночи которою заключился вчерашній день встрѣчъ, свиданій, знакомствъ, переговоровъ и условій, утро встало неласковое, вѣтряное, суровое и измѣнчивое. Солнце, выглянувшее очень рано, вскорѣ же затѣмъ нырнуло за сѣрую тучу, и то выскакивало на короткое время въ прорѣху облаковъ, то снова завѣшивалось ихъ темною завѣсой. Внизу было тихо, но вверху вѣтеръ быстро гналъ безконечную цѣпь тяжелыхъ, слоистыхъ облаковъ, набѣгавшихъ одно на другое, сгущавшихся и плывшихъ предвѣстниками большой тучи.

На землѣ парило и пахло электрическою сыростію, дышать было тяжело, и нервными людьми овладѣло столь общее имъ предгрозовое безпокойство.

Іосафъ Платоновичъ Висленевъ спалъ, обливаясь потомъ, котораго ни мало не освѣжала струя воздуха достигавшая до него въ открытое окно.

Висленеву снились тяжелые сны съ безпрестанными перерывами, какъ это часто бываетъ съ людьми уснувшими въ сознаніи совершенной ими неловкости. Висленевъ во снѣ повернулся на другую сторону, лицомъ къ окну: здѣсь было болѣе воздуха и стало дышаться легче. Іосафъ Платоновичъ мало-по-малу освобождался отъ своихъ сновъ и началъ припоминать что онъ въ отеческомъ домѣ, но съ этимъ вмѣстѣ его кольнуло въ сердце. „Что̀ я здѣсь вчера дѣлалъ?“ мелькнуло въ его головѣ. „Гдѣ теперь этотъ ножикъ? Это улика противъ меня. Надо встать и искать.“ Онъ раскрылъ полусонные глаза, и видитъ что сновидѣнье ему не лжетъ: онъ дѣйствительно въ родительскомъ домѣ, лежитъ на кровати и предъ нимъ знакомое, завѣшенное шторой окно. Онъ слышитъ шопотъ дрожащихъ древесныхъ листьевъ и соображаетъ что солнце не блещетъ, что небо должно-быть въ тучахъ, и точно, вотъ штора приподнялась и отмахнулась, и видны ползущіе по небу сѣрыя тучи и звонче слышенъ шепотъ шумящихъ деревьевъ, и вдругъ среди всего этого въ просвѣтѣ рамы какъ будто блеснулъ на мгновеніе туманный контуръ какой-то эфирной фигуры, и по дорожному песку послышались легкіе и частые шаги. Что̀ бы это такое было? Во снѣ или на яву?

Висленевъ совсѣмъ пробудился, привсталъ на кровати, взглянулъ на окно и оторопѣлъ: его ножъ лежалъ на подоконникѣ.

Іосафъ Платоновичъ сорвался съ кровати, быстро бросился къ окну и высунулся наружу. Ни на террасѣ, ни на балконѣ никого не было, но ему показалось что влѣво, въ садовой калиткѣ, въ это мгновеніе мелькнулъ и исчезъ клочокъ свѣтлозеленаго полосатаго платья. Нѣтъ, Іосафу Платоновичу это не показалось: онъ это дѣйствительно видѣлъ, но только видѣлъ съ боку, съ той стороны куда не глядѣлъ, и видѣлъ смутно, неясно, почти какъ во снѣ, потому что сонъ еще взаправду не успѣлъ и разсѣяться.

Висленевъ отступилъ отъ окна и потеръ себѣ лобъ.

„Скверно я начинаю дебютировать дома!" подумалъ онъ, и оглянувшись на столъ, взялъ съ него портфель, осмотрѣлъ надрѣзъ и царапину, и заперъ его въ бюро.

Повернувъ ключъ въ замкѣ, онъ прислушался: въ залѣ кто-то тихо разговаривалъ шепотомъ.

„Сестра, значитъ, ужь встала," подумалъ Висленевъ и поглядѣлъ на часы. Было десять часовъ.

Іосафъ Платоновичъ тихо подкрался къ двери ведущей въ залъ и прицѣлился глазомъ къ замочной скважинѣ.

Лариса въ утреннемъ капотѣ сидѣла за чашкой чая и предъ нею стояла высокая женщина въ коричневомъ ситцевомъ платьѣ.

„Въ этомъ сестриномъ платьѣ нѣтъ ничего похожаго на то которое мелькнуло въ садовой калиткѣ. Кто же это былъ? Кто нашелъ, поднялъ и положилъ ножикъ? Неужто ея превосходительство, Александра Ивановна.... или кто-нибудь изъ прислуги? Вотъ это былъ бы тогда сюрпризъ, это очень вѣжливо и до подлости догадливо, но это прескверно на всякій случай.... Мнѣ просто одно спасеніе можетъ быть въ томъ чтобы предоставить себя *его* великодушію.... сказать ему все, открыть свое недовѣріе, покаяться, признаться.... Вотъ, извольте видѣть, проклятая судьба сама руками выдаетъ меня этому человѣку!.... Но надо же явиться, пора дать знать что я проснулся.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Взглянуть въ глаза сестрѣ?... ужасно!.... Но что же дѣлать?... Нуженъ куражъ!... Ну, напусти Господи смѣлость!

Онъ надѣлъ шлафрокъ, и отворивъ дверь въ переднюю, крикнулъ:

— Лора, ты встала?

— Да; что̀ тебѣ нужно, Joseph?

— О-о! голосъ нѣженъ и ласковъ, радостно замѣтилъ Висленевъ. Нѣтъ, да вѣдь мало мудренаго что она и въ самомъ дѣлѣ пожалуй ничего и не поняла.... Пришли, дружокъ, дѣвушку дать мнѣ умыться! воскликнулъ онъ громко и засвиставъ, смѣло зашлепалъ туфлями по полу.

Въ комнату его предстала двѣнадцатилѣтняя дѣвочка съ блестящимъ мѣднымъ тазомъ и такимъ же кувшиномъ и табуреткою.

Это была та самая дѣвочка которая ввела его вчера въ садъ. Она одѣта сегодня какъ и вчера въ темномъ люстриновомъ платьицѣ, съ зеленымъ шерстянымъ фартукомъ.

„Есть зелень, да совсѣмъ не та,“ подумалъ Висленевъ, засучивая рукава своей рубашки и приготовляясь умываться.

— Васъ какъ зовутъ? спросилъ онъ дѣвочку.

— Меня-съ? переспросила она тоненькимъ голосомъ.

— Да-съ, васъ-съ, передразнилъ ее фистулой Висленевъ.

Дѣвочка покраснѣла и отвѣчала что ее зовутъ Малашей.

— Прекрасное имя! Вы имъ довольны или нѣтъ?

Дѣвочка молчала.

— Довольны вы или нѣтъ что васъ зовутъ Малашей?

Опять молчаніе.

— Что̀ же вы молчите? Не хотѣли бы вы, напримѣръ, чтобы васъ лучше звали Дуней или Сашей?

— Нѣтъ-съ, не хочу-съ.

— Отчего же вы не хотите? Стало-быть вамъ ваше имя нравится?

— Надо какое Богъ далъ-съ.

— А-а! По вашему, имена Богъ даетъ; ну тогда это другое дѣло. А отецъ и мать у васъ живы?

— Папенька въ солдатахъ, а маменька здѣсь.

— Здѣсь въ городѣ?

Дѣвочка раскрыла большіе, до сихъ поръ полуопущенные глаза и отвѣчала не безъ удивленія:

— Моя маменька здѣсь у нашей барышни въ кухаркахъ.

— У какой барышни?

— У Ларисы Платоновны.

— А-а, такъ вы вмѣстѣ съ маменькой?

— Вмѣстѣ-съ.

— Такъ это вамъ чудесно!

Дѣвочка отмолчалась.

— И вамъ тоже моя сестра платитъ жалованье? приставалъ къ ней Висленевъ.

— Нѣтъ-съ; барышня мнѣ послѣ будетъ платить, а теперь онѣ маменькѣ платятъ, а меня только одѣваютъ.

— Вотъ что!.. И что же, много барышня нашила вамъ платьевъ?

Дѣвочка сконфузилась, улыбнулась, и потупя глаза, отвѣчала:

— Много-съ.

— Небось у васъ, гляди, и розовое платье есть? шутилъ Висленевъ.

— Есть-съ и розовое.

— А? переспросилъ Висленевъ, прерывая на минуту свое умыванье.

— Есть-съ и розовое, и голубое есть, отвѣчала дѣвочка, осмѣливаясь съ быстротой свойственною ея возрасту.

— И бѣлое есть?

— И бѣлое тоже есть-съ.

— А зеленое?

— Зеленаго нѣту-съ.

— Что же такъ? — это плохо. Зеленое непремѣнно нужно. Вы себѣ изъ маменькинаго по крайней мѣрѣ перешейте, когда она поноситъ его.

— У маменьки настоящаго зеленаго тоже нѣтъ-съ.

— Настоящаго зеленаго тоже нѣтъ? Скажите пожалуста. А ея ненастоящее зеленое платье какое же?

— Оно больше какъ коричневое.

— Ну вотъ видите: какое же ужь это зеленое! Нѣтъ, вамъ къ лѣту надо настоящее зеленое, — какъ травка муравка. Ну да погодите, моргнулъ онъ, — я барышню попрошу чтобъ она вамъ свое подарила: у нее вѣдь ужь навѣрное есть зеленое платье?

— У нихъ есть-съ.

„Ага! вотъ оно кто это былъ!“ подумалъ Висленевъ и, взявъ изъ рукъ дѣвочки полотенце, сухо спросилъ:

— А у барышни зеленое платье какое и съ какою отдѣлкой?

— Крепоновое-съ, съ такою же и съ отдѣлкой-съ.

— Опять не то, подумалъ Висленевъ, и затѣмъ довольно скоро одѣвшись и сіяя свѣжестью лица и туалета, вышелъ въ залу къ сестрѣ.

Іосафъ Платоновичъ, появясь предъ сестрой, старался имѣть видъ какъ можно болѣе живой, веселый и безпечный.

— Я тебя перепугалъ немножко сегодня ночью, матушка сестрица! началъ онъ, цѣлуя руку Ларисы.

— Полно пожалуста, я ужь про это забыла.

— Ты выспалась?

— О, какъ нельзя лучше! Я не люблю много спать. Вотъ чай и вотъ хлѣбъ, добавила она, подавая брату стаканъ и корзинку съ печеньемъ.

— Постой!... Но какой же ты разбойникъ, Лора! отвѣчалъ весело улыбаясь во все лицо и отступя шагъ назадъ Висленевъ.

— Чтò такое?

Лариса оглянулась.

— Какъ ты злодѣйски хороша!

— Ахъ да перестань же наконецъ, Joseph!

— Да чтò же дѣлать, когда я никакъ не привыкну?

Лариса засмѣялась.

— Этотъ желтый цвѣтъ особенно идетъ къ твоему лицу и волосамъ.

— Онъ идетъ ко всѣмъ брюнеткамъ.

— А кстати о цвѣтахъ! проговорилъ онъ, и оглянувшись, добавилъ полушепотомъ:—знаешь какая преуморительная вещь: я умываясь разболтался съ твоею маленькой камеръ-фрау.

— Съ Малашей?

— Да, и она мнѣ разказала всѣ свои платья.

— Да, я знаю, она большая кокетка.

— Чтò же, вѣдь это ничего: то-есть я хочу сказать что когда кокетство не выходитъ изъ границъ, такъ это ничего. Я потому на этомъ и остановился что предѣлъ не нарушенъ: знаешь, все это у нее такъ просто, и имѣетъ свой особенный букетъ—букетъ дѣвичьей стараго господскаго дома. Я долженъ тебѣ сознаться, я очень люблю эти старыя патріархальныя черты господской дворни.... „зеленаго, говоритъ, только нѣтъ у нее.“ Я ей сегодня подарю зеленое платье—ты позволишь?

— Сдѣлай милость.

— Да, а то она и въ виду его не имѣетъ: „у барышни, говоритъ, есть одно крепоновое зеленое.“

— Я и того никогда не ношу.

— Отчего же не носишь? Тебѣ зеленый цвѣтъ долженъ быть очень къ лицу.

— Такъ, не ношу.

— Почему же *такъ?* шутилъ Іосафъ Платоновичъ.—Какая же ты странная съ этими своими „таками“. Никого не лю-

битъ—„такъ", печенку кладетъ Подозерову—„такъ," зеленое платье сошьетъ и не носитъ—„такъ." А знаешь, нѣтъ дѣйствія безъ причины?

— Ахъ Боже мой! еще и на это будто нужна причина? Послѣ этого я могу думать что и ты имѣешь особую причину допрашивать меня о зеленомъ платьѣ?

— Конечно, конечно, есть и на это причина. Безъ причины ничего не дѣлается.

— Ну, такъ мнѣ мое зеленое платье не нравится.

— Ну вотъ и причина! А вели мнѣ его показать пожалуста.

— Вотъ фантазія!

— Ну фантазія,—потѣшь мою фантазію. Ты такъ хороша, такъ безукоризненно хороша, все что̀ тобою сдѣлано, все что̀ принадлежитъ тебѣ такъ изящно что я даже горжусь принадлежа тебѣ въ качествѣ брата. Малаша! обратился онъ къ дѣвочкѣ, проходившей въ эту минуту черезъ комнату,—принесите мнѣ сюда барышнино зеленое платье.

— Ну что̀ за вздоръ, Joseph! прошептала Лора.

— Ну я тебя прошу.

— Принеси, сказала Лариса остановившейся и ожидавшей ея приказанія дѣвочкѣ.

Черезъ минуту та явилась, высоко держа у себя надъ головой лифъ, а черезъ лѣвую ея руку спускались цѣлыя волны легкаго густозеленаго крепона.

Висленевъ всталъ, взялъ платье, вывернулъ юпку и, притворно полюбовавшись свѣжими фестонами и уборками изъ той же матеріи, повторилъ нѣсколько разъ: „Прекрасное платье!" и отдалъ его назадъ.

Это опять было не то платье которое ему было нужно.

— Я ужасно люблю со вкусомъ сдѣланные дамскіе наряды! заговорилъ онъ съ сестрой.—Въ этомъ, какъ ты хочешь, сказывается вся женщина; и въ этомъ, должно правду сказать, нашъ вѣкъ сдѣлалъ большіе шаги впередъ. Еще я помню когда каждая наша барышня и барыня въ своихъ манерахъ и въ туалетѣ старались какъ можно болѣе походить на une dame de comptoir, а теперь наши женщины поражаютъ вкусомъ: это значитъ вкусъ получаетъ гражданство въ Россіи.

— Въ такомъ случаѣ ты много у себя отнимаешь, не желая поторопиться видѣть Бодростину.

— А что̀?

— Ужь эта женщина конечно вся вкусъ, изящество и прелесть.

— Будто она нынче такъ хороша!

— А будто она когда-нибудь была не хороша?

— Ну, Богъ съ ней: сколь бы она ни была прелестна, я ее видѣть не хочу.

— За что̀ это? позволь тебя спросить Joseph.

— У насъ есть старые счеты.

— Но все равно, отвѣчала, подумавъ минуту, Лариса.—Тебѣ видѣться съ ней вѣдь неизбѣжно, потому что если она еще недѣлю не переѣдетъ въ деревню, то вѣрно сама ко мнѣ заѣдетъ, а Михайло Андреичъ такой нецеремонливый что можетъ даже и нарочно завернетъ къ намъ. Тогда, встрѣтясь съ нимъ здѣсь или у Синтяниныхъ, ты долженъ будешь отдать визитъ, и въ барышахъ будетъ только то что старикъ выйдетъ любезнѣе тебя.

— Ну, хорошо.... не сегодня же вѣдь непремѣнно?

— Конечно можно и не сегодня.

— А что̀ же наша генеральша дома?

— Да; нѣсколько минутъ тому назадъ была дома: мы съ ней чрезъ окно прощались.

— Какъ прощались?

— Она уѣхала къ себѣ на хуторъ.

— Чего и зачѣмъ?

— Зачѣмъ? хозяйничать. Она полжизни тамъ проводитъ и лѣтомъ, и зимой.

— Что̀ жь это за хуторъ? Дребедень какая-нибудь?

— Да; онъ не великъ, но Alexandrine распоряжается имъ съ толкомъ и получаетъ отъ него доходы.

— Вотъ видишь, а ты вчера говорила что они бѣдны. И что̀ же тамъ домъ есть у нея?

— Каютка въ двѣ крошечныя комнатки: столовая и спальня ея съ дѣвочкой.

— Съ какою дѣвочкой?

— А съ падчерицей, съ Вѣрой, съ дочерью покойной Флоры.

— Ахъ, помню, помню: это кажется уродецъ какой-то, идіотка, если я не ошибаюсь?

— Она глухонѣмая, но вовсе не уродъ и ужь совсѣмъ не идіотка.

— Что̀ же это мнѣ что-то помнится, какъ будто что-то такое странное говорили про это дитя?

— Не знаю что ты слышалъ: Вѣра очень милая дѣвочка, но слабаго здоровья.

— Нѣтъ; именно я помню что.... ее считали, какъ это говорятъ, испорченною что ли?

— Какой вздоръ! Она очень нервна и у нея бываетъ что-то въ родѣ ясновидѣнія.

— Вотъ страсти!

— Никакихъ страстей, она прекрасное дитя, и ея волненія бываютъ съ ней не часто, но вчера она чѣмъ-то разогорчилась и плакала до обморока, и потому Alexandrine сегодня увезла ее на хуторъ.... Это всегда помогаетъ Вѣрѣ: она не любитъ быть съ отцомъ....

— А мачиху любитъ?

— О, безконечно! Она предчувствуетъ малѣйшую ея непріятность, малѣйшее ея нездоровье и.... вообще она ея тѣнь или больше: онѣ двѣ живутъ одною жизнію.

— Александра Ивановна добра къ ней?

— Стòитъ ли объ этомъ спрашивать? Къ кому же Alexandrine не добра?

— Ко мнѣ.

— Оставь, Joseph, я этого не знаю.

— Ну, Богъ съ тобой!... А какъ же это?... заговорилъ онъ, не зная что спросить.—Да!... Зачѣмъ же онѣ поѣхали въ такую пору?

— А что?

— Да вонъ дождь-то такъ и виситъ.

— Ну, что же за бѣда, это вѣдь недалеко, и у нихъ рѣзвая лошадь.

— Да, впрочемъ въ крытомъ экипажѣ ничего.

— Онѣ поѣхали не въ крытомъ экипажѣ.

— А въ чемъ онѣ поѣхали?

— Въ сѣромъ платьѣ-съ, отвѣчала, подавая новый стаканъ чаю, дѣвочка Малаша.

— Ты можешь отвѣчать когда тебя спрашиваютъ, остановила ее Лариса и сама добавила брату:—онѣ поѣхали какъ всегда ѣздятъ: въ тюльбюри.

— Вдвоемъ, безъ кучера?

— Онѣ всегда вдвоемъ ѣздятъ туда, безъ кучера, живутъ тамъ безъ прислуги.

— Совсѣмъ безъ прислуги?

— Работница имъ дѣлаетъ что нужно.

— Вотъ чѣмъ покончила Александра Ивановна: пустынножительствомъ!

— Ей, кажется, еще далеко до конца. А впрочемъ я еще скажу: я не люблю судить о ней ни вправо ни налѣво.

— Да не судить, а разсуждать.... И ты тамъ у нея бываешь на хуторѣ?

— И я, и тетушка, и дядя, и отецъ Евангелъ, и Подозеровъ: всѣ мы бываемъ.

— Что̀ жь хорошо тамъ у нее?

— Н....н....ничего особеннаго: садикъ, прудокъ, мельница, осиновый лѣсокъ, орѣховый кустарникъ, много скота, да небольшое поле островкомъ, вотъ и все.

— Какъ же это поле „островкомъ“ ты сказала?

— То-есть вокругъ, въ одной межѣ, это здѣсь называютъ „островкомъ“.

— Д-да; а я думалъ что это въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь островъ Колипсо.

— Мы всѣ шутя называемъ этотъ хуторъ „островомъ“.

— Любви?

— Нѣтъ: „забвенія“.

— Кто жь это далъ ему такую романическую кличку? Конечно Александра Ивановна, которая нуждается въ забвеніи?

— Нѣтъ, отвѣчала поморщась Лора: — это названіе дано Вѣрой.

— Глухонѣмой?

— Да.

— Какъ же она это сказала?

— Она написала.

— А-а! Кто же это здѣсь ее научилъ писать?

— Alexandrine и отецъ Евангелъ.

— Что̀ это за отецъ Евангелъ? Я уже не разъ про него слышу.

— Это ихъ приходскій священникъ, хуторной, прекрасный человѣкъ: онъ Сашинъ и дядинъ другъ.

— Онъ почему же умѣетъ учить глухонѣмыхъ?

— Онъ все на свѣтѣ понемножку умѣетъ, и Вѣру выучилъ читать и писать по собственной методѣ.

— Какое это ужасное несчастіе ничего не слыхать и не имѣть возможности ничего выговорить!

— Да; но ничего не видать это еще хуже. Маленькая Вѣра сравниваетъ себя со слѣпыми и находитъ что она счастлива.

— Правда, правда, слѣпота гораздо хуже.

— А дядя Форовъ находитъ что боль въ боку и удушье еще хуже.

— Дѣйствительно хуже! А она, эта бѣдная дѣвочка, ни звука не слышитъ и не произноситъ?

— Когда здѣсь въ проѣздъ Государя были маневры, она говоритъ что слышала какъ дрожали стекла отъ пушекъ, но произносить.... я не слыхала ни звука, а тетушка говоритъ что она одинъ разъ слышала какъ Вѣра грубо крикнула одно слово.... но Богъ знаетъ было ли это слово или просто непонятный звукъ....

— Что̀ же это былъ за звукъ?

— Н....н....не знаю: это было при особомъ какомъ-то обстоятельствѣ, до моего пріѣзда, я объ этомъ не распрашивала, а тетя говоритъ что....

— Да; непріятное что-нибудь конечно, сказалъ Висленевъ.

— Нѣтъ, не непріятное, а страшное.

— Страшное! Въ какомъ же родѣ?

— Я право не умѣю разказать: Вѣра такая нѣжная и легкая, какъ будто неземная, а голосъ вышелъ будто какой-то басъ. Тетя говоритъ что точно будто изъ нея совсѣмъ другой человѣкъ, сильный, сильный мущина закричалъ....

— И какое же это было слово?

— Тетя увѣряетъ что Вѣра крикнула: „прочь"!

— На кого же она такъ крикнула?

— На отца, за мачиху. Впрочемъ повторяю тебѣ, это тетя знаетъ, а я не знаю.

— А знаешь что̀: пока мой Гордановъ теперь еще спитъ, схожу-ка я самый первый визитъ сдѣлаю теткѣ Катеринѣ Астаѳьевнѣ и Филетеру Ивановичу.

— Что̀ жь, и прекрасно.

— Право! Кто что̀ ни говори, а они родные и хорошіе люди.

— Еще бы!

— Такъ, до свиданья, сестра, я пойду.

Лариса молча пожала брату руку, которую тотъ поцѣловалъ, взялъ свою шляпу и трость, и вышелъ.

Лариса посмотрѣла ему вслѣдъ въ окно и ушла въ свою комнату.

За часъ или за полтора до того какъ Іосафъ Платоновичъ убирался и разговаривалъ съ сестрой у себя въ домѣ, на перемычкѣ, предъ небольшою рѣчкой, которою замыкалась пустынная улица загородной солдатской слободы, надъ самымъ бродомъ остановилось довольно простое тюльбюри Синтяниной, запряженное рослою вороною лошадью. Александра Ивановна правила, держа вожжи въ рукахъ, обтянутыхъ шведскими перчатками, а въ ногахъ у нея, вся свернувшись въ комочекъ и положивъ ей голову на колѣни, лежала, закрывшись пестрымъ шотландскимъ пледомъ, Вѣра. Снаружи изъ-подъ пледа видиѣлась только одна ея маленькая, длинная и блѣдная ручка, на которой выше кисти была обмотана черная резиновая тесьма широкополой соломенной бержерки.

Александра Ивановна, выѣзжая изъ города, бросила взглядъ налѣво, на послѣдній домикъ надъ рѣчкой, и увидавъ въ одномъ изъ его оконъ полусѣдую голову Катерины Астаѳьевны, ласково кивнула ей, и подъѣхавъ къ самой рѣкѣ, остановила лошадь.

Майорша Форова была совсѣмъ одѣта, даже въ шляпкѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ, и во всемъ этомъ нарядѣ тотчасъ же вышла изъ калитки и подошла къ Синтяниной.

— Здравствуй, голубушка Саша! сказала она, поставивъ ногу на ступеньку тюльбюри, и пожала руку Синтяниной.—А я не думала что ты поѣдешь нынче на хуторъ.

— Вѣра нездорова, отвѣчала мягко Синтянина.—А ты куда такъ рано, Катя?

— Я къ ранней обѣднѣ, хочется помолиться, отвѣчала Форова, прислоняясь къ щитку тюльбюри.—Что̀ съ Вѣрой такое?

— Не говори пожалуста! отвѣчала Синтянина, бросивъ взглядъ на закрытую головку Вѣры.

Форова легонько приподняла закрывавшій лицо ребенка уголъ пледа и тихо шепнула: „она спитъ"?

— Какъ сѣла, такъ опустилась въ ноги и заснула.

— И какъ она сегодня необыкновенно блѣдна!

— Да; она всю ночь не спала ни минуты.

— Отчего? шепнула Форова.

— Что̀ ты шепчешь? Она вѣдь не слышитъ.

— И какъ это странно и страшно что она спитъ и все смотритъ глазами, проговорила Катерина Астаѳьевна, и съ этимъ словомъ, бережно и тихо покрыла пледомъ блѣдное до синевы

лицо дѣвушки, откинувшей головку съ полуоткрытыми глазами на служащее ей изголовьемъ колѣно мачихи.

— Несчастное дитя! заключила Форова, вздохнувъ и перекрестивъ ее.—Она рукой такъ и держится за твое платье.

— Я не могу себѣ простить что я вчера ее оставляла одну. Я думала что она спитъ днемъ, а она не спала, ходила предъ вечеромъ къ отцу, пока мы сидѣли въ саду, и ночью.... представь ты.... опять было то что̀ тогда....

— Да?

— Я только вернулась, легла и.... ты понимаешь?... я все же вчера была немножко тревожна....

— Да, да, понимаю, понимаю.

— Я лежу и никакъ не засну, все Богъ знаетъ что̀ идетъ въ голову, какъ вдругъ она, не касаясь кажется ногами пола, влетаетъ въ мою спальню: вся блѣдная, вся въ бѣломъ, глаза горятъ, въ обѣихъ рукахъ по зажженной свѣчѣ изъ канделябра, бросилась къ окну, открыла занавѣску и вдругъ.... Какіе звуки! какіе тягостные звуки, Катя! Такъ, знаешь: „а-а-а-а!“ какъ будто она хочетъ кого-то удержать надъ самою пропастью, и вдругъ.... смотрю ужь свѣчи на полу, и когда я нагнулась чтобы поднять ихъ, потому что она не обращала на нихъ вниманія, кажется я слышала слово....

Форова промолчала.

Мнѣ показалось что какъ будто пронзительно раздалось: „кровь!“

— Господи помилуй! произнесла, отодвигаясь, Форова, и перекрестилась.

— Какое странное дитя!

— И я тебѣ скажу, я не нервна, но очень испугалась.

— Еще бы! Это кого хочешь встревожитъ.

— Я взяла ее сзади, и посадила ее въ кресла. Она была холодная какъ ледъ, или лучше тебѣ сказать что ее совсѣмъ не было, только это бѣдное, больное сердце ея такъ билось что на груди какъ мышенокъ ворочался подъ блузой, а дыханья нѣтъ.

— Бѣдняжка! какая тяжкая ея жизнь!

— Нѣтъ, ты дослушай же, Катя.

— Знаешь, меня всегда отъ этихъ вещей немножко коробитъ.

— Нѣтъ, это вовсе не страшно. Она вдругъ схватила карандашъ....

— И написала „кто я“? Не говори мнѣ, я дрожу когда она объ этомъ спрашиваетъ.

— А вотъ представь, совсѣмъ не то: она взяла карандашъ и написала: „змѣй съ трещоткой“.

— Что̀ это значитъ?

Синтянина пожала плечами.

— А гдѣ же кровь?

— Я ее объ этомъ спросила.

— Ну и что̀ же?

— Она показала рукой вокругъ и остановила на висленевскомъ флигелѣ. Конечно, все это вздоръ....

— Почемъ намъ это знать что это вздоръ, Сашура?

— О, полно, Катя! Что̀ же можетъ угрожать имъ? Нѣтъ, все это вздоръ, пустяки; но Вѣра была такъ тревожна какъ никогда, и я все это тебѣ къ тому разказываю чтобы ты не отнесла моего бѣгства къ чему-нибудь другому, договорила, слегка краснѣя, Синтянина.

— Ну да, поди-ка ты, стану я относить.

— Не станешь?

— Да разумѣется не стану. Легко ли добро: есть отъ кого бѣжать.

Синтянина вздохнула.

— А ты знаешь, Катя, молвила она, — что порочныхъ дѣтей болѣе жаль чѣмъ тѣхъ которые насъ не огорчаютъ.

— Э, полно пожалуста, отвѣчала Форова, энергически поправляя рукой свои сѣдые волосы, выбившіеся у нея изъ-подъ шляпки. — Я теперь на много лѣтъ совсѣмъ спокойна за всѣхъ хорошихъ женщинъ въ мірѣ: теперь кромѣ дуры ни съ кѣмъ ничего не случится. Увлекаться ужь некѣмъ и нечѣмъ.

— Но, ахъ! смотри! воскликнула она, взглянувъ на дѣвочку.

Вѣра во снѣ отмахнула съ головы пледъ и не просыпаясь, глядѣла полуоткрытыми глазами въ лицо Синтяниной.

— Какъ страшно! сказала Форова, — она точно слѣдитъ за тобой и во снѣ и на яву. Прощай, Господь съ тобой.

— Ты навѣстишь меня?

— Да, непремѣнно.

— Мнѣ надо кое-что тебѣ сказать.

— Скажи сейчасъ.

— Нѣтъ, это долго.

— А что̀ такое? У тебя есть опасенія?

— Да, но теперь прощай.

Съ этими словами Синтянина пустила лошадь вбродъ и уѣхала.

Висленевъ вышелъ со двора, раскрылъ щегольской шелковый зонтъ, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, тотчасъ же закрылъ его и пошелъ быстрымъ ходомъ. Дождя еще не было; городъ Висленевъ зналъ прекрасно и очень скоро дошелъ по разнымъ уличкамъ и переулкамъ до маленькаго, низенькаго домика въ три окошечка. Это былъ опять тотъ же самый домикъ предъ которымъ за часъ предъ этимъ Синтянина разговаривала съ Форовой.

Висленевъ поглядѣлъ чрезъ окно внутрь домика, и никого не увидавъ тутъ, отворилъ калитку и вошелъ на дворъ. На него сипло залаяла старая черная собака, но тотчасъ же зѣвнула и пошла подъ крыльцо.

Изъ-подъ сарая вылетѣла стая куръ, которыхъ посреди двора поджидалъ голенастый красный пѣтухъ, и вслѣдъ затѣмъ оттуда же вышла бойкая, рябая, востроносая баба съ ребенкомъ подъ одною рукой и двумя курицами подъ другою.

— Милая, Филетеръ Иванычъ дома? освѣдомился Висленевъ.

— Ахъ, нѣту-ти ихъ, нѣту-ти, ушедши они со двора, отвѣчала съ сожалѣніемъ баба.

— А Катерина Астаѳьевна?

— Катерина Астаѳьевна были въ саду, да нешто не ушли ли.... Ступайте въ садъ.

— А ваша собака меня не укуситъ?

— Собака? нѣтъ; она не кусается, не поважена. Вотъ корова бурёнка.... Тпружи, тпружи, дура! тпружи! закричала баба, махая дитятемъ и курами.

Висленевъ вдругъ почувствовалъ сзади у своего затылка нѣжное теплое дыханіе, и въ то же мгновеніе шляпа его слетѣла съ головы вмѣстѣ съ нѣсколькими вырванными изъ затылка волосами.

Іосафъ Платоновичъ вскрикнулъ и прыгнулъ впередъ, а баба, бросивъ на землю куръ и ребенка, быстро кинулась защищать гостя отъ коровы, которая спокойно жевала и трясла его соломенную шляпу.

Нѣсколько ударовъ которые женщина нанесла коровѣ по губамъ было достаточно чтобы та освободила висленевскую шляпу, но конечно жестоко помятую и безъ куска полей.

— Это все баринъ, Филетеръ Иванычъ, у насъ такихъ глу-

постьевъ ее научили, заговорила баба, подавая Висленеву его испорченную шляпу.

— Но она однако можетъ-быть еще и бодается? освѣдомился Висленевъ, прячась за бабу отъ коровы, которая опять подходила къ нимъ, пережевывая во рту кусокъ шляпы и медленно помахивая головой съ тупыми круглыми глазами.

— Нѣтъ, идите; бодаться она рѣдко бодается.... развѣ только кто ей не понравится, успокоивала баба, стремясь опять изловить куръ и взять кричащее дитя.

— Ну, однакоже, покорно васъ благодарю. Я вовсе не желаю испытывать понравился я ей или не понравился; а вы лучше проведите меня до саду.

Баба согласилась, и Висленевъ, подъ ея прикрытіемъ, пошелъ скорыми шагами впередъ, держась рукой за холщевый, вышитый красною бумагой передникъ своей провожатой.

Переступивъ за порогъ утлой ограды, онъ заперъ за собой на задвижку калитку и разсмѣялся.

— Скажите пожалуста, вотъ вамъ и провинціальная простота жизни! А тутъ чтобы жить надо еще и коровамъ нравиться! Ну, краекъ! ну, сторонушка!

Онъ снялъ свою изуродованную шляпу, оглядѣлъ ее, и надѣвъ прорѣхой на затылокъ, пошелъ по узенькой, не пробитой, а протоптанной тропинкѣ вглубь небольшаго, такъ сказать, однодворческаго сада. Кругомъ растутъ какъ попало жимолости, малина, крыжовникъ, корявая яблонька, и въ концѣ кустъ густой черемухи, но живой души человѣческой нѣтъ.

Іосафъ Платоновичъ даже плюнулъ: очевидно баба соврала; очевидно Катерины Астаѳьевны здѣсь нѣтъ, а между тѣмъ идти назадъ... тамъ корова и собака... но въ это самое мгновеніе Висленевъ дошелъ до черемухи и отодвинулся назадъ и покраснѣлъ. Въ пяти шагахъ отъ него, подъ наклонившеюся до земли вѣткой, копошился ворохъ зеленой полосатой матеріи, и одна рука ею обтянутая взрывала ножикомъ землю.

— Такъ вотъ это кто: это была тетушка!... Ну, слава Богу! Испугаю же ее за то что она меня напугала.

И съ этимъ Висленевъ тихо на цыпочкахъ подкрался къ кусту, и разведя свои руки въ разныя стороны, кольнулъ сидящую фигуру подъ бока пальцами, и вслѣдъ затѣмъ раздались два разные восклика отчаяннаго перепуга.

Висленевъ очутился лицомъ къ лицу съ бѣлокурымъ, среднихъ лѣтъ мущиной, одѣтымъ въ вышесказанную полосатую

матерію, съ изрядною окладистою бородой и свѣтло-голубыми глазами.

— Что̀ же это такое? проговорилъ наконецъ Висленевъ.

— А ужь объ этомъ мнѣ бы васъ надлежало спросить, отвѣчалъ собесѣдникъ.

— Я думалъ что вы тетушка.

— Между тѣмъ я своимъ племянникамъ дядя.

— Но позвольте, какъ же это такъ?

— А ужь это опять мнѣ васъ позвольте спросить: какъ вы это такъ? Я червей копалъ, потому что мы съ Филетеромъ Иванычемъ собираемся рыбу удить, а вы меня подъ ребра, и испугали. Я Евангелъ Минервинъ, священникъ и майора Форова пріятель.

Висленевъ хотѣлъ извиниться, но вмѣсто того не удержался и расхохотался.

— Вотъ какъ у насъ! проговорилъ Евангелъ, глядя съ улыбкой какъ заливается Висленевъ.—Чего же это вы такъ ослабѣли?

— Да позвольте!... началъ было Висленевъ, и опять расхохотался.

— Вона! Ну смѣшливы же вы!

— Вы, отецъ Евангелъ, не говорите пожалуста... Я васъ принялъ за тетушку, Катерину Астаѳьевну....

— Для чего такъ? Я на нее не похожъ!

— Ну вотъ подите же! я хотѣлъ съ ней пошутить....

— Ну и что̀ же: это ничего.

— Это меня вашъ подрясникъ ввелъ въ заблужденіе: мнѣ показалось что это тетушкино платье.

— А у нее развѣ есть такое платье?

— Кажется... то-есть я думаю...

— Нѣтъ; у вашей тетушки таковаго платья нѣтъ.

— А вы развѣ знаете?

— Разумѣется знаю: у нея сѣрое лѣтнее, коричневое и черное, что̀ изъ голубаго перекрашено, а бѣлое, которое въ прошломъ году вмѣстѣ съ моею женой къ причастью шила, такъ она его не носитъ. Да вы ничего: не смущайтесь что пошутили, — вотъ еслибы вы меня прибили, надо бы смущаться, а то... да что̀ же это у васъ у самихъ-то чепецъ помятъ?

— Представьте, это корова...

— А, а! бурёнка! она одинъ разъ пьяному казаку весь хо-

холъ на кичкѣ съѣла, а животина добрая... питаетъ. Вы изъ Питера?

— Да, изъ Питера.

— Ученый?

— Ну, не очень...

Висленевъ разсмѣялся.

— Что̀ такъ? Тамъ будто какъ всѣ учоные. Къ литературѣ привержены?

— Да, я писалъ.

— Статьи или изящныя произведенія?

— Статьи. А вы съ дядюшкой много читаете?

— Одолѣваемъ-таки. Изящную литературу люблю, но только писателей изящныхъ мало встрѣчаю. Поворотъ назадъ чувствую.

— Какъ поворотъ назадъ?

— А какже-съ: развѣ вы его не усматриваете? Помните въ комедіи господина Львова было сказано что „прежде все сочиняли, а теперь-де описываютъ,“ а ужь нынѣ опять все сочиняютъ: людей такихъ вовсе не видимъ про какихъ пишутъ... А вотъ и отецъ Филетеръ идетъ.

Въ это время на тропинкѣ показался майоръ Форовъ. Онъ былъ въ старомъ, грязномъ-прегрязномъ драповомъ халатѣ, подпоясанномъ засаленными шнурами; за пазухой у него былъ завязанъ ребенокъ, въ лѣвой рукѣ трубка, а въ правой книга, которую онъ читалъ въ то самое время какъ дитя всячески старалось ее у него вырвать.

— Чье жь это у него дитя? полюбопытствовалъ Висленевъ.

— А это солдатское... работницы Авдотьи. Ее вѣрно куда-нибудь послали; впрочемъ вѣдь Филетеръ Иванычъ дѣтей страшно любятъ. Перестань читать Филетеръ: вотъ тебя гость ждетъ.

Форовъ взглянулъ, перехватилъ въ одну руку книгу и трубку, а другую протянулъ Висленеву.

— Торочку вы не видали? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не видалъ.

— А она къ вамъ пошла. Вы по какой улицѣ шли: по Покровской или по Рождественской?

— По Рождественской.

— Ну значитъ просморѣли.

— А она въ чемъ: въ какомъ платьѣ?

— А ужь я ея платьевъ не знаю. А журналовъ новыхъ, отецъ

Евангелъ, нѣтъ: былъ у Бодростиной, былъ и у Подозерова, а ничего не добылъ. Захватилъ книжонку Диккенса „Изъ семейнаго круга“.

— Что жь перечитаемъ: тамъ „Габріэль и Роза“ хороши.

— А теперь пойдемъ закусить, да и въ дорогу. Вы любите закусывать? отнесся онъ къ Висленеву.

— Не особенно, а впрочемъ съ вами очень радъ.

— А вамъ развѣ не все равно съ кѣмъ ѣсть?

— Ну, не все равно.

— Да что̀ же вы не спросите кто мнѣ шляпу обработалъ?

— А что̀ же мнѣ въ этомъ за интересъ? Извѣстно, что если у кого ризы обветшали, такъ значитъ ремонентовъ нѣтъ.

— Чего ремонентовъ! это ваша корова!

— Ну и что̀ жь? Плохаго князя и телята лижутъ.

— Вы Филетеръ Иванычъ чудакъ.

— Ну вотъ и чудакъ! Я чудакъ да не красенъ, а вы не чудакъ да спламенѣли не знай чего. Пойдемте-ка лучше закусывать.

— Только вина, извините, у меня нѣтъ, объяснилъ Форовъ, подводя гостей къ непокрытому скатертью столу, на которомъ стоялъ горшокъ съ вареньмъ картофелемъ, студень на поливеномъ блюдѣ и водочный графинчикъ.

— Да у тебя и въ баклажкѣ-то оскудѣніе израилево, замѣтилъ Евангелъ, поднимая пустой графинъ.

— Что̀ жь, нарядимъ сейчасъ посланіе къ Евреямъ, отвѣчалъ Форовъ, вручая работницѣ графинъ и деньги.

— А я вѣдь совсѣмъ водки не пью, сказалъ Висленевъ. — Вы не обидитесь?

— Чѣмъ это?... Я издавна солистъ и акомпанимента не ожидаю, одинъ пью.

— Отецъ Евангелъ развѣ тоже не пьетъ?

— Не пью-съ, отвѣчалъ отецъ Евангелъ, разбирая у себя на ладони разсыпчатую картофелину.

— Мы пошлемъ за виномъ, Филетеръ Иванычъ, если вы позволите?

— А сдѣлайте милость, хоть за шампанскимъ.

— Только если вы меня считаете, то я вѣдь и вина никакого не пью, отвѣчалъ отецъ Евангелъ.

— Будто никакого?

— Вина рѣшительно никакого.

— Ну, рюмку хересу.

— Ну, такъ и быть: для васъ рюмку хересу выпью.

Работница побѣжала, сдавъ опять своего ребенка Филетеру Ивановичу, и черезъ нѣсколько минутъ доставила вино и водку. Форовъ выпилъ водки и началъ ходить по комнатѣ.

— А что же вы, Филетеръ Иванычъ, не закусываете? заговорилъ Висленевъ.

— Истинные таланты не закусываютъ, отвѣчалъ, не глядя на него, Форовъ.

Висленеву показалось что майоръ съ нимъ почему-то сухъ. Онъ ему это замѣтилъ, на что тотъ сейчасъ же отвѣчалъ: — Я сознаюсь вамъ смущенъ, что это вы за птицу привезли этого господина Горданова?

— А что такое?

— Да онъ мнѣ не понравился.

— Съ какихъ это поръ? Вы, кажется, съ нимъ вчера соглашались?

— Да мало ли что соглашался? Съ инымъ и соглашаешься, да не любишь, а съ другимъ и несогласенъ, да ладишь.

— Такъ вы вотъ какой: вы единомышленниковъ, значитъ, немного цѣните?

— Да вы къ чему мнѣ это говорите? Мыслитъ всякъ для себя.

— А партія?

— Партія? Такъ это значитъ я ея крѣпостной что ли, что я ради партіи долженъ подлеца въ честь ставить?... А чтобъ она этого не дожидалась сія партія!

— А Гордановъ прекрасный и очень умный человѣкъ.

— Не знаю-съ, отвѣчалъ майоръ. — Знаю только что онъ цѣлый вечеръ точно бурлацкую пѣсню тянулъ „а-о-е,“ а живаго слова не выберешь.

— Онъ говорилъ резонно.

— Да что же резонно, всѣ его резоны, это, я говорю, все равно что дождь на морѣ, ничего не прибавляютъ. Интересно бы знать его дѣла и дѣла... Слышишь, отецъ Евангелъ, этотъ Гордановъ мужиченкамъ землишку подарилъ, да теперь выдурить ее у нихъ на обмѣнъ хочетъ.

— Т-е-е-съ! сдѣлалъ укоризненно покачавъ головой отецъ Евангелъ, у котораго ротъ былъ изобильно наполненъ горячимъ картофелемъ.

— Да это кто же вамъ сказалъ что таковы Гордановскія намѣренія?

— Да вѣдь вы же Подозерову объ этомъ говорили. И вы сами еще, милостивый государь, за такое дѣло взялись?... Не хорошо!...

— Вретъ вашъ Подозеровъ.

— Что-о? Подозеровъ вретъ?... Ну это, вопервыхъ, въ первый разъ слышу, а вовторыхъ, Подозеровъ мнѣ и не говорилъ ничего.

— Подозеровъ самъ-то очень хорошъ.

— Человѣкъ рабочій и честный, хотя идеалистъ.

— Очень честный, но никогда ни на что честное и въ университетѣ не умѣлъ откликнуться.

— А на что откликаться-то въ университетѣ, когда тамъ надо учиться?

— Мало ли на что тамъ въ наше время приходилось откликаться! А ему какое дѣло бывало не представь,—все разрезонируетъ и выведетъ что въ немъ содержанія нѣтъ.

— Да вѣдь какое же въ самомъ дѣлѣ содержаніе можно найти въ дѣлѣ о бревнѣ упавшемъ и никого не убившемъ?

— Ну, я вижу вы совсѣмъ подозеровскій партизанъ здѣсь!

— Напротивъ, я совсѣмъ другихъ убѣжденій чѣмъ Подозеровъ....

— А не пора ли намъ съ тобой, друже Филетеръ, и въ ходъ, прервалъ отецъ Евангелъ.

— Идемъ, отвѣчалъ Форовъ и накинулъ на себя вмѣсто халата парусинный балахонъ, забралъ на плечи торбу, въ карманъ книгу и протянулъ Висленеву руку.

— Куда вы? спросилъ Іосафъ Платоновичъ.

— Туда, къ Аленину верху.

— Гдѣ это, далеко?

— А верстъ съ десятокъ отсюда, вотъ гдѣ горы-то видны, между Бодростиной и Синтянинскимъ хуторомъ.

— Что жь вы тамъ будете дѣлать?

— Въ озерѣ карасей половимъ, съ росой травъ порвемъ, а въ солнцепекъ читать будемъ, въ лѣсу на прохладѣ.

— Возьмите меня съ собой.

Отецъ Евангелъ промолчалъ, а Форовъ сказалъ:

— Что жь, намъ все равно.

— Такъ я иду.

— Идемте.

— А гроза васъ не пугаетъ?

— Насъ—нѣтъ, потому что мы каждый съ своей точки зрѣ-

нія жизнью не дорожимъ, а вотъ вы-то пожалуй лучше останьтесь.

— А что̀?

— Да гроза непремѣнно будетъ, а кто считаетъ свое существованіе драгоцѣннымъ, тому жутко на полѣ, какъ облака заспорятъ съ землей. Вы не поддавайтесь лучше этой гили что говорятъ будто стыдно грозы трусить. Что̀ за стыдъ бояться того съ кѣмъ сладу нѣтъ!

— Нѣтъ, я хочу побродить съ вами и посмотрѣть какъ вы ловите карасей, какъ сбираете травы и пр. и пр. Однимъ словомъ, мнѣ хочется побыть съ вами.

— Такъ идемъ.

Они встали и пошли.

Выйдя на улицу, Форовъ и отецъ Евангелъ тотчасъ сѣли на землю, сняли обувь, связали па веревочку, перекинули себѣ черезъ плеча, и закатавъ вверхъ панталоны, пошли въ бродъ черезъ мелкую рѣчку. Висленевъ этого не сдѣлалъ: онъ не сталъ разуваться и сказалъ что босой идти не можетъ; онъ вошелъ въ рѣку прямо въ обуви и сильно измочился.

Форовъ вытащилъ изъ кармана книжку Диккенса и зачиталъ разказъ о *Габріэлѣ и Розѣ*.

Шли они, шли, и Висленеву показалось что они уже Богъ знаетъ какъ далеко ушли, а было всего семь верстъ.

— Я усталъ, господа, сказалъ Висленевъ.

— Что̀ жь, сядемъ, отдохнемъ, отвѣчалъ Евангелъ.

И они сѣли.

— Скажите, неужели вы всегда и дорогой читаете? спросилъ Висленевъ.

— Ну, это какъ придется, отвѣчалъ Форовъ.

— И всегда повѣсти?

— По большей части.

— И не надоѣли онѣ вамъ?

— Отчего же? Самая глупая повѣсть все-таки интереснѣе чѣмъ трактатъ о бревнѣ упавшемъ и никого не убившемъ.

— Ну, такъ вотъ же я вамъ подарокъ припасъ: это ужь не о бревнѣ упавшемъ и никого не убившемъ, а о бревнѣ упавшемъ и убившемъ свободу. И съ этимъ Висленевъ вынулъ изъ кармана пальто̀ и приподнесъ Форову книжку изъ числа изданныхъ за границей и въ которой трактовалась сущность христіанства по Фейербаху.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ майоръ,—но я впрочемъ этого барона фонъ-Фейербаха не уважаю.

— А вы его развѣ читали.

— Нечего у него читать-то, вотъ горе.

— Онъ разбираетъ сущность христіанства.

— Знаю-съ, и очень люблю эти критики только не его, не господина Фейербаха съ послѣдователями.

— Они это очень грубо дѣлаютъ, поддержалъ отецъ Евангелъ.—Есть на это мастера гораздо тоньше—филиграныо чеканятъ.

— Да, разумѣется, Ренанъ напримѣръ, я это знаю.

— Нѣтъ; да Ренанъ о духѣ мало и касается, онъ все по критикѣ событій; но и Ренанъ-то въ своихъ положеніяхъ то же не ахти-мнѣ; онъ шатокъ противъ, напримѣръ, богослововъ современной тюбингенской школы. Вы какъ находите?

— Я признаться сказать, всѣхъ этихъ господъ не читалъ.

— А-а, не читали, жаль! Ну да это примѣромъ объяснить будетъ, хоть и въ противномъ родѣ, вотъ какъ напримѣръ Іоаннъ Златоустъ противъ Василія Великаго, Массильйонъ супротивъ Боссюэта, или Иннокентій противъ Филарета московскаго.

— Ничего не понимаю.

— Одни увлекательнѣй и легче, какъ Златоустъ, Массильйонъ и Иннокентій, а другіе тверже и опористей, какъ Василій Великій, Боссюэтъ и Филаретъ. Ренанъ вѣдь очень легокъ, а вы если критикой духа интересуетесь, такъ Ламене извольте прочитать. Этотъ гораздо позабористѣй.

„Чортъ ихъ знаетъ, сколько они нынче здѣсь по трущобамъ-то сидя поначитались!“ подумалъ Висленевъ и добавилъ вслухъ:

— Да, можетъ-быть. Я мало этихъ вещей читалъ, да на что̀ ихъ? Это роскошь знанія, а нужна польза. Я вѣдь только со стороны критики сущности христіанства согласенъ съ Фейербахомъ, а то я, разумѣется, и его не знаю.

— Да вы съ критикой согласны? Ну а ее-то у него и нѣтъ. Какая же критика при односторонности взгляда? Это въ нѣкоторыхъ теперешнихъ свѣтскихъ журналахъ ведется подобная критика, такъ вѣдь quod licet bovi, non licet Jovi, что̀ приличествуетъ быку, то неприличествуетъ Юпитеру. Нѣтъ

вы Ламене почитайте. Онъ хоть нашего брата пробираетъ, а христіанство онъ лучше послѣдователей Фейербаха понимаетъ. Христіанство это-съ вѣдь дѣло слишкомъ серіозное и великое: его не повалить.

— Оно даже хлѣбомъ кормитъ, вмѣшался Форовъ.

— Нѣтъ, оно больше дѣлаетъ, Филетеръ Иванычъ, ты это глупо говоришь, отвѣчалъ Евангелъ.

— А мнѣ кажется онъ, напротивъ, прекрасно сказалъ, и позвольте мнѣ на этомъ съ нимъ покончить, сказалъ Висленевъ.—Хлѣбъ какъ все земное мнѣ ближе и понятнѣе, чѣмъ всѣ небесныя блага. А какъ же это кормитъ христіанство хлѣбомъ?

— Да вотъ какъ. Во многихъ мѣстахъ десятки тысячъ людей, которые непремѣнно должны бы умереть въ силу обстоятельствъ съ голоду, всякій день сыты. Петербургъ кормитъ такихъ двадцать тысячъ и все „по сущности христіанства.“ А уберите вы эту „сущность“ на три дня изъ этой сторонушки, вотъ вамъ и голодная смерть, а ваши философы этого не видали и не разъяснили.

— Дѣла милосердія вѣдь возможны и безъ христіанства.

— Возможны, да.... не всякъ на нихъ тронется изъ тѣхъ кто нынче трогается.

— Да, со Христомъ-то это легче, поддержалъ Евангелъ.

— А то „жестокіе еще, сударь, нравы въ нашемъ городѣ“, добавилъ Форовъ.

— А со Христомъ жестокое-то дѣлать труднѣй, опять подкрѣпилъ Евангелъ.

— Скажите же зачѣмъ вы живете въ такой странѣ гдѣ по вашему все такъ глупо, гдѣ всѣ добрыя дѣла творятся силой иллюзій и страховъ?

— А гдѣ же мнѣ жить?

— Гдѣ угодно!

— Да мнѣ здѣсь угодно, я здѣсь органическія связи имѣю.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, пенсіонъ получаю.

— И только?

— Н-н-ну.... и не только.... Я мужиковъ люблю, солдатъ люблю.

— Что же вамъ въ нихъ нравится?

— Прекрасные люди.

— А неужто же цивилизованный иностранецъ хуже русскаго невѣжды?

— Нѣтъ; а иностранный невѣжда хуже.

— А я, каюсь вамъ, не люблю Россіи.

— Для какой причины? спросилъ Евангелъ.

— Да что̀ вы въ самомъ дѣлѣ въ ней видите хорошаго? Ни природы, ни людей. Гдѣ лавръ да миртъ, а здѣсь квасъ да спиртъ, вотъ вамъ и Россія.

Отецъ Евангелъ промолчалъ, нарвалъ горсть синей озими и сталъ ею обтирать свои запачканыя ноги.

— Ну, природа, заговорилъ онъ,—природа наша здоровая. Оглянитесь хоть вокругъ себя, неужто ничего здѣсь не видите достойнаго благодаренія?

— А что̀ же я вижу? Вижу будущій квасъ и спиртъ и будущее сѣно!

Евангелъ опять замолчалъ и наконецъ всталъ, бросилъ отъ себя траву, и стоя среди поля съ подоткнутымъ за поясъ подрясникомъ, началъ говорить спокойнымъ и тихимъ голосомъ:

— Сѣно и спиртъ! А вотъ у самыхъ вашихъ ногъ растетъ здѣсь благовонный девясилъ, онъ утоляетъ боли груди; подальше два шага отъ васъ, я вижу огневой жабникъ, который лѣчитъ черную немочь; вонъ тамъ на камняхъ растетъ верхоцвѣтный исопъ, отъ удушья; вонъ ароматная марь, противъ нервовъ; рвотный капытень; сонъ-трава отъ пострѣла; кустистый дрокъ; крѣпящая разслабленныхъ аіела; вонъ болдырянъ, отъ дѣтскаго родилища и мадрагары, отъ которыхъ спятъ убитые тоской и страданіемъ. Теперь, тамъ, на полѣ я вижу трава гулявица отъ судорогъ; на холмикѣ вонъ Божье деревцо; вонъ львиноустъ отъ трепетанья сердца; дягиль, лютикъ, цѣлебная и смрадная трава омегъ; вонъ курослѣпъ, отъ укушенія бѣшенымъ животнымъ; а тамъ по лотовинамъ луга растетъ ручейный гравилатъ отъ кровотока; авранъ и многолѣтній кринъ, возстановляющій безсиліе; медвѣжье ухо, отъ перхоты; хрупкая ива, въ которой купаютъ золотушныхъ дѣтей; кувшинчикъ, кукушкинъ ленъ, козлобородъ.... Не сѣно здѣсь, мой государь, а Божья аптека.

И съ этимъ, отецъ Евангелъ вдругъ оборотился къ Висленеву спиной, прилегъ, свернулся калачикомъ, и въ одно мгновеніе уснулъ, рядомъ со спящимъ уже и храпящимъ майоромъ.

Точно порѣшили оба на счетъ Іосафа Платоновича что съ нимъ больше говорить не о чемъ.

Висленевъ такой выходки никакъ не ожидалъ, потому что онъ не видалъ никакой причины укладываться теперь и спать, и не чувствовалъ ни малѣйшаго позыва ко сну, но помѣшать Форову и отцу Евангелу, когда они ужь уснули, онъ, разумѣется, не захотѣлъ, и рѣшилъ побродить немножко по кустарникамъ. Походилъ, нашелъ двѣ ягоды земляники и съѣлъ ихъ, и опять вернулся на опушку, а Форовъ и Евангелъ попрежнему спятъ. Висленеву стало скучно, онъ бы пошелъ и домой, но кругомъ тучится и погромыхиваетъ громъ, котораго онъ не любитъ. Дѣлать нечего, онъ снялъ пиджакъ, свернулъ его, подложилъ подъ голову и легъ рядомъ съ крѣпкоспящимъ Форовымъ, сорвалъ былинку и покусывая ее началъ мечтать. Мечты его были невыспренни, онѣ витали все около его портфеля, около его трудныхъ дѣлъ, около Петербурга, гдѣ у Висленева осталась нелюбимая жена и никакого положенія, и наконецъ около того какъ онъ появится Горданову, и какъ разкажетъ ему исторію съ портфелемъ.

— Чѣмъ я позже ему это сообщу, тѣмъ лучше, думалъ онъ,— зачего же мнѣ и спѣшить? Я съ этимъ и ушелъ сюда чтобы затянуть время. Пусть тамъ послѣ Гордановъ потрунитъ надъ моими увлеченіями, а между тѣмъ время большой изобрѣтатель. Подчинюсь моей судьбѣ и буду спать какъ они спятъ.

Висленевъ оборотился лицомъ къ Форову и закрылъ глаза на все.

Долго ли онъ спалъ, онъ не помнилъ, но проснулся онъ вдругъ отъ страшнаго шума и проницающей прохлады. Небо было черно, въ воздухѣ рокоталъ громъ и падали крупныя капли дождя. Висленевъ увидалъ въ этомъ достаточный поводъ поднять своихъ спутниковъ, и разбудилъ отца Евангела. Дождь усиливался быстро и вдругъ пустился какъ изъ ведра, прежде чѣмъ Форовъ проснулся.

— Побѣжимте куда-нибудь? упрашивалъ, метаясь на мѣстѣ, Висленевъ.

— Да куда же бѣжать-съ? Кругомъ поле, ни кола, ни двора, въ городъ назадъ семь верстъ, до Бодростинки четыре, а влѣво, не больше двухъ верстъ до Синтянина хутора, да вѣдь все равно и туда теперь не добѣжишь. Видите какой полилъ. Ухъ за рубашку потекло!

Отецъ Евангелъ сталъ на корточки, нагнулъ голову и выставилъ спину.

— Я говорилъ что это будетъ, проворчалъ Форовъ и тоже сталъ на колѣни точно такъ же какъ и Евангелъ.

Среди ливня, обратившаго весь воздухъ вокругъ въ сплошное мутное море, рѣяли молніи и грохоталъ не прерывая громъ, и вотъ, весь мокрый и опустившійся Висленевъ видитъ что среди этихъ волнъ погоняемыхъ вѣтромъ, аршина два отъ земли, плыветъ блѣдно-огненный шаръ, колеблется, растетъ, перемѣняетъ цвѣта, становится изъ блѣднаго багровымъ, фіолетовымъ, и вдругъ сверкнуло и вздрогнуло, и шара ужь нѣтъ, но за то на дорогѣ что-то взвилось, затрещало и повалилось.

Форовъ и Евангелъ подняли головы.

Въ трехъ шагахъ предъ ними, въ морѣ волнъ, стоялъ двухмѣстный фаэтонъ, запряженный четверней лошадей, изъ которыхъ одна оторвавши поводъ, стояла головой къ заднему колесу и въ страхѣ дрожала.

— Помогите пожалуста, кричалъ изъ фаэтона человѣкъ съ большими кудрями à la Beranger.

— Это Михаилъ Андреичъ, проговорилъ, направляясь къ экипажу, отецъ Евангелъ.

— Кто? освѣдомился Висленевъ, идучи вслѣдъ за нимъ вмѣстѣ съ Форовымъ.

— Бодростинъ.

Въ фаэтонѣ сидѣлъ бѣлый, чистый, очень красивый старикъ Бодростинъ и возлѣ него молодой кавалеристъ, съ нѣсколько надменнымъ и улыбающимся лицомъ.

— А это вы, странники вѣчные! заговорилъ, высовываясь изъ экипажа, Бодростинъ, въ то время какъ кучеръ съ отцомъ Евангеломъ выпутывали и выпрягали лошадь, тщетно наровившую подняться.—А это кто жь съ вами еще? любопытствовалъ Бодростинъ.

— А это пріѣзжій гость къ намъ съ сѣвера, Висленевъ, отвѣтствовалъ майоръ Форовъ.

— Ахъ, это ты, Есафушка! Здорово, дружокъ! Вотъ радъ, да говорить-то нѣкогда.... Ты что̀ жь куда идешь?

— Пошелъ съ ними, и самъ не знаю чего и куда, отозвался Висленевъ.

— Да кинь ты ихъ, бродягъ, и поѣдемъ въ городъ. Вотъ видишь какъ ты измокъ, какъ куликъ.

— Ужь просто ни одинъ Язонъ въ Колхидѣ не знавалъ такого душа!

— Ну и садись. Володя подвигайся, братъ! возьмемъ сего Язона, добавилъ онъ, отстраняя кавалериста. — Это мой племянникъ, сестры Агаты сынъ, Кюлевейнъ. Ну я беру у васъ господа этого городскаго воробья! добавилъ онъ, втягивая Висленева за руку къ себѣ въ экипажъ, онъ вамъ не къ перу и не къ шерсти.

— Съ Богомъ, отвѣтилъ Евангелъ.

Бодростинъ кивнулъ своею беранжеровскою головой, и фаэтонъ опять понесся надъ моремъ дождя и сѣтью рѣющихъ молній.

Висленевъ дрожалъ отъ холоду и сырости и жался, совѣстясь мочить своимъ смокшимся платьемъ сосѣдей.

— Я просто мокръ какъ губка и совсѣмъ никуда не гожусь, говорилъ онъ, стараясь скрыть свое замѣшательство.

— Ну вздоръ, ничего, хорошій молодецъ изъ воды долженъ сухъ выходить. Вотъ пріѣдемъ къ женѣ, она задастъ тебѣ такого эрфиксу что ты высохнешь и зарокъ дашь съ пріѣзда по полямъ не разгуливать, прежде чѣмъ друзей навѣстишь.

— А нѣтъ! Бога ради! Я не могу показаться Глафирѣ Васильевнѣ.

— Чтò тако-о-о-е? Не можешь показаться моей женѣ? Полно пожалуста дурить-то.

— Я право, Михаилъ Андреичъ, не дурю, а не могу же я въ такомъ печальномъ видѣ явиться къ Глафирѣ Васильевнѣ, отпрашивался Висленевъ.

— Все это чистый вздоръ, облечемъ тебя въ сухое бѣлье и теплый халатъ, а тѣмъ временемъ тебѣ и другое платье принесутъ.

— Нѣтъ, воля ваша, я у своего дома сойду, переодѣнусь дома и пріѣду.

— Ну да, разказывай, придешь ты какъ же! Нѣтъ ужь, братъ, надо было ко мнѣ сюда не садиться, а ужь какъ сѣлъ, такъ привезу куда захочу. У насъ на Руси на то и пословица есть: „на чьемъ возу ѣдешь, того и пѣсенку пой."

Отмѣнить этого не предвидѣлось никакой возможности: Бодростинъ неотразимо исполнялъ непостижимый и роковой законъ по которому мужья столь часто употребляютъ самыя упорныя усилія вводить къ себѣ въ домъ людей которыхъ бы лучше имъ вѣкъ не подпускать къ своему порогу.

— Сей молодецъ яко старецъ, проговорилъ Евангелъ, садясь съ майоромъ снова подъ межку.

— Межеумокъ, отвѣчалъ нехотя Форовъ, и болѣе они о Висленевѣ не говорили.

Подъ третьимъ кровомъ утро это началось еще иначе.

Глафира Васильевна Бодростина возвратилась домой съ небольшимъ черезъ четверть часа послѣ того какъ она вышла отъ Горданова. Она сама отперла бывшимъ у нея ключомъ небольшую дверь въ оранжерею, и черезъ нее прошла по довольно крутой спиральной лѣстницѣ на второй этажъ, въ чистую комнату, гдѣ чуть теплилась лампада подъ низкимъ абажуромъ, и дремала въ креслѣ молодая, красивая дѣвушка въ ситцевомъ платьѣ.

Бодростина заперла за собой дверь, и тронувъ дѣвушку слегка за плечо, бросила ей шинель и шляпу, а сама прошла три изящно убранныя комнаты своей половины, и остановилась наконецъ въ кабинетѣ, оклеенномъ темно-зелеными обоями, и убранномъ съ большимъ вкусомъ темно-зеленымъ бархатомъ и позолотой.

Дѣвушка вошла вслѣдъ за нею и сказала: вамъ есть письмо!

— Откуда такъ поздно?

— Швейцаръ мнѣ прислалъ его, какъ только вы изволили уйти. Я сказала что вы уже изволили залочивать.

— На, отвѣчала Бодростина, бросая на руки дѣвушки свою бархатную куртку и жилетъ, сними съ меня сапоги, и подай мнѣ письмо, добавила она, полуулегшись на диванъ, глубоко уходящій въ нишь окна.

Дѣвушка вышла и черезъ минуту явилась съ розовыми атласными туфлями и съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ лежалъ большой конвертъ.

Глафира Васильевна взяла письмо, взглянула на адресъ и покраснѣла.

— А-а! Наконецъ-то! шепнула она себѣ.

Дѣвушка разула ее и надѣла на ея ноги туфли.

— Ложись спать! приказала Бодростина.

Дѣвушка поклонилась и вышла.

Глафира Васильевна встала, тихо обошла нѣсколько разъ вокругъ комнаты, опустила занавѣсы дверей, отдернула занавѣсу окна въ нишѣ котораго помѣщался диванъ, и снова сѣла здѣсь и наморщила лобъ.

— Игра начинается большая и опасная! носилось въ ея головѣ. Рискованнѣе и смѣлѣе я еще не задумывала ничего, и я выиграю.... Я должна выиграть ставку, потому что ходы мои разчитаны вѣрно, и рука мнѣ повинующаяся неотразима, но.... Гордановъ хитеръ, и съ нимъ нужна вся осторожность, чтобъ онъ ранѣе времени не узналъ что онъ будетъ работать не для себя. Впрочемъ я готова встрѣтить все, и намъ пора окончить съ Павломъ Николаевичемъ наши счеты!

Бодростина тихо вздохнула, и взявъ неспѣшною рукой со стола письмо, разорвала конвертъ.

Письмо было на большомъ листѣ почтовой бумаги исписанномъ вокругъ чистымъ и красивымъ мужскимъ почеркомъ, внизу стояла подпись „Подозеровъ.“

„Я получилъ четыре дня тому назадъ ваше письмо, начиналъ авторъ. Не нахожу словъ которыми могъ бы отблагодарить васъ за чувства выраженныя въ вашихъ строкахъ, которыхъ я никогда не перестану помнить. Я не отвѣчалъ вамъ скоро потому что хотѣлъ отвѣчать обстоятельно. Прежде всего я отвѣчу на ваше запрещеніе смѣяться надъ вами. Это напрасно. Я не умѣю смѣяться ни надъ кѣмъ, и всегда отвѣчаю на всякій вопросъ по совѣсти, точно такъ же поступаю и въ настоящемъ случаѣ.

„Вы напоминаете мнѣ мой долгъ вамъ, напоминаете данное мною вамъ, при одномъ шуточномъ случаѣ, серіозное слово безотговорочно и честно исполнить первое ваше требованіе, и въ силу этого слова дѣлаете для меня обязательнымъ обстоятельный и чистосердечный отвѣтъ на ваше письмо, заключающее въ себѣ и дружескій вопросъ, и совѣтъ, и предостереженіе, и даже предсказаніе. Вы разрѣшаете мнѣ тоже, взамѣнъ всякихъ отвѣтовъ, отдѣлаться сознаніемъ что откровенность мнѣ не по силамъ.

„Очень благодарю васъ за дарованіе мнѣ такого легкаго способа отступленія, но конечно имъ не воспользуюсь: я буду съ вами совершенно откровененъ.

„Я бы очень прямо отвѣчалъ вамъ почему держу себя, какъ вы говорите, „такъ странно и двусмысленно“, еслибъ я видѣлъ въ моемъ поведеніи какую-нибудь двусмысленность и загадочность. Мнѣ даже самому было бы пріятно уяснить себѣ мои странности, но я, къ крайней моей досадѣ, лишенъ способности ихъ видѣть. Мнѣ кажется что я живу какъ всѣ, одѣваюсь какъ всѣ, ложусь спать и встаю въ часы болѣе или менѣе обычные для всѣхъ, занимаюсь моею службой, посѣщаю моихъ немногочисленныхъ друзей, и мало забочусь о моихъ врагахъ, которыхъ, по вашему замѣчанію, у меня очень много. Не смѣю вамъ противорѣчить, но если это и такъ, то что̀ же я долженъ дѣлать чтобъ уменьшить число моихъ недоброжелателей? Я не употреблялъ никакихъ стараній пріобрѣсть ихъ

вражду, и не знаю за что̀ получилъ ее, не знаю и средства къ умилостивленію ихъ. Помогите мнѣ пожалуста и спросите перваго человѣка который выскажется ко мнѣ предъ вами враждебно что̀ я ему сдѣлалъ худаго? Этимъ вы мнѣ дадите средство исправиться. Вы относите чувства моихъ недруговъ къ моему безучастію „въ общественныхъ дѣлахъ,“ и ставите мнѣ въ укоризну мой отказъ отъ продолженія секретарства по человѣколюбивымъ учрежденіямъ, въ которомъ вы принимаете участіе. Мнѣ кажется что вы правы: я дѣйствительно мало показываюсь въ обществѣ, но это потому что у меня очень хлопотливая служба, едва оставляющая мнѣ сколько-нибудь времени для того чтобъ освѣжить мою голову страницей чтенія. Поэтому же я отказался и отъ секретарства и отъ всякаго участія въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, кромѣ посильной лепты моей, которую отдаю охотно. Я не могу дѣйствовать иначе потому что прямое мое дѣло, которое я ежеминутно дѣлаю, стоя у интересовъ крестьянъ, тоже есть дѣло благотворенія, и оно непремѣнно потерпѣло бы, еслибъ я сталъ раздѣлять свое время на стороны. Скажу вамъ болѣе: я бы считалъ очень радостнымъ фактомъ, еслибы среди русскихъ мущинъ имѣющихъ опредѣленныя занятія находилось какъ можно менѣе охотниковъ вступаться въ дѣла непосредственнаго благотворенія. Зная характеръ этихъ дѣлъ, и характеръ, и цѣль большинства пристающихъ къ нимъ лицъ, я позволяю себѣ искреннѣйше желать чтобы благотвореніе и помощь бѣднымъ, какъ прямыя дѣла христіанскаго милосердія, вѣдались приходами, а не людьми занимающимися этими дѣлами pour passer le temps. Я увѣренъ что это къ тому непремѣнно и придетъ, когда умножится число людей въ самомъ дѣлѣ добрыхъ и въ самомъ дѣлѣ соболѣзнующихъ о нуждающемся братѣ, а не ищущихъ себѣ связей и протекцій насчетъ благотворенія, какъ это дѣлается. Я чувствую ложь въ основѣ нынѣшней благотворительности, и не хочу тратить силъ и времени нужныхъ дѣлу служить которому я обязанъ присягой и добрымъ моимъ хотѣніемъ. Вотъ вамъ разъясненіе одной моей странности и послѣдней неловкости, „завершившей, по вашимъ словамъ, цѣль моихъ безтактностей“.

„Вторая укоризна въ томъ что̀ вы называете невниманіемъ къ своей репутаціи, можетъ-быть еще болѣе справедлива. Вы ставите мнѣ въ вину что я „кажется“ никогда не употребляю никакихъ усилій для того чтобы смирить зазнающуюся наглость. Слово „кажется“ вы поставили напрасно: вы могли бы даже сказать это совершенно утвердительно, и я призналъ бы неопровержимую правоту вашихъ словъ; но вы неправы, приписывая это такъ-называемому „презрительному индиферентизму къ людямъ“ или „неспособности ненавидѣть, происходящей отъ неспособности любить“. Здѣсь вы погрѣшаете въ вашихъ заключеніяхъ. „Презрительнаго индиферентизма къ людямъ“ во мнѣ нѣтъ, и я его даже не понимаю: напротивъ,

у меня черезъ мѣру неосторожны и велики тяготѣнія къ однимъ людямъ, и я очень сильно чувствую отвращеніе отъ другихъ, но ненавидѣть я дѣйствительно не способенъ. Я, какъ человѣкъ очень дурно воспитанный, конечно, не свободенъ отъ злобности, и я даже могу ненавидѣть, но я ненавижу одну мстительную ненависть, и за то ненавижу ее непримиримо. Наше дѣло сберегать себя отъ зла, къ которому, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе склонны всѣ люди, но ненавидѣть человѣка и стараться мстить ему.... Это такая черная работа отъ которой, конечно, пожелаетъ освободить себя всякій, какъ только онъ захочетъ вдуматься въ существо дѣла. Вотъ вамъ объясненіе моего мнимаго незлобія: я не мстителенъ, больше по недосугу и по эгоизму.

„Вы вообще желаете поднять во мнѣ желаніе защищаться и, указывая на принца Гамлета какъ на примѣръ достойный подражанія, совѣтуете усвоить изъ него „то что̀ въ немъ есть самаго сильнаго“. Принцъ Гамлетъ образецъ великій, и вы напрасно шутите что будто бы его душа живетъ теперь во мнѣ. Нѣтъ, къ сожалѣнію, это не такъ; но все-таки я чту и чувствую принца Гамлета, и я знаю что̀ у него было самое сильное, но это отнюдь вѣдь не желаніе мстить и издѣваться, здѣсь только слабость принца, а сила его въ любви его.... въ любви его не къ Офеліи, которую онъ какъ женщину любитъ потому что „любитъ“, а въ его любви къ Горацію, котораго „избралъ онъ передъ всѣми“. Вы, конечно, помните эти прекрасныя слова за что̀ онъ избранъ:

Страдая ты, казалось, не страдалъ,
Ты бралъ удары и дары судьбы
Благодаря за то и за другое,
И ты благословенъ!...
Дай мужа мнѣ котораго бы страсть
Не дѣлала рабомъ, и я укрою
Его души моей въ святѣйшихъ нѣдрахъ.
Какъ я укрылъ тебя.

„Поистинѣ, я во всей трагедіи не знаю ничего величественнѣе этого вообще мало замѣчаемаго мѣста; но здѣсь достоинъ подражанія не нерѣшительный принцъ Гамлетъ, а Горацій, съ которымъ у меня, къ сожалѣнію, только одно сходство что я такой же „бѣднякъ“ какъ онъ.

„Далѣе вы совѣтуете мнѣ измѣнить мой образъ жизни, но скажите, Бога ради, можно ли не быть самимъ собой ни для чего или, что̀ еще хуже, измѣниться для того чтобы быть хуже?... Я это говорю потому что вы мнѣ совѣтуете „окраситься“, потому что „бѣлый цвѣтъ марокъ“, вы рѣшительно сказали „интригуйте, какъ большинство, имѣйте всѣ пороки которые имѣютъ всѣ, не будьте мимозой, свертывающейся отъ всякаго прикосновенія, будьте чѣмъ вы хотите: шулеромъ, взяточникомъ, ханжой, и васъ кто-нибудь да станетъ считать своимъ, между тѣмъ какъ нынѣ, гнушаясь гадости людей, вы

всѣмъ не только чужой, но даже ненавистный человѣкъ. Люди не прощаютъ такого поведенія: они не вѣрятъ что вы отходите для того чтобы только отойти; нѣтъ, имъ кажется что это не цѣль, а только средство чтобы вредить имъ издали. Вредите имъ, и они будутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ находясь въ догадкахъ.“ Вы очень наблюдательны, Глафира Васильевна! Это все очень вѣрно, но не сами ли же вы говорили что чтобъ угодить на общій вкусъ, надо себя „безобразить“. Согласитесь, это очень большая жертва, для которой нужно своего рода геройство. Какъ эгоистъ, я имѣю болѣе близкую мнѣ заботу, прежде чѣмъ нравиться людямъ, я не хочу приходить въ окончательный разладъ съ самимъ собой. Какъ вы хотите, человѣку можно простить эту манкировку и позволить заботиться немножко о своемъ самоусовершенствованіи или, скромнѣе сказать, о собственномъ исправленіи. Надо же немножко держать корректуру надъ самимъ собой, чтобы не дойти въ концѣ концовъ до внутренняго разлада, за чѣмъ, конечно, всегда слѣдуетъ необходимость плясать по чужой дудкѣ, къ чему я совершенно не способенъ. Вы указываете мнѣ на существующую будто бы общую подготовку сразу сложиться въ дружный союзъ противъ меня, и предрекаете что это будутъ силы которыя сломятъ всякую волю; но, Глафира Васильевна, я никогда и не считалъ себя героемъ, для одолѣнія котораго нужны были бы очень сложныя силы въ родѣ „всеобщаго раздраженія или всеобщаго озлобленія“, которыя вы желаете отвратить отъ головы моей. Я гораздо скромнѣе и уступчивѣй, и все на что я уповаю это усвоенная мною себѣ привычка отходить отъ зла, творя этимъ благо и себѣ, и тому кому я досадилъ. Я не претендую ни на какое мѣсто въ обществѣ, ни на какое вліяніе, даже равнодушествую, какъ вы говорите, къ общественному мнѣнію, все потому что я крайне доволенъ своимъ положеніемъ, въ которомъ никто на свѣтѣ не можетъ заставить меня пожертвовать драгоцѣнною для меня свободой совѣсти, мыслей и поступковъ, я среди людей какъ среди моря; не всѣ валы сердиты и не всѣ и нахлестываютъ, а есть и такіе которые выносятъ. Я не хвалюсь друзьями, но они у меня есть. Если я, по вашимъ же словамъ, не смѣю разчитывать на доброжелательство въ обществѣ, то чему же, напримѣръ, я обязанъ за ваше участіе и вниманіе, послѣднимъ доказательствомъ которыхъ мнѣ служитъ лежащій предо мной листокъ, написанный вашею доброжелательною рукой? Неужто въ самомъ дѣлѣ тому что я не хотѣлъ позволить гдѣ-то и кому-то говорить о васъ вздорныя и пустыя слова, обстоятельство которое вы помните съ приводящимъ меня въ стыдъ постоянствомъ?... Глафира Васильевна! я очень люблю Филетера Ивановича, но я готовъ разлюбить его за его болтливость, съ которою онъ передалъ вамъ почти трактирную, недостойную сцену мою съ Висленевымъ, который лепеталъ о васъ что-то тогда, отнюдь не по зложелательству, а по тогдашнему, довольно многимъ

общему влеченію къ такъ-называвшейся „очистительной критикѣ“. Форовъ не долженъ былъ ничего сообщать объ этомъ случаѣ, незначащемъ и недостойнымъ никакого вниманія, какъ и вы, мнѣ кажется, не должны напоминать мнѣ объ этомъ, поселяя тѣмъ непріятное чувство къ добродушному Филетеру Ивановичу. Попросить человѣка перестать говорить несовсѣмъ хорошо о женщинѣ, повѣрьте, самый простой поступокъ, который всякій сдѣлаетъ по такому же естественному побужденію, по какому человѣкъ желаетъ не видать непріятнаго зрѣлища или не слыхать раздирающихъ звуковъ. При извѣстной слабости нервовъ и извѣстной привычкѣ потворствовать имъ, я въ томъ случаѣ который стараюсь объяснить вамъ поступилъ бы одинаково какой бы женщины это ни касалось. И затѣмъ послѣднее: за приглашеніе ваше гостить лѣто у васъ въ Рыбацкомъ, я, разумѣется, безконечно вамъ благодаренъ, но принять его я не могу: какъ ни непріятно оставаться въ городѣ, но я уѣхать отсюда не могу.

„Примите и пр.

„Андрей Подозеровъ.“

Бодростина сжала письмо въ рукѣ, посидѣла минуту молча, потомъ встала, и шепнувъ „и ты благословенъ“, вздохнула и ушла въ свою спальню.

Черезъ двѣ минуты она снова появилась оттуда въ кабинетѣ, въ пышной бѣлой блузѣ и съ распущенными не длинными, но густыми темнорусыми волосами, зажгла пахитоску открыла окно и, ставъ на колѣни на диванъ, легла грудью на бархатный матрацъ подоконника.

„Онъ бѣжитъ меня и tant mieux!..“ Она истерически бросила за окно пахитоску и хруснувъ пальцами обѣихъ рукъ, соскользнула на диванъ, закрыла глаза и заснула при безпрестанныхъ мельканіяхъ словъ: „Завтра, завтра, не сегодня такъ лѣнивцы говорятъ: завтра, завтра“. И вдругъ пауза, тишь, и на разсвѣтѣ въ комнату является черноглазый мальчикъ въ розовой ситцевой рубашкѣ, барабанитъ и громко поетъ:

Бей, бей барабанъ,
Маршируй впереди,
А кто спитъ тотъ болванъ,
Поскорѣе буди!...

У Бодростиной дрожатъ вѣки, грудь подымается и она хочетъ вскрикнуть: „братъ! Гриша!“, но открываетъ глаза.... Ея комната освѣщена жаркимъ свѣтомъ измѣнчиваго утра, дѣвушка стоитъ предъ Глафирой Васильевной и настойчиво повторяетъ ей: „Сударыня, васъ ждутъ Генрихъ Ивановичъ Ропшинъ.“

Бодростина мгновенно вскочила, спросила мокрое полотенце, обтерла имъ лицо и велѣла привести гостя въ бельведеръ.

— Мнѣ красную шаль, сказала она возвратившейся дѣвушкѣ, и накинувъ на плечи требуемую шаль, нетерпѣливо вышла изъ комнаты и поднялась въ бельведеръ.

Въ фонарѣ, залитомъ солнцемъ, стоялъ молодой человѣкъ, блондинъ, „нескверный и неблазный“ съ свернутымъ въ трубку листомъ бумаги.

Заслышавъ легкіе шаги входившей по лѣстницѣ Бодростиной, онъ всталъ и подбодрился, но при входѣ ея тотчасъ же снова потупилъ глаза.

Глафира Васильевна остановилась предъ нимъ молча, молодой человѣкъ, не сказавъ ей ни слова, подалъ ей свернутый листъ бумаги.

Глафира Васильевна взяла этотъ листъ, пробѣжала его первыя строки, и сдернувъ съ себя красную шаль, сказала:

— Какъ здѣсь сегодня ярко! завѣсьте пожалуста одно окно этимъ платкомъ!

„Нескверный и неблазный“ юноша молчаливо и робко исполнилъ ея приказаніе, и когда оглянулся, увидѣлъ Графиру Васильевну стоящую на своемъ мѣстѣ, а свитокъ бумаги у ея ногъ.

Глафира была блѣдна какъ платъ, но Ропшинъ этого не замѣтилъ, потому что на ея лицо падало отраженіе красной шали. Онъ наклонился къ ногамъ окаменѣвшей Глафиры чтобы поднять листъ. Бодростина въ это мгновеніе встрепенулась и съ подкупающею улыбкой на устахъ приподняла отъ ногъ своихъ этого бѣлаго юношу, взявъ его однимъ пальцемъ подъ его безволосый подбородокъ.

Тотъ истлѣлъ отъ блаженства и зашатался, не зная куда ему двинуться: впередъ или назадъ?

— Оставьте мнѣ это на два часа, проговорила Бодростина, держа свитокъ и стараясь выговаривать каждый слогъ какъ можно отчетливѣе, между тѣмъ какъ языкъ ея деревенѣлъ, и ноги подкашивались.

Ропшинъ млѣя и колеблясь поклонился и вышелъ.

Съ этимъ вмѣстѣ Глафира Васильевна воскликнула: я нищая! и пошатнувшись, упала безъ чувства на полъ.

Черезъ часъ послѣ этой сцены въ домѣ Бодростиной, вѣтеръ ревѣлъ, хлесталъ дождь, и гремѣлъ громъ и рѣяли молніи. Дурно запертыя рамы распахнулись и въ фонарѣ бодростинскаго бельведера и въ комнатѣ Горданова.

Послѣдній, крѣпко заспавшійся, былъ разбуженъ бурей и ливнемъ; онъ позвонилъ нетерпѣливо человѣка и велѣлъ ему открыть занавѣсы и затворить хлопавшую раму.

— Цвѣты! доложилъ ему лакей, подавая букетъ.

Гордановъ покосился на свѣжія розы, всталъ и подошелъ къ окну.

— Ага! загорѣлась орифлама! проговорилъ онъ, почесавъ себѣ шею, и взявъ на столѣ листочекъ бумаги написалъ: „Дѣла должны идти хорошо. Проси мнѣ у Тихона Ларіоновича льготы всего два мѣсяца: черезъ два мѣсяца я буду богатъ и тогда я вашъ. Занятые у тебя триста рублей посылаю въ особомъ конвертѣ завтра. Мужъ твой пока еще служитъ и его надо поберечь.“

Гордановъ запечаталъ это письмо и, надписавъ его „въ Петербургъ, Алинѣ Александровнѣ Висленевой“, подалъ конвертъ слугѣ, сказавъ: сію минуту сдай на почту, но прежде отнеси эти цвѣты Ларисѣ Платоновнѣ Висленевой.

А огненная орифлама все горѣла надъ городомъ въ одной изъ рамъ бельведера, и вѣтеръ рвалъ ее и хлесталъ ея мокрыя каймы о желѣзныя трубы, желѣзныхъ драконовъ вѣнчавшихъ крышу хрустальной клѣтки, громоздившейся на крутой горѣ и подъ сильнымъ вѣтромъ.

Теперь мы должны покинуть здѣсь подъ бурей всѣхъ нашихъ провинціальныхъ знакомыхъ и ихъ заѣзжихъ гостей, и перенестись съ тучнаго и теплаго чернозема къ холоднымъ финскимъ берегамъ, гдѣ заложенъ и выстроенъ на костяхъ и сваяхъ городъ, изъ котораго въ послѣдніе годы, доколѣ не совершился кругъ, шли и думали вѣчно идти самые разнообразные новаторы. Посмотримъ, скрѣпя наши сердца и нервы, въ нѣкоторые недавно еще столь безобразныя и неряшливыя, а нынѣ столь отмѣнившіяся отъ прошлаго клочья этого гнѣзда, гдѣ въ остромъ уксусѣ „сорока разбойниковъ“ отмачиваются и въ вымоченномъ видѣ выбираются въ житейское плаванье новые межеумки, съ которыми надо ликовать или мучиться и многозаботливымъ Марѳамъ и безвѣстно совершающимъ свое теченіе Маріямъ.

Путь не тяжелъ,—срокъ не дологъ, и мы откочевываемъ въ Петербургъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Н. ЛѢСКОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЫЩИКИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ БИРОНОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVIII.

Миктерову удалось благополучно добраться до деревни отца. Онъ могъ жить тамъ безопасно. Отецъ ничего не зналъ ни о его дѣлѣ, ни о происшедшей въ судьбѣ его перемѣнѣ. Да притомъ въ Москвѣ о немъ уже забыли: вновь сформированная изъ лейбъ-регимента конная гвардія замѣнила кавалергардскій полкъ, въ которомъ Миктеровъ служилъ и чины котораго переведены были теперь или въ другія мѣста, или вовсе отставлены. Вообще не до Миктерова было въ настоящее время.

Съ переѣздомъ государыни во вновь построенный и великолѣпно отдѣланный дворецъ Анненгофъ, на лѣвомъ берегу Яузы, на томъ мѣстѣ гдѣ стоялъ домъ Головина и гдѣ нынѣ военныя гимназіи, стала при дворѣ мало-по-малу вводиться та роскошная обстановка, которой удивлялись современники, хотя казна нуждалась въ деньгахъ, не платила даже жалованья, перебиваясь кое-какъ тѣмъ что̀ ссужалъ пріѣхавшій изъ Митавы Липманъ, Еврей нѣкогда имѣвшій счеты съ Бирономъ и

который теперь получилъ званіе придворнаго банкира или оберъ-гофъ-коммиссара.

Несмотря на послѣдовавшія въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи кончины дяди государыни, Салтыкова, сестры ея Прасковьи и царицы-инокини Евдокіи Ѳеодоровны, скоро начались при дворѣ и маскарады, и праздники, и комедіантскія представленія труппой присланною изъ Варшавы. Въ то же время формируются новые кирасирскіе полки, для которыхъ Левенвольдъ доставляетъ лошадей, производятся экзерциціи вновь собраннымъ Измайловцамъ на Царицыномъ лугу за Москвой-рѣкой, учреждается кадетскій корпусъ на 200 человѣкъ шляхетскихъ дѣтей, усиливаются работы на Ладожскомъ каналѣ, принимаютъ и выпроваживаютъ донъ-Эмануила Португальскаго, пріѣзжавшаго чтобы предложить руку и сердце новой императрицѣ.

Не только о какомъ-нибудь Миктеровѣ, не время было думать даже и о комъ-нибудь поважнѣе. Но если, благодаря этой суетни, онъ могъ пока хорошо и свободно жить въ деревенской глуши, то не такъ-то легка была роль Торбеева, съ оставленными ему Миктеровымъ при отъѣздѣ долгоруковскими вещами. По всему видно было что времена Долгорукихъ прошли невозвратно, что другимъ, новымъ лицамъ суждено было играть главныя роли. Только и слышно было всюду и вездѣ имена иностранныя: Биронъ, Остерманъ, Левенвольдъ, да Минихъ. Къ нимъ что̀ ли идти Торбееву съ добромъ своимъ, имъ открываться что ли? думалъ онъ, тяготясь и принудительнымъ молчаніемъ, и навязанною тайной.

— Гдѣ нынѣ, государь мой, совѣта да милости искать? спрашивалъ онъ у своего патрона Ягужинскаго, не рѣшаясь еще даже и ему сообщить своего секрета.

— А вотъ кого намъ Левенвольдъ въ наслѣдники престола привезетъ, посмѣивался тотъ,—тому и кланяться будемъ. За женихомъ, слышь, для принцессы Мекленбургской Анны отъ двора отправленъ, ха, ха, ха! Нѣмцами вишь насъ сдѣлать хотятъ! Да не сдѣлаютъ; посчитаемся еще! горячился Ягужинскій.

— Да, вотъ развѣ ему сказать? думалъ, утѣшенный этимъ тономъ патрона своего, Торбеевъ.—Вотъ человѣкъ, говорилъ онъ про Ягужинскаго въ своемъ кружкѣ,—не токмо Бирону, и самой государынѣ правды сказать не сробѣетъ, не даромъ его въ народѣ не по званію и титулу, а напросто Павломъ Ивановичемъ величаютъ!

— Правда ли, государь мой, приставалъ онъ опять къ Ягужинскому,—слухомъ обносимся якобы Мекленбургской принцессѣ присягу о престолонаслѣдіи въ архіерейскомъ подворьѣ печатали, и станки, слышь, тамъ съ наборщиками заперли?

— Ха, ха! смѣялся опять Ягужинскій, — нѣтъ, неправда, а что за Елизаветъ Петровной указано Миниху надзирать, да провѣдывать кто у нея бываетъ, и что по ночамъ будто бы она ѣздитъ, и народъ ей кричитъ, показуя горячность свою, о томъ у тебя спросить надо, тебѣ дѣло сіе знатно вѣдомо.

— Сказать ему? продолжалъ думу свою Торбеевъ, прельщенный ласковымъ и откровеннымъ тономъ своего патрона. Супротивъ него никто большей услуги кажись ея величеству не оказывалъ; сказать развѣ ему? Эхъ! рѣшился онъ наконецъ и отправился къ Ягужинскому.

Обычаи генерала были ему хорошо знакомы, онъ зналъ что Ягужинскій не любилъ церемонныхъ выѣздовъ, обѣдалъ всегда дома, въ семьѣ, и что слѣдовательно застать его дома вернѣе всего въ обѣденный часъ. Но случилось что Ягужинскій получилъ какъ-то приглашеніе на обѣдъ къ Бирону и что приглашеніе это приняла, въ небытность его дома, жена его, Анна Гавриловна, сказавъ что мужъ будетъ непремѣнно. Нечего дѣлать, Павелъ Ивановичъ рѣшился ѣхать, не смотря на всю нелюбовь къ этикету, несмотря и на накипѣвшую за все это время въ немъ желчь противъ *Нѣмцевъ*.

Не захвативъ дома супруговъ, Торбеевъ рѣшился ихъ дожидаться.

Обѣдъ у Бироновъ былъ не торжественный, кромѣ домашнихъ и родственниковъ, дѣвицъ Трейтенъ, братьевъ Бирона и кое-кого изъ придворныхъ, приглашены были только: Левенвольдъ, Ушаковъ и Черкасскій, да Ягужинскій. Столъ былъ впрочемъ накрытъ все-таки великолѣпно, блестѣло серебро и хрусталь, стояли корзинки съ фруктами и сластями. Дамы сидѣли на одной сторонѣ стола, мущины на другой. Анна Гавриловна, высокая, необыкновенно стройная, немного рябоватая, но недурная собою женщина, казалась царицей предъ всѣми остальными дамами. Отлично говоря на иностранныхъ языкахъ и извѣстная своею любезностью, она бойко относилась то къ той, то къ другой изъ своихъ собесѣдницъ и одна повидимому занимала женскую половину общества.

На сторонѣ мущинъ было гораздо тише и скучнѣе. Всегда

острый и забавный Павелъ Ивановичъ былъ не въ духѣ, онъ только ѣлъ и пилъ по обыкновенію много. Хозяинъ, занятый сервировкой, мало обращалъ вниманія на бесѣду и лишь по временамъ вставлялъ свои некрасивыя, съ нѣмецкимъ акцентомъ и нѣмецкими оборотами русскія фразы. Черкасскій съ Ушаковымъ разговаривали о ходячей городской новости, объ учреждаемомъ вновь кадетскомъ корпусѣ. Стали одинъ по одному разбирать пункты только-что вышедшаго и обнародованнаго устава его. Остановились на введенныхъ во второмъ классѣ наукахъ: фортификаціи, артиллеріи, исторіи, риторикѣ, юриспруденціи, морали и геральдикѣ. Кто-то замѣтилъ что науки эти вѣроятно заимствованы изъ какой-нибудь иноземной программы, такъ какъ корпусъ устраивается по примѣру прусскаго, датскаго и прочихъ королевскихъ кадетскихъ домовъ.

— Будетъ время, сказалъ вдругъ, поднявъ голову, Ягужинскій,—будетъ время мы свои домы и всѣ порядки въ нихъ по примѣру прусскому, датскому и прочихъ королевствъ установимъ.

— Вамъ привычка давно есть къ иноземному, навостривъ уши и посмотрѣвъ прямо въ глаза Ягужинскому, сказалъ Биронъ;—графу это помнить можно, прибавилъ онъ, точно обидѣвшись сдѣланнымъ замѣчаніемъ.

Ягужинскаго кольнулъ также за живое такой отвѣтъ; не ему, въ самомъ дѣлѣ, свидѣтелю и участнику реформъ Петра, было теперь упрекать кого бы то ни было иноземными порядками.

— Старыхъ обычаевъ знатное число отложено, это я вѣдаю, отвѣчалъ онъ,—однако и то удивленія достойно что шляхетство отъ молодыхъ лѣтъ обучено будетъ разнымъ наукамъ о коихъ въ уставѣ упомянуто и кои и выразумѣть трудно: морали, геральдикѣ.... о правилахъ же церкви своей вѣдать не будетъ.

— Правила церкви! ха-ха! засмѣялся Биронъ. — Графъ поистинѣ православный, прибавилъ онъ, посматривая искоса на него.

Ягужинскій вспыхнулъ; тонъ Бирона вообще раздражалъ его, насмѣшка же его надъ православіемъ, напоминавшая ему что отецъ его былъ органистомъ въ лютеранской церкви и что самъ онъ считалъ себя когда-то членомъ ея, окончательно взбѣсила Павла Ивановича.

— Я Россію отечествомъ своимъ считаю, началъ онъ,—понеже въ ней выросъ и всю жизнь свою провождаю, совѣтчикомъ тому чтобы старыхъ обычаевъ держаться неотложно не былъ никогда; однако, полагаю, объ уставѣ кадетскаго корпуса подумать можно, что конечно сочиненъ онъ иноземцемъ, и всякому Русскому не по сердцу придется.—Во время трапезы, обратился онъ, какъ бы ища сочувствія, къ Черкасскому и Ушакову,—во время трапезы определено одному изъ кадетъ, вмѣсто молитвы, читать вслухъ нѣсколько изъ артикуловъ, регламентовъ, указовъ, также изъ исторіевъ или газетовъ. А? во время трапезы?

Лицо Ягужинскаго, несмотря на его 46 лѣтъ, горѣло юношескимъ негодованіемъ; подъ вліяніемъ накопившейся досады и выпитаго вина, онъ непремѣнно сказалъ бы что-нибудь дерзкое, еслибы только нашелъ въ своихъ собесѣдникахъ какую-нибудь поддержку; но Черкасскій сидѣлъ склонивъ голову на плечо, Ушаковъ уткнулся въ тарелку; никто не сказалъ ни слова.

— Нѣмцы, графъ, замѣтилъ тогда Биронъ, поднявъ еще выше голову,—Нѣмцы и не одинъ уставъ этотъ для Россіи сочинили. Много они сочиняли, Нѣмцы.

— Иное дѣло сочинять, а иное обычаи ломать, отвѣтилъ Ягужинскій, чувствуя что говоритъ не то что хотѣлъ бы сказать, чувствуя также что самъ даетъ врагу своему въ руки оружіе противъ себя и оттого еще болѣе досадуя и горячась.

— Чудно то, весьма чудно какъ графъ говоритъ! ха-ха-ха! засмѣялся опять Биронъ, пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ.—Думаю графъ свою бороду брѣетъ? А? продолжалъ онъ съ сладкою улыбкой.—Брѣетъ?

— Брѣю, брѣю! вскипѣвъ вдругъ негодованіемъ и возвысивъ голосъ, отвѣтилъ Ягужинскій,—только не вашему сіятельству сбрить ее.

— О-о-о! нахмурившись сказалъ Биронъ.—Русской націи не бритва: топоръ и кнутъ лучше.

— Кнутъ? повторилъ Ягужинскій и, вскочивъ изъ-за стола схватился за шпагу.

Обѣдъ и безъ того уже оканчивался, но тутъ, забывъ всякій этикетъ, всѣ встали какъ попало; Анна Гавриловна, подбѣжавъ безсознательно къ хозяйкѣ дома, крѣпко жала ей руку, какъ бы заранѣе прося пощады. Ушаковъ и Черкасскій стали предъ Ягужинскимъ.

— Опамятуйся, Павелъ Ивановичъ, что̀ ты? говорили они.

Ягужинскій внѣ себя озирался во всѣ стороны и, наконецъ, ни слова не говоря, никому не поклонившись, пошелъ вонъ изъ комнаты; жена его побѣжала за нимъ.

— Не время, не время! чуть не закричалъ онъ на подвернувшагося ему уже дома Торбеева, ошеломленнаго такимъ пріемомъ своего благодѣтеля, отъ котораго онъ ожидалъ и совѣта, и помощи, и къ которому теперь и приступу не было. И въ самомъ дѣлѣ было не время; не только Торбеева, но и весь дворецъ смутилъ Ягужинскій.

Остерманъ, которому давно уже не жилось въ Москвѣ, который и Петра II увѣрялъ что кремлевскій воздухъ вреденъ для его здоровья, сталъ теперь рѣшительнѣе прежняго доказывать что двору необходимо возвратиться въ Петербургъ. Описанная выходка Ягужинскаго казалась ему проявленіемъ той грубой силы бороться съ которою онъ признавалъ себя неспособнымъ, — силы, противъ которой, онъ чувствовалъ, не помогли бы ни его уклончивость, ни хитрость, ни дипломатическія его способности.

— Вашему величеству, твердилъ онъ ежедневно государынѣ, приходя во дворецъ въ грязноватой, сравнительно съ окружавшею пышностью и блескомъ, одеждѣ.—Вашему величеству надлежитъ для успокоенія переѣхать въ Петербургъ. Москва долго помнить будетъ тѣ обстоятельства при коихъ самодержавіе воспріять изволили. Злодѣйскіе замыслы здѣсь авантажъ имѣютъ и намъ предотвратить ихъ здѣсь будетъ не можно, въ Петербургѣ же иное дѣло.

XIX.

Какъ и что̀ случилось съ Ягужинскимъ, почему онъ такъ разсердился, ничего не знали и не могли придумать Торбеевы, но идти къ нему теперь старикъ не рѣшался, зная его горячій нравъ и разчитывая лучше переждать, лучше дать ему остыть, чѣмъ теперь рисковать можетъ-быть попасть опять въ такой же недобрый часъ и, не достигнувъ ничего, пожалуй и совсѣмъ милостей его лишиться. Между тѣмъ нежданно-негаданно послѣдовало вдругъ распоряженіе: всѣмъ войскамъ находящимся въ Москвѣ, за исключеніемъ четырехъ баталіоновъ, отправляться въ Петербургъ для исправленія на пути дорогъ и мостовъ. Молодой Торбеевъ долженъ былъ слѣдо-

вать съ ними, ибо о прикомандированіи его къ войскамъ оставшимся въ Москвѣ, безъ протекціи Павла Ивановича нечего было, конечно, и думать, надо было сбираться въ походъ, надо было управляться съ деньгами, наконецъ, главное, надо было на чемъ-нибудь рѣшить вопросъ: какъ и куда дѣваться съ оставленнымъ Миктеровымъ сокровищемъ, и все это скорѣе-скорѣе, безъ всякой помощи, безъ всякаго совѣта.

— Удружилъ, вотъ удружилъ, спасибо! говорилъ старикъ Торбеевъ сыну, горячась и не зная какъ выйти изъ затруднительнаго положенія,—въ чужомъ пиру, да похмѣлье!...

Но сыну его было тяжко и трудно и безъ всякихъ упрековъ; отъ природы робкаго характера, онъ совершенно опустился и осовѣлъ; когда приходилось ему теперь въ первый разъ разставаться съ отцомъ, и безъ всякой нравственной поддержки вступать въ совершенно незнакомую ему и новую походную жизнь, онъ и казны-то, которую укладывалъ ему бережно старикъ, сосчитать порядкомъ не могъ и собою-то распорядиться какъ слѣдовало не умѣлъ, а тутъ приходилось еще думать за другихъ, отстаивать товарища, да умасливать отца, который ни на какіе уговоры, повидимому, сдаваться уже не хотѣлъ, и терпѣніе котораго, казалось, истощилось до конца.

— Нѣтъ, мочи моей нѣтъ, мочи нѣтъ! говорилъ онъ. — До времени терпѣть я потерплю, а придетъ случай, либо выкину вонъ, либо тебѣ же въ Питеръ пришлю; вотъ и все; самъ какъ знаешь такъ и вѣдайся! Нравъ твой, продолжалъ онъ, обращаясь къ сыну,—хотя и робкій, однако это на предбудущее тебѣ въ пользу послужитъ, съ какимъ человѣкомъ дружбу вести можно. Самъ бѣжалъ, а добро свое намъ покинулъ! Не стерплю сего, слышь, не стерплю, въ Питеръ къ тебѣ съ подводой пришлю!

Молодой Торбеевъ отправился. И дорогой, и потомъ въ Петербургѣ, его постоянно тревожила мысль объ отношеніяхъ его къ Миктерову, и Богъ знаетъ до чего могъ бы онъ дойти при своей болѣзненной впечатлительности, еслибъ Ягужинскій, получившій назначеніе посланникомъ въ Берлинъ, не предложилъ ему ѣхать съ собою въ качествѣ адъютанта.

„Въ Берлинъ такъ въ Берлинъ," размышлялъ онъ, „только бы не здѣсь оставаться, подъ этимъ вѣчнымъ страхомъ!"

И онъ отправился въ свитѣ Ягужинскаго.

XX.

Въ то время какъ переселившійся въ Петербургъ дворъ сталъ мало-по-малу принимать тотъ характеръ который сохранился въ немъ до конца царствованія Анны; въ то время какъ Биронъ, расчищая себѣ дорогу, удалялъ понемногу отъ государыни всѣхъ казавшихся ему опасными, выпрашивалъ награды и себѣ, и малолѣтнимъ своимъ дѣтямъ, выписывалъ въ невѣсты брату изъ Сибири богатую наслѣдницу скрытыхъ Меньшиковымъ въ иностранныхъ банкахъ капиталовъ; въ то время какъ тотъ же Биронъ, желая всячески угодить своей повелительницѣ, ограждалъ ее отъ всѣхъ безпокойствъ до запрещенія было подавать челобитныя по воскреснымъ,—торжественнымъ днямъ и на куртагахъ, и до приказанія жечь, не донося и не распечатывая, подметныя письма; въ то время, наконецъ, какъ, пользуясь совершеннымъ спокойствіемъ, сама государыня занималась пріемами китайскихъ и другихъ пословъ, открывала торжественно кадетскій корпусъ и совершала прогулку на 80ти галерахъ и лодкахъ для осмотра оконченнаго Ладожскаго канала; любовалась на куртагахъ танцами знатнѣйшихъ дамъ, слушала пѣсни сочиненныя юнымъ Сумароковымъ, сооружала, подъ вліяніемъ духовника своего, Варлаама, церкви, разсылала потиры, дискосы, звѣзды и блюда по разнымъ монастырямъ, снаряжала миссіи для службы Божіей куда-нибудь въ Камчатку и къ Японцамъ,—въ то время Миктеровъ, не имѣя обо всемъ этомъ никакого понятія и не зная ни о томъ что̀ дѣлается при дворѣ, ни о томъ до какой степени проиграно дѣло Долгорукихъ, жилъ въ деревнѣ отца изо дня въ день, скучая и все еще надѣясь выйти какъ-нибудь изъ этой тюрьмы, изъ этой скучной деревенской жизни.

Если всему околотку и было извѣстно что сыну Миктерова, человѣка небогатаго, по протекціи Долгорукихъ только удалось попасть въ гвардейскій полкъ; если старикъ отецъ его и не мало трубилъ и хвасталъ въ свое время, во время силы Долгорукихъ, о блестящей карьерѣ ожидавшей его сына, чѣмъ и успѣлъ возбудить въ нѣкоторыхъ зависть, то теперь, взглянувъ на изнеможенную, худую и блѣдную фигуру молодаго человѣка, можно было забыть всякія непріятныя къ нему

чувства, и пожалуй убѣдиться въ томъ что ни неудача по службѣ, ни гоненіе Долгорукихъ, а дѣйствительно разстроенное, какъ онъ говорилъ, здоровье и болѣзнь заставили его вернуться къ отцу. Про секретныя дознанія, бывшія до его прибытія въ отцовской усадьбѣ, не зналъ никто изъ сосѣдей, что же касается до мѣстныхъ властей, то они были далеко, ихъ было мало вообще, да и не могли они слѣдить за тѣмъ что̀ дѣлалось въ помѣстьяхъ. Опасно было попасться имъ, но не попасться было не трудно; жизнь въ провинціи была довольно свободна, но за то она была лишена всякаго проявленія и всякаго смысла. Микторовъ томился и скучалъ.

Отецъ его, старикъ еще совершенно бодрый, служившій когда-то въ военной службѣ въ низкихъ чинахъ и участвовавшій въ походахъ противъ Шведа, умѣлъ сохранить къ сыну, несмотря на свою грубоватую натуру, то чувство нѣжности которое имѣютъ обыкновенно вдовцы къ своимъ дѣтямъ, инстинктивно стремясь замѣнить собою потерянную этими послѣдними мать. Отпустивъ сына когда тотъ былъ еще ребенкомъ, онъ собственную радость принесъ въ жертву чаемой блестящей его карьерѣ, въ немъ только полагая счастіе своей жизни, и обрѣзавъ свои собственные расходы, съежился елико возможно, лишь бы хоть какъ-нибудь посылать ему отъ времени до времени нѣсколько рублишекъ. Онъ гордился положеніемъ своего Ванюши во время силы Долгорукихъ и мечталъ о томъ счастливомъ днѣ когда наконецъ сынъ этотъ, выведенный имъ въ люди, придетъ поблагодарить отца за его нѣжныя заботы. Но когда вмѣсто того, съ паденіемъ Долгорукихъ, рушились эти мечты, и сынъ его въ простой одеждѣ, пѣшкомъ и больной еще, возвратился къ нему, ища убѣжища, старикъ вину всего несчастія взялъ на себя и тѣмъ болѣе считалъ себя обязаннымъ, съ одной стороны, удвоить, если было только можно, заботы и нѣжности къ нему, съ другой, сохранить навсегда чувство вражды къ тому порядку который имѣлъ слѣдствіемъ своимъ гибель его Ванюши. Но что̀ же однако, при всемъ своемъ желаніи, могъ предложить несчастный отецъ въ утѣшеніе сына? Представляла ли деревенская жизнь какіе-нибудь къ тому способы, и какова была она вообще?

Помѣщики жили въ своихъ усадьбахъ окруженные огромною дворней, и вообще наслаждаясь извѣстнымъ довольствомъ. Семьи ихъ значительно разростались. Они держали псовыя

охоты, ѣли, пили, а крестьянство, до котораго никому дѣла не было, несло на плечахъ своихъ всѣ тяжести.

Встанетъ поутру баринъ до восхода солнца, прочтетъ съ дьячкомъ полуночную и утреню, побесѣдуетъ съ дворецкимъ ключникомъ или старостой, и садится кушать сбитень, бузинный взваръ, а иногда и чай. Сходитъ онъ потомъ иногда къ обѣднѣ, поддерживаемый лакеями; въ церкви стоитъ на переднемъ мѣстѣ, а возвратившись, примется завтракать и вслѣдъ затѣмъ скоро и обѣдать съ семействомъ. Кушанье приготовлялъ или ученый поваръ, или простая повариха; блюда были незатѣйливыя, но за то брали количествомъ; у инаго семь, а у инаго и пятьдесятъ блюдъ бывало, соразмѣрно чему и распредѣлялась прислуга за столомъ. Послѣ обѣда въ домѣ закрывали ставни, баринъ ложился почивать, и все ходило въ домѣ на цыпочкахъ. Затѣмъ баринъ просыпался, требовалъ квасу или брусники съ медомъ, или моченыхъ яблокъ и, мало выждавъ, принимался опять за чай, а потомъ ужинъ и наконецъ сонъ до другаго дня. Такъ шли дни одинъ за другимъ, прерываемые только осенними и весенними охотами, да поѣздками къ сосѣдямъ.

Петербургское правительство, заставившее скоро себя почувствовать во всѣхъ концахъ Россіи и отозвавшееся на всѣхъ классахъ населенія, прибавило еще нѣсколько новыхъ красокъ къ этой и безъ того некрасивой картинѣ. Тамъ, стало слышно, наказали батогами какого-то старика помѣщика, за двукратную продажу одного и того же имѣнія, тамъ оштрафовали другаго, за намѣреніе постричь по принужденію жену свою въ монастырь; вотъ, слышно, потянулись подводы въ Петербургъ и ближайшіе города, съ офицерскими и шляхетскими недорослями, для записки ихъ на службу; а то вдругъ указъ о рекрутскомъ наборѣ; помѣщиковъ, прикащиковъ и сотскихъ, обязанныхъ выставлять рекрутъ, берутъ подъ караулъ за малѣйшую неисправность, а въ таковомъ-то селѣ крестьянство приняло въ колья команду присланную для добора недоимочныхъ рекрутъ.... А побѣги! о нихъ только и рѣчи. Бѣжитъ народъ со службы, бѣжитъ онъ съ барщины. По границамъ и по губерніямъ разъѣзжаютъ особые офицеры съ драгунами и солдатами, ищутъ вездѣ бѣглецовъ; губернаторы, воеводы, а также помѣщики, прикащики, старосты, выборные, сотскіе и десятскіе посылаютъ за ними погони, ловятъ съ

обѣщаніемъ 10 рублей награды за каждаго приведеннаго бѣглаго рекрута. Военные пріемщики съ своей стороны берутъ взятки, и деньгами, и съѣстными припасами, и чѣмъ попало, вымогаютъ хорошей одежды вмѣсто положеннаго по указу сермяжнаго кафтана, отпускаютъ за большіе куши крестьянъ зажиточныхъ,—и все это безъ жалобъ и апелляцій, ибо не забитому же, безграмотному крестьянству тягаться съ грамотѣями гражданскими и военными чинами? Но вотъ правительство сосчитало что въ недоимкѣ за народомъ числится до 7 милліоновъ рублей и приступило къ строгимъ мѣрамъ взысканія, экзекуціями; оно учредило наконецъ и страшный *доимочный приказъ*, съ гремѣвшимъ извѣстностію статскимъ совѣтникомъ Масловымъ.

— „Деньги, слышь, казнѣ понадобились; съ Полякомъ война началась“, толковали самые покладливые между провинціалами, но зачѣмъ понадобилось воевать съ Полякомъ, на это не могли бы дать отвѣта сто человѣкъ во всемъ государствѣ. Заботы Австрійскаго двора о гарантіи и признаніи другими державами прагматической санкціи; притязанія Прусскаго двора на Курляндское герцогство; домогательства Франціи о возвращеніи Станиславу Лещинскому польской короны,—кто ихъ разберетъ что̀ все это значитъ? До нашихъ захолустьевъ долетало только что вся политическая стряпня дѣлается не русскими руками, а руками Бирона, Остермана Миниха, Левенвольда и Ливена, связывавшихъ и развязывавшихъ вопросы; даже имя человѣка начальствовавшаго войсками, Ласси, звучало не по-русски. „Всѣмъ ворочать стали Нѣмцы,“ начали у насъ поговаривать, качая головой. Оно такъ дѣйствительно и было. Сами Поляки говорили что враждебныя дѣйствія Русскаго двора противъ Рѣчи Посполитой и вступленіе въ Польшу, предъ избирательнымъ сеймомъ, русскихъ войскъ, было дѣломъ *нѣмецкой партіи*. Они просили государыню прислать въ Варшаву вмѣсто Левенвольда „кого-нибудь изъ Русскихъ“, наконецъ самъ Левенвольдъ называлъ лицъ стоявшихъ во главѣ русскаго правительства „нѣмецкимъ министерствомъ“, противуполагая ему генералитетъ и сенатъ, состоявшіе въ большинствѣ изъ Русскихъ.

„Неладно“, толковали немногіе изъ числа тогдашнихъ помѣщиковъ интересовавшихся общими государственными дѣлами; „Никакъ Господь отступился отъ Россіи!“

И въ самомъ дѣлѣ повсемѣстный неурожай въ Россіи ставилъ и правительство, и помѣщиковъ, и крестьянъ въ совершенно отчаянное положеніе. Ни у кого не было ни денегъ, ни хлѣба. Офицеры жившіе на постоянныхъ квартирахъ въ Смоленской губерніи, не въ состояніи будучи собрать подушной подати, командировали было въ деревни неплательщиковъ экзекуціи, но это приводило крестьянъ въ еще худшее положеніе, не пособляя дѣлу; можно было опасаться что крестьянамъ, вынужденнымъ содержать военныя команды не хватитъ хлѣба и для обсѣянія полей: экзекуціи пришлось пріостановить,—вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было описывать хлѣбъ у тѣхъ помѣщиковъ у кого былъ излишній и раздавать его неимущимъ, до новаго урожая, взаймы. У купцовъ и промышленниковъ тоже описывали хлѣбъ, съ тѣмъ чтобы его продавать съ прибавкой по гривнѣ на рубль сверхъ обыкновенной его цѣны; наконецъ приказано было раздавать хлѣбъ и изъ казенныхъ магазиновъ. Но эти мѣры вызвали другое зло. Появились ростовщики, которые, пользуясь общимъ безденежьемъ, давали деньги подъ залогъ вещей вдвое меньше ихъ стоимости и брали 12, 15 и 20%. Чтобы пособить этой бѣдѣ, правительство разрѣшило монетной конторѣ выдавать деньги подъ золотыя и серебряныя вещи изъ 8% и на три года; но кромѣ золота и серебра, въ залогъ не велѣно было принимать ничего, ни деревень, ни дворовъ, ни даже алмазныхъ и другихъ вещей. Поправиться было нельзя слѣдовательно и этимъ путемъ.

Вотъ среди какой обстановки попалъ въ деревню Миктеровъ. Все окружающее только усиливало его мрачное настроеніе. Гдѣ, думалъ онъ, опять судьбы искать. Сыщу ее, живъ не буду, сыщу. Такъ жить нельзя, горячился онъ, злясь и на себя, и на отца, а неудовлетворенное честолюбіе свертывало въ немъ мало-по-малу тотъ клубокъ желчи который, возбуждая человѣка, придаетъ ему подчасъ силу характера а изъ уклончиваго и мягкаго дѣлаетъ, при извѣстной обстановкѣ, отважнымъ и смѣлымъ.

— Ну, сказалъ разъ вошедшій къ нему отецъ, вотъ желалъ ты все вѣсточки; на, поди, тебя кто-то спрашиваетъ, и имени своего не сказываетъ.

Миктеровъ встрепенулся при этомъ извѣстіи, сердце его забилось сильнѣе обыкновеннаго, онъ даже попятился нѣсколько назадъ и поблѣднѣлъ, когда стоявшій предъ нимъ незнакомецъ сталъ расспрашивать его: онъ ли Миктеровъ, его ли

зовутъ Иваномъ и по отчеству Ивановичемъ же и знаетъ ли онъ наконецъ такой-то домъ и такую-то улицу въ Москвѣ. Названный домъ и улица были ему совершенно незнакомы.

— Самъ-отъ кто ты таковъ? закричалъ было Миктеровъ, раздраженный этимъ неумѣстнымъ, казалось ему, допросомъ,— самъ-отъ кто? Говори!

Но дѣло разъяснилось тотчасъ же.

Незнакомецъ назвалъ имя Торбеева-отца и вытащилъ изъ-за ворота рубашки пришитый на снуркѣ мѣшокъ, досталъ запечатанное краснымъ сургучомъ, безъ адреса, на толстой бумагѣ письмо.

„Вопервыхъ объявляемъ тебѣ, писалъ Торбеевъ, мы живы и здоровы; извѣстную персону схоронили, сына же проводили съ Павломъ Ивановичемъ въ Берлинъ городъ. Предъ нѣсколькими днями, прибылъ въ домъ мой нѣкій подозрительный человѣкъ съ прежней квартиры нашей и, описуя персону твою, объявилъ якобы насъ кто-то спрашивалъ, причемъ превеликое стараніе прилагалъ провѣдать кто бы такой оный могъ быть; но я гораздо понятно сіе примѣтилъ и отвѣта ему никакого не далъ. Понеже изъ сего вижу я что на тебѣ есть недреманное око и связь наша провѣдана, того ради пишу, дабы намъ въ опасность впасть было не можно."

Смерть „извѣстной персоны" была, конечно, утѣшительною новостью: все же одною связью съ прошедшимъ менѣе; но это „недреманное око" приводило въ ужасъ раздраженнаго болѣзнію и всегда готоваго пугаться Миктерова. Онъ проклиналъ злосчастную судьбу свою и часъ своего рожденія.

— Ванюша, Ванюша! со слезами на глазахъ говорилъ старикъ, не зная что̀ ему еще придумать для сына,—да Богъ-то на что̀ же? Богъ-то?

Чтобы развлечь мрачныя мысли сына, онъ уговорилъ его съѣздить къ богатому и чиновному сосѣду, Наумову, который долженъ былъ на дняхъ справлять храмовой праздникъ въ своей усадьбѣ. „Какъ мнѣ, бѣглецу, показаться на многолюдствѣ", подумалъ молодой Миктеровъ, но скука ужь очень одолѣвала его, и потому онъ рѣшился ѣхать, тѣмъ болѣе что старикъ увѣрялъ что тамъ будутъ только одни свои.

XXI.

Перваго октября, у сосѣда Миктерова, Наумова, въ селѣ Ѳедюхинѣ, былъ храмовой праздникъ; гостей съѣхалось много. Село Ѳедюхино находилось надъ Днѣпромъ. Къ рѣкѣ тянулись огороды, гумна съ хлѣбомъ и крестьянскія избы, разбросанныя безъ всякаго порядка, какъ копна на неубранномъ полѣ, а на самой водѣ шумѣла мельница и толчея, огороженныя плетнемъ. Выше стояли хоромы хозяина, состоящія изъ пяти только комнатъ, съ самою простою и необходимою мебелью; съ одной стороны покоевъ была кухня и баня, съ другой—помѣщенія для мастерицъ, далѣе наконецъ церковь, сараи, конюшни и другія постройки.

Трудно было бы конечно помѣстить комфортабельно въ такихъ необширныхъ хоромахъ всѣхъ наѣхавшихъ теперь сосѣдей, но пріѣзжіе были большею частью такого сорта люди съ которыми хозяинъ могъ и не стѣсняться. Пять, шесть человѣкъ только изъ нихъ, между коими майоръ Бахметьевъ старикъ Миктеровъ, да еще кое-кто, могли ожидать извѣстной аттенціи со стороны хозяина; остальные же относились къ нему какъ къ своему патрону, смѣялись лишь когда смѣялся онъ, выслушивали все что̀ ему угодно было сказывать, не смѣя перебивать и говорили только тогда когда ихъ о чемъ спрашивали. Это были бѣдняки, мелкопомѣстные дворяне, которыми любили окружать себя достаточные люди и изъ которыхъ дѣлали они то молчаливую, послушную и подобострастную и на все готовую свиту, то шутовъ, то собесѣдниковъ въ оргіяхъ и попойкахъ.

Наумовъ человѣкъ вдовый и бездѣтный. По привычкамъ своимъ, онъ составлялъ нѣкоторымъ образомъ исключеніе въ средѣ окрестныхъ помѣщиковъ; онъ не видался почти ни съ кѣмъ изъ сосѣдей; если выѣзжалъ куда, то лишь торжественно, въ исполинской каретѣ, съ верховыми и цѣлою свитой, а если принималъ къ себѣ, то по какому-либо особому только поводу, въ праздникъ престольный, или когда собирался полевать. Въ настоящемъ случаѣ, и то и другое соединялось вмѣстѣ. Кто пріѣхалъ просто поздравить Ѳедора Алексѣевича, изъ уваженія къ чину его, тайнаго совѣтника, кто надѣялся хорошо поѣсть и выпить за праздничнымъ столомъ, кто

наконецъ, приведя свою свору борзыхъ собакъ, намѣревался поохотиться съ генеральскими гончими, — и этихъ послѣднихъ гостей-охотниковъ было больше всего. Θедоръ Алексѣевичъ принималъ ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ; онъ любилъ когда было предъ кѣмъ похвастаться и охотой своею вообще, и лихостью своихъ собакъ въ особенности; его забавляли охотничьи споры и ссоры мелкихъ помѣщиковъ, и за все это, не жалѣя, готовъ былъ онъ пожертвовать нѣсколькими десятками четвертей овса, который съѣдался приведенными и на его счетъ содержимыми лошадьми и собаками сосѣдей.

Къ обѣднѣ еще не благовѣстили; народъ: мужики и бабы тѣснились на паперти, у запертыхъ дверей небольшой деревянной церкви, и и сидѣли группами внутри церковной ограды. На дворѣ барскихъ хоромъ, отстоявшихъ отъ нея въ полуверстѣ, хлопотали кучера около пріѣхавшихъ еще наканунѣ и разставленныхъ кое-какъ подъ открытымъ небомъ разнообразныхъ экипажей: простыхъ телѣгъ, кибитокъ, бричекъ и колясокъ. Несмотря на близкое разстояніе отъ церкви, деревенскій этикетъ требовалъ, чтобы господа отправились къ обѣднѣ не иначе какъ въ экипажахъ; вотъ почему теперь и хлопотали чужіе кучера на дворѣ, а въ сараѣ самого хозяина закладывалась высокая, фигурная, рѣзьбой съ позолотою отдѣланная карета.

Скоро ударили въ колоколъ, поѣздъ двинулся, и за вошедшими въ церковь господами съ ихъ слугами и дворней, дожидавшемуся на паперти простому народу не хватило даже и мѣста, онъ такъ и остался тамъ гдѣ стоялъ; сняли только крестьяне, несмотря на холодное октябрьское утро, свои шапки и всѣ обратились лицомъ къ дверямъ.

Вошедшій прежде всѣхъ хозяинъ, въ бархатномъ кафтанѣ подбитомъ тафтою и золото-тканомъ камзолѣ, съ треугольною шляпой въ рукахъ, въ сопровожденіи двухъ гайдуковъ въ свѣтлозеленыхъ ливреяхъ съ золотыми позументами, помѣстился вмѣстѣ съ майоромъ Бахметьевымъ на приготовленномъ собственно для него небольшомъ возвышеніи, обитомъ фіолетовымъ сукномъ по полу и по панелямъ; у этого возвышенія расположились гости Наумова.

Служба шла быстро, пѣвчихъ не было, и за молебномъ, когда діаконъ провозгласилъ общую форму многолѣтія на высокоторжественные дни, введенную въ то время по случаю пре-

ступленія нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ противъ титула, а именно: *благочестивѣйшей, самодержавнѣйшей великой государынѣ императрицѣ нашей Аннѣ Іоанновнѣ, самодержицѣ всероссійской*, то многолѣтіе пропѣли трижды только одни дьячки; когда же провозглашено было діакономъ имя строителя храма, Наумова, всѣ присутствовавшіе присоединились къ хору и затѣмъ съ поклономъ оборотились къ нему, а спиной къ иконамъ.

Послѣ обѣдни народъ повалилъ къ поставленнымъ для него на доскахъ бочкамъ съ виномъ и брагой. Угощеніе сопровождалось большими краюхами ситника и нѣсколькими огурцами на брата. Крестьяне кланялись свѣтъ - Ѳедору Алексѣевичу.

— Батюшка, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, покажи намъ своихъ-то? зашумѣли гости, когда показался Наумовъ.

— Удалаго бы, удалаго!

— Нѣтъ, сучку, сучку Перлу, что̀ къ Солтыкову посылаете.

Въ горницы одну по одной стали вводить на сворахъ, испуганныхъ, тянувшихся на ошейникѣ и поджимавшихъ хвосты собакъ. Всѣ обступали приводимые экземпляры; кто брался за лапы, кто слегка поглаживалъ по спинѣ, кто дѣлалъ свои замѣчанія: о ширинѣ груди, прямизнѣ или кривизнѣ ногъ, подутости, складѣ и пр.

— Пребезмѣрно рѣзва, произнесъ съ достоинствомъ Наумовъ, кладя съ любовью руку свою на приведенную наконецъ Перлу.

— Диво, диво! толковали, удвоивая свое вниманіе, зрители, смотря на хозяйскую любимицу. И скользили, прыгали отъ радости и разъѣзжались ногами уводимыя и приводимыя собаки, оставляя на полу грязные слѣды лапъ. Время шло, и незамѣтно приближался часъ обѣда.

Часу въ первомъ, на трехъ столахъ покрытыхъ полотняными скатертями, расшитыми красною бумагой, стояли уже на двадцать человѣкъ оловянныя тарелки съ приборами, серебряными ложками и простыми ножами. На мѣстѣ предназначенномъ для хозяина и нѣкоторыхъ почетныхъ гостей стояли серебряныя кружки съ квасомъ и кислыми щами и вызолоченные кубки съ изображеніемъ мужиковъ, сидящихъ на бочкѣ; предъ прочими гостями кувшины съ тѣми же напитками, частью стеклянные, частью глиняные; посреди стола красовались вызолоченныя солонки; предъ каж-

дымъ приборомъ стояли рюмки хрустальныя съ крышками и безъ крышекъ, и пивные, хрустальные же стаканы.

Въ часъ, гости, выпивши водки, закусили поставленными тутъ же на столѣ ветчиной, копченымъ гусемъ, балыкомъ и вяленою рыбой, и вслѣдъ затѣмъ хозяинъ пригласилъ всѣхъ садиться на стулья и придвинутыя къ столамъ обитыя сукномъ скамьи.

Повалилъ паръ отъ принесенныхъ оловянныхъ чашъ съ разнаго сорта щами и ухой изъ крупной и мелкой рыбы; за горячимъ слѣдовали на большихъ блюдахъ съ подблюдниками различнаго рода соленыя рыбы: осетрина, бѣлужина и пр.; потомъ жаркія: баранина, телятина, гуси, куры индѣйскія и русскія, утки съ солеными огурцами и наконецъ разнаго рода пироги.

Слуги, предъ каждою новою смѣной, снимали со стола блюда, накладывали гостямъ того и другаго кушанья по ихъ желанію и разносили, разливая по стаканамъ и рюмкамъ, то пиво и меды, то простое бѣлое и красное вино, то венгерское и бургонское, то наконецъ наливки: сливную, яблочную, вишневую.

По мѣрѣ того какъ обѣдъ приближался къ концу, въ комнатѣ становилось все шумнѣе и оживленнѣе. Наступили уже осеннія сумерки, когда хозяинъ и ближе къ нему сидѣвшіе гости встали изъ-за стола, но шумъ и говоръ еще продолжались. Многимъ не подъ силу было подняться съ мѣста чтобы поблагодарить хозяина; хозяинъ и нѣкоторые гости ушли отдыхать, но большинство оставалось еще долго въ столовой, забавляясь помѣщикомъ Загибинымъ, сильно ругавшимъ спьяну свою жену за какія-то дѣлаемыя ему будто бы притѣсненія въ семействѣ и обѣщавшемъ доказать ей „какой онъ есть человѣкъ". А между тѣмъ смѣшилъ всѣхъ до упаду господинъ прозванный, Богъ вѣсть почему, Туркой, шутки и остроты котораго состояли лишь въ томъ что подходя съ серіознымъ лицомъ къ гостямъ, онъ пугалъ ихъ, крича вдругъ пѣтухомъ, собакой, уткой, или гонялся за кѣмъ-нибудь нагнувъ голову, на подобіе бодающейся коровы. Разступались всѣ, давая мѣсто забавному преслѣдователю, увертывался въ толпѣ гость отъ Турка, неистово кричалъ прижатый гдѣ-нибудь въ уголъ и общій хохотъ покрывалъ этотъ крикъ, пока жертва не отпускалась на волю, а Турка не обращался снова къ кому-нибудь другому.

— Брось, брось, говорятъ! Стукну, ей Богу стукну!

— Догоняй его, догоняй!

— Сюда, сюда, Турка, Турка, семъ я его подержу. Турка!

— Въ уголъ, въ уголъ!

— Ой, ой! Голову оторву, прочь!

— Ишь онъ наѣлся, лопнетъ! Ха, ха, ха!

Совсѣмъ уже смерклось; свѣчъ не подавали, и разыгравшіеся гости, находясь еще подъ впечатлѣніемъ выпитаго вина, направились какъ птицы на огонь, заблестѣвшій въ свѣтлицахъ мастерицъ. Долго доносились оттуда то шумъ, крикъ и пѣсни мужскихъ голосовъ, то взвизгиваніе и взрывъ хохота голосовъ женскихъ; наконецъ мало-по-малу смолкло и это; все уступило, казалось, привычкѣ отдыхать и спать послѣ сытнаго обѣда. По тишинѣ воцарившейся во всемъ домѣ, можно было бы сказать что наступила полночь; голосовъ не слышно было нигдѣ; ходьба вездѣ прекратилась, завывалъ только и свистѣлъ порывистый осенній вѣтеръ, прорываясь сквозь щели сѣнныхъ дверей или силясь приподнять соломенныя крыши строеній, да изрѣдка приносились отрывочные звуки хоровода съ села, гдѣ, послѣ давно оконченнаго обѣда, успѣли уже отдохнуть, и гдѣ, по движенію людей на грязной улицѣ и по свѣтящимся въ избахъ лучинамъ, можно было удостовѣриться что была не полночь, а всего какой-нибудь седьмой часъ вечера.

— Эй, огня принесли! шепталъ въ потемкахъ кто-то изъ гостей своему сосѣду.

— Какого огня? У-у-у! мычалъ тотъ, не выспавшись съ похмѣлья и оборачиваясь къ стѣнѣ.

— Эй! чего спать? Другой день зачался.

— Кто? Что̀? вскакивали гости, зѣвая, вытягиваясь и выправляя свои ноги.

И снова захлопали двери, зашумѣли шаги, ожило все въ хоромахъ Өедора Алексѣевича. Разставили свѣчи, восковыя и сальныя, въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ; изо всѣхъ угловъ стали мало-по-малу сходиться полусонные еще гости; самъ хозяинъ, въ халатѣ изъ китайской нанки, отдавалъ кое-какія приказанія въ своей комнатѣ: но вотъ, одѣвшись, вышелъ наконецъ и онъ.

Нѣкоторые съ шапками въ рукахъ почтительно раскланивались съ генераломъ, сбираясь въ дорогу; другіе, подходя, освѣдомлялись о томъ добрый ли былъ его сонъ; всѣ вообще бродили безъ занятія, не зная что̀ дѣлать. Молодой Миктеровъ

скучалъ, казалось, въ этомъ обществѣ. Красивая наружность его, его военная выправка, молодое лицо, все это не гармонировало какъ-то съ толпой помѣщиковъ, заматорѣвшихъ въ своихъ деревняхъ, забывшихъ или никогда и не видавшихъ большихъ городовъ.

Не безъ нѣкоторой гордости, съ поставца на которомъ лежали разныя книжки: *Чудное древо*, напримѣръ, *О познаніи самого себя*, *Өеатронъ, сирѣчь позоръ историческій*, *Разговоръ о множествѣ міровъ* и др., взялъ онъ находившіяся тутъ же *Примѣчанія на вѣдомости* [illegible] *въ Петербургѣ* [illegible], и развернувъ ихъ, сталъ просматривать тотъ отдѣлъ, гдѣ помѣщалась разная всячина и остановился на интересныхъ статьяхъ: „О найденной во Франціи дикой дѣвицѣ, о сочетаніи [illegible] антипатіи, и о василискахъ съ доказательствомъ и справедливости случившагося въ Базелѣ приключенія объ [illegible]ѣтнемъ пѣтухѣ, который будто бы тринадцать яицъ снесъ“ и пр.

— Читаете? вдругъ обратился къ Миктерову ходившій вмѣстѣ по комнатѣ съ какимъ-то низенькимъ старичкомъ-помѣщикомъ майоръ Бахметьевъ, подошедши къ нему близко и остановившись.

Встрѣча съ майоромъ Бахметьевымъ, первымъ и единственнымъ офиціальнымъ лицомъ, котораго пришлось еще Миктерову видѣть въ деревнѣ, была непріятна ему; онъ рѣшился быть какъ можно осторожнѣе; онъ цѣлый день отъ всѣхъ сторонился, стараясь говорить какъ можно меньше, а съ майоромъ избѣгалъ даже встрѣчаться взглядами; тѣмъ болѣе непріятно кольнуло его теперь, когда пришлось ему предъ нимъ встать, изъ уваженія къ его чину и положенію, и лицомъ къ лицу отвѣчать на предложенный ему вопросъ.

— Любопытное описаніе о василискахъ нашелъ, сказалъ онъ, не поднимая глазъ на Бахметьева и тыкая пальцемъ въ книгу.

— О василискахъ? переспросилъ майоръ;—это.... да, вѣдомости Академіи; за прошлый иль за прежніе года?

Бахметьевъ заглянулъ въ книгу и такъ близко очутился къ Миктерову что чуть не дотрогивался до него волосами своего парика: струя виннаго запаха заставила Миктерова даже нѣсколько отклониться.

— По занятіямъ нашимъ, на чтеніе хотя и мало время имѣемъ, продолжалъ Бахметьевъ, обратившись къ старичку.—однако не безъ удовольствія прочелъ и я описаніе торжествъ для

въѣзда государыни нашей Анны Іоанновны. Искусно сочинитель городъ Санктпетербургъ съ древнимъ Римомъ сравнилъ, яко де оба города во многомъ одинаковое приключеніе имѣютъ.

Бахметьевъ видимо рисовался своею начитанностію; ему хотѣлось показать предъ своими слушателями что и онъ, несмотря на военное свое положеніе и многотрудныя обязанности, не только разумѣетъ читать, но и удерживать въ памяти прочитанное можетъ. Громкій самодовольный голосъ его обратилъ вниманіе всѣхъ гостей, нѣкоторые подошли послушать.

— Городъ Санктпетербургъ, повторилъ тогда майоръ, обратившись къ новымъ слушателямъ, не упоминая уже о томъ что говорилъ чужія слова,—городъ Санктпетербургъ имѣетъ съ древнимъ Римомъ во многомъ одинаковое приключеніе, понеже построенъ въ неизреченной скорости, а Петръ Великій былъ его и Ромулъ, и Августъ говорившій что нашелъ Римъ глиняный, а оставилъ мраморный.

Никто изъ слушателей ничего не понялъ въ длинной рѣчи Бахметьева; нѣкоторые, впрочемъ, изъ уваженія къ лицу говорившаго, нашли приличнымъ вздохнуть, тѣмъ болѣе что дѣло шло о преставленіи государя Петра Великаго; другіе просто откашлянулись.

Старичокъ помѣщикъ, разговаривавшій прежде всѣхъ съ майоромъ, счелъ долгомъ замѣтить, хотя и не кстати, что и онъ пользовался какъ-то отъ здѣшняго хозяина вѣдомостями, и тамъ вычиталъ одно духовное завѣщаніе какого-то „дѣтскаго пріятеля“, который, устроивъ у себя школу для крестьянъ и обучивъ ихъ грамотѣ, описалъ какого кто изъ его учениковъ былъ характера, а потомъ, отпустивъ ихъ на волю, опредѣлилъ кому идти въ академію, кому быть солдатомъ, кому купцомъ и т. д.

Разказъ этотъ, переданный болѣе понятнымъ языкомъ и притомъ замѣчательный, какъ нѣчто неслыханное и новое, произвелъ совсѣмъ другое впечатлѣніе на слушателей. Всѣ вдругъ заговорили; стоявшіе сзади просовывали руки къ плечамъ старичка и поталкивая его спрашивали: „Гдѣ такое? Кто такое?“

Майору не понравилось такое предпочтеніе, оказанное публикой разказу старичка; онъ откашлянулся и заговоривъ

еще громче прежняго, поспѣшилъ перемѣнить предметъ разговора.

— Нынѣ время такое, сказалъ онъ, — всякому было бы не безъ пользы вѣдомости прочитывать; однако намъ сдѣлать сего отъ великой дистанціи до Петербурга не можно. Что̀ теперь о королевской элекціи въ Польшѣ и о нашихъ войскахъ слышно, прочтемъ мы на будущій годъ,—и всуе, и поздно.

Предметъ рѣчи выбранъ былъ удачно; слушатели сдвинулись тѣснѣе; подошло даже нѣсколько новыхъ слушателей.

— Что̀ слышно? Война что ль? Выбирать? Кого выбирать? Короля? Куда? послышались голоса.

Майоръ торжествовалъ и поднявъ голову съ важностію человѣка которому, какъ военному, должны были быть извѣстны многія подробности настоящаго положенія нашей внѣшней политики, началъ разказывать.

Онъ разказалъ какъ Франція, желая видѣть на польскомъ престолѣ Станислава Лещинскаго, на дочери котораго былъ женатъ король Французскій, дѣйствовала въ Польшѣ подкупами и золотомъ; какъ многіе Поляки просили заступничества государыни Русской противъ Франціи, которая мѣшаетъ свободному выбору короля, навязывая своего; какъ на сеймѣ, приверженцы Россіи и Австріи, дѣйствовавшихъ заодно въ пользу курфирста саксонскаго Августа, перешли въ Прагу, на правую сторону Вислы и разъединили этимъ сеймъ; какъ недовольные Поляки, ссорясь между собою, стрѣляли; какъ затѣмъ тайно прибылъ въ Варшаву самъ Станиславъ, помѣнявшись платьемъ съ какимъ-то малтійскимъ рыцаремъ, который вмѣсто Станислава поѣхалъ во Францію, тогда какъ самъ Станиславъ подъ его именемъ пробрался въ Варшаву; какъ наконецъ избрали Станислава, не слушая протеста тѣхъ которые ушли въ Прагу, на томъ основаніи что отсутствующіе не могутъ де протестовать, и какъ вслѣдствіе сего эти противники Станислава и хранители якобы польской вольности пошли на встрѣчу къ русскимъ войскамъ, и т. д.

Всѣ эти подробности были совершенно незнакомы и новы для публики окружавшей майора; самому майору сдѣлались онѣ извѣстны случайно, чрезъ пріѣхавшаго на дняхъ изъ Смоленска знакомаго, слышавшаго ихъ въ свою очередь нечаянно отъ присланнаго туда отъ генерала Ласси курьера. Всѣмъ бы, казалось, должны были быть онѣ до крайности интерес-

ны, но непривычны были люди составлявшіе эту публику выслушивать вдругъ, подъ рядъ, такую длинную рацею о предметѣ касавшемся, правда, отечества, но не касавшемся каждаго лица отдѣльно.

Слишкомъ много было тутъ, подъ рукой, такихъ живыхъ вопросовъ предъ которыми вопросъ о польскомъ престолонаслѣдіи долженъ былъ блѣднѣть. Самое лицо майора, говорившаго теперь такъ хладнокровно и вѣжливо, приводило на память и подушную подать, и доимочный приказъ, и экзекуціи, и хлѣбный недородъ, и взятки, и мало ли что̀ еще. Наконецъ праздникъ, для котораго всѣ съѣхались, предстоящія удовольствія на охотѣ, все это достаточно оправдывало нѣкоторую разсѣянность въ слушателяхъ. И вотъ стѣснившіеся было въ кучку гости начали мало-по-малу раздаваться; одни, продолжая будто бы слѣдить за разказомъ и пристально глядя въ глаза майору, думали уже совсѣмъ о другомъ; другіе, уставъ стоять, переминались съ ноги на ногу, а нѣкоторые наконецъ, постоянно пятясь назадъ, вытискивались въ задніе ряды, гдѣ долго съ усиліемъ прислушивались къ оживленной и веселой бесѣдѣ хозяина, доносившейся изъ другой комнаты, потомъ на цыпочкахъ пробирались вонъ.

— Генералу Лассію, продолжалъ между тѣмъ майоръ,—идти скорымъ маршемъ не можно, понеже Поляки сожгли и поломали всѣ мосты, да еще охранныя грамоты на имѣнія польскія ему даны. Лассію, яко защитнику свободы польской, указано наблюдать дабы офицеры и солдаты на свои даже деньги припасы покупали; ручныя мельницы по полкамъ розданы, сухари и.... Но на этомъ словѣ разкащикъ былъ прерванъ хозяиномъ, вошедшимъ изъ другой комнаты съ оставшимися съ нимъ гостями. Слушатели, окружавшіе майора, разступились, пропуская Θедора Алексѣевича, и на вопросъ его: о чемъ шла рѣчь? отвѣчали одинъ за однимъ: „о Польшѣ, о войнѣ, о королевской элекціи“ и т. д.

— У насъ особа женская царствуетъ, которая токмо ищетъ правительство свое въ покоѣ и удовольствованіи препроводить, вступился хозяинъ, отчеканивая каждое слово отдѣльно.

— Ея величество государыня наша хотя особа и женская, отвѣтилъ майоръ,—однако изо всего явствуетъ что на престолѣ польскомъ свою креатуру видѣть желаетъ.

— Какую креатуру?

— Саксонскаго курфир.....

Ну, прервалъ хозяинъ, — мы съ тобой, майоръ, политику плохо разумѣемъ, пойдемъ, молъ, лучше въ фараонъ играть. Въ фараонъ, а? Пойдемте, время позднее, въ фараонъ! Эй! крикнулъ онъ, зовя слугъ.

Всѣ обрадовались такому обороту рѣчи; инымъ давно уже надоѣло слушать майора, инымъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлось поиграть, а нѣкоторые засмѣялись откровенному и грубому прiему, которымъ хозяинъ такъ разомъ порѣшилъ серiозныя политическiя разсужденiя.

Бахметьеву непрiятно было уже и то, что, вмѣшавшись въ разговоръ, Ѳедоръ Алексѣевичъ ни съ того, ни съ сего далъ такое невыгодное понятiе о его знанiи политики публикѣ, которая, казалось, съ такимъ вниманiемъ и совершенною довѣрчивостью слушала его доселѣ. Тѣмъ болѣе не понравилось ему послѣднее предложенiе хозяина. Будучи лицомъ официальнымъ, онъ очень хорошо помнилъ указъ запрещавшiй играть въ карты подъ тройнымъ штрафомъ обрѣтающихся въ игрѣ денегъ, ибо занятiе это, какъ гласилъ указъ, „богомерзкое, отъ котораго не только въ крайнее разоренiе и убожество приходятъ, но и въ самый тяжкiй грѣхъ впадаютъ и души свои въ конечную погибель приводятъ“.

— Зарокъ далъ въ карты, ниже въ кости, или другую игру играть, Ѳедоръ Алексѣевичъ, зарокъ далъ, говорилъ Бахметьевъ, упираясь на одномъ мѣстѣ.

— Знать проигралъ много? Отыграешся, пойдемъ! тащилъ его за руку хозяинъ.

— На госпиталь, коли играть, Ѳедоръ Алексѣевичъ, на госпиталь денегъ не хватитъ, продолжалъ упираясь Бахметьевъ.

— Какъ такъ на госпиталь? остановился хозяинъ, выпустивъ руку гостя.

— Да какъ же? Тройной штрафъ обрѣтающихся въ игрѣ денегъ и прочаго повелѣно брать одну долю объявителю, а двѣ на госпиталь за продерзость, кто на деньги, на пожитки, на деревни, или на людей игру чинить будетъ, вполголоса и внушительно произнесъ Бахметьевъ.

— То про вольные дома ты говоришь; а мы здѣсь не въ вольномъ домѣ, опомнись! Вольный домъ это, аль вотчина моя?

Кто хозяинъ здѣсь? Кто хозяинъ? разгорячился Ѳедоръ Алексѣевичъ.

— И въ партикулярныхъ домахъ компаніями не велѣно играть, Ѳедоръ Алексѣевичъ, продолжалъ внушительно Бахметьевъ, — а за то штрафъ и тюрьма для знатныхъ особъ, а подлыхъ повелѣно бить нещадно батоги и еще жесточѣе поступать.

— Отецъ Евламлій! вдругъ неожиданно обернулся хозяинъ къ публикѣ, ища глазами священника,—отецъ Евламлій! Вотъ онъ, поди, поди сюда; встань, вотъ здѣсь скажи ты намъ что̀ я тебѣ лѣтомъ говорилъ.

Священникъ протиснулся въ толпу, выступилъ впередъ и молчалъ.

— Говорилъ я тебѣ что придутъ времена что указано намъ будетъ въ какіе часы спать, въ какіе отъ сна пробуждаться?

— Сказывали.

— А почему я такъ сказывалъ, разкажи.

Священникъ, усмѣхнувшись, сталъ переминаться съ ноги на ногу.

— Говори все какъ было, настаивалъ Ѳедоръ Алексѣевичъ.

— Во время бездождія и безведрія, гм! началъ священникъ запинаясь и откашливаясь, — на литургіяхъ, вечерняхъ и утреняхъ, гм! по церковному чиноположенію читаемы были ко всеблагому Господу просительныя ектеніи и молитвы особо, гм! Святѣйшій же правительствующій синодъ, извѣстясь что оныя моленія священнослужителями отправляются тогда когда о чемъ не надлежитъ, повелѣлъ оныя отправлять весьма осмотрительно и крайне разсудительно, если когда подлинно бездождіе будетъ и отъ того земной плодъ въ состояніи потребномъ быть не можетъ, тогда о плодоносномъ дождѣ, а буде въ самое настоящее время, когда земной плодъ лучше имѣетъ состоять въ ведрѣ, а тогда будетъ безведріе, то о благополучномъ ведрѣ....

Священникъ наконецъ не выдержалъ. Желая откашлянуться, онъ фыркнулъ въ руку, которою хотѣлъ прикрыться, а слушатели громко засмѣялись.

Ѳедоръ Алексѣевичъ далъ время всѣмъ оправиться и приказалъ отцу Евламлію доканчивать. Во все время разказа этого послѣдняго, Наумовъ стоялъ къ нему бокомъ и, смотря въ сторону слушателей, при каждомъ словѣ произносимомъ

священникомъ, отбивалъ, указывая на него пальцемъ, тактъ, какъ бы желая глубже запечатлѣть во всѣхъ значеніе этихъ словъ.

— Понеже, началъ опять отецъ Евлампій,—духовнымъ властямъ надлежитъ по тому же указу, съ знающими конечно всякое земледѣльство людьми совѣтовать, потребно ли оное прошеніе имѣть, и о чемъ, о дождѣ или ведрѣ, и суетно онаго отнюдь не употреблять, явился я къ Ѳедору Алексѣевичу, сталъ совѣтовать какъ....

— Что же я-то? я-то что? сказалъ, прервавъ его хозяинъ.

— Ѳедоръ Алексѣевичъ вопрошаютъ: что де, отецъ Евлампій, у тебя глаза есть? — Есть де, Ѳедоръ Алексѣевичъ. — А давно ли ты дождь видѣлъ? — Давно не видѣлъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ. — А почему де у насъ недородъ? — Дождя де нѣтъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ.—А врагъ ли ты себѣ?—Нѣтъ, не врагъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ.—О чемъ же моленіе Господу Богу надлежитъ приносить? — О дождѣ де, Ѳедоръ Алексѣевичъ.—Чего жь ты спрашиваешь? — Да указъ молъ....

Слушатели опять громко засмѣялись.

— Ну, ну, ну, суетился хозяинъ, обращаясь снова къ священнику.

— Ну и сказали вы тогда: скоро де времена будутъ такія, учить насъ будутъ когда отъ сна пробуждаться, когда пищу принимать, якобы мы сами себѣ враги и сего видѣть не можемъ.

— Да, враги мы себѣ, враги? Деревни, и людей, и пожитки, и деньги проигрывать станемъ? обратился Ѳедоръ Алексѣевичъ къ майору.—Кто мнѣ въ моей вотчинѣ указъ? Кто хозяинъ въ деньгахъ моихъ и пожиткахъ?

— И въ своей деревнѣ нашъ братъ нынѣ не хозяинъ, послышался изъ кучки слушателей глухой, но твердый голосъ старика Миктерова.—У себя похотѣлъ въ прошломъ году часовню поставить и на старомъ мѣстѣ и на своемъ коштѣ, воспретили, воспретили!

— А, воспретили? воспретили? схватился за это новое обстоятельство хозяинъ; — да, полно, мы своей пользы не вѣдаемъ, гдѣ намъ!... Мы, государи мои, сказалъ онъ твердымъ и серіознымъ тономъ, — нынѣ силы своей не имѣемъ. Нынѣ силу великую имѣютъ господинъ оберъ-камергеръ и фельдмаршалъ фонъ-Минихъ, что хотятъ, то и дѣлаютъ, и всѣхъ насъ губятъ.

— Фаворитъ, что и говорить, замѣтилъ въ риѳму отецъ

Микторовъ, что заставило всѣхъ обернуться къ нему съ улыбкой.

— Да, губятъ, продолжалъ Наумовъ, не обращая вниманія на этотъ перерывъ;—Александръ Румянцевъ сосланъ, пропадаетъ отъ нихъ; генералъ Ягужинскій посланъ отъ нихъ же, а Долгорукіе и всѣ отъ нихъ пропали и никто не смѣетъ съ ними говорить. Богъ имъ однако заплатитъ за все это, и сами того жъ дождутся. Пойдемте въ фараонъ. Объявителей на насъ за игру здѣсь нѣтъ, я чаю, заключилъ онъ съ угрозой въ голосѣ, и отходя наконецъ отъ Бахметьева, онъ пригласилъ гостей слѣдовать за нимъ къ игорному столу.

И скоро завязалась игра. Хозяинъ державшій банкъ проигрывался сильно; понтеры входили въ азартъ. Бахметьевъ, приставъ къ двумъ, тремъ не игравшимъ гостямъ, занималъ ихъ неумолчными разговорами и, будто отвлеченный этимъ, не подходилъ къ игрѣ. Остальные гости, прикладываясь то и дѣло къ стоявшимъ на столѣ вмѣстѣ съ яблоками и орѣхами различнаго сорта наливкамъ, мало-по-малу перебрались въ другую комнату, а оттуда въ свѣтлицы коверщицъ, гдѣ послышались снова хохотъ, визгъ и пѣсни. Господинъ подъ названіемъ Турки, окончательно вошедшій въ свою роль шута, сидѣлъ теперь возлѣ играющихъ, и то, закинувъ голову, держалъ на счастье кому-нибудь на носу карту, которую потомъ, спустивъ на губы, подавалъ въ зубахъ хозяину, за что получалъ денежныя награжденія, то, въ наказаніе за проигрышъ, стоялъ въ углу, ползалъ на четверенькахъ, лизалъ полъ и т. д.

Ужинъ подали въ 11 часу. Ѳедоръ Алексѣевичъ съ проигрыша былъ не въ духѣ; и къ его камертону пристроились и гости; пили и ѣли почти молча. Женская прислуга между тѣмъ застилала по полу пуховики, и черезъ часъ времени, потушенные во всемъ домѣ огни свидѣтельствовали объ окончаніи праздничнаго дня.

XXII.

На дворѣ было почти темно. Густой туманъ, не поднявшись еще кверху, застилалъ отъ зрѣнія самые ближайшіе предметы и обдавалъ лицо холодною влагой. На конномъ дворѣ, по щиколку въ грязи, суетились люди около лошадей, подтягивая подпруги, укорачивая и удлиняя стремена, прилаживая сѣдла. Тамъ и сямъ бѣгали, вытягивались, зѣвали въ

голосъ и встряхивались всѣмъ тѣломъ, гремя ошейниками, давно некормленныя борзыя собаки.

Въ домѣ, умывшіеся какъ попало при свѣчахъ и напившіеся чаю, гости, ежась отъ холода и шагая черезъ валявшіеся на полу неубранные пуховики, оканчивали свои охотничьи туалеты. Кто закусывалъ, кто, совсѣмъ готовый, съ шапкой на головѣ, опрокидывалъ въ себя стаканъ стоявшей тутъ же водки, кто наконецъ, совершивъ и это послѣднее дѣло, выходилъ, покряхтывая, на крыльцо.

Хозяинъ, проснувшись раньше всѣхъ, долго читалъ молитвы, долго пилъ чай въ одиночку, ѣлъ нарѣзанную пластинками ветчину и одѣвался не торопясь. Наконецъ, совсѣмъ готовый, въ высокихъ сапогахъ, едва двигаясь отъ тяжести надѣтаго платья, въ короткой шубкѣ, покрытой чернымъ сукномъ и подбитой лисьимъ хребтовымъ мѣхомъ, подпоясанный серебрянымъ поясомъ, въ лисьей же шапкѣ съ суконнымъ чернымъ верхомъ, съ арапникомъ въ рукахъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ вышелъ на крыльцо, гдѣ толпились и его гости. Пока онъ здоровался съ ними, къ крыльцу подведенъ былъ его вороной любимый донецъ. Онъ окинулъ быстрымъ взоромъ и коня и сбрую: все было въ порядкѣ. Черная узда, съ серебрянымъ частымъ наборомъ, сѣдло съ писанымъ золотомъ арчакомъ, съ суконною оливковаго цвѣта подушкой, платъ такого же цвѣта, шитый золотомъ и серебромъ, и суконный голубаго цвѣта наметъ. Спустившись на послѣднюю приступку крыльца, онъ подержался нѣсколько времени за холку лошади, всунулъ ногу въ подставленное ему стремя и, поддержанный подъ руки слугами, тяжело перевалился на сѣдло. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крыльца и лицомъ къ нему, выстроившись въ рядъ, стояли доѣзжачіе; предъ ними копошились сбившіяся въ кучу гончія. Наумовъ взглянулъ на нихъ издали, но такимъ взоромъ отъ котораго не могъ укрыться никакой безпорядокъ, и медленно направился къ околицѣ, послѣдуемый своими гостями, которые, торопливо взбираясь на сѣдла, догоняли его рысью.

Мѣстность въ которую предполагалось бросить гончихъ и въ которой должны были находиться подвытые волки, несмотря на свое названіе „Крутые верхи“, находилась въ широкой ложбинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ довольно отлогими полями, а съ четвертой примыкала къ болоту, густо поросшему

кустарникомъ, переходящимъ постепенно изъ мелкаго въ крупный и примыкавшимъ къ лѣсу.

Самый лучшій лазъ для звѣря былъ, разумѣется, въ этомъ именно соединеніи вершины съ большою уймой, но Ѳедоръ Алексѣевичъ, любившій въ охотѣ охоту, то-есть рѣзвость и силу собакъ, красоту угонки и остановки звѣря, никогда не становился здѣсь, предоставляя лазъ этотъ гостямъ и борзятникамъ своей охоты. Онъ дѣлалъ это тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ что съ другаго, противуположнаго конца „Крутыхъ верховъ", прямо изъ угла ихъ, выходила узкая, но глубокая лощина, которая, подымаясь кверху воронкой, упиралась концомъ своимъ въ перелѣсокъ, стоявшій въ полѣ хотя и отдѣльнымъ островомъ, но служившимъ началомъ другаго, довольно обширнаго лѣса. Ѳедоръ Алексѣевичъ, становясь всегда здѣсь, имѣлъ еще и то преимущество что, скрываясь самъ за деревьями, онъ могъ видѣть почти всѣ окраины вершины, а слѣдовательно куда побѣжалъ какой звѣрь, на кого, кто затравилъ, кто проводилъ и какъ, что̀ все могло служить въ послѣдствіи, вечеромъ, дома, предметомъ большихъ разказовъ, горячихъ споровъ и забавныхъ сценъ.

Всѣ расположились по мѣстамъ. На сбѣгавшихъ къ вершинѣ и широкими межами раздѣленныхъ озимяхъ и жнивахъ не видно было никого. Всякій постарался скрыться въ разсѣянныхъ тамъ и сямъ куртинкахъ нераспаханнаго еще кустарника.

Видъ вообще кругомъ вершины былъ неоживленный и некрасивый. Обнаженный, побурѣвшій отъ осенняго холода, лѣсъ шелъ грядами, то понижаясь, то повышаясь до самаго небосклона, и въ средину его, тамъ и тутъ, врѣзывались зелеными и желтоватыми неправильными языками клочки озимыхъ и яровыхъ полей. Гдѣ-то вдали, по выдавшемуся пригорку, прислонившись однимъ концомъ къ лѣсу же, другимъ спускаясь въ лощину, лѣпилась деревушка, вилась въ сторонѣ и не вдалекѣ отъ „Крутыхъ верховъ" грязная-прегрязная, изрытая колесами дорога; но ни звука, ни даже какого-нибудь признака движенія, жизни не было ни видно, ни слышно.

Пустили гончихъ. Эхо вздрогнуло отъ звука мѣдныхъ роговъ, но на минуту. Гончія и охотники углубились въ лѣсъ, который скоро поглотилъ и ихъ самихъ и всякій звукъ.

Стоявшій влѣво отъ Ѳедора Алексѣевича Миктеровъ, какъ охотникъ молодой и слѣдовательно болѣе горячій, очень дол-

го суетился, оставаясь недоволенъ и лошадью своею, и собаками, мѣшавшими ему вслушиваться и всматриваться въ лежавшую предъ нимъ окраину опушки „Крутыхъ Верховъ“, изъ которыхъ каждую минуту, казалось ему, вотъ-вотъ побѣжитъ на него звѣрь; то, вытягивая нижнюю губу, забирала себѣ въ ротъ его лошадь дубовую вѣтку и, шмыгая по ней, шурчала уцѣлѣвшими листьями; то, желая принять болѣе ловкое положеніе, переминалась она и трещала валявшимися подъ ногами корнями и сучьями; то, обезпокоенныя этими движеніями, собаки путались на сворѣ; то вставалъ вдругъ съ шумомъ, пугая его, пригнутый тяжестью лошади и освобожденный кустъ.

Наклонившись на луку сѣдла, Миктеровъ быстро переводилъ глаза свои съ одного пункта на другой, всматриваясь въ каждый такъ пристально, будто за всякою тычинкой, за всякою травкой, прутикомъ, могли спрятаться ожидаемые имъ волкъ или лисица, которыхъ надо было во́-время увидать и не прозѣвать. Ни одинъ художникъ не сумѣлъ бы, кажется, нарисовать съ такою подробностью представлявшейся вдали глазамъ Миктерова мѣстности, какъ сумѣлъ бы онъ самъ разказать теперь, сейчасъ: гдѣ тамъ нагнулась какая вѣтка, за что̀ она зацѣпилась, гдѣ выходитъ мысокъ, гдѣ кочка, гдѣ трава зеленѣе, гдѣ она желтѣе, гдѣ ея совсѣмъ нѣтъ, гдѣ изволокъ, гдѣ ровно и т. д.

Сидѣвшія возлѣ него двѣ собаки были внимательны не менѣе его. Поднявъ уши, вытянувъ шеи, жадно впивались онѣ черными глазами своими вдаль, обнаруживая всѣ признаки нетерпѣнія: то пересаживались онѣ съ мѣста на мѣсто, подаваясь впередъ, то коротко и порывисто зѣвали въ голосъ, то вздрагивали всѣмъ тѣломъ какъ въ лихорадкѣ, то, вставая, вытягивались и рыли землю задними лапами.

Прошелъ часъ, другой; надежда видѣть звѣря начинаетъ мало-по-малу оставлять молодаго охотника; вниманіе слабѣетъ, зрѣніе притупляется; лошадь, совершенно установившись на мѣстѣ, дремлетъ, и вздыхая по временамъ съ какою-то хрипотой, раздуваетъ бока, давая тѣмъ чувствовать свой вздохъ сѣдоку; угомонившіяся собаки начинаютъ развлекаться совершенно посторонними предметами: одна усердно лижетъ свою намятую нѣжно-розоваго цвѣта лапу, другая съ остервененіемъ чешетъ ухо; мысли Миктерова унесли ее далеко отъ охоты.

Вспомнилась ему почему-то вдругъ мѣстность, очень плохо

жая на ту которая была теперь предъ его глазами, только совсѣмъ при другой обстановкѣ, съ другими людьми. Гдѣ это было, когда? ничего онъ не зналъ; но лица, лица,—вотъ какъ живыя предъ нимъ. „Гдѣ они всѣ? Далеко. Живутъ ли? Кто ихъ вѣдаетъ! А я вотъ живъ; ничего, увернулся. Но что̀ пользы? Что̀ это за жизнь: голову свою беречь каждую минуту, одно и есть дѣло. Полѣзъ бы куда, — да не куда; сдѣлалъ бы что̀, — да нечего, руки отняли, а голову оставили; и сиди, жди вотъ здѣсь, жди!" повторялъ онъ мысленно, поправляясь на подушкѣ сѣдла и удостовѣрившись что и въ самомъ дѣлѣ онъ сидитъ и ждетъ.

Взглянувъ направо, онъ увидалъ что отъ той рощи въ которой стоялъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, отдѣлилась какая-то черная точка. „Не звѣрь ли? Нѣтъ; не видать собакъ. Значитъ скачетъ куда-нибудь находившійся при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ на посылкахъ мальчикъ. Знать гончихъ вызывать", думаетъ Миктеровъ. Но.... что̀ это? Прямо посреди того пространства которое отдѣляетъ его отъ Ѳедора Алексѣевича, какъ разъ на той именно точкѣ гдѣ межа поросшая побурѣвшимъ тростникомъ, идущая по отлогому берегу изъ „Крутыхъ Верховъ", кончается какъ бы обрываясь, мелькнуло что-то красно-сѣрое? Лиса!

Этотъ перерывъ высокой межи, подъ прикрытіемъ которой удалось пробраться уже такъ далеко лисицѣ, былъ единственнымъ пунктомъ на которомъ она могла быть усмотрѣна. Не увидать бы ея здѣсь, она благополучно перевалилась бы за вершину отлогаго берега и тамъ, по точно такой же широкой и густой межѣ, скрылась бы изъ глазъ охотника; но Миктеровъ далъ уже поводья лошади и, таща на сворѣ собакъ, скакалъ, нагнувшись впередъ, мчался къ тому перерыву.

— Пролѣзла! говорилъ онъ громко, сердясь на себя и боясь не поспѣть во̀-время.—Пролѣзла!

Вотъ уже онъ на вершинѣ; остановился, вытянувшись всѣмъ тѣломъ, осмотрѣлся кругомъ, тронулъ опять лошадь и исчезъ.

Между тѣмъ по грязной дорогѣ, пролегавшей вправо и позади Миктерова, подвигалась легкою рысцой телѣга, запряженная парой крестьянскихъ лошадей. Впереди сидѣлъ на облучкѣ, выпустивъ ноги наружу, въ нагольномъ тулупѣ мужичокъ, сзади на подложенной соломѣ человѣкъ въ суконной желтаго цвѣта чуйкѣ съ поднятымъ мѣховымъ воротникомъ, завязаннымъ вокругъ шеи полотенцемъ.

Доѣхавъ до того мѣста дороги съ котораго были видны Крутые Верхи, и замѣтивъ въ сторонѣ поскакавшаго отъ Өедора Алексѣевича верховаго, мужичокъ пріостановилъ лошадей и, ѣдучи шагомъ, обратился къ сѣдоку.

— Охота! сказалъ онъ, указывая головой направо. — Охота стоитъ!

Сѣдокъ сталъ всматриваться.

— Во-о-онъ! затянулъ мужичокъ,—скачетъ-то, вишь! во-о-онъ

— Да, да, да! Да чья жъ это охота? спросилъ дребезжащимъ голосомъ сѣдокъ.

— Знать Наумова помѣщика, Өедора Алексѣевича. Что̀ имъ? Веселятся! попробовалъ-было грустно пофилософствовать мужичокъ, но вдругъ выпрямился и остановился.—Глянь! воскликнулъ онъ.—Глянь налѣво-то, налѣво-то! Глянь, лисица, лисица!... Собаки-то за ней, собаки-то, ахъ ты! Ну.... ну.... ну!... закричалъ онъ на лошадей подергивая возжами.

И не успѣлъ опомниться сѣдокъ какъ легкая тележка покатила по ухабистой дорогѣ, обдавая грязью оравшаго во все горло мужичонку.

Дѣйствительно, навстрѣчу имъ красиво вытянувшись всѣмъ тѣломъ, неслась лисица и за ней двѣ собаки ухо въ ухо. Вотъ одна изъ нихъ, собравшись какъ бы съ послѣдними силами, высунулась впередъ; голова ея чуть не касается пушистой трубы лисицы.... но труба круто повернулась и собака опять назади. За то другая равняется уже со звѣремъ, она захватитъ его сейчасъ за шиворотъ, еще моментъ, и все смѣшалось, закувыркалось что-то черезъ голову, полетѣли во всѣ стороны брызги, послышалось рычанье, лай, и все смолкло.

Проѣзжіе подоспѣли какъ разъ въ то время. Спрыгнувъ съ телѣги, мужичокъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, и въ какомъ-то азартѣ хлопая руками по бокамъ своего жесткаго тулупа, хохоталъ и кричалъ: „а-а! шельма, попалась, попалась!“

Безстрастное лицо сѣдока приняло тоже какое-то оживленное выраженіе при видѣ затравленнаго звѣря; сойдя съ телѣги, онъ подошелъ ближе къ свалкѣ и пытался разсмотрѣть жива ли еще она, голубушка, или нѣтъ, когда наконецъ показался и самъ охотникъ, Миктеровъ.

Круто осадивъ усталую лошадь, надсаженнымъ, хриплымъ голосомъ кричалъ онъ: „о, го, го, го! отрышь, отрышь!“ и быстро соскочивъ съ сѣдла, подбѣжалъ, схватилъ за шиворотъ едва дышавшую лисицу, приподнялъ ее кверху и съ торже-

ствующимъ и сіяющимъ лицомъ взглянулъ на стоявшихъ предъ нимъ зрителей.

Но только что глаза Миктерова встрѣтились съ прищуреннымъ взглядомъ незнакомца, какъ что-то кольнуло его въ самое сердце.... Предъ нимъ былъ тотъ самый человѣкъ отъ котораго два года тому назадъ онъ прятался въ Москвѣ, который, очевидно, слѣдилъ за нимъ, и безъ сомнѣнія тотъ самый о которомъ предупреждалъ его Торбеевъ и который, можетъ-быть, пріѣхалъ теперь за тѣмъ чтобы его схватить, взять тутъ же съ мѣста.... Нѣсколько мгновеній Миктеровъ стоялъ съ еле-дышащею лисой въ одной рукѣ и съ охотничьимъ ножомъ въ другой, не спуская глазъ съ незнакомца. Подъ этимъ упорнымъ, постоянно свирѣпѣвшимъ взглядомъ, глаза незнакомца забѣгали, онъ засеменилъ ногами и, приподнявъ шапку въ видѣ поклона, обернулся къ Миктерову спиной.

— Ѣдемъ, ѣдемъ! закричалъ онъ дребезжащимъ голосомъ, направляясь скорыми шагами къ телѣжкѣ и путаясь въ своей чуйкѣ ногами.

Телѣжка двинулась съ мѣста; не пришедшій еще въ себя отъ видѣннаго зрѣлища, мужичокъ, повернувшись лицомъ къ сѣдоку, разказывалъ ему подробно, будто тотъ ничего и не зналъ, все сначала: какъ онъ увидалъ бѣжавшую лисицу, какъ догоняли ее собаки, какъ она перевернулась, какъ мяли ее и пр. Голосъ разкащика долеталъ до слуха Миктерова, который все еще не могъ очнуться; онъ вслушивался въ звукъ этого голоса и точно отдыхалъ послѣ напряженнаго состоянія, въ которомъ за минуту предъ тѣмъ находился. Въ головѣ его не было ни одной ясной мысли. Съ какимъ-то отчаяніемъ и вопреки всѣхъ правилъ охоты ткнулъ онъ ножомъ лисицу и, бросивъ ее на землю, пошелъ къ лошади. Лошадь не давалась и кружась на одномъ мѣстѣ, наступая на поводъ, заставляла Миктерова забѣгать къ ней то съ правой, то съ лѣвой стороны. Обстоятельство это вывело его нѣсколько изъ того безсознательнаго положенія въ которомъ онъ находился,—онъ развлекся, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то страхъ опять овладѣлъ всѣмъ его существомъ. Бѣжать, бѣжать скорѣе, захотѣлось ему. Поймавъ наконецъ лошадь и второчивъ лисицу, онъ сѣлъ на сѣдло и жадно впился глазами въ ту сторону куда направился незнакомецъ.

„Не обманулся ли я?“ забралась было къ нему утѣшительная мысль. „Призналъ ли онъ меня?“ послѣдовала за ней дру-

гая, но вдругъ, точно уколотый чѣмъ-нибудь, онъ ударилъ лошадь плетью и понесся впередъ за телѣгой.

Разстояніе отдѣлявшее его отъ проѣзжихъ было уже довольно велико; лошадь скакала не такъ быстро какъ бы ему хотѣлось; но замѣтивъ скакавшаго охотника, мужичокъ пріудержалъ своихъ лошаденокъ и вытягиваясь смотрѣлъ внимательно по сторонамъ, ища глазами опять лисицы и готовясь снова насладиться даровымъ зрѣлищемъ травли.

— Чудно,—скачетъ, а звѣря нѣтъ; и собаки при немъ, говорилъ онъ обращаясь къ сѣдоку.

— Сюда скачетъ, на насъ по дорогѣ, говорилъ въ свою очередь дребезжащимъ голосомъ сѣдокъ;—трогай, трогай,—дѣло сіе не наше.

— Можетъ, сказать что̀ хочетъ? возразилъ мужичокъ, не отрываясь глазами отъ приближавшагося уже Миктерова.

— Ну, чего говорить? только дальности намъ одни. Трогай!

— Стой, стой, стой! слышался уже голосъ Миктерова сквозь топотъ копытъ догоняющей лошади,—стой!

Мужичокъ остановился.

— Стой! повторилъ Миктеровъ, осадивъ лошадь у самой телѣги.—Откуда ты? обратился онъ къ мужику.

— Млиновскій.

— Кого везешь, куда?

— Кто его вѣдаетъ? Приказный знать какой, въ Пугачи везу.

— Кто ты таковъ? обратился Миктеровъ къ сѣдоку.

— Трогай! вмѣшался тотъ горячо.—Чего онъ домогается? На дорогахъ помѣшательства чинить не указано, всякому вольно ѣхать куда похочетъ. Трогай!

— А, ты не хочешь сказывать своего имени? Говори что̀ за человѣкъ?

— Проѣзжихъ по дорогамъ, задребезжалъ опять сѣдокъ,—останавливать не показано. Опричь великихъ государственныхъ дѣлъ, разбоевъ и убивствъ, никому до нихъ дѣла нѣтъ.

— Говори, что̀ излишнее толковать. Вылѣзай изъ телѣги вонъ, закричалъ Миктеровъ и, нагнувшись съ сѣдла, потащилъ сѣдока за руку.

— Вылѣзай! повторилъ онъ, видя оказываемое ему сопротивленіе и соскочивъ съ лошади;—паспортъ свой подавай!

— Паспортъ.... выписн.... записн.... бормоталъ сѣдокъ, упи-

раясь,—вымышленно осматривать.... отнюдь не указано.... для взятковъ и приметовъ....

— Ну, тамъ взятки и приметки, повторялъ про себя Миктеровъ,—вылѣзай, говорятъ, мы не беремъ взятки и приметки....

— Разбой, разбой! вдругъ тоненькимъ голосомъ закричалъ, ставъ на ноги, незнакомецъ.

— Призналъ ты меня, собака проклятая, призналъ? наступалъ на него Миктеровъ, запустивъ пальцы за полотенце навернутое на его шею и встряхивая его такъ что свалившаяся на сторону шапка обнаружила скоро знакомые намъ, плоско лежавшіе, бѣлокурые и жиденькіе его волосы.

— Разбой.... ой-ой! уже слабымъ голосомъ вскрикивалъ изрѣдка охрипшій, маленькій, худенькій человѣчекъ, барахтаясь въ мощныхъ рукахъ Миктерова и соглашаясь наконецъ распоясаться и достать всѣ бумаги находившіяся въ его карманахъ.

Миктеровъ отпустилъ тогда свою жертву и сталъ разсматривать эти бумаги. Изъ одной узналъ онъ что стоявшій предъ нимъ человѣкъ былъ: Сила Григорьевъ Гвоздевъ, приказный служитель розыскнаго приказа, существовавшаго, какъ извѣстно, для завѣдыванія сыщиками по всей Россіи; въ другой написаны были какія-то незнакомыя ему фамиліи и имена; затѣмъ наконецъ шла цѣлая пачка листиковъ синей бумаги, исписанныхъ какими-то непонятными словами, и только. Допытываться настоящаго значенія таинственныхъ словъ было бы излишне, ибо заставить Гвоздева объяснить ихъ и быть увѣрену что это объясненіе вѣрно, никто бы не могъ. Молча передалъ ему Миктеровъ обратно пачку и сталъ внимательно читать листъ съ записанными именами и фамиліями, съ волненіемъ ожидая найти свою; но и тутъ добраться до истины было трудно. Фамилій было много, но вмѣсто цѣльнаго слова, стояла иногда одна буква со звѣздочкой. Были тутъ конечно и буквы М., но были вмѣстѣ и буквы Т. и К. и другія; былъ городъ Смоленскъ, но вмѣстѣ и Москва и Новгородъ и др. Миктеровъ молча разорвалъ этотъ списокъ на мелкіе куски, еще разъ посмотрѣлъ на бумагу сыскнаго приказа, протянулъ ее къ Гвоздеву и задумался. Ни къ чему не привелъ его сдѣланный имъ обыскъ. Ясно было что Гвоздевъ дѣйствительно доказчикъ, шпіонъ, но имѣлъ ли этотъ доказчикъ въ виду его, Миктерова, очутился ли онъ здѣсь именно съ тѣмъ чтобы слѣдить за нимъ, донести на него и

быть-можетъ даже его остановить, — утвердительно сказать было нельзя.

Оставленный на свободѣ, Гвоздевъ между тѣмъ успѣлъ уже принять совершенно другой видъ. Глаза его опять заискрились и забѣгали, непріятный ротъ вытянулся въ улыбку, а дребезжащій голосъ зазвенѣлъ какъ-то ласково и весело. Любезно выворачивая карманы, онъ показывалъ что̀ гдѣ у него лежитъ; говорилъ Миктерову что онъ былъ озадаченъ внезапнымъ требованіемъ вида, котораго съ испугу только не показалъ тотчасъ же; сожалѣлъ о разорванной грамоткѣ, въ которой значились на память для себя записанныя имъ имена его милостивцевъ, и пр. и пр.

Чѣмъ болѣе говорилъ Гвоздевъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ Миктеровъ какъ мало-по-малу оставляетъ его та энергія которая сейчасъ являла себя въ такомъ грозномъ видѣ, какъ упадаетъ она предъ этимъ потокомъ словъ, хотя онъ и не придавалъ имъ никакой вѣры; онъ чувствовалъ какъ постепенно опутывалъ его Гвоздевъ своею таинственностію, какъ забирала опять надъ нимъ власть невѣдомая роковая сила съ которою не зналъ онъ какъ ему бороться.

Но вотъ, приподнявъ любезно шапку надъ головой, Гвоздевъ наконецъ раскланялся и сталъ карабкаться въ телѣгу. Телѣга тронулась,—и по мѣрѣ того какъ они удалялись отъ растерявшагося молодаго человѣка, блѣдность удалялась съ лица приказнаго и замѣнялась лукавою и даже веселою улыбкой.... Ему удалось скрыть отъ неопытнаго Миктерова, въ одномъ изъ невывороченныхъ кармановъ, нѣкую секретную цидулку, адресованную на имя майора Бахметьева, которую онъ теперь съ нѣкоторою страстью ощупывалъ и сжималъ въ своей рукѣ.

XXIII.

Намъ слѣдуетъ однако вернуться назадъ чтобъ объяснить причину внезапнаго появленія предъ Миктеровымъ того человѣка отъ котораго онъ бѣжалъ тогда изъ Москвы и который оказался теперь подъячимъ сыскнаго приказа, лицомъ, слѣдовательно во всякомъ случаѣ для него опаснымъ.

Все было случайностью и все зависѣло отъ случайности въ тѣ времена которыя мы описываемъ. Въ одинъ моментъ можно было попасть въ тайную канцелярію, подвергнуться пыт-

камъ и истязаніямъ всякаго рода, въ одинъ же моментъ можно было и очутиться на верху земныхъ благъ и почестей. Нѣкто Воейковъ обратилъ на себя вниманіе государыни и быстро пошелъ въ чинахъ, потому только что когда онъ стоялъ на часахъ у Тронной залы, въ качествѣ гвардейскаго унтеръ-офицера, его узналъ, обнялъ и остановилъ шествіе представлявшійся въ то время на аудіенціи посланникъ австрійскаго двора графъ Остенъ, видавшій его въ Вѣнѣ; съ другой стороны, Петръ Ивановичъ Панинъ чуть не попалъ въ Сибирь за то что будучи 14ти лѣтъ и стоя также на часахъ во дворцѣ, передернулъ бровями, отдавая честь ружьемъ проходившей мимо императрицѣ, что̀ показалось умышленнымъ кривляньемъ и неприличною гримасой.

Никто не загадывалъ далеко въ будущее; вся Россія жила изо дня въ день. Какъ всякое отдѣльное лицо, въ виду этой игры въ случайности, имѣло всегда право ожидать перемѣнъ съ существующемъ порядкѣ вещей, такъ и само правительство въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ имѣло также полное право предполагать именно того кто ищетъ, ждетъ и кому нужны эти перемѣны. Отсюда, съ одной стороны, преслѣдованіе отдѣльныхъ личностей за малѣйшее слово, малѣйшій намекъ на протестъ; отсюда размноженіе шпіоновъ и сыщиковъ, пытки, истязанія и казни.

Какъ ни крѣпко сидѣлъ Биронъ на своемъ мѣстѣ, какъ ни всемогущъ былъ онъ, но тѣнь возможности подкопаться подъ его власть преслѣдовала его неотступно, а его власть и значеніе, его благосостояніе и самая можетъ-быть жизнь зависѣли отъ прочности престола на ступеняхъ коего онъ стоялъ. Вотъ почему и въ самомъ дѣлѣ у императрицы не было болѣе преданнаго слуги какъ ея оберъ-камергеръ. Но вотъ почему также онъ всячески старался убѣдить ее что его друзья суть и ея друзья и что его враги суть въ то же время и ея враги. Долгорукіе пытались было стать и поставить своихъ друзей между имъ и императрицей; они сдѣлались слѣдовательно его врагами, *а потому* они должны были сдѣлаться и врагами государыни, и правительство должно было преслѣдовать ихъ и преслѣдовать до истребленія. Они были унижены, заточены, но еще живы и слѣдовательно могли стать когда-нибудь опасными. Поэтому Биронъ не могъ забыть ихъ. Онъ слѣдилъ не только за ними, но и за всѣми тѣми кто когда-либо состоялъ въ связи съ ними, въ чьихъ рукахъ мог-

ли быть не только нити какихъ-либо новыхъ ихъ замысловъ, но и поводы къ возбужденію новыхъ противъ нихъ преслѣдованій за прежнія ихъ дѣйствія. Въ этомъ отношеніи и Миктеровъ былъ нуженъ Бирону; и онъ былъ песчинкой въ томъ зданіи которое надобно было разрушить до основанія.

Между тѣмъ придворная жизнь съ ея великолѣпіемъ, этикетомъ и интригами установились въ Петербургѣ окончательно. Современники говорили, правда, что трудно прививалась роскошь къ обществу совершенно къ ней не привыкшему, что случалось видѣть часто людей въ богатой и дорогой одеждѣ дурно сшитой, что вельможи облитые золотомъ являлись въ дурномъ парикѣ или грязныхъ чулкахъ, что бывало подъ часъ—дама въ блестящемъ, осыпанномъ бриліантами туалетѣ, ѣхала на вечеръ въ старой каретѣ, на клячахъ, съ мужикомъ въ лохмотьяхъ вмѣсто кучера на козлахъ, что въ домахъ точно также грязь и нечистота мѣшались съ золотомъ, серебромъ и всякимъ блескомъ; но тѣмъ не менѣе на все это тратились страшныя деньги, магазины модныхъ товаровъ разживались въ два-три года; русскій дворъ старался перещеголять роскошью всѣ другіе европейскіе дворы. Тратить нѣсколько тысячъ въ годъ на туалетъ считалось ни почемъ, и остряки говорили даже что слѣдовало бы расширить двери въ домахъ, ибо господа проходившіе въ нихъ несли на плечахъ своихъ цѣлыя деревни. Давали обѣды, танцовали, играли въ карты, дамы позволяли молодымъ людямъ ухаживать за собою; поклонники женскаго пола носили явно любимый цвѣтъ своихъ красавицъ; но случалось и такъ что любовныя похожденія какого-нибудь развязнаго человѣка кончались розгами, которыми не стыдились дѣйствовать сами дамы съ ихъ горничными дѣвушками.

Государыня жила зимой въ такъ-называемомъ Зимнемъ дворцѣ, небольшомъ полукругломъ зданіи, плохой архитектуры и незамѣчательной отдѣлки, со множествомъ комнатъ, худо расположенныхъ. За то лѣтнее мѣстопребываніе въ Петергофѣ было превосходно. Дворецъ стоялъ на высокомъ мѣстѣ, предъ нимъ шелъ каналъ къ морю, густой паркъ, съ дорожками, аллеями, водопадами и фонтанами, тянулся вдоль морскаго берега. Словомъ, Петергофъ того времени мало отличался отъ нынѣшняго. Внутренность дворца была замѣчательна красивою отдѣлкой и хорошею живописью, хотя комнаты были и низки, и малы.

Во дворцѣ жило вмѣстѣ съ государыней все семейство Бирона, то-есть отецъ, мать, трое дѣтей и дѣвица Трейтенъ, сестра графини Биронъ; тамъ же жила молодая принцесса Мекленбургская, племянница императрицы, за нѣсколько недѣль до кончины матери принявшая православіе и нареченная Анною; затѣмъ нѣсколько лицъ изъ придворнаго штата и состоявшіе при государынѣ шуты. Эти постоянные обитатели дворца составляли ежедневное общество государыни.

Разнообразить своего общества государыня не любила; она не любила тоже чтобъ эти постоянные собесѣдники покидали ее ради какихъ-нибудь забавъ или пировъ, устраиваемыхъ внѣ дворца; пиры эти называла она распутствомъ и иными язвительными словами.

Вообще во дворцѣ господствовалъ регулярный и однообразный образъ жизни, хотя и прерываемый иногда великолѣпными праздниками и торжествами; это общество, состоявшее всегда изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, въ сущности томилось скукой, противъ которой единственнымъ лѣкарствомъ были многочисленные придворные шуты.

Шуты, составлявшіе въ тогдашнее время необходимую принадлежность всякаго достаточнаго дома, имѣли во дворцѣ каждый свою обязанность и, составляя сбродъ людей всѣхъ націй, носили даже иногда особые знаки отличія. Такъ Жидъ Коста, нѣкогда гамбургскій маклеръ, прозванный королемъ Самоѣдовъ, и Италіянецъ Педрилло, когда-то музыкантъ, носили въ отличіе отъ другихъ сочиненный государыней особый орденъ на красной лентѣ, названный орденомъ Св. Бенедикта. Шутъ Волхонскій имѣлъ обязанность надзирать за левреткой государыни. Одни изъ этихъ несчастныхъ отличались забіячествомъ, другіе трусостію; кто хорошо падалъ, кто умѣлъ ловко драться или ругаться, кто отлично заикался, но всѣ вмѣстѣ они превосходно шпіонничали и наушничали, хотя отъ шпіонства и самому правительству становилось не въ моготу, такъ что оно обѣщало наконецъ чинить смертную казнь „безъ всякія пощады“ лживымъ доносщикамъ.

Въ этой томительной и грубой сферѣ проходили годы первой молодости принцессы Анны Леопольдовны, въ родъ которой, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна была перейти русская корона. Императрица заблаговременно озаботилась пріискать ей жениха; съ таковою цѣлію посланъ былъ въ Германію, столь обильную въ то время принцами, оберъ-шталмейстеръ

Левенвольдъ. Его выборъ остановился на Антонѣ-Ульрихѣ Брауншвейгскомъ, родственникѣ Германскаго императора. Принцъ прибылъ въ Петербургъ; но появленіе его было принято вообще безъ сочувствія. Ни молодость его, ни мягкій, кроткій взглядъ, не возбудили ни въ комъ симпатіи. Биронъ завидовалъ ему; государыня осталась къ нему настолько равнодушна что даже отложила на неопредѣленное время свадьбу. Что же касается до самой невѣсты, то, увы! сердце ея было уже не свободно. Посланникъ Саксонскаго двора, графъ Морицъ-Карлъ Линаръ, 33хъ-лѣтній, красивой наружности и пріятный въ обращеніи, вдовецъ, успѣлъ не только вскружить ей голову, но замѣтивъ склонность принцессы, не старался даже скрывать своихъ отношеній къ ней и предъ самимъ принцемъ, а принцесса Анна не замѣчала, да и не способна была замѣтить тутъ никакой фальши съ его стороны. Она наслѣдовала отъ отца своего, герцога Мекленбургскаго, своеобразный характеръ и недостатокъ такта, которые сгубили и ее, какъ нѣкогда сгубили ея отца. Эти качества обнаружились въ ней съ большею силой въ послѣдствіи, но и теперь уже они обозначились весьма замѣтнымъ образомъ. Въ правильныхъ и пріятныхъ чертахъ лица ея было то выраженіе которое называется характерностію, своеобычностію и пожалуй даже капризомъ. Средняго роста, съ темными волосами, статная и довольно красивая, принцесса какъ будто щеголяла свободою въ обращеніи со всѣми; не любя притворства, она старалась дѣйствовать всегда и во всемъ по своему; она не хотѣла подчиняться модамъ и даже носила прически собственнаго изобрѣтенія.

Увидавъ въ первый разъ Линара, принцесса почувствовала къ нему вдругъ сильную, страстную любовь и по свойственному ей характеру, уперлась на этомъ чувствѣ, не желая отъ него отказаться не только съ пріѣздомъ назначеннаго ей въ мужья принца Антона Ульриха, но и гораздо позднѣе, будучи уже правительницей Россіи.

Сидя во дворцѣ съ молодою, любимою фрейлиной своею, Юліей Менгденъ, и гувернанткой Адеркасъ, имъ передавала она все что̀ лежало у нея на душѣ и читая вслухъ комедіи, трагедіи и романы, съ наслажденіемъ останавливалась на тѣхъ мѣстахъ гдѣ описывалась судьба несчастныхъ плѣнныхъ принцессъ, говорящихъ съ благородною гордостію и отвагой.

— Люблю его, люблю что силы есть! Судьбѣ своей не покорюсь, воли своей не продамъ! Казните меня, голову снимите! Вотъ я, готова! восклицала юная героиня, воспламеняясь какимъ-нибудь прочтеннымъ романомъ и, по странному стеченію обстоятельствъ, безсознательно подготовляя этою наигранною любовью ту случайность, которая коснулась судьбы совершенно неизвѣстнаго ей Миктерова.

XXIV.

Къ четвертому февраля, дню рожденія государыни, всѣ ожидали большихъ празднествъ, въ которыхъ должны были принять участіе находившіеся въ то время въ Петербургѣ восточные послы и которыя, слѣдовательно, должны были быть тѣмъ болѣе великолѣпны.

Съ утра по улицамъ города разъѣзжали экипажи, и движеніе было необыкновенное. Сбирались во дворцѣ всѣ чины: духовенство, шляхетство, генералитетъ, послы. За обѣдней придворные пѣвчіе, подъ управленіемъ іеромонаха Герасима, спѣли концертъ на слова: „Ни желаніе, ни исканіе, ни помышленіе, но Богъ владѣяй всѣми, Той возведя тя на престолъ Россійской державы, тѣмъ сохраняема, тѣмъ управляема и покрываема буди во вѣки.“ Музыка весьма понравилась всѣмъ присутствовавшимъ. Принцесса Елисавета Петровна поручила даже своему регенту сходить къ іеромонаху Герасиму и списать слова, за что̀ въ послѣдствіи регентъ этотъ чуть не попалъ въ застѣнокъ, ибо когда они нашлись у него, Ѳеофанъ счелъ нужнымъ допросить: „до котораго лица тѣ слова были написаны, гдѣ онѣ пѣньемъ дѣйствованы и когда?“ Послѣ обѣдни начались аудіенціи, одна смѣнялась другою. Когда остались одни офицеры гвардіи и придворные, государыня допустила ихъ къ рукѣ и сама подносила имъ по полному стакану венгерскаго вина, который должно было выпивать стоя предъ нею на колѣнахъ.

Вновь отдѣланная зала въ бывшемъ домѣ Кикина украшена была большими померанцевыми и миртовыми деревьями, образуя съ двухъ сторонъ аллею. Цвѣтъ и запахъ отъ нихъ, наполнявшіе залу, среди льда и снѣга, которые видны были въ окна, казались непривыкшимъ къ такого рода зрѣлищамъ современникамъ какимъ-то волшебствомъ. По срединѣ

залы гремѣла музыка, вокругъ нея оставлено было мѣсто для танцевъ. Разнообразіе и въ особенности богатство туалетовъ было такое какого не видали конечно никогда, ни прежде, ни послѣ тѣхъ временъ. Графиня Биронъ, при всей своей скупости и даже скаредности, будучи страстная охотница до нарядовъ, надѣла, говорятъ, на себя бриллiантовъ и драгоцѣнныхъ камней на сумму доходившую до двухъ милліоновъ. Все это, разумѣется, были подарки приходившіе къ ней съ разныхъ сторонъ и преимущественно отъ государыни. На ней было длинное бархатное платье, или роба крамуази, осыпанная жемчугомъ баснословной цѣны. Туалеты остальныхъ дамъ болѣе или менѣе богатствомъ своимъ подходили къ туалету графини, но послѣдняя стояла всегда на томъ чтобы, равнялась только съ государыней, затмѣвать всѣхъ другихъ. Разноцвѣтные газовые чехлы покрывали вышитыя цвѣтами юпки, убранныя жемчугомъ и алмазами. На груди блестѣли массивныя бриліантовыя застежки; естественные волосы, немного подстриженные, вились большими роскошными локонами, покрытыми букетами цвѣтовъ. Все отличалось свѣжестію и тщательностію отдѣлки. Всякій зналъ что ничѣмъ нельзя было болѣе угодить государынѣ въ день ея рожденія, какъ новымъ туалетомъ, и всякій поэтому остерегался надѣть что-нибудь изъ того что̀ уже было надѣвано когда-нибудь. Начались танцы. Разумѣется всего болѣе тѣснились вокругъ выступавшей не безъ величія императрицы; сіяніе бриллiантовъ графини Биронъ тоже привлекало къ себѣ многочисленные взоры, но всего очаровательнѣе все-таки оставалась красота и молодость, которыми блистала принцесса Елисавета, которая притомъ танцовала съ неподражаемою прелестью. Прекрасную еще, несмотря на свои тридцать два года, Лопухину, рожденную Балкъ, тоже окружала толпа обожателей, хотя всякому было извѣстно что никому изъ нихъ не достанется сердце красавицы, давно принадлежавшее графу Левенвольду, красавцу и пожирателю сердецъ нашихъ прабабушекъ.

— Кто лучше всѣхъ? спросила чрезъ переводчика государыня, подойдя къ группѣ восточныхъ пословъ, которые съ любопытствомъ и удивленіемъ разсматривали танцующихъ.

— Когда смотришь на небо, отвѣтилъ одинъ изъ сыновъ цвѣтистаго Востока,—можно ли сказать какая звѣзда имѣетъ болѣе блеску?

— Но кто же лучше однако? настаивала императрица.

— Еслибы глаза ея, сказалъ посолъ, указывая тогда на принцессу Елисавету,—не такъ велики были, то взглянувъ на нихъ, нельзя было бы жить никому.

Танцы между тѣмъ продолжались, а въ промежуткахъ между англезами, польскими и менуэтами, гости уходили въ густоту деревьевъ и тамъ располагались кучками вокругъ столовъ, на которыхъ были приготовлены: кофе, чай и прохладительные напитки.

Подъ большимъ померанцевымъ деревомъ, принцесса Анна сидѣла вдвоемъ съ фрейлиной Менгденъ, предъ столомъ, на которомъ не было никакихъ напитковъ. Ея бѣгающіе глаза и озабоченный видъ выражали какую-то тревогу и страхъ совсѣмъ не гармонировавшіе съ окружавшимъ всѣхъ весельемъ и безпечностію, а нѣсколько въ сторонѣ, гувернантка принцессы, баронесса Адеркасъ, горячо разговаривала съ графомъ Линаромъ, причемъ сей послѣдній нѣсколько разъ бралъ почтенную даму за руку, какъ будто желая передать ей нѣчто. Казалось что баронесса колебалась, но наконецъ, повидимому, согласилась. Любезно улыбнувшись ей, Линаръ смѣялся, какъ ни въ чемъ не бывало, съ толпой мущинъ, а госпожа Адеркасъ, подойдя къ своей воспитанницѣ, прошептала ей нѣсколько словъ, заставившихъ послѣднюю улыбнуться...

Что̀ говорили между собою принцесса, ея воспитательница и саксонскій посланникъ — этого никто не слыхалъ; но всю происходившую между ними сцену видѣлъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, человѣкъ близкій императрицѣ по общему ихъ родству съ Ромодановскими. Повидимому онъ владѣлъ ключомъ этого разговора и понялъ его содержаніе: въ этомъ можно было убѣдиться по изумленію выразившемуся на его лицѣ, по мгновенно расширившимся зрачкамъ его глазъ.

Головкинъ, родственникъ императрицы, былъ родственникъ и Аннѣ Леопольдовнѣ; вотъ почему онъ заинтересованъ былъ описанною сценой. Въ продолженіи нѣсколькихъ мгновеній взглядъ его былъ устремленъ съ такимъ упорствомъ на принцессу и ея воспитательницу что онѣ невольно обернулись. Но въ эту минуту кто-то подошелъ къ нему. Ни г-жа Адеркасъ, ни принцесса не видали взгляда Головкина.

Императрица была въ это время на другомъ концѣ залы, осчастливливая гостей своихъ то словомъ, то улыбкой, то милостивымъ взглядомъ. Увидя снова группу восточныхъ по-

словъ, продолжавшихъ изумлять ее откровенностію, она спросила у нихъ:

— Что̀ васъ здѣсь всего болѣе удивляетъ?

— Видѣть женщину на престолѣ, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

Ангажированная принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, принцесса Анна стояла на мѣстѣ, въ парѣ. Благовоспитанный, вѣжливый съ дамами, но съ простыми, можно даже сказать солдатскими манерами, принцъ смѣялся надъ своею неловкостію и нелюбезностію. Принцесса, улыбаясь на его шутки, обратила случайно взглядъ на стоявшаго возлѣ нихъ, еще красиваго и стройнаго, несмотря на 55 лѣтъ, фельдмаршала Миниха, который, въ качествѣ услужливаго кавалера, тотчасъ же поспѣшилъ къ ней приблизиться и принять участіе въ разговорѣ.

Принцесса Анна разсѣянно слушала любезности фельдмаршала. Смотря прямо предъ собою, глаза ея встрѣтились нечаянно со взоромъ остановившагося противъ нея графа Головкина. Глаза ея забѣгали, она завертѣла головой направо и налѣво, точно ища какой-то поддержки, посмотрѣла назадъ, взглянула на стоявшую тамъ свою гувернантку, и поблѣднѣла, и оторопѣла здѣсь окончательно, захвативъ Адеркасъ на томъ самомъ моментѣ когда и сія послѣдняя, точно также смущенная пристальнымъ взглядомъ Головкина, не знала куда дѣвать глаза.

Между тѣмъ заиграла музыка, заходили взадъ и впередъ по залѣ мущины и женщины, всѣ смѣшались; начался менуэтъ.

На другой день графъ Головкинъ разказалъ женѣ о томъ случаѣ который сдѣлалъ его къ несчастію свидѣтелемъ описанной сцены между Линаромъ, гувернанткой принцессы Анны и самою принцессой. Онъ не скрылъ что ему показалось, показалось навѣрное, что первый изъ нихъ передалъ баронессѣ Адеркасъ какую-то золотую вещицу, въ родѣ медальйона что ли, и что эта вещица была тотчасъ же передана принцессѣ. Не даромъ стало-быть городскія сплетни упоминали ея имя рядомъ съ именемъ саксонскаго посланника; не даромъ иные улыбались сомнительно говоря о предполагаемомъ бракѣ ея съ принцемъ Антономъ.

„Не Бироновы ли это штуки?“ приходило въ голову Головкину. Онъ припоминалъ слухи что фаворитъ желалъ бы устранить браунштейгскаго принца и дать въ женихи Аннѣ Леопольдовнѣ своего сына. Какъ бы довести о томъ до свѣдѣнія

императрицы? Но какъ это сдѣлать? Опасно было вступать въ борьбу съ человѣкомъ сила котораго возрастала съ каждымъ днемъ. Посовѣтоваться развѣ съ Остерманомъ? Андрей Ивановичъ, *если только захочетъ*, непремѣнно дастъ дѣльный совѣтъ. И Головкинъ рѣшился съѣздить къ нему; но видно Андрей Ивановичъ *не захотѣлъ* дать совѣта; онъ слушалъ разказъ Головкина, прерывая его безпрестанно оханьемъ и жалобами то на подагру, то на колику. Головкинъ, выходя отъ него, даже плюнулъ съ досады. „Проклятый человѣкъ!“ сказалъ онъ: „все вывѣдалъ и ничего самъ не сказалъ“.

XXVI.

— Fort, du Ziegesmann! закричалъ какъ-то графъ Биронъ, наткнувшись на шута Педрилло, гонявшагося за козой и заградившаго ему дорогу,—Fort!

— Я Ziegesmann? я козій мужъ? Хорошо же, проворчалъ про себя шутоватый жидъ и тутъ же рѣшилъ воспользоваться этимъ неосторожно сказаннымъ словомъ.

На другой день всѣ придворные, не исключая и самого графа, приглашены были имъ пожаловать посмотрѣть на очень рѣдкую и невиданную штуку, и когда собрались всѣ гости, то нашли шута лежавшимъ на одной постели съ козой и оттуда выпрашивавшимъ у посѣтителей денегъ на воспитаніе дѣтей, якобы прижитыхъ имъ отъ этой козы.

Смѣху было много, когда Биронъ разказалъ присутствовавшимъ разгадку этой шутки; онъ первый положилъ нѣсколько золотыхъ монетъ въ протянутую шутомъ чашечку и, съ легкой руки его, Педрилло сосчиталъ къ вечеру до тысячи рублей пожертвованныхъ денегъ.

— Эхъ, ты! говорилъ нѣсколько дней спустя придворный служитель Орловъ, сойдясь послѣ дежурства съ товарищемъ своимъ Коноплевымъ въ тѣсной служительской комнатѣ и посматривая на атласомъ и бархатомъ украшенный камзолъ свой.—Эхъ, ты. Хорошо тому жить кому бабушка ворожитъ, кому и тысячи ни по чемъ, а насъ вотъ и нарядили, да на зубъ положить нечего.

— Да, отвѣтилъ вздохнувъ Коноплевъ,—нынѣ, братъ, оберъкамергеръ со всемилостивѣйшею государыней, самъ видѣлъ, во дворцѣ, на горѣ, при великихъ персонахъ сидитъ на сту-

лѣ, а князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, генералъ-фельдмаршалъ, прибавилъ онъ съ удареніемъ и важностію,—да князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, изстари старые слуги, они всѣ стоятъ, а онъ сидитъ, да ея величество за ручку держитъ...

— Далеко кому такой милости искать! Вѣдь оберъ-камергеръ недалече отъ государыни живетъ, возразилъ было Орловъ, подмигнувъ, и остановился на полусловѣ, наткнувшись глазами прямо на высунувшагося вдругъ въ дверь и скрививщаго гримасу Педрилло.

— Чего надо? Вонъ! закричали въ одинъ голосъ служители, взглянувъ на шута, тотчасъ же выпрямившагося и гримасу свою перемѣнившаго на серіозное лицо.

— Ну, вонъ же, говорятъ, козлиный отецъ! наступалъ къ нему Орловъ.

Шутъ исчезъ, но къ вечеру оба служителя попали въ застѣнокъ.

Биронъ взбѣсился. Онъ былъ вообще не въ духѣ; извѣстіе о кончинѣ старика отца въ Митавѣ заставило его ѣхать туда на похороны, а это будило въ немъ воспоминанія о неблестящемъ своемъ родословіи, воспоминанія, которыхъ не могла изгладить и присланная, какъ говорили, въ золотомъ ящикѣ грамота отъ курляндскаго дворянства. Онъ былъ не въ духѣ и безъ того, а показанія сдѣланныя по доносу шута Педрилло выводили его изъ себя. Если такъ близко, во дворцѣ, придворные служители договаривали въ такомъ тонѣ, чтò же должны были говорить и думать гдѣ-нибудь подальше? Наказаніе страшное, примѣрное должно послѣдовать, размышлялъ Биронъ про себя, и грозный, мрачный явился на половину государыни, когда, наканунѣ обычнаго ежегоднаго празднованія коронаціи, во дворцѣ собрались, кромѣ всегдашнихъ гостей, нѣкоторыя дамы и важные сановники.

Гости играли въ карты отдѣльными партіями; государыня сидѣла вокругъ стола съ принцессами и нѣкоторыми избранными лицами, и отъ всей души смѣялась надъ леди Рондо, дамой изъ англійскаго посольства, коверкавшею русскія слова въ разговорѣ на совершенно незнакомомъ ей языкѣ.

Не принимая участія въ карточной игрѣ, Биронъ не желалъ однако и показать своего дурнаго расположенія духа дабы не огорчить государыню наканунѣ великаго торжества; графъ Минихъ, дѣлавшій всегда росписанія въ какое время и какіе должны быть фейерверки и иллюминація, занялъ его теперь

разказомъ о тѣхъ ракетахъ, муфткугеляхъ, регенъ и стрейтъ-феерахъ, водяныхъ и земляныхъ швермерахъ которые должны были быть сожжены назавтра.

— А тамъ что̀ такое? прервалъ вдругъ фельдмаршала Биронъ, прислушиваясь къ какому-то долетѣвшему до него отъ стола за которымъ сидѣла императрица чтенію, и быстро направляя туда свои шаги.

Онъ остановился за стуломъ принцессы Елизаветы, обводя всѣхъ строгимъ взоромъ и не замѣчая уже слѣдовавшаго за нимъ на цыпочкахъ Миниха.

Но безпокоиться было не о чемъ, чтеніе было самое невинное, и ясныя улыбки сіяли на всѣхъ лицахъ.

Кантата подъ заглавіемъ „Споръ любви и ревности", написанная въ разговорахъ между Прославленіемъ и Славой и сочиненная къ торжественному дню коронованія, восхваляла Анну на всѣ возможные лады.—„Ты, Петербургъ, Балтическаго моря Венеція, а ты, царица, радость подданныхъ, ты счастіе ихъ, чрезъ тебя Европа увѣнчала главу свою мирною оливой," говорили въ перемежку то Прославленіе, то Слава.—„Я молчу," сказала въ заключеніе послѣдняя; „велерѣчивое мое дерзновеніе въ глубокомъ морѣ ея добродѣтелей едва ли не потонуло; я не уразумѣла что какъ нельзя счесть звѣздъ, такъ нельзя исчислить высокія дѣла Анны; я подобна дѣтищу которое думаетъ что на солнце легко смотрѣть, и вскорѣ видитъ себя ослѣпленнымъ свѣтомъ!"

И точно какъ бы ослѣпленные дѣйствительно этимъ свѣтомъ, сидѣли молча всѣ слушатели во время чтенія кантаты. Государыня, облокотившись однимъ плечомъ на кресло и махая головой въ тактъ, посматривала на Бирона, а Биронъ снисходительно улыбался и наклонялъ голову, какъ бы говоря: Тѣшьтесь, тѣшьтесь, я ничего противъ этого не имѣю.

— Про-сла-вле-ніе и Сла-ва! нагнувшись къ леди Рондо, сказала внятно Анна, вызывая Англичанку на разговоръ и какъ бы прося повторить сказанныя русскія слова.

Та повторила эти слова, коверкая ихъ, къ общей радости расхохотавшейся публики.

Вообще день вышелъ такой что смѣяться было не только можно, но даже и должно, судя по счастливому, пріятному расположенію духа государыни. Всякій обязанностію своею считалъ, насколько силъ хватало, содѣйствовать поддержанію этого расположенія духа; льстивымъ, сладкимъ рѣчамъ не

было, кажется, конца. Графъ Карлъ Биронъ прочелъ, напримѣръ, сочиненное имъ стихотвореніе, гдѣ говорилъ что:

Карлъ бо твой живетъ что тобою
И будетъ твой собственный въ вѣки
Отдастъ ти всю жизнь собою
За милости твоей рѣки.

И все общество въ восторгѣ соглашалось съ нимъ.

Когда ея жизнь толь нужна намъ,
По многой твоей благостынѣ,
Продай счастіе дни ей нынѣ,
Возьми младости моей лѣта.
Въ жертву закрывъ мои зѣницы
Къ лѣтамъ приложи оны свѣта
Великія императрицы.

И всѣ сочувствовали этой жертвѣ піита.

Даже самъ вице-канцлеръ Остерманъ, при общемъ настроеніи, не лишнимъ нашелъ выйти изъ обычной своей колеи и разговорился.

— Что̀ это значитъ? что̀ вижу? Смѣхъ и Остерманъ!... Графъ! кликнула государыня, замѣтивъ улыбку на лицѣ племянницы, возлѣ которой онъ сидѣлъ, и какое-то движеніе вокругъ: — графъ, что̀ это значитъ?

— Вашего величества канцлера въ сокровенности всѣ упрекаютъ, сказалъ, приподнявшись, Остерманъ:—я говорю что въ томъ невиноватъ, потому и вся политика нынѣ не въ договорахъ, а въ карты разыгрывается.

— Какъ, въ карты?

— Да вотъ, прибавилъ онъ, беря изъ рукъ Адеркасъ какую-то бумагу:—Les principales cours d'Europe au jeu d'ombre,— вотъ она европейская политика.

— Какъ такъ jeu d'ombre? — въ карты? кто играетъ? что̀ такое?

— Jeu d'ombre, ваше величество, въ карты, а игроковъ... сами усмотрѣть изволите: j'ai assez de jeu pour gagner la patrie, началъ Остерманъ, читая извѣстный памфлетъ.—Je jouerai quand mon roi sera à couvert, je fournis les cartes, le profit le plus clair est toujours pour elles.

— Да, это Россія, Франція, Польша, слышались голоса.

— Attendez, attendez, messieurs, какъ будто бы обращаясь къ присутствующимъ, продолжалъ Остерманъ,—je n'ai pas renoncé et je ne prétends pas faire la bête deux fois.

— Ха, ха, ха! Лещинскій, Лещинскій! воскликнула сама государыня, вставая съ мѣста, и общій смѣхъ покрылъ голосъ вице-канцлера.

— Надежда есть что графъ и лучше другихъ въ игрѣ сей сокрыть себя сумѣетъ, замѣтила между тѣмъ принцесса Елизавета, нагнувшись къ императрицѣ.

— Ваше величество! вдругъ выступилъ впередъ князь Куракинъ:—государыня! позволь и мнѣ ужь о политикѣ сказать.

— Ты о политикѣ что знаешь?

— Позволь ужь, разрѣши! приставалъ Куракинъ, подзадоренный общимъ настроеніемъ духа, заранѣе улыбаясь штучкѣ которую готовился выпустить.—Gott! началъ онъ торжественно, смотря на небо,—Gott verhängt Alles! Die Welt, смиренно продолжалъ онъ, — verdient Alles; Frankreich erhält Alles; die Commissa rien nehmen (Куракинъ сдѣлалъ соотвѣтствующій жестъ рукою), Geld für Alles; die Iesuiten stecken, продолжалъ онъ, поворачивая головой и внюхиваясь во всѣ стороны,— stecken die Nase in Alles.

Полныя плечи государыни заколыхались при этихъ словахъ, а стоявшая сзади публика начала хохотать.

— Die Weiber, громко и повелительно крикнулъ Куракинъ,— wollen regieren über Alles (всѣ смолкли вдругъ, устремивъ взоры на свою повелительницу), so hole denn der Teufel und seine Mutter Alles, еще громче, скороговоркой закричалъ Куракинъ и неожиданнымъ переходомъ этимъ поразилъ всѣхъ, такъ что всѣ расхохотались во весь голосъ. Государыня, махнувъ рукой и помирая со смѣху, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ; улыбнулся даже графъ Биронъ; все общество смѣшалось; всѣ, точно обрадовавшись, заговорили по-нѣмецки; кто, кстати и некстати, повторялъ послѣднюю строфу памфлета, кто приставалъ къ Куракину, прося его повторить все сначала, кто бѣжалъ передать остроту играющимъ въ карты.

Графу Миниху стало досадно что до сихъ поръ ничѣмъ не удалось ему угодить императрицѣ, когда столько людей успѣли уже такъ или сякъ показать себя. Зная вкусъ ея къ разсказамъ вообще и въ особенности къ такимъ гдѣ можно было иногда пролить и слезу, Минихъ ловко повернулъ разговоръ

отъ послѣдней злобной и смѣшной строки памфлета къ смѣшной злобѣ вообще, остановился на италіянской злобѣ въ особенности, и сталъ предлинно разказывать о ходившемъ въ то время по городу слухѣ касательно жены одного русскаго сановника, Венеціанки, ударившей будто бы по щекѣ другую даму за то что та, подъ видомъ поцѣлуя, взяла въ ротъ надѣтое на Венеціанкѣ жемчужное ожерелье, чтобъ удостовѣриться фальшивое оно или нѣтъ, и тѣмъ удовлетворить любопытству всѣхъ дамъ, завидовавшихъ богатству ея ожерелья.

Не дослушавъ конца, графъ Остерманъ отошелъ къ удалившейся еще прежде съ гувернанткой своею принцессѣ Аннѣ и, передавъ ей содержаніе разказа Миниха, вспомнилъ вдругъ, по поводу ссоры за жемчужное ожерелье, прошедшій праздникъ, визитъ Головкина, его разговоръ и.... медаліонъ.

Остерманъ, всегда вѣжливый съ женщинами, но съ высоты своихъ дипломатическихъ соображеній, считавшій ихъ отчасти игрушками которыми можно иногда и позабавиться, оглядѣлъ свою собесѣдницу съ ногъ до головы и остановился.

— Съ вами, принцесса, сказалъ онъ, — поссориться также надлежало бы; какъ возможно чтобы на столь маленькой ручкѣ такой большой перстенекъ надѣтъ былъ.

— Перстень! вспыхнула принцесса и точно пойманная на преступленіи, отвернула назадъ руку, на которой дѣйствительно большое золотое кольцо съ медаліономъ покрывало чуть не все пространство пальца до сгиба.

— Великъ, зѣло великъ! продолжалъ Остерманъ:—вотъ тёзка мой.... Андрей Ивановичъ! Андрей Ивановичъ! обратился онъ къ подходившему къ нимъ между тѣмъ Ушакову, — будь ты въ словахъ моихъ судья, разсуди: говорю, перстенекъ на рукѣ принцессы весьма великъ!

— Мнѣ въ дѣлахъ ея высочества судьею быть не приходится, отвѣтилъ Ушаковъ, пристально всмотрѣвшись въ перстень о которомъ шла рѣчь; — графъ все нынѣ шутитъ, прибавилъ онъ, улыбаясь, дѣлая нѣсколько шаговъ назадъ и потомъ быстро отходя въ сторону.

— Опасный вы, графъ, человѣкъ; пустымъ словомъ въ какую меня блѣдность привели, говорила принцесса, чувствуя что дрожитъ всѣмъ тѣломъ и не зная какъ отдѣлаться отъ Остермана.

— Ваше сіятельство, шепталъ въ то же время, успѣвшій

уже подойти къ Бирону, Ушаковъ,—ваше сіятельство, находку сдѣлалъ! Глаза ли мои въ обманъ меня привели или подлинно такъ, а на рукѣ принцессы перстень точь-въ-точь какой былъ на рукѣ извѣстной персоны, *невѣсты*, и который искали мы долго и не нашли.

Биронъ встрепенулся. Настоящее расположеніе духа его было самое подходящее ко всякаго рода подозрѣніямъ. Ушаковъ точно нарочно, точно зная это, словомъ своимъ попалъ на такой именно предметъ который болѣе чѣмъ всякій другой могъ разбудить злобу.

— Принцесса? Извѣстной персоны портретъ? успѣлъ только проговорить онъ, и едва владѣлъ собою, едва смогъ смягчить свой голосъ и скривить лицо въ какую-то улыбку, когда, подойдя къ принцессѣ, просилъ ее показать ему новый перстень, котораго онъ у нея еще не видалъ и отдѣлку котораго такъ хвалилъ ему Ушаковъ.

На двухъ сидящихъ рядомъ женщинахъ, принцессѣ и Адеркасъ, просто лица не было. Перстень былъ давно уже снятъ, и принцесса, показывая свои руки, говорила что генералъ вѣроятно ошибся, что все это сочинилъ Остерманъ и пр. Но чѣмъ болѣе горячности въ отвѣтѣ принцессы замѣчалъ Биронъ, чѣмъ болѣе вглядывался онъ въ мертвую блѣдность покрывавшую ея лицо, тѣмъ болѣе глаза его блестѣли, тѣмъ болѣе непонятнымъ казалось ему странное подозрѣніе закинутое въ душу его Ушаковымъ, и тѣмъ болѣе онъ бѣсился.

— Почему не хотите показать? Warum? Es ist ganz unbegreiflich! шипѣлъ онъ сквозь зубы.

— Aber was? aber was? твердила принцесса, выставляя впередъ свои руки.

— А! сказалъ наконецъ графъ, повернувшись со злобною улыбкой:—принцесса капризна! Я буду просить государыню! И скорыми шагами направился къ тому мѣсту, гдѣ, утомивъ всѣхъ своимъ разказомъ, Минихъ оканчивалъ его наконецъ, отступивъ нѣсколько въ сторону и произнося тонкимъ голосомъ, какъ должна была бы говорить Венеціанка:—Da haben sie zur Erinnerung, dass die Venezianerin niemals falsche Edelsteine tragen.

Принцесса быстро встала съ своего мѣста; но платье ея за что-то зацѣпилось; а Биронъ между тѣмъ подошедъ къ государынѣ и уже началъ съ нею говорить. Еще минута, и скрыться бѣдной дѣвушкѣ будетъ уже поздно.

— Я виноватый, я и спасителемъ буду, шепнулъ ей Остерманъ, нагнувшись и освобождая зацѣпившееся платье.

— Гдѣ же принцесса? принцесса гдѣ? спросила черезъ минуту государыня, обращаясь въ ту сторону гдѣ сидѣла племянница, но ея уже не было.

Послѣдовало общее смущеніе. Посланный вслѣдъ за удалившеюся въ свои покои принцессой, придворный, возвратившись, донесъ что принцесса, чувствуя себя нездоровою, не можетъ придти и проситъ государыню извинить ее за ослушаніе.

Государыня, не понимая еще хорошенько чего добивался Биронъ и чего ему было нужно, нахмурилась однако, видя до какой степени извѣстіе сообщенное посланнымъ непріятно отразилось на лицѣ графа. Разомъ измѣнился характеръ всего вечера, все смолкло и притайлось; карточныя партіи между тѣмъ окончились; государыня, отказавшись отъ ужина, удалилась къ себѣ, гости разъѣхались.

На другой день перстень былъ отобранъ отъ принцессы, и находился уже въ рукахъ Ушакова. Перстень этотъ былъ дѣйствительно похожъ на тотъ который разыскивали у невѣсты Петра II, Долгорукой, точно такъ же открывался и точно также, по формѣ своей, долженъ былъ заключать въ себѣ какой-нибудь портретъ, но портрета въ немъ никакого не оказалось, а слѣдовательно подозрѣнія Головкина ничѣмъ не оправдались. За то возникли другія подозрѣнія, вслѣдствіе которыхъ вскорѣ потомъ гувернантка Адеркасъ была удалена отъ принцессы, а Линаръ уѣхалъ въ Дрезденъ и не возвращался уже въ Россію до смерти императрицы, то-есть до того времени когда, послѣ всѣхъ катастрофъ, принцесса Анна сдѣлалась правительницей.

Возбужденный и взволнованный Биронъ не успокоился однако. Дѣйствуя на слабую сторону императрицы, вѣрившей во всякаго рода предразсудки, Биронъ разказывалъ всякія невѣроятности, выводилъ какія-то сближенія между невѣстой Петра II и предназначенною въ невѣсты принцу Антону Ульриху принцессой Анной. Перстень, точно такой же перстень, и тамъ и здѣсь; при этомъ Биронъ воскрешалъ въ памяти государыни кошмаръ о Долгорукихъ, который и самому ему не давалъ покоя; припоминалъ и исчезнувшаго безслѣдно этого какого-то офицера, нераспутанную его связь съ Долгорукими, и къ концу концовъ, послѣдствіемъ всего

этого былъ публикованный во всенародное свѣдѣніе временный указъ чтобы всѣхъ чиновъ люди представили безъ всякой утайки и страха, въ самомъ скоромъ времени, пожитки, деньги и пр. вещи Долгорукихъ, женъ и дѣтей ихъ, которыя, какъ ея величеству извѣстно, и понынѣ сохранены въ партикулярныхъ домахъ. На укрывателей повелѣвалось доносить; за добровольное объявленіе, а также и доносителямъ, обѣщана была царская милость, и если то будутъ бывшіе служители Долгорукихъ, то свобода отъ крѣпостной зависимости; скрывающіе же или тѣ кто объ этомъ вѣдали и не донесли, какого бы званія они ни были, „истезаны будутъ жестоко", гласилъ указъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по совѣщаніи Барона съ Ушаковымъ, командировано было за отысканіемъ Миктерова изъ сыскнаго приказа особое лицо, которому сообщено было все что только можно было узнать касательно прежней жизни и знакомства пропавшаго офицера. Это лицо былъ тотъ самый Гвоздевъ, котораго Миктеровъ встрѣтилъ случайно во время охоты съ Наумовымъ.

XXVII.

Направясь сначала къ Крутымъ Верхамъ, Миктеровъ не засталъ уже тамъ никого изъ охотниковъ и тутъ же, поворотивъ назадъ, рѣшился возвратиться домой одинъ. Встрѣча съ незнакомцемъ сильно тревожила его, хотя онъ не могъ отдать себѣ отчета почему именно. Ничего прямо касавшагося его онъ не нашелъ на этомъ приказномъ; но человѣкъ служащій въ розыскномъ приказѣ былъ въ это время непріятною встрѣчей, даже и не въ такомъ положеніи въ какомъ находился Миктеровъ. „Охъ! чуетъ бѣду мое сердце", твердилъ онъ, шагомъ ѣдучи къ своимъ Савинкамъ!

И между тѣмъ, странное дѣло, къ нему начала возвращаться нѣкоторая бодрость духа по мѣрѣ того какъ все яснѣе и яснѣе представлялось ему его настоящее положеніе и грозившая неизбѣжная опасность, если онъ останется попрежнему вялъ и нерѣшителенъ. Въ немъ заиграла опять та струнка которой бывало удивлялся Торбеевъ и на которую такъ надѣялся отецъ его, говоря что Ванюшу только приставить къ

чему-нибудь надо, а ужь онъ отъ дѣла своего не отступитъ. Миктеровъ и самъ какъ будто радъ былъ что случилось нѣчто такое что подтолкнуло его, что можетъ-быть заставитъ его дѣйствовать и жить. Какъ жить, какъ дѣйствовать? это представлялось ему чѣмъ-то крайне неопредѣленнымъ, но мысль о предстоявшей борьбѣ съ опасностію и смертію придавала ему на первыхъ порахъ нѣкоторое чувство героизма, не лишенное прелести. Онъ съ удовольствіемъ мечталъ что очутится опять въ Москвѣ, куда давно тянуло его вопреки всякаго благоразумія; въ лучахъ радуги представлялся ему большой городъ, столица, гдѣ онъ жилъ издавна, самое передвиженіе и мельканіе предъ глазами новыхъ предметовъ казалось ему наслажденіемъ послѣ деревенскаго затворничества. „Не одному же мнѣ", разсуждалъ онъ, „на роду написано слоняться по бѣлу свѣту подъ вѣчнымъ страхомъ ножа; найдется можетъ-статься и еще кто-нибудь такой же горемыка, и этотъ кто-нибудь да я, вотъ ужь насъ и двое будетъ, а тамъ.... а тамъ, кто знаетъ еще куда повернетъ счастіе и чѣмъ окончится судьба!" Если страшная измѣнчивость, отличающая первую половину минувшаго вѣка, должна была держать нашихъ дѣдовъ въ постоянномъ опасеніи бѣды, то она же поддерживала ихъ блестящими надеждами. Все и невѣроятно худое и необычайно хорошее казалось возможнымъ, и дѣйствительно было возможно.

Было уже темно, когда Миктеровъ подъѣхалъ къ своей усадьбѣ. Онъ не обратилъ вниманія на поздравленіе „съ полемъ" со стороны выскочившаго навстрѣчу слуги, не почувствовалъ и холода въ нетопленыхъ комнатахъ, но мысли его были однако настолько спокойны что заказавъ себѣ ужинать, онъ прилежно занялся разборкой и укладкой своихъ пожитковъ въ холщевый мѣшокъ, исправно поѣлъ и распорядился чтобы къ утру приготовлена была пара лошадей и телѣга. Затѣмъ залегъ спать рано, ни слова не упомянувъ объ отцѣ.

— Безъ стараго барина все чай не уѣдетъ, разсуждали между собою слуги, находясь въ недоумѣніи касательно всѣхъ этихъ распоряженій и собираясь дожидаться старика, несмотря на то что ночь стояла темнѣйшая и дождь лилъ какъ изъ ведра.—Куда ѣхать? Вѣдь онъ отецъ чай ему, не другой кто.

Казалось бы такъ. Но слуги не знали что молодой баринъ ихъ, съ юныхъ лѣтъ направленный въ ту среду гдѣ вырабатывались конечно сильные характеры, но гдѣ о нѣжности сердечной не могло быть и рѣчи, далеко не равнялся съ отцомъ своимъ въ силѣ взаимной привязанности.

Воспитанный на родительскихъ ласкахъ, Миктеровъ привыкъ смотрѣть на эти ласки какъ на что-то должное ему. Уѣзжая изъ дому, тогда еще мальчикомъ, къ Долгорукому, онъ не плакалъ при разставаньи, занятъ будучи мыслію что вотъ современемъ онъ возвратится въ Савинки полковникомъ или даже генераломъ. Шли годы, самая привычка отрока къ отцу ослабѣла, а самомнѣніе его усиливалось. Получая иногда гостинцы изъ деревни, Миктеровъ, будучи юношей, соображалъ что отецъ, желавшій видѣть его въ такомъ высокомъ положеніи, долженъ былъ и поддерживать его. Возвратившись въ деревню бѣглымъ офицеромъ, онъ принималъ всѣ ласки отца съ благодарностію, не переставая однако думать что отецъ же этотъ выбралъ ему карьеру которая его погубила, что онъ слѣдовательно былъ нѣкоторымъ образомъ виновникомъ его несчастія, а потому и весьма натурально если нѣжностями и заботами своими хочетъ загладить свою вину. Во всякомъ случаѣ молодой Миктеровъ жилъ отдѣльною отъ отца своего жизнію, и теперь, рѣшась ѣхать изъ Савинокъ, не подумалъ сообщить отцу о своемъ намѣреніи.

Между тѣмъ, и сверхъ всякаго чаянія, въ самую полночь, чуткое ухо слуги заслышало издали еще полосканье колесъ въ лужахъ покрывавшихъ дорогу и шлепанье лошадиныхъ копытъ по грязи. Снявъ пальцами нагорѣвшую свѣтильню свѣчи, воткнутой въ желѣзный треножникъ, слуга вышелъ въ сѣни и, притворивъ наружную дверь, старался пропустить въ нее свѣтъ огарка, пламя котораго постоянно замирало отъ врывавшагося вѣтра. Подъѣхавшій вскорѣ и вошедшій по лѣстницѣ, старикъ Миктеровъ весьма удивился сдѣланной ему встрѣчѣ. Старикъ былъ не въ духѣ и нахмурился еще болѣе когда на вопросъ: почему не потушенъ былъ до такой поздней поры огонь, ему отвѣтили что молодой баринъ велѣлъ ожидать его; когда же, спросивъ о здоровьѣ Ванюши, онъ получилъ въ отвѣтъ: „здоровъ, слава Богу; цѣлый вечеръ собиралъ всѣ свои пожитки, а назавтра приказалъ

себя рано будить и приготовить ему лошадей“, то старикъ вспыхнулъ.

— Кто здѣсь приказанія опричь меня давать можетъ? загремѣлъ онъ вдругъ, топая ногой на стоявшаго предъ нимъ слугу. — Лошадей приказалъ? Нѣтъ лошадей, чьи лошади? Мои лошади! Пожитки собиралъ? Вонъ пожитки тѣ, вонъ ихъ! выбросить тотчасъ!

И какъ былъ въ грязныхъ сапогахъ и мокрой шапкѣ и одеждѣ, онъ сунулся-было вдругъ къ двери той горницы которую занималъ сынъ и которая только сѣнями отдѣлялась отъ другой, занимаемой имъ самимъ. Но едва скрипнула эта дверь, едва пріотворивъ ее, увидѣлъ онъ при свѣчкѣ, которую продолжалъ еще держать слуга, фигуру крѣпко спавшаго сына, онъ остановился, и гнѣвъ его тотчасъ стихъ. Старикъ быстрыми шагами пошелъ къ себѣ, приказавъ распоряженій сына не отмѣнять, а доложить когда Ванюша проснется.

Что̀ была за причина внезапнаго возвращенія старика и отчего онъ былъ такъ гнѣвенъ? Дѣло вотъ въ чемъ: Когда терпѣливо стоявшій два часа на самомъ лучшемъ лазу Θедоръ Алексѣевичъ Наумовъ послалъ, наконецъ, узнать почему не слыхать такъ долго ни гончихъ, ни порсканья, всѣ ли охотники стоятъ по мѣстамъ и кто что̀ затравилъ, когда стоя на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи посланнаго и прозябши передумывалъ о томъ и о другомъ, онъ припомнилъ между прочимъ и о вчерашнемъ праздникѣ и попенялъ на себя за неосторожный разговоръ при человѣкѣ мало ему извѣстномъ, какъ Бахметьевъ; онъ представлялъ себѣ фигуру майора, его настойчивый и рѣшительный отказъ принять участіе въ игрѣ и пр. Наконецъ обскакавшій кругомъ вершины мальчикъ донесъ что бо́льшая часть стаи прорвалась изъ Крутыхъ Верховъ въ уйму, что сладить не могутъ до сихъ поръ, что волки куда-нибудь перешли, что затравлена всего одна лисица, и что борзятники наконецъ стоятъ по мѣстамъ, кромѣ Бахметьева и молодаго Миктерова которые неизвѣстно куда дѣлись. Θедоръ Алексѣевичъ, при этомъ послѣднемъ извѣстіи, побагровѣлъ вдругъ отъ гнѣва и, тронувъ лошадь, приказалъ выводить гончихъ и всей охотѣ ѣхать домой.

Пріѣхавъ домой, Θедоръ Алексѣевичъ тотчасъ же отдалъ повелѣніе: наказать, вопервыхъ, подвывальщиковъ за то что волковъ въ указанномъ мѣстѣ не оказалось, и что баринъ

даромъ простоялъ на мѣстѣ два часа; затѣмъ наказать доѣзжачихъ за то что не сумѣли удержать стаи въ Крутыхъ Верхахъ; наконецъ, отыскать непремѣнно и наказать людей провожавшихъ, безъ доклада хозяину, Бахметьева и Микерова. Но Наумовъ только срывалъ такъ сказать свой гнѣвъ на прислугѣ; кололо его то что двое изъ его гостей уѣхали не простившись съ нимъ, не поблагодаривъ его за хлѣбъ-соль. Взволнованный вышелъ онъ къ остальнымъ гостямъ.

Несмотря на то что о Миктеровѣ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, разказаннымъ очевидцами, извѣстно было что онъ на охотѣ присутствовалъ и даже съ кѣмъ-то предъ покинутіемъ гончихъ въ Крутые Верхи разговаривалъ, Ѳедору Алексѣевичу хотѣлось все-таки хоть языкъ почесать, хоть придраться какъ-нибудь къ старику отцу Миктерова.

— Мы, сказалъ онъ,—государей нашихъ искони-бѣ уважали и къ закону почтеніе имѣли, а нынѣ времена такія что вѣры тому не даютъ.

Присутствующіе молчали, не зная къ чему клонитъ рѣчь свою Ѳедоръ Алексѣевичъ.

— Гм, гм! усмѣхался между тѣмъ онъ съ нѣкоторою злобою:— доказчики размножились, и въ домахъ нашихъ смотрѣніе за соблюденіемъ указовъ государевыхъ имѣютъ.... Я говорю, а за мною, статься-можетъ, кто изъ васъ въ памяти своей примѣчаетъ.

Гости приняли серіозный видъ. По тону хозяина замѣтно было что онъ не только волнуется, но и желаетъ сказать кому-нибудь непріятность. Кто-то осмѣлился даже спросить, какая причина такихъ рѣчей Ѳеодора Алексѣевича?

— Сколь ни корми, сколь щедръ ни будь, а врага своего въ овечьей шкурѣ не узнаешь. Всякъ о своей пользѣ помышляетъ, а нынѣ одна польза, доказчикомъ быть.

Присутствующіе стали переглядываться, спрашивали тихо другъ у друга: кто же у насъ доказчикъ и что̀ было доказывать? Наступила минута общаго недоумѣнія. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, отошедшій было нѣсколько шаговъ въ сторону, возвратился.

— Искать здѣсь нечего, сказалъ онъ,—мы всѣ законы государевы продерзостно вчера преступили.... Ха, ха! въ карты играли, въ карты! повторилъ онъ, подымая многозначительно палецъ:—Нѣмцевъ обзывали! А Русскіе, кому это

не по праву, отъ насъ отступилися; за хлѣбъ за соль спасибо не сказавши, уѣхали.

— Кто же такой, Ѳедоръ Алексѣевичъ, уѣхалъ докащикомъ? спросилъ отецъ Миктерова, выступивъ нѣсколько впередъ.

— Да хоть сынъ твой, или Бахметьевъ, громко произнесъ Наумовъ, посмотрѣвъ ему въ лицо и отойдя въ сторону.

Миктеровъ вспылилъ. Онъ кричалъ что ни онъ, ни сынъ его никогда докащиками не были, что говорить такъ онъ не дозволитъ, что сынъ его былъ вмѣстѣ со всѣми на охотѣ, что самъ онъ старикъ игралъ въ карты, и что живъ не будетъ пока Наумовъ столь великой обиды съ его сѣдой головы не сниметъ.

Ѳедоръ Алексѣевичъ радъ былъ случаю погорячиться и излить на комъ-нибудь свою желчь до конца. Зная почти повѣрно что сынъ Миктерова былъ на охотѣ, а если и уѣхалъ куда-нибудь, то не по тѣмъ причинамъ которыя онъ подозрѣвалъ за Бахметьевымъ, тѣмъ не менѣе Наумовъ продолжалъ шумѣть что окрикомъ его устрашить трудно, что кому его рѣчи не нравятся тому бы не слѣдовало хлѣба-соли его ѣсть, что онъ у себя воленъ говорить о чемъ похочетъ, и наконецъ, видя что Миктеровъ не спускаетъ ему ни въ одномъ словѣ, закричалъ слугѣ:.—Подать гостю шапку! и вышелъ изъ комнаты.

Съ такимъ скандаломъ удалился старикъ изъ дома Наумова и подъ такимъ впечатлѣніемъ возвратился къ себѣ.

Всю ночь не смыкалъ онъ глазъ, ожидая непріятнаго объясненія съ сыномъ, и вышелъ поутру съ твердымъ намѣреніемъ крупно съ нимъ поговорить; но выслушавъ подробный разказъ его о вчерашнемъ приключеніи на охотѣ, онъ задумался на минуту, и вдругъ какъ бы принявъ рѣшеніе, крикнулъ во весь голосъ:

— А что жь лошади? Готовы ли лошади?

Настала тяжелая минута разставанья. Молодой Миктеровъ пришелъ одѣтый подорожному. Отецъ тоже готовился къ отъѣзду. Онъ рѣшился не оставаться въ Савинкахъ.

Обнявъ и крѣпко прижавъ сына, опустилъ старикъ сѣдую голову свою на его плечо и цѣловалъ воротникъ его шубы. Изъ глазъ его, исплакавшихъ быть-можетъ въ жизни своей много слезъ, не текли онѣ теперь ручьями: покраснѣвшіе бѣлки и вѣки покрылись только какою-то болѣзненною влагою,

но тѣмъ мрачнѣе было это сухое, старое лицо, будто черная туча безъ дождя.

— Вотъ что̀, проговорилъ наконецъ старикъ,—ты мнѣ скажи и я тебѣ скажу: отселѣ хотя врозь мы съ тобою будемъ, однако ко врагамъ нашимъ пощады, доколѣ живы мы, не имѣть. Сами они насъ къ сему привели, сами, заключилъ онъ, снова крѣпко обнявъ сына.

Молодой Миктеровъ, высвобождая руки, рвался также обнять отца. Подогрѣтый его словами, онъ цѣловалъ отца въ голову, но исполненный дѣйствительной ненависти ко врагамъ, онъ молчалъ о нихъ какъ бы не довѣряя искренности этого чувства въ отцѣ.

— Такъ стало? точно опомнившись, вдругъ снова засуетился отецъ. — Ѣдемъ же! Присѣсть надо.... Такъ свидимся, Ванюша?

— Свидимся, батюшка! обмѣнялись они послѣдними словами, и лошади тронулись отъ крыльца.

XXVIII.

Рѣшеніе старика Миктерова было опредѣленно и твердо. Въ Савинкахъ дѣлать ему было уже нечего. Здѣсь могъ онъ только подвергнуться опасности быть остановленнымъ и привлеченнымъ къ отвѣту. Слѣдовало тотчасъ же собирать все что̀ можно было унести, садиться въ ожидавшій его уже готовый экипажъ и ѣхать, сначала къ Наумову, чтобы совѣсть была чиста и честь не замарана, а потомъ.... потомъ куда укажетъ Богъ.

Простоявъ на крыльцѣ доколѣ не скрылась изъ глазъ телѣга увозившая сына, быть-можетъ навсегда, и позволивъ себѣ такимъ образомъ еще хоть нѣсколько минутъ продлить настоящее и прожить воспоминаніемъ прошедшаго, старикъ наконецъ встрепенулся, принялся сбираться, укладываться, и будто вдругъ окрѣпъ для той жизни и борьбы которую такъ скоро, такъ рѣшительно создалъ себѣ въ будущемъ. Хоромы, люди окружавшіе его, все съ чѣмъ онъ такъ долго жилъ, что̀ такъ долго насиживалъ, все вдругъ показалось ему какъ будто чужимъ, онъ точно оторвался отъ всего этого и одна

только мысль: бѣжать, бѣжать скорѣй отсюда, вертѣлась въ его головѣ.

Переборка и суетня, закипѣвшая вокругъ, придавали ему силы и бодрости, необходимость которыхъ была тѣмъ настоятельнѣе что обстоятельства и время не ждали его.

Благополучно доставленная и переданная Гвоздевымъ майору Бахметьеву цыдулка заключала въ себѣ приказаніе послѣднему содѣйствовать къ заарестованію *извѣстной персоны*, если таковая окажется дѣйствительно тамъ гдѣ указывали имѣющіяся свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія вполнѣ подтвердились: Бахметьевъ лично разговаривалъ съ Миктеровымъ. Гвоздевъ узналъ отъ своего возчика что едва не задушившій его человѣкъ есть „Савинковскій баринъ“, то-есть Миктеровъ же. И Бахметьевъ и Гвоздевъ сочли необходимымъ поспѣшить приведеніемъ въ исполненіе помянутаго приказанія. Съ вечера командированъ былъ Бахметьевымъ оберъ-офицеръ съ нѣсколькими солдатами; на другой день рано утромъ прибыли они въ усадьбу Наумова, гдѣ, по соображеніямъ майора, можно было навѣрно застать Миктерова. Гвоздевъ находился при офицерѣ, въ качествѣ лица которое должно было указать кого именно слѣдовало взять.

Все переполошилось и перетрусило у Ѳедора Алексѣевича. Послѣ вчерашняго происшествія, офицеръ съ командой въ селѣ, да обыскъ въ домѣ,—чего жь тутъ ждать хорошаго?

Наумовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ недовольныхъ которые, живя вдали отъ Петербурга, тѣмъ съ бо́льшимъ усердіемъ собирали всѣ неблагопріятные для правительства слухи и съ жадностію слѣдили за ходомъ событій, всегда готовые воспользоваться случаемъ чтобы выскочить въ люди. Желаніе выскочить въ люди грызло Наумова, а худыя вѣсти которыя до него доходили о положеніи дѣлъ, о голодѣ, разбояхъ, жестокостяхъ и, какъ слѣдствіи всего этого, о всеобщемъ недовольствѣ, щекотали его воображеніе.... И вотъ вдругъ военная команда налетаетъ въ село!...

Это однако не сконфузило его, а только озлило.

— Что̀ жь милости просимъ, милости просимъ, желчно говорилъ онъ, встрѣчая солдатъ, ввалившихся безъ церемоніи прямо въ палаты.

— И гостей, знать, моихъ, и слугъ, всѣхъ забрать бы; всѣ виновны, всѣ ослушники, ха, ха! обращался онъ съ насмѣшкой

къ пожилыхъ лѣтъ офицеру, маленькаго роста и съ тупымъ выраженіемъ лица.

Но безсмысленно смотрѣлъ на него своими оловянными глазами офицеръ; бѣгали и сверкали глаза у Гвоздева. Прошла команда по всѣмъ комнатамъ, заглянула во всѣ углы и пристройки, распросила подробно о чемъ ей было нужно знать и молча направилась далѣе въ Савинки.

Старикъ Миктеровъ отъѣхалъ всего двѣ версты отъ своей усадьбы, когда, при поворотѣ изъ лѣса, замѣтилъ ѣдущую къ нему на встрѣчу телѣгу наполненную военными. Что̀ это были за люди и куда они направлялись, догадаться было не трудно, но скрываться отъ нихъ теперь было и поздно, и невозможно; онъ только перекрестился.

— Экзекуція знать куда-нибудь по недоимкамъ, равнодушно сказалъ старикъ сидѣвшему на козлахъ мужичку, и бодро продолжалъ смотрѣть вдаль на приближавшихся враговъ.

Извивающаяся между свѣжими зеленями зигзагами грязная проселочная дорога позволяла ему разсматривать ѣдущихъ на встрѣчу ему, то съ праваго, то съ лѣваго бока. Съ одной стороны телѣги сидѣли солдаты, съ другой офицеръ и Гвоздевъ, суконную желтаго цвѣта чуйку котораго можно было уже различить.

— Утопнешь! эй, утопнешь! заворчалъ сквозь зубы Миктеровъ, когда Гвоздевъ вдругъ спрыгнулъ съ телѣги, вѣроятно чтобы свободнѣе разсмотрѣть встрѣчныхъ, и пошелъ по озими, наступая на крупные, рыхлые комки земли.

— Эй! Посторонись! Съ дороги! Закричалъ Миктеровъ встрѣчной телѣгѣ, подвигаясь крупною рысью.

— Откуда ѣдете? послышалось дребезжаніе Гвоздева. — Откуда?

— Изъ Орѣшковъ! крикнулъ на лету Миктеровъ, отважно смѣривъ его глазами съ головы до ногъ и предупреждая отвѣтъ своего кучера.

— До Савинокъ далече ли? крикнулъ въ догонку Миктерову офицеръ, сидѣвшій на телѣгѣ.

— Версты двѣ! отвѣтилъ тотъ, приподнявшись и оборотивъ голову назадъ.

И команда двинулась въ лѣсъ, а Миктеровъ, снявъ шапку и другой разъ перекрестившись, погналъ что̀ есть духу въ усадьбу Наумова, которому и разказалъ что̀ и какъ случилось.

— А вы-то, батюшка, сказалъ онъ въ заключеніе, — думали что Ванюша докащикъ? Нѣтъ у васъ Бога!

— Лошадей, живо лошадей! Пѣгую тройку, живо! закричалъ Наумовъ, и бросился обнимать старика. — Старое кто помянетъ, глазъ тому вонъ! Вижу откуда бѣда тебѣ. Сына-то схоронилъ ли? Скорѣе, скорѣе, вонъ отсюда, да подалѣе! Пѣгихъ моихъ хоть зарѣжь. Гони, говорилъ онъ усаживая Миктерова въ повозку и отдавая тотъ же приказъ кучеру.—А мнѣ одинъ конецъ, ворчалъ онъ, возвращаясь въ опустѣлые покои.— Коли не за укрывательство въ отвѣтѣ быть, такъ за языкъ. Охъ, языкъ мой—врагъ мой, врагъ лютый, злѣйшій! повторялъ Наумовъ долго еще и послѣ отъѣзда Миктерова.

Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на счастливо минувшую опасность, Ѳедоръ Алексѣевичъ не могъ все-таки удержать свой языкъ, а Смоленской губерніи какъ нарочно доставалось въ это время хуже другихъ. Возвращавшимся изъ Польши войскамъ приказано было забрать тамъ силой и вывести съ собою бѣжавшихъ русскихъ крестьянъ, а знаменитую Вѣтку, гдѣ бѣглые раскольники проживали въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ дворовъ, приказано было окружить, разорить жилища, и забравъ всѣхъ жителей перегнать на россійскую сторону. Собранныхъ такимъ образомъ въ Смоленскѣ и другихъ порубежныхъ городахъ, русскихъ бѣглецовъ съ женами, дѣтьми, скотомъ и всякими пожитками, сколько можно было поднять на лошадяхъ, приказано было кормить, выдавать имъ хлѣбъ изъ мѣстныхъ магазиновъ, а это еще увеличивало голодъ, отъ котораго въ Смоленской губерніи случалось матерямъ топить своихъ дѣтей, и болѣзни. Правительство грозило жестокимъ истязаніемъ и вѣчнымъ разореніемъ тѣхъ помѣщиковъ которые не будутъ кормить крестьянъ; но помѣщики, съ одной стороны, имѣли всегда въ тѣхъ же указахъ оговорку относительно нерадивыхъ крестьянъ, подъ которую могли подводить всѣхъ; съ другой стороны, они и сами были разорены.

— Изъ чего кормить-то? Изъ чего? горячился Наумовъ.—Мы имѣній въ Шлезвигѣ на деньги съ данцигской контрибуціи не покупывали: то не намъ, а графу фонъ-Биронову должно. Онъ подарки и лошадьми, и деньгами собираетъ, дабы подручниковъ своихъ на хлѣбныя мѣста сажать, а съ насъ взять нечего. Онъ нынь враговъ повсюду Нѣмцамъ разыскиваетъ;

чины даже нѣмецкіе по-русски называть опасается....—Охъ, языкъ мой—врагъ мой! бранилъ самъ себя Ѳедоръ Алексѣевичъ,—и наконецъ попался.

Доносъ Бахметьева и смутные слухи о какихъ-то замыслахъ насчетъ Голштинскаго дома, о тайныхъ перепискахъ нѣкоторыхъ особъ и т. п. подвели къ отвѣту и Наумова, и многихъ другихъ. Самъ смоленскій губернаторъ, камергеръ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Андрей Черкасскій, за какія-то непристойныя слова, сказанныя при свидѣтеляхъ, за продерзостные умыслы въ согласіи со многими изъ знатныхъ смоленской шляхты, лишенъ былъ, несмотря на родство съ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, всѣхъ чиновъ, имѣнія и сосланъ на вѣчное житье въ Джигайское зимовье, въ Сибирь. Все притихло вдругъ; а при дворѣ между тѣмъ все попрежнему: праздникъ смѣнялся праздникомъ, торжество торжествомъ, и все роскошнѣе развивалась придворная обстановка. Тамъ, въ обширныхъ аллеяхъ Лѣтняго Сада, оканчивающихся съ одной стороны гротомъ изукрашеннымъ большими, рѣдкими раковинами и кораллами, съ другой — фонтаномъ и высокимъ голландскимъ вязомъ, разставлены столы на 800 персонъ; надъ ними во всю длину аллеи растянута палатка изъ зеленой шелковой матеріи, утвержденная на пилястрахъ обвитыхъ цвѣтами. Въ гротѣ красиво разставлены статуи, и тихо играетъ водою приводимый въ дѣйствіе органъ. Между пилястрами, по обѣимъ сторонамъ столовъ, устроенъ буфетъ съ тарелками и фарфоромъ; въ нишѣ скрываются музыканты. Обѣдъ смѣняется баломъ, балъ иллюминаціей, и гуляющіе по саду плѣнные Французы, взятые Минихомъ при осадѣ Данцига, обласканные и получившіе шпаги, не могутъ надивиться великолѣпію русскаго двора, а представители его, придворные Нѣмцы, расшаркиваясь предъ ними, похваляются что въ Россіи умѣютъ принимать иностранцевъ.

XXIX.

Время шло. Поселившись въ Москвѣ, молодой Микторовъ жилъ такъ какъ давно ему не жилось. Его принялъ, обласкалъ и пріютилъ Торбеевъ, и онъ отыскалъ здѣсь давно уже переѣхавшихъ изъ Можайска Тишиныхъ.

Съ одной стороны, манила Миктерова своею миловидностію и молодостію Маша, жизнь съ которою сулила тихое счастіе; съ другой, его увлекалъ къ дѣятельности стоявшій въ оппозиціи къ правительству Торбеевъ. Было бы только за кого зацѣпиться, а ужь вывезти я самъ себя вывезу, размышлялъ Миктеровъ, разчитывая на свои способности.

Жили Тишины у церкви Девяти Мучениковъ, близь Прѣсненскихъ прудовъ, въ одномъ изъ девяти переулковъ, ведущихъ къ Новинскому валу. Мѣстность этой части Москвы была въ то время вовсе не похожа на городъ; переулки были узенькіе, иногда въ двѣ сажени ширины, часто глухіе безо всякихъ проѣздовъ; даже улица подъ Новинскимъ монастыремъ, шедшая къ Москвѣ-рѣкѣ, съ лѣснымъ и мяснымъ рядомъ, была вся искривлена выходившими изъ общаго порядка домами, то суживавшими проѣздъ до невозможности, то расширявшими его на подобіе площади. Въ такомъ же положеніи былъ и Арбатъ, гдѣ у Спаса на Пескахъ, переѣхавъ отъ Торбеева, поселился Миктеровъ. Лѣпясь одинъ къ другому, дома крытые гонтомъ или дранью, иногда тесомъ, были всѣ сплошь деревянные и одноэтажные. Освѣщенія не было никакого. Только въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ горѣли насчетъ штатсъ-конторы смрадные фонари въ десятисаженномъ другъ отъ друга разстояніи, въ Нѣмецкой Слободѣ по большимъ улицамъ, въ Тверской-Ямской, въ Воронцовской слободѣ къ Новоспасскому монастырю, за Красными воротами, за Серпуховскими и Калужскими воротами, къ Донскому монастырю; фонари содержались уже обывателями на пятнадцати или тридцатисаженномъ разстояніи, а на Прѣснѣ о нихъ и помину не было. Жители по ночамъ носили фонари съ собою. И частехонько бывало что засидѣвшись вечеромъ съ Машей, Миктеровъ пробирался мимо разставленныхъ по улицамъ рогатокъ домой, съ Тишинскимъ фонаремъ въ рукахъ, счастливый что утромъ можно будетъ пойти къ нимъ опять, подъ предлогомъ возвратить фонарь. Машина тетка между тѣмъ вздыхала.

— Охъ, горе, горе! говорила она, глядя на молодыхъ: — живемъ мы безъ отца, ходитъ къ намъ этотъ молодецъ что ни день то чаще: чѣмъ все это окончиться должно?

Будучи женщиной богомольною, отлучаясь часто къ разнымъ церковнымъ службамъ, она смущалась когда по возвращеніи

домой заставала иногда Машу вдвоемъ съ Миктеровымъ; но любя племянницу всею душой, она не рѣшалась положить предѣлъ этимъ свиданіямъ. Можетъ-быть самъ Богъ посылаетъ Машѣ счастіе. Съ другой стороны, давно отказавшись въ пользу ея отъ всего что̀ считала когда-то своимъ приданымъ, не имѣя рѣшительно никакого достатка, записавъ предъ отъѣздомъ изъ Можайска даже послѣднюю свою свѣтлосѣрую кобылу, цѣною въ семь рублей, вкладомъ въ тамошній монастырь для поминовенія Машиной матери, находясь такимъ образомъ совершенно въ зависимости отъ брата, она боялась что допущенныя ею отношенія между молодыми людьми не понравятся ему.

— И какой онъ человѣкъ, какая за нимъ провинность, спрашивала она себя, — если и имени своего сказать не можетъ?

А имени своего Миктеровъ объявить никакъ не можетъ; разказать всю правду значило бы отказаться отъ свиданія съ Машей, ибо никто въ то время не согласился бы допустить къ себѣ въ домъ человѣка разыскиваемаго полиціей; выдумать же имя было опасно, въ виду близкой встрѣчи съ отцомъ Маши. Миктеровъ и Машѣ-то сообщилъ о всемъ только сгоряча. Надо было только тетку упросить молчать до времени, не разказывать о его посѣщеніяхъ, никому его не называть и дожидаться возвращенія Осипа Кондратьевича. Это послѣднее и успокоивало богомольную и трусливую старуху.

Миктеровъ дѣлилъ свое время между Тишиными и Торбеевымъ-отцомъ. Если сердце манило его въ глухой переулокъ у Прѣсненскихъ прудовъ, то непобѣдимое стремленіе принять участіе въ теченіи современныхъ дѣлъ влекло его къ Торбееву, гдѣ постоянно шла рѣчь объ этихъ дѣлахъ, и именно въ томъ смыслѣ и въ томъ духѣ которымъ онъ сочувствовалъ, самъ не отдавая себѣ отчета почему. Постоянными собесѣдниками Торбеева были совѣтникъ Анненковъ, ассессоръ Скороходовъ, камергеръ Бѣликовъ, генералъ-поручикъ Чикинъ и нѣкоторыя другія лица, любившія поточить языкъ на счетъ правительства.

Собирались часто, а какъ соберутся, да начнутъ бывало разказывать — только держись. Сегодня сообщитъ одинъ о какомъ-нибудь новомъ указѣ: отставныхъ, напримѣръ,

офицеровъ изъ иностранцевъ велѣно де опредѣлять для пропитанія въ монастыри, якобы въ томъ не было никакого предосужденія, и до вѣры будто бы это не касается; завтра заведутъ разговоръ о приказаніи недорослямъ изъ шляхетства являться по седьмому, двѣнадцатому и шестнадцатому году къ мѣстному начальству для экзамена, — и пойдутъ, и пойдутъ....

— Мы, подсмѣется иной,—чины свои по заслугамъ получали, а нынѣ ариѳметика и геометрія всему дѣлу начало. И надъ дѣтьми своими невластны: несвѣдущихъ въ сихъ наукахъ недорослей, безъ всякаго произвожденія, въ матросы опредѣлять указано. Которые родителями для экономіи назначены, и тѣмъ де ариѳметика нужна, для домашнихъ счетовъ должно быть, а геометрія чтобы въ земляхъ своихъ по дачамъ мѣру знали....

— Гдѣ мы властны? гдѣ власть наша? подхватывалъ другой.—Въ артеллерійской школѣ, что̀ у Сухаревой башни, вонъ гдѣ власть! Знаете, какъ штыкъ-юнкеръ Алабышевъ шляхетскихъ дѣтей наказываетъ? На спину, слышно, положитъ письмо въ коемъ вина прописана, и потомъ сѣчетъ, поколѣ рисунокъ розгами на спинѣ не разстегаютъ, вотъ что̀.

— Э! что̀ съ Алабышева и взять? Три раза подъ стражею за убійство былъ!

Или начнетъ бывало кто-нибудь разказывать о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Крыму, о Башкирскомъ движеніи; какъ строятся и учреждаются крѣпости на оренбургской линіи бѣглецами приглашенными съ Яика, какъ дѣйствуютъ противъ Башкирцевъ монахи Далматскаго монастыря; какъ двинули въ Башкирію, подъ начальствомъ строителя Оренбурга, Кирилова, регулярныя войска, разорявшія огнемъ и мечомъ все что̀ попадалось имъ на пути; какъ вѣшаютъ и сажаютъ на колья сопротивляющихся; какъ женъ и дѣтей казненныхъ раздаютъ по рукамъ для поселенія внутри Россіи, отправляютъ партіи тысячъ въ пять на работы въ Рогервигскій за̀мокъ.

— Знать со всѣхъ концовъ загорается,—и Башкиры, и Татары!

— Татищева, слышно, съ сибирскихъ-то заводовъ спихнули, а изъ Саксоніи барона Шемберга для горнаго мастерства привезли.

— Охъ, и Татищевъ! Что̀ Татищевъ? Кто мальчика, да дѣвочку изъ тамошнихъ плѣнныхъ, кто иноходцевъ изъ орды

доставалъ и сюда присылывалъ? Татищевъ. Кому? Нашему Семену Андреевичу. Да къ тому же отписываетъ, слышно: выбралъ де самыхъ лучшихъ изъ плѣнниковъ, да иноходца котораго лучше сыскать не могъ; трудился, слышь, вѣдая охоту графа Бирона. Вотъ онъ каковъ!

— Татищевъ?

— Да еще бобровъ живыхъ мнилъ было ко двору отправить, не вѣдалъ только угодно ли, не противно ли то будетъ.

— А Семенъ Андреевичъ, вмѣшивался генералъ-поручикъ Чикинъ,—тѣхъ бобровъ, слышно, въ анатомію употребить велѣлъ, для любопытства, а паче для подлиннаго извѣстія о называемой струѣ.

— Ха, ха, ха! смѣялось все общество.

Самымъ задорнымъ между пріятелями Торбеева былъ генералъ Чикинъ. Онъ никакъ не могъ промолчать когда рѣчь касалась бывшаго тогда московскаго губернатора Семена Андреевича Салтыкова. Стоило только произнести это имя, Чикинъ разражался цѣлымъ потокомъ различныхъ разказовъ о немъ и о его управленіи. По чину своему онъ былъ въ Москвѣ почетнымъ лицомъ, а потому иные относились къ нему вообще съ уваженіемъ, но всякій зналъ эту его слабость и, пользуясь нерасположеніемъ генерала къ Салтыкову, позволяли себѣ подстрекать его на разныя, можетъ-быть и излишнія, выходки. Торбеевъ хлопоталъ объ этомъ болѣе другихъ.

— Почему, допрашивалъ у этого послѣдняго Миктеровъ,— Салтыковъ-то тебѣ ужъ больно солонъ пришелся?

— Салтыковъ? А кто меня за арестъ, тотчасъ по прибытіи своемъ въ Москву, взялъ. Онъ, Салтыковъ. Кто слухомъ обносилъ якобы то было учинено имъ по повелѣнію самой государыни? Онъ же, Салтыковъ. Челобитную, вишь, на меня подавалъ кто-то: а гдѣ та челобитная? гдѣ указъ государыни? Самъ съ своими дѣлами управиться не можетъ; на него бы челобитныя-то писать надлежало. Вѣкъ ему не прощу. Ужь доѣду его, доѣду! горячился Торбеевъ.

— Эхъ ты! думалъ про себя, слушая такія рѣчи, Миктеровъ.—Чего жилъ я въ деревнѣ? Чего тамъ дожидался? Вонъ какъ люди замыслы свои въ дѣйство производятъ! Не страшно, знать, лишь бы хотѣніе было.

И вспомнилось ему давно минувшее смутное время Долго-

рукихъ, когда и онъ игралъ роль, когда и онъ мечталъ сдѣлать то и другое, и разгорался въ немъ опять огонь честолюбія и снова, казалось ему, былъ готовъ онъ на всякую борьбу....

XXX.

Салтыкову было дѣйствительно трудно „управиться съ своими дѣлами", какъ выражался Торбеевъ.

Москва представляла подобіе городской жизни, но въ какомъ-то недоконченномъ, неустроенномъ видѣ. Даже по наружности была она не то городъ, не то село. Были какія-то городскія устройства и порядки въ одной части ея, и ничего не было въ другой. Была такса на хлѣбъ, сайки, крендели, мясо, но вмѣстѣ съ тѣмъ хлѣбники и мясники должны были, отрываясь отъ своихъ занятій, бѣгать на пожары. Въ кабакахъ продавали вино, пиво и медъ, брали въ закладъ платье, посуду и что попало. Около Москвы появились такъ-называемыя разбойничьи компаніи, чинившія разные безпорядки и даже убійства: то, слышно, убили какого-то подполковника Казина, то фельдмаршалъ Брюсъ получилъ одно за другимъ три письма съ требованіемъ выслать въ „компанію" денегъ и съ разными угрозами въ случаѣ неисполненія этихъ требованій. Съ нищими не знали что̀ и дѣлать. Для нихъ устраивали богадѣльни при церквахъ, ихъ разсылали по мѣстамъ жительства къ помѣщикамъ, наказывали, наконецъ записывали въ драгуны и матросы; но число ихъ прибавлялось съ каждымъ годомъ: въ бойкихъ мѣстахъ отъ нихъ не было проѣзда; сидѣли они кучами на мостахъ, валялись на улицахъ. Были между ними и дѣйствительно больные и увѣчные, но были и совершенно здоровые, молодые, которые, записываясь въ богадѣльни и не живя тамъ, получали только жалованье, а дѣйствительно старымъ и хилымъ не хватало уже тамъ мѣста. Изъ этого сброда людей, многіе конечно попадались въ воровствахъ; другіе, избирая себѣ роли кликушъ, юродивыхъ, „босыхъ", творили разныя безобразія въ церквахъ и монастыряхъ. Напрасно обязанные надсматривать за ними благочинные люди, „какъ бы духовные фискалы", доносили обо всемъ архіереямъ,—ничто не помогало. Достаточно

было имѣть колтунъ на головѣ чтобы внушить къ себѣ нѣкоторое уваженіе въ народѣ, который всегда могъ оградить несчастныхъ отъ преслѣдованія, укрыть на время и дать способъ уйти. А какими средствами располагалъ Салтыковъ для искорененія воровства, поимки разбойниковъ и пр.? Онъ хлопоталъ сколько умѣлъ чтобы вершить дѣла безъ волокиты; самъ ѣзжалъ въ сенатскую контору, опредѣлялъ оберъ-офицеровъ гвардіи въ вотчинную и камеръ-коллегіи для понужденія чиновниковъ, приказывалъ прокурорамъ слѣдить за послѣдними; лично принималъ безъ отказу челобитчиковъ знатныхъ и „подлыхъ", мущинъ и женщинъ; вызывалъ судей и строго запрещалъ имъ тянуть дѣла; слушалъ самъ доклады приходившаго къ нему адъютанта Кречетникова съ двумя секретарями по дѣламъ военнымъ и присылаемымъ изъ кабинета.... Но развѣ все это было достаточно? Развѣ не могъ всякій желавшій найти какіе-нибудь безпорядки находить ихъ сколько угодно повсюду? Развѣ не въ правѣ были, смотря на безпорядки эти съ одной стороны и на положеніе самого Салтыкова съ другой, завидовать что вотъ живетъ онъ во дворцѣ, пьетъ и ѣстъ все готовое, государево, не беря ничего изъ дому, что и служители, и карета, и лошади у него дворцовые, и что сверхъ всего этого еще и деревнями его всемилостивѣйшая государыня жалуетъ,—а кому де отъ этого польза? Порядковъ все нѣтъ какъ нѣтъ.

Чикинъ, дѣлавшій еще менѣе Салтыкова, болѣе другихъ ему завидовалъ, и этою завистью его Торбеевъ и другіе пользовались и выпускали генерала впередъ какъ злую собаку, которою хозяинъ не дорожитъ и которую онъ готовъ выпустить на звѣря, хотя и знаетъ что ей не сдобровать. Но и помимо Чикина,—не даромъ такъ хорохорился Торбеевъ,—давно уже состряпано было и отправлено въ Петербургъ посланіе въ которомъ обстоятельно и положительно сообщалось о разныхъ весьма непріятныхъ для Салтыкова обстоятельствахъ. Говорилось объ остановленной, ради взятокъ, продажѣ какихъ-то конфискованныхъ дворовъ и о томъ какъ адъютантъ Кречетниковъ съ состоявшимъ при губернаторѣ камеръ-лакеемъ дѣлаютъ что хотятъ, и о займѣ губернаторомъ у разбойничьихъ „компаній" денегъ и пр. Кто сочинялъ и отправлялъ это посланіе, когда и какъ, это осталось совершенною тайной, но для отношеній

существовавшихъ между Салтыковымъ и дворцомъ оно было крайне неблагопріятно.

Давно уже не было адресовано къ нему никакихъ любезностей, ни со стороны государыни, ни со стороны Бирона. Семенъ Андреевичъ писалъ и къ сыну своему Петру въ Петербургъ съ нарочнымъ фурьеромъ, прося его: „усмотря часъ свободный, и чтобы притомъ никого не было", передать Бирону его письмецо въ которомъ онъ спрашивалъ у его сіятельства, не донесено ли на него что-нибудь. Онъ наставлялъ сына какъ ему добыть отъ Бирона отвѣтъ и какъ немедленно прислать: „доложи, молъ, не изволите ль, ваше сіятельство, къ батюшкѣ о чемъ писать, понеже отъ него здѣсь есть присланный въ кабинетъ съ письмами." Писалъ онъ также и къ князю Черкасскому, и къ Остерману, прося и ихъ своимъ предстательствомъ не оставить его и охранить, но ничто не помогало. Печальный и больной ходилъ онъ по своимъ покоямъ, не зная что̀ дѣлать.

— Не собою остался я здѣсь въ Москвѣ, размышлялъ Семенъ Андреевичъ,—а по указу ея величества, и надѣялся животъ мой окончить въ радости, а нынѣ вижу что въ печали окончу. Какъ былъ я не у дѣлъ, то и друзей много было мнѣ, а нынѣ какъ опредѣленъ къ дѣламъ, то больше стало недруговъ.

— Что̀ ты? сказалъ онъ разъ давно уже стоявшему Кречетникову.—Ну, что ты дѣла только ко мнѣ таскаешь, а навѣты кто на меня затѣялъ, не вѣдаешь. Кто̀ на меня доноситъ? Кто мои злодѣи? Торбеевъ бездѣльникъ меня поноситъ, продолжалъ онъ горячась,—съ того времени какъ содержанъ былъ у меня подъ карауломъ, на меня злобствуетъ. Сынъ его и нынѣ при Павлѣ Ивановичѣ въ Берлинѣ живетъ. Вотъ черезъ кого доводятъ на меня злодѣи.... Да и ты не уйдешь, всѣмъ намъ бѣда будетъ великая....

И рѣчь его еще продолжалась, когда въ сосѣдней комнатѣ послышались вдругъ чьи-то быстрые шаги, и въ широко распахнувшуюся дверь введенъ былъ нарочный изъ Петербурга, лакей Вожжинскій съ письмомъ отъ государыни. Горю Семена Андреевича суждено было окончиться этимъ днемъ.

Руки шестидесятилѣтняго старика дрожали, ломая печать драгоцѣннаго конверта; радость засіяла на его лицѣ, все было забыто. Государыня милостиво поздравляла Салтыкова съ

имѣющимъ наступить днемъ ея коронаціи и съ именинами Семена Андреевича, причемъ слала ему тысячу рублей въ подарокъ.

Семенъ Андреевичъ тотчасъ же отправился къ обѣднѣ, приказалъ отпѣть послѣ обѣдни за здравіе ея императорскаго величества молебенъ, и возвратясь домой немедленно же принялся писать отвѣтныя благодарственныя письма.

Такъ писалъ онъ къ Бирону:

„Всегда долженъ я вашего высокографскаго сіятельства милостиваго государя рабски благодарить за такую ко мнѣ бѣдному особливую вашего графскаго сіятельства, милостиваго государя моего, милость, заслужить ничѣмъ не могу, только прошу Его, Творца нашего Бога, да исполнитъ вашего высокографскаго сіятельства милостиваго государя и отца всякаго благополучія и радости, всей вашего высокографскаго сіятельства милостиваго государя высокой фамиліи.“

Такъ писалъ онъ къ сыну Петру и женѣ его Прасковьѣ Юрьевнѣ.

„Какъ получите сіе письмо, тотчасъ же поѣзжайте во дворецъ и бейте челомъ ея императорскому величеству всемилостивѣйшей государынѣ за такую превысокую ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни ко мнѣ рабу ея милость. Также подите къ его графскому сіятельству милостивому государю моему оберъ-камергеру и милостивой государынѣ моей оберъ-камергершѣ, и благодарите за высокую милость ко мнѣ. Писала ко мнѣ ея сіятельство оберъ-камергерша Фонбиронова, чтобы я здѣсь купилъ и прислалъ къ ней три мѣха горностаевыхъ, да два сорока недѣльныхъ горностаевъ; и оные мѣхи и горностаи, какъ ты получишь и принявъ оные, распечатай и взявъ изъ ящика письмо мое, отнеси къ ея сіятельству и скажи, что прислалъ батюшка вашему сіятельству и притомъ приказалъ батюшка вашему сіятельству донесть, чтобы оные носили на здоровье и какъ оные подашь, и что̀ на то скажетъ, о томъ о всемъ ко мнѣ отпиши.“

— Фу! фу! радостно отдувался Салтыковъ:—вотъ не чаялъ, вотъ не чаялъ!

Что̀ за благополучіе въ самомъ дѣлѣ свалилось на него! На радостяхъ послалъ онъ даже черный лисій мѣхъ кстати и сыну, обѣщая ему кромѣ того еще денегъ пятьсотъ рублей на строеніе палатъ; словомъ, ногъ подъ собою не чувствовалъ отъ удовольствія Семенъ Андреевичъ.

XXXI.

Двадцать восьмаго апрѣля, въ день коронаціи, въ домѣ ея величества, Салтыковъ принималъ къ обѣденному столу находившихся въ городѣ архіереевъ, генералитетъ, дамъ, статскихъ чиновъ и штабъ- и оберъ-офицеровъ гвардейскихъ и другихъ полковъ.

Всѣ были веселы, ѣли, пили, и пили много. Подъ конецъ обѣда общество особенно оживилось, заговорило, зашумѣло. Одинъ генералъ-поручикъ Чикинъ, бывшій въ числѣ гостей, сидѣлъ угрюмо противъ Григорія Петровича Чернышева, и каждый разъ какъ подносили ему вино, бралъ стаканъ и, не выпивая, ставилъ его на столъ.

— Ваше сіятельство, Чикинъ вина не пьетъ и всѣ стаканы, къ губамъ не поднося, на столъ выставляетъ, шепнулъ Салтыкову офицеръ, занимавшійся подчиваніемъ гостей и разноской вина.

Семенъ Андреевичъ поднялся съ мѣста.

— Что же ты, Θедоръ Ивановичъ, отнесся онъ къ Чикину,— пить не хочешь? Иль не вѣдаешь что ты въ домѣ ея императорскаго величества?

— Вино худо, отвѣтилъ коротко Чикинъ.

— Вино худо, сказываешь? повторилъ Салтыковъ:—вотъ что̀! Вишь ты это, Θедоръ Ивановичъ, зашелъ не въ вотчинную коллегію и не на катокъ, прибавилъ онъ разсердившись.

— Вотчинная коллегія? Катокъ? Что̀ ты разумѣешь? громко спросилъ въ свою очередь Чикинъ задѣтый за живое.

— А то что въ вотчиной коллегіи ты безпрестанно живешь, а катокъ что̀ подлѣ вотчинной коллегіи—кабакъ, отвѣтилъ Салтыковъ.

Чикинъ разгорячился и выпустилъ даже нѣсколько бранныхъ словъ. Семенъ Ивановичъ, уважая торжественный день и домъ ея величества, ничего не возражая, сдѣлалъ видъ будто не слышитъ его брани.

— Уймись, Θедоръ Ивановичъ; ну что ты горло надсаживаешь? обратился къ Чикину черезъ столъ Чернышевъ.—И поистинѣ худо что не пьешь; вино выбирать сталъ, якобы вѣдать не хочешь что домъ—ея императорскаго величества.

— И ты съ нимъ заодно? закричалъ Чикинъ: — и ты мнѣ указывать?

— О! срамъ одинъ! молвилъ Григорій Петровичъ, махнувъ рукой и замолчалъ. А въ это время провозглашали послѣдній оффиціальный тостъ:

„Кто сей бокалъ выпьетъ, тотъ ея императорскому величеству вѣренъ.“

Гости поднялись изъ-за стола и со стаканами въ рукахъ стали на колѣна. Разгоряченный Чикинъ ничего этого не видалъ и не слыхалъ. Отодвинувъ съ шумомъ свой стулъ и сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ наткнулся на стоявшаго тутъ же на колѣнахъ Квашнина-Самарина и такъ его пихнулъ что съ того слетѣлъ парикъ.

— Что̀ ты? что̀ ты? генералъ-поручикъ, генералъ-поручикъ! Вѣдь генералы-то-поручики такъ не дѣлаютъ! возопилъ Квашнинъ-Самаринъ.

Но Чикинъ не обратилъ никакого вниманія и на эти слова, не обернулся даже и направился прямо въ другіе покои.

— А! и ты сюда пожаловалъ! воскликнулъ онъ, увидавъ притаившагося въ углѣ дворянина Айгустова, жившаго на хлѣбахъ у Семена Андреевича и тягавшагося съ Чикинымъ въ вотчинной коллегіи:—и тебя въ домъ ея величества пускаютъ! Отселѣ знать и сила у тебя въ вотчинной-то коллегіи. Бездѣльникамъ только и помогаетъ Семенъ Андреевичъ. Чинъ какой у тебя? закричалъ онъ:—чинъ какой что въ домѣ ея величества сидишь?

Два дня послѣ этой сцены Торбеевъ разказывалъ о ней Миктерову, присовокупляя что чуть ли не будетъ Өедору Ивановичу худо, и что Салтыковъ отбираетъ о немъ всякія показанія.

— Налетѣлъ, налетѣлъ! посмѣивался Торбеевъ.

— Да! всѣ слышно противъ него показывать стали, всѣ отступились, говорилъ Миктеровъ, смотря съ нѣкоторымъ подобострастіемъ на Торбеева какъ на учителя, и съ любопытствомъ желая знать какъ и изъ такихъ трудныхъ обстоятельствъ сумѣетъ онъ вывернуться.

— Пущай, пущай показываютъ. Показываютъ потому не вѣдаютъ какъ и самъ-то Семенъ Андреевичъ отъ своихъ дѣлъ откупится. Дѣла его поважнѣе сихъ будутъ, поувѣсистѣе, спокойно отвѣчалъ Торбеевъ.

А между тѣмъ слухи о дѣлаемыхъ на счетъ образа жизни Өеодора Ивановича справкахъ дошли наконецъ и до него. Люди съ такимъ характеромъ какъ Чикинъ бываютъ

обыкновенно горячи только до поры до времени. Не то чтобы горячность ихъ была какая-нибудь напускная, — нѣтъ: они искренно негодуютъ, искренно говорятъ дерзости, и кажутся всѣмъ лихими и смѣлыми, тѣмъ болѣе что всякій старается ихъ обойти, смолчать предъ ними, не наступать имъ на ногу. Но если такимъ людямъ случится какъ-нибудь наскочить на противодѣйствіе, если кто, не щадя себя, рѣшится осадить ихъ, они совершенно теряются, перестаютъ разомъ вѣрить въ свою неустрашимость и даже трусятъ.

Чикинъ началъ трусить когда, успокоившись, вспомнилъ что его сцена съ Салтыковымъ происходила въ домѣ ея величества, и струсилъ окончательно когда узналъ что о немъ собираются какія-то свѣдѣнія.

XXXII.

Цѣлое утро хлопоталъ Салтыковъ по одному тайному и секретному порученію государыни. Сама она писала Семену Андреевичу:

„Вели въ слободѣ Нѣмецкой сыскать Голицына жену Италіянку и какъ скорѣе пришли ее къ намъ въ Петербургъ на почтѣ, давъ провожатаго, чтобы ее бережно довезъ, только чтобъ никто про это не вѣдалъ въ Москвѣ, пока она къ намъ не пріѣдетъ и дорогою не вели сказывать что она ѣдетъ. А какъ привезутъ ее въ Петербургъ, вели явиться у генерала Ушакова тайнымъ же образомъ.“

Семенъ Андреевичъ занялся дѣломъ этимъ съ жаромъ. Чтобы доставить найденную Италіянку до мѣста бережно, приготовлена была коляска. Салтыковъ самъ выходилъ къ командированному для сопровожденія ея солдату Измайловскаго полка, собственноручно отсчиталъ ему 25 р. 16½ к. на путевыя издержки и нѣсколько разъ тихо, на ухо, оглядываясь во всѣ стороны, повторялъ чтобъ объ Италіянкѣ никому отнюдь онъ не сказывалъ, называя ее и самъ, изъ предосторожности только, „нѣкоторою посылкой“. Быстро, незамѣтно прошло утро въ такомъ занятіи; за то послѣ сонъ началъ одолѣвать Семена Андреевича. Старикъ утомился. Но,—говоритъ пословица,—дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Сидя въ кабинетѣ, предъ столомъ, съ двухъ сторонъ котораго навалены были бумаги, съ утомленнымъ и вытянутымъ лицомъ, принужденъ

онъ былъ слушать длиннѣйшіе и тогдашнимъ слогомъ пребезобразно изложенные доклады, которые читалъ ему одинъ изъ секретарей канцеляріи,—слушать и молчать, между тѣмъ какъ тутъ же на столѣ лежалъ предъ нимъ нераспечатанный конвертъ, содержавшій въ себѣ извѣстія конечно гораздо интереснѣе тѣхъ о которыхъ ему читали и открыть который теперь все-таки было какъ-то неловко.

Семенъ Андреевичъ давно уже искоса разсматривалъ этотъ конвертъ, но не могъ сообразить отъ кого бы онъ могъ быть: онъ лежалъ печатью кверху. Старикъ какъ будто машинально взялъ его и повертѣвъ самымъ невиннымъ образомъ, взглянулъ на подпись: отъ Волынскаго, отъ Артемья Петровича. Зло взяло губернатора что онъ обязанъ слушать. Повертывалъ письмо и такъ и этакъ, а секретарь все продолжаетъ читать свое.

— Конца этому не будетъ, размышлялъ Салтыковъ, отвалившись на спинку стула и двумя руками сгибая и разгибая конвертъ, а докладчикъ несетъ свое, не переводя духа. — О, да все едино, заключилъ онъ наконецъ, надломивъ и стряхнувъ упавшій на колѣна толстый слой краснобураго сургуча, — и теперь прочту!

Внимательный къ движеніямъ своего начальника, секретарь прервалъ было чтеніе, замѣтивъ вынутое и развернутое на столѣ письмо.

— Читай, читай, слушаю, слушаю, сказалъ Семенъ Андреевичъ, замахавъ на него рукой.

И звучалъ снова монотонный лепетъ доклада, и все дальше и дальше отходило отъ нея вниманіе Салтыкова, погруженнаго теперь въ лежавшую предъ нимъ бумагу.

„Милостивый государь мой отецъ Семенъ Андреевичъ, здравствуйте", писалъ ему племянникъ Артемій Петровичъ Волынскій. „Письмо вашего сіятельства получилъ, за которое всепокорно благодарствую. Что же изволите писать что чубаропѣгую брудастую суку Алегру, до пріѣзда моего, изволили взять къ себѣ, я въ томъ конечно не спорщикъ, только милости прошу чтобъ она поближе была у васъ, а не у Еврейскаго на рукахъ, а я о томъ дивлюсь что такому безпутному охотнику изволили отдать рыскать черныхъ брудастыхъ собакъ, лучше было пожаловать Сенькѣ или другому кому, а не ему"....

— Вотъ, Сенькѣ! съ негодованіемъ и нетерпѣливо повернувшись на стулѣ, почти вслухъ проговорилъ Салтыковъ, къ удивленію остановившагося опять секретаря.

— Ну чего ты? Слушаю! гнѣвно крикнулъ онъ, замѣтивъ перерывъ и строго взглянувъ на подчиненнаго.—Читай!

„Милости прошу приказать отписать ко мнѣ, какъ она, будучи у васъ, рѣзво ль скакала, также и о Татаркѣ, повеселила ль она васъ хотя однажды“, писалъ далѣе Волынскій. „У обрѣтающагося здѣсь посла польскаго, графа Завиша, есть кобель борзой, столько великъ, что въ наклонѣ аршинъ три вершка и столько хорошъ, что я хотя уже не одну тысячу въ жизнь мою видалъ собакъ, только истинно такой безпорочной отъ роду моего не видалъ; за пес онъ подлинно одному шляхтичу заплатилъ всего больше какъ 400 ефимковъ и хотя и просилъ у него нынѣшній король польскій, только онъ и ему не отдалъ; однимъ словомъ, диковинку на свѣтѣ видимъ!“

— Гм, гм! кашлянулъ и покраснѣлъ отъ волненія Семенъ Андреевичъ.

„Завиша мнѣ другъ и готовъ сдѣлать все угодное, только у меня теперь суки хорошей нѣтъ; ежели есть у васъ или не изволите ли попросить у Алексѣя Ивановича Панина и прислать сюда не помѣшкавъ, симъ прекратя и пр.“

— Читай, читай, слушаю, слушаю, говорилъ онъ теперь тихимъ и ласковымъ голосомъ, не замѣчая что на этотъ разъ чтеніе и не было прервано.

— Чикинъ, генералъ-поручикъ! вдругъ неожиданно доложилъ вошедшій адъютантъ, широко растворяя генералу дверь и скрываясь за нею вмѣстѣ съ отошедшимъ отъ стола секретаремъ.

Семенъ Андреевичъ всталъ со стула, и довольный видъ его замѣнился мгновенно выраженіемъ недоумѣнія и безпокойства.

Чикинъ бодро подошелъ къ хозяину, поздоровался, сѣлъ. Блѣдный, онъ казалось хотѣлъ избѣжать взгляда Салтыкова, и смотрѣлъ въ сторону; лицо у него какъ-то передергивалось.

— Вы мнѣ, ваше сіятельство, началъ наконецъ Ѳедоръ Ивановичъ густымъ, прерывистымъ голосомъ,—хотя обиду крѣпкую учинили, однако какъ я себя слугою ея величества всегда вѣрнымъ считалъ, то и обиду свою забыть желаю, понеже всякая обида передъ государевымъ дѣломъ ничто есть.

— Государево дѣло? встрепенулся вдругъ Салтыковъ, пододвинувшись къ гостю.

— Да, государево дѣло, повторилъ Чикинъ съ разстановкой.

— Какъ же это, государь мой Ѳедоръ Ивановичъ, разумѣть надлежитъ? спросилъ Салтыковъ,—на кого объявить...

— Эхъ! не у меня бы тебѣ, графъ Семенъ Андреевичъ, про

то спрашивать, и не мнѣ бы тебѣ о томъ сказывать, съ упрекомъ замѣтилъ Чикинъ.

— Какъ же не мнѣ?...

— Ну да... прервалъ Чикинъ,—милостію своею государыня меня авось не оставитъ. И ты, графъ Семенъ Андреевичъ, отселѣ вѣдать будешь какой я человѣкъ есть. Гм! откашлянулся онъ, — Торбеевъ, Торбеевъ Тимоѳей, совѣтникъ, извѣстенъ тебѣ? спросилъ Чикинъ въ полголоса и наклонившись.

— Торбеевъ! воскликнулъ Салтыковъ, поднявъ брови и всплеснувъ руками.

— Да, Торбеевъ намедни у совѣтника же Анненкова сказывалъ камергеру Бѣликову, таинственно продолжалъ генералъ-поручикъ,—сказывалъ: Биронъ де взялъ силу и государыня де безъ него ничего не дѣлаетъ, какъ де всѣмъ о томъ извѣстно. Что̀ донесутъ ей, то де и сдѣлается. Всѣмъ де нынѣ овладѣли иноземцы.

— Торбеевъ, Торбеевъ! прервалъ его Салтыковъ, качая головой.

— Лещинскій де изъ Данцига уѣхалъ милліонахъ на двухъ; не даромъ его генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ упустилъ; это де все въ его волѣ было. Графъ де Ягужинскій обо всемъ писалъ къ государынѣ и съ тѣми де письмами до урочевной почты ѣздилъ сынъ мой Петръ, онъ адъютантомъ въ то время у Ягужинскаго былъ.

— Ну да, да, сынъ! повторялъ Салтыковъ.

— И когда де графъ фонъ-Минихъ пріѣхалъ въ Петербургъ и повидался съ Бирономъ, то де и нѣтъ ничего, и все пропало: знать де что подѣлился съ нимъ. Вотъ-де какія фигуры дѣлаются у насъ!

— Ну такъ, такъ! Ягужинскій, одна компанія, Ягужинскій и Торбеевъ, повторялъ Салтыковъ, все ближе и ближе подвигаясь къ гостю и впиваясь въ него глазами.

— Государыня де ничего безъ Бирона не дѣлаетъ, все дѣлаетъ Биронъ, понесъ опять свое Чикинъ.—Нѣтъ де у насъ никакого добраго порядка, овладали всѣмъ у насъ иноземцы.

— Иноземцы! усмѣхнувшись повторилъ Салтыковъ.

— Биронъ де всѣмъ завладалъ! заключилъ Чикинъ, посмотрѣвъ значительно на Семена Андреевича и еще разъ оглянувшись назадъ удостовѣрился что послуховъ разговора его не было дѣйствительно никого.

Сообщенныя свѣдѣнія приходились до такой степени кстати Салтыкову, такъ мало ожидалъ онъ получить ихъ сегодня и именно съ той стороны откуда получилъ, что совершенно растерявшись не зналъ теперь что̀ и сказать Чикину. Вставъ съ мѣста и засуетившись, хотѣлъ было онъ тотчасъ же, со словъ гостя, записать все на бумагѣ, но дрожала рука.

— Ужъ самъ напиши Ѳедоръ Ивановичъ, самъ, а паче всего держи дѣло въ тайнѣ, какъ можно въ тайнѣ, повторялъ онъ.

Чикинъ обѣщалъ исполнить просьбу Салтыкова, но съ своей стороны просилъ его подумать и о томъ что со всею компаніей Торбеева онъ былъ хорошо знакомъ, что этимъ только путемъ и удалось ему узнать то о чемъ онъ сейчасъ передалъ, что поступалъ онъ тутъ какъ вѣрный слуга и что гнѣвъ его намедни, въ торжественный день коронованія, происходилъ не отъ чего другаго какъ съ досады, что онъ, Салтыковъ, ничего о томъ что̀ кругомъ его говорится и дѣется не вѣдаетъ.

— Да вижу, вижу службу твою, повторялъ, разводя руками, Салтыковъ, — вижу подлинно, Ѳедоръ Ивановичъ.

— И попомни ее, попомни же! грозясь указательнымъ пальцемъ и раскланиваясь, говорилъ Чикинъ.

А на другой день Торбеевъ былъ взятъ уже подъ караулъ, и въ находившейся въ Москвѣ, подъ управленіемъ Салтыкова, конторѣ, или отдѣленіи тайной канцеляріи, по всѣмъ пунктамъ доноса допрашиванъ.

XXXIII.

Накапунѣ описаннаго дня, Миктеровъ, сидя вечеромъ у Тишиныхъ, передавалъ Машѣ съ нѣкоторою злобой слухъ о какомъ-то недорослѣ изъ дворянъ, Доможировѣ, отданномъ въ солдаты за то что, уклоняясь отъ военной службы, приписался въ купцы, вслѣдствіе чего велѣно было будто бы сыскивать всѣхъ таковыхъ дворянъ. Новая опасность грозившая Миктерову, еслибы слухъ этотъ оказался вѣренъ, тщетныя и долгія ожиданія не возвращавшагося до сихъ поръ отца Маши, на котораго полагали такъ много надеждъ и она и тетка, все это мѣшало молодымъ людямъ наслаждаться тѣмъ спокойствіемъ и счастіемъ къ которымъ они успѣли уже привыкнуть живя изо дня въ день. Когда же, назавтра, забѣжавшій ра-

но утромъ къ Миктерову знакомецъ Торбеева, Скороходовъ, сообщилъ о всемъ приключившемся съ Торбеевымъ и его внезапномъ арестованіи, то Миктеровъ просто растерялся.

Просидѣвшій у него довольно долго, Скороходовъ разказалъ ему о подробностяхъ арестованія Торбеева и о томъ какъ послѣдній второпяхъ отдалъ хранившіяся у него какія-то драгоцѣнныя вещи нищей старухѣ Настасьѣ, которую они часто у него видѣли, которая тутъ нечаянно случилась и у которой, по мнѣнію Торбеева, тѣмъ вещамъ всего безопаснѣе было оставаться. Говоря это, Скороходовъ вручилъ Миктерову и опись вещей, тайно сунутую ему Торбеевымъ въ послѣднюю минуту ихъ свиданія. Что касается до Миктерова, то во время этого разказа онъ вертѣлъ въ рукахъ бумагу, безсознательно перечитывалъ ее и ничего не понимая, какъ безумный, вышелъ наконецъ на улицу, самъ не зная зачѣмъ и идя самъ не зная куда.

Его не столько смущало то что попался Торбеевъ, сколько то что самъ онъ теперь остался опять совершенно одинъ, безъ поддержки. Компанія Торбеева не принесла бы ему можетъ-быть никакой пользы, да за нею ему можно было жить, дожидаясь болѣе благопріятнаго времени, пока не удалось бы ему какъ-нибудь устроиться.... А теперь за кого ухватиться? Одна Маша, да отецъ ея?

„А отцу-то съ чего меня пріютить? За себя стало дочь его брать приходится? Вотъ судьба! Ужели другой разъ мнѣ по одной дорогѣ идти? И ужели она меня опять къ погибели приведетъ? А дѣлать-то нечего, не до жиру вѣдь ужь нынѣ, а быть бы живу. Эхъ, судьба, судьба!

Часъ былъ раннихъ обѣденъ. Въ Москвѣ въ то время свирѣпствовала горячка съ пятнами, причину которой простонародье объясняло тѣмъ что въ Москву въ ночи привели слона изъ Персіи (котораго и дѣйствительно вели въ то время въ Петербургъ). Миктеровъ шелъ по улицамъ еще довольно пустымъ; изъ многихъ церквей выносили покойниковъ, нищіе толпами стояли на папертяхъ; раза два останавливали Миктерова колодники, которыхъ ежедневно отпускали въ то время „на связкахъ“ съ приставами и караульщиками для испрошенія милостыни по улицамъ и которые другъ предъ другомъ старались возбудить къ себѣ сожалѣніе прохожихъ, кто заворачивая лохмотья и выставляя раны, кто указывая на остав-

ленные на одеждѣ кровавые слѣды пытокъ, но ни на что не обращалъ вниманія Миктеровъ. Не смотря по сторонамъ, онъ шелъ все впередъ, пока не опомнился очутившись вдругъ безсознательно у самаго двора Скорохотова, на той улицѣ гдѣ, немного дальше, жилъ и Торбеевъ. Скороходова видѣть ему было незачѣмъ; онъ сейчасъ только съ нимъ разговаривалъ, да и дома ли онъ теперь? А Торбеевъ?... Торбеева также не было; вотъ и дворъ его и затворенныя ворота.

„Часто я сюда хаживалъ!“ задумался было Миктеровъ, подходя ближе и убавляя шагу и, самъ не зная для чего, пристально всматриваясь въ окна: „погубилъ ты себя, пропалъ!“

— Подай Христа ради, кормилецъ, для праздника! вдругъ раздался чей-то жалобный голосъ около самаго его уха.

Миктеровъ даже вздрогнулъ при этихъ словахъ, точно на преступленіи какомъ его застигли врасплохъ.

— Увезли благодѣтеля-то моего Тимоѳея-то Петровича, продолжала стоявшая возлѣ него нищая, охая и вздыхая.—Увезли! А я къ нему хаживала и нынѣ къ празднику чаяла.... Охъ! увезли кормилица маво.... Подай Христа ради!

Странное чувство овладѣло Миктеровымъ: онъ тотчасъ же узналъ въ заговорившей съ нимъ старухѣ ту нищую Настасью, которую видалъ у Торбеева; съ нею почасту бывало сей послѣдній бесѣдовалъ, называя ее словоохотливою и умною, и о ней сейчасъ только, какъ смутно помнилось ему, разказывалъ Скороходовъ. Однако встрѣча съ нею у самаго дома Торбеева показалась ему непріятною. Суетливо доставъ и положивъ на сморщенную, костлявую руку старухи копѣйку, Миктеровъ отошелъ, не сказавъ ни слова; но приведя въ порядокъ свои мысли, онъ и во встрѣчѣ съ Настасьей нашелъ причины къ новымъ опасеніямъ.

Если, припомнивъ его лицо, нищая узнала въ немъ Торбеевскаго знакомаго, то почему же ничего не сказала она о переданныхъ ей на храненіе пожиткахъ, хозяинъ которыхъ ей также долженъ быть извѣстенъ? Если же она ничего этого не знаетъ, то съ какой стати относиться ей ко всякому прохожему съ печальною исторіей о судьбѣ Торбеева? Развѣ нужно знать ей кто съ нимъ знакомъ былъ, кто нѣтъ, и кто придетъ его провѣдать? Къ чему продолжаетъ она вонъ и теперь торчать предъ домомъ Торбеева? Да не поставлена

ли она сюда нарочно? Да гдѣ живетъ она? И отойдя на довольно далекое разстояніе, Миктеровъ остановился и сталъ наблюдать.

Насколько успокоивается человѣкъ, когда, въ тревожномъ состояніи, вниманіе его отвлечено постороннимъ, совершенно случайнымъ обстоятельствомъ, настолько успокоился и Миктеровъ, помѣстившись на своемъ посту и не спуская глазъ съ точки которую избралъ предметомъ своихъ наблюденій.

Нищая простояла долго на одномъ мѣстѣ, и уже за полдень, перекрестившись на четыре стороны, поплелась наконецъ въ направленіи противоположномъ тому откуда смотрѣлъ на нее Миктеровъ. Походка ея была твердая; шла она довольно быстро и изрѣдка только протягивала руку предъ особенно хорошо одѣтыми прохожими, не оборачиваясь впрочемъ назадъ и не приставая, если они не показывали желанія сдѣлать подаяніе. Нищая спѣшила очевидно домой. Идя за нею слѣдомъ, Миктеровъ не терялъ ея изъ виду, и при частыхъ поворотахъ изъ улицы въ улицу, торопился, задѣвая плечами и наталкиваясь на встрѣчныхъ.

Прошли всю Мясницкую, прошли и Красныя Ворота, Житный дворъ, по Новой Басманной, мимо церкви Петра и Павла, къ Старой Басманной, около Никиты Мученика, еще нѣсколько переулковъ; наконецъ старуха остановилась и исчезла въ какихъ-то воротахъ.

Миктеровъ удвоилъ шагъ, поровнялся съ тѣмъ домомъ гдѣ скрылась нищая, оглянулся нѣсколько разъ кругомъ чтобы замѣтить мѣстность, и поворотилъ назадъ.

Домой пришелъ уже онъ совершенно измученный; пробывъ весь день на ногахъ и ничего не ѣвши, онъ чувствовалъ что голова его отказывается думать; легъ въ постель и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

XXXIV.

У Тишиныхъ между тѣмъ была большая радость. Вечеромъ, когда поужинали и сбирались уже спать, кто-то постучался въ дверь. Вышедшая отворить ее Маша вскрикнула, увидавъ предъ собою давно ожидаемаго отца.

Гдѣ былъ и пропадалъ такъ долго Тишинъ, почему вернул-

ся, надолго ли, — узнать все это оказалось однако совершенно невозможно, ибо онъ держалъ себя въ отношеніи къ дочери и сестрѣ вовсе не такъ чтобы люди, хотя и близко къ нему стоящіе, могли предаваться изліяніямъ чувствъ. Это былъ высокій, сухощавый старикъ, съ холоднымъ взглядомъ и неулыбающимися устами.

Съ первыхъ же словъ его, съ первыхъ суровыхъ пріемовъ и племянница и тетка почувствовали какое положеніе придется имъ занимать отнынѣ. То что еще недавно казалось имъ такъ возможнымъ, даже необходимымъ, вдругъ представилось теперь чѣмъ-то до того труднымъ и недоступнымъ что радость перешла скоро въ сомнѣніе и страхъ.

— Охъ, охъ! разсуждала старуха:—какъ-то намъ будетъ сказывать ему что я-то отъ него таила про Ивана-то Ивановича! Вишь какимъ волкомъ смотритъ.

— Бѣда, бѣда моей головушкѣ! Не видать мнѣ его, мово милаго! Страхъ какой напалъ, не ждала я того, не гадала! твердила про себя бѣдная Маша.

А между тѣмъ Осипъ Кондратьевичъ, не подозрѣвая впечатлѣнія имъ производимаго, находилъ очень естественнымъ что около него суетятся. Отецъ пріѣхалъ съ дороги, усталъ: слѣдовательно надо приготовить ему поскорѣе постель; не ѣлъ онъ: надо накрыть столъ и дать поужинать; вонъ тамъ ящикъ, вынутый изъ телѣги: надо его поставить къ сторонѣ чтобы завтра убрать куда обыкновенно убирались привозимые Тишинымъ изъ поѣздокъ его ящики; пожитки его надо собрать, и дверь запереть; посуду уложить на мѣсто, а тамъ и спать пора. Старикъ перекрестился и отпустилъ женщинъ. Въ маленькомъ домѣ Тишиныхъ все смолкло.

На другой день тетка едва начала возиться съ горшками около затопленной печи какъ уже Осипъ Кондратьевичъ былъ въ кафтанѣ, парикѣ и собирался уходить.

— На службу, сказалъ онъ снисходительно, относясь на этотъ разъ къ дочери.

— Къ обѣду знать будешь? спросила ободренная этою снисходительностію Маша.

— Какъ Богъ пошлетъ, отвѣчалъ Тишинъ уходя.

Отвѣтъ этотъ ничего не объяснялъ, а между тѣмъ надо же было знать положительно сколько времени будетъ отецъ въ отсутствіи чтобъ успѣть на-свободѣ переговорить съ

Миктеровымъ, который, вѣроятно, не замедлитъ явиться; надо было условиться какъ и что̀ кому сказать, чѣмъ оправдываться, или чѣмъ начать свою просьбу.

Но Миктеровъ не шелъ; проспавъ долго со вчерашней усталости, онъ не спѣшилъ вставать; потомъ все чего-то ждалъ: вотъ, казалось ему, зайдетъ опять Скороходовъ и объявитъ что Торбеева выпустили, разкажетъ кто его обнесъ, за что̀... Вотъ зашумѣлъ кто-то на дворѣ: ужь не за нимъ ли? не его ли ищутъ? Хоть бы куда-нибудь спрятаться, думалось ему, а время между тѣмъ шло, никто не приходилъ, никто не спрашивалъ его.

Миктеровъ посидѣлъ еще часокъ въ раздумьи, всталъ наконецъ довольно бодро и отправился подѣлиться своимъ горемъ съ Тишиными, мысленно смотря на нихъ уже съ какой-то новой точки зрѣнія.

Еслибы впрочемъ состояніе духа его было даже совершенно спокойно, еслибы на душѣ его не было вчерашней тревоги, и тогда засуетили бы его та лихорадочность и то безпокойство съ которыми встрѣтили его Маша и въ особенности тетка.

Перебивая другъ друга, наступая на Миктерова жестами, то громко, то вдругъ, словно опомнившись, шепотомъ, заговорили онѣ обѣ разомъ, передавая ему и новость о пріѣздѣ отца, и рѣшительное свое безсиліе предъ его холодною неприступностью. Сказать Осипу Кондратьевичу прямо не только о какой-либо тайнѣ, касавшейся Миктерова, но даже просто о томъ что у нихъ часто въ его отсутствіе бывалъ незнакомый ему человѣкъ, оказывалось теперь невозможнымъ; все что̀ доселѣ представляли Миктерову въ одномъ видѣ, представлялось теперь въ совершенно противоположномъ; онъ точно въ первый разъ явился предъ Тишиными, точно никогда прежде не было у нихъ времени разказать ему то что̀ разказывали теперь.

Миктеровъ не поддался однако этой паникѣ. Чѣмъ больше напускали на него страху, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ въ себѣ какую-то твердость. Ему казались неосновательными чрезмѣрная боязнь и суетливость выказываемыя Машей и теткой. Какъ ни вертѣлъ онъ въ своей головѣ причину вызвавшую въ нихъ такого рода странную перемѣну мыслей, причина все-таки представлялась одна: робость, свойственная женщинамъ вообще когда надо дѣйствовать, и нѣкоторая вѣро-

ятно суровость характера и пріемовъ Тишина, отъ которыхъ онѣ отвыкли и которыя ихъ сразу озадачили.

— Вотъ дайте срокъ, свидимся; чаю не выгонитъ, утѣшалъ Миктеровъ;—не врагъ же ему я, гнѣваться на меня не за что; а что до имени моего, до тайны моей, коли есть она, про то самъ вѣдаю.

И насилу удалось ему кое-какъ успокоить взволнованныхъ и испуганныхъ женщинъ.

Но давно уже отошли вечерни, — Тишина все не было. По мѣрѣ того какъ время приближалось къ сумеркамъ, къ успокоившимся было женщинамъ стало возвращаться тревожное ожиданіе. Послышались опять вздохи, опять напалъ какой-то страхъ, опять стали всѣ подходить и засматривать въ окна. Тетка рѣшительно не знала какъ ей встрѣтить брата. Накрыть ли столъ и подать ему, несмотря на позднее время, обѣдать, или встрѣтивъ его вопросомъ: кушалъ ли онъ? отвлечь такимъ образомъ хотя на нѣсколько минутъ его вниманіе отъ посторонняго лица да и самой вмѣстѣ съ тѣмъ, занявшись стряпней, остаться будто въ сторонѣ? Условились наконецъ такъ. Лишь только завидятъ Осипа Кондратьевича, тетка и Маша удалятся въ сосѣднюю комнату, а Миктеровъ пойдетъ отворять дверь и тутъ же прямо, назвавъ хозяина по имени и отчеству, покажетъ тѣмъ что онъ человѣкъ въ домѣ знакомый, потомъ, войдя вмѣстѣ, объявитъ себя, объяснитъ что не сказывали о немъ прежде только по робости, что проситъ онъ себя любить и жаловать, а тутъ и теткѣ можно будетъ войти, и Машѣ.

Между тѣмъ, за разговорами и общимъ смущеніемъ, Маша совсѣмъ забыла о томъ ящикѣ который со вчерашняго дня стоялъ подъ лавкой и который слѣдовало отнести и спрятать въ подвалъ. Вспомнивъ теперь о немъ, сообразивъ что съ минуты на минуту отецъ могъ возвратиться, Маша стремглавъ кинулась къ лавкѣ, но зацѣпившись за неровную половицу, ящикъ только затрещалъ и не подавался.

— Дай ужь я отнесу, сказалъ Миктеровъ, подойдя къ ней на помощь:—вишь худой онъ весь, чуть живъ, разсыплется! Глянь, и подлинно, продолжалъ онъ, беря свою ношу и поднимая что-то твердое, проскочившее между дѣйствительно развалившимися стѣнками ящика,—развалился!

— Охъ, скорѣе, скорѣе, свѣтъ ты мой! Иди, иди!... Брось,

брось! торопила Маша, боясь лишнюю минуту остаться съ нимъ вдвоемъ.

— Чего бросать,—успѣемъ! съ разстановкой сказалъ Миктеровъ, еще внимательнѣе разсматривая поднятый предметъ и поднося его къ носу и губамъ. — Купцы, скажи, на товаръ сей у отца бываютъ ли?

— Охъ, да брось скорѣе, брось! Ну бываютъ, бываютъ; выходи, запирай! дрожа всѣмъ тѣломъ какъ въ лихорадкѣ говорила Маша, съ усиліемъ нажимая замокъ. — Не ровенъ часъ, ну войдетъ онъ вдругъ.

Но голосъ тетки звалъ ее уже давно, дверь Тишину была уже отворена, Маша и Миктеровъ не подоспѣли вовремя, планъ пріема грозному отцу не удался.

XXXV.

Что̀ подумалъ Осипъ Кондратьевичъ попавъ глазами прямо на неожиданнаго гостя, опредѣлить трудно; глаза эти забѣгали изъ стороны въ сторону, такъ что уловить его взглядъ было нельзя; но Миктерову, казалось, этого было и не нужно. Не медля ни минуты, не остановившись даже на той пробѣжавшей было въ головѣ его мысли что гдѣ-то и когда-то онъ точно видѣлъ этого самаго стоявшаго теперь предъ нимъ человѣка, Миктеровъ поклонился и развязно подошелъ къ хозяину.

— Не воровски къ тебѣ, Осипъ Кондратьевичъ, въ домъ вошелъ, прошу любить-жаловать, хоть у домашнихъ спроси: знаютъ меня не со вчерашняго дня, сказалъ онъ улыбаясь:—изъ робости одной объявить вечоръ обо мнѣ не посмѣли....

— Милости прошу, милости прошу! Ха-ха-ха! притворно смѣялся и хриплымъ чахоточнымъ голосомъ говорилъ Тишинъ.— Чего робѣть? Не звѣрь я, не кусаюсь, гм! Милости прошу, гм!... По имени звать какъ не знаю.

Миктеровъ назвалъ свое имя и сталъ подробно разказывать о своемъ знакомствѣ съ семействомъ въ Можайскѣ. Онъ старался быть какъ можно развязнѣе, говорилъ много и нѣсколько разъ пытался ввести въ разговоръ Машу или тетку, но обѣ женщины сидѣли молча на лавкѣ, смущенныя какъ притворнымъ смѣхомъ и необычнымъ обращеніемъ Осипа Кондратьевича, такъ и тѣмъ что изъ разказа Миктерова должна

была неминуемо послѣдовать путаница которая легко могла обнаружиться и подвести ихъ подъ отвѣтъ.

— Ко всенощной кажись.... заблаговѣстили, остановилъ между тѣмъ разговорившагося Миктерова Тишинъ, будто прислушиваясь къ загудѣвшимъ въ самомъ дѣлѣ колоколамъ.— Точно заблаговѣстили.... Время тому прошло много, продолжалъ онъ обращаясь къ теткѣ,—съ Можайска-то вы чаю не разъ видѣлись?

— Нынѣ времена такія, продолжалъ собравшись съ духомъ Миктеровъ,—не всякому человѣку довѣриться можно, Осипъ Кондратьевичъ. Отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ межъ собою что̀ знаютъ таить должны.

Слова эти произвели повидимому сильное впечатлѣніе на Тишина: онъ торопливо всталъ съ мѣста, притворилъ плотнѣе дверь, сѣлъ опять, посмотрѣлъ вокругъ и поблѣднѣлъ.

— О-о-охъ! кряхтѣлъ и кашлялъ онъ. — Сестра! Маша! Что̀ же вы ко всенощной-то?... Не малый завтра праздникъ, Троицынъ день....

— Пойдемъ, сказали другъ другу въ полголоса переглянувшіяся между собою тетка съ Машей, и вставъ съ своихъ мѣстъ пошли пріодѣться.

Кашель Тишина сталъ мало-по-малу прекращаться; онъ сѣлъ опять предъ гостемъ. Миктеровъ продолжалъ свой разговоръ.

Тишинъ слушалъ очень внимательно; ко всенощной ушли давно; обо всемъ добродушно повѣдалъ Миктеровъ Осипу Кондратьевичу, обо всемъ на чистоту: и кто онъ, и съ чего началась эта злосчастная судьба его, и гдѣ онъ скрывался, и какія его были надежды прежде, и какія теперь.

Уже разказъ подходилъ къ концу, уже говорилъ онъ о томъ какимъ опасностямъ подвергаться можно живя въ Москвѣ; о томъ какъ Маша ждала пріѣзда отца чтобы просить его наставленія и помощи, такъ какъ люди мы съ ней оба-де молодые, но какъ потомъ она и тетка оробѣли.

Тишинъ во все время не перемѣнившій позы, согнувшись и улершись глазами въ одну точку, подъ конецъ только сталъ мало-по-малу приходить въ себя и даже точно оживился.

— Оробѣли? захрипѣлъ онъ.—Робѣть нечего. Знать только пріятелю-то моему отказъ нынѣ пиши.

— Какому пріятелю?

— Пріятелю моему; вѣдь она обѣщана; аль тебѣ онѣ о томъ не сказывали? Да, да, да.... чу! вдругъ остановился онъ прислушиваясь:—въ ворота словно кто-то стукнулъ, а? И то! Подлинно ужь не онъ ли? Легокъ на поминѣ будетъ. Пойти взглянуть.

— Дай схожу я, дай.... Пріятель-то кто? Пойти? спросилъ было сунувшійся за Тишинымъ Миктеровъ.

— Гвоздевъ, вотъ кто пріятель, Гвоздевъ! отвѣтилъ Осипъ Кондратьевичъ, захлопнувъ за собою дверь.

— Гвоздевъ? повторилъ ошеломленный Миктеровъ, оставшись такъ неожиданно одинъ предъ закрытою ему подъ носомъ дверью. — Гвоздевъ? Здѣсь? Что̀ можетъ быть общаго между имъ и Тишинымъ, между имъ и Машей? Да тотъ ли?

Въ воображеніи Миктерова промелькнула въ одно мгновеніе вся сцена встрѣчи его съ Гвоздевымъ во время охоты у Круглыхъ Верховъ. Онъ вспомнилъ что ему называли дѣйствительно въ Можайскѣ имя.... да, имя Гвоздева; вспомнилъ и давно прошедшее: здѣсь, въ Москвѣ, видѣлъ онъ этого Гвоздева тогда у калитки съ кѣмъ-то... да, съ кѣмъ-то.... Ужели этотъ другой былъ Тишинъ? Ужасъ охватилъ Миктерова, сердце его сжалось, дыханіе порвалось на минуту. Онъ находился въ домѣ сыщика, онъ открылъ ему свою тайну! Миктеровъ подбѣжалъ къ окну, оно не отпирается; рванулся къ двери, она была заперта снаружи.

— А-а-а! Погубить меня хочетъ! закричалъ онъ, и какъ звѣрь двинулся плечами. Дверь не подавалась. Онъ подбѣжалъ къ окнамъ, смотрѣлъ на улицу, схвативъ шапку надѣлъ ее безсознательно на голову; нѣсколько разъ съ разбѣга пробовалъ сломать дверь, силился приподнять ее снизу на петляхъ, ничего не помогало. Рванулся наконецъ съ послѣднимъ, отчаяннымъ усиліемъ; что-то загремѣло по ступенькамъ и Миктеровъ очутился на свободѣ. Онъ выскочилъ на улицу и столкнулся лицомъ къ лицу съ Тишинымъ, привлеченнымъ назадъ шумомъ упавшей двери.

Сообразивъ обстоятельства дѣла и настроеніе духа своего гостя, Тишинъ съ намѣреніемъ пустилъ слово о претензіи которую будто бы имѣлъ пріятель Гвоздевъ на руку Маши. Тишинъ разчитывалъ что надъ словомъ этимъ Миктеровъ позадумается, а задумавшись дастъ ему время принять всѣ нужныя мѣры къ тому чтобы не упустить наконецъ того лакома-

го куска, о которомъ, какъ было ему извѣстно, поручено было давно уже хлопотать его пріятелю и который самъ теперь давался ему въ руки. Но Тишинъ не разчитывалъ что назвавъ имя Гвоздева, разбудитъ онъ въ Миктеровѣ такія воспоминанія, и съ досадой увидѣлъ предъ собою ускользавшаго гостя.

Они остановились другъ предъ другомъ.

— Такъ ты вотъ что̀! прошипѣлъ Тишинъ.

— А ты что̀?

— Такъ вотъ почему ты воровскимъ манеромъ проживаешь въ Москвѣ!

— А ты зачѣмъ неуказнымъ товаромъ торгуешь?

— Какимъ товаромъ? продребезжалъ Тишинъ вдругъ поблѣднѣвъ.

— Чаю знаешь какимъ? Ревенемъ!

Миктеровъ мѣтко попалъ этимъ словомъ въ самое сердце Тишина. Торговля ревенемъ, составлявшая казенную монополію, была запрещена подъ смертною казнію, а Тишинъ, нерѣдко посылаемый въ Сибирь по дѣламъ службы, тайно привозилъ оттуда этотъ запрещенный продуктъ. И теперь ревенемъ былъ наполненъ тотъ сундукъ который, пособляя Машѣ, Миктеровъ переносилъ въ подвалъ: онъ въ этомъ убѣдился и обоняніемъ, и вкусомъ. Вотъ почему вдругъ задребезжалъ голосъ у Тишина и поблѣднѣли его впалыя щеки. Но это было не все. Осипъ Кондратьевичъ былъ по служебному положенію своему сыщикъ; онъ былъ сыщикомъ сверхъ того по вкусу и по разсудку. На Руси не было, казалось ему, жизни болѣе безопасной и болѣе спокойной какъ жизнь сыщика. Всякое другое званіе, всякая другая служба и занятіе, возлагая на человѣка разнаго рода обязанности, не избавляли его вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ обязанности быть сыщикомъ; разница была только въ томъ что тамъ царствовала полная неопредѣленность: о чемъ доносить, о чемъ молчать, — никто не зналъ. Всякій новый указъ, запрещавшій то или другое, грозилъ истязаніями и казнью какъ самому преступнику такъ и лицамъ не донесшимъ на него. А кто же былъ въ состояніи запомнить всѣ эти указы такъ чтобы не только руководиться ими самому, но и блюсти еще за точнымъ исполненіемъ ихъ другими? Кто могъ слѣдовательно отвѣтить чтобы когда-нибудь не подвели его подъ какое-либо наказаніе за то только что

не былъ онъ достаточно сыщикомъ и шпіономъ? Кто могъ поручиться въ томъ что, живя гдѣ-нибудь, пожалуй въ самомъ отдаленномъ захолустьѣ, не привелось бы ему все-таки побывать въ застѣнкѣ и повисѣть на дыбѣ, хоть за то лишь что кому-нибудь висѣть на ней пришлось не втерпежь и вздумалось назвать ваше имя какъ первое пришедшее въ голову. Отвѣчать и ручаться въ этомъ могли только тѣ люди которые исключительно посвятили себя доносу, у кого не было другой еще какой-то тамъ жизни, другихъ постороннихъ, отвлекающихъ отъ доноса, обязанностей. Здѣсь, въ этомъ кругу сыщиковъ-спеціалистовъ, были и безопасность и спокойствіе. Люди эти, стремясь къ одной цѣли, поддерживали другъ друга, лѣпились одинъ къ другому какъ кольца въ цѣпи, пока не пробивались въ жизнь ихъ, поглощенную доносами, какіе-нибудь посторонніе интересы. Торговля запрещеннымъ товаромъ, ревенемъ, была однимъ изъ такихъ постороннихъ интересовъ. Тишинъ принималъ въ ней впрочемъ только участіе посредника, служа лицамъ далеко выше его поставленнымъ; спокойствіе и безопасность его ничѣмъ не нарушались. Но теперь, когда въ тайну его проникло лицо непосвященное, Миктеровъ, дѣло было другаго рода; тутъ не было уже, казалось Тишину, никакого выхода; или надо было извести это непосвященное лицо какимъ-нибудь боковымъ путемъ, или же рѣшиться вступить съ нимъ въ сдѣлку.

Эти мысли быстро промелькнули въ головѣ Тишина, когда Миктеровъ окликнулъ его.

— Осипъ Кондратьевичъ! сказалъ онъ:—все нынѣ межь насъ безъ закрытія быть должно?

— Безъ закрытія, отвѣтилъ серіозно Тишинъ, — безъ закрытія, повторилъ онъ.

Уфъ! точно камень свалился съ души Миктерова. Давно не чувствовалъ онъ себя такъ спокойно какъ въ настоящую минуту. Поддержка была имъ найдена. Не отдавалъ еще онъ себѣ яснаго отчета изъ какого темнаго царства получалась эта поддержка, эта сила; но сознаніе что жизнь его отселѣ связана теперь съ какими-то другими жизнями, которыя изъ собственнаго интереса погубить его не пожелаютъ, ободряло его.

„Вотъ не думалъ я“, вздыхая и охая, размышлялъ Тишинъ, подходя къ крыльцу. „Какъ тутъ быть? Имя ему паче всего

достать надо, безъ того и жить опасливо: себя погубишь. Вотъ не думалъ!“

„Знать ужь къ празднику, къ Троицыну дню, Богъ мнѣ счастье такое послалъ!“ съ своей стороны думалъ Миктеровъ, возвращаясь домой.

Но на другой день обоимъ имъ пришлось подумать о другомъ.

Всѣ были въ церкви у обѣдни. Въ самое второе колѣнопреклоненіе, въ одиннадцатомъ часу, какъ разказываютъ современники, въ городѣ поднялась суматоха, крикъ, вопли, — загорѣлась Москва. Отчего? Богъ вѣсть. Говорили будто чья-то поварова жена зажгла въ чуланѣ свѣчу предъ образомъ а сама вышла; свѣча упала и чуланъ загорѣлся. Дѣйствительно ли отъ грошевой свѣчи—только Москва сгорѣла.

Зрѣлище было ужасное! Огонь показался за Боровицкимъ мостомъ, на Знаменкѣ, въ приходѣ Антипія, что̀ у Колымажныхъ воротъ, либо на дворѣ князя Ѳедора Голицына, либо на дворѣ Милославскаго, доподлинно узнать было трудно. Погода стояла сухая и вѣтряная. Пламя перекинуло на сосѣдніе дома, на дворецъ покойной Екатерины Ивановны, а отсюда въ Кремль. Загорѣлись потѣшныя конюшни, дворецъ государыни, соборы, монастыри, подворья, коллегіи, канцеляріи, цейхгаузы, потомъ ряды и гостиные дворы въ Китаѣ-городѣ. Отсюда перекинуло черезъ Неглинную. Въ Бѣломъ городѣ горѣли: Рождественка, Срѣтенка, Мясницкая, Покровка; въ Земляномъ горѣло все: обѣ Басманныя, Нѣмецкая слобода, слободской дворецъ государыни и дворецъ Елизаветы Петровны, наконецъ слобода Лефортовская; отстояли только дворецъ ея величества Анненгофъ. Съ другой стороны, отъ загорѣвшагося мѣста пламя понеслось по Знаменкѣ, Арбату, Тверской и Петровкѣ.

При такой силѣ огня, при бушевавшемъ вѣтрѣ, ничего не могли сдѣлать, конечно, съ горѣвшими деревянными постройками какія-нибудь двѣнадцать заливныхъ трубъ и несчастные крюки и вилы которыми работалъ московскій гарнизонъ; что же касается до жителей, то всякій думалъ уже не о прекращеніи пожара, а только о спасеніи своего имущества, которое, будучи положено тамъ и сямъ большими кучами, тоже горѣло. Сообщеніе черезъ рѣки прекратилось, ибо мосты Спасо - Никольскій, Варварскій, Ильинскій, Никольскій и

Воскресенскій сгорѣли. Трескъ валившихся въ огонь бревенъ и разрушавшихся домовъ былъ оглушителенъ; падали трубы, кресты съ церквей, колокола; съ Ивановской колокольни упалъ и большой Успенскій колоколъ. Жаръ былъ такъ великъ что казна хранившаяся въ кладовой Соленой конторы, высыпавшись изъ мѣшковъ и расплавившись, слилась въ большія кучи, къ которымъ приступу не было. Въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ растопилось два колокола, полопались и повалились слюдяныя окончины, погнулись желѣзныя перекладины и рѣшетки. Дѣла и бумаги изъ приказовъ выносили во рвы къ водѣ, но и тамъ во многихъ мѣстахъ онѣ горѣли. Колодники изъ суднаго приказа, содержавшіеся по истцовымъ дѣламъ, бѣжали; успѣли вывести только тѣхъ что̀ находились въ сгорѣвшемъ острогѣ, въ казармахъ сыскнаго приказа и въ полицеймейстерской канцеляріи. Крикъ женщинъ и дѣтей, стоны вынесенныхъ на улицы больныхъ, умирающихъ и раненыхъ на пожарѣ представляли картину поворачивающую душу. Весь день, всю ночь и на другой день до четырехъ часовъ утра стояло еще надъ городомъ зарево пожара, еще въ удушливомъ воздухѣ трудно было продохнуть, и Москва еще горѣла. Въ дыму и копоти ходили разоренные, лишенные крова и всего имущества голодные жители, ища въ обгорѣлыхъ кучахъ и почернѣвшей землѣ чего-нибудь хоть бы на одинъ день поддержать существованіе плачущихъ и просящихъ ѣсть и пить дѣтей своихъ. Около двухъ съ половиной тысячъ обывательскихъ дворовъ и до ста человѣкъ были жертвой пламени; сгорѣло болѣе ста церквей, одиннадцать монастырей, четыре дворца, богадѣльни, торговыя бани, до пятисотъ лавокъ, кромѣ Китая-города; сгорѣли Красныя ворота, погибли всѣ постройки и матеріалы для готоваго уже почти большаго царь-колокола, маленькая модель котораго въ Петербургѣ въ тотъ же самый день, по странному стеченію обстоятельствъ, треснула, и пр.

Часть города гдѣ жили Тишины только что отстраивалась послѣ пожара истребившаго ее еще въ прошломъ году; теперь огонь не коснулся ея; но несмотря на то, еще въ самый разгаръ пожара, Тишинъ досталъ гдѣ-то подводу, собралъ всѣ пожитки, и минуя улицы, полемъ, провожалъ свою семью по дорогѣ къ Твери и Петербургу.

Миктеровъ былъ съ ними; съ ними онъ укладывался, и ему поручалъ Осипъ Кондратьевичъ дочь и сестру до тѣхъ поръ

пока онъ не нагонитъ ихъ; ему нужно было еще возвратиться въ Москву. Зачѣмъ? Про то зналъ, конечно, онъ одинъ, никто его не спрашивалъ, да и какая кому была въ томъ нужда?

Сознаться Миктерову въ своихъ чувствахъ было бы, конечно, теперь трудно, но, оставляя за собой весь этотъ ужасъ и адъ горящей Москвы, онъ чувствовалъ себя все-таки какъ-то хорошо. Ему казалось что картиной страшнаго пожара какъ бы завершается все его прошлое, что тамъ горитъ оно, это прошлое, со всѣми его несчастіями и неудачами, а впереди блеститъ надежда на лучшее будущее.

БУЛКИНЪ.

(Продол. слѣд.)

А. С. ШИШКОВЪ,

ЕГО СОЮЗНИКИ И ПРОТИВНИКИ

Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 2 т. Berlin, 1870.

Чѣмъ далѣе отступаетъ отъ насъ эпоха императора Александра I, тѣмъ яснѣе она раскрывается предъ нами. Надо сказать правду: хотя объ этой громкой эпохѣ существуетъ болѣе сочиненій чѣмъ о предшествующихъ, но сочиненія эти, говоря вообще, мало способствовали ея вѣрному уразумѣнію, да притомъ они изображали большею частію войны въ коихъ принимали участіе наши дѣды, и весьма мало касались вопросовъ внутренняго развитія страны. За то, въ послѣднее десятилѣтіе, изъ частныхъ архивовъ хлынула такая масса мемуаровъ, корреспонденцій, а также „мнѣній", высказанныхъ дѣятелями прежняго времени по различнымъ законодательнымъ и административнымъ вопросамъ, что человѣкъ постоянно слѣдившій за ними можетъ составить себѣ довольно отчетливое понятіе о свойствахъ дѣятелей Александровской эпохи и о характерѣ тогдашнихъ событій.

Много новаго свѣта проливаютъ на эту эпоху только что изданныя гг. Киселевымъ и Самаринымъ бумаги оставшіяся послѣ покойнаго А. С. Шишкова. Шишковъ игралъ, какъ извѣстно, весьма видную роль въ 1812 году и потомъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I; но и въ другія эпохи своей долгой жизни, не находясь у власти, онъ не бездѣйствовалъ.

валъ. Какъ писатель и какъ государственный сановникъ, онъ постоянно и неослабно провозглашалъ тѣ убѣжденія которыя считалъ наилучшими и боролся противъ тѣхъ понятій которыя признавалъ вредными; онъ оставался неизмѣнно вѣренъ себѣ какъ въ государственномъ совѣтѣ и въ академіи такъ и въ печати, и въ этомъ заключается неоспоримое право его на вниманіе потомства. Въ этой же твердости и неизмѣнности руководившихъ имъ началъ заключается, по нашему мнѣнію, и главнѣйшее достоинство оставшихся послѣ него бумагъ. Онѣ отмѣчены печатью односторонности, это правда; но мы предупреждены относительно этой односторонности и не обязаны подчиняться личнымъ мнѣніямъ Шишкова; за то, слѣдуя за нашимъ авторомъ, мы проникаемъ въ сферу тѣхъ понятій, мы попадаемъ въ кружокъ тѣхъ людей которые, составляя нѣкотораго рода оппозицію въ началѣ царствованія Александра I, восторжествовали въ послѣдствіи и доставили торжество своимъ убѣжденіямъ. Мы достаточно слышали порицаній Аракчееву, митрополиту Серафиму, самому Шишкову, но эти порицанія шли отъ ихъ противниковъ: посмотримъ что̀ говорятъ сами обвиняемые о своихъ обвинителяхъ и о самихъ себѣ; посмотримъ въ чемъ заключалось ихъ право на власть, къ которой они были призваны государемъ, въ чемъ состояло, по ихъ мнѣнію, то зло бороться противъ котораго они считали своимъ долгомъ, и въ чемъ заключалось то благо которое они хотѣли дать Россіи. Читая иныя изслѣдованія о занимающей насъ эпохѣ, можно подумать что императоръ Александръ облекъ властію Аракчеева, Шишкова, Магницкаго, что онъ приблизилъ къ себѣ Серафима и Фотія вслѣдствіе какого-то злобнаго каприза, и что эти люди принялись дѣлать зло сознательно; но такой взглядъ не вѣренъ и не ведетъ ни къ какимъ серіознымъ выводамъ. Справедливость требуетъ признать, если не за всѣми, то за нѣкоторыми изъ названныхъ лицъ искреннее, глубокое убѣжденіе, а знакомство съ этими убѣжденіями укажетъ намъ чего въ нихъ дѣйствительно не доставало для того чтобы добрая воля ихъ принесла и плоды добрые. Можетъ-быть также что эпоха отодвинувшаяся отъ насъ на полвѣка дастъ нѣсколько спасительныхъ уроковъ настоящему поколѣнію.

I.

Шишкову было подъ пятьдесятъ лѣтъ, когда Александръ I вступилъ на престолъ; онъ родился еще при Елисаветѣ Пе-

тровнѣ. * Еще въ царствованіе Павла, въ чинѣ вицъ-адмирала и генералъ-адъютанта, онъ имѣлъ доступъ не только ко двору, но и въ кабинетъ государевъ, съ докладами по морскому управленію. Нѣсколько трудовъ касательно морскаго искусства доставили ему почетное мѣсто между учеными моряками, а съ 1796 года онъ былъ членомъ Россійской Академіи. Таково было общественное положеніе Шишкова. Впрочемъ, не имѣя иныхъ средствъ къ жизни кромѣ казеннаго содержанія, онъ жилъ очень скромно и чуждался двора. Онъ чувствовалъ себя при дворѣ не на своемъ мѣстѣ, какъ потому что совершенно лишенъ былъ тѣхъ качествъ съ помощію которыхъ пріобрѣтаются придворные успѣхи, такъ и потому что не одобрялъ образа дѣйствій правительства которому служилъ. Царствованіе Павла было, какъ извѣстно, систематическою реакціей противъ царствованія Екатерины, а Шишковъ, подобно Трощинскому, Державину и другимъ своимъ сверстникамъ, былъ горячимъ поклонникомъ Екатерины, но Екатерины послѣднихъ годовъ ея царствованія. Къ несчастію,—а это фактъ весьма замѣчательный,—отъ той славной эпохи когда Екатерина писала свой *Наказъ* и выслушивала пренія въ Коммиссіи Уложенія, весьма мало преданій перешло къ послѣдующимъ царствованіямъ; почти всѣ люди проникшіеся духомъ этой эпохи перемерли въ царствованіе Екатерины, или же остались безъ значенія при ея преемникахъ. Такимъ образомъ, въ живомъ преданіи не сохранилось тайны слиянія либеральныхъ стремленій съ національнымъ чувствомъ, отмѣтившей первую половину царствованія Екатерины. За весьма немногими исключеніями, люди готовившіеся въ началѣ нынѣшняго вѣка принять въ свои руки судьбу Россіи принадлежали къ слѣдующимъ двумъ типамъ: къ типу либераловъ-космополитовъ, воспитанныхъ подъ вліяніемъ гуманистовъ XVIII вѣка, или къ типу угрюмыхъ стародумовъ, съ патріотизмомъ старообрядческаго закала. Молодые совѣтники, которыми окружилъ себя Александръ I по вступленіи на престолъ, принадлежали, какъ извѣстно, къ первому типу. Сначала англоманія, а потомъ галломанія усилились въ высшемъ обществѣ до небывалыхъ размѣровъ, и онѣ нашли себѣ отзвучіе даже въ тогдаш-

* Въ изданіи о которомъ здѣсь говорится сказано что Шишковъ родился въ 1753 году; во всѣхъ же другихъ біографическихъ о немъ извѣстіяхъ—въ 1754 году.

ней литературѣ, корифей которой, Карамзинъ, самъ не безупреченъ былъ въ этомъ отношеніи, пока занятія исторіей Россіи не дали иного направленія его образу мыслей.

При началѣ новаго царствованія, Шишковъ чувствовалъ также себя не на своемъ мѣстѣ. Духъ времени не благопріятствовалъ ему еще больше чѣмъ прежде; люди новаго поколѣнія оттѣсняли его не только при дворѣ или въ сферѣ служебной дѣятельности, но и въ кругѣ литературной дѣятельности. Молодой Чичаговъ занялъ первое мѣсто по морскому управленію, Карамзинъ сдѣлался любимцемъ читающей публики. Сѣдой адмиралъ и академикъ не замедлилъ убѣдиться что правительство не ищетъ его услугъ, а публика не читаетъ его сочиненій. Естественно, онъ сталъ въ непріязненныя отношенія къ новому времени: „Имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ младымъ царемъ.... Торжественное обѣщаніе царское — идти по стопамъ бабки своей—не исполнилось", отмѣчалъ онъ въ своихъ *Запискахъ*, воспоминая о первыхъ годахъ новаго царствованія. Отзывы его о современныхъ литераторахъ и литературѣ еще менѣе сочувственны. Онъ отворачивался отъ нихъ съ пренебреженіемъ и услаждался „лирами" Ломоносова, Хераскова, Державина, Сумарокова; изъ писателей же новѣйшаго поколѣнія нисходилъ лишь къ П. И. Голенищеву-Кутузову, князю Ширинскому-Шихматову и весьма немногимъ имъ подобнымъ. Ограничивъ и личныя свои сношенія тѣснымъ кружкомъ одномысленныхъ съ собою людей, чуждый тщеславія и мелкаго честолюбія, не показываясь въ придворныхъ и великосвѣтскихъ собраніяхъ, но тщательно исполняя свои служебныя обязанности, Шишковъ отдыхалъ отъ нихъ въ тиши своей рабочей комнаты. Здѣсь, обложившись книгами и съ перомъ въ рукѣ, онъ чувствовалъ себя на мѣстѣ; болѣе того: въ качествѣ ветерана между летераторами и академика, онъ считалъ себя призваннымъ бороться противъ ложнаго вкуса, которымъ, по его мнѣнію, проникласъ наша литература, и противъ заимствованія иностранныхъ словъ, которое онъ усматривалъ въ сочиненіяхъ молодыхъ писателей того времени. Отъ предметовъ морской науки онъ обратился къ вопросамъ чисто словеснымъ, къ изученію русскаго языка въ древнихъ его памятникахъ. Въ 1800 году напечатано было въ первый разъ *Слово о полку Игоревѣ*. Шишковъ впился

въ него, переложилъ на современный языкъ и составилъ обширныя примѣчанія касательно языка которымъ написанъ этотъ древній памятникъ нашей словесности. Отсюда начинаются труды Шишкова надъ русскимъ корнесловіемъ, которымъ съ тѣхъ поръ онъ занимался до самой смерти и которое обратилось у него въ нѣкотораго рода манію и вызвало противъ него тьму насмѣшекъ. Но насмѣшки ни мало не трогали его. Съ упорствомъ и даже упрямствомъ, которые его отличаютъ, онъ шелъ все далѣе и далѣе по избранному пути, продолжалъ изучать русскій языкъ съ своей точки зрѣнія, отыскивалъ законы звукоподражанія, занимался русскими „сословами“, вооружался противъ новыхъ словъ, несогласныхъ по его мнѣнію съ духомъ русскаго языка, и наконецъ написалъ *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ русскаго языка*, вызвавшее горячую полемику въ современныхъ изданіяхъ. Это *Разсужденіе* было представлено имъ Академіи, въ засѣданіи 17го октября 1803 года, а въ засѣданіи 5го ноября слѣдующаго года, Академія, по разсмотрѣніи какъ этого такъ и другихъ его сочиненій, и находя въ нихъ „похвальную ревность.... къ открытію въ чемъ состоитъ истинное богатство, красота, сила и важность языка славяно-русскаго“, а также и усматривая что эти сочиненія преподаютъ весьма полезные примѣры „къ направленію вкуса молодыхъ писателей и къ предохраненію ихъ отъ владенія, подъ видомъ украшенія, въ погрѣшности, языкъ нашъ обезображающія“, присудила ему золотую медаль. Можно думать что приговоръ Академіи, признавшій Шишкова за образецъ въ отношеніи къ слогу, заставилъ многихъ улыбнуться въ Петербургѣ и Москвѣ; можетъ-быть онъ заставитъ улыбнуться и нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей; но мы просимъ ихъ не забывать что вся тогдашняя Академія состояла изъ обломковъ стараго времени, и что самыя яркія литературныя имена въ ней, кромѣ Державина, были Херасковъ, Мартыновъ, Муравьевъ, графъ Хвостовъ, князь Сергѣй Шихматовъ, П. И. Кутузовъ, извѣстный противникъ Карамзина.

Между тѣмъ, въ воззрѣніяхъ какъ правительства такъ и самого общества стали обнаруживаться существенныя перемѣны. Довѣріе государя къ молодымъ своимъ пособникамъ сильно поколебалось, а въ общественномъ мнѣніи, огорченномъ двумя неудачными войнами и Тильзитскимъ миромъ, обнаруживалась реакція противъ французскаго вліянія. Въ 1809 году,

въ бытность свою въ Москвѣ, государь оказалъ особенное вниманіе графу Ростопчину, который, живя съ самой кончины Павла въ Москвѣ, велъ неустанную войну противъ галломановъ, „отечество коихъ,“ по его словамъ, „на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное—въ Парижѣ.“ Въ томъ же году, государь обласкалъ Карамзина, котораго въ то время занимали уже мысли изложенныя имъ въ *Запискѣ о древней и новой Россіи*. Министромъ юстиціи назначенъ былъ Дмитріевъ, не имѣвшій ничего общаго съ людьми руководившими судьбой Россіи въ первые годы Александрова царствованія. Все болѣе и болѣе входилъ въ силу Аракчеевъ, а Аракчеевъ былъ во всякомъ случаѣ не галломанъ; многіе замѣчая что онъ говоритъ не иначе какъ по-русски и имѣетъ всѣ признаки русскаго помѣщика средней руки, разумѣли его даже великимъ патріотомъ.... Словомъ, въ правительствѣ и обществѣ совершалась явная реакція противъ галломаніи. Не обладая особою проницательностью можно было предвидѣть еще въ началѣ 1811 года что между Россіей и Франціей произойдетъ жестокое столкновеніе. Въ это время Шишкову пришла мысль устроить публичныя литературныя чтенія съ цѣлію просвѣщать публику на счетъ красоты „настоящей“ русской рѣчи и возбуждать въ ней національное чувство. Державинъ, Хвостовъ и Муравьевъ искренно поддерживали мысль Шишкова; первый изъ нихъ предложилъ свой домъ для предполагаемыхъ собраній, и въ октябрѣ 1810 года состоялась первая „бесѣда любителей русскаго слога“. Эти бесѣды, обставленныя довольно страннымъ образомъ, чопорныя и старомодныя, вызвали въ свое время много насмѣшекъ, но онѣ имѣли значеніе въ развитіи того настроенія которое обнаружилось у насъ послѣ Тильзитскаго мира. Въ первой изъ этихъ бесѣдъ Шишковъ прочелъ рѣчь въ которой постарался сгруппировать всѣ красоты русской поэзіи. Рѣчь вышла эффектна, и многочисленные, вліятельные по своему общественному положенію слушатели вынесли хорошее впечатлѣніе. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Шишковъ сдѣлалъ новый шагъ, имѣвшій еще болѣе успѣха: онъ написалъ и прочелъ предъ высшею петербургскою публикой *Разсужденіе о любви къ отечеству*, въ которомъ много мыслей внушено было, очевидно, современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Такъ, напримѣръ, горячо настаивая на необходимости чувства національной гордости, онъ говорилъ: „Гдѣ

любовь къ народу своему тамъ и желаніе видѣть его процвѣтающимъ, благополучнымъ, сильнымъ, превозносящимся надъ всѣми другими царствами. Тамъ всякій словами и душою не сравняетъ имени отечества своего ни съ какимъ другимъ; пользуется чужими изобрѣтеніями, произведеніями, хвалитъ ихъ, но любитъ только свои....“ „Когда одинъ народъ идетъ на другой съ мечомъ и пламенемъ въ рукахъ, откуду у сего послѣдняго возьмутся силы отвратить сію страшную тучу, сей громовый ударъ, если любовь къ отечеству и народная гордость не дадутъ ему оныхъ?...“ Признавая любовь къ отечеству основаніемъ всѣхъ лучшихъ стремленій гражданина, Шишковъ говорилъ: „Отечество требуетъ отъ насъ любви даже пристрастной, такой какую природа вложила въ одинъ полъ къ другому....“—„Но,—продолжалъ ораторъ, ближе подходя къ окружающей его дѣйствительности,—не одно оружіе и сила одного народа опасны бываютъ другому; тайное покушеніе прельстить умы, очаровать сердца, поколебать въ нихъ любовь къ землѣ своей и гордость къ имени своему есть средство надежнѣйшее мечей и пушекъ. Средство сіе медленно, однакожь вѣрно въ своихъ соображеніяхъ, и ранѣе или позже, но всегда цѣли своей достигаетъ. Мало-по-малу налагаетъ оно нравственныя узы, дабы потомъ наложить и настоящія цѣпи, зная что плѣнникъ въ оковахъ можетъ разорвать ихъ, можетъ быть еще гордъ и страшенъ побѣдителю, но плѣнникъ умомъ и сердцемъ остается всегда плѣнникомъ.“ Чтобъ устоять противъ этихъ опасныхъ прельщеній, заключалъ Шишковъ, дано намъ три средства: отечественная вѣра, воспитаніе молодыхъ поколѣній направленное къ возвышенію въ нихъ національнаго духа, и общій всему народу языкъ. Языкъ „созидаетъ славу народную; онъ же соединяетъ всѣхъ самыми крѣпкими узами. Опытами доказано что въ сопряженіи областей не составляютъ оныя совершеннаго единства тѣла и души доколѣ языки ихъ различны; и напротивъ того, самыя раздѣленныя и отторженныя одна отъ другой области, имѣющія одинъ языкъ, сохраняютъ въ себѣ нѣкое тайное единодушіе, котораго ни рука власти, ни рука времени разрушить не могутъ.“

Такова въ сущности была рѣчь Шишкова. Онъ вылилъ въ ней всю свою душу, всѣ свои убѣжденія. Но чувствуя что она можетъ не понравиться многимъ,—можетъ-быть даже самому государю,—онъ колебался прочесть ее публично. Одна-

ко онъ превозмогъ свои колебанія. „Я старался,“ говоритъ онъ въ своихъ *Запискахъ*, „читать вразумительно, ясно. Хотя за множество отвѣчать нельзя, — можетъ иные были тутъ и не совсѣмъ довольны собою,—однакожъ, казалось, возвышенная мною добродѣтель надъ всѣми вообще сильно подѣйствовала.“ Вліяніе рѣчи Шишкова оказалось даже сильнѣе чѣмъ онъ ожидалъ. Она дошла до государя и подала ему счастливую мысль воспользоваться при настоящихъ обстоятельствахъ сильнымъ и страстнымъ перомъ стараго патріота. Онъ потребовалъ его къ себѣ, и вотъ какъ Шишковъ разказываетъ свое свиданіе съ государемъ, съ которымъ онъ не видался и не искалъ видѣться въ продолженіе многихъ лѣтъ.

„Я вошелъ, и онъ говоритъ мнѣ: „Я читалъ разсужденіе ваше о любви къ отечеству. Имѣя таковыя чувства, вы можете быть ему полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ Французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ чтобы вы написали о томъ манифестъ.“ На это отвѣчалъ я: „Государь! я никогда не писывалъ подобныхъ бумагъ; это будетъ первый мой опытъ; а потому и не знаю могу ли достойнымъ образомъ исполнить сіе порученіе. Попытаюсь. Но притомъ осмѣлюсь спросить какъ скоро это надобно?“—„Сегодня или завтра,“ сказалъ онъ. „Приложу всякое мое стараніе,“ отвѣчалъ я, „но долженъ донести вашему величеству что я подверженъ головнымъ болѣзнямъ, которыя такъ иногда усиливаются что я лежу безъ движенія въ постели. Проснувшись сегодня съ сею болью, я опасаюсь чтобъ она, умножась, не лишила меня силъ исполнить въ скорости ваше повелѣніе.“—„Ежели не можете скоро,“ отвѣчалъ мнѣ государь, „то хотя дня черезъ два или три.“ Тутъ мы разстались. Я пріѣхалъ домой, избавясь отъ тревожившихъ меня мыслей. По счастію, къ вечеру головѣ моей стало легче. Я сѣлъ и написалъ манифестъ. На другой день поутру пріѣзжаю къ государю. Онъ встрѣтилъ меня словами: „Вы скорѣе исполнили нежели обѣщали.“ Я прочиталъ ему мою бумагу; онъ былъ доволенъ ею; и когда я сказалъ ему что я не очень чисто пишу, но что не смѣлъ иначе писать ее какъ моею рукой, то онъ отвѣчалъ: „Очень хорошо; оставьте ее у меня; я велю переписать.“ Послѣ сего поблагодарилъ меня и отпустилъ. На другой день пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ знакомый мнѣ сенаторъ и говоритъ: „Я сейчасъ изъ сената, гдѣ намъ читали написанный тобою манифестъ о рекрутскомъ наборѣ.“—„Почему ты знаешь,“ спросилъ я, „что онъ писанъ мною?“—„Потому,“ отвѣчалъ онъ, „что многіе узнали твою руку, а притомъ и по слогу отличающемуся отъ прежнихъ манифестовъ.“ Тутъ узналъ я что государь подписалъ ту самую бумагу которую отъ меня взялъ.“

Мысль государя воспользоваться перомъ Шишкова для объясненій своихъ съ народомъ при предстоявшихъ обстоятельствахъ была, повторяю, счастливая мысль. Война казалась уже неизбѣжною, и не имѣя ни равносильнаго Наполеону военнаго генія чтобы противопоставить ему, ни арміи равной тѣмъ которыми располагалъ императоръ Французовъ, государю предстояло не только возвѣщать народу о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, но пробудить въ немъ то живое участіе къ судьбамъ отечества, то могучее національное чувство которыя естественно не могли не задремать въ Россіи подъ вліяніемъ издавна существовавшей у насъ правительственной системы. Вѣроятно государь не помышлялъ еще предъ началомъ войны чтобы народъ могъ принять въ ней самостоятельное участіе, чтобъ ему могла принадлежать какая-либо инцiатива въ защитѣ отечества, но и тогда уже могъ онъ предвидѣть что отъ Россіи придется потребовать такихъ жертвъ, такихъ усилій на которыя неспособно чисто пассивное повиновеніе. Всѣ чувствовали что между Россіей и Франціей должно произойти неслыханное дотолѣ, исполинское столкновеніе. За годъ и болѣе до вторженія Наполеона, правительство наше получало разнаго рода меморіи и предположенія касательно наилучшаго способа веденія войны противъ грознаго завоевателя, и большинство этихъ записокъ рекомендовали систематическое отступленіе вглубь страны и основывали вѣроятности успѣха на продолжительности войны. О народной войнѣ въ нихъ еще не говорилось прямо, но для того чтобы народный духъ не поникъ отъ продолжительности отступленія армій и отъ страшныхъ опустошеній, на которыя естественно обрекалась страна вслѣдствіе занятія ея непріятелемъ, нужно было сильно возбудить этотъ духъ, нужно было побѣдить равнодушіе къ высшимъ интересамъ, бывшее неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той безучастности къ нимъ народа, къ которой онъ былъ пріученъ ходомъ исторіи. А для этого правительству необходимо было обратиться къ странѣ съ возвышеннымъ, вѣскимъ и въ то же время живымъ словомъ, съ такимъ словомъ которое нашло бы доступъ къ самымъ глубокимъ тайникамъ народнаго духа и вызвало бы изъ нихъ неодолимыя силы. Такое слово нашелъ въ душѣ своей Шишковъ, и вотъ почему мы считаемъ справедливымъ, даже послѣ многихъ годовъ его дѣятельности которымъ не сочувствуемъ., сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью Двѣнадцатаго Года.

И точно, тотъ кто перечитаетъ *Собраніе высочайшихъ манифестовъ* вышедшихъ изъ-подъ пера Шишкова, * замѣтитъ какую-то живую силу которая бьетъ изъ нихъ и которой нерѣдко лишены подобные акты другихъ эпохъ. Шишковъ былъ не правитель канцеляріи, не чиновникъ опредѣленный для писанія манифестовъ, а гражданинъ глубоко проникнутый величіемъ развивавшихся предъ нимъ событій. Люди двѣнадцатаго года не такъ давно еще сошли въ могилу; многіе еще помнятъ ихъ и они могутъ засвидѣтельствовать что современники ихъ до самой смерти своей сохранили въ памяти нѣкоторыя мѣста Шишковскихъ манифестовъ.

Къ сожалѣнію, перу Шишкова вначалѣ давалось мало упражненія. Послѣ манифеста о рекрутскомъ наборѣ подписаннаго 23го марта, до самаго объявленія о вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи (13го іюня), государь не обращался къ народу. Угрюмый, раздражительный и вовсе лишенный тѣхъ качествъ которыя способны привлекать людей,—большой недостатокъ въ публичномъ человѣкѣ,—Шишковъ съ перваго же шага по прибытіи въ Вильну отдалился отъ группы людей находившихся у кормила дѣлъ. Его инстинктивно отталкивало отъ Пфуля и Вольцогена, этихъ прусскихъ теоретиковъ которые составили планъ кампаніи какъ разрѣшаются академическія задачи, безъ всякаго вниманія къ свойствамъ страны и духу ея населенія. Недовѣрчиво смотрѣлъ онъ на Армфельда, Нессельрода, Анстета, — людей которыхъ не признавалъ Русскими.... Послѣдніе двое составили по порученію государя записку или меморандумъ для сообщенія дружественнымъ дворамъ о событіяхъ предшедшихъ разрыву съ Франціей и о характерѣ первоначальныхъ военныхъ дѣйствій. Эти господа ограничились точнымъ извлеченіемъ фактовъ изъ дипломатическихъ депешъ и поставили себѣ задачей оправдать всѣ сдѣланныя въ военномъ министерствѣ распоряженія. Но свойство этихъ фактовъ и эти распоряженія далеко не заслуживали безусловнаго одобренія Шишкова; понимая, разумѣется, что меморандумъ русскаго правительства не можетъ заключать въ себѣ критической оцѣнки собственнаго образа

* Кромѣ только манифеста о взятіи Парижа.

дѣйствій, Шишковъ былъ однакожь глубоко возмущенъ тѣмъ олимпійскимъ спокойствіемъ или, вѣрнѣе, тою канцелярскою безучастностію съ которою довѣренные дипломаты государевы составили отчетъ о событіяхъ столь великой важности, тѣмъ незлобіемъ съ которымъ они говорили о дѣйствіяхъ нашихъ враговъ и тѣмъ тономъ самодовольствія съ которымъ отзывались о распоряженіяхъ очевидно ошибочныхъ.

Тоскуя и сокрушаясь при видѣ всего что̀ его окружало и не смѣя никому ловѣрить своихъ опасеній, Шишковъ глубже и глубже уходилъ въ самого себя, и пришелъ наконецъ къ мысли которая сообщила начинавшейся войнѣ ея исключительный, величественный и грозный характеръ. Государю нечего дѣлать въ главной квартирѣ, разсуждалъ Шишковъ; онъ не командуетъ арміей и присутствіе его стѣсняетъ главнокомандующаго; его мѣсто „внутри Россіи“. Шишковъ рѣшился намекнуть о своей мысли нѣкоторымъ изъ приближенныхъ государя. Одни ее одобряли, но находили невозможнымъ привести въ исполненіе; другіе утверждали что заикнуться о ней значило бы сдѣлаться въ глазахъ государя „измѣнникомъ и предателемъ“. Это однако не остановило упрямаго старика, сильнаго сознаніемъ чистоты своихъ побужденій. Онъ взялъ перо и написалъ государю письмо, въ которомъ убѣждалъ его оставить войска „и самому отбыть отъ оныхъ ближе къ столицамъ, *для воззванія къ дворянству и народу* о вооруженіи новыхъ войскъ.“ Письмо было написано; но какъ довести его до свѣдѣнія государя? Шишковъ показалъ его Балашову, который взялъ на себя переговорить съ Аракчеевымъ. Сверхъ чаянія, этотъ преданный слуга государевъ одобрилъ оное, усмотрѣвъ что государю безопаснѣе быть въ Москвѣ и Петербургѣ чѣмъ среди войскъ,—и письмо Шишкова было доложено. Черезъ день послѣ того, государь отправился въ Москву, и здѣсь, можно сказать, положено было начало народному характеру войны Двѣнадцатаго Года. Этотъ характеръ ясно выраженъ въ двухъ воззваніяхъ: къ Москвѣ и ко всему народу Русскому. Въ первомъ сказано:

„Непріятель, вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорить любезное наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное россійское воинство готово встрѣтить и низложить его дерзость и зломысліе; однакожь, по отеческому сердоболію и попеченію нашему о всѣхъ

вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности; да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны собрать новыя внутреннія силы, первѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящей надобности какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства, этого требуетъ. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ его столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ, для совершенія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ прекращающіими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низвергнуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!“

Во второмъ манифестѣ, подписанномъ въ тотъ же день какъ и предыдущій, 6го іюля, значится между прочемъ слѣдующее:

„Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему Москвѣ, и нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ Русскій, храброе потомство храбрыхъ Славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ; со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія насъ не одолѣютъ.“

Извѣстно какъ отозвалась Россія на эти пламенныя, глубо-

ко прочувствованныя воззванія. Можно сказать что она только ожидала ихъ чтобы подняться. Уже въ Смоленскѣ, записалъ Шишковъ: „смотря на мужественный духъ и пылающее рвеніе, возродилась во мнѣ изчезавшая надежда, и я, въ восторгѣ души моей, самъ себѣ сказалъ: нѣтъ! Богъ милостивъ, Россія не погибнетъ!“

Мы не станемъ слѣдить шагъ за шагомъ, ни за ходомъ событій, слишкомъ извѣстныхъ, ни за дѣятельностью Шишкова,* которая достаточно обозначилась изъ предыдущаго. Нѣкоторыя черты изъ нея однакожь необходимы для лучшаго уразумѣнія послѣдующаго. Въ бытность Наполеона въ Москвѣ, одинъ тамошній житель успѣлъ выбраться оттуда, и прибывъ въ Петербургъ разказывалъ „ужасы“, въ числѣ которыхъ были повидимому и черты не дѣлающія чести Русскимъ. Государь поручилъ Шишкову составить на основаніи этихъ разказовъ „извѣстія изъ Москвы“. Записавъ слова Москвича, говоритъ нашъ авторъ, „я присовокупилъ къ тому разсужденія мои о поврежденіи нравовъ нашихъ отъ привязанности и подражанія тому народу который въ недавнія времена, отступя отъ Бога и вѣры, впалъ въ язычество, казнилъ своихъ царей и съ такою жестокостью поступалъ съ собственными своими соотечественниками съ какою нынѣ поступаетъ съ нами.“ „Написавъ сіе, продолжаетъ Шишковъ, подумалъ я что бумага моя не можетъ пріятна быть государю, потому что упреки сіи, если не прямо, то отчасти на него падаютъ. Мысль сія останавливала меня; но когда же, подумалъ я опять, дать ему почувствовать это какъ не при нынѣшнихъ обстоятельствахъ? Ободренный симъ размышленіемъ, рѣшился я идти къ нему; но прежде нежели началъ читать, сказалъ ему: „Государь, я не умѣю иначе говорить чѣмъ „чувствую. Позвольте мнѣ попросить васъ выслушать бумагу „мою до конца, не прерывая чтенія оной. Послѣ того сдѣлай-

---

* Считаемъ однакоже не лишнимъ замѣтить здѣсь слѣдующее: въ концѣ декабря 1812 года, говоритъ Шишковъ, былъ мною написанъ рескриптъ рижскому генералъ-губернатору маркизу Паулучи, повелѣвающій объявить жителямъ курляндскимъ благоволеніе, а нѣкоторымъ изъ нихъ, виновнымъ (въ содѣйствіи непріятелю), прощеніе. „Замѣчательно, присовокупляютъ издатели Шишкова, что это упоминаніе о рескриптѣ къ маркизу Паулучи не находится въ нѣмецкомъ переводѣ *Записокъ* (Шишкова).“

„те съ ней что вамъ будетъ угодно.“ Онъ обѣщалъ это, и я началъ читать. По окончаніи чтенія, взглянувъ на него, примѣтилъ я въ лицѣ его нѣкоторую краску и смущеніе. Онъ, помолчавъ нѣсколько, сказалъ мнѣ: „Такъ, правда; я заслуживаю сіи укоризны.“ Тутъ, стараясь сколько можно смягчить почувствованное имъ огорченіе, осмѣлился я сказать ему: „Государь! Не вы тому причиною, и едва ли въ царствованіе ваше могли отвратить сіе слишкомъ усилившееся зло, котораго „начало идетъ отъ великаго прародителя вашего Петра I. Онъ, „вмѣстѣ съ полезными искусствами и науками, допустилъ войти „мелочнымъ подражаніямъ, поколебавшимъ коренные обычаи „и нравы. Прочіе цари не останавливали сего рождавшагося „въ насъ пристрастія ко всему чужеземному, а особливо французскому. Великая Екатерина, бабка ваша, напослѣдокъ почувствовала сіе и старалась обращать насъ къ отечественнымъ доблестямъ; но то уже было поздно и требовало немалыхъ и долговременныхъ усилій.“

На эти слова и на обстоятельства по поводу коихъ они были написаны слѣдуетъ намъ обратить особенное вниманіе. Они еще разъ показываютъ намъ въ Шишковѣ человѣка который не колеблясь рисковалъ своимъ положеніемъ и благоволеніемъ къ себѣ государя когда дѣло шло о спасеніи тѣхъ началъ внѣ которыхъ онъ видѣлъ только зло, растлѣніе и гибель человѣческихъ обществъ. Въ началѣ 1813 года, за столомъ у государя, князь Кутузовъ выразилъ мнѣніе что, раздѣлавшись теперь съ французскимъ нашествіемъ, намъ не слѣдуетъ однакожъ обнаруживать непріязни ко французскому языку, французской литературѣ, французскому театру и пр. „Признаюсь, замѣчаетъ Шишковъ, описывая этотъ случай, что въ это время вся внутренность моя кипѣла отъ досады, а особливо примѣчая что государь не противорѣчилъ ему (Кутузову) и казалось во многомъ съ нимъ соглашался. Я молчалъ, не смѣя вмѣшаться въ ихъ рѣчи и чувствуя что не могъ открыть рта съ тѣмъ спокойствіемъ и равнодушіемъ какихъ царское присутствіе и образъ его мыслей требовали...“ Шишковъ ненавидѣлъ Францію и Французовъ, но не тою ненавистью которая была обща въ 1812 году почти всѣмъ Русскимъ. Онъ ненавидѣлъ ихъ и какъ враговъ отечества своего, какъ людей убивавшихъ его соотчичей и разорявшихъ родную его землю, но еще болѣе какъ людей создавшихъ

ненавистныя ему нравственно-философскія и политическія понятія. Чтобы выразумѣть до какой степени сильна была эта ненависть, слѣдуетъ прочесть манифестъ,—никогда впрочемъ не выходившій изъ портфеля Шишкова, — который онъ написалъ въ началѣ 1814 года, по поводу вступленія союзныхъ войскъ во Францію и который показывалъ лишь нѣсколькимъ близкимъ людямъ. Вотъ этотъ примѣчательный манифестъ, со значительными впрочемъ сокращеніями:

„Французы! Ежели мнимые ваши мудрецы ложными своими умствованіями не совсѣмъ васъ ослѣпили; ежели совѣсть и здравый разсудокъ не навсегда въ васъ погасли; ежели осталась въ душахъ вашихъ хотя малая искра любви къ первѣйшему достоинству человѣка, — благоправію: то конечно сами вы сознаетесь, что сколь языкъ сего къ вамъ провозглашенія ни укоризненъ для васъ, но онъ есть языкъ правды. Приведите себѣ на память дѣла свои, и да постыдится изъ васъ тотъ кто можетъ еще стыдиться. Отпадшіе отъ вѣры и богопочитанія, остроумные, но злочестивые писатели, изгнавъ изъ сердецъ вашихъ страхъ Божій, подняли въ нихъ бурю страстей, помрачившихъ умъ вашъ и погрузившихъ васъ въ бездну пороковъ и преступленій. Отселѣ всѣ безбожныя дѣла, брагоубійства, грабежъ, насиліе сдѣлались вашею пищей... Низринувъ съ престола благословенный домъ святаго Лудовика и Генриха IV, вы избрали надъ собою царемъ, или справедливѣе сказать атаманомъ, рожденнаго въ Корсикѣ простолюдина, пресосходящаго всѣхъ васъ безчеловѣчіемъ, коварствомъ и злобою. Онъ довершилъ низвергнуть васъ въ бездну злодѣйствъ и беззаконій. Онъ самовластіемъ своимъ, мучительствомъ, казнями, ужасами, заточеніями, привелъ васъ самихъ въ трепетъ, въ уничиженіе, въ рабство; онъ, раздачею раболѣпнѣйшимъ изъ васъ всякихъ почестей и чужихъ награбленныхъ имѣній, содѣлалъ васъ алчными къ завоеваніямъ и кровожадными. Вы при немъ имѣли душу безъ добродѣтели, умъ безъ разсудка, сердце безъ жалости, совѣсть безъ стыда и раскаянія; онъ увѣрилъ васъ что ноги даны вамъ на то единственно чтобъ изъ страны въ страну ходить; руки, чтобы вездѣ жечь и грабить; мечъ, чтобы всякаго убивать; разумъ, чтобъ обманывать; языкъ, чтобы лгать. Французы! измѣрьте пространство опустошенныхъ вами земель: сочтите число областей, городовъ, селъ, деревень, домовъ вами сожженыхъ, разоренныхъ, истребленныхъ, ограбленныхъ...... Какой небесный громъ можетъ наказать васъ достойно за всю пролитую вами кровь и нанесенныя бѣдствія? Истребленіе всѣхъ васъ съ лица земли не удовлетворитъ достаточно правосудія. Тщетно во всѣхъ сихъ лютостяхъ станете вы обвинять одного Наполеона. Нѣтъ! вы прежде его показали до какой степени разврата и свирѣпства безвѣріе довело нравы ваши; оно, издав-

на между вами разсѣянное, росло, распространялось и созрѣвало; оно, одержавъ надъ вами силу, изъ глубины ада изрыгало къ вамъ воспитанниковъ и любимцевъ своихъ, Маратовъ, Робеспьеровъ, и наконецъ послало Наполеона. Вы для того избирали ихъ владыками надъ собою что видѣли въ нихъ умъ самый зловреднѣйшій, сердце самое жестокое...... Итакъ, хотя въ цѣломъ и многолюдномъ царствѣ не можетъ конечно быть безъ добрыхъ и благомыслящихъ людей; но, Французы, не огорчайтесь сими упреками, разберите сами себя безпристрастно: какимъ образомъ оправдать васъ? Какимъ образомъ, при общихъ богопротивныхъ поступкахъ вашихъ, различить между вами добраго съ худымъ? праваго съ виновнымъ? Все что самая кроткая правда, смотря на дѣла ваши, заключить и сказать можетъ, есть, что народъ вашъ долженъ состоять изъ главной части отпадшихъ отъ Бога и вѣры, развращенныхъ людей, рабовъ нечестивой власти и собственныхъ своихъ страстей, и наконецъ, изъ части добрыхъ и несчастныхъ, оплакивающихъ втайнѣ стыдъ и злополучіе своего отечества...“

Этотъ манифестъ прибавляетъ яркую черту къ характеристикѣ Шишкова. Замѣтимъ что приведенныя строки были написаны не среди военныхъ тревогъ, не подъ раздражающимъ возбужденіемъ выстрѣловъ, крови, насилій, а вдали отъ театра войны, въ одномъ изъ самыхъ мирныхъ уголковъ Германіи, въ Карльсруэ, во время пользованія Шишкова отъ болѣзни. Злоба которая кипѣла въ немъ противъ Французовъ истекала слѣдовательно не изъ раздраженія которое можетъ успокоиться, а изъ убѣжденія которое все болѣе и болѣе имъ овладѣвало. Фигнеръ еще могъ бы помириться съ Французами или, по крайней мѣрѣ, забыть о нихъ: для этого ему стоило бы только не видать ихъ и не слыхать о нихъ въ продолженіе нѣкотораго времени; Шишковъ ненавидѣлъ не людей Французской націи, а распространенныя ими въ Европѣ мысли; вездѣ, слѣдовательно, гдѣ бы эти мысли ни встрѣтились ему, онѣ нашли бы въ немъ безпощаднаго врага. Можно думать что онъ сдѣлался бы страшнѣе въ Россіи чѣмъ во Франціи еслибы власть досталась ему въ руки, потому именно что онъ любилъ, горячо любилъ Россію.... Такъ точно отецъ строже относится къ сыну своему, сдѣлавшему презрѣнный поступокъ, чѣмъ къ постороннему.

Извѣстно что вскорѣ должно было наступить время когда Шишковъ былъ призванъ проводить свои убѣжденія въ сферѣ правительственной дѣятельности. Но прежде чѣмъ перейти къ этому времени отмѣтимъ одинъ случай который открываетъ еще сторону его образа мыслей, а равно и образа мыслей им-

ператора Александра. Вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, государь поручилъ Шишкову написать манифестъ съ выраженіемъ признательности всѣмъ сословіямъ Русскаго народа за ихъ участіе въ отечественной войнѣ. Въ этомъ манифестѣ возвѣщалось о ежегодномъ торжественномъ чествованіи дня избавленія Россіи отъ непріятельскаго нашествія, о дарованіи духовенству особаго наперснаго креста, дворянству и воинству—особыхъ медалей, купечеству—„благоволенія и благодарности," а мѣщанству и крестьянству объявлялось что съ нихъ не будетъ производимо въ продолженіе нѣкотораго времени рекрутскихъ наборовъ и что впрочемъ они „получатъ мзду свою отъ Бога." „Господи,—сказано было въ манифестѣ,—молю Тя, да сбудутся съ ними словеса пророка Твоего Даніила: *бразды твоя упоятся и жита твоя умножатся; поля твоя исполнятся тука; овцы будутъ многоплодни и говяда твои толсти: удолія умножатъ пшеницу, пустыни возвеселятся и холмы радостію препояшутся.*"—Государь, со вниманіемъ читавшій проектъ манифеста, одобрилъ все относившееся къ мѣщанамъ и крестьянамъ такъ же какъ и къ прочимъ сословіямъ. Онъ прочелъ безъ возраженій обѣщаніе лещись о крестьянахъ казенныхъ и усугубилъ вниманіе когда дѣло дошло до помѣщичьихъ. О нихъ Шишковъ написалъ слѣдующее: „Что жь принадлежитъ до помѣщичьихъ крестьянъ, то мы увѣрены что забота наша о ихъ благосостояніи предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ними, *на обоюдной пользѣ основанная*, русскимъ правамъ и добродѣтелямъ свойственная связь"... Здѣсь, разказываетъ Шишковъ, государь оттолкнулъ отъ себя бумагу, и весь вспыхнувъ сказалъ: „я не могу подписать того что̀ противно моей совѣсти и съ чѣмъ я ни мало не согласенъ." При этомъ онъ указалъ на слова напечатанныя курсивомъ и былъ такъ взволнованъ и такимъ рѣшительнымъ движеніемъ пера вычеркнулъ помянутыя слова что Шишковъ, при всемъ своемъ упрямствѣ и при всей своей смѣлости, не рѣшился разжать губъ.... Вотъ замѣчательный случай, доказывающій что императоръ Александръ никогда не переставалъ во глубинѣ души своей питать гуманныя чувства и что, съ другой стороны, власть повидимому неограниченная встрѣчается иногда съ таинственною оппозиціей, хотя эта оппозиція и не имѣетъ узаконенныхъ органовъ для обнаруженія своего вліянія. Съ этою таинственною оппо-

зиціей намъ придется встрѣчаться еще очень часто; она усиливалась съ каждымъ годомъ, и наконецъ совершенно связала государя, въ весьма значительной степени ослабивъ его непосредственное вліяніе на дѣла.

II.

Много было писано о высокомъ политическомъ значеніи пріобрѣтенномъ Россіей вслѣдствіе войнъ 1813 и 1814, а особенно 1812 годовъ. Намъ твердили до пресыщенія что вся Европа, не исключая и Франціи, принимала нашихъ храбрыхъ солдатъ какъ своихъ избавителей, что Парижане умилялись глядя на дикихъ Башкиръ, что выписанный въ Лондонъ какой-то казакъ былъ тамъ предметомъ восхищенія, что русскій мундиръ открывалъ двери въ самые чопорные дома европейскихъ столицъ, что вся Европа признавала русскаго государя Агамемнономъ, царемъ царей.... Все это очень хорошо мы знаемъ, и все это очень пріятно щекочетъ наше національное самолюбіе. Но намъ пріятно было бы узнать также чѣмъ былъ вознагражденъ тотъ великій подъемъ народнаго духа который спасъ Россію и освободилъ Европу? Совершилось великое и удивительное дѣло: солдаты, которыхъ содержали очень плохо, бились какъ герои въ продолженіе трехъ лѣтъ; купцы, которыхъ отнюдь не баловали губернаторы и городничіе, сносили по ихъ требованію свое золото и серебро; крѣпостные мужики, неимѣвшіе никакой собственности и которымъ слѣдовательно нечего было ни терять ни защищать, отстаивали землю облитую ихъ потомъ и слезами, какъ свою собственную драгоцѣнность,—и все это потому что царь такъ повелѣлъ, что царю такъ было угодно, что онъ обратился съ милостивымъ словомъ къ своему народу и просилъ его не щадить ни имущества, ни жизни.... Не говоримъ о дворянствѣ и духовенствѣ, какъ сословіяхъ болѣе просвѣщенныхъ и отъ которыхъ, слѣдовательно, можно болѣе требовать; но эти крѣпостные крестьяне, эти совсѣмъ еще неразвитые въ то время купцы, эти бѣдные солдаты!... Положимъ, они отстаивали свою землю, свое отечество, и за это наградъ не требуется; но весь міръ рукоплескалъ однакожъ ихъ усиліямъ; подвиги подобные тѣмъ что̀ ознаменовали 1812 годъ не совсѣмъ обыкновенны: они заставляютъ предполагать въ людяхъ ихъ совершившихъ такія солидныя качества которымъ, кажется, можно

и слѣдовало бы предоставить широкое развитіе.... Такъ казалось бы; но всѣмъ очень хорошо извѣстно что не только Русскій народъ во всемъ своемъ составѣ, но и ни одно изъ его сословій не получило въ это время никакихъ новыхъ правъ, и что напротивъ правительство тотчасъ же по окончаніи войнъ принялось исправлять народъ, водворять въ немъ „благія начала“, какъ будто прежде ихъ не усматривалось вовсе; мы видѣли что въ высочайшемъ манифестѣ, въ которомъ выражалось торжественное признаніе доблестей вѣрнаго народа, проскользнула мысль объ „обоюдной пользѣ“ происходящей какъ для помѣщиковъ, такъ будто бы и для крестьянъ отъ продолженія крѣпостнаго права. Государь выбросилъ это заявленіе „противное его совѣсти“; но отношенія между помѣщиками и крестьянами остались тѣ же что и были. Въ концѣ 1812 года, а именно 25го ноября, когда отечественная земля еще не вполнѣ была очищена отъ непріятельскихъ полчищъ, но когда въ народномъ ополченіи не было уже болѣе надобности, обнародованъ былъ рескриптъ въ которомъ ополчившіеся крестьяне приглашались сдать властямъ для окончательнаго истребленія „лютаго врага“ оружіе добытое ими изъ рукъ убитыхъ ими непріятелей. Это приглашеніе мотивировалось тѣмъ что находящееся въ рукахъ крестьянъ и ненужное имъ болѣе оружіе можетъ еще понадобиться войску „для нанесенія врагу послѣднихъ ударовъ“. Но неужели въ самомъ дѣлѣ фузеи и пистоли побывавшіе въ рукахъ у мужиковъ могли быть годны для употребленія въ регулярномъ бою! Не справедливѣе ли будетъ предположить что слово вырвавшееся въ 1812 году изъ одушевленной патріотизмомъ груди Ѳ. Н. Глинки,—*народъ проситъ воли чтобы не потерять вольности,*—стало представляться теперь грознымъ и опаснымъ призракомъ и что подъемъ народнаго духа, сдѣлавшій свое дѣло, потребовалось упразднить?

Мы не станемъ перечислять правительственныхъ мѣръ принятыхъ послѣ 1815 года, но, пользуясь обнародованными бумагами Шишкова, введемъ читателя въ лабораторію гдѣ выдѣлывалось то направленіе которое начинало все болѣе и болѣе пріобрѣтать силу. Въ 1815 году, два вѣдомства обнаружили притязаніе на отправленіе обязанности которую лѣтъ 30—35 спустя тоже два вѣдомства настоятельно отклоняли отъ себя,—обязанности орудовать цензурой книгъ и журналовъ. Генералъ Вязмитиновъ, бывшій тогда министромъ полиціи, представлялъ что это право должно принадлежать

ему, а графъ Разумовскій, находившійся во главѣ народнаго просвѣщенія, не хотѣлъ уступить ему этого особаго средства содѣйствовать просвѣщенію Россіи. Вопросъ разсматривался въ государственномъ совѣтѣ, и Шишковъ, сдѣланный членомъ совѣта, имѣлъ при этомъ случаѣ возможность высказать нѣсколько мыслей, которыя мы должны отмѣтить. Въ поданной имъ запискѣ, онъ указывалъ на книгопечатаніе какъ на орудіе коимъ одинаково могутъ пользоваться добрые и дурные инстинкты, полезныя и вредныя стремленія. При этомъ, принимая общество за нѣчто безсознательное, и присвоивая одному правительству вѣрное пониманіе вреднаго и полезнаго, Шишковъ заключалъ о необходимости правительственной цензуры. „Въ сей борьбѣ добра со зломъ (а многіе всегда готовы признать болѣе силы за принципомъ зла), перевѣсъ въ пользу того или другаго,—замѣчалъ этотъ государственный человѣкъ, — долженствовалъ быть наблюдаемъ цензурою или оцѣнкою книгъ, дабы добрыя изъ нихъ, для просвѣщенія и пользы выпускаемы, а худыя, для отвращенія могущаго отъ нихъ произойти вреда, останавливаемы были.“ Прошедшій вѣкъ, писалъ Шишковъ, ниспровергъ всѣ добрые начала, водворилъ господство зла единственно вслѣдствіе нерадѣнія правительства о томъ что̀ писалось и печаталось.... Но что̀ разумѣлъ Шишковъ подъ словомъ правительство? Въ числѣ французскихъ министровъ XVIII вѣка было много недовольныхъ направленіемъ тогдашней литературы, но было много и такихъ которые ему сочувствовали: которые же изъ нихъ должны считаться „правительствомъ?“ Въ Россіи начертаны были постановленія о цензурѣ какъ только появились въ ней первые литературные ростки, и цензура постоянно оставалась въ рукахъ правительства: однако Шишковъ былъ положительно недоволенъ ею. Графъ Разумовскій не умѣлъ направить ее? Но былъ ли бы лучше Вязмитиновъ, и *лучше* по чьему именно понятію? По понятію государя? Но государь, смѣнивъ Разумовскаго, назначилъ на его мѣсто князя Голицына, которому въ продолженіе почти десяти лѣтъ оказывалъ величайшее довѣріе, а между тѣмъ Шишковъ считалъ этого сановника первымъ врагомъ отечества и, съ помощію своихъ друзей, убѣдилъ самого государя отречься отъ тѣхъ воззрѣній которыя онъ самъ нѣкогда провозглашалъ съ высоты престола. Какія же мнѣнія надлежитъ признать наилучшими дабы имъ

однимъ только давать ходъ въ печати? Не мнѣнія ли самого Шишкова? Онъ и дѣйствительно призванъ былъ въ 1824 году чтобъ утвердить свои мнѣнія въ умахъ всѣхъ русскихъ людей; но прошло нѣсколько лѣтъ, и онъ былъ также смѣщенъ какъ Голицынъ и Разумовскій, а начертанный имъ цензурный уставъ замѣненъ новымъ... Гдѣ же благонадежный толкователь и проводникъ всесовершеннѣйшаго добра въ темную людскую массу?... А если правительственныя лица и даже правительство въ своей совокупности могутъ ошибаться, то какая же надобность подводить его подъ отвѣтственность предъ исторіей,—подъ отвѣтственность страшную, какъ утверждаетъ самъ Шишковъ, говоря о своемъ предмѣстникѣ, котораго онъ называетъ орудіемъ иллюминатовъ, развратителемъ Россіи, врагомъ церкви и престола? Не лучше ли предоставить самому обществу блюсти свои нравственныя сокровища? У него есть Евангеліе, у него есть церковь; въ каждомъ изъ его членовъ есть искра Божества....

Но возвратимся къ дѣятельности Шишкова въ средѣ государственнаго совѣта. Весною 1820 года, на разрѣшеніе этого высокаго собранія разомъ поступило пять дѣлъ касавшихся злоупотребленія помѣщичьей власти, а именно: 1) о помѣщикѣ Лупандинѣ, продавшемъ и раздарившемъ изъ принадлежавшихъ ему крестьянскихъ семействъ, подъ видомъ дворовыхъ, трехъ вдовъ и 18 дѣвокъ, 2) о помѣщикѣ Раздеришинѣ, который скупалъ малолѣтнихъ дѣвокъ и держалъ ихъ у себя „для непотребства", 3) о помѣщицѣ Полонской, которая продала дворовато человѣка съ женой и дочерью, оставивъ при себѣ другую ихъ дочь, 4) объ одномъ присутственномъ мѣстѣ которое, за долгъ на помѣщикѣ Дьяковѣ, опредѣлило продать съ публичныхъ торговъ двухъ его крѣпостныхъ безземельныхъ людей, 5) о помѣщицѣ Кирѣевой, продавшей враздробь 26 человѣкъ изъ принадлежавшей ей вотчины которую обѣщала обратить въ вольные хлѣбопашцы, но не исполнила своего обѣщанія потому что крестьяне не внесли въ срокъ всей условленной суммы (по 700 р. за душу). Всѣ эти дѣла были препровождены для соображенія съ существующими постановленіями въ коммиссію составленія законовъ, которая, находя вышеприведенные случаи противными духу нашего законодательства „и унизительными для самого человѣчества", представила проектъ закона воспрещающаго продажу крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли, а дворовыхъ людей—по одиночкѣ, то-есть раздробляя семейства; что же касается до по-

ложительныхъ законовъ, то она не нашла въ нихъ достаточно точнаго и неоспоримаго воспрещенія продажи людей враздробь и безъ земли. Съ своей стороны, департаментъ законовъ государственнаго совѣта, въ которомъ засѣдалъ Шишковъ, нашелъ косвенныя подтвержденія какъ бы узаконяющія такую продажу, и относительно проекта коммиссіи опредѣлилъ что онъ не можетъ одобрить его, ибо находилъ его „основаннымъ на умствованіяхъ не токмо съ существующими законами не сообразныхъ, но и несправедливыхъ, отъ коихъ для благосостоянія народнаго несравненно болѣе вреда нежели пользы произойти можетъ.“ Эта основная мысль была развита въ пространномъ объясненіи, аргументація коего не лишена силы, но, по счастію, лишена для насъ живаго интереса. Намъ интересно узнать только что мнѣніе изъ котораго извлечена приведенная выписка, сочинено Шишковымъ,—а почему онъ такъ энергически вступался въ это дѣло, которому, кажется, не должно бы сочувствовать его правдивое сердце, это мы узнаемъ изъ письма которое онъ написалъ государю (но по особымъ причинамъ не послалъ). „Всемилостивѣйшій государь, писалъ Шишковъ: я старъ одержимъ болѣзнями, недолгій въ здѣшнемъ свѣтѣ гость; имѣніе у меня малое; отъ рожденія моего я не продавалъ и не покупалъ ничего: итакъ, никакіе виды или страсти не могутъ меня побуждать къ защищенію одной стороны больше чѣмъ другой. Я говорилъ какъ думаю, какъ мнѣ кажется, горя единственно усердіемъ къ пользѣ и общему благу.“ И точно, нельзя сомнѣваться въ безкорыстіи Шишкова, какъ въ настоящемъ случаѣ такъ и во всѣхъ другихъ; но нельзя не замѣтить что здѣсь, какъ и во многихъ иныхъ случаяхъ, онъ умѣлъ забывать аргументы которые шли въ разрѣзъ съ его любимыми идеями. Ему извѣстенъ былъ личный взглядъ государя на дѣла подобныя тѣмъ кои подлежали разсмотрѣнію совѣта, а государь есть источникъ законодательства. Не могъ не знать Шишковъ, какъ современникъ Павла I, что при немъ было повелѣно брать подъ караулъ тѣхъ кто продастъ своихъ или наемныхъ людей въ рекруты. Какъ поклонникъ Екатерины, онъ долженъ былъ помнить что и она не дозволяла продавать людей „какъ скотину“, выраженіе которое еще Петръ I увотребилъ въ одномъ изъ своихъ указовъ.... Но все это противилось личнымъ воззрѣніямъ Шишкова. „Благоденствіе народа состоитъ въ обузданности и повиновеніи,“ сказалъ онъ въ вышепомяну-

томъ мнѣніи своемъ. Тишина которая царствуетъ въ Россіи, продолжаетъ Шишковъ, не доказываетъ ли что Россія благоденствуетъ? „На чтожь перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И откуду сіи перемѣны? Изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ гдѣ сіи волненія, сіи возбужденія, сія дерзость мыслей....“ Шишковъ не называлъ Франціи, но очевидно что грозный призракъ ея стоялъ предъ нимъ когда онъ писалъ эти строки. Вездѣ мерещилась ему эта „суемудрствующая“ страна, и—о ужасъ! — на каждомъ шагу вокругъ себя онъ встрѣчалъ людей проникнутыхъ ея ученіями! Онъ встрѣчалъ ихъ въ кругу высшихъ правительственныхъ учрежденій, даже, какъ сейчасъ увидимъ, въ государственномъ совѣтѣ. Мнѣніе его было единогласно принято его сочленами по департаменту законовъ, но встрѣтило сильныя возраженія въ общемъ собраніи. Вотъ какъ онъ самъ разказываетъ о засѣданіи въ которомъ слушано было составленное имъ мнѣніе:

„По выслушаніи онаго въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, примѣтно было что оно произвело весьма различныя впечатлѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ (членовъ) молчали, другіе съ насмѣшкою улыбались, третьи сидѣли надувшись, иные, при самыхъ сильнѣйшихъ доказательствахъ моихъ, говорили сосѣдямъ своимъ кто по-русски: *это пустое краснорѣчіе!* Кто по-французски: *ce sont des phrases!* Но многіе, однакожь (по несчастію меньше значащіе), съ чувствомъ живѣйшаго одобренія и благодарности подходили ко мнѣ и жали у меня руку, или шептали мнѣ на ухо похвалу. Между тѣмъ не послѣдовало никакого рѣшенія; сказали чтобъ оставить сіе до будущаго засѣданія. Когда же настало оное, то начали тѣмъ что прочитали толстую тетрадь содержавшую въ себѣ возраженіе противъ представленнаго департаментомъ мнѣнія. По прочтеніи сей бумаги, многіе очевидными знаками и словами одобряли оное. Тогда, не могши болѣе удерживать моей досады, спросилъ я у предсѣдателя своего (по департаменту законовъ), В. С. Ланскаго, дозволитъ ли онъ мнѣ вступиться за департаментъ (ибо по старшинству надлежало бы ему говорить)? И когда отвѣчалъ онъ мнѣ: „говори, мы вѣрно будемъ съ тобою согласны.“ Тогда подошелъ я къ предсѣдателю совѣта князю Лопухину и сказалъ громко: „Ваша свѣтлость! Коммиссія законовъ представляетъ въ департаментъ сей проектъ; департаментъ, по разсмотрѣніи онаго, находитъ его неосновательнымъ, несообразнымъ съ государственными пользами, наполненнымъ мечтательными и ложными умствованіями, разрушающими всѣ наши коренные законы и постановленія. По всѣмъ симъ причинамъ, ясно доказаннымъ и обнаруженнымъ, департаментъ „отвергаетъ его и представляетъ сужденія свои на благоусмо-

„треніе государственнаго совѣта, но прежде чѣмъ совѣтъ изъ„явитъ на то свое мнѣніе, появляется бумага, неизвѣстно „откуда внесенная, неизвѣстно кѣмъ писанная, опорочивающая безъ всякихъ доказательствъ судъ департамента. Сія „бумага неизвѣстно по какому поводу и причинамъ читает„ся въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Департа„ментъ законовъ могъ бы обличить разсѣянные въ ней не„справедливые толки и непристойныя укоризны, но онъ почи„таетъ для себя предосудительнымъ и неприличнымъ войти въ „состязаніе съ неизвѣстнымъ лицомъ, не имѣющимъ никакого „права изрекать мнѣніе свое на мнѣніе департамента: почему „я отъ лица онаго прошу вашу свѣтлость объявить намъ „кѣмъ бумага сія писана и отъ кого внесена въ государствен„ный совѣтъ?“ „Князь Лопухинъ, не могши сего торжественнаго вопроса моего оставить безъ отвѣта, сказалъ что эта бумага писана имъ самимъ и отъ него внесена въ совѣтъ. Удивясь (какъ и всякій долженъ удивиться) такому, въ семидесятилѣтнемъ старикѣ, изъ угожденія оказываемому покровительству толь вреднаго и безразсуднаго новомыслія, не имъ, но молодыми и неосновательными людьми написаннаго, отвѣчалъ я съ довольнымъ хладнокровіемъ: „Ежели такъ, то же„лалъ бы я имѣть сію бумагу, дабы какъ на частное мнѣніе „члена изъявить мое частное же мнѣніе, и готовъ просить о „томъ чтобы возраженія наши другъ противъ друга были на„печатаны и отданы на судъ цѣлаго свѣта.“ „Между тѣмъ поднялись различные толки, какъ обыкновенно бываетъ въ большихъ собраніяхъ, гдѣ всякій говоритъ свое, не выслушивая другаго, и гдѣ въ смѣси разныхъ мыслей теряется нить разсужденій. По долгомъ шумѣ и преніи, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, второе по предсѣдательствующемъ лицо, просилъ чтобъ его выслушали, и началъ рѣчь свою тѣмъ что нынѣшнее наше правительство отъ самого своего начала всегда изъявляло и поддерживало *либеральныя идеи*, во всей Европѣ принятыя, что образъ прежнихъ мыслей во многомъ измѣнился, и что въ нашемъ вѣкѣ нельзя держаться правилъ стараго времени, сдѣлавшихся смѣшными и пр. Наконецъ заключилъ тѣмъ что онъ подастъ свое мнѣніе. Выслушавъ его, сказалъ я: „Очень хорошо; въ толь важномъ дѣлѣ не худо „знать доказательства той и другой стороны; тогда я за честь „себѣ поставлю или съ мнѣніемъ вашего сіятельства согласить„ся, или сказать причины моего съ вашимъ разногласія.“

Шишковъ недоумѣвалъ какъ можетъ такой умный человѣкъ какъ графъ Кочубей не чувствовать силы аргументовъ приведенныхъ во мнѣніи департамента законовъ, и еще болѣе что семидесятилѣтній князь Лопухинъ угождаетъ „духу времени.“ Онъ былъ увѣренъ что „гдѣ правительство твердо и законы святы (вѣрнѣе было сказать *неподвижны)*, тамъ они управляютъ духомъ времени, а не духъ времени ими,“ и что

слѣдовательно коммиссія составленія законовъ, съ барономъ Розенкампфомъ во главѣ, есть шайка злыхъ революціонеровъ...

Но обратимся къ другому, несравненно болѣе важному эпизоду въ служебной дѣятельности Шишкова, къ борьбѣ его союзниковъ по убѣжденіямъ противъ князя А. Н. Голицына,—борьбѣ, въ которой онъ не игралъ первенствующей роли, но результатами которой ему пришлось воспользоваться.

III.

Никто не сомнѣвается въ Россіи, да и за предѣлами нашего отечества начинаютъ убѣждаться, что православная церковь сохранила въ чистотѣ христіанское ученіе и что она наиболѣе вѣрна преданіямъ временъ апостольскихъ; но съ другой стороны люди православіе которыхъ невозможно заподозрить не разъ публично сѣтовали на отсутствіе въ ней „духа жива,“ на преобладаніе обрядности, на отчужденность у насъ религіозныхъ интересовъ и на слабое вліяніе религіи на общественную нравственность. Ревниво охраняя чистоту церковнаго ученія, наша духовная іерархія строго преслѣдовала всякое отклоненіе отъ указанныхъ путей, но, какъ извѣстно, не успѣла предупредить тѣмъ ни многочисленныхъ, хотя и тайныхъ, отпаденій отъ православія, ни равнодушія въ дѣлѣ религіи. Эти печальныя явленія не ускользали отъ вниманія нашей духовной іерархіи, но въ средѣ своей она не находила достаточныхъ силъ чтобъ успѣшно бороться съ ними, а съ другой стороны, опасалась допустить на арену людей хотя и религіозныхъ, но защищающихъ интересы религіи не тѣмъ оружіемъ которое освящено церковными преданіями, и горько сѣтовала на свѣтскую власть за то что послѣдняя не охраняетъ дѣло вѣры мѣрами строгости. Паденіе религіознаго чувства замѣчалось въ описываемое время и въ другихъ странахъ; но тамъ на защиту религіи выступили сами общественныя силы, и рядомъ съ духовными боролись доктора не имѣвшіе священнаго сана, и вообще люди свѣтскіе, но проникнутые религіознымъ чувствомъ; въ отпоръ невѣрію и индифферентизму писались ученые трактаты, статьи, стихи и даже романы религіознаго содержанія, наконецъ учреждались общества съ цѣлію утвержденія и распространенія христіанской нравственности и религіознаго ученія. Развитіе общественныхъ силъ на пользу религіи обнаружилось всего сильнѣе, разумѣется, въ Англіи, гдѣ этимъ силамъ издавна данъ былъ полный просторъ. Тамъ образовались между прочимъ такія общества ко-

торыя стремились утвердить евангельское ученіе посредствомъ размноженія и удешевленія книгъ священнаго содержанія, и одно изъ такихъ обществъ „Британское и иностранное библейское" обратило, въ началѣ царствованія Александра, свою дѣятельность на на Финляндію и Прибалтійскій край, а въ 1811 году, прислало своего агента въ Петербургъ, гдѣ онъ вступилъ въ сношенія съ оберъ-прокуроромъ синода, княземъ А. Н. Голицынымъ, человѣкомъ весьма близкимъ къ государю. И государь, и князь Голицынъ были люди весьма религіозные и вполнѣ способные понять какимъ возвышеннымъ потребностямъ удовлетворить можетъ облегченіе способовъ для небогатыхъ людей пріобрѣтать книги священнаго содержанія. Поэтому князь Голицынъ съ жаромъ началъ содѣйствовать учрежденію въ Россіи Библейскаго Общества подобнаго англійскому и безъ труда исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе на открытіе онаго. Высшее общество, свѣтскіе и даже духовные сановники вписались въ члены Русскаго Библейскаго Общества и приступили къ исполненію составленной для него программы съ ревностью и настойчивостью какія весьма у насъ рѣдки. Открытіе его происходило въ Петербургѣ въ началѣ 1813 года. Въ теченіе перваго года оно собрало въ Россіи и за границей слишкомъ 160 тысячъ рублей, на которые были выписаны изъ чужихъ странъ и предприняты въ Россіи изданія книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, на нарѣчіяхъ употребляемыхъ русскими инославцами; собственно для православныхъ, оно предприняло изданіе Священнаго Писанія на славянскомъ языкѣ. Затѣмъ рѣшено было приступить къ изданію этихъ книгъ по-русски, такъ какъ, разумѣется, онѣ нашли бы болѣе читателей. Надъ переводомъ ихъ начали трудиться всѣ наши духовныя академіи, подъ руководствомъ самыхъ просвѣщенныхъ лицъ изъ среды православнаго духовенства, между коими достаточно назвать покойнаго митрополита московскаго (тогда еще архимандрита) Филарета. Съ 1816 года обильною струей потекли въ массу русскаго народа книги возвышающія нравственность, утверждающія религію, развивающія понятія, и струя эта усиливалась съ каждымъ годомъ. Наши соотечественники всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣроисповѣданій получили возможность пріобрѣтать за самую ничтожную плату чтеніе которое человѣчество считаетъ спасительнымъ. Библія и Евангеліе проникли даже къ магометанамъ и язычникамъ. Вообще, въ продолже-

ніе десятилѣтняго существованія Русскаго Библейскаго Общества, имъ было распродано и роздано безплатно до 700 тысячъ экземпляровъ, а дань христіанской благотворительности, собранная имъ какъ въ Россіи такъ и заграницей, простиралась почти до 3½ милліоновъ. Замѣтимъ что въ этой суммѣ немаловажною долей вошли пожертвованія Британскаго Библейскаго Общества: оно переслало Россійскому Обществу въ десятилѣтній періодъ его существованія свыше 350.000 рублей. Замѣтимъ также что въ числѣ членовъ нашего Общества были русскіе и иностранцы, духовные и свѣтскіе люди, православные, католики и протестанты. Такимъ образомъ, въ Россіи приготовлялась почва на которой, между разнообразными элементами ея населенія, могло бы исподоволь совершаться общеніе, и общеніе именно въ томъ кругѣ понятій въ которомъ оно болѣе всего и желательно, и возможно, который господствуетъ и долженъ господствовать надъ вопросами племенными, національными, государственными.... Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и въ Россіи была бы сознана во всемъ своемъ величіи религіозная свобода совѣсти—основаніе всякой свободы и двигатель истинной цивилизаціи. Существованіе Библейскаго Общества въ Россіи было кратковременно и безъ сомнѣнія имѣло нѣкоторыя странныя особенности указываемыя его историкомъ, г. Пыпинымъ; но оно носило въ зародышѣ такія начала которыя со временемъ могли бы усилить нравственное величіе Россіи, подобно тому какъ побѣды возвысили ея политическое могущество: оно расположено было, казалось, измѣнить отношенія православнаго духовенства къ расколу и усилить наше нравственное вліяніе на заграничныхъ нашихъ единовѣрцевъ: Греки требовали Евангелія изданнаго въ Россіи; Сербы начинали переводить священныя книги на свой языкъ по указанію Русскаго Общества....

Едва ли какое-либо общество развивалось у насъ такъ быстро и широко какъ Библейское, не только въ тѣ времена о которыхъ здѣсь говорится, но и въ гораздо ближайшія, когда общественныя потребности стали живѣе сознаваться и когда онѣ встрѣчаютъ менѣе затрудненій къ своему удовлетворенію. Не слѣдуетъ ли заключить изъ того что въ нашемъ обществѣ, когда оно послѣ Наполеоновскихъ войнъ пришло, такъ сказать въ себя, совершилась необыкновенно сильная реакція противъ поверхностнаго матеріализма XVIII вѣка и религіозна-

наго индифферентизма коимъ ознаменованы первые годы новаго столѣтія? Несомнѣнно что и у насъ, также какъ въ западной Европѣ, явилась потребность вѣровать и стремиться къ чему-то надземному; несомнѣнно что Библейское Общество отвѣчало живой, пробудившейся у насъ потребности, но несомнѣнно и то что главною причиной успѣховъ этого общества было покровительство со стороны государя. Благодаря этому покровительству, оно съ перваго же шага заняло, можно сказать, правительственное положеніе. Президентомъ его былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ государю людей, сановникъ, который управлялъ почтовымъ и цензурнымъ вѣдомствами и министерствами духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Естественно что на приглашеніе такого лица вписаться въ Общество, никто не отвѣчалъ отказомъ, и что первое же засѣданіе этого Общества было, по отзывамъ современниковъ, собраніемъ представителей нашей знати и высшей администраціи, свѣтской и духовной. Изъ недавно обнародованныхъ писемъ стараго мартиниста, Лопухина, видно что къ посредству Библейскаго Общества обращались въ тяжебныхъ дѣлахъ какъ къ какому-либо высшему правительственному учрежденію. * Для людей не сановныхъ, но честолюбивыхъ, сдѣлаться членомъ Библейскаго Общества значило пріобрѣсть могущественнаго покровителя; губернаторы, корпусные, дивизіонные, полковые командиры спѣшили заручиться покровительствомъ этого могучаго патрона; они употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры (едва ли всегда строго-легальныя) чтобы пріобрѣтать новыхъ членовъ для Общества, распространять его изданія и вызывать пожертвованія въ его пользу. Что касается до вѣдомствъ непосредственно подчиненныхъ князю Голицыну, то самыя видныя мѣста въ нихъ принадлежали членамъ Библейскаго Общества и людямъ раздѣлявшимъ или принимавшимъ тѣ убѣжденія которыя это Общество провозглашало: всѣ попечители учебныхъ округовъ и всѣ вліятельные люди въ министерствѣ просвѣщенія и по цензурному управленію были болѣе или менѣе ревностные піетисты. Здѣсь, можетъ-быть, слѣдовало бы сдѣлать характеристику

* По поводу духовнаго завѣщанія нѣкоего Данникова, Лопухинъ писалъ: „О немъ было дѣло у насъ въ 8-мъ департаментѣ (сената) по спору отъ наслѣдниковъ. Я только было собирался къ вамъ адресоваться по Библейскому Обществу чтобы вступиться помощью и содѣйствіемъ его въ это завѣщаніе....“ (*Р. Арх.* 1870, стр. 1235.)

тѣхъ воззрѣній которымъ покровительствовало Библейское Общество; это не представило бы большаго труда, такъ какъ въ послѣднее время обнародовано множество данныхъ для такой характеристики. Но съ образомъ дѣйствія нѣкоторыхъ изъ наиболѣе видныхъ свѣтскихъ его членовъ, напримѣръ Магницкаго, попечителя Казанскаго учебнаго округа, и Рунича, попечителя С.-Петербургскаго округа, читатели *Русскаго Вѣстника* уже знакомы изъ статей гг. Ѳеоктистова и Попова. * Въ одно время съ ихъ подвигами на педагогическомъ поприщѣ упражнялся въ области цензуры приснопамятный Красовскій, для характеристики коего мы приведемъ изъ печатаемаго нынѣ выпуска *Бесѣдъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности* двѣ оригинальныя черты. Одна изъ прекраснѣйшихъ балладъ Жуковскаго (заимствованная изъ Валтеръ-Скотта), *Смальгольмскій Замокъ*, едва не подверглась запрещенію, потому что Красовскій усмотрѣлъ въ ней кощунство и намѣреніе поколебать православіе. Далѣе, въ концѣ 1822 или въ началѣ 1823 года, забытый нынѣ поэтъ Олинъ представилъ въ цензуру *Стансы*, которые еще болѣе возмутили духъ строгаго блюстителя общественной нравственности; онъ сдѣлалъ свои примѣчанія къ нѣкоторымъ стихамъ этихъ *Стансовъ*. Мы возпроизводимъ здѣсь эти примѣчанія въ томъ видѣ какъ они приведены въ *Бесѣдѣ:*

1. „Улыбку устъ твоихъ *небесную* ловить“....

Слишкомъ сильно сказано; женщина недостойна того чтобы улыбку ее называть *небесною*.

2. „И молча *на тебѣ* свои покоить взоры“....

Тутъ есть какая-то двусмысленность.

3. „И поняла *чего* душа моя искала“....

Надобно объяснить чего именно, ибо здѣсь дѣло идетъ о *душѣ*.

4. „Что въ мнѣньи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ
Дороже для меня *вниманья всей вселенной*.“

Сильно сказано; къ тому же во вселенной есть и цари, и законныя власти, вниманіемъ которыхъ дорожить должно.

5. „О, какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши,
Безвѣстный *близъ тебя къ блаженству пріучаться*.“

Такихъ мыслей никогда разсѣвать не должно; это значитъ что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю для того толь-

* См. 1859 и 1864 года этого журнала.

ко чтобы быть всегда со своею любовницей; сверхъ сего, къ блаженству можно только пріучаться близь Евангелія, а не близь женщины.

6. „О какъ бы я желалъ *всю* жизнь тебѣ отдать!“

Что жъ останется Богу?

7. „*У ногъ твоихъ* порой для пѣсней лиру строить“

Слишкомъ грѣшно и унизительно для христіанина сидѣть у ногъ женщины.

8. „И на груди моей главу твою покоить.“

Стихъ чрезвычайно сладострастный!

9. „*Тебѣ лишь посвящать*, разлуки не страшась,
Дыханье каждое и каждое мгновенье,
И сердцемъ близь тебя, другъ милый, *обновясь*....“

Всѣ эти мысли противны духу христіанства, ибо въ Евангеліи сказано: *Кто любитъ отца своего или мать паче Мене, тотъ нѣстъ Мене достоинъ.*

Понятно что если Библейское Общество давало подобное направленіе своимъ дѣятелямъ, то ему не могли сочувствовать люди просвѣщенные хотя и религіозные, либеральные хотя и далекіе отъ якобинства. Карамзинъ и Уваровъ не хотѣли быть его членами; И. И. Дмитріевъ отзывался о немъ съ негодованіемъ. Образъ дѣйствій Магницкаго въ Казанскомъ округѣ внушалъ омерзѣніе; удаленіе изъ Петербургскаго университета нѣсколькихъ замѣчательныхъ профессоровъ не хотѣвшихъ подлаживаться подъ господствующее настроеніе, вызвало порицаніе со стороны значительной части тогдашняго общества и между прочимъ великаго князя Николая Павловича. Но сильнѣйшіе удары нанесены были Библейскому Обществу не съ этой стороны. И Уварова, и самого Карамзина можно было заподозрить въ якобинствѣ и „модной философіи“, припомнивъ *Письма русскаго путешественника*; на ропотъ общественнаго мнѣнія корифеи Библейскаго Общества отвѣчали: духъ тьмы силенъ; онъ двигаетъ горами; тѣмъ усерднѣе надо ратовать противъ него. Надъ этимъ ропотомъ они смѣялись. Но на нихъ воздвиглась гроза со стороны такихъ людей которымъ нельзя было бросить въ лицо обвиненія въ служеніи „духу тьмы“ и которые нашли слѣды этого духа въ дѣйствіяхъ самого Библейскаго Общества. Самыми опасными противниками этого Общества были многіе члены высшей православ-

ной іерархіи, а изъ свѣтскихъ людей такіе которые слѣдовали, такъ-сказать, въ качествѣ волонтеровъ подъ знаменами этой іерархіи. И точно, въ нѣкоторыхъ книгахъ переведенныхъ подъ покровительствомъ Библейскаго Общества встрѣчались мнѣнія свойственныя протестантскому ученію и отвергаемыя нашею церковью и нашими обычаями, какъ напримѣръ отрицаніе иконъ и церковныхъ преданій, протестъ противъ исключительнаго завѣдыванія со стороны духовной іерархіи дѣлами церкви и вопросами совѣсти. Свободомысліе въ дѣлѣ религіи приносило свои обыкновенные плоды: усиливая религіозное чувство, производило и отклоненіе отъ указаннаго пути, развивало духъ анализа и сектаторства. Въ Петербургѣ образовались сборища людей для религіозныхъ бесѣдъ и упражненій, и между ними были такіе самый нравственный характеръ которыхъ подвергается подозрѣніямъ, какъ напримѣръ извѣстныя собранія Татариной.

Нѣкто Смирновъ, переводчикъ Московской Медико-Хирургической Академіи, представилъ, говоритъ г. Пыпинъ, въ 1816 году доносъ на высочайшее имя обличавшій неправославіе книгъ издававшихся подъ покровительствомъ Библейскаго Общества. Книги эти по большей части были переводы изъ сочиненій тогдашнихъ мистиковъ западной Европы,—Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга, но между ними не безъ удивленія мы встрѣчаемъ извѣстное сочиненіе Шатобріана *Les Martyrs*, сдѣлавшееся тоже предметомъ непріязни нашего ревнителя религіозной чистоты. „Не попусти,“ восклицалъ Смирновъ, обращаясь къ государю, „не попусти въ богоспасаемой Россіи владычествовать завѣту беззаконниковъ! Съ вѣрою къ Богу исчезнетъ вѣрность и къ гражданскимъ уставамъ.... Появленіе богоотступныхъ и возмутительныхъ книгъ пронзаетъ горестію сердца благомыслящихъ твоихъ подданныхъ.“ Вотъ какъ смотрѣла часть русскаго духовенства, въ согласіи съ которою, безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ Смирновъ, на книги распространяемыя Библейскимъ Обществомъ! Появленіе въ русскомъ переводѣ (1816) сочиненія Юнга-Штиллинга *Побѣдная пѣснь или истолкованіе Апокалипсиса* смутило даже одного изъ наиболѣе видныхъ членовъ Общества, архимандрита Иннокентія, ректора Петербургской семинаріи. Тогдашній ректоръ Петербургской Духовной Академіи Филаретъ, въ послѣдствіи митрополитъ московскій, говоритъ его біографъ, г. Сушковъ, тоже находилъ въ ней про-

тестантское направленіе. На эту книгу вышеупомянутый Смирновъ написалъ возраженіе подъ заглавіемъ, заимствованнымъ изъ апокалипсическаго символизма: *Вопль жены облеченной въ солнце.* По представленіи его въ духовную цензуру, Иннокентій, бывшій цензоромъ духовныхъ книгъ, хотѣлъ пропустить это сочиненіе, и отказался отъ своего намѣренія лишь вслѣдствіе убѣжденій Филарета, чтобы „не производить напраснаго волненія"; но вскорѣ, раздраженный нѣкоторыми статьями *Сіонскаго Вѣстника,* горячо ратовавшаго въ духѣ Библейскаго Общества, обратился съ письмомъ къ князю Голицыну, въ которомъ укорялъ его за покровительство вреднымъ книгамъ и совѣтовалъ „залѣчить раны которыми онъ самъ уязвилъ церковь". Выходка ревностнаго инока осталась тогда безъ послѣдствій, но въ 1818 году, за дозволеніе напечатать книгу обличавшую неправовѣріе мистиковъ и „духъ правленія того времени", онъ получилъ назначеніе которое, по общему мнѣнію, было равнозначаще почетной ссылкѣ. Что же касается до самой книги, носившей заглавіе *Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души* и горячо принятой подъ защиту противниками князя Голицына то она была запрещена и экземпляры ея отобраны не только у книжныхъ продавцовъ, но и у частныхъ лицъ успѣвшихъ ее купить.

Мѣры вызванныя появленіемъ этой книги были представлены министромъ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія на предварительное высочайшее воззрѣніе. Книга эта, писалъ князь Голицынъ въ своемъ докладѣ, противопоставляетъ наружную церковь внутренней, защищая необходимость послѣдней; но такое раздѣленіе не имѣетъ смысла, ибо „наружная безъ внутренней церкви есть тѣло безъ духа". Притомъ, замѣчалъ князь Голицынъ, самое понятіе автора (Станевича) о *церкви* неправильно, ибо въ его книгѣ „гдѣ говорится о *церкви,* вездѣ видно что одно духовенство принимается за оную". Эти два замѣчанія о сочиненіи сильно одобряемомъ нашею духовною іерархіей очень замѣчательны. Не упрекаютъ ли и теперь русскую церковь въ томъ что обрядность прикрываетъ въ ней недостатокъ внутренняго содержанія, а духовенство наше въ томъ что оно не составляетъ одной духовной общины съ мірянами и старается устранить всякое ихъ участіе въ церковныхъ дѣлахъ? Но потому-то что нѣкоторыя черты книгъ издаваемыхъ подъ покровитель-

ствомъ Библейскаго Общества были вѣрны и мѣтки, оно и возбуждало противъ себя вражду. Съ другой стороны, сатирическія выходки противъ ученія господствующей церкви едва ли можно признать умѣстными въ устахъ людей власть имѣющихъ, а таковыми нельзя не считать авторовъ и переводчиковъ находившихся подъ покровительствомъ Библейскаго Общества, которое было, какъ уже сказано, почти правительственнымъ учрежденіемъ. Такимъ образомъ выходило что офиціальный характеръ этого Общества, такъ много послужившій къ его развитію, отнималъ у него силу происходящую отъ свободнаго заявленія своихъ воззрѣній. Оберъ-прокуроръ Синода очутился въ рѣшительномъ разладѣ съ значительнѣйшею и вліятельнѣйшею частію православнаго духовенства.... Опальный Иннокентій сдѣлался предметомъ сочувствія со стороны православной іерархіи, и наиболѣе смѣлые изъ ея среды не хотѣли даже скрывать этого сочувствія.

Таковъ былъ Фотій архимандритъ Юрьева монастыря,—человѣкъ, въ которомъ суровый аскетизмъ и пламенное религіозное вдохновеніе страннымъ образомъ совмѣщались съ хитростью и особаго рода тщеславіемъ. Постникъ и врагъ всякаго мудрствованія въ дѣлахъ вѣры, онъ, будучи еще молодымъ монахомъ и законоучителемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, горячо возставалъ противъ направленія Библейскаго Общества, противопоставляя ему ученіе и преданія православной церкви. Смѣлость его филиппикъ противъ мнѣній которымъ слѣдовали вліятельнѣйшіе люди и которымъ завѣдомо покровительствовалъ государь, внушили къ нему высокое уваженіе графинѣ Орловой-Чесменской, одной изъ вліятельнѣйшихъ и богатѣйшихъ женщинъ того времени. Она поселилась близь Юрьева монастыря, сдѣлала его настоятеля своимъ руководителемъ и наставникомъ, отдала въ его распоряженіе все свое несмѣтное состояніе. Въ ней, а также въ особѣ графа Аракчеева, Грузинская вотчина котораго находилась недалеко отъ Юрьева монастыря, онъ пріобрѣлъ не только почитателей, но и покровителей, которые, какъ скоро увидимъ, доставили ему случай играть и политическую роль. Не имѣя обширной учености, какою отличаются нѣкоторые высшіе сановники нашей церкви, онъ обнаруживалъ однако на людей набожныхъ весьма сильное вліяніе твердостію своихъ убѣжденій и тѣмъ рѣзко повелительнымъ тономъ который невольно озадачиваетъ. Многіе считаютъ Фотія

лукавымъ обманщикомъ, а страстную его набожность ханжествомъ, прикрывавшимъ исполинское властолюбіе. Такія предположенія дѣлать весьма легко, но весьма трудно подкрѣпить ихъ серіозными данными, ибо для глубокаго психологическаго изслѣдованія надъ Фотіемъ не имѣется еще въ виду достаточнаго матеріала. Скорѣе можно думать, кажется, что это былъ энтузіастъ считавшій себя призванымъ къ великимъ духовнымъ подвигамъ. Такъ онъ предпринялъ обращеніе одного свирѣпаго раскольника и, по крайней мѣрѣ на время, побѣдилъ и обратилъ его силой слова и кротости; такъ онъ нерѣдко пробовалъ свои силы „надъ бѣсноватыми" и, говорятъ, имѣлъ иногда успѣхъ, а иногда сильно и компрометтировалъ себя, какъ напримѣръ съ авантюристкой извѣстною подъ именемъ Фотины. * Можно допустить, конечно, что и человѣкъ не

* Однажды явилась къ Фотію молодая женщина и объявила что она одержима бѣснованіемъ. Фотій охотно принялся за этого субъекта и съ удовольствіемъ замѣтилъ что послѣ нѣкоторыхъ съ его стороны заклинаній „духъ" завопилъ страшнымъ голосомъ „выйду, выйду"! Паціентка упала безъ чувствъ, и очнулась исцѣленною. Фотій заинтересовался ею, вопреки предостереженіямъ графини Орловой, которая тотчасъ угадала въ мнимой бѣсноватой авантюристку; она убѣждала его не компрометтировать своей репутаціи сношеніями съ этою подозрительною особой; но Фотій не послушалъ ея; Фотина была помѣщена вблизи монастыря, и до того предалась набожности что ей являлись видѣнія,—такъ по крайней мѣрѣ говорила она сама. Фотій посылалъ присматривать за ней своего довѣреннаго келейника (оказавшагося однако обманщикомъ), и тотъ увѣрялъ его что въ комнатахъ Фотины видѣнъ какой-то необыкновенный свѣтъ и что стоя на молитвѣ, она какъ бы отдѣляется отъ земли. Фотій убѣдился что онъ совершилъ чудо и что исцѣленная имъ женщина есть „сосудъ Божій". Въ числѣ различныхъ бывшихъ ей откровеній она увѣрила его что необходимо созывать въ монастырь на вечернія молитвы живущихъ вблизи дѣвицъ, одѣвъ ихъ въ особые хитоны,—и Фотій кликнулъ кличъ къ окрестнымъ крестьянкамъ, далъ имъ хитоны, и когда случалось что на дворѣ было ненастье, дозволялъ имъ оставаться въ монастырскихъ стѣнахъ до утра. Такое непозволительное нарушеніе монастырскихъ уставовъ надѣлало, какъ и предвидѣла графиня Орлова, большихъ непріятностей Фотію, который и самъ убѣдился въ послѣдствіи что Фотина его обманывала, узнавъ что она вышла за мужъ за какого-то кучера. Вышеупомянутый случай съ раскольникомъ заключался въ слѣдующемъ. Въ началѣ двад-

сильно проникнутый вѣрой въ чудесное прибѣгаетъ къ поддѣлкамъ подъ оное съ тѣмъ чтобы подѣйствовать на воображеніе массы: но такой человѣкъ долженъ быть въ подобныхъ случаяхъ осторожнѣе чѣмъ былъ Фотій. Впрочемъ отнюдь нельзя отрицать ни хитрости, ни коварства въ сношеніяхъ Фотія съ людьми, и особенно вліятельными. Таково было его поведеніе въ отношеніи князя Голицына. Въ 1819 году, онъ, какъ сказано, выражалъ участіе опальному Иннокентію и сурово отзывался о направленіи Библейскаго Общества, но три

цатыхъ годовъ привезенъ былъ въ Петербургъ донской казакъ Котельниковъ, издавшій какую-то протестанскаго духа книгу,—фанатикъ-сектаторъ. О немъ заговорили въ Петербургѣ, и потому графъ Аракчеевъ велѣлъ привести его изъ острога къ себѣ въ домъ, гдѣ находились митрополитъ Серафимъ и Фотій. Они вступили въ бесѣду съ одичалымъ казакомъ, старались обратить его, но тотъ отвѣчалъ имъ ругательствами и говорилъ что радъ принять всякія муки за правду, вслѣдствіе чего его хотѣли было запереть навсегда въ крѣпость; Фотій выпросилъ однако чтобы предоставить ему еще разъ сдѣлать надъ нимъ опытъ своихъ увѣщаній. Послѣ нѣкоторыхъ противорѣчій, согласились на его представленіе. Онъ заперся съ нимъ въ келіи. Первый разговоръ ихъ, пишетъ Шишковъ, былъ такой, что есаулъ, приведенный къ нему прямо изъ тюрьмы, въ грязной, вшивой рубашкѣ, началъ на кроткіе его вопросы отвѣтствовать гнѣвомъ и бранью. Фотій напротивъ снималъ съ него вши, и при всякомъ бранномъ отъ него словѣ, обнималъ его и цѣлуя говорилъ: „вотъ ты „сердишься, а я нѣтъ; ты на меня досадуешь, а мнѣ тебя только жаль: „изъ одного этого уже видно что моя сторона правѣе твоей. Я не „прошу тебя чтобы ты мнѣ вѣрилъ, но для чего намъ съ кротостью „не выслушивать другъ друга?“ Есаулъ нѣсколько укротился, но первое ихъ свиданіе нисколько на него не подѣйствовало. Узнавъ объ этомъ, почитатели Фотія убѣждали его чтобъ онъ, оставаясь наединѣ съ такимъ отчаяннымъ изувѣромъ, остерегался, ибо, по ихъ мнѣнію, Котельниковъ могъ тайно принести съ собою оружіе и и убить его. „Чтожь, продолжаетъ Шишковъ, онъ на другой день сдѣлалъ? Велѣлъ накрыть столъ, посадилъ съ собой есаула и говоритъ ему: „Опасаются что ты можешь меня зарѣзать; ножикъ „лежитъ предъ тобой, но я этого не боюсь. Безъ воли Божіей ты „сего не сдѣлаешь, и Богъ тебя не допуститъ поднять руку на „того кто тебѣ добра желаетъ. Скажи, приходитъ ли тебѣ на мысль „убить меня?“ Есаулъ, мужичище дородный, взглянулъ съ удивленіемъ на худощаваго своего собесѣдника и твердымъ голосомъ ему отвѣчалъ: „Нѣтъ, не убью.“ „Ну, такъ станемъ же продолжать наши разговоры“, сказалъ Фотій.“

года спустя сблизился съ президентомъ этого Общества и велъ съ нимъ дѣятельную переписку. „Мы съ нимъ часто переписываемся, и назиданіе большое отъ него получаю“, писалъ князь почитательницѣ Фотія графинѣ Орловой. Что̀ именно писалъ къ нему Фотій—неизвѣстно, потому что письма послѣдняго еще не получили гласности; но изъ преданныхъ гласности писемъ князя Голицына видно что строгій духовникъ графини Орловой дозволилъ ему называть ее „сестрою о Христѣ“. Эти письма, относящіеся къ 1822 и 1823 годамъ, проникнуты глубочайшимъ благоговѣніемъ къ юрьевскому архимандриту: „Отче преподобне Фотій, читаемъ мы въ одномъ изъ помянутыхъ писемъ, большое писаніе твое о мірѣ Божіемъ я прочелъ: сіе писаніе есть чрезвычайное, исполненное духа и помазанія Господня“... „Надѣюсь что молитвами вашими о мнѣ грѣшномъ и моимъ желаніемъ пламеннымъ полюбить Бога въ Іисусѣ Христѣ, Онъ когда-нибудь,—и въ то время когда будетъ Его святая воля,—пошлетъ и мнѣ оной (любви), хотя не въ такой полнотѣ, но хоть каплю, которую я просить Его же буду чтобы послалъ мнѣ способъ сохранить ее; а сія капля можетъ притянуть другую, отецъ же Фотій, *по любви своей ко мнѣ*, попроситъ и восполнитъ недостатокъ мой своимъ преизбыткомъ“.... Такъ не пишутъ честные люди, какимъ былъ Голицынъ, къ тѣмъ которыхъ считаютъ своими врагами. Еще въ концѣ 1823 года, Фотій при одномъ торжественномъ богослуженіи употреблялъ крестъ полученный отъ князя,—а между тѣмъ, сдѣлавшись извѣстнымъ государю чрезъ покровителей своихъ, онъ велъ съ нимъ „о дѣлахъ вѣры и отечества“, еще лѣтомъ 1822 года, бесѣды, коими подрывалъ положеніе министра духовныхъ дѣлъ и содержаніе коихъ скрывалъ отъ послѣдняго. Нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ сдѣлались достояніемъ исторіи и будутъ далѣе переданы читателю, а теперь намъ надо обратиться къ другому лицу, игравшему первостепенную роль въ изучаемыхъ нами событіяхъ. Это лицо былъ Аракчеевъ.

Изслѣдователи занимавшіеся прежде меня этими событіями говорятъ объ участіи въ нихъ Аракчеева гадательно. Причиной этого отчасти то что имъ неизвѣстны были нѣкоторые обнародованные въ самое послѣднее время историческіе матеріалы, не оставляющіе мѣста сомнѣнію, а отчасти, кажется, и то что Аракчеевъ дѣйствовалъ съ меньшею откровенностію чѣмъ его политическіе единомышленники. Фотій, Шишковъ, Сера-

фимъ, Магницкій были открытыми бойцами въ дѣлѣ которое они почитали справедливымъ и служили ему словомъ и дѣломъ; первые двое говорятъ о своемъ участіи въ немъ, въ оставленныхъ ими автобіографическихъ запискахъ, какъ о важной съ своей стороны заслугѣ на благо церкви и отечества; Фотій молился объ успѣхѣ своихъ дѣйствій и приписывалъ вдохновенію свыше совѣты которые онъ подавалъ государю; Шишковъ, съ добросовѣстностію которая до нѣкоторой степени обезоруживаетъ судъ исторіи, сохранилъ для потомства всевозможные обвинительные акты противъ самого себя. Такой честности убѣжденій мы не находимъ въ Аракчеевѣ. Можетъ-быть, не увѣренный въ окончательномъ торжествѣ надъ Голицынымъ, онъ опасался компрометтировать себя и сберегалъ возможность примириться съ нимъ. Можетъ-быть также онъ опасался выйти изъ той роли пассивнаго, *повидимому*, исполнителя государевой воли, которой онъ съ такимъ успѣхомъ держался всю свою жизнь. Можетъ-быть, наконецъ, что для этого мрачнаго, сосредоточеннаго, властолюбиваго человѣка, дѣло въ которомъ Фотій и Шишковъ видѣли спасеніе Россіи представлялось лишь вопросомъ о низверженіи князя Голицына и о личной побѣдѣ надъ нимъ. Послѣднее предположеніе весьма позволительно, потому что въ многочисленныхъ разсѣянныхъ объ Аракчеевѣ извѣстіяхъ мы не находимъ ни малѣйшаго намека чтобъ его осѣнила когда-нибудь истинно-государственная, возвышенная мысль, чтобъ онъ выразилъ малѣйшую заботливость о благѣ общемъ. Въ оригинальныхъ автобіографическихъ отмѣткахъ, сдѣланныхъ имъ на экземплярѣ Евангелія и напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ*, онъ тщательно обозначилъ дни полученія имъ наградъ и повышеній по службѣ, посѣщеній Грузина государемъ, и затѣмъ не нашелъ ни въ душѣ своей, ни въ совершавшихся предъ нимъ событіяхъ ничего достойнаго упоминанія. Впрочемъ невозможно не признать за нимъ многихъ второстепенныхъ качествъ: замѣчательнаго трудолюбія, тѣмъ болѣе заслуживающаго вниманія, что оно встрѣчалось рѣдко въ сановникахъ его времени, исправности, точности, безкорыстія, безпристрастія въ отношеніи подчиненныхъ. Несомнѣнно также что онъ былъ лично преданъ государю, но не какъ главѣ народа и его вѣнчанному представителю, а какъ своему „благодѣтелю“; поэтому его преданность не имѣла ничего общаго съ преданностью Петру I князя

Якова Долгорукова и не внушаетъ къ себѣ большаго сочувствія. Показывая одному посѣтителю свой Грузинскій домъ, наполненный, какъ извѣстно, всякаго рода воспоминаніями объ Александрѣ, онъ остановился предъ небольшимъ ящикомъ съ нѣсколькими особаго вида пулями и объяснилъ что сохраняетъ ихъ въ память того что государь сказалъ ему по поводу ихъ „ты глупъ"....

Такимъ образомъ даже наилучшія качества Аракчеева, совершенно лишенныя благородства и возвышенности, носятъ на себѣ печать вульгарности. Но если такъ, то какимъ образомъ объяснить себѣ необыкновенную привязанность къ нему императора, въ которомъ и самые недостатки проистекали большею частію изъ возвышенныхъ источниковъ и носили печать изящества? Великими его заслугами? но Аракчеевъ занималъ весьма недолго такія должности въ которыхъ могъ приносить непосредственную пользу: въ 1803 году онъ сдѣланъ былъ инспекторомъ артиллеріи, а въ 1808 военнымъ министромъ; въ 1810 онъ оставилъ этотъ постъ чтобы занять почетное, но не особенно вліятельное, повидимому, мѣсто предсѣдателя военнаго департамента въ государственномъ совѣтѣ. Казалось бы, въ этомъ званіи Аракчееву не было повода находиться безотлучно при государѣ; но, какъ извѣстно, онъ почти не покидалъ его и принималъ самое непосредственное, хоть и негласное участіе въ дѣлахъ. При началѣ войны 1812 года, отмѣтилъ Аракчеевъ въ помянутой автобіографіи своей, „призвалъ меня государь къ себѣ и просилъ чтобы я опять вступилъ въ управленіе военныхъ дѣлъ, и съ онаго числа (17го іюня) вся французская война шла чрезъ мои руки, *всѣ тайныя донесенія* и собственноручныя повелѣнія государя императора." За это негласное, но дѣятельное участіе въ событіяхъ приведшихъ русскую армію въ Парижъ, государь хотѣлъ сдѣлать Аракчеева фельдмаршаломъ, но Аракчеевъ отклонилъ эту высокую награду, предпочитая свое неофиціальное положеніе у источника дѣлъ. Учрежденіе военныхъ поселеній значительно расширило кругъ его видимой дѣятельности, но единственно вслѣдствіе исключительныхъ условій которыми эта обязанность была обставлена. Аракчеевъ имѣлъ доступъ къ государю по дѣламъ не имѣвшимъ ничего общаго съ его официальнымъ положеніемъ. Изъ писемъ графа Ростопчина, недавно напечатанныхъ, видно что черезъ него между прочимъ восходили къ государю доклады по управленію Москвы; Аракчеевъ нынѣ (1815)

„душа всѣхъ дѣлъ“, писалъ Ростопчинъ. Карамзинъ, пріѣхавъ въ Петербургъ съ первыми томами своей исторіи, былъ принятъ государемъ лишь послѣ того какъ онъ сдѣлалъ визитъ Аракчееву; задумавъ просить отпуска, Сперанскій, находившійся губернаторомъ въ Пензѣ, счелъ нужнымъ обратиться къ его благосклонному ходатайству; Шишковъ испрашивалъ усиленія штатовъ для Россійской Академіи чрезъ Аракчеева; будучи уже министромъ просвѣщенія, онъ проситъ все его же, Аракчеева, похлопотать о разрѣшеніи издавать газету Булгарину, которымъ патріархъ славянофиловъ особенно интересовался. Вездѣ мы находимъ Аракчеева; всѣ нити управленія сходятся въ его рукѣ, онъ орудуетъ всѣми дѣлами, всѣми интересами. По его указанію, Канкринъ назначенъ министромъ финансовъ, Серафимъ — петербургскимъ митрополитомъ, а Шишковъ министромъ просвѣщенія. Какъ объяснить себѣ такое обширное, разнообразное вліяніе? Личнымъ довѣріемъ государя, увѣренностью въ преданности его своей особѣ? Эта причина дѣйствительно существовала, и одно обстоятельство даетъ поводъ думать что она была даже сильнѣе чѣмъ вообще полагаютъ. Аракчеевъ, служа въ гатчинскихъ войскахъ, успѣлъ пріобрѣсть расположеніе и довѣренность императора Павла. Вступивъ на престолъ, государь вызвалъ его немедленно въ Петербургъ, „и когда я, разказывалъ въ послѣдствіи Аракчеевъ, весь въ пыли явился къ императору, онъ меня принялъ самымъ ласковымъ манеромъ, сказалъ: служи мнѣ вѣрно, и взявъ меня за руку, подвелъ къ Александру, положилъ мою руку въ его руки и сказалъ: будьте друзьями.... И мы всегда были друзьями“, заключилъ Аракчеевъ, разказывая это происшествіе. Въ самомъ дѣлѣ, на впечатлительную душу Александра могло глубоко подѣйствовать это завѣщаніе отца, воспоминаніе о которомъ всегда отзывалось въ ней съ болѣзненною силой. Аракчеевъ же съ своей стороны, безъ сомнѣнія, не упускалъ отъ времени до времени освѣжать это воспоминаніе, ударяя притомъ на непроизвольную отлучку свою изъ Петербурга во время послѣднихъ дней жизни Павла Петровича.... Это обстоятельство можетъ показаться не очень значительнымъ въ глазахъ людей живущихъ исключительно умомъ, но Александръ I жилъ и сердцемъ. Еслибъ Аракчеевъ находился въ Петербургѣ около 12го марта 1801 года, многое могло бы не случиться, думалъ можетъ-быть Але-

ксандръ, и находилъ въ этомъ соображеніи причины держать его при себѣ безотлучно.

Увѣренность государя въ преданности Аракчеева своей особѣ, какъ его благодѣтелю и сыну его благодѣтеля, — вотъ въ чемъ заключалось, кажется, основаніе могущества и вліянія на самого государя этого человѣка. Быть призваннымъ охранять императора Александра, — вотъ, повидимому, чего онъ добивался и на что промѣнялъ онъ портфель военнаго министра. Къ этому довѣренному посту онъ пробился впрочемъ не вдругъ. При образованіи министерства полиціи, завѣдываніе онымъ возложено было на Балашова, а послѣ него этимъ министерствомъ управлялъ Вязьмитиновъ, до 15го октября 1819 года, то-есть до минуты своей смерти. 4го ноября послѣдовалъ указъ объ упраздненіи министерства полиціи, но уничтожены ли были всѣ тѣ обязанности которыя должны естественно лежать на сановникѣ на котораго спеціально возлагалось „охраненіе внутренней безопасности“ государства, наблюденіе за необращеніемъ въ публикѣ книгъ съ вреднымъ направленіемъ и выдача свидѣтельствъ частнымъ людямъ о благонадежности ихъ образа мыслей?... * Мы видѣли что доносъ или, скромнѣе, жалоба Смирнова на распространеніе неправомыслія былъ адресованъ на имя государя: неужели съ 1819 года подобныхъ бумагъ не принимали? Это и невѣроятно и опровергается фактически; мы будемъ еще нерѣдко имѣть случай видѣть такія бумаги. Кто же представлялъ ихъ государю? Не знаемъ всѣ ли, но многія получались чрезъ Аракчеева. При этомъ обязанность его состояла, безъ сомнѣнія, не въ одномъ только пассивномъ доставленіи государю подобныхъ бумагъ. Онъ долженъ былъ ихъ прочитывать предварительно, собирать свѣдѣнія о предметахъ коихъ онѣ касались,—а онѣ могли касаться всѣхъ вѣдомствъ и управленій, всѣхъ сторонъ государственной и народной жизни,—и компетентнымъ образомъ докладывать о нихъ государю. Въ рукахъ такого неутомимаго и ловкаго человѣка какъ Аракчеевъ этого достаточно было чтобы захватить всю власть и всевозможное вліяніе.

Необходимо обратить при этомъ вниманіе на обстоятельства которыя исключительнымъ образомъ благопріятствовали страшному развитію могущества Аракчеева въ той части его дѣятельности которая, будучи не гласною, вообще ускользала доны-

* См. *Полн. Собр. Зак.* № 24.687.

нѣ отъ изслѣдователей. Мы замѣтили въ Шишковѣ недовѣріе къ добрымъ инстинктамъ въ современномъ ему обществѣ; въ Аракчеевѣ это недовѣріе было несравненно болѣе сильно и обще. Шишковъ находился въ разладѣ съ современностью, за то онъ сочувствовалъ многому въ прошедшемъ; но сочувствовалъ ли чему-нибудь Аракчеевъ въ прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ, этого никто не рѣшится утверждать. Чтобы сочувствовать минувшему нужно знаніе, котораго у него не было, а чтобы перенести свои идеалы въ будущее, нужно вопервыхъ быть способнымъ имѣть идеалы; Аракчеевъ же былъ совершенно къ тому неспособенъ, какъ по недостатку развитія, такъ и за неимѣніемъ какого бы то ни было энтузіазма. Природа наказала его умомъ мрачнымъ, безпокойною подозрительностью, печальною способностью подмѣчать однѣ темныя стороны человѣчества. При такихъ свойствахъ, мы легко вообразимъ какого рода картины о состояніи Россіи предлагалъ онъ ежедневно государю, сдѣлавшись *очами и ушами государевыми!* Иныхъ картинъ не рисовало ему собственное воображеніе; но позволительно думать что онъ еще усиливалъ ихъ тѣни. Съ глазу на глазъ говорить человѣку, государю или частному лицу, все равно: „Ты не имѣешь преданныхъ тебѣ людей; за добро которое ты дѣлаешь, тебѣ платятъ неблагодарностью; величіе которое за тобою признаютъ чужіе отрицаютъ твои ближніе; не довѣряйся никому,—все что̀ тебя окружаетъ есть ложь, коварство и эгоизмъ,“ говорить такимъ образомъ не значитъ ли давать выразумѣть: „Я одинъ тебѣ преданъ, я одинъ полонъ благодарности къ тебѣ, я одинъ признаю твои благія намѣренія и горжусь твоею славой; я, съ опасностію для самого себя и подъ бременемъ всеобщей за то ненависти, соблюду твою драгоцѣнную особу. Положись на меня, на одного меня!“ При этомъ Аракчеевъ могъ отъ времени до времени напоминать государю что онъ находился въ непроизвольномъ удаленіи изъ Петербурга во время неожиданной кончины императора Павла и что безъ этого удаленія многое не случилось бы... Скажутъ что я преувеличиваю, что самъ слишкомъ черными красками очерчиваю фигуру Аракчеева? Но возьмемъ и разсмотримъ нѣсколько эпизодовъ изъ его времени.

Предъ нами только что изданныя г. Богдановичемъ, извлеченныя изъ офиціальныхъ документовъ, извѣстія о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку. Это былъ прекраснѣйшій

полкъ во всей русской арміи, и государь имѣлъ къ нему особенную привязанность. Съ своей стороны, „Семеновцы, обожая своего августѣйшаго шефа, видѣли въ немъ идеалъ и старались подражать ему. Офицеры, люди лучшихъ фамилій, соединенные дружбой и товариществомъ, основанными на взаимномъ уваженіи, занимались большею частію серіознымъ чтеніемъ, или обучали грамотѣ своихъ солдатъ и лишь изрѣдка посѣщали общество...“ „Каждый изъ служащихъ въ полку, дорожа званіемъ *Семеновца*, смотрѣлъ нѣсколько свысока на прочія войска. Ни на ученьи, ни въ казармахъ неслышно было не только брани, но и крупнаго слова; о тѣлесномъ наказаніи не могло быть и рѣчи. Одежда и пища солдатъ были лучше нежели въ другихъ полкахъ...“ „Генералъ-адъютантъ Потемкинъ (полковой командиръ), рыцарь въ душѣ, храбрый офицеръ, джентльменъ въ полномъ значеніи этого слова, поддерживалъ облагороженное положеніе своего полка, которому едва ли можно было найти подобный примѣръ во всей Европѣ. Ласковое его обращеніе съ подчиненными нисколько не вредило дисциплинѣ, и Семеновскій полкъ по фронту ни въ чемъ не уступалъ прочимъ полкамъ гвардіи.“ Такъ выражается одинъ изъ авторитетовъ нашихъ по предмету военной исторіи. Но мрачный взглядъ Аракчеева усматривалъ въ облагороженномъ положеніи семеновскихъ офицеровъ и солдатъ какія-то темныя опасности. „Надо выбить дурь изъ головъ этихъ молодчиковъ“, говорилъ онъ и, извѣстными ему путями, добился не только удаленія Потемкина, но и назначенія на его мѣсто человѣка который съ увлеченіемъ принялся низводить Семеновскій полкъ до общаго уровня. „Sans être grand rosseur il eut le talent de se faire plus détester du soldat que s'il l'eut assommé“,—такъ охарактеризовалъ полковника Шварца одинъ весьма умный современникъ. Со времени его назначенія „не проходило въ полку ни одного ученья безъ палокъ“, говоритъ г. Богдановичъ, „не довольствуясь тѣмъ, Шварцъ билъ солдатъ своеручно, дергалъ ихъ за усы, *заставлялъ плевать въ лицо одинъ другому*“ и доводилъ до отчаянія безконечнымъ чищеньемъ, бѣленьемъ, пригонками и выправкой. Наконецъ онъ осмѣлился наказать тѣлесно нѣсколькихъ георгіевскихъ кавалеровъ. Солдаты роты его величества рѣшились довести до свѣдѣнія высшаго начальства о томъ какъ поступаютъ съ ними; для этого они собрались, выстроили фронтъ и послали просить своего ротнаго командира выйти къ нимъ. Что слѣ-

довало сдѣлать этому офицеру? Дознать кто подбилъ роту самовольно выстроиться, и взыскать съ виновныхъ, представивъ вмѣстѣ съ тѣмъ кому слѣдовало о жалобахъ солдатъ. Онъ этого не сдѣлалъ, и нераспорядительность его была причиной что мелкій дисциплинарный проступокъ огласился и дошелъ до корпуснаго командира, который отправилъ всю роту подъ вооруженнымъ конвоемъ въ крѣпость. Какъ только это распоряженіе сдѣлалось извѣстно въ казармахъ, всѣ остальныя части полка пришли въ волненіе, „ибо, говорили они, государева рота погибаетъ". Безпорядокъ принялъ такіе размѣры что корпусный командиръ счелъ нужнымъ пріѣхать самъ и, не въ состояніи бывши заставить солдатъ разойтись, велѣлъ имъ тоже идти въ крѣпость, что̀ и было исполнено безпрекословно. Безъ всякаго конвоя, три тысячи человѣкъ шли, снимая шапки при встрѣчѣ съ офицерами и отвѣчая на вопросы лавочниковъ, извощиковъ и пр., что ихъ послали просто на работу. Эти мнимые бунтовщики до такой степени сохранили самообладаніе что между ними нашелся одинъ только, недовольно почтительно разговаривавшій съ графомъ Милорадовичемъ и наказанный за это самими его товарищами. За то Милорадовичъ,—заслуженный воинъ, изучившій солдата въ бояхъ и походахъ,—счелъ возможнымъ снять всѣ караулы у казематовъ гдѣ размѣщены были Семеновцы и поручилъ имъ самимъ наблюдать другъ за другомъ.

Государя не было въ это время въ Петербургѣ, онъ находился въ Троплау на конгрессѣ. Извѣстіе о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку глубоко огорчило его. „Я почти увѣренъ, писалъ онъ Аракчееву, что еслибы съ 1ю гренадерскою (государевою) ротой приличнѣе поступили въ самомъ началѣ, ничего другаго важнаго не произошло бы." Но, разумѣется, онъ не могъ потворствовать нарушенію дисциплины: „у молодчиковъ" была „выбита дурь изъ головы" и лучшій въ Россіи полкъ былъ раскассированъ. Въ томъ же письмѣ, государь выразился о приведенномъ происшествіи слѣдующимъ образомъ: „Я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя, по доказательствамъ которыя мы *здѣсь* имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою." Итакъ, Меттернихъ подавалъ руку Аракчееву; канцлеръ Австрійской имперіи указывалъ на зло, искоренять которое предстояло охранителю особы государя.

Тайныя общества, дѣйствительно, были очень распространены въ то время въ западной Европѣ; они существовали и въ

Россіи; но наши „Союзъ Благоденствія“ и преобразовавшіяся изъ него „Сѣверное“ и „Южное“ Общества не находились въ сношеніяхъ съ заграничными. Изъ свѣдѣній собранныхъ коммиссіей разсматривавшею ихъ дѣйствія, видно что нѣсколько членовъ Южнаго Общества начинали переговоры съ однимъ тайнымъ обществомъ польскимъ, но не заграничнымъ, которое тоже подлежало, слѣдовательно, надзору русской полиціи. Не подтверждается также догадка государя будто Семеновская исторія была дѣломъ нашихъ тайныхъ обществъ. Но допустимъ что это было и такъ; допустимъ что „всесвѣтная революція“ имѣла своихъ агентовъ въ Россіи, агентовъ многочисленныхъ и вліятельныхъ. Чья же вина что они оставались неизвѣстны правительству?... Къ удивленію мы узнаемъ что исторія нашихъ тайныхъ обществъ представляетъ еще нѣчто гораздо болѣе необыкновенное. Слѣдствіе производившееся надъ декабристами открыло что государю была доставлена (въ которомъ году неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ до 1821) записка какого-то члена „Союза Благоденствія“, извѣщавшая не только о существованіи, но и о дѣйствіяхъ этого Общества. Точно также былъ извѣщенъ о существованіи тайнаго общества на югѣ Россіи одинъ изъ высшихъ военныхъ сановниковъ, графъ Виттъ, который конечно не замедлилъ донести въ Петербургъ о своемъ открытіи; наконецъ, въ 1824 году, о томъ же получено было донесеніе Майбороды. Вообще слишкомъ наивно было бы воображать что такое обширное общество какъ то которое произвело безпорядки 1825 года могло въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ оставаться неизвѣстнымъ правительству. Почему же не было принято противъ него мѣръ заблаговременно?... Или въ самомъ дѣлѣ, какъ думаютъ иные, Аракчеевъ дозволялъ имъ существовать для того чтобы не лишиться призрака которымъ можно было по временамъ пугать государя?...

Во всемъ что̀ выше высказано объ Аракчеевѣ есть догадки и предположенія; но умъ невольно уносится въ область гаданій, стараясь объяснить причины привязанности императора Александра къ человѣку который, можно сказать, былъ его антиподомъ. Александръ I какъ государь можетъ подлежать многимъ обвиненіямъ предъ судомъ исторіи, но какъ человѣкъ, это одна изъ самыхъ привлекательныхъ въ мірѣ личностей. Прекрасный собою, обворожительный въ обращеніи, обладавшій счастливымъ даромъ слова и весьма тонкимъ

умомъ, слегка романическимъ, не чуждый человѣческимъ слабостямъ и увлеченіямъ, но всегда полный стремленій къ возвышеннымъ идеаламъ и совершенный джентльменъ, — таковъ былъ любимый внукъ Екатерины, разсматриваемый какъ человѣкъ. Какія же необъяснимыя побужденія, какія таинственныя причины склонили его отличить между тысячами окружавшихъ его людей того именно чья грубая и низменная природа была повидимому наименѣе родственною его тонкой, художественной, изящной личности, чьи даже уважительныя качества были отмѣчены печатью вульгарности? Повторяю, здѣсь умъ теряется и воображеніе позволяетъ себѣ всевозможныя предположенія.

IV.

Изъ всѣхъ сановниковъ государства, изъ всѣхъ приближенныхъ къ государю людей, одинъ только князь Голицынъ могъ еще до нѣкоторой степени уравновѣшивать вліяніе графа Аракчеева. Но мы видѣли какъ много нареканій, и притомъ по предметамъ весьма щекотливымъ, раздавалось противъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; противники его становились естественными союзниками Аракчеева, и однимъ изъ нихъ былъ Шишковъ. Въ вышеупомянутомъ мнѣніи своемъ о цензурѣ, онъ прямо указывалъ на неудовлетворительность ея въ Россіи и на могущій произойти отъ того вредъ; приводя въ подтвержденіе своихъ мыслей выписки изъ нѣсколькихъ изданныхъ въ послѣднее время книгъ, онъ не безъ цѣли конечно цитировалъ книги одобренныя главнымъ правленіемъ училищъ. По поводу дѣла о профессорахъ Петербургскаго университета, онъ еще разъ возставалъ въ комитетѣ министровъ противъ послабленій русской цензуры, порицалъ учебники принятые въ учебныхъ заведеніяхъ и рѣзко говорилъ о широко разкинувшемся въ нихъ злѣ, о систематическомъ развращеніи молодаго поколѣнія посредствомъ школы....

Шишковъ находился въ сношеніяхъ съ Аракчеевымъ еще въ 1812 году, состоя при государѣ; потомъ, переставъ быть государственнымъ секретаремъ, онъ рѣдко ѣзжалъ во дворецъ и видѣлъ что тамъ не тяготятся его отсутствіемъ. Но Аракчеевъ не терялъ изъ виду этого желчнаго, раздражительнаго, постоянно недовольнаго старика, который этими чертами сво-

его характера, равно какъ и непривлекательностію своихъ маперъ, могъ ему нравиться какъ его собственное отраженіе. Въ 1815 году, Шишковъ представилъ ходатайство объ усиленіи денежныхъ средствъ Россійской Академіи, которую между прочимъ онъ хотѣлъ поставить въ независимое отъ министра народнаго просвѣщенія положеніе; но прошло два года, и дѣло не подвигалось. Тогда онъ обратился къ графу Аракчееву. Въ одно мгновеніе оно получило ходъ, хотя трудно понять по какому поводу предсѣдатель военнаго департамента въ государственномъ совѣтѣ и начальникъ военныхъ поселеній могъ докладывать о дѣлахъ Академіи. Увидѣвшись на другой день съ Шишковымъ въ комитетѣ министровъ, Аракчеевъ сказалъ ему: „Вотъ какъ скоро исполняю я ваши приказанія."

Впрочемъ мы не находимъ дальнѣйшихъ указаній на отношенія Аракчеева къ Шишкову. Если сильный фаворитъ и имѣлъ виды на бывшаго государственнаго секретаря, то оставлялъ его пока въ сторонѣ, замѣчая что онъ рѣшительно непріятенъ государю. Между тѣмъ скончался, 4го марта 1821, года петербургскій митрополитъ Михаилъ, принадлежавшій нѣкогда къ кружку московскихъ мартинистовъ и принявшій въ началѣ живое участіе въ дѣлахъ Библейскаго Общества, но сильно охладѣвшій къ нему въ послѣдствіи. Предъ кончиной своею онъ написалъ къ государю, находившемуся на Лайбахскомъ конгрессѣ, письмо въ коемъ указывалъ на опасности которымъ подвергается церковь „отъ слѣпотствующаго министра". Послѣ такого отзыва со стороны первоприсутствующаго члена въ синодѣ, неудобно было совѣтоваться съ княземъ Голицынымъ о назначеніи преемника умершему іерарху. Государь потребовалъ мнѣнія у Аракчеева, и тотъ назвалъ московскаго митрополита Серафима, тоже дѣйствовавшаго нѣкогда въ духѣ Библейскаго Общества, но въ послѣдствіи сдѣлавшагося рѣшительнымъ его противникомъ. Новый іерархъ, по словамъ одного изъ единомышленныхъ ему духовныхъ сановниковъ, былъ „мужъ простъ, словомъ не силенъ, но ревностенъ къ дѣлу Божію". Такой человѣкъ не могъ вполнѣ удовлетворить требованіямъ минуты и руководить, какъ бы слѣдовало въ видахъ враговъ Библейскаго Общества, всѣми силами направленными противъ „духа тьмы"; но одно высокое положеніе имъ занимаемое придавало большую вѣскость его словамъ и мнѣніямъ; достаточно было одного его присутствія въ Петербургѣ, въ званіи пер-

венствующаго члена синода, чтобы произвести нѣкоторую перемѣну въ положеніи дѣлъ. Фотій, отзывъ котораго о Серафимѣ приведенъ выше, говоритъ: „Въ теченіи Великаго Поста (1822) слышно было что государь явно началъ сокрушать, чрезъ своихъ вѣрныхъ, силы сильныхъ ересеначальниковъ и ересеначальницъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, на первомъ засѣданіи Библейскаго Общества на которомъ присутствовалъ новый митрополитъ петербургскій, разсказываетъ покойный отецъ Морошкинъ, „мрачный и угрюмый сидѣлъ митрополитъ и судорожно перебиралъ своими четками, когда секретарь Общества въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ изливался о дѣйствіяхъ библейскихъ обществъ; потомъ вдругъ быстро всталъ и, сказавши громко что такъ могутъ разсуждать только люди не понимающіе православія, быстро вышелъ изъ залы собранія.“ Въ годъ вступленія Серафима на петербургскую каѳедру, прекратился *Сіонскій Вѣстникъ*, а въ слѣдующемъ, Лабзинъ, издатель этого журнала, усердный ревнитель Библейскаго Общества, былъ высланъ изъ Петербурга.

Фотій долженъ былъ сочувствовать такому образу дѣйствій новаго іерарха, и въ интересѣ общаго имъ дѣла, ему разумѣется слѣдовало бы съѣздить въ Петербургъ. Но не задолго предъ тѣмъ огласилась странная исторія Фотины, которая такъ повредила ему во мнѣніи Серафима что онъ получилъ приказаніе не пріѣзжать въ столицу. Аракчеевъ былъ недоволенъ этимъ распоряженіемъ митрополита и нашелъ средство отмѣнить его. Государю наговорили о строгомъ постничествѣ Фотія, о чудномъ вліяніи которое онъ распространяетъ на людей имѣющихъ случай приближаться къ нему, и государь пожелалъ его видѣть, а Аракчеевъ поспѣшилъ его увѣдомить о томъ. „Присылается ему, пишетъ о себѣ Фотій, колесница въ даръ, и на день Пасхи, присылается крестъ самый драгій на персѣхъ носить.“ Митрополитъ, по словамъ его, колебался дать свое разрѣшеніе на пріѣздъ Фотія и совѣтовался о томъ съ викаріемъ своимъ. „Можно благословеніе дать пріѣхать“ сказалъ викарій; „но тогда сбудется сіе: *и потрясется весь градъ Св. Петра отъ него.*“ Мы увидимъ что этотъ отзывъ, который нѣсколько странно видѣть въ запискахъ самого Фотія, оказался не слишкомъ преувеличеннымъ. Серафимъ встрѣтилъ его „грубо“, но вскорѣ смягчился: Фотій,—тогда еще двадцатипятилѣтній инокъ,—былъ сила съ которою онъ самъ принужденъ

былъ считаться. „Каждодневно авва Фотій, пишетъ о себѣ послѣдній, былъ званъ то къ тѣмъ, то къ другимъ лицамъ на бесѣду о Господѣ, о церкви, о вѣрѣ, о спасеніи души; на бесѣду же собирались знатные и ученые бояре и боярыни, ревностные къ слову и дѣлу св. церкви и вѣры, и на бесѣдѣ въ домѣ учреждаемы были питіемъ и яствіемъ во славу Божію. Бесѣда же таковая была болѣе всего въ домѣ дѣвицы Анны (графини Орловой), дщери аввы Фотія, боярыни Дарьи Державиной и иногда въ Таврическомъ дворцѣ." Безъ сомнѣнія, объ этихъ бесѣдахъ дошли слухи до князя Голицына, и вскорѣ ему представился случай лично познакомиться съ молодымъ монахомъ, производившимъ такъ много шума въ кругу набожныхъ „бояръ и боярынь",—и вотъ какъ Фотій описываетъ эту встрѣчу: Предъ началомъ одного торжественнаго богослуженія въ Александро-Невской Лаврѣ, когда высшее духовенство, и въ томъ числѣ Фотій, находилось въ алтарѣ, „се видитъ онъ (Фотій) что входитъ въ святый алтарь вельможа, ростомъ малъ, видомъ смиренъ; то къ тому, то къ другому подходитъ благословеніе принять, и всякъ изъ духовныхъ со страхомъ и трепетомъ даютъ ему благословеніе, никто же не смѣя руки давать ему для цѣлованія". Это былъ министръ духовныхъ дѣлъ. Странно показалось Фотію такое смущеніе іерарховъ предъ міряниномъ: „чего бояться человѣка?" подумалъ онъ. Послѣ богослуженія, когда въ покояхъ митрополита собрались нѣкоторые высшіе духовные и свѣтскіе сановники, Голицынъ подошелъ къ Фотію, который, какъ молодой архимандритъ, скромно сидѣлъ въ сторонѣ: „Сей юный старецъ, но искусенъ и строгъ",—такъ отрекомендовалъ его митрополитъ. Князь просилъ его къ себѣ, и Серафимъ хоть и далъ свое согласіе на это свиданіе, но кажется опасался чтобы Фотій не надѣлалъ глупостей, и потому счелъ нужнымъ преподать ему нѣсколько наставленій; но Фотій, выслушавъ наставленія іерарха, сказалъ ему: „Владыко святый, ты токмо меня благослови, раба твоего, а когда дѣло наше есть дѣло Божіе, и для Бога хотимъ творить, то благодать будетъ свыше дана, ибо речено въ Писаніи: *дастся убо вамъ въ тотъ часъ что возглаголати*; уповаю на благодать Св. Духа, а не на умъ свой."

Письма которыя послѣ свиданія съ Фотіемъ писалъ князь Голицынъ къ графинѣ Орловой доказываютъ что оно произвело на него сильное впечатлѣніе. Они видались послѣ того

нѣсколько разъ и бесѣдовали, какъ увѣряетъ Фотій, часа по три, по четыре, по шести и даже по девяти. Наконецъ и государь потребовалъ къ себѣ юрьевскаго настоятеля о которомъ рѣшительно гремѣла слава въ Петербургѣ. Вотъ любопытный разказъ Фотія объ этомъ въ высшей степени важномъ свиданіи, происходившемъ на Каменномъ острову, 5го іюня 1822 года:

„Изшедъ изъ колесницы, шелъ (Фотій) по лѣстницамъ общимъ, знаменалъ какъ себя, такъ во всѣ стороны дворецъ, проходы, помышляя что тьмы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражіихъ; но ежели оныя, видя крестное знаменіе, избѣгутъ изъ дворца на сей часъ прихода, Господь предъ лицемъ царя дастъ ему благодать и преклонитъ сердце его послушать что на сердцѣ его есть царю возвѣстить....

„...Се отверзаются двери; я оными вхожу въ комнату гдѣ былъ царь; вижу что тотчасъ царь грядетъ принять благословеніе. Я же, не обращая на него вниманія, смотрю гдѣ святый образъ въ комнатѣ на стѣнѣ есть, дабы сотворить молитву, перекрестився, поклониться прежде царя земнаго образу Царя Небеснаго. Не видя противу себя, очами обыскавъ въ двухъ залахъ и трехъ стѣнахъ, и близь себя, усмотрѣлъ почти назади, на лѣвой сторонѣ, у прага, образъ въ углу, обратился я, трижды знаменался поклонясь, и предсталъ предъ царемъ. Царь, видя меня хотѣвшаго прежде честь Богу сотворить, отступилъ въ сторону на то малое время, паки со страхомъ и благоговѣніемъ подходитъ ко мнѣ, пріемлетъ благословеніе, цѣлуетъ усердно десницу мою; я же тотчасъ непримѣтно открылъ ликъ Спаса и далъ ему приложиться и ему вручилъ оный образъ. Царь принялъ и привѣтствовалъ сими словами: „Я давно желалъ тебя видѣть, отецъ Фотій, видѣть и принять твое благословеніе.“ На что̀ я сказалъ царю: „Якоже ты хощешь принять благословеніе Божіе отъ меня, яко служителя святаго олтаря, то, благословляя тебя, глаголю: „миръ тебѣ, царю, спасайся, радуйся, Господь съ тобою буди!“ Царь по сихъ словахъ взялъ меня за руку и указавъ мѣсто, посадилъ меня на стулъ; самъ сѣлъ противу меня, возсѣвъ весьма близь меня, якоже бы можно все, тихо глаголя, слышать; я же, желая сѣсть на мѣсто, знаменіемъ креста знаменалъ десницею моею мѣсто, возсѣлъ и царя перекрестилъ“.... „Я же, простирая слово въ сладость, говорилъ о святой церкви, вѣрѣ и спасеніи души; зря въ лице царю прямо, часто я себя знаменалъ, глаголя слово; царь же, смотря на меня, себя крестилъ, возведя очи свои на небо, умъ и сердце вознося къ Богу. И колико все слово въ сладость принималъ царь, азъ же сердцемъ чувствовалъ; толико я крестился, а царь, простирая руку, благословеніе отъ меня принять желая, просилъ чтобы я его перекрестилъ. Я же о силѣ креста и знаменія старался внушить. Вижу что царь весь сердцемъ прилѣпился къ услышанію слова отъ устъ моихъ; я въ помыслахъ моихъ движеніе чувствовалъ

сказать царю слово въ пользу церкви и вѣры. Сперва началась рѣчь о митрополитѣ Серафимѣ. Я внушаю что пастырь сей есть единственный по своей любви ко святой церкви, царству и ко благу; благодать Господня съ нимъ есть. Посемъ царь, послушая съ сладостію, говоритъ ко мнѣ: „Не имѣешь „ли, отецъ Фотій, что̀ особенно сказать мнѣ,“ намекая о разныхъ нуждахъ, о каковыхъ многіе являлись утруждать царя и просили выгодъ обителямъ своимъ. Я сказалъ царю: „Ни„какихъ нуждъ я не имѣлъ земныхъ для обители и себя, и не „имѣю; съ нами Богъ; съ Нимъ все у насъ есть. Едино есть „тебѣ нужно повѣдать, для тебя паче всего нужное: враги цер„кви святой и царства весьма усиливаются; зловѣріе, соблазны „явно и съ дерзостію себя открываютъ, хотятъ сотворить тай„ныя злыя общества, вредъ великъ святой вѣрѣ Христовой „и царству всему; но они не успѣютъ, бояться ихъ нечего; „надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ внутрь самыя „столицы въ успѣхахъ немедленно остановить; какъ потокъ „водный, всюду нечестіе и зловѣріе разливаются. Господь съ „тобою, о царю! Все можешь ты сотворить; дастся тебѣ бла„годать и крѣпость все во славу Божію сотворить; праведники „скорбятъ, видѣвъ успѣхи враговъ, но чаятъ что Господня „десница воздвигнетъ тебя, о царю, защитить церковь и вѣру.“ Царь все послушалъ со вниманіемъ. Много же и долгое время о семъ бесѣдовали мы, яко часъ съ половиною. Наконецъ Фотій сказалъ: „Противу тайныхъ враговъ тайно и нечаянно „дѣйствуя, вдругъ надобно запретить и поступить.“ Все нужное къ дѣлу вѣры святой внушилъ царю въ сердце его. Когда я, глаголя слово о семъ, крестился, царь также самъ крестился и, приказывая себя паки и паки перекрестить и оградить силою креста, многократно онъ цѣловалъ руку благословляющую его, благодаря за бесѣду. Возставъ же, когда я готовился идти отъ царя, примѣтилъ что царю уже время со мною бесѣду окончить. Царь палъ на колѣни предъ Богомъ и, обратясь ко мнѣ лицемъ, сказалъ: „Возложи руки твои, отче, на „главу мою, и сотвори молитву Господню о мнѣ, и прости и „разрѣши меня.“ Азъ же, видя плодъ бесѣды моея съ царемъ, и таковое благоговѣніе къ Богу царя втайнѣ и смиреніе его предъ Великимъ, Святымъ Царемъ царствующихъ, возложилъ руцѣ мои на главу цареву крестообразно, возведя умъ и сердце горѣ къ Богу, просилъ, да снидетъ благодать Христова на него, да проститъ вся прегрѣшенія царю и исполнитъ умъ и сердце его сотворити волю Господню въ словѣ, дѣлѣ святой церкви и вѣры и сокрушитъ силы вражія вскорѣ, и прочелъ сію молитву тайно: „Царю Небесный, Утѣшителю, Душе „истинный, иже вездѣ сый и вся исполняяй, Сокровище бла„гихъ и жизни Подателю! Пріиди и вселися въ ны и очисти ны „отъ всякія скверны и спаси, Блаже, души наши.“ И посемъ, знаменовавъ главу царя и лице, руки мои отнялъ; царь же поклонился мнѣ въ ноги, стоя на колѣнахъ; возсталъ отъ земли, принялъ благословеніе, цѣловалъ десницу мою, весьма

благодаря, просилъ въ молитвахъ поминать и проводилъ самъ меня изъ дверей. Я же видя явно благодать Божію въ лицѣ царя ко мнѣ, благодарилъ Бога, радовался и веселился духомъ."

Можно ли считать достовѣрнымъ этотъ разказъ, который мы не имѣемъ возможности повѣрить никакими другими свидѣтельствами и въ которомъ позволительно можетъ-быть подозрѣвать нѣсколько самообольщенія, если не самохвальства? Но въ самыхъ приведенныхъ строкахъ чувствуется, если не ошибаюсь, такая сила которая способна могущественнымъ образомъ подѣйствовать на личность даже и не столько предрасположенную къ подобнымъ вліяніямъ, какъ Александръ I. Слогъ человѣка есть самъ человѣкъ, а мы мало знаемъ въ русской литературѣ страницъ написанныхъ такимъ сильнымъ хоть и страннымъ языкомъ какъ вышеприведенный отрывокъ, и даже какъ вся напечатанная донынѣ выдержка изъ записокъ Фотія. Что государь возымѣлъ, также какъ и князь Голицынъ, высокое мнѣніе о Фотіи, видно между прочимъ изъ того что онъ въ послѣдствіи нѣсколько разъ опять видался съ нимъ, и что, вскорѣ послѣ описанной бесѣды узнавъ о его болѣзни, выражалъ особую заботу о его положеніи. Что касается до князя Голицына, то ему очень хотѣлось узнать о чемъ бесѣдовалъ съ государемъ юный монахъ, вліяніе котораго онъ и самъ отчасти испытывалъ, и несогласіе котораго со своими воззрѣніями не могло быть ему неизвѣстно. Но Фотій уклонился отъ объясненій съ нимъ и уѣхалъ въ свою обитель, предоставивъ своимъ союзникамъ продолжать начатое имъ дѣло.

Кажется однакожъ что они ничего не успѣли сдѣлать по горячимъ слѣдамъ Фотія: можетъ-быть потому что съ наступленіемъ лѣта государь занялся, какъ обыкновенно, смотрами и другими военными упражненіями, а осень провелъ за границей, по случаю конгресса въ Веронѣ. Не взирая на нѣсколько ударовъ нанесенныхъ Голицыну со времени прибытія Серафима въ Петербургъ,—ударовъ косвенныхъ, не рѣшительныхъ, какъ прекращеніе *Сіонскаго Вѣстника* и ссылка издателя этого журнала, не взирая на жалобы на министерство просвѣщенія по поводу исторіи въ Петербургскомъ университетѣ (хотя удаленные изъ онаго четыре профессора подверглись прежде всего гоненію со стороны самого этого министерства); не взирая на все это, переводы изъ Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга продолжали выходить попрежне-

му; Библейское Общество все болѣе и болѣе расширяло кругъ своихъ дѣйствій; два покровительствуемые княземъ Голицынымъ католическіе священника, Линдль и Госнеръ, проповѣдовали каждое воскресенье, одинъ въ мальтійской церкви, въ Пажескомъ корпусѣ, другой въ Екатерининской, „какой-то протестантскій мистицизмъ“ и, какъ свидѣтельствуетъ покойный Гречъ въ оставленныхъ имъ *Запискахъ*, привлекали массы слушателей, между которыми постоянно находились Магницкій, Руничъ, профессоръ Кавелинъ, баронъ Ливенъ и другіе ревностные члены Библейскаго Общества. Нѣкоторыя проповѣди Линдля были переведены на русскій языкъ и напечатаны, конечно, съ разрѣшенія цензуры. Госнеръ написалъ на нѣмецкомъ языкѣ *Толкованія на Новый Завѣтъ*, которыя тоже одобрены были петербургскою цензурой, хотя, разумѣется, не согласовались съ ученіемъ восточнаго православія, и нашлись угодливые люди которые, зная что авторъ состоитъ подъ особымъ покровительствомъ сильнаго сановника, принялись переводить его сочиненіе. Однимъ изъ переводчиковъ Госнеровой книги былъ извѣстный мистикъ и посѣтитель Татариновскихъ собраній, В. М. Поповъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія. Но эта книга и этотъ переводъ подали врагамъ князя Голицына оружіе противъ него,—оружіе, которымъ они рѣшились воспользоваться, отбросивъ, такъ сказать, ножны.

Переводъ *Толкованія* отданъ былъ въ типографію Греча въ концѣ 1823 года, и печатаніе продолжалось всю зиму. Въ мартѣ 1824 года, одна весьма подозрительная, но и очень извѣстная личность явилась къ Гречу и просила убѣдительнѣйше дозволить прочесть хоть листокъ этой душеспасительной книги. Оказалось въ послѣдствіи что человѣкъ выражавшійся такимъ образомъ былъ подосланъ врагами князя Голицына. Не успѣвъ у Греча, они обратились въ другую сторону. Нѣкто Степановъ былъ знакомъ съ докторомъ Виттомъ, которому одинъ изъ переводчиковъ *Толкованія* давалъ прочитывать, душеспасенія ради, корректурные листки помянутой книги „Степановъ, говоритъ Гречъ, прикинулся больнымъ, послалъ за Виттомъ, и на вопросъ чѣмъ онъ боленъ, отвѣчалъ: „Стражду не тѣломъ, а душею. Меня давятъ тяжкіе грѣхи. „Только духовная пища можетъ утолить меня. Вотъ еслибъ „я могъ прочитать хоть строчку святаго мужа Госнера, я не„премѣнно бы выздоровѣлъ.“ Виттъ, не замѣчая и не подозрѣ-

вая ничего, отвѣчалъ: „Въ этомъ случаѣ могу служить вамъ. „У меня есть два листочка этой книги и я пришлю ихъ вамъ." Получивъ эти листки, Степановъ тотчасъ же передалъ ихъ Магницкому, а этотъ недавно еще столь ревностный піетистъ, членъ Библейскаго Общества, правая рука его президента, представилъ ихъ Аракчееву, который сообщилъ Шишкову, уже предназначенному повидимому Аракчеевымъ въ преемники князю Голицыну и котораго слѣдовательно необходимо было поставить въ извѣстность обо всемъ происходившемъ. Но онъ долженъ былъ покамѣсть оставаться въ тѣни и заготовлять матеріалы для послѣдующихъ обличеній системы своего предмѣстника.

Первые удары „змію" долженъ былъ нанести Фотій, которому еще въ 1823 году графъ Аракчеевъ сообщилъ что государь разрѣшаетъ ему *единождыг навсегда* пріѣзжать въ Петербургъ когда пожелаетъ. Это разрѣшеніе пригодилось какъ нельзя болѣе въ настоящую минуту. 12го апрѣля представлена была, — безъ сомнѣнія Аракчеевымъ, — государю записка Фотія въ которой онъ свидѣтельствовалъ что многими частными людьми и обществами, а также и книгами „возвѣщается какая-то новая религія", что такимъ образомъ производится у насъ коварная работа франъ-масоновъ, мартинистовъ и иллюминатовъ; что Юнгъ-Штиллингъ, Эккартсгаузенъ и Лабзинъ суть отростки одного зловреднаго дерева, и въ доказательство представлялъ разборъ одной изъ тѣхъ книгъ которыми „враги церкви и престола" развращаютъ нетвердые умы. Прочитавъ, какъ надо думать, записку Фотія, государь пожелалъ переговорить съ нимъ. Свиданіе ихъ произошло 20го апрѣля, и хотя содержаніе ихъ бесѣды намъ неизвѣстно, но о немъ можно заключить изъ того что князь Голицынъ, узнавъ объ этой бесѣдѣ, сильно вознегодовалъ на Фотія. Вѣроятно государь самъ сказалъ князю какія обличенія противъ него были ему представлены и выговаривалъ за образъ его дѣйствій. Все это ясно изъ слѣдующаго къ нему письма Фотія, отъ 22го апрѣля:

„Кто тебѣ возгласилъ что я противу тебя? Ты знаешь что я, по закону, по совѣсти, по любви и по присягѣ, вѣрою и правдою Богу, царю, церкви и отечеству служилъ, служу и буду служить, и что̀ или кто мя разлучитъ отъ любви Божіей въ семъ разумѣ? Тьма злодѣйскихъ книгъ можетъ ли святую душу не смущать? Потопъ сдѣлался у насъ отъ невѣрія. Убойся Бога—что̀ я противу тебя? Ужели слово и дѣло всякое

противу злодѣйствъ книжныхъ есть и можетъ-быть противу тебя? Кто тебѣ возвѣстилъ что я былъ у царя? Я, что касается до тебя, возвѣщалъ тебѣ покаяніе, яко служитель церкви. Отъ личности твоея я чистъ. Какъ-то мы явимся на страшный судъ Божій? Спасися съ Богомъ, а не во злобѣ и нетерпѣливости, съ чѣмъ ты и пишешь мнѣ. Кто не знаетъ что ты незлобливъ и добръ самъ по себѣ?..." „Я не такъ люблю какъ ты. Время докажетъ. Знай что я, по власти мнѣ данной, твой наставникъ и отецъ, а ты мнѣ сынъ; я Божій слуга: подыми же ты руки на меня и узришь что или земля васъ пожретъ вскорѣ, или гнѣвъ Божій вѣчно постигнетъ васъ всѣхъ. Не моги рукъ поднять на меня и устъ отворить на клевету, а словомъ и дѣломъ блюди, да Христосъ посредѣ насъ будетъ. Мнѣ не тяжело, а удивительно показалось видѣть нечаянное твое нетерпѣніе и негодованіе въ письмѣ; но я тебя прощаю, и Богъ проститъ тебя во всемъ, ибо мира моего ты не нарушишь, да и не можешь. Почто ты меня и въ хитростяхъ уличаешь? Какіе духи тебѣ шепнули?...

„Вспомни что въ первые дни какъ я пріѣхалъ, тебѣ видѣніе мое пересказывалъ что узрю царя, а ты вопросилъ: „что̀ же ты говорилъ? Я замолчалъ. О сбытіи видѣнія рцы, кто тебѣ возвѣстилъ? Не искушай Бога: высшихъ себя не ищи....

„Христосъ съ тобою: миръ тебѣ. Спасися съ Богомъ. Буди терпѣливъ, а не скоръ на осужденіе. Незлобіе и доброта въ несчастіи познается. Аще благая пріяхъ, злыхъ ли не стерплю? Съ Богомъ радуйся! А. (авва) убогій Фотій.

„P. S. Непостояненъ ты въ любви и слабъ. Кто можетъ знать мое сердце? Что̀ ты я знаю. Спаси тебя Богъ и укрѣпи."

Изъ тона приведеннаго письма можно заключить что послѣ разговора своего съ государемъ Фотій чувствовалъ что побѣда клонится на его сторону. Онъ приглашалъ впрочемъ князя Голицына навѣстить его. Если вѣрить *Запискамъ* Фотія, то и теперь еще, при свиданіи бывшемъ 23го апрѣля, онъ старался дѣйствовать силою убѣжденія. „Умоляю тебя Господа ради, говорилъ онъ, останови ты книги кои въ теченіе твоего министерства изданы противъ церкви и всякой святыни, и въ коихъ ясно возвѣщается революція, или доложи ты помазаннику Божію." Голицынъ отвѣчалъ что дѣйствовалъ согласно волѣ и указаніямъ государя, и черезъ два дня, именно 25го апрѣля, опять пріѣхалъ къ Фотію.... Но предоставимъ этому послѣднему самому разказать почти невѣроятную происшедшую при этомъ сцену:

„Приходитъ онъ къ Фотію; Фотій стоитъ у святыхъ иконъ; горитъ свѣча; Святыя Тайны Христовы запасныя предстоятъ, Библія раскрыта на 23 главѣ Іереміи. Входитъ князь и образомъ яко рысь является (Іереміи глава 5, стихъ 6); про-

тягиваетъ руку для благословенія. Фотій: „Въ книгѣ *Таинство Креста*, подъ твоимъ надзоромъ напечатано: „Духовен„ство есть звѣрь“, то-есть Антихристовъ помощникъ, а я, Фотій, изъ числа духовенства, іерей Божій,—то благословить тебя не хочу, да тебѣ и не нужно то.“ Голицынъ: „Неужели „за сіе одно?“ Фотій: „И за покровительство сектъ, лжепроро„ковъ, и за участіе въ возмущеніи противу церкви съ Госне„ромъ, и вотъ на нихъ съ тобою слова Іереміи, 23 глава, прочти „и покайся!“ Голицынъ сказалъ: „Не хочу читать“ и, съ презрѣніемъ къ святынѣ, отворотился и сказалъ: „Не хочу слы„шать твоей правды.“ Фотій: „Еслибы ты былъ премудръ, по „Писанію, послушалъ бы ты обличенія, и покаялся бы; но какъ „ты все попираешь и не хощешь покаяться, то поразитъ васъ „Господь. Я предстану на страшномъ судѣ съ тобою предъ „Господа, и всѣ слова мои будутъ тебѣ въ обличеніе и во „осужденіе. Молю тя, покайся, отрекись отъ лукавыхъ проро„ковъ, подобныхъ Госнеру!“ Со злобою отворотился князь, побѣжалъ вонъ безъ благословенія, хлопнувъ дверьми. Фотій же, отворивъ двери, воззвалъ громко: „Если ты не покаешь„ся что зла надѣлалъ церкви и государству, тайно и явно, и „сполна не откроешь царю,—не узришь царствія небеснаго и „внидешь во адъ.“

Въ довольно сходныхъ чертахъ разказана эта сцена и въ *Запискахъ* Шишкова. Въ тотъ же день описаніе ея было отправлено Фотіемъ къ государю. Шишковъ говоритъ что государь прогнѣвался на изступленнаго монаха; это весьма вѣроятно; но вскорѣ потомъ, тревожимый призракомъ революціи, которымъ такъ настойчиво смущали его со всѣхъ сторонъ, онъ потребовалъ у того же Фотія совѣтовъ какъ отвратить зло, и вотъ отвѣтъ который онъ получилъ 29го апрѣля:

„Помазанникъ Божій, слуга Господень, царь милостію, кротостію, мудростію, силою и славою свыше осѣненный! Господь съ тобою! Радуйся о Дусѣ Святѣ и царствуй во вѣки! Рабъ твой, служитель же святыя церкви Божіей, служитъ Богу и тебѣ, царю, церкви и отечеству вѣрою и правдою, по закону Божію и гражданскому, по совѣсти, по любви евангельской и по присягѣ. А посему на вопросъ твой: „Какъ пособить, дабы остановить революцію?“ молился Господу Богу и вотъ что открыто, только дѣлать немедленно. Способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо, есть таковъ: 1) Министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ *извѣстной особы*. 2) Библейское Общество уничтожить, подъ тѣмъ предлогомъ что уже много напечатано Библій и онѣ теперь не нужны. 3) Синоду быть попрежнему и духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ. 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Фесслера выгнать и методистовъ вы-

гнать,хотя главныхъ. Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать не открыло. Повелѣніе Божіе я возвѣстилъ, исполнить же въ тебѣ состоитъ; съ тобою духъ премудрости и силы, державы и власти. Отъ 1812 года до сего 1824 года прошло ровно 12 лѣтъ. Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію: да побѣдитъ Онъ и духовнаго Наполеона лицемъ твоимъ, коего можешь, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты одною чертою пера. А вся сила духовнаго Наполеона въ четырехъ пунктахъ заключается. Радуйся, спасися! Господь съ тобою! Царствуй во вѣки съ Богомъ! Аминь. Рабъ Бога и Господа Іисусъ Христа о Дусѣ Святѣ, ревнитель святыя церкви, вѣрноподданный царю", и пр.

Въ этой запискѣ Фотій шелъ уже гораздо далѣе чѣмъ въ предшествующей; онъ называлъ Кошелева, лицо довольно видное въ служебной іерархіи, которому приписывали „совращеніе" князя Голицына, опредѣлялъ какъ поступить съ Госнеромъ и протестантскимъ пасторомъ Феслеромъ, начертывалъ полную программу низложенія самого князя Голицына. Но государь все еще колебался. Для низверженія главнаго „змія" оставался въ запасѣ самъ митрополитъ. Ему доставленъ былъ экземпляръ Госнеровой книги въ русскомъ переводѣ, только что отпечатанный, съ настоятельнымъ требованіемъ представить его лично государю и просить или собственнаго увольненія, или увольненія князя Голицына. Самъ Аракчеевъ былъ у Серафима; нѣсколько второстепенныхъ дѣятелей этой интриги, и въ томъ числѣ Магницкій, находились при немъ неотлучно чтобы устранять колебанія нерѣшительнаго старца. Фотій тоже не покидалъ его; онъ и другіе присутствовавшіе почти насильно посадили его въ карету, а Магницкій поѣхалъ за нимъ и прогуливался въ виду дворца, чтобы по лицу митрополита первымъ узнать о послѣдствіяхъ его свиданія съ государемъ. Серафимъ, читаемъ мы въ *Запискѣ о крамолахъ, враговъ Россіи* составленной подъ руководствомъ Шишкова, „со святымъ дерзновеніемъ древнихъ пророковъ предсталъ лицу императора". Снявъ свой клобукъ, онъ положилъ его къ ногамъ государя и объявилъ что не надѣнетъ его пока не получитъ обѣщанія упразднить министерство духовныхъ дѣлъ, возвратить синоду его права (какія права отняты были у синода мы не знаемъ), назначить другаго министра народнаго просвѣщенія и изъять изъ обращенія вредныя книги, причемъ іерархъ, развернувъ *Толкованія*, указалъ наиболѣе зловредныя въ немъ

мѣста. Убѣжденный этими представленіями, государь, читаемъ мы въ помянутой *Запискѣ*, сказалъ: „Преосвященный, примите вашъ клобукъ, который вы такъ достойно носите; а ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены“. И точно, 15го мая князь Голицынъ былъ уволенъ отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а 17го отъ званія президента Библейскаго Общества. Въ это званіе назначенъ Серафимъ, а народное просвѣщеніе было поручено, вмѣстѣ съ цензурой, Шишкову.

V.

Такимъ образомъ, весной 1824 года, образовалось *министерство* въ томъ смыслѣ какое придается этому слову въ парламентарныхъ правительствахъ, министерство плотное, односоставное, единомышленное, премьеромъ котораго былъ графъ Аракчеевъ. Членами этого министерства были между прочимъ Канкринъ, по его указанію заступившій мѣсто слишкомъ независимаго графа Гурьева, Дибичъ, занявшій должность начальника главнаго штаба по удаленіи отъ оной князя Волконскаго, враждовавшаго съ Аракчеевымъ, наконецъ Шишковъ; въ въ этомъ же министерствѣ, безъ сомнѣнія, занялъ бы мѣсто баронъ Кампенгаузенъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ Аракчееву людей, еслибы смерть не постигла его за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, и есть извѣстія будто на Аракчеева было возложено докладывать по дѣламъ св. синода. За достовѣрность послѣдняго извѣстія нельзя ручаться, но чрезъ кого бы ни восходили до государя дѣла касающіяся православнаго духовенства, конечно не со стороны этого вѣдомства, гдѣ первенствовалъ Серафимъ съ Фотіемъ и гдѣ Филаретъ московскій находился въ опалѣ, могъ Аракчеевъ встрѣтить враговъ.

Что же сдѣлало министерство Аракчеева? Въ чемъ состояли для Россіи плоды борьбы которая направлена была противъ князя Голицына? Они выразились главнымъ образомъ въ сферѣ дѣйствія Шишкова, который, съ извѣстною уже намъ личною ненавистью къ новому и современному и съ ожесточеніемъ противъ дѣйствій своего предмѣстника, которое было лозунгомъ лицъ приведшихъ его ко власти, наконецъ съ самоотверженіемъ, отчасти обезоруживающимъ судъ исторіи, принялся переустраивать цензуру и преслѣдовать книги выходившія подъ покровительствомъ Библейскаго Общества и людей пользовавших-

ся покровительствомъ князя Голицына. Шишковъ дѣйствовалъ безпощадно, но искренно, согласно съ убѣжденіями всей долгой своей жизни,—въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія; черезъ недѣлю по вступленіи въ должность, онъ писалъ государю: „Угодно было монаршей волѣ твоей, безъ всякаго у меня спроса и безъ всякаго исканія моего, наименовать меня министромъ народнаго просвѣщенія, въ самое многотруднѣйшее время для сего званія. Я повиновался священному гласу твоему въ 1812 году, когда врагъ отечества шелъ съ оружіемъ на Россію; съ тѣмъ же пламеннымъ усердіемъ повинуюсь и нынѣ, когда тайная вражда умышляетъ противъ церкви и престола....“ Шишковъ желалъ чтобы государь обнародовалъ на его имя рескриптъ, въ которомъ уполномочивалъ бы его дѣйствовать въ томъ именно духѣ какъ желали Аракчеевъ, Серафимъ, Фотій и онъ самъ, Шишковъ; но государь не рѣшался такъ ясно формуловать мысль противъ которой все еще возмущались его нравственное чувство и его либеральные инстинкты, а Шишковъ справедливо полагалъ что только ясно и гласно выраженная высочайшая воля можетъ вполнѣ развязать ему руки. Послѣ четырехъ мѣсяцевъ напрасныхъ усилій побѣдить колебанія государя, онъ написалъ Аракчееву: „Долгъ мой и присяга требуютъ чтобъ я не давалъ возобновиться тому что̀ доселѣ потрясало всю нравственность и благочестіе; но я не разрѣшенъ на то гласною волей государя“.... „и долженъ, видя раздуваніе сихъ искръ, молчать и быть только по имени, а не по дѣйствію министромъ просвѣщенія. Такое положеніе почиталъ бы я для себя хорошимъ, еслибы думалъ что духъ времени взялъ силу, что головой стѣну не проломишь, что мнѣ остается не долго жить, что я бездѣтенъ, что на моемъ вѣку ничего не случится, и между тѣмъ, пока я живу, могу пользоваться честію и преимуществами сопряженными съ моимъ званіемъ.“ Шесть недѣль спустя, онъ снова настаивалъ въ письмѣ къ Аракчееву на помянутомъ рескриптѣ, заявляя о готовности своей въ противномъ случаѣ оставить должность министра. „Я иду прямою дорогой, говорилъ онъ самому государю; могу обманываться, но хитростей и уловокъ никакихъ не знаю....“ Правдивость достойная подражанія и,—прибавимъ,—лучшей цѣли! Но въ этомъ-то и состоитъ печальная оригинальность нашей исторіи въ текущее столѣтіе, ея мрачный трагизмъ,—что до послѣдняго времени люди съ либеральными стремленіями

рѣдко бывали у насъ патріотами, тогда какъ патріоты очень часто отличались самою тупою враждой къ свободѣ, во всѣхъ сферахъ ея проявленія,—къ свободѣ слова, мысли и совѣсти. Русскіе либералы Александрова времени не хотѣли знать русскаго языка, и ставили себѣ задачей передѣлать Россію по образцу то Англіи, то Франціи. Не подъ покровомъ ли либерализма развилась отчужденность отъ Россіи прибалтійскихъ губерній? Не либеральнымъ ли дѣломъ признавалось дать Польшѣ преимущества въ коихъ отказывали Россіи, и нѣмецкихъ колонистовъ возвысить предъ русскими поселянами? Не въ либеральной ли средѣ вырабатывалась мысль о Малороссіи какъ объ отдѣльной, самостоятельной странѣ, то-есть о раздробленіи Россіи? Съ другой стороны, куда желали вести насъ патріоты—это мы видѣли изъ всего вышеизложеннаго. Мы видѣли съ какимъ рвеніемъ князь Голицынъ, при помощи Руничей, Магницкихъ и Красовскихъ, истреблялъ въ Россіи свободу мысли и слова; этого казалось недостаточно патріотамъ подобнымъ Шишкову и Фотію: они стали истреблять и свободу совѣсти, которой покровительствовалъ князь Голицынъ. Скажутъ: Библейское Общество имѣло слишкомъ офиціальный характеръ и покровительство его протестантскимъ ученіямъ компрометтировало правительство. Правда; но почему же было не ходатайствовать, вмѣсто уничтоженія этого Общества, о томъ чтобы государь лично устранился отъ него и чтобъ онъ дозволилъ образовать другое Общество, для распространенія книгъ одобряемыхъ православною церковью? Но нѣтъ, Шишковъ, вступивъ въ управленіе министерствомъ просвѣщенія, началъ одинаково преслѣдовать мистическія галлюцинаціи Эккартсгаузена съ Лабзинымъ и Евангеліе переложенное на общепонятный языкъ. Это значило не только возставать противъ свободы мнѣній въ дѣлахъ религіи: это значило отнимать у всего почти Русскаго народа возможность развитія въ христіанскомъ духѣ. Слѣпо вѣруй и ничего не знай, ничего не понимай, ни о чемъ не разсуждай,—не такова ли была программа народнаго просвѣщенія провозглашенная Шишковымъ и долго провозглашавшаяся его послѣдователями? „Тишина царствуетъ повсюду, говорилъ онъ, — что же еще нужно Россіи.“ Мудрено ли что подобная программа возбуждала въ людяхъ болѣе либеральныхъ презрѣніе и къ ней самой, и къ тѣмъ кто ее провозглашали, и къ тѣмъ ради кого она прилагалась? И такимъ-то образомъ въ правительственныхъ сферамъ Рос-

сіи поочередно являлись люди то презиравшіе ее, то внушавшіе къ ней презрѣніе!...

Но мы должны при этомъ обратить вниманіе еще на одно явленіе. Въ каждой странѣ могутъ быть люди подобные Шишкову, Серафиму, Фотію, даже Аракчееву, и вездѣ могутъ они достигнуть извѣстнаго значенія, благодаря заслугамъ оказаннымъ на извѣстныхъ поприщахъ и при извѣстныхъ случаяхъ; но не вездѣ вліяніе ихъ можетъ быть такъ зловредно какъ оно было у насъ. Мы видѣли въ какой глубокой тайнѣ, въ какомъ таинственномъ мракѣ разыгралась интрига направленная противъ князя Голицына: въ этой тайнѣ, въ этомъ-то мракѣ и заключается ея ядовитость. Мы видѣли что нѣкоторыя ретроградныя мнѣнія Шишкова встрѣтили отпоръ въ такомъ немногочисленномъ собраніи какъ государственный совѣтъ, и гдѣ только больное воображеніе нашего корнеслова могло усмотрѣть крайнихъ прогрессистовъ: что же было бы, еслибъ онъ долженъ былъ дѣлать свои заявленія въ средѣ болѣе многочисленнаго собранія, въ которомъ находились бы представители всѣхъ интересовъ страны, всѣхъ оттѣнковъ общественнаго мнѣнія? Шишковъ вызывалъ напечатать мнѣніе графа Кочубея по вопросу о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти и вмѣстѣ съ нимъ свое, въ увѣренности что общественное мнѣніе станетъ на его сторону. Но мы можемъ сказать съ полною увѣренностью что это было съ его стороны глубокимъ самообольщеніемъ. Матеріалы печатаемые въ помянутой *Бесѣдѣ Общества Любителей Словесности* доказываютъ что только сильнѣйшій гнетъ цензуры не допустилъ нашей юной литературѣ подготовить общественное мнѣніе Россіи къ великому событію 19го февраля 1861 года. Вообразимъ же себѣ теперь что ничто не связываетъ мысль русскаго общества, и что Шишковъ предъ свободнымъ собраніемъ представителей русскаго общественнаго мнѣнія провозглашаетъ о правѣ помѣщиковъ продавать людей въ раздробь, или о необходимости заткнуть всѣ скважины сквозь которыя проходитъ свѣтъ на Русскую землю, гдѣ якобы свила себѣ гнѣздо революція и воцарилось безвѣріе. Можетъ-быть во уваженіе прежнихъ его заслугъ этотъ старый маніакъ былъ бы выслушанъ безъ смѣха, но ужъ конечно ему не удалось бы пробраться въ число государевыхъ совѣтниковъ и компрометтировать верховную власть. Къ сожалѣнію, въ тѣ времена о которыхъ мы говоримъ до государя не могло

доходить даже слабое выраженіе общественнаго мнѣнія. Это было большое зло, большое несчастіе, какъ для страны, такъ и для самого государя,—и вотъ почему. Въ странахъ глубоко-монархическихъ, каковы Россія и Англія, принципъ верховной власти окруженъ такимъ величіемъ что особа государя считается священною не только въ силу закона, но и въ силу выработаннаго исторіей народнаго сознанія. Такое заключеніе было выведено между прочимъ въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* изъ содержанія нашихъ народныхъ пѣсенъ. И въ Россіи, и въ Англіи верховная власть не только по закону, но и по сознанію народному считается неотвѣтственною, потому что, находясь превыше всѣхъ партій и частныхъ интересовъ и будучи предметомъ любви и уваженія со стороны народа, который, такъ-сказать сросся съ царствующею династіей,—она не должна, не можетъ, безъ уклоненія отъ естественныхъ законовъ, быть ничѣмъ инымъ кромѣ представительницы и орудія всенародныхъ желаній, всенароднаго блага. Глубоко ошибаются слѣдовательно тѣ ложные ревнители прерогативъ верховной власти которые хотѣли бы наложить печать молчанія на уста народа, считая несовмѣстнымъ съ ея величіемъ освѣдомляться о его желаніяхъ и потребностяхъ! Дѣйствуя въ такомъ смыслѣ, они лишаютъ ее возможности быть вѣрною своей сущности, и сознательно или безсознательно дѣлаютъ ее орудіемъ той или другой партіи, того или другаго сословія, того или другаго частнаго интереса. Мы можемъ сказать не опасаясь возраженій что необыкновенною прочностью своей въ Англіи монархическое начало обязано тому что верховная власть поставлена тамъ въ невозможность уклониться отъ своего характера покровительницы всенародныхъ интересовъ. Парламентъ и свободное общественное мнѣніе провели въ Англіи монархическій принципъ сквозь тысячи опасностей и безъ сомнѣнія соблюдутъ его и на будущее время. Но что̀ поддерживало его у насъ? Глубоко вкоренившееся въ народномъ сознаніи убѣжденіе что царь не желаетъ ничего иного кромѣ блага своего народа, и что ему иногда мѣшаютъ творить благо своекорыстные его совѣтники. Не имѣя права требовать ихъ къ отвѣту, Русскій народъ всегда готовъ сдѣлать ихъ козлами отпущенія своихъ неудовольствій и мститъ имъ тѣми ядовитыми сатирами нѣкоторыя изъ коихъ приведены въ помянутомъ обозрѣніи русскихъ народныхъ пѣсенъ. * Отъ подобной отвѣтственности не отказывался Шиш-

* См. въ *Русск. Вѣст.* за октябрь, рубрику: *Русская литература*.

ковъ—отдадимъ ему справедливость въ послѣдній разъ: онъ вызывался предавать гласности мнѣнія которыя высказывалъ въ государственномъ совѣтѣ и еще при жизни своей напечаталъ часть изданныхъ нынѣ своихъ *Записокъ*. Но не всѣ поступали подобно ему. Многіе старались прятаться отъ суда современниковъ и потомства за плечами государя, выставляя его отвѣтственнымъ лицомъ за свои совѣты и внушенія. Такіе люди были прямо врагами верховной власти; они низводили ее съ подобающихъ ей высотъ и ставили на тотъ опасный путь на которомъ съ такимъ упорнымъ безразсудствомъ хотѣла держаться императорская власть во Франціи.

Вотъ историческія данныя и мысли которыя заключаются въ прекрасномъ изданіи гг. Киселева и Самарина, изъ коихъ первый обогатилъ оное многими любопытными примѣчаніями. Къ сожалѣнію русской публикѣ едва ли придется пользоваться этимъ изданіемъ, такъ какъ оно напечатано за границей и можетъ быть ввезено въ Россію лишь съ дозволенія предварительной цензуры, а предварительная цензура строго держится еще преданій Красовскаго. Лѣтомъ нынѣшняго года напечатано было въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* нѣсколько писемъ *Съ береговъ Чернаго Моря*, въ которыхъ едва ли кто-либо изъ читателей этой газеты усмотрѣлъ зловредныя тенденціи. Но когда авторъ пожелалъ издать свои письма отдѣльною брошюрой, то цензура такъ искрестила ихъ что онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Пишущій эти строки имѣлъ случай видѣть экземпляръ бывшій въ рукахъ цензора и подумалъ что предъ нимъ разыгрывается сцена изъ цензурной практики двадцатыхъ годовъ. Блюститель общественной нравственности не только урѣзалъ всѣ мѣста гдѣ выглядывала какая-нибудь мысль, но даже и нѣкорыя изъ такихъ гдѣ просто заявлялся фактъ. Такъ напримѣръ, описывая Таганрогскій дворецъ императора Александра и комнату въ которой скончался этотъ государь, авторъ написалъ: „въ подвальномъ этажѣ, подъ этою самою комнатой *произведено было вскрытіе тѣла почившаго государя. На мѣстѣ гдѣ оно производилось* сложенъ изъ кирпича постаментъ....“ Казалось бы, что̀ тутъ опаснаго для церкви и государства?

Къ тому же все это уже было только что напечатано въ распространенной газетѣ, а разсмотрѣнію цензора подлежала лишь перепечатка статей въ брошюрѣ которая могла имѣть лишь только ограниченный кругъ читателей. Однако цензоръ вымаралъ все что̀ напечатано курсивомъ. Авторъ написалъ въ другомъ мѣстѣ что такимъ-то людямъ изъ переселенцевъ отведено на Кавказскомъ берегу земли *до безобразія* много: цензоръ вычеркнулъ напечатанное курсивомъ слово и написалъ „чрезвычайно“. Очевидно Красовскіе 1870 года не пропустятъ *Записокъ, мнѣній и переписки* Шишкова.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

БѢЛГРАДСКАЯ СЕМИНАРІЯ

ВЪ СЕРБІИ*

Законнику Душана, знаменитаго сербскаго государя XIV вѣка, предпосылается, по нѣкоторымъ спискамъ, слѣдующее мѣсто изъ кодекса Юстиніанова: „По заповѣди Господа нашего Іисуса Христа и православной церкви во всякомъ градѣ и варошѣ ** гдѣ есть церкви должно и училища устроять чтобы православныя дѣти учились въ нихъ святому Писанію и Божію закону. Какъ построеніе церквей есть доброе и богоугодное дѣло, точно также доброе и богоугодное дѣло устроеніе училищъ:—оно служитъ и тѣлу и душѣ во спасеніе. Школы должны быть велики и благолѣпны. Цари, князья и бояри да поставляютъ въ городахъ и варошахъ въ учителей философовъ и людей ученыхъ, которые могли бы научать дѣтей книжной и святой премудрости. Даскаламъ и учителямъ долженъ пла-

* Предлагаемая статья составлена на основаніи: а) сочиненія Миличевича: *Школе у Сербіи, у Београду, 1868*; б) сочиненія Вукучевича: *Први извештаі о іавномъ учительско-приправническомъ заводу србскомъ у Сомбору 1862—63*; в) Семинарскаго бѣлградскаго устава: *Законъ о устройству богословіе.* и г) Личныхъ моихъ воспоминаній о Бѣлградской семинаріи, изъ моего, очень впрочемъ непродолжительнаго путешествія по Сербіи въ 1868 году.

** Градъ—укрѣпленный, вароша—неукрѣпленный городъ.

тить благочестивый царь и награждати ихъ по ихъ прилежанію. Царямъ, князьямъ, патріарху и митрополитамъ *препоручается* чтобъ они давали села и рудоколни подъ школы, чтобъ изъ этого источника дѣти получали себѣ содержаніе и учились охотно. Начальники (поглавори), свѣтскіе и духовные, должны заботиться объ учащихся дѣтяхъ какъ о своихъ по благодати дѣтяхъ. Если нѣтъ школъ и просвѣщенія, то какая тогда слава и царству? Всякій человѣкъ не умѣющій читать Св. Писанія подобенъ скотинѣ. Отецъ, мать, сродники должны непремѣнно своихъ дѣтей отъ 7 лѣтъ посылать въ школы. По городамъ *соборъ* или община должны заводить свои школы и учителямъ платить, и *обштинари* и *главари* должны часто посѣщать свои школы. Ученикамъ должны раздавать подарки: когда крестъ, когда малые образки, чтобы дѣти съ веселымъ сердцемъ ходили въ школу. По великимъ городамъ, гдѣ есть монастыри и монахи,—монахи правятъ должность учителей, а по селамъ правятъ ее и бѣльцы, когда дѣти идутъ въ церковь въ часъ молитвы, — прежде всего должны собраться въ школѣ и затѣмъ идти въ церковь попарно и учитель долженъ идти съ ними, какъ пастырь съ овцами.“

На основаніи этого указанія (полагаю что приведенный законъ не безъ цѣли предпосланъ Душанову *Законнику*, но что онъ имѣлъ въ то время дѣйствительную силу въ сербскихъ земляхъ), а равно и того обстоятельства что въ Сербіи, несмотря на всѣ турецкіе погромы, до сихъ поръ уцѣлѣло немало памятниковъ древней сербской письменности и культуры, сербскіе писатели заключаютъ что просвѣщеніе Сербіи въ XIII и XIV вѣкѣ было, по тогдашнему времени, въ цвѣтущемъ состояніи, что у Сербовъ были устроены тогда въ значительномъ числѣ великія и малыя школы, по образцу греческихъ.

Варварство Турокъ разрушило, особенно во второй половинѣ XV и въ XVI вѣкѣ, сербскія школы, погасило просвѣщеніе и остановило духовное развитіе въ Сербскомъ народѣ.

Вотъ какъ покойный Вукъ описываетъ состояніе сербскихъ школъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка: „Въ настоящей Сербіи, до 1804, на 100 селъ нельзя было найти ни одной школы. Тѣ которые хотѣли быть монахами или попами, учились по монастырямъ у монаховъ, а по селамъ у поповъ. У всякаго монастыря было по нѣскольку учениковъ (ђаковъ). Кто былъ помоложе, пасъ козъ, овецъ, свиней,

пахалъ землю, убиралъ сѣно, собиралъ сливы и т. д., а постарше занимались съ монахами Писаніемъ. Зимой поутру всѣ носили дрова, затѣмъ старшіе поили монастырскихъ коней, а младшіе убирали комнаты; для ученія или собирались въ одну комнату гдѣ имъ какой-нибудь монахъ показывалъ какъ нужно читать, или всякій учился отдѣльно у своего духовника; многіе лѣтомъ забывали что̀ узнавали зимой. Такимъ образомъ бывали иногда и такіе ученики которые учились по 4 и 5 лѣтъ и все-таки не умѣли читать. Попы обыкновенно имѣли по одному или по два дьяка, которые также занимались больше по хозяйству: носили воду, убирали коней и т. д., а если гдѣ въ округѣ была школа, то народъ изъ окольныхъ селъ водилъ дѣтей къ учителю и платилъ ему помѣсячно за ученіе. Въ школахъ дѣти должны были оставаться и учиться съ утра до темной ночи (только уходили на время для обѣда). Когда начинали читать, то кричали такъ (читая каждый свое) что въ школѣ ничего нельзя было разобрать. Въ школѣ учили немного и писать, коль учитель зналъ. Какъ по монастырямъ и у поповъ, такъ и въ школахъ дѣти начинали учиться съ рукописи (ибо букваря не было), напримѣръ учитель напишетъ ученику что̀ нужно учить тотчасъ же, а когда онъ выучитъ, то напишетъ другое и т. д.; когда такимъ образомъ дьякъ изъ рукописи научится складамъ, тогда беретъ часословъ (славянскій), а когда выучитъ и перечитаетъ нѣсколько разъ часословъ, тогда беретъ псалтирь, а кто изучилъ и перечиталъ нѣсколько разъ псалтирь, тотъ изучилъ уже всю книжную премудрость. Тогда онъ могъ, если хотѣлъ, быть попомъ, монахомъ, учителемъ, протопопомъ, архимандритомъ, а если имѣлъ довольно денегъ, то и владыкой. Всякій учитель по своей волѣ открывалъ школу, точно такъ же какъ и закрывалъ ее, и шелъ на другое мѣсто и принимался за совершенно другое дѣло."

Съ началомъ политическаго возрожденія Сербіи соединяется и дѣятельное стремленіе ея къ заведенію училищъ. Въ правленіе Карагеоргіевича были устроены школы почти по всѣмъ городамъ, а кое-гдѣ и по селамъ. Въ Бѣлградѣ, кромѣ двухъ малыхъ школъ, была еще школа великая, какой до тѣхъ поръ Сербы еще нигдѣ не имѣли. Она основана въ 1808 году. Въ ней первый учитель былъ Иванъ Юговичъ (или Іованъ Савичъ), послѣ него Милько Радоничъ, Лазаръ Воиновичъ, Симо Милютиновичъ. Въ великую школу принимали дѣтей

которыя умѣли уже читать и писать. Здѣсь имъ преподавали исторію своего народа на сербскомъ языкѣ, общую географію, право (какъ кажется римское), кое-что изъ физики, ариѳметику, нѣмецкій языкъ и нравоучительныя правила. Для преподаванія всѣхъ этихъ наукъ было три учителя, ученіе раздѣлялось на три годичные курса. Вмѣстѣ съ владычествомъ Карагеоргіевича погибли (1813) и эти школы, и все опять пошло по старому. Съ началомъ владычества Милоша Обреновича, въ 1815 году, въ Сербіи опять начали устроятся и размножаться школы. Ко времени этого князя относится, между прочимъ, и учрежденіе семинаріи.

Семинарія основана въ 1836—7 учебномъ году по старанію митрополита Петра Іовановича, предшественника настоящаго митрополита Михаила,—и первоначально находилась въ исключительномъ вѣдѣніи митрополита.

Въ первый же годъ поступили въ нее и въ продолженіе всего года учились 43 ученика. Для преподаванія назначены были слѣдующіе предметы: славянская грамматика, исторія церкви съ литургикой, догматика, пастырское и нравственное богословіе.

Первыми профессорами были Гавріилъ Половичъ, въ послѣдствіи епископъ Шабачкій, и нѣкто Ликогенъ Михайловичъ, получившіе образованіе въ Австріи.

4го февраля 1837 года было первое испытаніе въ новооснованной школѣ, при которомъ присутствовали: князья Миланъ и Михаилъ, митрополитъ Петръ съ духовенствомъ, директоръ основныхъ школъ Зоричъ, и отвѣтами учениковъ остались всѣ довольны.

Въ 1837—8 году открытъ въ семинаріи новый классъ (разрядъ) съ предметами: методикой, реторикой и объясненіемъ Евангелія. Поступило 63 человѣка; окончили курсъ (изъ поступившихъ въ семинарію въ предшествующемъ году) 26 человѣкъ.

Въ 1838—9 году прибавленъ еще предуготовительный классъ, съ общею исторіей, географіей и ариѳметикой. Сообразно съ числомъ классовъ, и профессоровъ теперь стало три; учениковъ въ этотъ годъ выпущено 28.

Съ образовавшимися такимъ образомъ тремя классами семинарія оставалась до 1844.

Въ 1833—40 году учениковъ было въ семинаріи 102; окончили курсъ 23.

Въ 1840—41 году изо 104 учениковъ окончило курсъ 25; къ

предметамъ преподаванія въ этотъ годъ прибавлены: церковный уставъ (церковное правило) и пѣніе.

Въ 1841—42	поступило 111,	окончило	29
„ 1842—43	 82		27
„ 1844—45	 114		23

Въ 1844 году открытъ новый классъ (разрядъ) въ семинаріи; такимъ образомъ теперь стало 4 класса, изъ которыхъ два первые были предуготовительные, а два послѣдніе собственно богословскіе.

Каждый изъ этихъ четырехъ классовъ имѣлъ особаго профессора, котораго содержаніе, до того времени весьма скудное и не регулярно производившееся, теперь много улучшено; два старшіе профессора стали получать по 400, а младшіе по 350 талеровъ. Другихъ измѣненій въ устройствѣ семинаріи, особенно касательно ея управленія (отношеній къ митрополиту), не допустилъ сдѣлать авторитетъ тогдашняго митрополита Петра: въ изданномъ отъ правительства (въ означенномъ 1844 году) уставѣ для всѣхъ учебныхъ заведеній Сербіи, относительно семинаріи замѣчено только: „при митрополіи сербской, въ Бѣлградѣ, существуетъ одно богословское училище; управленіе имъ и выборъ потребныхъ профессоровъ ввѣряются митрополиту или его мѣстозаступнику“.

Въ 1845—6 поступило въ семинарію 123, окончило курсъ 22. Къ этому учебному году относится слѣдующее распоряженіе митрополита Петра, которому сербскій авторъ „школъ въ Сербіи“, г. Миличевичъ, усвояетъ по послѣдствіямъ этого распоряженія для Сербіи огромное значеніе. „Еще въ 1839, говоритъ онъ, когда въ первый разъ молодые люди были посланы изъ Сербіи для образованія за границу, митрополитъ Петръ настаивалъ чтобы приготовлялись достойные преподаватели и богословскихъ наукъ. Но гдѣ можно было приготовлять ихъ? Въ Сербіи, по тогдашнему состоянію въ ней просвѣщенія, это было рѣшительно невозможно. Австрія въ этомъ отношеніи тоже не могла привлекать къ себѣ. Митрополитъ самъ очень хорошо зналъ недостатки тамошнихъ учебныхъ заведеній и несообразность ихъ духа съ духомъ Сербской земли. Куда слѣдовательно нужно было обращаться, какъ не къ братьямъ по крови и вѣрѣ,—къ Русскимъ,—въ Москву и Кіевъ?... Представленіе митрополита на этотъ счетъ было уважено, и русскій консулъ Данилевскій въ 1845 году далъ знать что, по распоряже-

нію русскаго правительства, шестеро молодыхъ людей могутъ поступить въ русскія духовныя школы. Митрополитъ Петръ тотчасъ же избралъ слѣдующихъ шесть человѣкъ: Милая Іовановича (теперешній митрополитъ Михаилъ), Савву Срѣтеновича, Василія Николаевича, Димитрія Нѣшича, Милосава Протича, Гаврила Миличевича, и отправилъ ихъ въ іюлѣ 1846 года съ Симою Милютиновичемъ въ Кіевъ для помѣщенія въ тамошнюю семинарію. Это были первые юноши которые изъ Сербіи прибыли въ Россію для ученія. Этимъ проложенъ былъ путь ко взаимному сближенію двухъ родственныхъ націй. Это дѣло митрополита Петра, заключаетъ Миличевичъ, такъ важно что всѣхъ благотворныхъ послѣдствій его для Сербіи, настоящихъ и ожидаемыхъ, нельзя и исчислить".

Въ началѣ 1849—50 * учебнаго года въ Сербію прибыли два русскіе профессора (семинаріи): Димитрій Алексѣевичъ Рудинскій и Василій Вердишъ. Это случилось такимъ образомъ. Сима Милютиновичъ, привезши означенныхъ молодыхъ людей въ Россію, заявилъ тамъ многимъ важнымъ лицамъ какъ было бы важно для Бѣлграда имѣть русскихъ профессоровъ для преподаванія русскаго языка. Его мысль была принята, и такимъ образомъ два означенные профессора, по распоряженію правительства, отправились въ Бѣлградъ, съ тѣмъ самымъ жалованьемъ, производившимся имъ изъ русской казны, которое они получали въ Россіи. „Тогдашнему сербскому правительству, равно и многимъ другимъ, замѣчаетъ Миличевичъ, былъ не совсѣмъ пріятенъ приходъ русскихъ профессоровъ. Митрополиту Петру пришлось много потерпѣть изъ-за этого непріятностей. Между тѣмъ дѣло это было чрезвычайной важности. Отъ этихъ профессоровъ, особенно Рудинскаго, который былъ родомъ изъ Воронежской губерніи, мы заслышали чистый и пріятный русскій говоръ". ** Служба этихъ про-

* Въ 1846—47 поступило въ семинарію 153, кончило 18 учен.

„ 1847—48	„	„	„	129	„	22	„
„ 1848—49	„	„	„	118	„	25	„
„ 1849—50	„	„	„	126	„	33	„

** И самъ Миличевичъ, какъ видно, не безъ пользы слушалъ этотъ говоръ; онъ совершенно удовлетворительно говоритъ по-русски. Съ особенною благодарностію вспоминаетъ онъ, въ своемъ сочиненіи *О школахъ въ Сербіи*, объ урокахъ Рудинскаго по поводу Этнографической выставки, говоря что благодаря имъ, онъ имѣлъ счастіе съ величайшимъ изъ монарховъ, Александромъ II, говорить языкомъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

фессоровъ въ Бѣлградской семинаріи, по замѣчанію того же Миличевича, была весьма важна между прочимъ и въ томъ отношеніи что они способствовали установленію деликатности въ отношеніяхъ профессоровъ къ ученикамъ, которыя (отношенія) до того времени заслуживали всякой укоризны, такъ что были профессоры которые большую часть своего часа проводили въ собственноручной расправѣ съ учениками.

Прибытіе въ Бѣлградъ русскихъ профессоровъ имѣло вліяніе и на расширеніе учебной программы. Рудинскій сталъ преподавать русскій языкъ, а Вердишъ церковную исторію съ библейскою географіей.

Въ томъ же 1849 году, въ сентябрѣ, возвратились изъ Кіевской семинаріи и двое изъ посланныхъ туда молодыхъ людей, именно Савва Срѣтеновичъ и Димитрій Нѣшичъ, и тотчасъ же поступили въ число профессоровъ богословія; а оставшіеся въ Кіевѣ поступили для окончанія ученія въ тамошнюю духовную академію.

Годъ 1863 * составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ эпоху въ скромной исторіи Бѣлградской семинаріи. До этого времени семинарія находилась, какъ уже замѣчено было, въ полной зависимости отъ митрополита: всѣ порядки семинарскіе, преподаваніе и дисциплина опредѣлялись исключительно волей митрополита, которымъ и написано было „устройство за семинарію", читавшееся обыкновенно въ семинаріи предъ начатіемъ всякаго учебнаго года. Въ 1863 году, 27го сентября, изданъ первый правительственный законъ касательно семинаріи. Школа эта вошла въ рядъ остальныхъ учебныхъ заведеній страны.

* Въ	1850—51	поступило	въ	семинарію	138,	кончило	курсъ	20
„	1851—52	„	„	„	160	„	„	30
„	1852—53	„	„	„	162	„	„	24
„	1853—54	„	„	„	163	„	„	36
„	1854—55	„	„	„	145	„	„	31
„	1855—56	„	„	„	143	„	„	27
„	1856—57	„	„	„	161	„	„	38
„	1857—58	„	„	„	161	„	„	25
„	1858—59	„	„	„	171	„	„	20
„	1859—60	„	„	„	168	„	„	34
„	1860—61	„	„	„	166	„	„	37
„	1861—62	„	„	„	192	„	„	38
„	1862—63	„	„	„	200	„	„	37
„	1863—64	„	„	„	192	„	„	39

Главныя положенія этого устройства суть слѣдующія:

Богословія (такъ теперь офиціально стала называться семинарія) есть высшаго разряда духовное училище, въ которомъ ученики приготовляются для священническаго чина, въ духѣ православія и христіанскаго благочестія.

Богословія какъ духовно-учебное заведеніе находится подъ управленіемъ архіерейскаго собора и подъ верховнымъ попеченіемъ и надзоромъ министра просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ.

Архіерейскій соборъ можетъ свои права по управленію семинаріей передать частію или даже и совсѣмъ митрополиту, какъ лицу которому и удобнѣе управленіе по его непосредственной близости къ семинаріи находящейся при митрополичьемъ домѣ; непосредственное управленіе заведеніемъ ввѣряется ректору.

Богословія имѣетъ четыре класса или разряда, каждый съ годичнымъ курсомъ, а каждый курсъ дѣлится на семестры.

Въ богословіи преподаются:

Въ 1мъ разрядѣ. Славянскій языкъ, общая реторика, общая исторія съ землеописаніемъ, психологія съ физіологіей, сельское хозяйство (польска економица), пѣніе и церковный уставъ (црквено правило).

Во 2мъ разрядѣ. Чтеніе и изъясненіе Священнаго Писанія, частная реторика, общая исторія съ землеописаніемъ, логика, физика, славянскій языкъ, русскій языкъ, сельское хозяйство, пѣніе и уставъ.

Въ 3мъ разрядѣ. Догматика, гомилетика, церковная исторія съ библейскимъ землеописаніемъ, чтеніе Священнаго Писанія, герменевтика, каноническое право, обрядословіе, пѣніе и уставъ.

Въ 4мъ разрядѣ. Пастырское богословіе, догматика, нравственное богословіе, исторія церкви, учительскій методъ съ практическимъ счетоводствомъ, діэтетика съ объясненіемъ употребленія домашнихъ лѣкарствъ, проповѣдническія упражненія, пѣніе и уставъ.

Профессоры богословія и суппленты (новопоступившіе преподаватели находящіеся, обыкновенно очень не долгое время, на испытаніи) поставляются княземъ, свѣтскіе—по предложенію министра просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ, а лица духовныя—также по предложенію министра просвѣщенія, но съ предварительнымъ представленіемъ архіерейскаго собора.

Въ ректоры поставляется одинъ изъ профессоровъ духовнаго званія, всегда *на одинъ годъ.*

Главныя обязанности ректора слѣдующія:

1) Наблюдаетъ чтобы въ богословіи во всемъ былъ добрый порядокъ.

2) Наблюдаетъ чтобы профессоры исполняли свои обязанности.

3) Наблюдаетъ за благочиніемъ учениковъ, и виновныхъ наказываетъ выговоромъ и заключеніемъ въ карцеръ даже до восьми дней; а о важныхъ проступкахъ доноситъ богословскому совѣту (профессорамъ предоставлено только право выговора).

4) Онъ созываетъ богословскій совѣтъ, руководитъ на немъ совѣщаніями и исполняетъ его опредѣленія, если они не заключаютъ въ себѣ ничего противозаконнаго.

5) Онъ выдаетъ ученикамъ свидѣтельство объ ихъ поведеніи и успѣхахъ.

6) Въ концѣ каждаго года онъ представляетъ, чрезъ архіерейскій соборъ, министру просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ отчетъ о состояніи богословія за истекшій годъ, по части учебной и нравственной.

7) Онъ заступаетъ въ преподаваніи мѣсто больнаго или отсутствующаго профессора или назначаетъ кто изъ профессоровъ долженъ заступить его.

8) Онъ охраняетъ учебныя средства и имущество заведенія и за нихъ отвѣчаетъ.

9) Онъ получаетъ отъ казны суммы назначаемыя на содержаніе заведенія, расходуетъ ихъ сообразно съ ихъ назначеніемъ и представляетъ кому слѣдуетъ отчетъ.

Въ профессора и суплenты богословскихъ наукъ можетъ быть поставлено духовное лице окончившее курсъ богословскихъ наукъ съ добрымъ успѣхомъ, а для преподаванія наукъ не богословскихъ можетъ быть поставлено и свѣтское лицо съ качествами гимназическихъ профессоровъ.

Богословскій совѣтъ составляютъ *всѣ профессора* и суплenты богословія. Кругъ дѣйствій богословскаго совѣта слѣдующій:

1) Въ началѣ учебнаго года онъ просматриваетъ, а если нужно и поправляетъ программы профессоровъ, назначаетъ для каждаго предмета часы преподаванія, и все это, чрезъ архіерейскій соборъ, представляетъ министру просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ на утвержденіе.

2) Разсуждаетъ о средствахъ усовершенствованія, и свои соображенія объ этомъ представляетъ, чрезъ архіерейскій соборъ, министру просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ.

3) Принимаетъ учениковъ въ богословію.

4) Назначаетъ лучшимъ и бѣднымъ ученикамъ казенное содержаніе.

5) Назначаетъ особыя коммиссіи для экзамена учениковъ, которыхъ данныя имъ изъ гимназіи свидѣтельства неудовлетворительны. Для поступленія въ богословію требуется удовлетворительное знаніе предметовъ проходимыхъ въ 4хъ классахъ гимназіи.

6) Дѣлаетъ росписаніе дней экзаменовъ для учащихся въ богословіи.

7) Опредѣляетъ наказанія ученикамъ за важные проступки. Эти наказанія, опредѣляемыя богословскимъ совѣтомъ, состоятъ: въ заключеніи виновнаго въ карцеръ, срокомъ даже на мѣсяцъ, во временномъ удаленіи изъ семинаріи, и наконецъ, въ совершенномъ исключеніи.

Преподаваніе начинается тотчасъ же по принятіи учениковъ въ богословію, во второй половинѣ августа, и продолжается непрерывно, исключая время назначенное для экзаменовъ и отдыха.

Для отдыха назначается мѣсяцъ іюль и половина августа, два дня предъ Рождествомъ и три дня святокъ, время отъ Вербнаго Воскресенія и до четверга Свѣтлой недѣли включительно, и наконецъ всѣ воскресные и праздничные дни и четвергъ послѣ полудня; но если случится что среди седмицы въ теченіе цѣлаго или половины дня не бываетъ преподаванія вслѣдствіе праздника или другой какой причины, то это опущеніе вознаграждается ученіемъ въ четвергъ послѣ обѣда.

Ректоръ богословія имѣетъ право, когда найдетъ нужнымъ, давать и другіе дни для отдыха.

Экзамены производятся два раза въ годъ: во второй половинѣ января и іюня. Но богословскій совѣтъ можетъ, съ утвержденія министра просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ, дозволить нѣкоторымъ ученикамъ, въ уваженіе особенныхъ обстоятельствъ, держать экзаменъ и въ другое время.

Экзамены производятся по программамъ, которыя профессоры подаютъ въ началѣ года.

Отвѣты учениковъ обозначаются баллами: 1, 2, 3, 4, 5. При

выводѣ средняго балла, половина при цѣломъ считается какъ цѣлая единица.

Ученики переводятся изъ одного класса въ другой по среднему баллу, какой выводится изъ суммы балловъ за весь учебный годъ и экзаменныхъ. У кого въ результатѣ окажется одинъ или два, тотъ не можетъ перейти въ старшій классъ и даже не можетъ быть допущенъ ко вторичному испытанію для поправленія балла. Кто имѣетъ средній баллъ не менѣе трехъ, тотъ можетъ перейти въ старшій классъ, если общіе годичные баллы, равно и экзаменные, не будутъ ниже трехъ. Въ противномъ случаѣ нужно снова держать экзаменъ въ началѣ слѣдующаго учебнаго года; кто не поправитъ на этомъ новомъ испытаніи балла, тотъ не можетъ перейти въ слѣдующій старшій классъ.

Относительно распорядковъ учебныхъ занятій уставъ, повидимому, выражаетъ особенную заботливость чтобъ ученики, кромѣ самаго необходимаго для отдыха времени, постоянно были заняты учебнымъ дѣломъ. И дѣйствительно, учебныхъ дней въ году для бѣлградскихъ семинаристовъ очень много; но въ то же время нельзя сказать чтобы достаточно было у нихъ времени для учебныхъ занятій. Дѣло въ томъ что каждый учебный день очень много беретъ времени у семинаристовъ на церковныя службы и церковное пѣніе. Вотъ какъ обыкновенно проходитъ у нихъ день. Въ 5 часовъ встаютъ (въ Сербіи вообще встаютъ рано) и идутъ къ утренѣ, которая продолжается часъ; затѣмъ время до восьми проходитъ въ завтракѣ и приготовленіи къ классамъ. Отъ 8—11 два класса, затѣмъ обѣдъ. Послѣ обѣда отъ 2 до 5 часовъ еще два класса; послѣ классовъ вечерня, послѣ вечерни церковное пѣніе (часъ), затѣмъ ужинъ, послѣ котораго ученики тотчасъ же ложатся спать. Посѣщеніе церковныхъ службъ въ семинарской дисциплинѣ считается до такой степени важнымъ что относительно этого пункта въ аттестатахъ, выдаваемыхъ ученикамъ при окончаніи курса, существуетъ даже особая отмѣтка, кромѣ общей отмѣтки по поведенію. Ясно что, за исключеніемъ времени необходимаго для отдыха, у учениковъ почти вовсе не остается времени для учебныхъ занятій внѣ класса. Этотъ порядокъ съ самаго начала Бѣлградской семинаріи перешелъ въ нее изъ австрійскихъ и не очень нравится настоящимъ бѣлградскимъ профессорамъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ съ которыми мнѣ приходилось говорить объ этомъ. Редакторъ церковной бѣлградской

газеты *Пастир* * имѣлъ даже въ виду (въ бытность мою въ Бѣлградѣ лѣтомъ 1868 года) печатно заявить о неудобствахъ такого порядка.

Въ учебной программѣ очень важный недостатокъ (тоже очень хорошо сознаваемый профессорами) тотъ что до 4го класса, несмотря на преподаваніе въ первыхъ трехъ классахъ реторики, не полагается никакихъ упражненій въ сочиненіяхъ; только съ 4го класса ученики вдругъ начинаютъ писать проповѣди (понятно, какъ это должно быть легко для нихъ, и какого рода должны выходить у нихъ произведенія!) числомъ отъ 3—4 въ годъ. Сербы, воспитывавшіеся въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ особенною признательностію относятся къ этимъ заведеніямъ за то что пріобрѣли въ нихъ навыкъ къ письменному изложенію своихъ мыслей, и тѣмъ болѣе чувствуютъ означенный недостатокъ своей семинаріи. Настоящій митрополитъ Михаилъ, чтобы поощрить семинаристовъ къ литературнымъ занятіямъ, далъ имъ средства издавать журналъ *Богословъ;* но существованіе его было слишкомъ кратковременно (годъ или два); (статьи въ той книжкѣ какую я видѣлъ были большею частію переводныя изъ русскихъ журналовъ). Въ замѣнъ этого существуетъ теперь въ Бѣлградской семинаріи такъ-называемое *Братство богословское*, члены котораго собираются разъ въ недѣлю для чтенія разныхъ литературныхъ статей и для школьныхъ диспутовъ, при чемъ присутствуютъ, по желанію, и профессоры,— не въ качествѣ офиціальныхъ наблюдателей, но въ качествѣ посѣтителей желаемыхъ самими учениками.

Учебники въ Бѣлградской семинаріи большею частію переведены (частію передѣланы) съ русскихъ. Такъ въ учебникъ догматическаго богословія переведено богословіе преосвященнаго Антонія; въ учебникъ нравственнаго богословія *Черты дѣятельнаго ученія вѣры*, Кочетова, въ учебникъ церковной исторіи — книжка по сему предмету Кіевскаго протоіерея Скворцова, съ небольшимъ дополненіемъ о Сербской церкви.

При семинаріи имѣется библіотека (около 2.000 томовъ); мнѣ не пришлось ее видѣть по случаю отсутствія библіотекаря (въ вакантное время), но по отзывамъ лицъ съ которыми я говорилъ о ней въ Бѣлградѣ, она не заключаетъ ничего осо-

* Газета издается съ 1868 года бѣлградскимъ протоіереемъ Николою Поповичемъ, учившимся въ Кіевской академіи.

бенно замѣчательнаго, состоитъ большею частію изъ русскихъ книгъ полученныхъ главнымъ образомъ изъ Кіева.

Семинарія содержится на правительственный счетъ. Содержаніе ея стоитъ правительству ежегодно около 16.000 гульденовъ. Изъ этой суммы дается жалованье профессорамъ, содержатся воспитанники (впрочемъ не всѣ, какъ увидимъ ниже), ремонтируются зданія.

Положеніе профессоровъ семинаріи въ Бѣлградѣ нельзя назвать не обезпеченнымъ. Жалованья первоначальнаго они имѣютъ 450 талеровъ, * но черезъ каждыя 10 лѣтъ имъ дѣлаются прибавки, такъ что чрезъ 30 лѣтъ сумма жалованья восходитъ до 600 талеровъ; эта сумма, по выслугѣ 30 лѣтъ, обращается уже и въ пенсію. Чтобы понять значеніе этихъ цифръ, нужно имѣть въ виду что, по относительной стоимости предметовъ потребленія въ Сербіи, талеры нужно считать вдвое дороже нашихъ рублей. Это постепенное возвышеніе учительскаго жалованья, сообразно съ трудами и расширяющимися нуждами учителя, особенно если онъ семейный, и обращеніе послѣдняго жалованья, въ то время когда человѣкъ положилъ уже на учебное дѣло всѣ свои силы, въ пенсію, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлаетъ честь вниманію сербскаго правительства къ учительской дѣятельности. Повидимому, неблагопріятное обстоятельство для преподавателей — долгій срокъ для пенсіи; но это неудобство ослабляется тѣмъ что на *неполную* пенсію *каждый* профессоръ имѣетъ право уже чрезъ 10 лѣтъ своей службы, именно онъ получаетъ въ такомъ случаѣ по 40 талеровъ отъ 100 своего годоваго жалованья; чтобъ имѣть право на такую пенсію, отъ него не требуется никакихъ свидѣтельствъ что онъ повредился въ умственныхъ способностяхъ, или разбитъ параличомъ, требуется просто только его выходъ.

По уставу 1863 года, въ Бѣлградской семинаріи полагается семь профессоровъ, не считая двухъ внѣшнихъ: учителя сельскаго хозяйства и гигіены. Изъ этихъ семи, въ прошедшемъ учебномъ году, было три монаха, одинъ бѣлый священникъ, ** остальные свѣтскіе. Двое изъ профессоровъ учились въ русскихъ академіяхъ: Моисей (монахъ) въ Кіевской, Никодимъ

* Квартиры въ семинаріи даются только монашествующимъ.

** Не приписанный ни къ какой церкви: въ Сербіи это не считается не каноничнымъ. Тамъ есть, между прочимъ, на томъ же положеніи и члены консисторіи—безприходные священники.

(бѣлый священникъ) въ Петербургской, лица очень образованныя и весьма почтенныя по своей профессорской дѣятельности. Первый, впрочемъ, въ началѣ текущаго учебнаго года, оставилъ семинарію для занятія епископской каѳедры въ Шабацѣ. Мѣсто его въ семинаріи, по всей вѣроятности, замѣщено теперь однимъ изъ молодыхъ Сербовъ окончившихъ курсъ въ Московской академіи въ прошедшемъ году, что предполагалось уже, еще до оставленія о. Моисеемъ семинаріи, въ виду его новаго назначенія. *

Съ самаго начала семинаріи сербское правительство приняло на себя содержать нѣсколько бѣдныхъ учениковъ. Они назывались (и до сихъ поръ зовутся) правительственными *благодѣянцами* и помѣщались въ особомъ казенномъ зданіи.

Съ $18^{49}/_{50}$ года всѣ ученики богословія помѣщены вмѣстѣ, съ тѣмъ различіемъ что на благодѣянцевъ отпускаетъ потребныя суммы казна, а остальные всѣ должны каждый за себя вносить отъ трехъ до трехъ съ половиной талеровъ въ мѣсяцъ. Для помѣщенія учениковъ, по причинѣ умноженія ихъ, правительство дало еще одно зданіе, гдѣ прежде помѣщалась бѣлградская гимназія. Объ одеждѣ всѣ воспитанники семинаріи должны заботиться сами; каждый имѣетъ ее по своему достатку и вкусу. Одежда эта обыкновенная свѣтская; только въ послѣдній годъ, многіе, по собственному желанію, одѣваются въ священническое полукафтанье.

На лѣтнее вакантное время духовное начальство заботливо разсылаетъ бѣднѣйшихъ изъ воспитанниковъ семинаріи по монастырямъ, гдѣ они находятъ себѣ самый искренній и радушный пріемъ; въ замѣнъ этого они платятъ монастырямъ посильными услугами въ отправленіи церковныхъ службъ и требъ, частью и хозяйственныхъ занятій. **

---

* Изъ другихъ профессоровъ я познакомился только съ профессоромъ церковной исторіи, Саввою Іовшичомъ (остальныхъ по причинѣ вакаціи не было въ Бѣлградѣ). Онъ старожилъ семинаріи, служитъ въ ней съ 1841 года, и, обладая свѣжею памятью, есть какъ бы живая лѣтопись семинаріи. Онъ любитъ свою науку и пользуется общимъ уваженіемъ за свои знанія.

** Эти услуги семинаристовъ для монастырей, которые вообще очень малолюдны (большею частію имѣютъ по 2, по 3 монаха), а между тѣмъ имѣютъ много дѣла и въ приходѣ (монастырская церковь въ Сербіи есть вмѣстѣ и приходская), и въ полѣ (лѣтомъ), — весьма важны.

Главный контингентъ Бѣлградской семинаріи составляютъ не окончившіе курса ученія бѣлградскіе гимназисты. Вотъ какъ въ названной нами сербской газетѣ *Пастир* описываются побужденія по которымъ гимназисты переходятъ въ семинарію:

„Бѣдный ученикъ поступаетъ въ Бѣлградскую гимназію. Радъ онъ отъ всего сердца учиться, но нѣтъ у него средствъ къ содержанію; туда-сюда—нападаетъ наконецъ на какого-нибудь домохозяина, который частію изъ жалости, а частію ради своихъ домашнихъ потребъ, принимаетъ его къ себѣ въ домъ, обѣщая давать содержаніе, съ тѣмъ чтобъ онъ служилъ за это въ свободное для него время по дому. Сначала хозяинъ обыкновенно говоритъ ученику: „дѣла тебѣ у меня не будетъ „никакого,—принесешь немного водицы, почистишь комнату, „вотъ и все." А потомъ оказывается что многіе ученики дѣлаются въ полномъ смыслѣ слугами. Но какъ бы то ни было, на первый разъ новый гимназистъ остается доволенъ человѣколюбивымъ предложеніемъ. Онъ остается у хозяина радушно предложившаго ему кровъ, слушается его приказаній, стараясь всѣми силами не быть неисправнымъ ни по школѣ, ни по дому. Но вотъ проходитъ годъ, другой, третій; предметы учебные умножаются, ученическія обязанности усложняются, ему требуется больше времени и труда чтобы быть исправнымъ по школѣ; притомъ служба по дому уже сама по себѣ понадоѣла. Самые годы подсказываютъ слугѣ-гимназисту: „не все тебѣ быть какою-нибудь кухаркой, выходи на „Божій свѣтъ, какъ другіе, болѣе счастливые твои товарищи, „выходи чистъ, опрятенъ". Что же дѣлать въ такомъ положеніи? Нужно бы оставить *радушнаго* хозяина; но оставить его значило бы оставить самую школу. Между тѣмъ до бѣднаго гимназиста доходятъ слухи что въ богословіи всѣмъ ученикамъ безъ различія даютъ квартиру, спальныя принадлежности, прислугу, а половина изъ нихъ имѣетъ кромѣ того и столъ безъ платы. Ему естественно приходитъ мысль оставить гимназію и перейти въ богословію, чтобъ освободиться отъ домашней службы и свободно заняться ученьемъ, хотя и безъ блестящей перспективы, но по крайней мѣрѣ, съ вѣрнымъ разчетомъ на обезпеченіе въ будущемъ. И вотъ только что оканчиваетъ онъ четвертый классъ гимназіи, какъ оставляетъ гимназію и идетъ подъ кровъ богословскій.

„Другая причина, которая гонитъ многихъ учениковъ въ богословію, слабый успѣхъ въ свѣтскихъ наукахъ. Прошелъ напримѣръ ученикъ I, II и III классъ гимназіи, какъ говорится съ грѣхомъ пополамъ, гдѣ передерживая экзаменъ, а гдѣ оставаясь и на повторительный курсъ; вотъ уже дошелъ онъ до IV класса, но здѣсь нагромождено столько предметовъ что ему рѣшительно нѣтъ возможности проходить ихъ съ успѣхомъ, особенно иностранные языки и математику. Онъ соображаетъ что въ богословіи, кромѣ славянскаго и русскаго,

не учатъ другимъ языкамъ, да на его великое счастье нѣтъ и математики. Что жь тутъ долго думать? беретъ онъ свидѣтельство, да и въ богословію. Этихъ мотивовъ не скрываютъ ни сами ученики, ни ихъ родители. Мнѣ самому приходилось слышать родителей которые со всею наивностію говорили о своихъ дѣтяхъ: „что жь, коль не можетъ сынъ мой продолжать ученіе въ гимназіи, отдамъ его въ богословіе.“ А одинъ ученикъ IV класса гимназіи, когда учитель выговаривалъ ему: почему онъ не учится по-французки и по-нѣмецки? отвѣчалъ: „я ухожу въ богословію“. Другими словами, это значитъ: если я не могу успѣвать въ гимназіи, то перейду въ богословіе, гдѣ благодаря Бога, можно еще учиться.“ (1868 № 32.)

Съ 1862 года въ Бѣлградской семинаріи стали, между прочимъ, учиться ученики состоящіе въ монашескомъ званіи—на монастырскій счетъ. Это случилось такимъ образомъ. Министръ просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ, принимая во вниманіе что въ монастыряхъ съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе чувствуется недостатокъ въ образованныхъ духовникахъ, обратился, 8го декабря 1862 года, къ митрополиту съ предложеніемъ чтобы всякій монастырь выбралъ по одному, а болѣе богатые—и по нѣскольку учениковъ для отправленія ихъ на свой счетъ въ гимназію, а затѣмъ и въ богословію, чтобъ окончивъ здѣсь образованіе, они вступили потомъ въ монашеское званіе. Митрополитъ въ письмѣ отъ 15го декабря выразилъ опасеніе что молодые люди, окончивъ ученіе, могутъ не захотѣть поступить въ монахи и потому, вмѣсто этого, предложилъ принимать въ богословію изъ монастырей молодыхъ монаховъ, хотя бы они и не прошли четырехъ классовъ въ гимназіи. Министръ на это согласился, и такимъ-то образомъ въ числѣ учениковъ Бѣлградской семинаріи теперь находится нѣсколько монаховъ. Г. Миличевичъ по сему случаю замѣчаетъ: „Едва ли можно похвалить такое распоряженіе, ибо монахи, безспорно, могутъ научиться въ Бѣлградѣ лучше, благолѣпнѣе совершать службу, но такъ какъ они вступаютъ въ богословію безъ должнаго приготовленія и не учатся здѣсь ничему кромѣ чисто богословскихъ наукъ, то можно серіозно опасаться что по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ ничего не вынесутъ изъ богословіи, кромѣ претензій и неумѣстнаго превозношенія предъ другими монахами.

Кромѣ Сербовъ княжества Сербскаго, въ богословіи съ давнихъ поръ принимаются нѣсколько молодыхъ людей и изъ тѣхъ сербскихъ странъ которыя находятся еще подъ владычествомъ Турокъ.

Этихъ учениковъ было:

Въ 1851 — 52.	5
„ 1852 — 53.	5
„ 1853 — 54.	5
„ 1854 — 55.	12
„ 1855 — 56.	12
„ 1856 — 57.	13
„ 1857 — 58.	13
„ 1858 — 59.	13
„ 1859 — 60.	13
„ 1860 — 61.	14
„ 1861 — 62.	14
„ 1862 — 63.	19
„ 1863 — 64.	19
„ 1864 — 65.	23
„ 1865 — 66.	25
„ 1866 — 67.	35 *

На содержаніе этихъ учениковъ идетъ, между прочимъ, пособіе и отъ русскаго правительства. 23го марта 1863 года, министръ иностранныхъ дѣлъ, Гарашанинъ, на основаніи извѣщенія полученнаго имъ отъ русскаго генеральнаго консула въ Бѣлградѣ, сообщилъ министру просвѣщенія что впредь ни одинъ изъ молодыхъ людей изъ сербскихъ странъ находящихся подъ властію Турокъ не будетъ принимаемъ въ русскія семинаріи, а суммы тратившіяся на нихъ въ русскихъ семинаріяхъ будутъ поступать въ семинарію Бѣлградскую гдѣ и будутъ ежегодно обучаться на этотъ счетъ сорокъ человѣкъ. Съ этого времени число этихъ экстерновъ стало съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе возвышаться, такъ что въ 1867—68 учебномъ году ихъ вписалось 45 человѣкъ, а въ настоящемъ учебномъ году, по свѣдѣнію сообщенному митрополитомъ Сербіи Михаиломъ (въ Славянскій Комитетъ) ихъ поступило такъ много что семинарія на существующія у нея средства даже не можетъ содержать всѣхъ ихъ и должна будетъ 12 изъ нихъ отослать назадъ, если не получитъ помощи изъ Россіи. Между многими другими, и этотъ фактъ, замѣчаетъ Миличевичъ, служитъ камнемъ претыканія для тѣхъ которые во

---

* Общее число учившихся въ Бѣлградской семинаріи:

Въ 1864 — 65	году	было 208;	окончившихъ	курсъ	31
„ 1865 — 66	„	„ 214	„	„	57
„ 1866 — 67	„	„ 194	„	„	42

всякомъ поступкѣ Русскихъ видятъ намѣреніе завладѣть нашею землею и народомъ.

Въ Бѣлградскую семинарію открытъ доступъ лицамъ всякаго званія, и служба въ духовномъ званіи, по окончаніи курса, даже и для „благодѣянцевъ“ не считается обязательною. Митрополитъ Михаилъ высказалъ, по поводу этого вопроса, такой взглядъ, что лица удержанныя, противъ ихъ воли, въ духовномъ званіи не находка для сего званія, и тѣмъ менѣе законно было бы стѣсненіе воспитанниковъ семинаріи въ выборѣ званія что семинарія содержится не на церковные фонды.

Бѣлградская семинарія, несмотря на непродолжительность своего существованія, неудовлетворительность получаемаго ею контингента и скудость средствъ которыми располагаетъ, уже успѣла принести и постоянно приноситъ добрые плоды, приготовляя не только пастырей, которые могутъ учить народъ, но также полезныхъ дѣятелей и на другія поприща общественной жизни; изъ ея воспитанниковъ въ настоящее время есть и секретари министерства (гг. Миличевичъ, Срѣтеновичъ), и деректоръ учебныхъ заведеній (Нѣшичъ), и профессоръ великой школы (Срѣтковичъ), и воспитатели молодаго князя сербскаго (Василевичъ); въ ней же воспитывался и настоящій митрополитъ сербскій Михаилъ,—лицо всѣми уважаемое въ Сербіи за его умъ, образованіе, честность, мягкость и благородство характера. Бѣлградская семинарія служитъ притомъ единственною богословскою школой не только для княжества Сербскаго, но частію и для всего южнаго славянства, кромѣ австрійскаго, которое еще задолго до основанія Бѣлградской семинаріи имѣло свои семинаріи, находившіяся впрочемъ до послѣдняго времени въ очень жалкомъ положеніи, и только въ настоящее время преобразованныя. Намъ, Русскимъ, должна быть пріятна мысль что Бѣлградская семинарія, съ самаго начала своего существованія, находится въ постоянномъ и тѣсномъ союзѣ съ нашими учебными заведеніями, котораго благотворное значеніе для себя она вполнѣ понимаетъ и цѣнитъ.

А. ЛЕБЕДЕВЪ.

РИМЪ И ВИЗАНТІЯ

ВЪ ТРУДАХЪ

ДВУХЪ КІЕВСКИХЪ ИСТОРИКОВЪ

Въ числѣ историческихъ городовъ земнаго шара только три города справедливо почитаются центральными пунктами міровой исторіи человѣчества — Іерусалимъ, Аѳины и Римъ, съ его младшею сестрой Византіей, которая, въ народномъ сознаніи своихъ гражданъ, была всегда новымъ Римомъ (ἡ νέα Ῥώμη). Изъ числа этихъ трехъ городовъ, первенство по вліянію на образованіе и развитіе новоевропейской цивилизаціи, главенство по организаціи и укрѣпленію государственнаго строя, безспорно, принадлежатъ Риму, понимаемому въ указанномъ выше широкомъ его значеніи: исторія запада Европы тяготѣетъ къ Риму, также какъ исторія востока къ Византіи, причемъ для обѣихъ половинъ европейскаго материка Іерусалимъ имѣетъ значеніе лишь религіознаго, а Аѳины лишь культурнаго центра.

Римъ справедливо называютъ „вѣчнымъ городомъ,“ и этотъ титулъ принадлежитъ ему преимущественно предъ всѣми остальными городами земнаго шара, которые всѣ сходили съ исторической сцены немедленно по совершеніи своей исто-

рической задачи. Значеніе Рима въ этомъ отношеніи прекрасно обрисовано однимъ изъ даровитѣйшихъ современныхъ намъ историковъ:

„Между древними городами Азіи многіе замѣчательны своимъ великолѣпіемъ, своею силой, своимъ продолжительнымъ существованіемъ, какъ Вавилонъ и Ниневія, Тиръ и Персеполь; но всѣ они, замѣчательные какъ цивилизующіе центры своего роднаго народа, почти ничего не дали міру и міръ имъ мало чѣмъ обязанъ. Одинъ лишь азійскій городъ можетъ имѣть притязаніе на міровое значеніе. Іерусалимъ, главный городъ небольшаго іудейскаго народа, искони былъ средоточіемъ вѣрованія въ единаго Бога; изъ этого города вышло христіанство, и Іерусалимъ, какъ памятникъ совершеннѣйшей религіи какая только появлялась въ Азіи и Европѣ, обязанъ христіанству возрожденіемъ своей всемірно-исторической жизни въ средніе вѣка: христіанство ввело его въ сношенія съ Римомъ и поставило въ теченіи многихъ столѣтій средневѣковой эпохи на ряду съ вѣчнымъ городомъ. Нѣкогда Римляне разрушили Іерусалимъ, Іудейскій народъ разбрелся по всему міру, и значеніе Іерусалима какъ святаго города перешло на Римъ, на этотъ новый Іерусалимъ; но въ XI столѣтіи снова поднимаетъ свою голову старый Іерусалимъ, благоговѣніе Запада Европы переносится отъ гроба Св. Петра на гробницу Христа, и въ теченіи продолжительнаго періода крестовыхъ походовъ Іерусалимъ становится Святымъ городомъ христіанскихъ народовъ, театромъ великой борьбы Азіи съ Европой, средоточіемъ великаго движенія поколебавшаго міръ: лишь въ XIII столѣтіи падаетъ это значеніе Іерусалима, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ той идеи которая находила въ немъ свое символическое выраженіе.

„Переходя въ Европу, мы встрѣчаемъ здѣсь городъ который, подобно Іерусалиму въ Азіи, можетъ имѣть притязаніе на міровое значеніе. Аѳины издавна были святилищемъ европейской культуры. Всѣ благороднѣйшіе и чистѣйшіе труды мысли и фантазіи соединились въ Аѳинахъ въ одинъ центральный огонь культуры, который, широко раскинувшись и достигнувъ отдаленнѣйшихъ странъ, воодушевлялъ своею теплотой и свѣтомъ земное состояніе человѣка; въ Аѳинахъ же, на агорѣ, въ ея вѣчно волнуемой государственной жизни, нашли себѣ практическое осуществленіе основные законы свободы, въ которой заключено все счастіе народовъ и людей.

„Не то былъ городъ Римъ. Обозрѣвая внѣшнюю сторону его жизни, должно сознаться что ему нѣтъ въ мірѣ равнаго по той политической дѣятельности, по тому мужеству и по той мудрости съ какою Римъ покорилъ полъ-міра. Образованіе Рима изъ затемненнаго миѳомъ зародыша, его постепенное возрастаніе, наконецъ, господство одного города надъ половиной міра,—все это составляетъ изумительное явленіе въ исторіи человѣческаго рода, на ряду съ которымъ можетъ быть поставлено лишь возникновеніе и распространеніе христіанства, и даже самое христіанство должно было войти въ „міровой городъ,“ какъ въ мѣсто приготовленное для него исторіей, чтобъ изъ развалинъ Рима могъ создаться величавый образъ той церкви моральное господство которой надъ міромъ прошло чрезъ всѣ средніе вѣка. Въ побѣдѣ Рима надъ образованными и свободными народами, которые, какъ Греки, напримѣръ, далеко превосходили Римъ силой своихъ идей, въ этой побѣдѣ могутъ усматривать простую побѣду матеріальной силы надъ духомъ, могутъ видѣть въ ней лишь разлагающій, всесокрушающій элементъ; но это будетъ несправедливо. Это была побѣда практическаго разума, высшая творческая сила котораго проявилась въ образованіи великаго законодательства; это тотъ практическій разумъ который долженъ быть поставленъ выше фантазіи и ея прекрасныхъ созданій.“

Нѣмецъ по рожденію и католикъ по вѣроисповѣданію, Грегоровіусъ останавливается на городѣ Римѣ; его соблазняетъ великое значеніе „вѣчнаго города, который дважды находился во главѣ цивилизованнаго міра,—сперва въ силу абсолютнаго государства, затѣмъ въ силу абсолютной церкви;“ это величіе приковываетъ все его вниманіе и не дозволяетъ ему видѣть въ Византіи прямую наслѣдницу римскихъ стремленій и идей, тотъ восточный Римъ, который въ теченіи десяти вѣковъ хранилъ практическій разумъ древности, послѣ паденія Рима западнаго. Эта прямая преемственность между древнимъ и новымъ Римомъ сознавалась самимъ населеніемъ Византійской имперіи и ясно выражена имъ въ языкѣ: называя Византію новымъ Римомъ, народъ называлъ себя *Ромеями*, то-есть восточными Римлянами, своихъ цесарей — *царями и самодержцами Ромеевъ* (βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ των Ῥωμαίων), свою страну—*Романіею* (ἡ Ρομανία), и свой языкъ *ромейскимъ*

языкомъ (ἡ ῥωμαϊκή), строго отдѣляя себя отъ Эллиновъ (ἕλληνες) и свое христіанское образовавaніе отъ образованія древне-языческаго, которое именовалось эллинизмомъ (ἑλληνισμός). Эта связь между Римомъ и Византіей не сознается большинствомъ западныхъ ученыхъ, которые не видятъ что въ V столѣтіи, съ пришествіемъ варваровъ Одоакра въ Италію, погибла лишь меньшая, западная часть Римской имперіи (Romanum imperium), и болѣе значительная, восточная часть продолжала свое существованіе въ теченіи болѣе тысячи лѣтъ. До настоящаго времени исторія Византіи мало обращала на себя вниманія ученыхъ и не обработана по достоинству.

Подъ византійскою исторіей разумѣютъ обыкновенно исторію Восточной Римской Имперіи именно съ того времени когда Византія перестала именоваться Византіей; подъ Византійскою имперіей — дряхлое государство, опиравшееся на чиновниковъ-взяточниковъ и на солдатъ-дезертировъ, управлявшееся продажною бюрократіей и своевольнымъ военнымъ сословіемъ, государство у котораго сосѣди отнимали одну провинцію за другою, которое было лишено жизни и не было способно умереть. Такое агоническое состояніе Византійской имперіи въ теченіи тысячи лѣтъ, по мнѣнію философовъ прошлаго вѣка, ясно указываетъ на пути Провидѣнія, которое „сохраняло полумертвый трупъ единственно для того чтобы во время передать намъ драгоцѣнные памятники эллинской литературы;“ и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія было высказано мнѣніе что провиденціальная цѣль тысячелѣтняго существованія Восточной Имперіи заключалась въ посвященіи свѣтловолосыхъ варваровъ отдаленнаго Запада въ правильное употребленіе греческой частицы ἄν!.. Гиббонъ, разказавъ исторію императоровъ отъ Траяна до Константина и отъ Константина до Гераклія, пріостановился: онъ не считалъ уже достойнымъ исторической науки заниматься византійскою исторіей отъ Гераклія до взятія Константинополя Турками; въ теченіи болѣе восьми столѣтій Гиббонъ видитъ въ исторіи Византіи лишь „народъ который обезчестилъ имена Грековъ и Римлянъ, народъ опозорившій себя отвратительными пороками, которые не могутъ быть оправданы даже человѣческими слабостями, и въ которыхъ не видно даже энергіи великихъ преступленій;“ въ исторіографіи Византіи Гиббонъ встрѣчаетъ „лишь узкіе взгляды и извращенное суж-

деніе, изъ которыхъ нельзя уяснить ни причины историческихъ событій, ни характеровъ дѣйствующихъ лицъ, ни нравовъ вѣка“ и, по его собственному признанію, онъ „готовъ безъ сожалѣнія предоставить рабскихъ Грековъ ихъ рабскимъ историкамъ.“

Такое отношеніе западныхъ ученыхъ къ исторіи Византіи и такой взглядъ на нее преобладаетъ въ исторической наукѣ до настоящаго времени. Заботливость Италіянцевъ Анджело Маи и Матранги, труды французскихъ ученыхъ отъ Лебо до воспитанниковъ *Ecole française d' Athènes*, прекрасные разказы Шотландца Финлея, познанія Бельгійца Бока, небольшіе очерки и статьи Фальмерайера, услуги Тафеля, почтенныя имена Цахаріи, Миллера, Гопфа—вотъ и всѣ главнѣйшіе представители западной науки посвящавшіе свои силы разработкѣ какъ отдѣльныхъ вопросовъ, такъ и общихъ обзоровъ византійской исторіи. Какъ мало труды названныхъ ученыхъ разъяснили сложный и многосторонній вопросъ, можно судить по вышедшему недавно сочиненію профессора Краузе, *Византійцы среднихъ вѣковъ*, исполненному ложныхъ представленій о внутренней сторонѣ византійской жизни.

Главная, основная причина неудовлетворительности трудовъ по исторіи Византіи заключается, по нашему мнѣнію, въ той ничтожной долѣ вниманія которая вообще удѣляется на Западѣ славянскому міру, между тѣмъ какъ славянскій элементъ составляетъ существенную часть византійской исторіи, болѣе существенную чѣмъ элементъ восточный, азіатскій.

Можно утвердительно сказать что труды Лассена и Вебера по исторіи Индіи, Лепсіуса, Бругше и Бунзена по исторіи Египта, Моверса по исторіи семитическихъ народовъ вообще, труды Дункера, труды германскаго Восточнаго Общества и многихъ другихъ познакомили западную Европу съ исторіей Востока несравненно болѣе чѣмъ сколько она знакома съ исторіей византійско-славянскаго міра вообще. Явленіе это объясняется тою систематизаціей которая признаетъ предметомъ исторической науки лишь тѣ историческія явленія которыя имѣютъ отношеніе къ греческо-римской и чрезъ нее къ христіано-германской цивилизаціи, и мотивируется обыкновенно ничтожною долей участія византійско-славянскаго міра въ образованіи и развитіи элементовъ новоевропейской цивилизаціи. Нельзя однако согласиться съ такимъ взглядомъ.

Вліяніе греческаго Востока на латинскій Западъ вообще не отвергается и западною историческою наукой: довольно вспомнить въ этомъ отношеніи противоположность двухъ церквей, греко-византійской и латино-римской, и борьбу ихъ, проходящую чрезъ всѣ средніе вѣка. Неуспѣхъ всѣхъ крестовыхъ походовъ, быть-можетъ, не объяснимъ безъ этой противоположности; борьба этихъ двухъ церквей не была ли сильнѣйшимъ врагомъ предъ которымъ поверглись во прахъ всѣ баснословныя усилія крестоносныхъ армій? Кто изслѣдовалъ вліяніе византійскаго противодѣйствія усиленію папства? Византія и ея италійскія колоніи не могли остаться безъ вліянія на средневѣковую жизнь Европы, и даже при самомъ концѣ своего существованія Византія сѣяла еще сѣмена общечеловѣческаго образованія: послѣ паденія Византіи лучшіе ея представители перенесли свою дѣятельность въ Италію и распространили по Европѣ тѣ творенія эллинскаго генія которыя легли въ основу новоевропейской образованности и на которыхъ воспитались тѣ сильные умы которыми Европа справедливо гордится. То же должно сказать и о славянскомъ мірѣ, который имѣетъ полное право на почетное мѣсто во всемірной исторіи. Если пришествіе дикихъ азіатскихъ ордъ, Гунновъ, въ земли западной Европы и столкновеніе язычниковъ-Германцевъ съ Западно-Римскою имперіей считаются событіями всемірно-историческими, то пришествіе Варяго-Руссовъ въ земли восточной Европы и столкновеніе язычниковъ-Славянъ съ Восточно-Римскою имперіей равнымъ образомъ являются событіями всемірно-историческими. Борьба Славянъ съ Германцами, продолжавшаяся тысячу лѣтъ и еще не оконченная, имѣла громадное значеніе на весь западный міръ.

Важность византійской исторіи по отношенію къ западной Европѣ и ко всему славянскому міру не подлежитъ сомнѣнію; но она пріобрѣтаетъ особенное значеніе для Славянъ русскихъ. Тщательное изученіе Византіи, мы надѣемся, опровергнетъ рано или поздно то распространенное у насъ мнѣніе будто бы Россія приняла отъ Византіи одну лишь религію, и докажетъ что многія стороны русской народной жизни не объяснимы безъ вліянія греко-византійской образованности на русскую народность. Византія имѣетъ такое же значеніе для восточной Европы, то-есть для Россіи, какъ Римъ для народовъ западной

Европы. Достаточно вспомнить что исторія Русскаго народа при самомъ началѣ и черезъ тысячу лѣтъ проявляетъ одинъ и тотъ же фактъ политическаго тяготѣнія Россіи къ центру юго-востока Европы, къ Византіи, во многомъ сходнаго со стремленіемъ римско-германскихъ народовъ къ центру юго-запада, къ Риму. Въ самый разгаръ „среднихъ вѣковъ“ русской исторіи, во второй половинѣ XV столѣтія, Византія, въ лицѣ Софіи, дочери послѣдняго морейскаго деспота и племянницы послѣдняго Палеолога константинопольскаго, завѣщала Россіи свое наслѣдіе и тогда же Россія приняла въ свой государственный гербъ двуглаваго римско-византійскаго орла.

Какъ ни молода еще наука Русской исторіи, но важность византійскаго элемента давно уже признана ею; въ числѣ дѣятелей на этомъ малообработанномъ полѣ мы встрѣчаемъ людей выступавшихъ во всеоружіи, каковы: Успенскій (преосв. Порфирій, еп. Чигиринскій), Куникъ, Энгельманъ, Григоровичъ, Горскій и др. Чѣмъ важнѣе вопросъ, чѣмъ менѣе онъ разработанъ, тѣмъ съ большимъ радушіемъ готовы мы привѣтствовать всякій ученый трудъ къ нему относящійся, всякое усиліе обогатить наши свѣдѣнія новыми фактами или пролить новый свѣтъ на факты уже извѣстные.

Въ концѣ прошлаго года, два молодые ученые, оба бывшіе воспитанники, затѣмъ преподаватели Кіевскаго университета, Иконниковъ и Драгомановъ, подарили насъ двумя обширными трудами,—первый, преподаватель *Русской Исторіи*, издалъ сочиненіе касающееся вопроса о вліяніи Византіи на развитіе Русскаго народа; второй, преподаватель *Всеобщей Исторіи*, представилъ свои соображенія по вопросу объ историческомъ значеніи Римской имперіи. Желая ознакомить читателей съ этими новыми пріобрѣтеніями русской исторической литературы, мы должны обратиться прежде всего къ труду касающемуся Византіи: ему принадлежитъ первенство не только по времени выхода его въ свѣтъ, но, что для насъ важнѣе въ данномъ случаѣ, по его болѣе близкому соотношенію къ Россіи вообще и въ особенности къ городу Кіеву, въ которомъ Адамъ Бременскій усматривалъ *соревнователя* Византіи,—Ruzziae metropolis civitas est Chive, aemula sceptri Konstantinopolitani, clarissimum decus Graeciae.

I.

Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. В. Иконникова. 1869. Кіевъ (X, 562, in 8°).

Сочиненіе г. Иконникова, еще до выхода его въ свѣтъ въ видѣ отдѣльной книги, въ то время когда оно еще печаталось по частямъ въ офиціальномъ органѣ Кіевскаго университета, было подвергнуто въ одномъ изъ нашихъ спеціальныхъ журналовъ обстоятельному и серіозному разбору. Ученая рецензія главнѣйшей части труда г. Иконникова, помѣщенная въ *Православномъ Обозрѣніи*, раскрыла въ немъ довольно существенные недостатки и указала рядъ такихъ промаховъ которые не могли быть объяснены даже недосмотрами и недоразумѣніями. Одновременно съ этимъ разборомъ, разбивавшимъ до извѣстной степени ожиданія и надежды друзей русской исторіи, въ газетахъ было объявлено что Новороссійскій университетъ, въ Одессѣ, призналъ возможнымъ увѣнчать автора высшею ученою степенью. Эти довольно противоположные по своимъ результатамъ взгляды на указанный трудъ и нѣкоторыя другія причины, обусловленныя офиціальнымъ положеніемъ его автора, возлагали на насъ обязанность ознакомиться возможно ближе съ произведеніемъ г. Иконникова и составить о немъ возможно безпристрастное сужденіе.

Представляя въ настоящей статьѣ публичный отчетъ о сочиненіи г. Иконникова, мы должны прежде всего отказаться отъ желанія познакомить читателей съ его сущностью и предварить что выписанное выше заглавіе ни мало не указываетъ на его содержаніе. Съ разсматриваемымъ трудомъ случилась любопытная метаморфоза: во все время печатанія его въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ*, въ продолженіи цѣлаго года, сочиненіе г. Иконникова носило слѣдующее, куріозное заглавіе: *О главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи въ связи съ ходомъ образованности. Часть I: Вліяніе византійской и южно-русской образованности. Реформа* (sic). По окончаніи же печатанія, являясь въ видѣ отдѣльной книжки, оно озаглавлено: *О культурномъ значеніи Визан-*

тіи въ русской исторіи. Какое же изъ двухъ заглавій болѣе подходитъ къ сочиненію? Никакъ не первое, и едва ли второе. Если задача г. Иконникова состояла въ изслѣдованіи значенія Византіи, то изъ его сочиненія должны быть исключены многія главы, не имѣющія прямаго отношенія къ разсматриваемому вопросу, какъ напримѣръ: глава III, о *монастырской колонизаціи* (стр. 102—166), глава IV, о *заселеніи сѣверо-восточной Россіи славяно-русскимъ племенемъ,* (стр. 167—225) и др. Въ представленіе автора о культурѣ входятъ отрывочныя и случайно-набранныя черты, чѣмъ объясняется длинная рѣчь о бородѣ (стр. 66), пикантныя выписки о положеніи женщинъ (стр. 251, 372), о демонахъ, духахъ и чернокнижіи (стр. 213, 246 и др.). Въ книгѣ г. Иконникова затрогиваются вопросы ни мало не соотвѣтствующіе избранному имъ предмету изслѣдованія, какъ напримѣръ, о восточныхъ ученіяхъ и ересяхъ (стр. 11 и др.), которые не поставлены ни въ какую связь съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ, и оставлены безъ вниманія существенныя стороны каждой культуры: такъ, напримѣръ, ничего не говорится о вліяніи византійскаго права на нашъ юридическій бытъ, на отношенія семейныя, имущественныя, наслѣдственныя, на развитіе іерархическихъ началъ не только въ отношеніяхъ гражданскихъ, но даже и въ кругѣ церковнаго порядка. Самъ авторъ, какъ мы видѣли, мѣняетъ заглавіе своего сочиненія, неясно представляетъ себѣ задачу и границы своего труда, и, конечно, затруднился бы разказать въ нѣсколькихъ словахъ его содержаніе.

Хаотическое содержаніе отразилось и на внутреннемъ строѣ всего труда. Начиная свое сочиненіе, авторъ не знаетъ конца и оканчивая забываетъ начало: на стр. 209 онъ говоритъ: „*мы видѣли* въ какомъ разстроенномъ положеніи были финансы Византіи,“ а между тѣмъ мы этого нигдѣ выше не видѣли; на стр. 49, прим. 2: „см. обширное указаніе на еретиковъ и эллинскихъ мудрецовъ въ нашемъ индексѣ,“ а между тѣмъ авторъ позабылъ приложить этотъ обширный индексъ. Вліяніе Византіи на русскую культуру, основной вопросъ сочиненія, опредѣляется авторомъ въ началѣ книги ограниченнымъ (стр. 1), въ срединѣ—сильнымъ и рѣшительнымъ (стр. 73), а въ концѣ—снова слабымъ (стр. 508). Знакомый съ Византіей лишь по моднымъ трудамъ, по Дреперу и Шлоссеру, авторъ, въ одномъ мѣстѣ своего труда, говоритъ, ссылаясь

на Дрепера, что умственное движеніе въ Византіи было велико, что „въ немъ принимало участіе все общество, отъ императора до послѣдняго раба“ (стр. 22 и 23) и черезъ нѣсколько страницъ, основываясь на Шлоссерѣ, утверждаетъ что умственное движеніе въ Византіи было „въ пренебреженіи; люди, по большей части, нѣжились и забавлялись перепелами“ (стр. 44 и 45).

Если неопредѣленный взглядъ г. Иконникова на Византію объясняется Дреперомъ и Шлоссеромъ, тѣми сочиненіями которыхъ авторъ труда о вліяніи Византіи на Россію избралъ своими руководителями, то воззрѣнія его на Россію не могутъ быть уже ничѣмъ оправданы. Приведемъ образцы этихъ воззрѣній.

На первой же страницѣ своего труда авторъ съ рѣшительностію утверждаетъ что „когда Европа, хотя медленно, но вѣрно шла къ цѣли, постоянно разработывая научный матеріалъ, *Россія, почти до XVII вѣка, находилась въ одинаковомъ положеніи, такъ какъ сумма знаній оставалась постоянно одна и та же* (стр. 1). Мысль что какое бы то ни было государство, живой и имѣющій свою исторію организмъ, можетъ пребывать въ застоѣ въ теченіи девяти вѣковъ, вообще чрезвычайно странна въ изслѣдователѣ XIX столѣтія; по отношенію же къ Россіи мысль эта представляется такою грубою ошибкой что она можетъ быть легко опровергнута на основаніи учебниковъ гг. Соловьева и Иловайскаго. Подобная ошибка, по своей крайности и очевидности не требующая опроверженій, получаетъ для насъ интересъ лишь потому что все послѣдующее изложеніе г. Иконникова служитъ, невѣдомо для самого автора, рѣшительнымъ ея опроверженіемъ. Такъ, начиная со второй же главы, идетъ рѣчь объ устройствѣ училищъ, библіотекъ, и объ „особенно замѣчательной библіотекѣ Московскихъ князей,“ по поводу которой Максимъ Грекъ сказалъ, какъ извѣстно, великому князю Василію Ивановичу: „государь, вся Грецiя не имѣетъ нынѣ такого богатства!“ Далѣе говорится о томъ какъ переносились въ Россію и распространялись въ ней цѣлыя и полныя міросозерцанія религіозныя, нравственныя, общественныя, напримѣръ Нила Сорскаго, Максима Грека; по поводу послѣдняго говорится даже что „его келлія была мѣстомъ куда собирались толковать о книжныхъ, политическихъ и общественныхъ дѣлахъ,“ и что онъ „своею разнообразною и долголѣтнею дѣ-

ятельностію создалъ цѣлое направленіе“ (стр. 84). Затѣмъ авторъ упоминаетъ о распространеніи и важномъ вліяніи знаменитыхъ Четіи-Минеи митрополита Макарія, этой „обширной энциклопедіи“ (стр. 236). Въ концѣ книги онъ говоритъ что древнее русское общество, не довольствуясь тѣми источниками которые представляли византійскіе монастыри, обратилось къ другимъ путямъ для знакомства съ научными вопросами (стр. 509), и затѣмъ, на многихъ страницахъ, перечисляетъ тѣ переводы и сочиненія по которымъ училась и которыя такъ любила читать древняя Русь, тѣ труды которые, начиная съ X вѣка, непрерывно распространялись по Россіи и сообщали свѣдѣнія о мысляхъ древнихъ греческихъ и римскихъ философовъ, о древней исторіи, о строеніи міра, о задачахъ человѣка, о государственномъ устройствѣ и т. д. Въ заключительной главѣ г. Иконниковъ говоритъ что со времени Ивана III начинается наше сближеніе съ западною Европой, которая стала воздѣйствовать такъ замѣтно и сильно на русскій бытъ что нѣкоторые высказывали опасенія за русскую жизнь (стр. 555,) а раскольники прямо указывали что въ русской землѣ совершается развратъ *противными книгами и нововводными догматами.* Изложивъ эти факты, самъ г. Иконниковъ прибавляетъ: „однимъ словомъ, измѣненіе въ направленіи общества стало несомнѣннымъ“ (стр. 559), и нѣсколько строкъ ниже: „поворотъ въ направленіи культуры отъ Востока къ Западу начинается съ образованіемъ Московскаго государства“ (стр. 562). Читая приведенныя выше строки г. Иконникова, не знаешь чему же вѣрить: стояла ли Русь въ теченіи девятя вѣковъ постоянно въ одномъ положеніи, съ одною и тою же суммой знаній, или же она двигалась, развивалась, измѣняла свои направленія, образовывала партіи и переживала ихъ борьбу?...

Другое основное воззрѣніе г. Иконникова относится къ вопросу о характерѣ древнерусской общественности и культуры. „*Россія*, говоритъ онъ, подчинялась вліянію Византіи въ то время когда господство религіозныхъ идей достигло въ Византіи полнаго апогея и монастыри давали направленіе обществу; отсюда распространилось вліяніе византійской образованности на Россію и потому она *вполнѣ можетъ назваться монастырскою*“ (стр. 225). Воззрѣніе это, по своей крайней ошибочности, равнымъ образомъ не нуждается въ опроверженіи. Кому незнакомъ, напримѣръ, удѣльно-вѣчевой періодъ,

отношенія и борьба князей, образованіе старыхъ и новыхъ городовъ, положеніе дружины, племенная рознь отдѣльныхъ княжествъ, дѣятельность Андрея Боголюбскаго, Александра Невскаго? Въ какомъ монастырѣ услыхалъ г. Иконниковъ призывный звонъ вѣчеваго колокола? Въ какой скитъ помѣститъ онъ такія лица и явленія какъ Иваны III и IV, борьба боярской партіи, учрежденіе опричины, движеніе служилаго и крестьянскаго сословій, волненія самозванщины, борьбу съ Польшей и Ливоніей? Что есть тождественнаго между созерцательною и отрѣшенною „отъ міра сего" жизнію монастырей и политическимъ возрастаніемъ и сосредоточеніемъ Москвы, сложеніемъ ея общественныхъ элементовъ, образованіемъ выборнаго мѣстнаго управленія, созваніемъ земскихъ соборовъ, составленіемъ Уложенія, заведеніемъ войска, призывомъ иностранцевъ и, наконецъ, всѣми тѣми мѣрами которыя были приняты со времени Ивана III для сближенія съ западною Европой? Еслибы г. Иконникову были извѣстны „памятники дипломатическихъ сношеній Россіи", онъ узналъ бы изъ нихъ какъ наши князья, представители Россіи, по мнѣнію автора, вполнѣ монастырской, неуклонно и разумно отстаивали независимость внутренняго развитія страны и какъ широко и глубоко понимали они и вели политическіе интересы Россіи. Впрочемъ, и въ настоящемъ случаѣ, г. Иконниковъ высказалъ свое положеніе, какъ кажется, лишь для того чтобы на слѣдующихъ страницахъ самому же, хотя и противъ собственной воли, опровергнуть его. Во многихъ мѣстахъ своей книги онъ говоритъ о томъ что древне-русское общество не удовлетворялось чисто монастырскими интересами и цѣлями, говоритъ объ его стремленіяхъ знакомиться съ научными вопросами, о ересяхъ, о симпатіи къ ученію Лютера (стр. 509 и слѣд.). Но самымъ рѣшительнымъ опроверженіемъ служатъ тѣ именно главы въ сочиненіи г. Иконникова въ которыхъ авторъ говоритъ о русскихъ монастыряхъ. Изъ этихъ главъ (III, IV и V) несомнѣнно видно что русскіе монастыри имѣли значеніе „миссіонеровъ христіанства и просвѣщенія", колонизаторовъ, проводниковъ гражданственности; они имѣли наконецъ важное экономическое значеніе: пользуясь льготами „въ налогахъ и торговлѣ" и владѣя значительною поземельною собственностію, монастыри русскіе „привлекали къ себѣ массы крестьянскаго населенія" и были центрами земледѣльческой, промышленной и торговой жизни.

Такимъ образомъ, въ книгѣ г. Иконникова заключаются доказательства того что Россія не только не была вполнѣ монастырскою, но что сами монастыри, на почвѣ русской, отрѣшились отъ аскетической, созерцательной жизни и явились „могущественными дѣятелями Русскаго государства и гражданственности“ (стр. 92).

Необходимая, естественная связь причины и слѣдствій въ развитіи историческихъ судебъ Русскаго народа ни мало не интересуетъ г. Иконникова, по мнѣнію котораго, „Московское государство *неожиданно очутилось* на границахъ Ливоніи и Литвы“ (стр. 553), и сознательное представленіе основныхъ моментовъ въ развитіи Русскаго царства чуждо автору, который не разъ высказываетъ что „эпохой образованія Московскаго государства были XVI и даже XVII столѣтія“ (стр. 119, 141).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о той цѣли съ которою г. Иконникову понадобилось, вопреки очевиднымъ указаніямъ исторіи, объявить Россію *вполнѣ монастырскою* и на первой же страницѣ провозгласить о ея *девятивѣковомъ застоѣ*, мы обратимъ вниманіе на основную причину подобныхъ, довольно серіозныхъ недостатковъ разсматриваемаго произведенія. Эта причина, по нашему мнѣнію, заключается въ неправильномъ отношеніи автора къ источникамъ, какъ документальнымъ, такъ и лѣтописнымъ.

Эта неправильность, чтобы не сказать болѣе, состоитъ въ томъ что г. Иконниковъ не пользуется фактами заключающимися въ источникахъ какъ матеріаломъ для возможныхъ выводовъ, но ставитъ эти факты въ зависимость отъ своихъ личныхъ взглядовъ. Мы избираемъ для примѣра вопросъ который, повидимому (стр. 159 и 430), наиболѣе интересовалъ г. Иконникова, вопросъ о матеріальномъ положеніи монастырей. „Помножая троицкіе рубли XVI вѣка на монастырскихъ крестьянъ XVIII столѣтія“, авторъ старается во что̀ бы то ни стало доказать что русскіе монастыри были очень богаты, ради чего умалчиваетъ о монастыряхъ бѣдныхъ и не принимаетъ ихъ въ разчетъ при опредѣленіи числа монастырскихъ крестьянъ, обширности монастырскихъ земель и доходности монастырскихъ имуществъ вообще; онъ не хочетъ знать ни тѣхъ „старцевъ и пустынныхъ отходниковъ“ что „питались лыками и сѣно по болоту косили“ (*Акты истор.* I, № 192); ни тѣхъ монаховъ которымъ „прокормиться нечѣмъ,“ ибо

„у нихъ у монастыря пашенька не велика и коли они что хлѣбца сѣютъ и тотъ у нихъ хлѣбъ ежелѣто морозомъ побиваетъ" (*Доп. къ Акт. истор.* I, № 38); ни тѣхъ, наконецъ, старицъ что „ходятъ по мірскимъ домамъ и садятся по улицамъ и по переулкамъ, просятъ милостыню" (*Акты истор.* V, № 113).

Вычитывая изъ документовъ только то что нужно для извѣстной цѣли, г. Иконниковъ не вполнѣ владѣетъ языкомъ лѣтописей и читаетъ ихъ слишкомъ небрежно. Говоря, напримѣръ, что „Ѳеодосій долженъ былъ оставить митрополію вслѣдствіе того ропота который поднялся *въ средѣ духовенства*" (стр. 10), г. Иконниковъ ссылается на лѣтопись, въ которой ясно сказано: „*востужиша людіе.... и начаша его проклинати; онъ же слышавъ се.... сниде въ келію къ Михаилову Чюду въ монастырь*", то-есть ропотъ былъ со стороны мірянъ а не духовенства. Въ другомъ мѣстѣ, на стр. 227, ссылаясь на лѣтопись, авторъ говоритъ о „галицкомъ князѣ Владимірѣ Ярославичѣ", причемъ въ четырехъ словахъ дѣлаетъ двѣ ошибки: *вопервыхъ*, упоминаемый Владиміръ былъ сынъ Василька, а не Ярослава, какъ то онъ самъ о себѣ говоритъ въ той же Ипатіевской (Галицко-Волынской) лѣтописи: „Се азъ князь Володимеръ, *сынъ Васильковъ*, внукъ Романовъ" (*Полн. собр. лѣт.* II, 215, ср. 220), и *вовторыхъ*, Владиміръ Васильковичъ былъ княземъ владимірскимъ, а не галицкимъ: „въ лѣто 6779, преставися *князь великый Володимерьскый*, именемъ Василько.... нача княжити *во него мѣсто* сынъ его *Володимеръ*.... а Левъ нача княжити въ Галичѣ" (ibid. 204, ср. 215). Авторъ издаетъ свое сочиненіе въ Кіевѣ, въ центрѣ юго-западнаго края, и владимірскаго князя Владиміра Васильковича перекрещиваетъ въ галицкаго князя Владиміра Ярославича! А между тѣмъ историческія достопамятности Владиміра-Волынска, города юго-западнаго края, должны бы были предостеречь кіевскаго историка отъ подобной ошибки: еще виднѣется село Зимнее, въ пяти верстахъ отъ „стольнаго города Володимиря", еще стоитъ въ немъ, хотя ужь и рушится, древній храмъ подъ сводами котораго лежатъ кости владимірскихъ князей и ихъ родичей, и, если вѣрить сказанію, хранятся, быть-можетъ, останки Владиміра Васильковича, погребенные первоначально въ самомъ Володимірѣ-Волынскѣ, въ церкви Св. Богородицы (Ипат. лѣт., стр. 220)....

Если неумѣнье читать отечественныя лѣтописи вводитъ г. Иконникова въ столь непозволительныя погрѣшности, то мож-

но уже догадываться что источники писанные на древнихъ классическихъ языкахъ еще болѣе затрудняютъ кіевскаго историка. И дѣйствительно: авторъ сочиненія о вліяніи Византіи на Россію, вслѣдствіе слишкомъ понятныхъ причинъ, старательно избѣгаетъ византійскихъ источниковъ и если приводитъ ихъ, то не иначе какъ по русскому переводу, латинскія же цитаты, числомъ три, всѣ заимствованы изъ вторыхъ рукъ, причемъ оказались довольно забавные куріозы: извѣстные Acta patriarchatus Constantinopolitani обратились здѣсь въ *Acta patriarchata* (!) *Const.*, и заимствованное у Костомарова (*Истор. моногр.* I, 476) указаніе на трудъ Венгерскаго (Regenvolscius) Systema historico-chronologium, измѣнено въ Systema historiae (!) chron. Мы не сомнѣвались бы что въ этихъ промахахъ слѣдуетъ видѣть не болѣе какъ типографскую опечатку, еслибы не имѣли возможности убѣдиться въ познаніяхъ г. Иконникова въ латинскомъ языкѣ: упоминая о дѣятельности Ѳеодосія Косого, авторъ говоритъ между прочимъ что „перебравшись въ Литву, Ѳеодосій *женился*“ и ссылается на вышеприведенное сочиненіе Венгерскаго (стр. 453), умалчивая о заимствованіи этой ссылки изъ указанной выше статьи г. Костомарова, который приводитъ подлинную выписку изъ сочиненія Венгерскаго, въ которой о Ѳеодосіѣ сказано: Ac Theodosius quidem senio confectus, atque octuagenario major, non multo post *ad superos migravit.* Такимъ образомъ г. Иконниковъ *женитъ* восьмидесяти-лѣтняго старца, о которомъ сказано что онъ *умеръ*, ad superos migravit!

Переходя отъ источниковъ къ пособіямъ, мы съ недоумѣніемъ останавливаемся прежде всего на небываломъ еще въ нашей ученой литературѣ явленіи: сочиненіе г. Иконникова сшито изъ заимствованій и дословныхъ выписокъ, сдѣланныхъ изъ общедоступныхъ сочиненій современныхъ намъ писателей, но безъ соблюденія общепринятыхъ въ подобныхъ случаяхъ указаній. Вслѣдствіе сдѣланной нами провѣрки сочиненія г. Иконникова, мы осмѣливаемся утверждать что большая половина сочиненія (слишкомъ 300 страницъ изъ 562) состоитъ изъ подобныхъ маскированныхъ заимствованій. Въ офиціальномъ изданіи Кіевскаго университета появится въ свое время подробный перечень этихъ заимствованій; здѣсь же мы можемъ лишь замѣтить что наибольшая часть въ этомъ отношеніи отдана г. Иконниковымъ дѣйствительно прекра-

скому труду Милютина, о недвижимыхъ имѣніяхъ духовенства въ Россіи. Такъ, на стр. 132, авторъ говоритъ: „чтобъ яснѣе прослѣдить развитіе монастырской территоріи, *мы* обратимъ вниманіе“ и т. д.; несмотря на это „мы“, авторъ занимаетъ 132 и 133 стр. дословнымъ заимствованіемъ текста и примѣчаній изъ указаннаго сочиненія Милютина (стр. 156, прим. 115), не упоминая даже о Милютинѣ! Впрочемъ, г. Иконниковъ заимствуетъ довольно осторожно, рѣдко слово въ слово, по большей части онъ мѣняетъ слова, фразы и нерѣдко, вѣроятно по недосмотру, смыслъ оригинала.* Только одинъ разъ авторъ увлекся въ заимствованіи до забвенія принятой имъ на себя роли и тѣмъ разоблачилъ свой пріемъ: на стр. 128, перечисляя нѣсколько городовъ съ указаніемъ числа жителей, г. Иконниковъ говоритъ: „затѣмъ *идетъ* длинный списокъ городовъ“ и т. д. Гдѣ же это идетъ? Въ сочиненіи г. Соловьева, *Исторія Россіи*, (см. т. XIII, Опись городамъ въ 1668 году)!....

Едва ли кто обвинитъ насъ въ строгости требованій, если мы скажемъ что занимающійся русскою исторіей прежде всего долженъ быть близко знакомъ съ трудомъ Карамзина. И что же? Бо́льшая половина ссылокъ на Карамзина невѣрны,** и невѣрность происходитъ оттого что г. Иконниковъ, заимствуя эти ссылки изъ вторыхъ рукъ, не обратилъ вниманія на различныя изданія Карамзина. Г. Иконниковъ, по свойственной ему осторожности, не обозначаетъ изданія которымъ онъ пользовался, и, по небрежности, упускаетъ изъ виду слѣдующее напримѣръ примѣчаніе Милютина: „считаемъ нужнымъ замѣтить что всѣ ссылки наши на Карамзина сдѣланы по изданію Эйнерлинга“ (стр. 2, прим. 1). Отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній!

Еще любопытнѣе ссылки на новѣйшія сочиненія иностранныхъ писателей. Ихъ очень немного; но особенно замѣчательны три ссылки, по одной изъ трехъ новѣйшихъ языковъ, причемъ, страннымъ и для насъ совершенно непонятнымъ образомъ, каждая ссылка встрѣчается непремѣнно два раза, ни болѣе ни менѣе. Такъ:

---

* Примѣръ подобныхъ измѣненій оригинала въ ущербъ смыслу представляетъ, напримѣръ, мѣсто о божествѣ по ученію Нуменія, стр. 13, заимствованное изъ Дрепера, I, стр. 181.

** Изъ числа 62 ссылокъ 26 вѣрныхъ и 36 невѣрныхъ; подробное указаніе будетъ напечатано въ *Извѣстіяхъ Кіевскаго университета*.

по *нѣмецкому* языку цитуется Planck, *Geschichte der christlichkirchlichen Gesellschaftsverfassung,* на стр. 137 и 267; ссылка заимствована изъ того же сочиненія Милютина (стр. 121, пр. 226);

по *французскому* языку приводится неизбѣжный Laurent, *La papauté et l'émpire* (р. 96),—оба раза (стр. 137 и 265) въ подтвержденіе того что „западная церковь въ XI вѣкѣ владѣла $^3/_4$ всей государственной территоріи“, а между тѣмъ Лоранъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ только: *l'Eglise possédait les trois quarts du sol,* ничѣмъ не подтверждая своихъ словъ; такимъ образомъ въ данномъ случаѣ, намъ кажется что и Лоранъ имѣлъ бы такое же точно право сослаться на сочиненіе г. Иконникова, какъ и г. Иконниковъ на Лорана. Любопытнѣе первыхъ двухъ ссылка

по *англійскому* языку на соч. Finlay, *History of the Byzantine and Greek empires* * (II, 67), тоже два раза (стр. 268 и 271) и въ обоихъ случаяхъ эта ссылка измѣнила автору: она приводится г. Иконниковымъ въ подтвержденіе того что „патріархъ налагалъ запрещенія и эпитиміи на вельможъ и императоровъ“, а между тѣмъ въ указанномъ мѣстѣ Финлей говоритъ прямо противоположное, называя греческую церковь рабскимъ орудіемъ государей: the Greek church, unlike the Roman, has generally been the servile instrument of princes!

На страницахъ сочиненія г. Иконникова встрѣчается много указаній не оставляющихъ сомнѣнія въ томъ что не авторъ владѣетъ матеріаломъ, а случайно добытые факты водятъ его перомъ, и онъ повторяетъ заимствованныя мнѣнія, нерѣдко совершенно противорѣчащія приводимымъ самимъ же имъ несомнѣннымъ фактамъ. Въ доказательство остановлюсь на одномъ лишь примѣрѣ, подобныхъ которому много въ разсматриваемомъ сочиненіи; на нѣкоторые было уже указано въ рецензіи помѣщенной въ *Православномъ Обозрѣніи* (1869, ноябрь). На стр. 198 г. Иконниковъ говоритъ: „Медленность распространенія христіанства въ Пермскомъ краѣ послѣ Стефана въ теченіи цѣлаго столѣтія *объясняютъ* тѣмъ что въ этихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ сношенія съ Русскими, было сильно язычество и вліяніе жрецовъ“. Други-

* Заглавіе сочиненія передано въ книгѣ г. Иконникова слѣдующимъ образомъ: *History of Byzantine empires* (sic).

ми словами: христіанства не было, потому что не было христіанства! А между тѣмъ отмѣченный г. Иконниковымъ фактъ объясняется самими элементами русской колонизаціи, которая отличалась нравственнымъ ничтожествомъ и своимъ образомъ дѣйствій парализовала труды первыхъ христіанскихъ проповѣдниковъ, это былъ „людъ гулящій, вольница, та сволочь" что̀ придала такой ожесточенный характеръ борьбѣ Василія Темнаго съ Дмитріемъ Шемякой. Духовенство не было лучше міряпъ: въ 1501 году, именно сто лѣтъ послѣ Св. Стефана, митрополитъ Симонъ, въ посланіи къ пермскому духовенству, говоритъ: „новокрещенные люди, ваши дѣти духовные.... *на васъ смотря соблазняются*.... богомерзкія дѣла творятъ, по древнему обычаю, а вы имъ въ томъ накрѣпко не возбраняете" (*Акты истор.* I, № 112). Г. Иконникову, безъ сомнѣнія, извѣстны оба указанные нами факта, но онъ не могъ одолѣть ихъ, переработать, выяснить себѣ ихъ значеніе и безсознательно самъ подтверждаетъ наше объясненіе, говоря о поклоненіи христіанъ языческому дереву (стр. 205), о преслѣдованіи духовенствомъ противниковъ язычества (стр. 219), о монахахъ вызывавшихъ духовъ (стр. 221), о духовныхъ не знающихъ *Вѣрую* и *Отче нашъ* (стр. 223).

Подводя итогъ всему вышеизложенному, мы должны придти къ признанію полной неудовлетворительности труда г. Иконникова. Задача избранная г. Иконниковымъ слишкомъ обширна, едва ли по силамъ молодому, лишь начинающему свое поприще ученому и, наконецъ, едва ли возможна вообще по имѣющимся въ настоящее время матеріаламъ: еще хранится въ монастыряхъ и архивахъ много неизданныхъ рукописей, многіе отдѣльные вопросы еще вовсе не разъяснены, другіе же обработаны не на столько чтобы можно было положиться на полученный результатъ. И для самого г. Иконникова, какъ мы видѣли, избранная имъ задача не ясна и границы ея не точно опредѣлены; въ его трудѣ много лишняго и нѣтъ существенно необходимаго.

Основныя историческія воззрѣнія г. Иконникова не только слабы и ошибочны, но и вполнѣ невыдержаны: высказанныя на однихъ страницахъ, они отрицаются имъ же на другихъ. Подобными же качествами отличаются и его научные пріемы: источники написанные на греческомъ языкѣ ему совершенно недоступны, на латинскомъ же и новѣйшихъ или взяты изъ вторыхъ рукъ, или прочтены небрежно, а иногда и съ

рѣшительнымъ извращеніемъ смысла. Трудъ г. Иконникова отличается отсутствіемъ ученой серіозности: онъ набираетъ факты отовсюду, ставитъ рядомъ Модзалевскаго и отцевъ церкви (стр. 37), Дрепера и Иннокентія (стр. 270), онъ цитуетъ Кассіана по Гизо, и Гизо по Казанскому (стр. 35); разстояніе между русскими городами, Вологдой и Ярославлемъ, онъ опредѣляетъ англійскими милями (стр. 141) и богатства русскихъ монастырей высчитываетъ на фунты стерлинговъ (стр. 158, 471)! Наконецъ, онъ относится безъ всякой критики къ источникамъ, даже въ тѣхъ случаяхъ когда его предостерегали другіе изслѣдователи: на стр. 136 онъ приводитъ слова Адама Климента, посѣтившаго Россію въ половинѣ XVI вѣка, въ которыхъ говорится что въ то время монахамъ принадлежала треть всей государственной территоріи (tertiam partem totius imperii); это извѣстіе Адама Климента взято г. Иконниковымъ слово въ слово изъ сочиненія Милютина (стр. 121, прим. 226), но безъ его критической замѣтки, которая должна была предостеречь г. Иконникова отъ пользованія этою цитатой, не имъ отысканною: „Нельзя не признать преувеличеннымъ и заслуживающимъ мало вѣроятія древнѣйшее изъ сохранившихся до насъ извѣстій этого рода, сообщаемое иностраннымъ писателемъ Адамомъ Климентомъ“.

Форма изложенія соотвѣтствуетъ содержанію. Вслѣдствіе постоянныхъ заимствованій, на самомъ слогѣ г. Иконникова отразились многоразличныя вліянія тѣхъ сочиненій подъ руководствомъ которыхъ написанъ его трудъ. Интересъ чтенія ничѣмъ не поддерживается, и вялый, небрежный слогъ дѣлаетъ чтеніе книги г. Иконникова довольно затруднительнымъ. Небрежность автора въ этомъ отношеніи едва ли можетъ быть объяснена, не только что оправдана чѣмъ-либо; конечно ничему иному какъ небрежности должны быть приписаны фразы въ родѣ слѣдующихъ: „христіанство обязано своимъ началомъ свѣтской власти“ (стр. 300), или: „такое значеніе монастыря *возвысило* его до положенія древнихъ храмовъ“ (стр. 245). Случается что фразы остаются недоконченными, напримѣръ: „въ то время когда духовенство обличало незаконность поединковъ и несообразность ихъ съ христіанствомъ и налагало духовныя запрещенія на виновныхъ“ (стр. 311); часто фразы совершенно непонятны, иногда же представляютъ не болѣе какъ наборъ словъ, напри-

мѣръ: „дремучій лѣсъ и ревъ звѣрей производятъ умилительное впечатлѣніе“ (стр. 101); или: „пѣсня имѣетъ чарующее свойство: посредствомъ ея можно достигнуть всего“ (стр 213); или: „лѣса были такъ глухи, что по рѣкамъ ловили бобровъ“ (стр. 146).

При оцѣнкѣ историческихъ произведеній форма изложенія должна быть принимаема, во вниманіе. Значеніе слога въ этомъ отношеніи прекрасно опредѣлено однимъ изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкахъ историковъ, котораго мы имѣемъ еще счастіе считать своимъ современникомъ:

„Когда поэтическое произведеніе соединяетъ въ себѣ высокое содержаніе съ чистою формой, то оно удовлетворяетъ всякаго. Когда ученое сочиненіе представляетъ точность изслѣдованія и ясность объясненія, никто отъ него болѣе ничего не требуетъ. Задача же историка есть не только ученая, но и литературная; исторія есть не только наука, но и искусство. Она должна удовлетворять всѣмъ строгимъ требованіямъ критики и учености, подобно филологическому изысканію, и сверхъ того она должна доставить образованному уму такое же наслажденіе какое онъ получаетъ отъ чтенія высокаго литературнаго произведенія.

„Трудность соединить оба требованія, ученость изслѣдованія и художественность изложенія, заставляла многихъ думать что красота формы можетъ быть достигнута только на счетъ учености содержанія. Еслибъ это было справедливо, то необходимо бы отвергнуть всякую мысль о соединеніи науки съ искусствомъ, слѣдовало бы признать такое соединеніе ложнымъ. Я однако убѣжденъ въ противномъ, и думаю что заботы о внѣшней формѣ необходимо увеличиваютъ заботы о внутреннемъ содержаніи. На чемъ же иномъ основана форма какъ не на содержаніи? Свѣжесть представленія какого-либо событія не основывается ли на живомъ, глубокомъ познаніи этого событія? А такое живое познаніе можетъ быть достигнуто единственно при помощи глубокаго и всесторонняго изслѣдованія. Только высокое содержаніе вызываетъ въ духѣ нашемъ соотвѣтственную ему прекрасную форму.“

II.

Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитъ. М. Драгоманова. Кіевъ. 1869 (VII, 415, 8°).

„Wehe den Thoren die griechische Geschichte schreiben wollen, wo wir Thukydides haben," говорилъ Нибуръ на одной изъ своихъ лекцій и называлъ Пелопоннезскую войну „безсмертною" только потому что Өукидидъ былъ ея историкомъ. Такъ высоко цѣня Өукидида, Нибуръ не ставитъ рядомъ съ нимъ Тацита только потому что историкъ Римской имперіи, въ дошедшихъ до насъ книгахъ его исторіи, не является намъ очевидцемъ и участникомъ въ событіяхъ, подобно Өукидиду. Два великіе историка Греціи и Рима, Өукидидъ и Тацитъ, каждый въ своемъ родѣ, остаются до настоящаго времени образцами исторіографіи; намъ неизвѣстенъ ни одинъ трудъ новѣйшихъ ученыхъ въ которомъ Пелопоннезская война была бы представлена яснѣе чѣмъ у Өукидида, или личности римскихъ императоровъ были бы обрисованы типичнѣе чѣмъ у Тацита. Вся историческая школа западныхъ ученыхъ воспиталась на этихъ двухъ историкахъ античнаго міра, и ученое уваженіе къ классическимъ произведеніямъ исторіографіи до настоящаго времени ревниво охранитъ ихъ отъ ложныхъ обвиненій и несправедливыхъ нареканій, появляющихся по временамъ въ печати не только западной, но и нашей отечественной.

Русское общество значительно болѣе знакомо съ произведеніями Тацита чѣмъ съ твореніемъ Өукидида. Въ то время какъ русская историческая литература еще ожидаетъ труда который познакомилъ бы ее съ произведеніемъ Өукидида, Тацитъ не разъ уже служилъ предметомъ работъ для отечественныхъ ученыхъ, и еще живо въ памяти у всѣхъ то увлеченіе съ какимъ читались и перечитывались прекрасныя изображенія *Римскихъ женщинъ по Тациту*, нарисованныя мастерскою рукой покойнаго П. Н. Кудрявцева. Сочиненіе названное нами въ заглавіи служитъ лишь приготовительною работой для обширнаго труда о Тацитѣ: „Опредѣлить значеніе сочиненій

Тацита, говоритъ авторъ, можно только въ связи съ цѣлымъ вопросомъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи" и, оставляя до времени въ сторонѣ сочиненія Тацита, г. Драгомановъ пишетъ *Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи.*

Имя г. Драгоманова появилось впервые въ печати въ 1864 году на небольшой брошюрѣ *Императоръ Тиберій.* Эта монографія была тогда же осуждена какъ плагіатъ. Небольшой трудъ Сиверса и брошюра извѣстнаго публициста Ад. Штара послужили г. Драгоманову основой для его разказа, который имѣлъ цѣлію доказать что Тиберій былъ, какъ выражается Штаръ, im tiefsten Innern eine edle Natur. Авторъ русской компиляціи потерпѣлъ тогда такое же рѣшительное пораженіе какъ и его руководители: нѣмецкій ученый Пашъ подвергъ строгой критикѣ всѣ источники на которыхъ основывался А. Штаръ, и пришелъ къ результату совершенно противоположному: „Тиберій, говоритъ Пашъ, по природѣ своей былъ лишенъ всякаго уваженія къ человѣческой личности, тѣмъ болѣе любви къ людямъ."

Неудачи постигшія этотъ первый трудъ г. Драгоманова раздражили автора; тѣ „особыя обстоятельства въ которыхъ находится русская наука" убѣдили его въ невозможности заниматься въ Россіи какими-либо частными вопросами и „въ необходимости предварительнаго историко-теоретическаго (?) обозрѣнія вопроса объ историческомъ значеніи Римской имперіи." Эти „особыя обстоятельства", въ силу которыхъ въ Россіи „частные вопросы интересны только въ связи съ общими", заключаются, по мнѣнію г. Драгоманова, въ слѣдующемъ: „У насъ до того укоренено традиціональное преклоненіе передъ Тацитомъ, до того сильно вліяніе наиболѣе пристрастной въ этомъ вопросѣ нѣмецкой науки, до того наконецъ мало извѣстны хотя и отдѣльныя попытки во французской и англійской литературѣ менѣе отрицательнаго отношенія къ Римской имперіи, — что всякая попытка въ такомъ родѣ у насъ кажется или страннымъ оригинальничаньемъ, или восхваленіемъ деспотизма, а во всякомъ случаѣ возстаніемъ противъ научности" (стр. 255). Такое заявленіе г. Драгоманова невольно поражаетъ своею неожиданностію; опытъ его перваго труда показалъ что именно онъ подпалъ сильному вліянію извѣстной нѣмецкой литературы, даже до рабскаго подража-

нія Северу и Штару, а попытки французской и англійской литературы давно уже были извѣстны русской литературѣ стараніями г. Васильевскаго (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1864 № 2). Наконецъ, послѣднее обвиненіе взводимое авторомъ на Россію, въ которой будто бы „по многимъ причинамъ положительные взгляды на Римскую имперію не могутъ пользоваться сочувствіемъ“ (стр. 392), намъ кажется равнымъ образомъ мало основательнымъ: въ русской литературѣ намъ извѣстны лишь сочувственные отзывы о трудахъ Тьерри и Меривеля, а пріемъ оказанный послѣднему труду самого г. Драгоманова извѣстными органами петербургской печати опровергъ это мнѣніе автора вслѣдъ за выходомъ его книги въ свѣтъ.

Мы тѣмъ болѣе удивлялись подобнымъ заявленіямъ г. Драгоманова относительно особенностей русской литературы и ея положенія, что самый трудъ его есть не что иное какъ лишь распространеніе взглядовъ высказанныхъ въ русской же литературѣ, именно въ одной изъ фельетонныхъ статей г. Чернышевскаго, помѣщенной въ *Современникѣ*: *О причинахъ паденія Рима* (т. CXXXVII, стр. 90—117). Статья эта намъ хорошо извѣстна, она написана по поводу выхода въ свѣтъ сочиненія Гизо о цивилизаціи во Франціи, въ переводѣ котораго на русскій языкъ мы принимали дѣятельное участіе; въ этой статьѣ проявились всѣ особенности мысли и пера г. Чернышевскаго,—глумленіе надъ наукой, дешевое либеральничанье и желаніе быть оригинальнымъ во что бы то ни стало. Эта-то статья послужила г. Драгоманову образцомъ; развивая основныя воззрѣнія Чернышевскаго на Римскую имперію, на варварство и т. п., онъ подражаетъ ей рѣшительно во всемъ, измѣняя лишь выраженія: если Чернышевскій говоритъ что „прогрессъ основывается на умственномъ развитіи“, то Драгомановъ повторяетъ что „способность къ прогрессу есть свойство преимущественно мысли человѣческой“; если Чернышевскій говоритъ объ „учрежденіи чего-то похожаго на провинціальные сеймы,“ то Драгомановъ трактуетъ о „представительныхъ учрежденіяхъ“ въ Римской имперіи, и т. п. Указывая на статью Чернышевскаго какъ на источникъ послужившій основой для труда г. Драгоманова, мы знаемъ что рискуемъ подвергнуть себя грубымъ насканіямъ со стороны извѣстныхъ органовъ печати, которые не замедлятъ усмотрѣть въ этомъ можетъ-быть, даже „доносъ“, „шпіонство“ и т. п. Но мы знаемъ цѣну сужденій этихъ мнимыхъ

органовъ либерализма и, ставя выше всего право каждаго свободно мыслить и обсуждать, независимо отъ какихъ-либо побочныхъ соображеній, спокойно приступаемъ къ разсмотрѣнію труда г. Драгоманова.

Прошло двадцать вѣковъ съ тѣхъ поръ какъ Грекъ Полибій впервые предугадалъ въ эллинской культурѣ и политической организаціи Рима два существенные элемента будущаго развитія человѣчества, и лишь новѣйшая наука своими изысканіями и изслѣдованіями подтвердила взглядъ греческаго историка. По отношенію къ исторіи Рима, эти изслѣдованія и изысканія велись долгое время двумя другъ отъ друга независимыми путями: въ то время какъ въ Германіи преобладали чисто-филологическія изслѣдованія надъ текстомъ письменныхъ памятниковъ римской исторіи, въ Италіи было обращено главнѣйшее вниманіе на археологическія изысканія, преимущественно на эпиграфику и нумизматику; рядомъ съ филологическими трудами Вольфа, Нибура, Бека, въ Германіи, въ Италіи появляются антикварные труды Марини, Висконти, Боргези. Лишь въ послѣднее время знаменитѣйшій изъ современныхъ намъ историковъ, нѣмецкій ученый Момзенъ, соединилъ оба эти ряда изслѣдованій, филологическія и антикварныя, примѣнивъ археологическій матеріалъ къ критикѣ и пополненію письменныхъ памятниковъ. * Таково настоящее положеніе исторической науки по отношенію къ вопросамъ касающимся римской исторіи, так-называемое момзеновское направленіе характеризуетъ собою новѣйшую историческую школу. Если изслѣдованіе составленное исключительно въ одномъ изъ вышеуказанныхъ направленій не можетъ уже удовлетворять настоящему положенію науки, то сочиненіе игнорирующее оба эти направленія, конечно, не имѣетъ уже научнаго значенія, а таково именно сочиненіе г. Драгоманова: онъ не знакомъ съ латинскою эпиграфикой и не пользуется римскою литературой.

Въ сочиненіи г. Драгоманова затронуты многіе вопросы не разрѣшимые безъ латинской эпиграфики, какъ напримѣръ вопросъ о представительныхъ учрежденіяхъ въ Римской имперіи. Говоря о „конституціи Діоклетіано-Юстиніановской,“ онъ находитъ что начало къ „участію населенія во всѣхъ дѣйствіяхъ власти“ было уже положено *представительными про-*

* *Hist. Zeitschr.*, 1868, II, 241.

винціальными собраніями (стр. 409), съ рѣшительностію утверждаетъ что „представительныя собранія въ Римской имперіи были, и притомъ равносословныя, а не феодальныя“ (стр. 411) и съ увѣренностію высказываетъ положеніе что „Римская имперія есть первый примѣръ новоевропейскаго государства, земскаго и равноправнаго.“ Руководимый Чернышевскимъ, относящимъ представительныя собранія лишь къ „послѣднимъ временамъ Римской имперіи“ (стр. 102), г. Драгомановъ въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ извѣстный декретъ Гонорія и Θеодосія, „обращенный въ 418 году къ префекту Галліи, пребывавшему въ городѣ Арлѣ“. * Такое доказательство болѣе чѣмъ оригинально уже и потому что, какъ извѣстно, населеніе южной Галліи отвергло это предложеніе императоровъ и собраніе въ Арлѣ не состоялось, о чемъ г. Драгомановъ могъ узнать хотя бы изъ словъ Гизо, который, приведя переводъ императорскаго рескрипта, тотчасъ же прибавляетъ: „Провинціи и города отказались отъ предложеннаго имъ благодѣянія; никто не хотѣлъ избирать депутатовъ, никто не хотѣлъ ѣхать въ Арль.“ Но даже допустивъ что мѣра предложенная императорскою властію въ началѣ V вѣка „для защиты единства имперіи“ была приведена въ исполненіе и принята населеніями, можно ли ее считать характерною чертой государственнаго строя всей Римской имперіи? А между тѣмъ основная мысль г. Драгоманова справедлива, но она можетъ быть доказана на основаніи лишь эпиграфическихъ данныхъ, на основаніи надписей; положеніе, заимствованное у Тьерри, справедливо, доказательство же, приведенное по указанію г. Чернышевскаго, ложно.

Письменныя указанія, преимущественно законодательные памятники, изъ которыхъ мы можемъ заключать о существованіи представительныхъ учрежденій въ провинціяхъ Римской имперіи, находятся въ Θеодосіевомъ кодексѣ, въ титулѣ *de legatis et decretis legationum* (12, 12) и древнѣйшее изъ этихъ указаній относится не къ началу V в., не къ 418 году, а къ половинѣ IV столѣтія, именно въ 355 году, когда Константинъ Великій, рескриптомъ къ префекту Африки, предоста-

* Объ этомъ декретѣ упоминаетъ Тьерри, *Tableau de l'empire Romain*, онъ переведенъ на франц. языкъ Гизо, *Hist. de la civilisation en Europe*, и на русскій Н. Барсовымъ, *Ист. цивилизац. въ Европѣ*; подлин. текстъ см. Bouquet, *Rerum Gall. et Francis*. I. 766.

вилъ африканскимъ провинціямъ право созывать собраніе совершенно свободно и безъ всякихъ стѣсненій со стороны императорскихъ чиновниковъ, составлять на этихъ собраніяхъ постановленія и представлять свои рѣшенія императору чрезъ своихъ выборныхъ. Такимъ образомъ, самое древнее указаніе литературное о представительныхъ собраніяхъ относится лишь къ половинѣ IV вѣка, между тѣмъ какъ надписи указываютъ на существованіе представительныхъ учрежденій еще во времена Августа, то-есть въ то именно время которое г. Драгомановъ, по его собственнымъ словамъ, имѣетъ преимущественно въ виду и ради котораго написано имъ разсматриваемое сочиненіе. Такъ, касательно Галліи, надписи собранныя различными учеными, а также знаменитая торинынская надпись (Torigny), текстъ которой изданъ Момзеномъ, не оставляютъ сомнѣнія въ значеніи такъ - называвшагося *concilium Galliarum*; по отношенію къ Испаніи трудъ Гюбнера, въ особенности же второй недавно изданный томъ, вполнѣ раскрываетъ политическій характеръ извѣстнаго *concilium provinciae Hispaniae citerioris*, на которомъ между прочимъ постановлено было воздвигнуть памятникъ одному изъ гражданъ, *ob causas utilitatesque publicas fideliter et constanter defensas!* * Незнакомство г. Драгоманова съ латинскими надписями тѣмъ болѣе непростительно что въ небольшомъ, но прекрасномъ трудѣ г. Шаховскаго (*О представительныхъ учрежденіяхъ въ древнемъ мірѣ.* 1866), онъ могъ найти какъ необходимыя для него доказательства, такъ и не менѣе необходимое предостереженіе отъ обвиненій русской науки, положеніе которой будто бы таково что не допускаетъ разработки частныхъ вопросовъ.

Позволимъ себѣ еще одинъ примѣръ. Въ сочиненіи г. Драгоманова не разъ упоминается объ „обоготвореніи" того или другаго императора, а между тѣмъ только латинская эпиграфика даетъ возможность уразумѣть дѣйствительный характеръ и настоящій смыслъ императорскаго обоготворенія. Въ упомянутомъ выше сборникѣ латинскихъ надписей Гюбнера приведено до 70 надписей о жрецахъ Таррагонскаго храма, flamines provinciæ; полный титулъ этихъ жрецовъ: *flamen Romae, divorum et Augusti provinciae Hispaniae citerioris*, доказываетъ что они были жрецами Рима, императоровъ умер-

* *Corpus inscript. latin.*, II, 4.192.

шихъ и обоготворенныхъ, и императора царствующаго живаго; культъ посвященный императорамъ не былъ культомъ личнымъ, относился не къ тому или другому цезарю, но вообще къ императорскому достоинству,—это было обоготвореніе монархической власти.

Примѣровъ такихъ недоразумѣній, проистекающихъ отъ незнакомства г. Драгоманова съ новѣйшими изслѣдованіями по латинской эпиграфикѣ, можно было бы привести довольно много; но двухъ указанныхъ нами совершенно достаточно чтобы вполнѣ оцѣнить заявленіе г. Драгоманова, сдѣланное имъ въ № 73 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*: „Пусть любой старый критикъ обратитъ вниманіе на заглавіе моей книги и укажетъ мѣсто гдѣ въ ней должны излагаться какія бы то ни было надписи.“ Не строгій къ себѣ авторъ забылъ, конечно, что онъ самъ въ своемъ собственномъ трудѣ ссылается на надписи на стр. 355!...

Отвергая необходимость эпиграфическихъ источниковъ, г. Драгомановъ находитъ въ такой же степени излишними и современные разсматриваемому имъ періоду памятники письменной литературы. Вотъ его собственныя слова: „Авторъ настоящаго сочиненія предположилъ себѣ цѣлью возстановить жизнь римскаго общества въ половинѣ перваго вѣка по Р. Х. посредствомъ критики важнѣйшаго историка того времени, Тацита. Но опредѣлить значеніе сочиненій Тацита можно только въ связи съ цѣлымъ вопросомъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи, а объ этомъ вопросѣ издавна накопились весьма противорѣчивыя мнѣнія, а потому мы сочли необходимымъ прежде всего коснуться этихъ мнѣній и опредѣлить свою общую точку зрѣнія на время котораго важнѣйшія стороны хотѣлъ описать Тацитъ“ (стр. 5).

Обращаемъ вниманіе читателей на постановку вопроса: чтобъ оцѣнить сочиненія Тацита, необходимо опредѣлить предварительно значеніе Римской имперіи, которая не можетъ быть понята безъ Тацита. Еще не такъ давно одинъ изъ русскихъ ученыхъ, справедливо находя что „Римская имперія представляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества, настоящее уразумѣніе которой составляетъ задачу по своей громадности не имѣющую себѣ подобной для историка“, совершенно основательно говорилъ что „задача эта не рѣшена Тацитомъ, но *никакъ не можетъ быть рѣшена кѣмъ-нибудь другимъ безъ его участія.*“ То же самое выска-

зываетъ и самъ г. Драгомановъ нѣсколько строкъ выше выписки приведенной нами: „принимая во вниманіе важность для этого времени сочиненій Тацита, мы имѣли основаніе думать что работа должна быть сосредоточена на сочиненіяхъ Тацита“ (стр. 4). Ложная постановка задачи сочиненія, при которой г. Драгомановъ, вопреки собственному воззрѣнію, сосредоточилъ свою работу не на сочиненіяхъ Тацита и вообще не на источникахъ, а на „историческомъ значеніи Римской имперіи“, отозвалась чрезвычайно печальными послѣдствіями на разсматриваемомъ сочиненіи г. Драгоманова, и прежде всего по отношенію къ Тациту.

Только полнымъ незнакомствомъ автора съ Тацитомъ можно объяснить замѣчаніе г. Драгоманова что „Тацитъ не могъ вполнѣ понять историческое значеніе Римской имперіи“ (стр. 350). Такое обвиненіе Тацита падаетъ всею своею тяжестью на обвинителя, не знающаго что Тацитъ умеръ въ первой половинѣ II вѣка, а Римская имперія существовала до конца V столѣтія. Удивляться ли, послѣ того что г. Драгомановъ невѣрно понимаетъ и ложно переводитъ Тацита? Укажу на одинъ изъ подобныхъ промаховъ, затрудняющихъ выборъ лишь своимъ обиліемъ.

Желая увѣрить своего читателя что „рѣдкое государство, даже въ XIX вѣкѣ пользовалось такою свободой обученія какая была въ Римской имперіи“ (стр. 364), и стремясь выставить въ розовомъ свѣтѣ это школьное обученіе за то что оно „не было регламентировано правительствомъ“, г. Драгомановъ въ подтвержденіе своихъ словъ говоритъ что „въ школахъ задавались ученикамъ такія темы какъ благородство тираноубійства“ (стр. 362), причемъ дѣлаетъ небрежную ссылку на *Tacit.*, *Dial. de Orat.*, безъ болѣе точнаго указанія. Еслибы г. Драгомановъ былъ знакомъ съ *Діалогомъ объ ораторахъ*, еслибъ онъ его читалъ, то, конечно, никогда ни рискнулъ бы сослаться на него, имѣя въ виду превознести это „не регламентированное правительствомъ“ школьное обученіе: въ XXXV главѣ *Діалога* эти восхваляемыя г. Драгомановымъ школы названы притономъ разврата и въ нихъ ученики упражнялись надъ вопросами которые до того грязны что скромность запрещаетъ намъ привести ихъ въ русской рѣчи: „sic fit ut tyrannicidarum praemia, aut vitiatarum electiones, aut incesta matrum!..“

Подобной участи подвергся не одинъ Тацитъ. Г. Драгома-

повъ относится къ памятникамъ римской литературы вообще крайне небрежно, чтобы не сказать болѣе. Онъ считаетъ философа Л. А. Сенеку современникомъ Августа (стр. 46), называетъ Веллея Патеркула и Флора *„провинціалами“* (стр. 261), приписываетъ Саллюстію „два политическія письма къ Юлію Цезарю“ (стр. 66) и т. п. Такъ какъ вопросъ о мнимыхъ письмахъ Саллюстія къ цезарю вызвалъ печатную переписку въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, то мы позволяемъ себѣ сдѣлать по этому поводу два замѣчанія:

Вопервыхъ, напрасно г. Драгомановъ находитъ что подложность этихъ писемъ или, точнѣе, непринадлежность ихъ Саллюстію не вполнѣ еще доказана и не всѣми еще учеными признана. Не вдаваясь въ неумѣстныя и въ данномъ случаѣ совершенно излишнія подробности, укажемъ г. Драгоманову на общедоступный сборникъ Паули, въ которомъ вопросъ этотъ подробно разсмотрѣнъ, и сдѣланъ слѣдующій выводъ: „Fälschlich dem Sallust beigelegt werden die zwei Briefe an Cäsar „De ordinanda republica“, an deren Aechtheit schon Lipsius und Carrio zweifelten und heutzutage kein Mensch mehr daran glaubt“ (VI, 1, 700). *Вовторыхъ*, насъ удивляетъ смѣлое заявленіе г. Драгоманова что онъ говоритъ о письмахъ къ цезарю *на одной страницѣ*. Отвергая серіозность предложеннаго г. Драгомановымъ пріема, по которому важность вопроса измѣряется числомъ страницъ, и не ручаясь, конечно, за полноту нашихъ указаній, беремъ однако на себя полную отвѣтственность предъ авторомъ и обществомъ, утверждая что г. Драгомановъ говоритъ объ этихъ письмахъ на страницахъ: 41, 53, 57, 66, 67, 69, 80, 84, 85 и 288; что на основаніи этихъ писемъ онъ дѣлаетъ заключенія о Саллюстіѣ и, наконецъ, что приведенное выше мѣсто изъ письма его къ редактору *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* можетъ служить характеристикой добросовѣстности полемическихъ пріемовъ г. Драгоманова.

Момзену ставятъ въ заслугу что онъ первый при своихъ изслѣдованіяхъ по римской исторіи воспользовался не только письменною литературой, но и латинскою эпиграфикой; г. Драгомановъ не находитъ нужнымъ обращаться къ надписямъ и считаетъ излишнимъ знаніе литературныхъ источниковъ древности. Историческая наука признаетъ въ настоящее время что лишь соединеніе обоихъ направленій, археологическаго и чисто-филологическаго, можетъ оказать ей услуги. Г. Драгомановъ отвергаетъ оба эти направленія. Что же служитъ ему

основой при его изслѣдованіяхъ? На чемъ зиждутся его ученые труды?

Было бы неумѣстно говорить здѣсь что собственно разумѣется подъ Римскою имперіей; но нельзя умолчать о томъ какое именно представленіе соединяетъ г. Драгомановъ съ понятіемъ о ней: съ первой же страницы его труда читатель заключаетъ что авторъ имѣетъ своеобразное понятіе о Римской имперіи, не общепринятое, вѣковое, но не формулуетъ его въ ясное для себя представленіе, какъ бы обходитъ этотъ вопросъ и лишь въ концѣ уже своего сочиненія мимоходомъ говоритъ что подъ Римскою имперіей онъ разумѣетъ *„государственный союзъ народовъ* обладавшихъ извѣстною цивилизаціей“ (стр. 409). Мы можемъ не останавливаться на вопросѣ о томъ насколько употребляемое г. Драгомановымъ выраженіе *государственный*, *государство*, соотвѣтствуетъ общепринятому его значенію, какъ πολιτεία, и ограничиться ссылкой на Аристотеля (Pol. III, 5; IV, 5; V, 6); но считаемъ необходимымъ хотя бѣгло отмѣтить главнѣйшія черты Римскаго государства, какъ оно сложилось въ періодъ республики и какимъ перешло въ имперію, причемъ предоставимъ голосъ одному изъ современныхъ намъ ученыхъ юристовъ, пользующагося симпатіями самого г. Драгоманова.

„Римское государство являло собою идею народнаго самодержавія.... Въ Римѣ гражданинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и царь; онъ пользовался огромными правами; но не должно забывать что эти права были привилегіями самодержавія, и поэтому такая идея о государствѣ должна была повести къ страшному деспотизму какъ скоро власть переходила изъ рукъ народа въ руки нѣсколькихъ или одного лица. Это испыталъ Римъ: какъ только Сулла овладѣлъ верховною властію, тиранія входитъ въ Римъ и уже не покидаетъ его болѣе. Цезари управляютъ во имя народа, и стремленіе ограничить ихъ власть является государственнымъ преступленіемъ, становится laese majestatis. Государство являвшее нѣкогда примѣръ величайшей политической свободы становится страшною тираніей, потому что власть принадлежавшая государству и исполнявшаяся различными элементами народа сосредоточивается въ рукахъ одного лица и естественно вырождается въ безграничный произволъ. Въ числѣ причинъ паденія Западной Римской имперіи не послѣднее мѣсто занимаетъ ложная идея Римлянъ о государствѣ.... Юри-

сты III вѣка, изучая власть императоровъ, приходятъ къ заключенію что воля государя есть законъ,—quod principi placuit legis habet vigorem, и мотивируютъ это именно тѣмъ что народъ передалъ всю свою власть главѣ государства.“

Г. Драгомановъ не только признаетъ такую теорію императорской власти, но серіозно говоритъ намъ что въ Римской имперіи „состояніе личной свободы было таково что ему можетъ позавидовать въ настоящее время вся континентальная Европа“ (стр. 355), и видитъ въ Римской имперіи „государственный союзъ народовъ“. Намъ кажется что въ послѣднемъ случаѣ для г. Драгоманова было обязательно если не представить доказательства, то, по крайней мѣрѣ, разъяснить что именно разумѣетъ онъ въ данномъ случаѣ подъ государственнымъ союзомъ; всякій Римлянинъ временъ имперіи считалъ бы для себя оскорбительнымъ видѣть въ завоеванныхъ имъ провинціяхъ не болѣе какъ членовъ союза, и всякій провинціалъ протестовалъ бы противъ такого взгляда всѣмъ строемъ своихъ отношеній къ Риму, какъ политическихъ, такъ экономическихъ и соціальныхъ.

Кромѣ понятія о государствѣ, не менѣе своеобразное представленіе соединяетъ г. Драгомановъ и съ понятіемъ о національности. Насколько оригиналенъ взглядъ автора на національность видно изъ того что утрата какимъ-либо народомъ своей національности и государственной независимости считается авторомъ высшимъ благомъ, какъ бы идеаломъ къ которому всякій народъ долженъ стремиться. Говоря о Евреяхъ, г. Драгомановъ находитъ что „Еврейскій народъ былъ болѣе счастливъ подъ владычествомъ Персовъ, Грековъ и Римлянъ, чѣмъ во время Давида и Соломона“ (стр. 317) и что „Еврей сталъ человѣкомъ лишь послѣ плѣненія вавилонскаго“ (стр. 318); переходя къ Грекамъ и видя какую-то особенную честь и славу для Эллинскаго народа въ покореніи его Римомъ, г. Драгомановъ, отказываясь признать „упадокъ Греческаго народа“ въ утратѣ имъ политической самостоятельности, находитъ что послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ лишь въ пользу высокаго развитія Грековъ, при которомъ „греческій купецъ, промышленникъ, ученый, артистъ, наконецъ человѣкъ,—котораго космополитическій (sic) идеалъ уже сформировался у греческихъ философовъ,—не помѣщались въ Аѳинянинѣ, Спартанцѣ, ни даже въ Эллинѣ“ (стр. 319), и что „Полибій, возставая противъ мелочнаго политическаго патріо-

тизма Грековъ, былъ органомъ истиннаго патріотизма греческаго и человѣческаго“ (?).

Если Евреи, въ отвѣтъ на такое кощунство автора надъ судьбами ихъ родины, съ озлобленіемъ, быть-можетъ, воспоютъ знаменитую пѣснь: „На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона“; если Грекъ могъ бы бросить г. Драгоманову укорительное восклицаніе Филопемена къ стороннику Рима: „Ты радуешься погибели Греціи!“ — то мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ величіе Рима можетъ заключаться въ его паденіи, какъ то говоритъ г. Драгомановъ: „Отреченіе Римлянъ отъ своихъ государственно-національныхъ особенностей и усвоеніе эллинской и восточной культуры составляютъ счастіе для самого Рима и великое, небывалое прежде, значеніе Рима“ (стр. 326). До сихъ поръ мы были убѣждены что отреченіе отъ своей національности и усвоеніе чуждой народу, не имъ выработанной культуры, можетъ свидѣтельствовать объ упадкѣ, никоимъ образомъ о величіи націи; авторъ хочетъ увѣрить насъ въ противномъ, но для этого еще слишкомъ мало однихъ темныхъ фразъ, въ родѣ слѣдующей: „*въ этомъ отреченіи отъ національныхъ традицій* и духа *заключается* не только всемірно-историческое (для будущаго) значеніе Рима, но *единственное спасеніе* Римскаго народа, какъ *національности* и государства“ (стр. 326). Отбрасывая въ этой фразѣ всѣ вводныя предложенія и вставочныя слова, лишь затемняющія ея основную мысль, и читая подчеркнутое нами, оказывается: „въ отреченіи отъ національныхъ традицій заключается спасеніе національности!“ Мы недоумѣваемъ ради какой цѣли понадобилось автору прибѣгать къ подобному абсурду,—спасеніе національности заключается въ отреченіи отъ нея? Недоумѣваемъ какимъ образомъ возставая противъ патріотизма Грековъ можно быть органомъ греческаго патріотизма? Не знаемъ чтò должно разумѣть подъ „человѣческимъ патріотизмомъ?“ и удивляемся что авторъ, убѣжденный конечно въ правотѣ высказываемыхъ имъ мыслей, не только не выясняетъ ихъ, но считаетъ необходимымъ маскировать въ темныя фразы. Или, быть-можетъ, въ этихъ фразахъ должно видѣть выраженіе того же оригинальнаго склада мысли какъ во многихъ другихъ фразахъ, напримѣръ въ слѣдующей: „римская политическая жизнь не имѣла истинной политической мудро-

сти, и оттого-то Римляне пріобрѣли репутацію политически мудрыхъ людей" (стр. 407)?...

Въ трудѣ объ историческомъ значеніи Римской имперіи авторъ не разсматриваетъ собственно Римской имперіи, но, по поводу какого-либо мнѣнія, нерѣдко случайнаго и едва высказаннаго гдѣ-нибудь въ статьѣ журнала или газеты, высказываетъ свои личныя чувствованія и ощущенія. „По вопросу о Римской имперіи, говоритъ авторъ, издавна накопились весьма противорѣчивыя мнѣнія", и онъ, „считая необходимымъ коснуться (!) этихъ мнѣній", дѣйствительно *прикасается* къ нимъ: онъ не изслѣдуетъ ихъ источника, значенія, смысла, но лишь высказываетъ свое одобреніе или неодобреніе этихъ мнѣній, разсуждаетъ по поводу ихъ и отвлекается въ обсужденіе вопросовъ совершенно посторонних. Приводя тѣ слова марсельскаго пресвитера V вѣка, Сальвіана, имѣвшаго большое нравственное вліяніе на современниковъ, въ которыхъ онъ, какъ христіанскій проповѣдникъ, ратуетъ противъ распутства высшаго сословія, противъ разврата „господъ, не краснѣющихъ стать мужьями своихъ служанокъ", г. Драгомановъ не опровергаетъ и не подтверждаетъ заключающагося въ нихъ извѣстія, не старается опредѣлить его значеніе, но считаетъ умѣстнымъ сдѣлать по поводу ихъ лишь слѣдующее, довольно циническое замѣчаніе: „христіанскому писателю не подобало бы питать такія аристократическія мнѣнія о mésalliences!" (стр. 132). По поводу мнѣній Монтескье о Германцахъ, г. Драгомановъ вставляетъ обширное примѣчаніе о женщинѣ, въ которомъ старается доказать что женщина еще не человѣкъ: „въ новой Европѣ поднятіе (sic) женщины отъ варварскаго положенія до человѣка не совершилось вполнѣ нигдѣ еще" (стр. 207). Касаясь вопроса о великомъ переселеніи народовъ, г. Драгомановъ объясняетъ причины его болѣе чѣмъ просто: „да изъ-за чего бы было и все переселеніе народовъ, еслибъ у варваровъ не было алчности къ добычѣ и грабежу?" * Если первые два примѣра отличались хоть оригинальностію, то послѣдній лишенъ даже и этого качества, такъ какъ еще Тацитъ заставляетъ Церіалиса говорить что Германцевъ гонитъ въ Галлію *libido atque avaritia et mutandae sedis amor* (Hist. IV, 72). Въ трудѣ г. Драгоманова о Римской имперіи встрѣчаются разсужденія о

* Стр. 151, ср. статью г. Чернышевскаго, стр. 104 и слѣд.

„славянофилахъ“ и „бонапартизмѣ“, о „лѣтописи села Горохина“ и романѣ Евгенія Сю, о „дамахъ“ времени императора Граціана и „неаполитанской оперѣ“ и т. п., такъ что мы еще должны благодарить автора что онъ написалъ сочиненіе только въ четыреста страницъ: сочиненія, составляемыя по подобной системѣ, обыкновенно, не имѣютъ конца. Авторъ самъ признаетъ, однако, что написалъ много лишняго и такъ отзывается о своемъ трудѣ: „нашъ трудъ вышелъ длиннѣе быть-можетъ, чѣмъ нужно для сущности дѣла, но длиненъ онъ вышелъ потому что мы должны были, опровергая многія казавшіяся намъ неправильными мнѣнія, восходить къ разъясненію общеисторическихъ вопросовъ; защищая Римскую имперію отъ обвиненій и униженій, казавшихся намъ несправедливыми, мы должны были обратиться къ анализу также несправедливыхъ превозвышеній республики и варварскаго вторженія“ (стр. 413).

„Разъясненіе общеисторическихъ вопросовъ“ представляетъ одну изъ наиболѣе любопытныхъ сторонъ разсматриваемаго труда, но, щадя читателя, мы позволимъ себѣ лишь привести подлинныя слова г. Драгоманова объ историческомъ методѣ. „Правильный историческій-методъ, по мнѣнію автора, заключается въ употребленіи сравнительнаго изслѣдованія и распредѣленія различныхъ чертъ быта соотвѣтственно разнымъ эпохамъ развитія народовъ“ (стр. 206), а не правильный,— „во взглядѣ на исторію очами восточнаго фаталиста-визіонера, провозглашающаго что „все на свѣтѣ суета и миражъ, который только безумными принимается за дѣйствительность!“ (стр. 219). Таковъ методъ г. Драгоманова, при помощи котораго онъ счелъ возможнымъ „восходить къ разъясненію общеисторическихъ вопросовъ“ и не нуждаться ни въ эпиграфическихъ, ни въ литературныхъ источникахъ.

„Защищая Римскую имперію отъ обвиненій и униженій“, г. Дроговановъ, вѣроятно вопреки своей волѣ, рисуетъ такую мрачную картину, при которой нѣтъ уже мѣста какому-либо свѣтлому взгляду на Римскую имперію. Онъ видитъ въ ней слѣдующіе черты: „военное варварство, безчеловѣчіе и дипломатическое интригантство, гадости аристократіи и жестокость деспотизма, волчью чувственность и звѣрство, отсутствіе свободы, императорскій деспотизмъ и грубость матеріальныхъ интересовъ“ и т. п. Едва ли тѣ которые „обвиняли и унижали“ Римскую имперію обрисовывали ее такими темными кра-

сками, какъ г. Драгомановъ, взявшій на себя роль защитника; едва ли при такомъ взглядѣ на Римскую имперію умѣстно его восклицаніе: „въ нашъ вѣкъ, и только въ нашъ, историкъ симпатично оборачивается къ императорскому Риму!“ (стр. 328).

Этого „симпатичнаго оборачиванія“ къ императорскому Риму мы не видимъ въ вышеприведенныхъ мнѣніяхъ г. Драгоманова о Римской имперіи; но тѣмъ съ большею ясностію выступаетъ его „антипатичное“ отношеніе къ самымъ элементарнымъ требованіямъ ученаго труда.

Насъ не удивляетъ неточность и даже невѣрность перевода г. Драгомановымъ латинскихъ авторовъ, свидѣтельствующая о его слабомъ знаніи одного изъ классическихъ языковъ,—что̀ вѣроятно и заставило автора отвергать необходимость для его труда надписей и литературныхъ памятниковъ; насъ не удивляетъ и то что монахъ С. Галленскій, авторъ труда: *De gestis Caroli Magni libri II*, причисленъ къ „писателямъ обладавшимъ большимъ литературнымъ талантомъ“, — изъ чего ясно что г. Драгомановъ не только не читалъ этого труда, но незнакомъ даже и съ отзывомъ о немъ Ваттенбаха (*Deut. Geschichtsquell.* p. 126); не удивляетъ насъ, наконецъ, и масса цитатъ изъ классиковъ,—ихъ происхожденіе въ подобныхъ сочиненіяхъ всѣмъ хорошо извѣстно;* но считаемъ нужнымъ отмѣтить нѣкоторые изъ тѣхъ промаховъ, которые касаются современныхъ намъ произведеній западной литературы: глумленіе надъ изученіемъ классическихъ языковъ всегда указываетъ на западныя литературы, преимущественно на нѣмецкую, въ которой всѣ-де классики переведены. Какъ же владѣютъ подобные господа языкомъ хотя бы переводовъ?

Презрительно отзываясь о трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ и, между прочимъ, утверждая будто бы „характеристическія черты воззрѣній Гердера и Гегеля на римскую исторію и великое переселеніе народовъ составляютъ отличительную особенность почти всѣхъ нѣмецкихъ историковъ и можно ска-

* Для примѣра укажемъ на вопросъ о римскомъ мирѣ (pax romana), на стр. 256 и слѣд.: всѣ цитаты заимствованы изъ третьяго тома соч. Laurent, *Etudes sur l'hist. de l'humanité*, но не изъ того мѣста на которое однажды ссылается авторъ. Можно утвердительно сказать что почти весь ученый аппаратъ г. Драгоманова заимствованъ изъ Лорэна.

сказать — всей нѣмецкой литературы“ (стр. 230), г. Драгомановъ читаетъ нѣмецкія сочиненія во французскомъ переводѣ (стр. 231), дѣлаетъ выписки изъ нѣмецкихъ сочиненій, нисколько не соотвѣтствующія тексту (стр. 285), выраженіе *Grösse des Vaterlandes* переводитъ не разъ чрезъ *„увеличеніе* отечества“, въ чемъ и разумѣетъ римскую *pietas* (стр. 16), и во *Всеобщей Исторіи* Вебера видитъ продолженіе *Римской Исторіи* Моммзена! Особенно любопытны тѣ страницы (начиная съ 16й), на которыхъ приводится переводъ изъ упомянутаго труда Вебера: не понявъ раздѣленія Веберомъ римской исторіи на *три* періода и переводя только *два*, г. Драгомановъ обращается къ Веберу съ слѣдующимъ одобреніемъ: „признаніе *постепеннаго* перехода римскаго государства изъ городскаго во всемірное, конечно, совершенно справедливо“ (стр. 21), причемъ это *конечно* является крайне комичнымъ обличителемъ автора.

Что касается изложенія, то приведенныя нами выписки достаточно указываютъ „симпатично ли оборачивается“ г. Драгомановъ къ требованіямъ русской рѣчи; мы можемъ лишь прибавить что чистотѣ слога много вредятъ „мальконтенты“, „филобарбары“, „алармисты“ и т. п. чужестранцы, свидѣтельствующіе, къ сожалѣнію, о любви автора къ иностраннымъ, не русскимъ словамъ и выраженіямъ. Мы не думали, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ излишнее, неоправдываемое необходимостію употребленіе иностранныхъ выраженій выкупалось бы введеніемъ въ историческій слогъ такихъ выраженій, уже чисто русскихъ, которые прежде не встрѣчались въ историческихъ произведеніяхъ нашей литературы, какъ „гадость“, „подлость“, или напримѣръ *„стародумство* римскихъ писателей“, подъ которымъ авторъ разумѣетъ „мрачный, безнадежный взглядъ на настоящее и идеализацію прошедшаго, полнѣйшій пессимизмъ, гуманную мизантропію“ (стр. 36).

В. БИЛЬБАСОВЪ.

ГРАФИНЯ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.*

ГЕНРИХА КРУЗЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Дѣйствующія лица:

ТЭДА, графиня Восточной Фрисландіи, вдова графа Ульриха Цирксена.

ЭННО. ЭДЗАРДЪ. — Ея сыновья.

ГЕЛА. АЛЬМУТА. — Ея дочери.

ЭНГЕЛЬМАНЪ ФОНЪ-ГОРСТЪ, молодой рыцарь.

Вожди Фризовъ:
ГЕРО МАУРИЦЪ, владѣтель Дорнума.
ГЕРО ОМКЕНЪ, владѣтель Эзенса.
ЭДО ВИМКЕНЪ, владѣтель Іевера.
ИКО, владѣтель Книпгаузена.
ФОЛЕФЪ, владѣтель Ингаузена.
ГЕРДЪ ФОНЪ-ГЕЙДЕ.

АДОЛЬФЪ, графъ Ольденбургскій.

ИСААКЪ, мѣняла.

КАПЕЛЛАНЪ.

Воины, стражи, народъ и пр.

Мѣсто дѣйствія—Восточная Фрисландія въ концѣ XV вѣка.

---

* Эта трагедія, по заявленію нѣмецкихъ журналовъ, есть одно изъ лучшихъ произведеній современной драматической поэзіи, и уже при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ, въ видѣ книги, обратила на себя общее вниманіе величіемъ и силою содержанія, напоминающаго

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Графскій замокъ въ Аурихѣ.

ГЕЛА и АЛЬМУТА.

АЛЬМУТА.

Забудь его!

ГЕЛА.

Охотно бы, но какъ?
Ты сможешь ли пчелиный рой заставить
Въ ту сторону летѣть, а не сюда?
Ты сможешь ли рой мыслей безпокойныхъ
Своею волей обуздать, сестра?
И если днемъ разсѣюсь я работой
И мысль о немъ на время отгоню,
То ночью онъ опять ко мнѣ приходитъ.
Тогда онъ мой опять, сидитъ со мной
По-прежнему, какъ плѣнникъ въ нашемъ замкѣ,
А я, тогда почти еще дитя,
Чтобъ юношу печальнаго разсѣять,
Играла съ нимъ....

АЛЬМУТА.

А вышла не игра!

ГЕЛА.

Адольфъ мнѣ улыбался, точно солнце
Весеннее, когда его земля
Привѣтствуетъ травою и цвѣтами.
Такъ и во мнѣ растутъ и расцвѣтаютъ
Всѣ прежнія блаженныя мечты.
Со мной онъ шутитъ, въ лобъ меня цѣлуетъ
И шепчетъ мнѣ привѣтныя слова....

лучшія творенія древности. Прусское министерство просвѣщенія назначило за нее автору золотую медаль „за искусство". Она недавно была поставлена на сценѣ въ Лейпцигѣ, гдѣ имѣла значительный успѣхъ и произвела глубокое впечатлѣніе. Доказательствомъ ея достоинства можетъ служить и то что въ самое короткое время она имѣла уже три изданія. *Примѣч. переводч.*

И радостно проснусь я и вздохну,
Что это былъ лишь сонъ.

АЛЬМУТА.

Бѣдняжка Гела!

ГЕЛА.

И сердце вдругъ заноетъ! Такъ сто разъ
Во мнѣ печаль утраты оживаетъ....
Но я тебѣ наскучила, Альмута!
Не правда ли? Что̀ можетъ быть скучнѣй
Покинутой невѣсты?

(Отираетъ слезы и улыбается.)

Ну, а ты
Сама покинуть хочешь человѣка,
Любимаго тобою. Ахъ, сестра!
Съ тобою будетъ то же что̀ со мной:
Кто жизнію двойною насладился,
Тому несносно одинокимъ стать.
Прошу тебя, не торопись рѣшеньемъ.
Ты выслушать сперва его должна.

АЛЬМУТА.

Нѣтъ, я его и видѣть не хочу!

ГЕЛА.

Упрямица!

АЛЬМУТА.

Ужель мнѣ быть довольной
Остатками той нѣжности, какіе
Отъ итальянской дѣвы онъ сберегъ?
О, я готова бы надѣть доспѣхи.
Чтобы его на смертный вызвать бой!

ГЕЛА.

Такъ безъ суда его ты осудила?
Ахъ, юность справедливости не знаетъ!
Сюда идутъ....

АЛЬМУТА.

Уйдемъ скорѣй отсюда;
Я съ Энгельманомъ встрѣтиться боюсь.

(Уходятъ.)

Входятъ: ГЕРО ОМКЕНЪ, ЭДО ВИМКЕНЪ и ФОЛЕФЪ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Законъ гласитъ что Фризы быть должны
Свободными, пока здѣсь вѣтеръ вѣетъ;
Теперь не то!

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Хвалились мы всегда
Что мы не знаемъ власти чужеземной,
И сами же теперь признали власть
Въ своей землѣ. Какое униженье!

ФОЛЕФЪ.

Чѣмъ выше, чѣмъ знатнѣе насъ Цирксены?

ЭДО ВИМКЕНЪ.

И еслибъ нами правилъ мужъ, а то
Лишь женщина, которая твердитъ
Что матерински нами управляетъ,
Какъ будто мы ребята! Ико, вы?

ИКО (*входитъ*).

Любимецъ-то графини возвратился,
Вы слышали? Вѣдь Энгельманъ ужь здѣсь.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Остался бы онъ лучше тамъ гдѣ былъ,
Молокососъ надутый!

ИКО.

Нѣтъ, мой другъ.
Онъ износилъ ужь дѣтскіе сапожки
И бородой обросъ. Въ военной службѣ
Въ чужой землѣ служилъ онъ: у графини
Теперь онъ значитъ болѣе чѣмъ прежде.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Къ чему его назначила она?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Ему о томъ заботиться не нужно.
Вы знаете, графиня предвѣщала
Всегда ему такъ много чудныхъ дѣлъ
И настоитъ на томъ чтобъ оправдались
Ея слова.

ИКО.

Она всегда права.
Дивлюсь я что Господь, какъ создалъ міръ,
Ея совѣта прежде не спросилъ.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Теперь пойдетъ владычество любимца.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вотъ женскаго правленья хвостъ обычный!
Но онъ идетъ сюда. Мы примемъ видъ,
Какъ будто бы его не замѣчаемъ.
Ему досадно будетъ. Отвернемся.
(Нѣкоторые садятся.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(входитъ съ живостью).*

Привѣтъ вамъ, господа! Я радъ что встрѣтилъ
Всѣхъ доблестныхъ начальниковъ страны
И вмѣстѣ всѣхъ привѣтствовать могу:
Васъ, храбрый Геро Омкенъ, Эдо Вимкенъ,
Ісвера, владѣтель молодой,
Васъ, рыцарь Фолефъ, рыцарь Ико! Что̀ же
Не слышу я отвѣта?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Добрый день!
Не правда ли, свѣжо таки сегодня?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Иль не узнали вы меня?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

О, нѣтъ!
Какъ не узнать! Вы—Энгельманъ фонъ-Горстъ,
Что̀ противъ Геро Маурица....

ЭНГЕЛЬМАНЪ

Тотъ самый.
Три года я скитался на чужбинѣ:
Я видѣлъ свѣтъ и красоту его;
Но лишь ступилъ на почву мнѣ родную,
Лишь услыхалъ на языкѣ родномъ
Отъ пахаря привѣтъ, какъ на душѣ
Свѣтлѣе стало вдругъ, какъ будто солнце,
Спускаясь въ море, улыбнулось мнѣ.
Ахъ! край родной милѣе всякихъ странъ.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Но помнится что родомъ вы Вестфалецъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, точно, я въ Вестфаліи родился,
Но такъ какъ мать моя была Фрисландка,
То я, лишась ея, былъ взятъ сюда
И здѣсь возросъ у дяди моего,
А умеръ онъ,—графиня приняла
Меня въ свое семейство. И теперь,
Друзья мои, вы можете считать
Меня за земляка.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Ну, не совсѣмъ!

Вотъ посмотрите,—на дворѣ павлинъ
Красуется хвостомъ своимъ роскошнымъ;
Онъ точно здѣшній выводокъ, но съ виду
Замѣтна въ немъ не здѣшняя порода.
Вотъ такъ и вы для Фриза слишкомъ пышны!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Надѣюсь, вы надъ платьемъ лишь смѣетесь;
Но тамъ, гдѣ былъ я, всѣ одѣты такъ;
Вамъ страненъ мой нарядъ? Его сниму я.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вы сами къ намъ нисколько не пристали.
А новымъ человѣкомъ стать труднѣй,
Чѣмъ въ новую одежду облачиться.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Когда бъ вы мнѣ сказали, господа,
За что̀ мнѣ нѣтъ привѣтливаго слова?
Мнѣ такъ здѣсь хорошо!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

О, вѣрю вамъ!

Здѣсь рѣки всѣ текутъ млекомъ и медомъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, нѣтъ нигдѣ такихъ луговъ роскошныхъ
И стадъ такихъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ (*про себя*).

Иль онъ не замѣчаетъ?
(Громко.)

Да, наши нивы тучны и красивы,
Когда-бъ на нихъ чужихъ поменьше было.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что̀ это значитъ?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Напримѣръ, хоть клячъ
Вестфальскихъ, что сюда приходятъ къ намъ
Чтобъ отъѣдаться.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Шпильки, Геро Омкенъ!
Хотите оскорбить,—скажите прямо.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Нашъ разговоръ не нравится ему;
Начнемте о другомъ.

ИКО.

Да, о другомъ.
Вы, кажется, изъ Мюнстера?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Оттуда.

ИКО.

Что̀ это за страна?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Страна такая
Гдѣ учатъ дерзкихъ дураковъ.

ИКО.

Прекрасно!
Не горячитесь только; вѣдь у насъ
Подобная горячность не въ ходу.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Потише, юнкеръ Энгельманъ, потише!
Заносчивость вамъ вовсе не къ лицу!

ФОЛЕФЪ.

Что̀ жь, рѣшено ли наконецъ, какое
Вы для себя избрали назначенье?
Вы завсегда высоко заносились:
Кѣмъ быть хотите—королемъ иль папой?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вы знаете, я вспыльчивъ; такъ ужели
Поэтому дразнить меня хотите?
Терпѣть не буду больше. Берегитесь!
Я дворянинъ такой же какъ и вы.
Кто тамъ смѣется?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Мы.

ИКО.

Да, мы смѣемся.

Ты, пиголица гордая! Мы всѣ
Ѣдимъ свой хлѣбъ, а ты живешь на хлѣбахъ
У госпожи своей: вотъ разница межъ нами!

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Мы вольные начальники народа,
А ты къ придворной челяди причисленъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ

Какъ?

ИКО.

Такъ же: здѣсь хотятъ устроить дворъ,
А какъ у насъ не водится льстецовъ,
То сволочь ту берутъ изъ пришлецовъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ *(обнажая мечъ).*

Мерзавцы! защищайтесь.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Какъ? здѣсь въ домѣ?

(Онъ встаетъ. Всѣ наступаютъ на Энгельмана.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Помѣримся мечами!

ИКО.

Погоди.

Быть-можетъ, такъ заведено у васъ,
Въ Германіи, гдѣ цѣлыя ватаги
Голодныхъ рыцарей всегда готовыхъ
На драку лѣзть; но здѣсь у насъ не такъ.

ФОЛЕФЪ.

Отъ насъ ты этой чести не дождешься.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

До этого еще ты не доросъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Для насъ смѣшонъ искатель приключеній,
Который къ намъ свалился съ облаковъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Въ васъ чести нѣтъ ни на волосъ, я вижу.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Эй, берегись, не вышло бы бѣды!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вы, кажется, хотите поступить
Попрежнему, когда изъ пустяковъ
Съ мечомъ на Геро Маурица напали,
На доблестнаго старца и на дядю
Самой графини? Васъ она тогда
Послала за границу, чтобъ ума
Тамъ набрались; а вы вернулись къ намъ
Такимъ же какъ и были.

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*медленно вкладываетъ мечъ въ ножны*).

Стыдно мнѣ!
Меня вы раздражили; вы нарочно,
Изъ дьявольской забавы, раздражили.
Но—мы сочтемся съ вами, господа.
Сочтемся мы. И, честію клянусь....

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Сюда идетъ графиня. Замолчите
И отойдите въ сторону.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Зачѣмъ?

ЭДО ВИКМЕНЪ.

А ну, пожалуй, суньтесь ей навстрѣчу!
Она сейчасъ по вашему лицу
Узна́етъ что вы начали съ того же,
Чѣмъ кончили тогда.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я отойду.
(*Отходитъ въ сторону.*)

ФОЛЕФЪ.

Кого это графиня такъ бранитъ?

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Ахъ, это Гердъ фонъ-Гейде: обольстилъ онъ
Армгарду, Остергаузена красотку!
Вотъ за нее графиня и вступилась.
Бѣдняжка Гердъ! Ему не сдобровать:
Она горой стоитъ за строгость нравовъ.

Входятъ: ГРАФИНЯ ТЭДА и ГЕРДЪ ФОНЪ-ГЕЙДЕ.

ГРАФИНЯ.

Такъ дѣвушку ты эту обольстилъ?

ГЕРДЪ.

Графиня!.. я... я только... я хотѣлъ....

ГРАФИНЯ.

Да или нѣтъ? Мнѣ знать не нужно больше.

ГЕРДЪ.

Не запираюсь я что о любви
Съ ней говорилъ.

ГРАФИНЯ.

Ты съ ней лишь говорилъ?
Но ты ее невинности лишилъ!
Я требую чтобъ ты на ней женился,
Пока еще не сдѣлался отцомъ!

ГЕРДЪ.

Вы шутите, графиня?

ГРАФИНЯ.

Я шучу?

ГЕРДЪ.

Ужели я на ней жениться долженъ?

ГРАФИНЯ.

Зачѣмъ же нѣтъ, безпутный негодяй!
Не будь я здѣсь владѣтельной графиней,
Сама сняла бы со стѣны арапникъ,
Чтобъ хорошенько вразумить тебя!
Зачѣмъ же не жениться? Чтò мѣшаетъ?
Ея отецъ—почтенный поселянинъ, -
Онъ всѣми здѣсь любимъ и уважаемъ.
Чтò можешь ты сказать противъ нея?
Она прекрасна и стройна.

ГЕРДЪ.

Все такъ.

ГРАФИНЯ.

Она во всемъ искусна и честна,
Пока ты съ ней не.... говорилъ. Повѣрь,
Ты этакой жены еще не стòишь.

ГЕРДЪ.

Но какъ же мнѣ простую поселянку
Въ свой домъ ввести хозяйкою?

ГРАФИНЯ.

Ого,

Какая гордость! Мы, Фрисландцы, здѣсь
Всѣ поселяне—вольны и равны,
Лишь пяди на двѣ больше или меньше—
Вотъ вся межъ нихъ и разница.

ГЕРДЪ.

Однако....
Что скажутъ обо мнѣ мои друзья
При этакой женѣ? Съ какимъ презрѣньемъ
Моя сестра къ ней будетъ относиться?
И мать моя,—вы знаете ее,—
Она въ семью не приметъ поселянку.

ГРАФИНЯ.

О, какъ глупа такая гордость! Другъ,
Здѣсь, во Фрисландіи, всѣ поселяне,
Но каждый чтитъ себя какъ дворянина.
Ихъ не тѣснило рабство никогда:
Они спасли себя отъ ига Римлянъ
И отъ другаго, бо́льшаго, отъ ига
Морскихъ пучинъ, которыя грозили
Всю нашу землю поглотить и съ громомъ,
Ища добычи, вѣчно ударяютъ
Въ плотины наши—дѣло нашихъ рукъ.
Такъ мы живемъ на собственной землѣ
И голову высоко поднимаемъ,
И всѣ равны другъ другу, и свободны,
И совѣщанья наши въ Упстальбомѣ.

ГЕРДЪ.

Такъ говорятъ; пріятно это слышать;
Но вѣдь одинъ лишь чиститъ лошадей,
Другой на нихъ гарцуетъ.

ГРАФИНЯ.

Замолчи!
Бѣдняжка эта, кроткая голубка,
Предъ ястребомъ могла ли устоять?
Я не хвалю когда дѣвица съ милымъ
Сближается, какъ съ мужемъ; но ея
Довѣрчивость простительна. Итакъ,
Я требую чтобъ ты на ней женился.

Я требую. И твоего ребенка
Сама крестить я буду. И скажи
Ты матери своей чтобъ на нее
Я жалобъ отъ невѣсты не слыхала.

ГЕРДЪ.

Но дайте мнѣ хоть малую отсрочку,
Вѣдь надо приготовиться.

ГРАФИНЯ.

Даю.

ГЕРДЪ.

Два мѣсяца....

ГРАФИНЯ.

И двухъ недѣль довольно!
И болѣе не дамъ тебѣ ни дня.

(Уходя, замѣчаетъ Ико.)

Чтò мнѣ пришлось о васъ услышать, Ико?

ИКО.

А чтò?

ГРАФИНЯ.

Вы двухъ Цыганъ....

ИКО.

Велѣлъ повѣсить
За то что у меня украли лошадь.
Ну чтò жь?

ГРАФИНЯ.

Но вѣдь они въ томъ не сознались?

ИКО.

Они не сознаются никогда.

ГРАФИНЯ.

Но вы ихъ въ этомъ вѣдь не уличили,
И не было свидѣтелей у васъ.

ИКО.

Мой конь пропалъ; Цыгане жь были тутъ:
Какихъ еще тутъ нужно доказательствъ?
Лишь страхъ одинъ и сдержитъ эту сволочь.

ГРАФИНЯ.

Иль вѣчно будутъ насъ считать за дикихъ?

ИКО.

Все лучше, чѣмъ за кроткихъ. Лучше вѣшать
Ихъ болѣе чѣмъ меньше: это племя
Цыганское.

ГРАФИНЯ.

Такъ вотъ что̀ вамъ скажу:
Пока они здѣсь у меня живутъ,
Какъ подданныхъ, я защищать ихъ буду,
И если вновь про судъ такой услышу,
(*съ угрозою поднимаетъ руку*),
Вы кровью мнѣ отвѣтите.

ИКО.

Графиня!

Графиня удаляется, не слушая его; она медленно опускаетъ руку и проходитъ мимо преклонившихся вождей.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вотъ женщина! Нѣтъ только бороды!

ФОЛЕФЪ.

Иной мущина этого не скажетъ.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

У ней такой суровый видъ съ тѣхъ поръ,
Какъ этою страною управляетъ,
И, нечего сказать, съ умомъ и силой.
Какъ женщины, которыя порой
Играютъ роль мущинъ, она нарочно
Старается усилить грубость тона.

ГЕРДЪ.

Умно вы говорите, господа,
А не хотите вспомнить о позорѣ,
Который сдѣланъ намъ. Графиня съ нами
Обходится какъ будто бы съ рабами:
Арапникомъ она мнѣ пригрозила!

ФОЛЕФЪ.

Да, словъ своихъ не взвѣсила она.

ГЕРДЪ.

На васъ позоръ лишь косвенно упалъ;
А мнѣ-то каково?

ФОЛЕФЪ.

Что жъ? покорись!
Намъ отъ нея вѣдь также доставалось:
Что̀ значитъ жеребцу ударъ кобылы!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Бываютъ случаи на свѣтѣ хуже,
Чѣмъ получить красавицу жену.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Въ такихъ дѣлахъ отъ женщинъ нѣтъ пощады;
Ужь лучше покорись.

ГЕРДЪ.

Какъ? Покориться?

Да вы ребята что ли, что даетесь
Въ постель себя укладывать графинѣ?
Чѣмъ выше насъ Цирксены? Понемногу
Возвысились они черезъ богатство,
И стастіе, и выгодные браки;
Но мы нисколько ихъ не ниже: мы —
Начальники свободнаго народа,
И „лучше смерть чѣмъ рабство!“ говорили
Когда-то Фризы.

ФОЛЕФЪ.

Да, несносно это.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Когда бъ то былъ еще нашъ добрый Ульрихъ,
Который власть здѣсь первый основалъ.
Онъ былъ давно ужъ графъ, но называлъ
Себя лишь юнкеръ Ульрихъ и предъ нами
Достоинствомъ своимъ не возносился.
„Могу ль вамъ дать совѣтъ, любезный братъ?“
Онъ говорилъ бывало, или: „смѣю ль,
Мой добрый другъ, сказать свое сужденье,
А лучше будетъ ваше—уступлю.“
Онъ даже возвратилъ своихъ враговъ,
Изгнанниковъ, и, водворяя миръ,
Далъ отдохнуть странѣ отъ долгихъ смутъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Онъ зналъ какъ учатъ дикихъ лошадей,
И насъ умѣлъ объѣздить незамѣтно.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Да, мы тогда не замѣчали власти;
Но гордая жена его, графиня,
Такъ властвуетъ, какъ будто сотни лѣтъ

Здѣсь домъ ея господствуетъ надъ нами.
„Графиня“ во Фрисландіи все то же
Что „императоръ“ значитъ у другихъ.

ГЕРДЪ.

Не устоятъ ни рѣки, ни твердыни
Предъ совокупной силою, друзья!
Когда бъ мы только всѣ соединились,
И гдѣ тогда ея господство? гдѣ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*который слушалъ безучастно*)

Здѣсь, другъ, и тутъ!

(*Показываетъ на голову и сердце*).

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Онъ здѣсь еще? Мы, Фризы,
Охотнѣе бесѣдуемъ одни.

ГЕРДЪ.

Онъ хочетъ насъ подслушать и предать.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Пойдемте въ Эзенсъ, въ зàмокъ мой, друзья.
За мной! Тамъ нѣтъ у насъ....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Кого?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Шпіоновъ!

(*Всѣ вожди уходятъ*).

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*одинъ*).

Тутъ зрѣетъ что-то въ родѣ заговора;
Но я всему разсѣянно внималъ,
Смущенный и собою недовольный.
Гдѣ жь это обладаніе собой,
Которое клялся я сохранять?
Но что это за люди? Что мнѣ въ нихъ?
И можно ль ихъ дворянами назвать?
Нѣтъ, прочь отъ нихъ! Меня одно тревожитъ —
Чета сестеръ, божественно прелестныхъ!
Когда же ихъ увижу наконецъ?
Зачѣмъ же я спѣшилъ, какъ сумасшедшій,
Привѣтствовать Фрисландію скорѣй,
Гдѣ для меня такъ непривѣтны люди,

Гдѣ черная, болотистая почва
Была бъ мертва, коль не цвѣли бъ на ней
Двѣ стройныя, сребристыя березы.

ГЕЛА *(появляется въ дверяхъ).*

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты ль это, Гела! Ахъ, не уходи!
Я ужь три дня какъ возвратился въ Аурихъ
И съ вами воздухомъ однимъ дышу.
По-прежнему я принятъ былъ графиней;
Но дочерей ея нигдѣ не вижу.
Чтò жь тутъ виной, что даже и теперь
Не хочешь ты привѣтствовать меня?

ГЕЛА.

Тебѣ я рада.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Это ли пріемъ,
Котораго такъ жадно ожидалъ я?
Ты рада мнѣ? и это говоришь
Съ холодностью такой?

ГЕЛА.

Я не умѣю
Маскировать значенье общихъ словъ;
Когда я говорю что рада я,
Ужель должна показывать я радость?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, ты всегда правдива. Такъ скажи
По правдѣ мнѣ: ужели мой проступокъ
Предъ благороднымъ дядею твоимъ...

ГЕЛА.

Такъ ты не знаешь въ чемъ тебя винятъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Въ чемъ виноватъ я? О, скажи, скажи!

ГЕЛА *(запинаясь).*

А жизнь твоя въ Италіи? Припомни.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я ни въ Италіи и ни въ иной
Какой-либо странѣ не совершилъ
Ни одного безславнаго поступка.
При Куртатонѣ я и Беневентѣ

Всегда сражался впереди другихъ
И первый въ битву бросился съ конемъ
Въ разлившіяся воды Гарильяно.

ГЕЛА.

О храбрости твоей сомнѣнья нѣтъ.
Хотя и говорятъ что тамъ у нихъ
Безкровныя побѣды совершались.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Безкровныя? Да развѣ въ жилахъ ихъ
Была вода?

ГЕЛА.

Они сражались такъ,
Для виду только, какъ на сценѣ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вотъ что!

ГЕЛА.

То былъ лишь бой притворный. Всѣ войска
Наемниковъ—былъ только трусовъ сбродъ,
Который лишь о жалованьѣ думалъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не знаю кто вамъ вздумалъ разказать
Такую сказку. Кто объ итальянской
Войнѣ съ такимъ презрѣньемъ отзывался,
Тотъ лавровъ въ ней навѣрно не стяжалъ.

ГЕЛА.

Однако онъ сражался тамъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Кто жь это?

ГЕЛА.

Разказывалъ намъ это Гердъ фонъ-Гейде.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

А, вотъ кто! Гердъ фонъ-Гейде! Да вѣдь онъ
И въ битвѣ не участвовалъ.

ГЕЛА.

Солгалъ онъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Солгалъ. Онъ былъ уволенъ до сраженья.

ГЕЛА.

Уволенъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, чтобъ не сказать: былъ выгнанъ.
Но утромъ разъ исчезъ онъ, и никто
О немъ не пожалѣлъ.

ГЕЛА

Но отчего же?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Позволь объ этомъ мнѣ не говорить.

ГЕЛА.

Ну, хорошо, довольно о войнѣ.
Мы перейдемъ теперь къ другимъ побѣдамъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Къ другимъ побѣдамъ? Какъ это понять?

ГЕЛА.

Къ побѣдамъ легкимъ и позорнымъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что̀?

ГЕЛА.

Ты былъ знакомъ съ графинею Русполи?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, кто жь ея не знаетъ тамъ? Она
Живетъ богаче и пышнѣе всѣхъ
Придворныхъ дамъ въ Неаполѣ.

ГЕЛА.

Ты знаешь
Ея дворецъ у моря?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

У нея
Дворецъ на Капри, мѣстѣ древнихъ оргій.

ГЕЛА.

Ты былъ тамъ.... часто?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Никогда!

ГЕЛА.

Припомни.
Вы близки не были?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

АЛЬМУТА (*подойдя стремительно*).

Ты лжешь,
Безчестный!... Вотъ какъ онѣмѣлъ онъ вдругъ
И простираетъ руки, будто хочетъ
Отсторонить паденье роковое
Скалы грозящей раздробить его!
Да, истина сразитъ тебя во прахъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Альмута! Я не знаю....

АЛЬМУТА.

О, ты знаешь
И знаешь хорошо, какъ проводилъ
Въ томъ за́мкѣ дни и цѣлыя недѣли!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я пораженъ....

АЛЬМУТА.

Что̀ намъ извѣстно все,
Какъ жилъ ты тамъ? Стоустая молва
И въ захолустье наше долетѣла;
Да, намъ тростникъ болотный прошепталъ,
Что̀ ты творилъ тамъ съ этою Русполи,
Съ безпутною графиней итальянской!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я изумленъ былъ оттого, Альмута,
Я и молчалъ, — совсѣмъ не изъ сознанья
Моей вины.

АЛЬМУТА.

Возьми свое кольцо!
(*Срываетъ съ руки своей перстень.*)

ГЕЛА (*подхватываетъ его и прячетъ*).

Спокойся!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Осужденный проситъ слова,
Когда надъ нимъ ужь судъ произнесенъ.

АЛЬМУТА.

Какъ будто все тебя не уличаетъ!
А что тебя въ Неаполѣ держало?
Четыре мѣсяца ты тамъ сидѣлъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, не сидѣлъ, а на одрѣ болѣзни
Лежалъ безъ силъ. Вотъ, посмотри сюда!

(Разрываетъ платье и показываетъ грудь.)

АЛЬМУТА.

О, Господи! Какой рубецъ ужасный!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, широко зіяла эта рана,
И съ честью кровь струилась изъ нея,
Когда я былъ сраженъ у Гарильяно:
Она дала мнѣ рыцарскій ударъ.

АЛЬМУТА.

Мнѣ Гердъ сказалъ что ты все это время
Не въ битвѣ былъ, а съ дамою своей.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ея ты знаешь?

АЛЬМУТА.

Нѣтъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И лѣтъ какихъ?

АЛЬМУТА.

Ахъ, у красавицъ не бываетъ лѣтъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ знай что ей ужь за сорокъ давно;
Хотя глаза ея бросаютъ искры,
Способныя пожаръ произвести.

АЛЬМУТА.

Вотъ какъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но въ ней вѣдь только и осталось
Что тѣ глаза; сама жь она лишь кости
Да кожа.

(Онъ приводитъ въ порядокъ платье и между тѣмъ обнаруживаетъ золотую цѣпочку съ медальйономъ.)

АЛЬМУТА.

Вотъ она! Подай сюда!
Ее хочу я видѣть!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Хочешь видѣть?

АЛЬМУТА (*хватая цѣпь*).

Цѣпочка золотая съ медальйономъ,—
О ней мнѣ Гердъ разказывалъ, — я знаю,
Ты на груди всегда ее носилъ; —
О, покажи соперницу мою!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ну, вотъ твоя соперница!

АЛЬМУТА.

Дитя!
И въ локонахъ златистыхъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Кто же это?

АЛЬМУТА.

Мнѣ кажется....

ГЕЛА

Чтò жь покраснѣла ты?

АЛЬМУТА (*отворачиваясь*).

Ахъ, это я сама!

ГЕЛА (*разсматривая медальйонъ*).

Да, это ты! И я сама однажды
Тебя тайкомъ списала на кости.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, Гела мнѣ его при разставаньи
На память подарила. Тутъ головка
Дитяти; но глаза сіяютъ чувствомъ
Глубокимъ: въ нихъ мнѣ видѣлась любовь.

АЛЬМУТА.

Ужасно! Какъ меня онъ обманулъ!
Прости меня, прости!

(*Прижимается къ нему.*)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ну что, дикарка,
Смирилась ли? Ревнивая тигрица!

АЛЬМУТА (*опустивъ голову*).

Да, смѣйся, смѣйся! Я того достойна.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ дикій медъ, сладка ты для меня!

АЛЬМУТА.

Прошу тебя, мой милый, думай только,
Что это кровь прабабушки моей
Кипитъ во мнѣ. Ты отучи меня
Отъ этихъ дикихъ вспышекъ. Я была
Глупа, неправда ли?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты сознаешься!

АЛЬМУТА.

Для васъ, мущинъ, открытый путь повсюду;
За вами намъ возможно ль услѣдить?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вы, кажется, готовы для охраны
Дать ангеловъ намъ цѣлый легіонъ.

АЛЬМУТА.

Я больше не ревную; но скажи, —
Я думаю что много глазъ прелестныхъ.
Завлечь тебя старались? Что̀ жь ты дѣлалъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да ничего! Я дѣлалъ видъ, какъ будто
Не вижу ничего.

АЛЬМУТА.

А на признанье
Изустное?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я отвѣчалъ молчаньемъ;
И не одни прелестныя уста
Неловкаго Германца проклинали.
Я лишь искалъ уединенья: тамъ
Я могъ смотрѣть на этотъ ликъ.

(*Показываетъ на грудь.*)

АЛЬМУТА.

О, милый!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

А все-таки для Герда ничего
Не стоило меня передъ тобою
Такъ очернить.

АЛЬМУТА.

Я дѣвушка простая,

Я выросла въ деревнѣ и не знала,
Что въ свѣтѣ есть клеветники такіе;
Могла ли я подумать что онъ лжётъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Что жь про меня разказывалъ онъ вамъ?

АЛЬМУТА.

О, многаго нельзя и передать!
Изъ-за чего онъ такъ тебя поноситъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Съ какою цѣлью жалитъ скарпіонъ?

АЛЬМУТА.

Не оскорбилъ ли ты его?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Напротивъ,
Онъ много мнѣ обязанъ.

АЛЬМУТА.

И за это
Такъ платитъ онъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Мнѣ многое о немъ
Извѣстно хорошо. Хотя во мнѣ
Его сокрыта тайна, какъ святыня;
Но все-таки онъ мнѣ не довѣряетъ.
Онъ холодно сегодня мнѣ кивнулъ,
И взоръ его, который бросилъ онъ
Украдкой на меня, дышалъ враждою.

ГЕЛА.

Да, взоръ его тяжелъ и страшенъ!

АЛЬМУТА.

Да!
И на меня порою онъ глядитъ
Пронзительно, огромными глазами,
Которые какъ факелы горятъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И смѣетъ онъ глядѣть такъ на тебя?

АЛЬМУТА.

Я разказать не въ силахъ что̀ тогда

Я чувствую: мнѣ стыдно и досадно.
Но ужь довольно говорить о немъ!

(Разглаживаетъ ему волосы.)

Ты помнишь ли какъ вечеромъ однажды
Далекій громъ на взморье вызвалъ насъ?
Мы сѣли на коней и поскакали
Черезъ поля къ плотинѣ той большой,
Подъ Фридебургъ, смотрѣть прибой прилива.
Я вся дрожала, какъ за валомъ валъ
Грозилъ разрушить наше укрѣпленье;
Но, объ его твердыню разбиваясь,
Насъ брызгами и пѣной обдавалъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И ты тогда, подобная богинѣ
Которая изъ пѣны родилась,
Задумчиво глядѣла на пучину.

АЛЬМУТА.

Не заходило солнце, нѣтъ, оно
Сливалося съ водой въ одну стихію
И медленно съ ней вмѣстѣ потухало.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И мы явленьемъ тѣмъ потрясены,
Глядѣли другъ на друга, подъ покровомъ
Таинственнаго сумрака, и вновь
Другое солнце просіяло намъ!
Съ тѣхъ поръ какъ мы слились тогда устами,
Ничьихъ я устъ ужь больше не лобзалъ!

АЛЬМУТА.

Ахъ, стою ли я вѣрности такой?
А помнишь ли, какъ по лугу съ тобой
Мы весело играли и потомъ
На челнокѣ катались.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Да, и часто
Крушенье мы терпѣли въ тростникѣ,
Который насъ скрывалъ отъ взоровъ свѣта.
О, сладостная прелесть дѣтскихъ лѣтъ!

АЛЬМУТА.

А какъ зимой мы на конькахъ катались?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Рука съ рукой по зеркалу рѣки,
Забывъ весь свѣтъ съ тобою мы неслись....

АЛЬМУТА.

Пока совсѣмъ стемнѣло, и подъ нами,
Какъ въ зеркалѣ, во льду сверкали звѣзды.
Надъ нами было небо и подъ нами....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И въ насъ!

АЛЬМУТА.

Да, ты все тотъ же какъ и былъ!
Пускай теперь приходитъ горе!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Горе?
Какая скорбь тебя тревожитъ?

АЛЬМУТА.

Милый!
Ты думаешь что будемъ мы счастливы?
Что мать моя....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Такъ неужель она
Тебѣ сердечный выборъ не дозволитъ?

АЛЬМУТА.

Ахъ, нѣтъ у насъ ни выбора, ни воли!
И даже Энно, братъ мой,—онъ давно
Ужь возмужалъ, онъ съ нею соправитель,
Но лишь дерзнулъ подумать объ участьѣ
Въ правленіи,—то какъ она тогда
Напала на него! Не отъ ея ли
Бича бѣжалъ и онъ въ Ерусалимъ?
Вотъ и Эдзардъ ужь юноша теперь,
Но для нея онъ все еще ребенокъ.
А нашего она не спроситъ мнѣнья,
Какъ мы у нашихъ куколъ.

ГЕЛА.

Для нея
Важнѣй всего—страна.

АЛЬМУТА.

Нѣтъ,—домъ ея.

ГЕЛА.

А тамъ ужь дѣти.

АЛЬМУТА.

Да и то, какъ средство
Для исполненья плановъ.

ГЕЛА.

О, сестра!

АЛЬМУТА.

Мы никогда отъ матери своей
Не слышали привѣтливаго слова.
Въ ней сердца нѣтъ.

ГЕЛА.

Она его скрываетъ;
Но бьется въ ней оно, хотя она
Быть нѣжною какъ слабости боится.

АЛЬМУТА.

Я нѣжности ея и не видала.

ГЕЛА.

Да, ты была безъ памяти, въ горячкѣ,
Она жь сидѣла ночи надъ тобой.
Она сурова, да; но больше съ виду.
Иного такъ она прогонитъ съ бранью,
А тайно шлетъ ему что̀ онъ просилъ!

АЛЬМУТА.

Ты ей всегда находишь оправданье.

ГЕЛА.

Кто слишкомъ строго судитъ человѣка,
Пусть спроситъ тотъ себя что̀ будетъ съ нимъ
Какъ грудь его ножами станутъ рѣзать.
Да, наша мать сурова и строга;
Но не признать ея не можемъ цѣлей.

АЛЬМУТА.

Вся цѣль ея—лишь свой возвысить домъ:
Затѣмъ она связей съ князьями ищетъ.
Простой же рыцарь, какъ бы ни былъ храбръ....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но если храбрость ей моя нужна—
Для женщины вѣдь мечъ необходимъ—
Она въ моемъ нуждается служеньѣ.

АЛЬМУТА.

Она тебя за службу наградитъ,
Но не рукою дочери своей.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Не думай такъ о матери! Сегодня
Я слышалъ самъ, съ какимъ она презрѣньемъ
О гордости судила, возвышая
Достоинство души. Она сказала
Что Фризы всѣ свободны и равны,
Всѣ поселяне....

АЛЬМУТА.

Такъ она сказала?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

„И пяди на двѣ больше или меньше,—
Прибавила съ презрѣніемъ она,—
Вотъ вся межъ нихъ и разница!"

АЛЬМУТА.

А все же....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Чего жь тебѣ тревожиться, мой другъ?

АЛЬМУТА.

Когда мы учимъ мудрости другихъ,
То мы себя невольно исключаемъ.
Она себя считаетъ много выше
Всѣхъ прочихъ смертныхъ, и....

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Мои же предки
Разили Гунновъ въ битвѣ Мерзебургской,
Подъ знаменами Генриха. Мой щитъ
Ничѣмъ не хуже вашего.

АЛЬМУТА.

Онъ лучше,
Мой милый, для меня. Я лишь сказала
Объ убѣжденьяхъ матери.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Ты къ ней несправедлива! Еслибъ только
Ты слышала ее: такъ говорить,
Съ горячностью такой, лишь можетъ сердце.

АЛЬМУТА.

Охотно я готова раздѣлять
Увѣренность твою.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

А братъ твой Энно!
Онъ нашу одобрялъ всегда любовь
И называлъ насъ женихомъ съ невѣстой.

АЛЬМУТА.

Да, это такъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Онъ скоро возвратится:
Изъ Брюсселя письмо его пришло.

АЛЬМУТА.

Да, еслибъ онъ такимъ, какъ былъ, пріѣхалъ!
Все время онъ вертѣлся при дворахъ
И, золото горстями разсылая,
Разыгрывалъ владѣтельнаго князя:
И въ немъ зерно тщеславія таится.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

О, пустяки! Онъ возвратится къ намъ
Съ увѣренностью большею и силой,
И потому скорѣй насъ защититъ.

АЛЬМУТА.

Ты прибылъ съ юга, милый! Южный вѣтеръ
Оставшіяся почки развиваетъ
Дыханіемъ своимъ, и пышный цвѣтъ
Является на нихъ: такъ я теперь
Отъ твоего дыханья расцвѣтаю
Надеждою!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ты высшее мнѣ благо!
Ахъ, дастъ ли мнѣ судьба его достигнуть!

ГРАФИНЯ *(входитъ съ письмомъ въ рукѣ)*

ГРАФИНЯ.

Ахъ, это бремя жизни вѣчно ново!
Какъ ни старалась я, чтобъ истребить
Морской разбой, но все лежитъ на насъ
Пятно позора. Гдѣ бъ мы ни явились,
Вездѣ кричатъ: „спасайтесь! идутъ Фризы!“

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Предубѣжденье трудно истребить;
Оно, какъ духъ, не чувствуетъ ударовъ.

ГРАФИНЯ.

Предубѣжденье? Да, когда бы только
Предубѣжденье было тутъ одно!
Но снова зло старинное возникло.
Вотъ пишетъ мнѣ изъ Боркума мой фогтъ:
„Опять снуютъ корсары передъ Эмсомъ:
Пять кораблей торговыхъ захватили,
А, можетъ быть, и болѣе теперь;“
Тутъ больше не помогутъ предписанья.
Ты съ флотомъ отправляйся.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я, графиня?

ГРАФИНЯ.

Тамъ въ Эмденѣ и Лерѣ у меня
Готовы корабли. Ихъ день и ночь
На верфяхъ снаряжали. Но они
Лишь дерево одно—безъ адмирала.
Тебѣ даю начальство я надъ флотомъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я силъ своихъ на морѣ не извѣдалъ....

ГРАФИНЯ.

О томъ, какъ плыть, пусть думаютъ матросы.
Здѣсь главное—рѣшительность и смѣлость
И быстрый взглядъ.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но я еще такъ молодъ....

ГРАФИНЯ.

Что? ужь не взять ли лучше старика
Со всѣмъ его наборомъ разныхъ правилъ?
„Вотъ этотъ бригъ негоденъ, скажетъ онъ, —
Вотъ этотъ не оснащенъ,“—то да это;
Матросы неискусны, или вѣтеръ
Не дуетъ такъ какъ слѣдуетъ; ну, словомъ,
Онъ все бы лишь кряхтѣлъ да убивался,
Пока все зло, которое пресѣчь

Ему должно, спокойно совершится.
Вы хвалите мнѣ опытность,—оставьте
Меня въ покоѣ съ нею; мнѣ она
Давнымъ-давно оскомину набила!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Но что же скажутъ всѣ вожди?

ГРАФИНЯ.

Вожди?
Ужь не послать ли одного изъ нихъ,
Прибрежнаго, корсаровъ истреблять?
Э, другъ! они вѣдь дѣлятся добычей!
Кто самъ не грабитъ тотъ воровъ скрываетъ!
Тебя пошлю, тебя я избрала.
Не представляй мнѣ только затрудненій.
Я ненавижу ихъ, ты это знаешь.
Не хочешь ли еще мнѣ возражать?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Нѣтъ, я молчу.

ГРАФИНЯ.

Безъ всякихъ возраженій!
Не знаю, право, что такъ возмутить
Меня могло бъ, когда, обдумавъ все,
Услышишь вдругъ пустое возраженье!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Я потому лишь высказалъ сомнѣнье,
Что сами вы внушали скромность мнѣ

ГРАФИНЯ.

Да, иногда ты въ этомъ погрѣшалъ.
Похвально, другъ, превосходить другихъ,
Но дурно то выказывать предъ ними.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

И потому еще что этотъ выборъ
Найдетъ хулу.

ГРАФИНЯ.

Хула! Хула! Пустое!
Боится кто хулы, ложись тотъ спать!
Я къ ней привыкла. Кто страною правитъ,
Тотъ на хулу смотри какъ лишь на пѣну,
Которая вздымается тѣмъ выше,
Чѣмъ спѣшнѣе впередъ идетъ корабль.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Извольте, я готовъ.

ГРАФИНЯ.

Такъ послѣши!
Немедленно лети какъ птица въ Эмденъ.
Что нужно—все пошлется за тобой.
Я, говорятъ, скупа,—тому не вѣрь:
Я многаго на дѣло не жалѣю,
Но не люблю и малость промотать.
Что жь ты стоишь? Ступай!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Позвольте мнѣ
Проститься.

ГРАФИНЯ.

Что прощаться! Юный другъ!
Жизнь слишкомъ коротка для всѣхъ такихъ
Формальностей. Ступай!

(*Уходитъ.*)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Иль какъ кубарь, всегда
Я подъ кнутомъ ея вертѣться долженъ!

ГРАФИНЯ (*возвратясь*).

Постой!

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*про себя*).

Еще ударъ!

ГРАФИНЯ.

Для довершенья
Всѣхъ дѣлъ ты мнѣ разбойничьи вертепы
И на землѣ искорени. Когда же
Ты скажешь мнѣ: „очищена страна,
И ужь никто разбойниками Фризовъ
Не назоветъ,“ тогда награды требуй
Какой угодно, все я заплачу.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

У васъ въ рукахъ есть лучшая награда!...

(*Графиня уходитъ.*)

Что скажешь ты, Альмута?

АЛЬМУТА.

Милый другъ!
Мнѣ слышался ужь звонъ колоколовъ,
Зовущихъ къ алтарю твою невѣсту.

ГЕЛА.

Но тутъ еще недостаетъ кольца.

АЛЬМУТА.

Кольца? Но гдѣ жь оно?

ГЕЛА.

И ты не знаешь
Что ты сама съ руки его сняла?

АЛЬМУТА.

Съ руки сняла?...

ГЕЛА.

Да, право такъ, Альмута,
Ты отъ себя отбросила его.
Дивишься ты что нѣтъ его на пальцѣ!
Вотъ видишь ли какъ ты тогда забылась!
Твое кольцо вотъ здѣсь. Его тебѣ
Онъ подарилъ такъ робко въ часъ разлуки,
И что-то лепеталъ, какъ будто просьбу
О памяти. Тогда еще вы оба
Не знали какъ зовется ваше чувство;
Теперь его вы знаете названье:
Оно—любовь.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Дай, Гела, мнѣ кольцо!
(Становится предъ Альмутою на колѣни.)
Теперь, мой другъ, скажу я безъ смущенья:
Невѣста ты! Сегодня обрученье!
(Надѣваетъ ей кольцо. Гела стоитъ за ними, и какъ бы благословляя, подняла надъ ними руки.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Улица въ Аурихѣ. Вожди.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Ужъ лошади осѣдланы.

ИКО.

Поѣдемъ!

ФОЛЕФЪ.

Но гдѣ же Геро? А, вотъ онъ идетъ.
(Входитъ Геро Омкенъ, разговаривая съ Гердомъ.)
Мы ѣдемъ въ Эзенсъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.
Такъ впередъ ступайте.
Мнѣ съ Гердомъ нужно тутъ поговорить.
(Вожди уходятъ.)
Смотри же, Гердъ, не медли полустому;
Желѣзо куй покуда горячо.

ГЕРДЪ.
Самъ знаю, другъ! Кую во всѣ лопатки,
Изъ за́мка въ за́мокъ бѣгаю, вербую
Вездѣ друзей. Иду навѣрняка.
Вѣдь каждый шагъ ошибочный къ свободѣ
Народа, можетъ рабство утвердить.
Что̀ значитъ тутъ одинъ лишь день? Вѣдь завтра
День тоже будетъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.
Все-таки не мѣшкай,
Вѣдь гости могутъ потерять терпѣнье.

ГЕРДЪ.
Не при такомъ отличномъ развлеченьи
Какое въ погребахъ твоихъ найдутъ.
Ты только ихъ поддерживай въ огнѣ.
Всѣ лучшія намѣренья родятся
За кубками; такъ изстари велось.

ГЕРО ОМКЕНЪ.
Итакъ, до завтра.

ГЕРДЪ.
Завтра вечеркомъ
И не одинъ къ тебѣ явлюсь я въ Эзенсъ,
Тогда мы нашъ союзъ и заключимъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.
Его душой ты будешь. До свиданья!
(Идетъ.)

ГЕРДЪ.
Еще кой-что!

ГЕРО ОМКЕНЪ *(возвратясь)*.
Что̀ хочешь, другъ, сказать?

ГЕРДЪ.
Для дѣла нужны деньги, и онѣ-то
Нужнѣй всего: всѣ хлопоты, поѣздки....
Ты самый здѣсь богатый изъ владѣльцевъ.
Понадобятся деньги....

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Что жъ? Я дамъ.

(*Уходитъ.*)

ГЕРДЪ (*одинъ съ хохотомъ*).

„Ты самый здѣсь богатый!“ Пой, ворона!
И сыръ она уронитъ непремѣнно.
Тщеславенъ человѣкъ! Вотъ и ему
Какъ хочется играть на свѣтѣ роль,
И средства есть къ тому; но только эти.

(*Показывая будто считаетъ деньги.*)

Да, деньгами богатъ, умомъ же скуденъ;
Лишь то взраститъ что умные посѣютъ.
Народная свобода! Славный лозунгъ!
Выкрикивай лишь громче, чтобъ и самъ
Увѣровалъ въ него. Но Гердъ фонъ-Гейде
Для глупости такой вѣдь не захочетъ
Своею шкурой жертвовать. Нѣтъ, дудки!
Но кто сюда бѣжитъ? А, Исаакъ!
Онъ съ бороды походитъ на пророка,
А ростовщикъ ужасный и богатъ.
Зачѣмъ спѣшитъ онъ? Ну, извѣстно, хочетъ
Напомнить мнѣ; напомнить! Чортъ возьми!
Ужъ это мнѣ напоминанье! Право,
Напоминатель долженъ быть приставленъ
Истопникомъ въ аду. Что, Исаакъ,
Не тонетъ ли Голландія что такъ
Бѣжишь ты?

ИСААКЪ.

Рыцарь! Вы хотите ѣхать?
Но кое-что забыли.

(*Показываетъ ему бумагу, но со страхомъ отдергиваетъ ее, когда Гердъ хочетъ ее взять.*)

Вотъ росписка....

ГЕРДЪ.

Ну, подожди, мой другъ, еще немного;
Вѣдь богачу такому это вздоръ!

ИСААКЪ.

Ну, ей же Богу, я совсѣмъ банкрутъ!
Изъ должниковъ моихъ никто не платитъ.

ГЕРДЪ.

Я заплачу на дняхъ.

ИСААКЪ.

Вы не хотите....

ГЕРДЪ.

На дняхъ отдамъ. Иль ты не разслыхалъ?

ИСААКЪ.

На дняхъ? На дняхъ? О, Боже милосердый!
Такого дня вѣдь нѣтъ въ календарѣ.
Когда это „на дняхъ“? Вы дайте нынче.
Вѣдь срокъ прошелъ роспискѣ, и давно.

ГЕРДЪ.

Ты обезпеченъ: у меня большія
Помѣстья....

ИСААКЪ.

Да, но бо́льшіе долги!
Для вашихъ всѣхъ росписокъ у меня
Особый сдѣланъ ящикъ. Что̀ вы мнѣ
О вашихъ тамъ помѣстьяхъ говорите?
Владѣете вы ими столько жъ какъ
Іерусалимомъ римскій императоръ, —
Лишь въ титулѣ одномъ.

ГЕРДЪ.

Молчи, собака!
Иль голову тебѣ я размозжу!
Записывая вдвое на меня,
Ты долженъ дорожить моею честью,
Паршивый песъ! а не кричать всѣмъ въ уши,
Не бѣгать такъ по улицамъ за мной.

ИСААКЪ.

Я чуть ума не потерялъ отъ страха,
И члены всѣ дрожатъ какъ въ лихорадкѣ.

ГЕРДЪ.

Чего же ты перепугался, трусъ?

ИСААКЪ.

Вы, рыцарь, мнѣ сказали: „Исаакъ!
Я думаю жениться на богатой;
Тогда я все заразъ тебѣ отдамъ,
А до тѣхъ поръ, дружище, ты меня
Поддерживай.“ Когда занять вамъ нужно,

То вы меня своимъ зовете другомъ,
А какъ платить придется, то собакой.
„Ты не давай мнѣ пасть во мнѣньи свѣта,
Въ томъ выгода твоя,“—вы говорили;
И я тогда вамъ вѣрилъ всей душой.
Сбирались вы жениться на богатой,
И вѣрилъ я, и почему жь не вѣрить?
Вы важный господинъ, такой красивый,
И женщины васъ любятъ. Вы хотѣли
Жениться на богатой,—и прекрасно!
Вы лучшаго придумать не могли:
Вѣдь это средство лучшее для всѣхъ
Такихъ господъ, которые, какъ вы,
Расходъ имѣютъ большій, чѣмъ доходы.

ГЕРДЪ.

Иль день у насъ такъ длиненъ что такую
Рацею мнѣ читаешь, старый скряга?

ИСААКЪ.

Ну, словомъ, вы на деньги Исаака
Всегда отлично жили, какъ женихъ.

ГЕРДЪ.

Неправда это!

ИСААКЪ.

Будто бы неправда?

ГЕРДЪ.

Я у другихъ вѣдь также занималъ;
Жидъ иль не жидъ—мнѣ было все едино,—
Лишь только бы давали.

ИСААКЪ.

Какъ забавно
Изволите вы, рыцарь, потѣшаться,—
Другой бы ужь давно сидѣлъ въ тюрьмѣ.

ГЕРДЪ.

Сказать ты хочешь: маленькаго вора
На висѣлицу тащутъ, а большаго
Ведутъ съ почетомъ къ алтарю. Не такъ ли?

ИСААКЪ.

Вы шутите все съ бѣднымъ Исаакомъ,
А онъ не въ шутку вамъ давалъ червонцы.
Но нынче вдругъ....

ГЕРДЪ.

Ну, что жь такое нынче?

ИСААКЪ.

О, Боже Авраама, Исаака,
Іакова! сказали нынче мнѣ,
Что вы должны жениться на мужичкѣ!

ГЕРДЪ.

А кто жь бы мнѣ могъ это приказать?

ИСААКЪ.

Да госпожа графиня.

ГЕРДЪ.

Вздоръ! она
Мнѣ ничего приказывать не смѣетъ.

ИСААКЪ.

А все таки приказываетъ. Я
Чуть-чуть не умеръ! Боже милосердый!
Я разорюсь въ конецъ! совсѣмъ банкротъ!
А вамъ еще вѣдь хуже: за мужичкой
Возьмете вы какой-нибудь дворишко.
Вы—навсегда погибшій человѣкъ!
И вмѣстѣ съ вами я, и мнѣ придется
Лишь посохъ взять, да по міру идти.
О, я глупецъ! И вотъ я не стерпѣлъ
И сталъ кричать что вы меня надули,
Что разорились вы, что вы банкротъ,
Обманщикъ, негодяй! О, Боже правый!...

ГЕРДЪ.

Не рви себѣ сѣдыхъ волосъ напрасно:
Я не женюсь.

ИСААКЪ.

Не женитесь? но кто жь
Противиться графинѣ смѣетъ?

ГЕРДЪ.

Я
И всѣ вожди. Ужь это рѣшено.
Всѣ рыцари со мною за одно.

ИСААКЪ.

Возможно ли? Нѣтъ, рыцарь, не женитесь
На сволочи такой! Ну, что за радость
Купить корову да еще съ теленкомъ?

ГЕРДЪ.

Да свадьба ужъ отсрочена; межъ тѣмъ
Я лучшую нашелъ себѣ невѣсту.

ИСААКЪ.

Какъ? въ самомъ дѣлѣ?

ГЕРДЪ.

Да, ты видѣлъ самъ —
Здѣсь говорилъ со мною Геро Омкенъ.

ИСААКЪ.

О, этотъ господинъ самъ по себѣ
Дороже стоитъ золота!

ГЕРДЪ.

Онъ другъ мнѣ,
И лучшій другъ. Есть у него сестра....

ИСААКЪ.

Да, есть сестра, я знаю. О, вы, рыцарь,
Избрали путь хорошій. Поспѣшайте!

ГЕРДЪ.

Я ужъ почти у цѣли.

ИСААКЪ.

Какъ же это?

ГЕРДЪ.

Есть у него красавица сестра,
А послѣзавтра онъ даетъ мнѣ пиръ,
Гдѣ будутъ всѣ окрестные владѣльцы.
Но, я молчу: объ этакихъ вещахъ
Не говорятъ до времени.

ИСААКЪ.

Я ожилъ!
И вы не шутите? И можно вѣрить?

ГЕРДЪ.

Есть при тебѣ бумага и чернила?

ИСААКЪ.

Они всегда при мнѣ.

ГЕРДЪ.

Такъ дай сюда!
(*пишетъ на бумагѣ*).
Тебѣ заплатитъ это Геро Омкенъ.

ИСААКЪ.

Какъ? этакую сумму?

ГЕРДЪ.

Онъ заплатитъ,—
За это я ручаюсь.

ИСААКЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ГЕРДЪ.

Иль ты не вѣришь мнѣ?

ИСААКЪ.

О, вѣрю, вѣрю!
Нельзя вѣдь это сдѣлать на фу-фу.
Сейчасъ иду.

ГЕРДЪ.

Теперь его застанешь.
Ты просіялъ!

ИСААКЪ.

Да, это отраженье
Отъ золота. (*Смотритъ на записку*).
Вѣдь этакая сумма!
Вотъ первыя мнѣ денежки отъ васъ.
Пошли вамъ Богъ здоровья на сто лѣтъ!
Имѣю честь откланяться!

ГЕРДЪ.

Прощай!
О, разумъ твой острѣе бритвы, жидъ!

ИСААКЪ.

Мы лишены всего отъ христіанъ,
Ужель отнять еще хотите разумъ?

ГЕРДЪ.

Иль вы одни имъ завладѣли?

ИСААКЪ (*смотритъ на него лукаво*).

И христіанамъ кое-что осталось.
(*Уходитъ, перечитывая бумагу, но скоро возвращается.*)
Но, милостивый рыцарь, вѣдь мужичку
Вы не возьмете за себя?

ГЕРДЪ.

Нѣтъ! нѣтъ!

ИСААКЪ.

А поклянитесь мнѣ.

ГЕРДЪ.

Ну, будь я проклятъ!
Клянусь тебѣ!

ИСААКЪ (*уходя, бормочетъ*).

Ну, слава Богу онъ
Поклялся мнѣ. Все будто бы вѣрнѣе.
Вѣдь клятва рыцаря не то что наша.
(*Уходитъ*).

ГЕРДЪ.

Ну, вотъ еще отсрочка передъ петлей
Нѣтъ, кончено! Я все верхъ дномъ поставлю,,
А бракомъ ужь себя не обезславлю!
(*Занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната со сводами въ замкѣ Эзенсѣ. По стѣнамъ фамильные портреты рыцарей. По срединѣ большой столъ, уставленный старинными сосудами. На дворѣ завываетъ буря. ГЕРО ОМКЕНЪ входитъ съ нѣкоторыми вождями.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Какъ флюгера скрипятъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Пускай скрипятъ!
Здѣсь, въ старомъ гнѣздышкѣ моемъ пріютно.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Но буря-то какъ на морѣ гудитъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Намъ это здѣсь замѣсто трубъ органа:
При музыкѣ такой еще вкуснѣе
Покажется вино.

ФОЛЕФЪ.

Чудесный столъ!
Чтò у тебя за дивные сосуды
И кубки золотые!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вотъ хрусталь
Венеціянскій—золота дороже.

ФОЛЕФЪ.

Отличная работа!

ИКО.

Чтò за кубки!
Какъ тяжелы! У короля много
Такихъ вѣдь нѣтъ, откуда ты досталъ?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Что спрашивать? Припомни золотыя
Тѣ времена Фрисландіи, когда
Нашъ Гедеке и Штертебекеръ были
Властителями моря. Ихъ гнѣздо
Вѣдь было здѣсь: сюда они свозили
Свое добро и замки воздвигали.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Да, складъ его былъ на большомъ кладбищѣ
Въ Маріенгафѣ, за стѣной высокой,
А старый ровъ, который ужъ теперь
Засыпался почти, былъ вырытъ имъ.
Его зовутъ понынѣ рвомъ пирата.
Сюда рѣкой сокровища стекались.
Здѣсь, послѣ всѣхъ опасностей набѣга,
Справляли пиръ они и за безцѣнокъ
Добычу продавали.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

А вождямъ
Они дарили много въ благодарность
За ихъ защиту. Вотъ, смотрите, кубокъ
Который Штертебекеръ осушалъ
Въ одинъ пріемъ. Онъ предку моему
Его на память далъ за ту же штуку:
До сей поры никто того не дѣлалъ,
И Штертебекеръ очень удивился.

ИКО.

Мы, Фризы, если въ чемъ другомъ отстали,
То въ питіи свою поддержимъ честь.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Но что жъ вы не садитесь, господа!
Вы, рыцарь Фолефъ, Эдо Вимкенъ, Ико!

ЭДО ВИМКЕНЪ.

А очень жаль что нѣтъ межъ нами Герда.

ИКО.

Онъ быть вчера хотѣлъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Сегодня будетъ.
Хотя бъ то было за полночь, сказалъ онъ.
Союзниковъ онъ намъ вербуетъ.

ИКО.

Да,
Онъ и Петра апостола поучитъ
Ловить людей. Лихой онъ малый, право!
Чтожь до союза нашего....

ГЕРО ОМКЕНЪ.

О немъ
Мы помолчимъ, пока не прибылъ Гердъ.
Теперь же будемъ пить, друзья! присядемъ!
Привѣтствую васъ въ замкѣ у меня!
Пусть кубокъ Штертебекера обходитъ
Поочереди насъ, и мы затянемъ
Съ нимъ круговую пѣсню „бѣдняковъ“.

ИКО.

Да, эта пѣснь—всѣхъ пѣсней королева!
Давайте пѣть!

ПѢСНЬ МОРСКИХЪ РАЗБОЙНИКОВЪ.

(Каждый поочереди поетъ по одному куплету, а припѣвъ повторяется хоромъ. Послѣ каждаго куплета чокаются и пьютъ).

На сушѣ гонятъ, ловятъ насъ;
Мы бѣдняки, мы горемыки;
Грозитъ намъ гибель каждый часъ;
За то мы на морѣ владыки!

Хоръ.

Чокнемся, други!
Пейте вино!
Всѣ заодно!

Когда гуляемъ по волнамъ
Мы, смѣлые сыны свободы,
Тутъ и земля дань платитъ намъ,
И океанъ даетъ доходы!

Хоръ:

Чокнемся, други! и проч.

Вездѣ беремъ изъ первыхъ рукъ,
Гдѣ лишь находимъ грузъ богатый:
Счетъ пишетъ—абордажный крюкъ,
А мечъ—квитанцію уплаты!

Хоръ.

Чокнемся, други! и проч.

Мы пьемъ испанское вино,
Мы пьемъ и гамбургское пиво,
И всѣ, всѣ страны заодно
Насъ угощаютъ неспѣсиво!

Хоръ.

Чокнемся, други! и проч.

Вездѣ веселье и просторъ!
Гуляй по водному раздолью!
А сниметъ голову топоръ,—
Простимся мы съ зубною болью!

Хоръ.

Чокнемся, други! и проч.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вотъ были молодцы! При звукѣ трубъ
И въ лучшихъ платьяхъ шли они спокойно
Въ послѣдній путь и пѣли эту пѣснь,
Пока палачъ ихъ, по локоть въ крови,
Съ другими управлялся.

ФОЛЕФЪ.

Это были
Герои!

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Да, особаго разряда;
Но въ сущности и Штертебекеръ былъ
Не что иное, какъ морской разбойникъ;
А жаль его.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Разбойникъ? Ну, напрасно;
Онъ велъ войну морскую. Чтожь такое?

ИКО.

Ну да, вѣдь онъ на морѣ дѣлалъ то же
Что̀ дѣлаетъ на сушѣ каждый князь.
„Рыскать и грабить вовсе не стыдъ:
Это изъ рыцарей каждый творитъ".

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Тѣмъ болѣе мнѣ жаль такихъ людей
Что головы ихъ буйныя на кольяхъ
Рядкомъ торчатъ по берегу морскому.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Не измѣнить же намъ своимъ отцамъ.
Покойный мой отецъ мнѣ говорилъ:
„Все что мечомъ добыто, такъ же честно,
Какъ то что дастъ соха намъ и навозъ",
Хотя не сѣетъ мечъ, за то онъ жнетъ.

ИКО *(ударяя по мечу.)*

Да, только мечъ и управляетъ міромъ,
И это слава Богу; безъ него
Бѣда бы намъ: купцы бы одолѣли.

ФОЛЕФЪ.

Вся власть у нихъ была бы, это правда.
Они, съ своею алчностью Іуды,
Сумѣли бы всѣмъ свѣтомъ завладѣть.
Когда такая губка насосется,
То мы ее пожмемъ лишь: это тоже,
Что виноградъ, глядишь, опять подросъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Тогда бъ житья намъ не было на сушѣ.
Нѣтъ, Штертебекеръ, нашъ бывалый гость,
Былъ молодецъ стариннаго закала:

Онъ и султана за бороду трясъ.
И храбрая его была дружина;
И за меня дрались они, когда
Я велъ войну съ сосѣдомъ. Не люблю я,
Когда зовутъ разбойниками ихъ.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Чтожъ тутъ и толковать, когда князья
Имъ каперскія грамоты даютъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Э, пустяки! Я самъ вѣдь тоже князь,—
Не берегу своемъ хозяинъ полный;
Кто можетъ запретить мнѣ выдавать
Имъ дозволенье здѣсь крейсеровать?
Скажите, кто?

МНОГІЕ.

Никто, никто не можетъ!
Вѣдь это наше право!

ФОЛЕФЪ.

За него
Вѣдь мы не разъ сражались и съ Ганзою;
А что теперь не пользуемся имъ,
Такъ потому, что духъ у насъ не тотъ,
Да и графиня всюду намъ мѣшаетъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Что мнѣ за дѣло до нея? Друзья!
Вы собрались ко мнѣ, и я надѣюсь
Межъ вами нѣтъ предателей.

ВСѢ.

Нѣтъ! Нѣтъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Такъ вотъ что̀ вамъ открою по секрету:
Мой эзенскій медвѣдь гуляетъ въ морѣ
И собираетъ медъ.

ИКО.

Я такъ и думалъ.
Отлично, другъ! Счастливый ловъ тебѣ!

ВСѢ.

Счастливый ловъ! Друзья! поднимемъ кубки
На счастье друга нашего! Ура!

ИКО.

Вы сами чтоль послали корабли?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Нѣтъ, я лишь далъ два старые баркаса,
Что были у меня, а всю добычу
Мы дѣлимъ пополамъ.

ИКО.

Отличный торгъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Да, каперы таки нагрѣли руки.

(Достаетъ большой сосудъ и наливаетъ изъ него въ кубки.)

Попробуйте вотъ это.

ИКО *(пьетъ).*

Что за роскошь!

(Поетъ).

„При этакомъ винѣ, клянусь, —
Я за троихъ, друзья, напьюсь!“

НѢКОТОРЫЕ.

Чудесное вино! Какой букетъ!

МНОГІЕ.

И мнѣ! И мнѣ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Сегодня на зарѣ
Мнѣ бочку привезли его. Оно
На бременскомъ лежало кораблѣ,
Который шелъ изъ Франціи. Вѣдь это
Чистѣйшій перлъ!

ИКО *(выпивъ значительное количество).*

Чистѣйшій перлъ! Ура!

ФОЛЕФЪ.

Кому ура?

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Хозяину! — Вину! —
Нѣтъ, нашему союзу! Да, союзу!

ФОЛЕФЪ.

Вы крикомъ чуть не заглушили моря.
Чу, какъ реветъ и въ берегъ ударяетъ,
Что даже башни крѣпкія дрожатъ.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Такъ только кажется.

ФОЛЕФЪ.

Ну, нѣтъ, прислушай, —
Трясутся стѣны.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Въ нихъ вѣдь девять футовъ.

ФОЛЕФЪ

А все таки трясутся. Приложи-ка
Къ нимъ руку — самъ почувствуешь. Ну, ночька!
Какъ будто хочетъ ураганъ весь замокъ
Съ собой увлечь.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Боюсь за корабли.
Чу! что̀ это? какъ будто крикъ военный
И звонъ мечей?

ФОЛЕФЪ

Да, вѣтру здѣсь раздолье
Между стрѣльчатыхъ башенъ и фронтоновъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Мнѣ слышится какъ будто звонъ оружій.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

И мнѣ.

ФОЛЕФЪ.

Быть можетъ, это ставни оконъ
Такъ дребезжатъ.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Да, это можетъ быть:
Но болѣе на звонъ мечей похоже.

ФОЛЕФЪ.

Плохая ночь для Гердовыхъ разъѣздовъ!
Пожалуй, что поля всѣ затопило
Земля у насъ такъ и вбираетъ воду,
Какъ треснувшій корабль. Быть можетъ, Гердъ
Пріѣдетъ къ намъ позднѣй чѣмъ разсчиталъ.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Да, ужъ далеко за полночь. Когда
Мнѣ Гердъ, съ умомъ своимъ живымъ и острымъ,
Все дѣло излагаетъ, то оно
Мнѣ кажется почти уже свершеннымъ:

Его слова увѣренность внушаютъ.
Но лишь одинъ останусь — сознаюсь —
Сомнѣнье вновь овладѣваетъ мною.
Ужь поскорѣй бы пріѣзжалъ онъ. Чу!
Какъ дребезжатъ замки!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Оставь сомнѣнье,
Забудь замки, а лучше лей, дружище!

ИКО.

Да, лучше пить! Ну пейте, господа!
(Изъ камина вышибаетъ пламя.)

ФОЛЕФЪ.

Ну, и въ трубѣ мететъ! Ну ужь погода!
Какъ будто Богъ на все махнулъ рукой
И волю далъ стихіямъ. Это что?
О, Господи!
(Вѣтеръ распахиваетъ окно и гаситъ свѣчи).

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Чего ты испугался?
Вѣдь это вѣтеръ. Затвори окно;
А я налью вамъ новаго винца.

ВОЖДИ *(смотрятъ въ окно).*

Но слышно ясно крикъ и звукъ мечей.

ФОЛЕФЪ.

Я различаю даже голоса.
(Всѣ тѣснятся къ окну).

ВОЖДИ.

Сторожевой трубитъ! Звучитъ сѣкира!
Вотъ мостъ упалъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Какой тамъ къ чорту мостъ?

ФОЛЕФЪ.

Да твой подъемный мостъ, другаго нѣтъ.
Полнехонекъ весь дворъ вооруженныхъ,
И факелы горятъ. Блестятъ доспѣхи....
(Въ сѣняхъ слышны крики. Всѣ умолкаютъ и прислушиваются.)

ГЕРО ОМКЕНЪ.

А, это Гердъ фонъ-Гейде.

ЭНГЕЛЬМАНЪ (*входя съ воинами*).

Нѣтъ, не онъ
На этотъ разъ, а Энгельманъ фонъ Горстъ!

ФОЛЕФЪ.

Зачѣмъ ты здѣсь? Ты намъ вѣдь не товарищъ.

ИКО.

Мы носъ тебѣ утремъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Кто пригласилъ васъ?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

На вѣрно ужъ не вы; я самъ пришелъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Гостей незваныхъ замокъ мой не терпитъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ну, не всегда!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Что̀ значитъ это, рыцарь?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Сюда такіе гости часто ходятъ;
Бываетъ здѣсь разбойниковъ ватага:
Она подвалы ваши отпираетъ
И краденымъ добромъ ихъ наполняетъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Я этого не знаю.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Гдѣ вамъ знать!
Вы благородный и достойный рыцарь;
Но за̀мокъ вашъ—разбойничій притонъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Но, чортъ возьми! Какое же вамъ дѣло
До за̀мка моего?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Мнѣ данъ приказъ
Вашъ за̀мокъ осмотрѣть.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Приказъ! Приказъ!
Кто смѣетъ тутъ приказы отдавать?

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Правительство.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Правительство? Пустое!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Графиня Тэда, поручивъ мнѣ флотъ,
Отправиться велѣла на корсаровъ,—
И вотъ я ихъ разбилъ и полонилъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вы говорите сказки. Вы едва
Успѣли выдти въ море.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вотъ, смотрите!
(Подводитъ его къ окну).

Ужъ на востокѣ занялась заря.
Что̀ видите вы тамъ?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Лѣсъ цѣлый мачтъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

То корабли корсаровъ и мои.
Я въ Эмденъ ихъ веду: тамъ мечъ закона
Свой правый судъ надъ ними совершитъ.
А какъ теперь очищено ужъ море
Отъ хищниковъ, графиня мнѣ велѣла
И на землѣ вертепы ихъ сыскать.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

И смѣешь ты наслѣдственный мой за̀мокъ
Разбойничьимъ вертепомъ называть?
Я не стерплю....

ФОЛЕФЪ.

Чѣмъ доказать ты можешь?

БРЕМЕНСКІЙ КУПЕЦЪ *(подходитъ къ столу и беретъ наполненный кубокъ).*

А вотъ хоть этимъ *(пьетъ).* Ахъ, я такъ и думалъ:
Вино мое!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Ты что за человѣкъ?

КУПЕЦЪ.

Я бременскій купецъ, который былъ
Ограбленъ вашими друзьями, рыцарь!
Вотъ это все вино—мое!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Какъ могъ ты
Его узнать?

КУПЕЦЪ.

Повѣрьте, рыцарь, вкусу:
Не ошибется въ этомъ мой языкъ.
Мое вино изъ тысячи боченковъ
Узнаю я всегда.

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Ну, Геро Омкенъ,
Что̀ скажете на эту вы улику?

КУПЕЦЪ.

Когда бъ вино въ его подвалахъ, рыцарь,
Умѣло говорить, оно бы мнѣ
Привѣтъ свой прокричало. Я готовъ
Присягу дать что это мой товаръ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Гдѣ есть питье, тамъ есть его источникъ.
Вы намъ подвалъ свой отопрете?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Нѣтъ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Взломать его!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Насильствовать ты смѣешь!

(Онъ обнажаетъ мечъ; вожди окружаютъ его съ обнаженными мечами. Воины Энгельмана также тѣснятся вокругъ него и грозятъ оружіемъ. Энгельманъ стоитъ противъ Геро Омкена, спокойно сложивъ на груди руки.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Вы отказались обнажить свой мечъ
На вызовъ мой. Теперь и я смѣюсь
Надъ вашими мечами. Я одинъ
Повелѣваю здѣсь, а вы должны
Повиноваться мнѣ безпрекословно.
Я, именемъ правительства, хочу
Чтобъ за̀мокъ былъ немедленно обысканъ.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Какъ? Замокъ Эзенсъ! Рыцарей жилище,
Которое стоитъ ужь сотни лѣтъ,
Не испытавъ подобнаго позора!
Кто здѣсь хозяинъ? Только я одинъ!
Гарингерландъ—владѣніе мое!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Объ этомъ съ императоромъ считайтесь.
Онъ вашъ удѣлъ и прочія владѣнья
Одной верховной власти подчинилъ—
Фрисландіи восточной.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Онъ не могъ
То отдавать другимъ что не ему
Принадлежитъ.

(Между тѣмъ комнаты наполняются воинами графини.)

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Оставимъ разговоры.
За мною право здѣсь, а съ нимъ и сила.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Вы судите разбойниковъ, а сами
Разбойникомъ врываетесь ко мнѣ!

ЭНГЕЛЬМАНЪ.

Все *ваше* тутъ, какъ алтаря святыня,
Останется нетронутымъ никѣмъ.
Все прочее возьму я.

(Уходитъ съ воинами.)

ГЕРО ОМКЕНЪ.

О, позоръ!

(Смотритъ на портреты предковъ.)

Смотрите, предки доблестные, какъ
Поруганъ я! О, выступьте изъ рамъ,
Гдѣ въ боевыхъ доспѣхахъ вы стоите,
И сволочь ту изъ замка изгоните!

(Слышится крикъ торжества.)

ФОЛЕФЪ.

А, знать вино чужое отыскали!

ИКО (*смотритъ въ окно*).

Изъ погребовъ выкатываютъ бочки.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Правительство! Но мы то что̀ жъ такое?

ГЕРДЪ ФОНЪ-ГЕЙДЕ (*входитъ съ воинами*).

Мы—подданные бабы!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Гердъ, мой другъ!
Ты знаешь ли?...

ГЕРДЪ.

Все, все я знаю, Геро!
Придется покориться!

ГЕРО ОМКЕНЪ

Какъ? Когда
Графини рабъ врывается въ твой за̀мокъ!

ГЕРДЪ.

Ужъ покорись!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Когда тебѣ грозятъ,
Смѣются надъ тобой и своевольно
Обыскиваютъ домъ?

ГЕРДЪ.

Ужъ покорись!
Не сами ль вы меня такъ утѣшали,
Когда я былъ поруганъ? Вотъ сильнѣйшій
Изъ насъ теперь пристыженный стоитъ,
Какъ розгами наказанный мальчишка
Графинею надменной.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

О, позоръ!

ГЕРДЪ.

Нѣтъ, не позоръ, а счастіе и благо!
Пусть, наконецъ, хоть это вамъ укажетъ,
Какая ждетъ насъ участь, если мы
Уступимъ ей; пусть духъ проснется вашъ.
Вѣдь въ васъ, друзья, поругано теперь
Все рыцарство. И вы еще дождетесь....

ИКО (*который оставался за столомъ и усердно пилъ*).

Ну, къ чорту васъ со всѣмъ! Да кто жъ возьмется
Звонокъ привѣсить кошкѣ? Вотъ гдѣ штука!

ГЕРДЪ.

Ты, Ико, много пьешь.

ИКО.

Проклятый Гердъ!
Я много пью? Ты запретишь мнѣ что ли?
Я самъ... свободный вождь... и ты не смѣешь
Мнѣ запрещать... Никто не смѣетъ... Да!
Мнѣ море платитъ дань....

ГЕРДЪ.

Ну, хорошо ужъ.

ИКО.

И буду пить, хоть лопни.

ГЕРДЪ.

Самъ не лопни.

ИКО.

Ты заплати сперва свои долги.

ГЕРДЪ.

Э, что съ нимъ толковать! Онъ пропилъ умъ.
Послушайте, на чемъ мы порѣшили.

ВОЖДИ.

Скажи, скажи!

ГЕРДЪ.

Вы знаете, у насъ
Старинный есть обычай—собираться
На совѣщанье въ Упстальсбомѣ. Тамъ
Три вѣковые дуба надъ поляной
Раскинули широко свой шатеръ.
Подъ сѣнью ихъ всегда сходились Фризы
Отстаивать свободу прежнихъ лѣтъ.
Пусть тамъ теперь сберется весь народъ
И порѣшитъ что̀ дѣлать: намъ нельзя
Вести однимъ все дѣло отъ себя.

ВСѢ.

Да, въ Упстальсбомъ, на земское собранье!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Ты думаешь?

ИКО (*тянется къ нему съ бокаломъ*).

Дружище Геро Омкенъ!
Ну... чокнемся со мною....

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Ахъ, отстань!

ГЕРДЪ.

Такъ въ Улстальсбомъ, на земское собранье!
Но, прежде чѣмъ возбудимъ мы народъ,
Мы клятву здѣсь взаимную дадимъ.

ВСѢ.

Да, да!

ГЕРДЪ.

Такъ наши дѣлали отцы:
Когда одинъ сильнѣе становился
И начиналъ преобладать, тогда
Они союзъ свободы заключали,
И каждый долженъ былъ стоять за всѣхъ.

ВСѢ.

Да, это было такъ!

ГЕРДЪ.

Измѣнникъ тотъ,
Кто не за насъ! Любезный Геро Омкенъ!

(Геро Омкенъ подходитъ къ нему; пока они тихо разговариваютъ, вожди обступаютъ ихъ полукругомъ.)

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Дадимъ же клятву на союзъ свободы!

(Онъ обнажаетъ мечъ. Всѣ вожди соединяютъ съ нимъ концы своихъ мечей.)

Мы всѣ—вожди свободнаго народа,
Да будетъ намъ свята его свобода!

(Всѣ повторяютъ эти слова.)

Власть новую клянемся мы изгнать
И предковъ честь достойно сохранять!

(Всѣ повторяютъ.)

Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного:
Страны свобода выше намъ всего!

(Всѣ повторяютъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Упстальбомъ. Холмъ поросшій травою; на немъ три громадные дуба.

ГЕРО ОМКЕНЪ, ГЕРДЪ ФОНЪ ГЕЙДЕ и другіе вожди идутъ къ холму. Вокругъ него собрался народъ; одни стоятъ, другіе лежатъ на травѣ. Вдали виднѣется селеніе.

ГЕРО ОМКЕНЪ *(на холмѣ)*

Привѣтъ свободнымъ Фризамъ отъ меня!

НАРОДЪ.

Привѣтъ тебѣ отъ насъ, свободный Фризъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Мы, земляки любезные, сегодня
Здѣсь собрались не такъ какъ встарину,
Когда сюда семь округовъ зеландскихъ
Отъ Везера до Шельды ежегодно
Въ день Троицы сбирались. Нѣтъ, теперь
Фрисландія не майскій день встрѣчаетъ!
Лишь по нуждѣ, лишь только потому,
Какъ еслибы плотину вдругъ вода
Разрушила, и съ воплемъ бы народъ
Со всѣхъ сторонъ сбѣжался: такъ и мы
Сошлись сюда, подъ дубы вѣковые,
Свидѣтели минувшихъ лучшихъ дней,
Свидѣтели разгрома римскихъ силъ.
Вершина, ихъ засохла какъ свобода
Фрисландіи. Дни лучшіе для насъ
Давно ужь миновали!

НАРОДЪ.

Это правда!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Холмъ этотъ не высокъ; но онъ—алтарь
Свободы Фризовъ, и съ него далеко
Видна страна, которая какъ море
Раскинулась. Да, и равнины эти,
Цвѣтущія теперь, въ былые дни
Покрыты были имъ; лишь тутъ и тамъ,
Какъ острова, на сваяхъ возвышались
Въ тѣни деревъ отдѣльные дворы.
Вотъ что себѣ у моря взяли Фризы,

Древнѣйшее изъ всѣхъ Германцевъ племя,
Воинственный народъ, высокій тѣломъ
И мощный духомъ. Власти надъ собой
Онъ никогда не зналъ; другіе всѣ
Содѣлались рабами государей;
Лишь мы одни всегда хранили свято
Завѣтъ отцовъ. Они намъ говорили:
„Пусть лучше смерть чѣмъ рабство!“ Такъ они
И не были рабами королей!

НАРОДЪ.

Нѣтъ! нѣтъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Ни крѣпостными у дворянъ.

НАРОДЪ.

Нѣтъ! Никогда!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Мы на землѣ свободной
Свободные живемъ, не дозволяя
Попамъ сбирать съ нивъ нашихъ десятину.

НАРОДЪ.

Нѣтъ, мы ея не платимъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Мы одни.
Мы и поповъ безбрачныхъ у себя
Не признаемъ, и въ этомъ даже папа
Намъ уступилъ: такъ были наши предки
Настойчивы и смѣлы! Надъ собой
Они лишь знали Бога въ небесахъ,
А на землѣ—одинъ лишь императоръ
Былъ имъ главой; но и ему они
Вполнѣ не подчинялись и за нимъ
На Римлянъ не ходили: и своей
Борьбы у нихъ довольно было съ моремъ.
Такъ говоритъ уставъ.

НАРОДЪ.

Такъ говоритъ онъ!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Намъ даровалъ права всѣ и свободу
Великій Карлъ; наслѣдники его
Ихъ подтвердили.

НАРОДЪ.

Это намъ извѣстно.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Но вамъ извѣстно ль какъ они хранятся?
Тамъ сказано: „господъ намъ не имѣть.“
Что жь? Нѣтъ у насъ господъ? Что жь вы молчите?
Я вамъ сказалъ: привѣтъ свободнымъ Фризамъ!
Но точно ль вы свободны? Отвѣчайте?

НАРОДЪ.

Правительство у насъ. Не про него ль
Вы говорите намъ?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Да, про него:
Князь или графъ—не въ имени тутъ дѣло.
У насъ Цирксены начали хитро:
Графъ Норденскій сначала звался Ульрихъ.
Кто жь могъ ему то запретить? вѣдь онъ
Былъ Нордена владѣтель, какъ и я—
Владѣтель Эзенса. Но лишь привыкли
Мы къ этому титулу понемногу,
Какъ вдругъ потомъ себя онъ назвалъ графомъ
Фрисландіи восточной. Мечъ и знамя
Онъ въ Эмденѣ, во францисканской церкви,
При звукѣ трубъ и возгласѣ герольдовъ,
Торжественно пріялъ. Мы всѣ тогда,
Какъ лицедѣйству, этому смѣялись.
Но вышла тутъ не шутка. Посмотрите,
Какъ все съ тѣхъ поръ у насъ перемѣнилось:
Собраній земскихъ больше не бываетъ,
И Упстальсбомъ давно осиротѣлъ.
Народъ себѣ судей не избираетъ,—
Графиня ихъ даетъ—ученый сбродъ,
Который знаетъ римское лишь право,
Да выгоды ея во всемъ блюдетъ.

БОГАТЫЙ ПОСЕЛЯНИНЪ.

Графиня справедлива.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Справедлива,
Н-да, это такъ.... (*запинается.*)

ГЕРДЪ (*шепчетъ ему*).

Позволь отвѣтить мнѣ:
Ты можешь говорить, лишь приготовясь.

ГЕРО-ОМКЕНЪ (*тихо*).

Ну, говори.

ГЕРДЪ.

Графиня справедлива,
Но только въ пустякахъ. Она тебя
Хромымъ конемъ обманывать не станетъ:
Но отъ твоихъ старинныхъ правъ утянетъ.
Ея права берутъ свое начало
Отъ грамоты что̀ мужъ ея купилъ
У Фридриха, у стараго мотыги.
Мы проданы за сребренники были,
Какъ нашъ Господь! И вотъ теперь она
Съ насъ подати беретъ.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Но если нужно?

ГЕРДЪ.

И никому отчета не даетъ.

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Ну что жь? Вѣдь, говорятъ, что ей нерѣдко
Приплачивать приходится самой.

ГЕРДЪ (*съ досадою*).

Кто тамъ еще мнѣ смѣетъ возражать?
Пусть выступитъ! Иль есть друзья тирановъ?

НАРОДЪ.

Нѣтъ! Лучше смерть, чѣмъ рабство! Лучше смерть!

ГЕРДЪ.

Вотъ это мнѣ пріятно. Вы достойны
Своихъ отцовъ. Смотрите жь, какъ теперь
Она себя рабами окружила,
Которые немедля исполняютъ
Ея велѣнья — на землѣ и морѣ, —
И воздухомъ владѣть бы ей хотѣлось:
Никто не смѣетъ слова ей сказать.
И съ высшими сановниками даже,
Какъ съ челядью обходится она:
Она бичомъ грозитъ имъ.

НАРОДЪ.

Какъ? бичомъ?

ГЕРДЪ.

Да, намъ она арапникомъ грозила,
Возможно ль это вынести?

НАРОДЪ.

Нѣтъ! нѣтъ!

ГЕРДЪ.

Вотъ видите ль тѣ башни вдалекѣ?
То башни за́мка графскаго, и тамъ
Погребена народная свобода!

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Могу ли я спросить васъ, Гердъ фонъ-Гейде?

ГЕРДЪ.

Всѣ могутъ говорить. Тебѣ что̀ нужно?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

У всѣхъ вождей свои есть башни, за́мки, —
Ужели вы ихъ срыть хотите, рыцарь?

ГЕРДЪ.

Что̀ врешь ты тамъ?

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Я спрашиваю только.
Былъ встарину законъ у насъ такой,
Чтобъ не было изъ камня здѣсь домовъ,
Какъ только Божьи храмы. И нигдѣ
Здѣсь каменныхъ работъ не дозволяли;
Но равенства слѣдовъ ужь больше нѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ стали воздвигать вожди
Себѣ дома съ бойницами и рвами.

ГЕРДЪ

Болтунъ негодный! замолчишь ли ты,
Ругатель дерзкій! (*Бьетъ его.*)

ПОСЕЛЯНИНЪ.

Рыцарь! Что̀ вы? что̀ вы?

НАРОДЪ.

Богатый поселянинъ, — и его
Онъ смѣетъ бить! Иль это не тиранство!
Но вотъ идетъ почтенный Геро Маурицъ.

ПОСЕЛЯНИКЪ.
Насъ обижаютъ, рыцарь! Защитите!

ГЕРО МАУРИЦЪ (*выступая впередъ*).
Ты, Гердъ, желаешь воздухомъ владѣть,
Когда другимъ на земскомъ совѣщаньѣ
Свободное дыханье запрещаешь.

ГЕРДЪ.
Ну, говорите вы.

ГЕРО МАУРИЦЪ.
Я и скажу.
(*Всходитъ на холмъ*).
Привѣтъ вамъ, земляки! Я—Геро Маурицъ.

НАРОДЪ.
Графини дядя. Кто жъ тебя не знаетъ?

ГЕРО МАУРИЦЪ.
Я ужъ давно отъ дѣлъ всѣхъ удалился;
Душевно радъ, коль помните меня.
Здѣсь о моей племянницѣ такъ много
Дурнаго говорили, и нигдѣ
Ея друзей не вижу, то позвольте
Мнѣ за нее словечко здѣсь замолвить;
Хоть я и старъ, и слабъ, и голосъ мой
Почти угасъ.

НАРОДЪ.
Мы слушаемъ васъ, рыцарь!

ГЕРО МАУРИЦЪ.
Графини родъ—отъ Фоко Укена,
Сильнѣйшаго изъ всѣхъ вождей, и вышедъ
За Ульриха Цирсена,—этимъ бракомъ
Она два сильныхъ дома сочетала,
И тѣмъ конецъ враждѣ былъ положенъ,
И на страну сошло благословенье.

НАРОДЪ.
Потише! Не шумите! Дайте слушать!

ГЕРО МАУРИЦЪ.
Но мудрый мужъ ея скончался рано.
Она вдовой съ малютками осталась.
Странѣ осиротѣлой угрожало
Отвсюду притѣсненье. Говорятъ,
Коль съ неба камень упадетъ, то вѣрно

Онъ упадетъ на голову вдовы.
Какъ часто видѣлъ я что на колѣняхъ
Молилася она, да подкрѣпитъ
Господь ея слабѣющія силы!

НАРОДЪ.

О, бѣдная!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

И Богъ ей мудрость далъ.

НАРОДЪ.

Да, вашими устами: вы одни
Ее совѣтомъ мудрымъ поддержали.

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Да, время было тяжкое, когда
Стоялъ Карлъ Смѣлый съ войскомъ передъ Нейсомъ
И, Ольденбургца подаривъ, какъ леномъ,
Фрисландіей, хотѣлъ отторгнуть насъ
Отъ императора. Тогда графиня
Готовилась сама идти въ доспѣхахъ,
Какъ дѣва Орлеанская, на бой.
Такъ духъ ея окрѣлъ и возмужалъ,
Что многіе теперь въ ней осуждаютъ.
Тяжка была война и длилась долго,
Я самъ попался въ плѣнъ. Но, слава Богу,
Графиня побѣдила, и Адольфъ,
Сынъ графа Ольденбургскаго, попался
Во власть ея.

НАРОДЪ.

Да, и его она
Семь лѣтъ въ плѣну держала у себя...

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Пока отецъ его не примирился,
Тутъ ей настала златой правленья вѣкъ.
Она воздвигла шлюзы и плотины;
Тамъ, гдѣ теперь вздымаетъ волны море
И кружится дельфинъ,—въ былые годы
Была земля съ деревнями, церквами:
Виднѣются ихъ стѣны въ глубинѣ.
И что жъ? Вожди, въ своихъ раздорахъ дикихъ,
Смолой злорадно вымазали шлюзы
И подожгли! Безбожный этотъ пламень!
Вѣдь отъ него, при первомъ же приливѣ,
Погибло все—и люди, и добро!

Графиня же усердно каждый годъ
Завоеванья мирныя свершала,
Чтобъ землю ту у моря вновь отнять,
И, защищая портовое право,
Сама гражданкой въ городѣ живетъ.

ГЕРДЪ.

Да, а сама, какъ будто намъ на зло,
Богатыхъ гражданъ Эмдена балуетъ.
Вотъ что скажи: какъ съ нами поступаютъ?

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Скажи, на что вамъ жаловаться можно?
Ты, Гердъ, недавно обольстилъ дѣвицу,
Семьи почтенной дочь; на ней жениться
Ты обѣщалъ—и бѣдную покинулъ.
Таковъ ли во Фрисландіи обычай?

НАРОДЪ.

О стыдъ!

ГЕРДЪ.

Но я....

НАРОДЪ.

Молчи! Долой его!

ГЕРО НАУРИЦЪ.

Ты, Геро Омкенъ, и вы всѣ вожди
Прибрежные—сообщники корсаровъ.
Когда бы васъ графиня не смиряла,
На насъ бы вся воздвигнулась Ганза
И наводнили бъ нашу всю страну
Ея войска.

НАРОДЪ.

Стыдитесь, Геро Омкенъ!
Вотъ дворянинъ—разбойниковъ сообщникъ!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

Благодарите Бога, что графиня
Вождей такихъ смиряетъ. Право лучше
Лишь господина одного имѣть,
Чѣмъ сто господъ. Смотрите: всѣ народы
Утомлены раздорами дворянъ,
И всѣ они съ восторгомъ говорятъ
О Генрихѣ, англійскомъ государѣ,
О Лудвигѣ во Франціи, который
Умѣлъ смирить своихъ вассаловъ буйныхъ...

НАРОДЪ.

Онъ правъ! Онъ правъ!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

И Франціи далъ миръ.
Вотъ, не смотря на бѣдствіе отъ моря,
На скудость почвы, на дороговизну,
Нашъ бѣдный край отъ мира процвѣтаетъ.
Иль этотъ миръ вамъ надоѣлъ?

НАРОДЪ.

Нѣтъ! Нѣтъ!
Мы мира всѣ хотимъ! Намъ нуженъ миръ!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

И этотъ миръ графиня вамъ даетъ!
(*Сходитъ съ холма*).

НАРОДЪ (*въ восторгѣ*).

Да здравствуетъ графиня!

ГЕРДЪ (*возвышая голосъ*).

Но она
Такъ поступила съ нимъ, что онъ въ сердцахъ
Уѣхалъ отъ нея; а вотъ теперь
Ее самъ хвалитъ,—старая лисица!

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ графиня! Геро Маурицъ!

ГЕРДЪ.

Безумная толпа!

НАРОДЪ.

Что? Онъ бранится?
Мы люди всѣ свободные, какъ вы!

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ТОЛПЫ.

А что же, Гердъ, съ Армгардою-то будетъ?

ДРУГІЕ.

Махнемъ его три раза черезъ воду,
Какъ обольстителя: такъ встарину
У насъ велось.

НАРОДЪ.

Пойдемте на него!
(*Народъ напираетъ на Герда*).

ГЕРДЪ (*обнажая мечъ*).

Пусть Богъ рѣшитъ и мечъ! Ну, подходите!
Кому изъ васъ охота умирать?!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Постой, постой!

(*Вожди разнимаютъ ихъ*).

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Къ чему тутъ биться? Мы
Слабѣе ихъ.

ГЕРДЪ.

Есть и у насъ друзья.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Но много ль ихъ?

НАРОДЪ.

Долой вождей! Долой!
Да здравствуетъ графиня! Геро Маурицъ
Да здравствуетъ! Онъ лучшій человѣкъ
Во всей странѣ!

(*Народъ толпится вокругъ Геро Маурица.*)

ГЕРДЪ (*насмѣшливо*).

Ну, вотъ и вамъ почетъ!

ГЕРО МАУРИЦЪ.

И слабому, чтобъ правду доказать,
Не нужно, другъ, къ уловкамъ прибѣгать.

(*Народъ съ торжествомъ уводитъ его. Вожди остаются одни*).

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Вотъ видишь ли какъ думаетъ народъ!

ГЕРДЪ.

О, сволочь грязная! Ну, чортъ же съ нею!
Мы обойдемся безъ нея: у насъ
Есть лучшіе союзники. (*Вынимаетъ письмо*).
Вотъ на-ка!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Что̀ это за письмо?

ГЕРДЪ.

А вотъ прочти.

ГЕРО ОМКЕНЪ (*беретъ письмо и читаетъ*).

Адольфъ графъ Ольденбургскій.... и при немъ
Пять тысячъ войска.... рыцари и графы....
И намъ они помочь готовы?

ГЕРДЪ.

Да,
Вамъ графъ знакомъ: онъ юношей еще
Сражался съ нами.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Кто его не знаетъ?
Его тогда фортуна не взлюбила —
Единственная женщина изъ всѣхъ.

ГЕРДЪ.

Вотъ онъ и хочетъ отплатить за это.

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Пять тысячъ!

ГЕРДЪ.

Да, пять тысячъ, другъ любезный,
А, можетъ быть, и больше, — пишетъ онъ, —
И все народъ испытанный въ бояхъ!
Что̀? Каково!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Тогда вѣдь сила—наша!

ГЕРДЪ.

Ну, да!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Тутъ объ одномъ подумать надо....

ГЕРДЪ.

О чемъ еще?

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Онъ врагъ отчизны нашей.
Что скажутъ, если мы....

ГЕРДЪ.

Э, что̀ за врагъ!
Вѣдь каждый ищетъ помощи гдѣ можетъ,
Да и Цирксены намъ вѣдь не отчизна;
Отчизна — мы!

ГЕРО ОМКЕНЪ.

Пожалуй что и такъ.

ЭДО ВИМКЕНЪ.

Да, если такъ смотрѣть.

ГЕРДЪ.

Да не иначе!
Съ графиней лишь ведемъ мы дѣло тутъ.
Осадимъ Аурихъ, замки всѣ обложимъ;
А если Норденъ съ Эмденомъ падутъ,—
Мы власти слѣдъ послѣдній уничтожимъ!

(Занавѣсъ опускается).

Ѳ. МИЛЛЕРЪ.

(До слѣд. №).

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ

О

СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛІИ

(Посвящ. княгинѣ Е. А. Голицыной).

I.

Не слишкомъ ли смѣло писать объ Италіи для русскихъ читателей?

Сыздавна сотни русскихъ семействъ направляются ежегодно въ Италію подышать италіянскимъ воздухомъ, полюбоваться италіянскимъ небомъ, поглядѣть на ненаглядное южное море, покупаться въ теплыхъ его водахъ, подивиться разсѣяннымъ на всякомъ шагу чудесамъ природы и искусства. Какъ дешево русское золото знаютъ Венеція, Миланъ, Ницца, Флоренція, Римъ, Неаполь и Палермо. Не чуждъ намъ италіянскій языкъ, какъ не чужда намъ италіянская литература. Мы слывемъ цѣнителями и знатоками италіянской музыки и италіянской живописи.

Итакъ можно ли сказать что-нибудь новаго объ Италіи русскимъ читателямъ?

Можно, и смѣло берусь за перо.

Италію мы знаемъ весьма поверхностно и понятіе о ней сложилось у насъ, по моему мнѣнію, ложное. Путешествуя по Италіи слишкомъ два съ половиною года, изъѣздивъ ее изъ конца въ конецъ, останавливаясь болѣе или менѣе продолжительное вре-

мя и въ главныхъ и въ менѣе извѣстныхъ пунктахъ (Венеція, Миланъ, Туринъ, Генуа, Флоренція, Римъ, Неаполь, Палермо, Бари, Анкона, Болонья, Верона и Мантуа), заглянувъ и въ самую глухую область Италіи — Молизе, гнѣздо италіянскихъ разбойниковъ, гдѣ уцѣлѣло еще нѣсколько тысячъ славянскихъ поселенцевъ сохранившихъ народность, я имѣлъ случай познакомиться со всѣмъ разнообразіемъ италіянской природы и народности, вступить въ сношенія съ лицами всѣхъ сословій и, признаюсь,—разочаровался въ Италіи и Италіянцахъ. Разочарованіе меня преслѣдовало во все время всего моего путешествія и, готовясь покинуть Италію, я не нахожу другаго слова для выраженія общаго впечатлѣнія произведеннаго ею на меня, какъ это слово *разочарованіе*, основанное на продолжительномъ знакомствѣ и на многочисленныхъ наблюденіяхъ: на каждомъ шагу я долженъ былъ убѣждаться что все читанное и слышанное мною объ Италіи по большей части *ложь*.

Я представлялъ себѣ Италію чѣмъ-то въ родѣ земнаго рая, гдѣ люди подъ вліяніемъ благораствореннаго воздуха, роскошной природы и неизмѣнно-лазурнаго неба должны блаженствовать, и съ перваго же шага на италіянскую почву сталъ разочаровываться. Меня не поразила даже италіянская природа; и небо, и море, и горы мнѣ напомнили хорошо знакомую Далмацію. Что касается до живописныхъ видовъ, которыми славится Италія, то нѣкоторые переносили меня на Рейнъ, другіе въ Далмацію. Скажу болѣе: въ прирейнской Пруссіи и въ Боккѣ Которской я видывалъ болѣе живописные виды, а пресловутое *Сорренто* (вблизи Неаполя), это „morceau de ciel tombé sur la terre“, мнѣ показалось копіею *Жупы* или *Breno* въ окрестностяхъ Дубровника.

Италіянскій климатъ ни чѣмъ не отличается отъ далматинскаго: то же отсутствіе зимы, то же сліяніе трехъ временъ года въ продолжительную осень-весну съ рѣзкими вѣтрами и съ нескончаемыми ливнями, та же духота лѣтомъ. Но несмотря на отсутствіе зимы, я нигдѣ не натерпѣлся столько холоду, какъ въ Италіи въ двѣ зимы проведенныя мною въ Венеціи и въ Неаполѣ. У Италіянцевъ нѣтъ обычая строить печи въ домахъ; отъ оконъ и дверей сквозитъ; полъ каменный; сырое сирокко и пронзительная борра врываются со всѣхъ сторонъ въ комнату, гдѣ нѣтъ возможности оставаться для занятій. Никогда не забуду что въ Венеціи въ зиму 1868—

1869 г. я долженъ былъ кутаться въ шубу, покрывать голову мѣховою шапкой, а ноги пледомъ, и надѣвать на руки перчатки чтобъ быть въ состояніи писать: такъ писалъ я статьи о *Степанѣ Маломъ*, напечатанныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Венеціанцы на мои жалобы отвѣчали: такой зимы мы не запомнимъ, холода исключительные. Слѣдующую зиму я провелъ въ Неаполѣ и терпѣлъ не менѣе отъ холода: и Неаполитанцы, подобно Венеціанцамъ, увѣряли меня что зима 1869—1870 г. исключительно сурова. Два исключенія сподрядъ не наводятъ ли на общее правило? Мало того. Когда я отправился въ февралѣ нынѣшняго года изъ Неаполя въ Палермо, Неаполитанцы радовались за меня, увѣряя что на Сициліи уже все въ цвѣту, что уже наступила благодатная сицилійская весна: и цѣлый мѣсяцъ, проведенный мною въ Палермо, лилъ проливной дождь и дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, срывавшій крыши съ домовъ и ломавшій деревья. Послѣ этихъ опытовъ могъ ли я остаться доволенъ италіянскимъ климатомъ и продолжать пѣть ему хвалебные гимны?

Русскій путешественникъ, привыкшій къ удобствамъ нашей домашней жизни, бываетъ пораженъ когда ему приходится заглянуть въ италіянскую семью. Италіянецъ не знаетъ нашихъ удобствъ жизни и не заботится защитить себя и своихъ ни отъ холода, ни отъ жаровъ, слѣдуетъ безсознательно прадѣдовскимъ обычаямъ, хотя бы они были противны простому здравому смыслу (такъ напримѣръ душные лѣтніе мѣсяцы проводитъ въ городѣ, а съ сентября по конецъ декабря живетъ въ деревнѣ). Италіянская семья ведетъ жизнь замкнутую, не знаетъ нашихъ семейныхъ праздествъ, и, какъ въ турецкій гаремъ, иностранцу трудно проникнуть въ италіянскій домъ. Италіянецъ всѣмъ жертвуетъ для формы и внѣшности: его семья цѣлую недѣлю питается салатомъ и кофе, а за то праздничные дни, разнаряженная, проводитъ на гуляньяхъ, въ кофейныхъ и ресторанахъ. Съ первыми звуками оркестра высыпаетъ италіянская семья на площадь или въ публичный садъ и съ послѣдними разсыпается по домамъ, кофейнымъ и ресторанамъ. Начиная съ роскошныхъ кофе-ресторановъ и оканчивая грязными трактирами, всѣ эти публичныя заведенія въ праздничные дни кишатъ народомъ: за кружкою пива, за стаканомъ вина, за чашкою кофе или порціею мороженаго италіянская семья проводитъ цѣлые часы длинныхъ зимнихъ вечеровъ (а въ карнавалъ въ Ве-

неціи отъ пяти часовъ пополудни до трехъ утра), среди дыму, духоты и часто кухоннаго смраду. Молодежь и холостяки днюютъ въ кофейныхъ: мнѣ приводилось видѣть и молодыхъ и пожилыхъ людей, просиживавшихъ неподвижно, безъ всякаго занятія, по нѣскольку часовъ въ кофейномъ домѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ, и я удивлялся ихъ самопожертвованію: это пресловутое италіянское dolce far niente! Впрочемъ и Италіянцы не всѣ одинаково способны вкушать эту сладость бездѣйствія: предпріимчивый Генуэзецъ и промышленный Ломбардецъ не засѣдятся въ кофейныхъ; но за то надменный и развращенный Венеціанецъ и изнѣженный Неаполитанецъ нигдѣ не чувствуютъ себя такъ хорошо, какъ въ этихъ убѣжищахъ бездѣйствія и разсадникахъ сплетенъ и интригъ. Сплетничанье одно изъ главныхъ золъ современнаго италіянскаго общества; не ограничиваясь частною жизнью, оно прорывается и въ жизнь общественную, производя повсюду раздоры; оно позоритъ парламентъ и срамитъ печать. Эта страсть къ сплетнямъ, эта неспособность подняться выше мелкихъ интересовъ обусловливаются главнымъ образомъ недостаточностію образованія. Поверхностность италіянскаго образованія неоднократно поражала меня не только въ людяхъ средней руки, но и въ лицахъ занимающихъ видные посты, даже въ ученыхъ. Для большей убѣдительности приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ: Commendatore Professore F. T., Direttore generale degli Archivii N., socio ordinario della Società Reale di scienze, Presidente dell'Istituto d'Incoraggamento, socio onoraio dell'Universita di Bologna (такъ онъ титулуетъ себя на визитныхъ карточкахъ), при первомъ моемъ знакомствѣ съ нимъ, началъ разсуждать со мною объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, повторяя обычныя газетныя сплетни и клеветы. Въ началѣ я ему возражалъ, представляя факты, но чѣмъ болѣе продолжался разговоръ, тѣмъ болѣе я убѣждался въ невѣжествѣ почтеннаго члена столькихъ ученыхъ обществъ. Наконецъ, дабы прекратить нескончаемый разговоръ, я обратился къ нему съ вопросомъ: „Откуда вы почерпнули эти драгоцѣнныя свѣдѣнія о Россіи?"—„Я многое читалъ." Я назвалъ ему нѣсколько наиболѣе извѣстныхъ сочиненій о Россіи на иностранныхъ языкахъ, и спросилъ, знаетъ ли онъ эти сочиненія; оказалось что онъ никогда объ нихъ даже не слышалъ и что изъ иностранныхъ языковъ знаетъ только французскій.

Допытываясь до источника его познаній, я наконецъ, къ удивленію услышалъ что свои драгоцѣнныя свѣдѣнія о Россіи онъ почерпнулъ изъ энциклопедическаго лексикона! И неоднократно я имѣлъ случай убѣждаться что самые образованные люди Италіи, писатели и ученые (за незначительными исключеніями), имѣютъ самыя дикія понятія о Россіи, или же не знаютъ ее вовсе, и не разъ замѣчалъ Италіянцамъ что предки ихъ съ XVI вѣка уже были достаточно знакомы съ Россіей и что между ними были такіе знатоки и цѣнители Россіи, какъ Венеціанецъ Даніилъ Дольфинъ (въ началѣ XVIII вѣка), и что я крайне удивляюсь, какъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ Италіянцы знаютъ столько же Россію, сколько Китай. Причина этого явленія какъ и многихъ другихъ въ низкомъ уровнѣ народнаго просвѣщенія въ Италіи. Школъ много, но преподаваніе въ нихъ весьма неудовлетворительно. Не мало и университетовъ, но профессоры (за исключеніемъ немногихъ) знаютъ такъ мало что едва ли бы годились въ учителя гимназіи; а студенты, при всевозможныхъ послабленіяхъ не занимаются науками, не посѣщаютъ лекцій и часто живутъ въ другихъ городахъ. Причина такого упадка просвѣщенія заключается болѣе всего въ политическихъ переворотахъ, поглотившихъ цвѣтъ населенія и отвлекшихъ молодежь отъ серіозныхъ занятій. Италія переполнена адвокатами и профессорами, есть между ними люди ученые, но въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, то-есть спеціалисты: не достаетъ людей образованныхъ. По спеціальности моихъ занятій, я знакомился съ италіянскими историками и былъ удивленъ что большая часть изъ нихъ знаетъ только свою провинцію (Венеціанецъ — Венецію, Неаполитанецъ—бывшее Неаполитанское королевство и т. д.) и весьма не многіе знаютъ сколько-нибудь исторію всей Италіи; что же касается до другихъ странъ, то италіянскіе историки вообще не знакомы ни съ исторіею, ни съ этнографіею, ни съ географіею даже тѣхъ изъ нихъ, съ которыми Италія находилась въ ближайшихъ сношеніяхъ. Приведу нѣсколько примѣровъ. Пользующійся большою извѣстностью, профессоръ Неаполитанскаго университета, Іосифъ де-Блазисъ. въ превосходномъ сочиненіи *La insurrezione pugliese e la conquista Normanna del secolo XI* (Napol. 1864. 2 vol.), разказывая о походахъ Роберта Гвискара въ Албаніи, постоянно смѣшиваетъ мѣстности албанскія съ далматинскими, обнаруживая

тѣмъ что онъ не знакомъ съ топографіею Албаніи и Далмаціи. Два другіе неаполитанскіе ученые, гг. Миньери-Риччіо и Дель-Джудиче, первый въ сочиненіи *La genealogia di Carlo d'Angiò*, а второй въ своемъ *Codice diplomatico Angioino*, выказываютъ новѣйшее незнаніе славянской исторіи и географіи; отсюда въ трудахъ ихъ встрѣчаются такого рода ошибки и промахи, что напримѣръ оба они изъ одного болгарскаго царя, титулуемаго въ регистрахъ анжуйскихъ *Imperator Bulgorum*, *Imperator Vulgarorum*, *Empereur des Agoras* (вм. de Zagora), *Imperator Aragorax*, сдѣлали трехъ различныхъ царей различныхъ народовъ! А между тѣмъ оба эти ученые работаютъ болѣе двадцати лѣтъ въ неаполитанскомъ архивѣ, ограничиваясь одними регистрами Анжуйскими, гдѣ почти на каждой страницѣ попадаются памятники по славянской и албанской исторіи, и оба эти ученые считаютъ себя первыми знатоками неаполитанской исторіи эпохи Анжуйцевъ, бывшихъ въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ Славянами и Албанцами. Но ни тому, ни другому не пришло даже и въ голову познакомиться съ исторіею этихъ народовъ.

Говоря объ италіянскихъ ученыхъ, я имѣю въ виду преимущественно историковъ и лингвистовъ: о математикахъ, медикахъ, натуралистахъ и юристахъ, я не могу судить. Спеціалисты увѣряютъ что и въ наукахъ положительныхъ Италіянцы не ушли далеко. Италіянскіе медики не пользуются доброю славою; а нынѣшнее состояніе италіянскихъ университетовъ не позволяетъ предполагать чтобы могли быть въ Италіи основательные ученые по какой бы то ни было отрасли знаній (есть, конечно, исключенія, но они слишкомъ индивидуальны). Вообще италіянская ученость весьма поверхностна, отчасти вслѣдствіе народнаго характера, но болѣе вслѣдствіе политическихъ переворотовъ, поглотившихъ и поглощающихъ все вниманіе образованнаго общества. Италіянскіе историки, мало знакомые съ пріемами и результатами исторической науки въ Европѣ, ограничиваются переписываніемъ старыхъ лѣтописцевъ и не ищутъ источниковъ въ своихъ богатыхъ архивахъ, разрабатываемыхъ преимущественно иностранцами; а если и обращаются къ этимъ неисчерпаемымъ источникамъ, то избираютъ вопросы модные, но не существенные, или же предпринимаютъ кропотливые, но малополезные труды. Такъ, напримѣръ, извѣстный неаполитанскій ученый, г. Миньери-Риччіо посвятившій, какъ я уже упомя-

нулъ, около двадцати лѣтъ на изученіе анжуйскихъ регистровъ, задумалъ составить маршрутъ (itinerario) Анжуйцевъ, ограничиваясь простымъ указаніемъ на томы и листы этихъ регистровъ въ подтвержденіе того что Карлъ I или II такого-то числа, такого-то мѣсяца и такого-то года находился въ Бари или въ Отранто, или въ Неаполѣ и т. д. А между тѣмъ ни внутренняя, ни внѣшняя исторія южной Италіи этой эпохи не разработаны, и сколько услугъ наукѣ могъ бы оказать столь трудолюбивый ученый, какъ г. Минъери-Риччіо, еслибъ онъ изложилъ по этимъ анжуйскимъ регистрамъ, хотя одинъ изъ такихъ, напримѣръ, вопросовъ, какъ вопросъ о господствѣ Анжуйцевъ въ Албаніи. Въ современной исторической италіянской литературѣ, несмотря на существованіе множество историческихъ обществъ и коммиссій, вы съ трудомъ найдете сочиненіе важное для науки: большею частію это монографіи о болѣе или менѣе извѣстныхъ историческихъ личностяхъ, которыми гордится та или другая область, объ отдѣльныхъ памятникахъ искусства, которыми славится тотъ или другой городъ и т. п. Вообще въ исторической литературѣ Италіи господствуетъ узкій провинціализмъ: каждая область, каждый городъ хвастается своею стариною. До созданія исторіи народной Италіянцы еще не поднялись. Мало того. Растрачивая силы и время на разработку не существенныхъ вопросовъ, они не сумѣли изслѣдовать ни одного изъ такихъ, которые имѣя всю прелесть провинціализма, имѣютъ важное значеніе не только въ италіянской, но и въ общей европейской исторіи, каковы напримѣръ вопросы о торговлѣ и мореходствѣ Венеціянцевъ и Генуэзцевъ, объ италіянскомъ господствѣ на Востокѣ и т. п. Есть впрочемъ надежда что съ окончательнымъ объединеніемъ Италіи, только что свершившимся благодаря особымъ политическимъ обстоятельствамъ, волновавшія доселѣ Италію страсти утихнутъ, и начнется для нея новая эпоха возрожденія наукъ, объединеніе станетъ вполнѣ сознательнымъ, и провинціализмъ уступитъ мѣсто патріотизму. Есть и теперь впрочемъ ученые, которые подъ вліяніемъ совершившагося факта объединенія, принимаются за обширные труды по всеобщей исторіи Италіи. Къ такимъ принадлежитъ г. Ангелъ Анджелуччи, съ личностью и трудами котораго считаю не лишнимъ познакомить читателей.

Г. Анджелуччи принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ италіянскимъ ученымъ, которые преданы наукѣ всецѣло, безкорыст-

но. Ученый-самоучка, обязанный обширными познаніями въ исторіи единственно самому себѣ, лишенный средствъ и посторонней подержки, онъ въ теченіе девяти лѣтъ неутомимо собиралъ и собираетъ въ богатыхъ италіянскихъ архивахъ памятники, касающіеся военной исторіи Италіи и преимущественно исторіи огнестрѣльнаго оружія. Онъ не принадлежитъ къ квасным италіянскимъ патріотамъ, онъ не доволенъ современною историческою литературой въ Италіи, какъ недоволенъ вообще настоящимъ своей родины, гдѣ господствуютъ невѣжды и весьма сомнительныя патріоты. „Намъ нужны не слова, а дѣла,“ вторитъ онъ безпрестанно во всѣхъ своихъ разнообразныхъ сочиненіяхъ, приглашая своихъ соотечественниковъ къ усиленному труду, если они искренно желаютъ добра родинѣ, если они надѣются на лучшее будущее. „Мы не имѣемъ исторіи Италіи правдивой, безпристрастной, такой, которая раскрыла бы передъ нами доброе и злое, славу и позоръ, доблести и пороки прошлаго.“ И такая исторія должна быть основана на неопровержимыхъ архивныхъ документахъ, а не на подозрительныхъ лѣтописныхъ сказаніяхъ. Г. Анджелуччи осуждаетъ своихъ соотечественниковъ, довольствующихся дешевою ученостью, не изучающихъ архивныхъ сокровищъ. На задуманное имъ дѣло онъ смотритъ, какъ на „обязанность гражданина, любящаго родину на дѣлѣ.“ Архитекторъ, капитанъ, директоръ артилерійскаго музея въ Туринѣ, онъ ежегодно беретъ отпускъ на два или три мѣсяца и странствуетъ по архивамъ. По возвращеніи изъ отпуска, печатаетъ результаты своихъ разысканій вмѣстѣ съ найденными памятниками. Въ теченіе девяти лѣтъ имъ напечатано на собственный счетъ болѣе 20 сочиненій по военной исторіи Италіи,—сочиненій основанныхъ на архивныхъ изслѣдованіяхъ,—не считая начатаго имъ обширнаго труда: *Сборникъ неизданныхъ документовъ по исторіи огнестрѣльнаго оружія въ Италіи*, второй томъ котораго теперь печатается.

Здѣсь было бы неумѣстно говорить подробно объ ученой дѣятельности г. Анджелуччи. Упомяну только что оставшись ребенкомъ по смерти бѣдныхъ родителей и не получивъ обыкновеннаго школьнаго образованія, онъ поступилъ въ военную службу чтобъ имѣть время и возможность учиться. Собственнымъ трудомъ онъ пріобрѣлъ степень архитектора, научился иностраннымъ языкамъ, познакомился съ историческою лите-

ратурой и наконецъ выдержалъ артилерійскій экзаменъ. Такимъ образомъ всѣмъ онъ обязанъ самому себѣ.

Я знаю другой примѣръ подобнаго ученаго-самоучки въ Италіи: это нѣкто г. Бони, учитель иностранныхъ языковъ въ Болоньѣ. Ремесломъ столяръ, онъ во время своихъ работъ постоянно занимался чтеніемъ; сколивъ небольшую сумму, онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ, какъ и во время путешествія, продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ, а въ свободное время работалъ въ библіотекахъ и архивахъ. Такимъ же образомъ онъ посѣтилъ Францію и Германію. Кромѣ всѣхъ живыхъ европейскихъ языковъ (въ томъ числѣ русскаго и польскаго), онъ знаетъ многіе восточные: санскритскій, китайскій, арабскій, персидскій, турецкій, и на нѣкоторыхъ языкахъ свободно объясняется. Для изученія нѣсколькихъ языковъ онъ составилъ руководства, но не можетъ издать по недостатку средствъ.

II.

Въ Миланѣ мнѣ удалось подслушать слѣдующія поговорки, свидѣтельствующія о понятіи, какое сложилось о Россіи въ умѣ Ломбардцевъ.:

„El fuma com'ün Turc, el bëv com'ün Russ" (куритъ какъ Турокъ, пьетъ какъ Русскій), говоритъ Миланецъ на своемъ говорѣ.

„El fà el guadagn, che la fà Napoleon Prim a Mosca" (ему удалось какъ Наполеону I въ Москвѣ), говорится о неудавшемся дѣлѣ.

Когда въ домѣ безпорядокъ, говорятъ: „Словно были здѣсь казаки" (точныхъ словъ этой поговорки я не успѣлъ записать).

При недостаткѣ денегъ говорятъ: „Gho d'oss la Russia" (у меня на плечахъ Россія).

Мнѣ разказывали: когда въ Миланѣ вслѣдъ за присоединеніемъ Ломбардіи къ Италіи оказался недостатокъ въ звонкой монетѣ и страшный наплывъ италіянскихъ ассигнацій, на всѣхъ перекресткахъ появились билеты со словами: „Viva la Russia" (Россія, какъ представительница царства ассигнацій).

Когда торговля идетъ дурно, Миланецъ восклицаетъ: „Ghena

Russia vacca“ (vacca—*корова*, синонимъ глупости у Италіянцевъ, отводящихъ *ослу* (asino) болѣе почетное мѣсто).

Итакъ, въ головѣ Ломбардца сложилось своеобразное понятіе о Россіи, какъ странѣ запруженной ассигнаціями, лишенной торговли, населенной пьяницами, но при содѣйствіи страшныхъ казаковъ отстоявшей свою независимость и погубившей Наполеона I въ Москвѣ.

Италіянецъ вообще не склоненъ къ гостепріимству, и иностранецъ въ его глазахъ чуть ли не врагъ. Иностранецъ для большинства здѣсь добыча, посланная небомъ, на счетъ которой надлежитъ поживиться, елико возможно. Особые мастера въ этомъ дѣлѣ Венеціанцы и Неаполитанцы: но Венеціанцы поступаютъ болѣе осторожно, съ жидовскою разчетливостію, тогда какъ Неаполитанцы низкопоклонничаютъ, угождаютъ всѣмъ прихотямъ иностранца чтобъ вкрасться въ его довѣріе и потомъ обобрать. Венеціанецъ вообще чуждается иностранца, трудно съ нимъ сходится, но познакомившись съ нимъ и убѣдившись что отъ сближенія съ нимъ онъ можетъ только выиграть, становится непрошеннымъ и незваннымъ гостемъ, напрашивается на услуги которыя продаюіъ очень дорого, требуетъ самъ услугъ, но продолжаетъ скрытничать и держитъ гостя вдалекѣ отъ своего дома и отъ своего семейства. Неаполитанецъ, напрашиваясь на знакомство съ иностранцемъ, раскрываетъ передъ нимъ двери своего дома, старается прельстить своимъ обращеніемъ, напрашивается въ дядьки, выставляя свою честность и черня всѣхъ и всякаго, съ кѣмъ онъ находится или можетъ находиться въ сношеніяхъ; и, пріобрѣвъ довѣренность, съ спокойною совѣстію беретъ въ три-дорога за всякую услугу. Генуэзецъ гостепріимнѣе и честнѣе Венеціанца и Неаполитанца; Миланецъ стоитъ еще выше: онъ откровененъ, привѣтливъ, общителенъ, хотя и разчетливъ. Тосканецъ изященъ въ обращеніи, но равнодушенъ. Настоящее наше славянское гостепріимство встрѣчается только на островѣ Сициліи; тамъ иностранецъ служитъ чуть ли не предметомъ культа; передъ нимъ раскрываются всѣ дома, каждое семейство считаетъ его самымъ дорогимъ гостемъ, каждый старается угодить и услужить ему. Пораженный такимъ гостепріимствомъ, я замѣтилъ однажды одному хорошему пріятелю въ Палермо, извѣстному ученому, писателю и государственному человѣку, маркизу Мортиларо ди-Валлоренu, что нахожу громадную разницу въ обращеніи съ иностранцами на островѣ Сициліи и въ дру-

гихъ мѣстностяхъ Италіи, и онъ на мое замѣчаніе отвѣтилъ съ дипломатическою улыбкой: „Въ нашихъ жилахъ течетъ много арабской крови!“ И дѣйствительно, ни одна изъ италіянскихъ областей не представляетъ такого смѣшенія народностей какъ Сицилія, гдѣ перебывали и Греки, и Римляне, и Арабы, и Славяне, и Нѣмцы, и Албанцы, и Испанцы, и Французы: изъ смѣси всѣхъ этихъ многоразличныхъ народностей образовались Сициліянцы, языкъ, нравы и обычаи коихъ сохранили много чуждаго Италіянцамъ.

Недавно совершившійся фактъ политическаго объединенія Италіи не могъ мгновенно изгладить областныя особенности, заглушить вѣковую зависть и соперничество отдѣльныхъ областей, составлявшихъ до послѣдняго времени особыя государства, и старые распри и раздоры замѣнить общимъ согласіемъ. Пройдутъ еще десятки лѣтъ пока Италія объединится нравственно. Тѣмъ не менѣе, политическое объединеніе уже принесло свои плоды и наиболѣе поражающія особенности между сѣверомъ и югомъ незамѣтно изглаживаются: нѣкоторыя нравственныя язвы уже залѣчиваются, благодаря мѣрамъ принятымъ правительствомъ. Неаполитанскіе лаззарони, безъ которыхъ была немыслима столица южной Италіи,—исчезли; усердно искореняются разбойники, гнѣздившіеся въ горахъ Калабріи и Абруццъ, и находившіе убѣжище и покровительство въ папско-бурбонскомъ Римѣ; но еще сильна *каморра*, и нужны большія усилія и много доброй воли дабы поднять сильно упавшую нравственность, преимущественно въ областяхъ южныхъ.

Сознаніе національнаго и государственнаго объединенія еще не проникло въ массу италіянскаго народа: Неаполитанецъ, Римлянинъ, Тосканецъ, Венеціанецъ и т. д. не свыкся еще съ мыслію что онъ составляетъ звѣно въ италіянской народности; особенности лингвистическія, различіе нравовъ и обычаевъ, и историческія преданія продолжаютъ раздѣлять этихъ разрозненныхъ вѣками членовъ одной семьи; Италіянецъ по преимуществу, Италіянецъ въ полномъ смыслѣ этого слова—уроженецъ бывшаго Сардинскаго королевства, этой колыбели италіянскаго объединенія, и во всѣхъ областяхъ Италіи для обозначенія новой эпохи употребляютъ одинаковое выраженіе: *съ тѣхъ поръ какъ пришли сюда Италіянцы* (dacchè son venuti què gli Italieni). Областная рознь, областная зависть, областное соперничество одинаково выражаются и въ на-

родныхъ поговоркахъ, и въ періодической печати, и въ рѣчахъ членовъ парламента. Каждая область имѣетъ свое прозвище, характеризующее ея нравственную особенность; каждая хвалится *своимъ* и поноситъ *чужое*; областныя газеты заняты только мѣстными интересами; даже представители народа въ парламентѣ безпрестанно забываютъ свое призваніе быть объединителями Италіи и хлопочутъ о мѣстныхъ выгодахъ, принося въ жертву имъ высшіе государственные интересы. Различныя области Италіи, благодаря особо-благопріятнымъ обстоятельствамъ сплоченныя въ одно государство, ведутъ между собою открытую войну, подкапываясь одна подъ другую.

Полному объединенію Италіи препятствуетъ существованіе множества партій, изъ которыхъ каждая старается захватить власть въ свои руки: монархисты, демократы, республиканцы, автономисты, клерикалы раздираютъ безжалостно Италію и тормозятъ всякій ея шагъ впередъ, и къ открытой областной борьбѣ присоединяется тайная борьба партій. Мудрено правительству угодить всѣмъ и каждому, и оно принуждено постоянно лавировать: отсюда его нерѣшительность въ самыхъ существенныхъ вопросахъ.

Успѣхамъ Италіи препятствуетъ также порожденный революціями и нигдѣ не существующій особый классъ народонаселенія, называемый *мучениками* (martiri). Это люди принимавшіе большею частію весьма сомнительное участіе въ италіянскихъ революціяхъ и считающіе обязанностію правительства - исправителя (governo-reparotore) вознаградить ихъ за услуги будто бы оказанныя ими; это люди не имѣющіе по большей части ни политическихъ, ни религіозныхъ убѣжденій, лишенные самыхъ необходимыхъ нравственныхъ качествъ,— люди принимавшіе участіе въ революціи изъ самыхъ эгоистическихъ побужденій въ надеждѣ выиграть при перемѣнѣ правительства и изъ *ничего* сдѣлаться *чѣмъ-нибудь*. Легіоны италіянскихъ мучениковъ ежедневно, ежечасно осаждаютъ правительство своими просьбами, своими требованіями вознагражденій, и оно не считаетъ себя достаточно сильнымъ отказывать имъ, или по крайности обсуждать ихъ заслуги: этимъ революціоннымъ промышленникамъ оно щедро раздаетъ ордена и самыя выгодныя и спокойныя мѣста въ управленіи.

Разкажу біографію одного изъ тысячи италіянскихъ мучениковъ.

Въ одномъ изъ самыхъ большихъ италіянскихъ городовъ жилъ въ сороковыхъ годахъ бѣдный католическій священникъ, любившій, несмотря на недостатокъ средствъ, повеселиться. При невоздержномъ образѣ жизни, онъ неизбѣжно долженъ былъ надѣлать долговъ. Его кредитъ постоянно падалъ, и часто ему приходилось просить милостыню у прихожанъ и знакомыхъ. Онъ тяготился такою жизнью и искалъ исхода. Вспыхнула революція 1848 года, и онъ ухватился за нее, какъ за якорь спасенія. Онъ началъ съ того что скинулъ священническія одежды, одѣлся по-свѣтски и женился. За этимъ первымъ подвигомъ не замедлилъ послѣдовать другой: онъ добился мѣста полиціймейстера, и исправлялъ эту должность съ большимъ искусствомъ. Въ безпрестанныхъ домовыхъ обыскахъ онъ не щадилъ даже друзей своихъ: такимъ образомъ въ его руки попало множество компрометтирующихъ писемъ. Какъ человѣкъ предусмотрительный, не всѣмъ онъ далъ огласку, а многія приберегъ на черный день. И этотъ черный день вскорѣ наступилъ: революція не удалась, прежнее правительство было возстановлено. Нашъ герой не успѣлъ или не могъ спастись бѣгствомъ въ гостепріимной Савойѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ пробылъ около двѣнадцати лѣтъ.

Получивъ свободу при занятіи города гарибальдійцами, онъ сталъ искать вознагражденія за свое мученичество. Многіе изъ его друзей и знакомыхъ, переписка коихъ, захваченная имъ въ 1848 году ясно доказывала что они были усердными слугами павшаго правительства и врагами италіянской революціи,—успѣли уже пристроиться въ новомъ королевствѣ, гдѣ заняли болѣе или менѣе почетныя и выгодныя мѣста (были между ними даже министры), и N. N. не задумался употребить ихъ письма какъ орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Отъ этихъ друзей и знакомыхъ онъ потребовалъ немедленнаго и достойнаго вознагражденія за услуги оказанныя имъ будто бы революціи, грозя въ противномъ случаѣ предать гласности ихъ политическую переписку,—и получилъ спокойное, выгодное и почетное мѣсто на родинѣ и былъ осыпанъ орденами. Казалось бы, чувство благодарности должно было заставить его уничтожить ненавистную переписку, чрезъ которую онъ достигъ желаемой цѣли; но онъ этого не сдѣлалъ и приберегъ ее на всякой случай. Занятое имъ мѣсто требовало спеціальныхъ познаній, усидчивости и

честности: первыхъ онъ не имѣлъ, къ усидчивой жизни былъ неспособенъ, дѣлами не занимался и жилъ не по средствамъ. Вскорѣ открылся неизсякаемый источникъ изъ коего онъ черпалъ средства для привольной жизни, и министерство, уступая общественному мнѣнію, думало было удалить его отъ службы. Но на сцену опять появилась знаменитая переписка, и N. N. не только удержался на своемъ мѣстѣ, но даже былъ командированъ на Суэцъ. И доселѣ онъ продолжаетъ спокойно занимать свое мѣсто, получая поощренія и командировки.

Такимъ образомъ, политическое мученичество въ Италіи есть ремесло весьма выгодное. Можно почти сказать что въ Италіи господствуютъ такіе промышленники, и этимъ обстоятельствомъ объясняется поражающій недостатокъ *честныхъ* людей въ столькихъ италіянскихъ министерствахъ, столько разъ перетасованныхъ. Люди дѣйствительно честные, съ убѣжденіями и съ характеромъ, держатся мучениками вдали отъ дѣлъ и часто даже преслѣдуются. Перечтите имена лицъ составлявшихъ италіянское министерство въ различныя времена, и вы будете поражены этою безпрестанною перетасовкой однѣхъ и тѣхъ же картъ: между ними вы найдете имена лицъ бывшихъ по два, по три раза министрами, падавшихъ предъ требованіями общественнаго мнѣнія и потомъ снова возвышавшихся на прежній постъ, съ котораго были свергнуты съ позоромъ. Между ними есть люди которые занимали различныя министерства: такихъ энциклопедистовъ едва ли можетъ представить иное государство. Иногда, правда, случалось что на министерское кресло садилось и лицо честное и знающее; но оно должно было или совершенно подчиниться волѣ министровъ-мучениковъ или же сознать свое безсиліе и добровольно удалиться отъ дѣлъ. Появленіе такихъ лицъ бывало случайно и служило только къ временному удовлетворенію требованіямъ общественнаго мнѣнія. При такомъ порядкѣ вещей неудивительно что дѣла Италіи идутъ дурно и что ей грозитъ банкротство: всѣ источники государственныхъ доходовъ истощены, подати и налоги безпрестанно увеличиваются, и италіянскимъ финансистамъ остаются однѣ надежды на будущія непредвидимыя блага, каково напримѣръ въ настоящее время занятіе Рима; но можно по опыту предсказать, что и римскіе милліоны не спасутъ Италію отъ банкротства, какъ не спасли ее неаполитанскіе, неизвѣстно куда

исчезнувшіе. Спасти Италію и поднять ея кредитъ можетъ только удаленіе навсегда отъ дѣлъ такихъ людей которые были уличены въ казнокрадствѣ, и возвышеніе на ихъ мѣсто людей честныхъ и спеціально подготовленныхъ.

Каково министерство, таковъ и парламентъ. Свобода выборовъ, гарантированная статутомъ, парализуется интригами партій: каждая изъ нихъ имѣетъ своихъ явныхъ и тайныхъ агентовъ, чрезъ посредство коихъ вліяетъ на общественное мнѣніе; продажныя газеты служатъ той изъ нихъ которая сильнѣе и болѣе другихъ; министерство также не остается безъ дѣла. Вслѣдствіе такихъ интригъ, члены парламента (за весьма малымъ исключеніемъ, не имѣющимъ по этому рѣшительнаго вліянія на дѣла) суть представители не народа, а отдѣльныхъ партій и преимущественно партіи господствующей. Либеральная конституція Италіи остается мертвою буквой. Невольно вспомнишь изреченіе стараго нашего поэта:

Законы святы, да исполнители лихіе супостаты.

Благодаря этимъ „исполнителямъ законовъ“ господствуетъ въ Италіи сильное неудовольствіе на правительство. Всѣ „сто городовъ Италіи“ (cento citta Italiane, какъ безпрестанно повторяетъ періодическая печать), всѣ ея тысячи деревень, всѣ классы народонаселенія ропщутъ, жалуются, чуть не сожалѣютъ о прошломъ, когда они не составляли еще единаго Италіянскаго королевства. Повсюду слышишь одну и ту же пѣсню: прежде было больше денегъ, промышленность и торговля были оживленнѣе, не было столькихъ пошлинъ и налоговъ, было болѣе правосудія и т. д., и т. д. Примѣненіе налога извѣстнаго подъ именемъ ricchezza mobile (движимое богатство) поражаетъ своею нелѣпостію: его обязаны уплачивать чиновники изъ жалованья получаемаго ими отъ правительства, семейства отдающія двѣ-три меблированныя комнаты въ наемъ (и такса часто превышаетъ ихъ доходы) и даже земледѣльцы не имѣющіе ни кола, ни двора. „Мы едва съ голоду не умираемъ,“ говорили мнѣ молизскіе Славяне, „а правительство требуетъ съ насъ налога „движимаго богатства!“ И несчастные поселяне приняли меня и моего товарища за королевскихъ коммиссаровъ, пріѣхавшихъ въ ихъ глухую деревню съ тѣмъ чтобъ убѣдившись въ ихъ нищетѣ освободить ихъ отъ тяжести налоговъ.

Неудовольствіе на правительство поддерживается и возбуж-

дается періодическою печатью. Италіянская печать не выражаетъ, впрочемъ, общественнаго мнѣнія: независимыхъ газетъ не существуетъ; каждая изъ нихъ служитъ органомъ какой-либо партіи, а такъ какъ партіи находятся между собой въ постоянной враждѣ, то газеты обыкновенно наполнены полемическими статьями. Каждая газета защищаетъ, во что̀ бы то ни стало, программу и дѣйствія своей партіи и считаетъ всякое оружіе позволительнымъ дабы очернить и унизить партію противную: онѣ не довольствуются общественною дѣятельностію своихъ противниковъ, но проникаютъ въ ихъ семейную жизнь, врываются въ ихъ дома, подслушиваютъ, подсматриваютъ, и лишь только удастся имъ наткнуться на какой-либо скандалъ, тотчасъ передаютъ его печати и оглашаютъ по всей Италіи, разукрасивъ, какъ подобаетъ, и выставивъ имя жертвы со всѣми ея титулами. Часто эти газетныя сплетни оказываются клеветой и авторы ихъ подвергаются судебному преслѣдованію: отсюда безпрестанныя процессы по злоупотребленіямъ печатнымъ словомъ. Однѣ только министерскія газеты, *L'Italie* и *L'Opinione*, держатся въ границахъ приличія; за ними по умѣренности слѣдуютъ органы партіи прогрессистовъ, *La Riforma* и *Il Diritto*. Тонъ и содержаніе почти всѣхъ остальныхъ газетъ поражаютъ неприличіемъ и пустотой. Первое мѣсто между этими послѣдними занимаютъ газеты республиканскія, каковы напримѣръ *La gazzetta Rosa* въ Миланѣ, *Sior Tonin bonagrazia* и *Il Rinnovamento* (при прежней редакціи г. Пизани) въ Венеціи, *Il Mercimento* въ Генуѣ, *La Lanterna* (позже *La Lucerna*) въ Неаполѣ и т. д. По принципу враги монархическаго правленія, эти газеты поставили себѣ за правило чернить нынѣшній порядокъ вещей, издѣваться надъ королемъ, частная жизнь котораго доставляетъ имъ не мало матеріаловъ, и проповѣдывать крестовый походъ во имя всеобщей республики. Читая воззванія и программы республиканскихъ газетъ, я удивлялся ихъ дерзости, наглости и неприличію. Непривычному читателю *Розовой Газеты* можетъ показаться что онъ живетъ наканунѣ революціи, что во всей Италіи уже подготовлено поголовное возстаніе и что ждутъ только одного слова, одного движенія Мадзини и Гарибальди. Ничего не бывало. Можно бы, пожалуй, простить эту республиканскую болтовню, еслибъ она была чистосердечна; но дѣло въ томъ что отвѣтственные редакторы этихъ газетъ не имѣютъ никакихъ убѣжденій, что они пишутъ по заказу и что завтра же они го-

товы перемѣнить тонъ и содержаніе статей, если имъ перестанутъ платить субсидіи или противная партія подкупитъ ихъ и приметъ на свое содержаніе (какъ это случалось). Эти отвѣтственные редакторы, эти грязные газетные писаки служатъ ширмами за которыми скрываются настоящія республиканцы, не всегда, впрочемъ, люди честные, считающіе болѣе удобнымъ чужими руками жаръ загребать. Духъ спекуляціи, обуявшій всю Италію, сдѣлалъ журналистовъ ремесленниками, думающими только объ одномъ, какъ бы побольше и поскорѣе нажиться.

Дабы мой судъ объ италіянской печати не показался слишкомъ строгимъ, перевожу стихотвореніе написанное на венеціянскомъ нарѣчіи въ карнавалъ 1868 года. Имѣя въ виду преимущественно венеціянскія газеты, оно даетъ понятіе и обо всѣхъ италіянскихъ. Вотъ оно:

Венеціянскія газеты, шутка для пробужденія народа.

„Въ вѣкъ газетъ всякій пишетъ, всякій докторъ—красный, черный, сѣрый и всякихъ цвѣтовъ.

„Этому благословенному прогрессу придаютъ большую важность, а по мнѣ, скажу открыто правду, онъ потерялъ кредитъ.

„Газеты были бы хороши, еслибы были писаны съ умѣренностію; но между журналистами есть люди столь презрѣнные что попираютъ даже самую честь.

„Въ Венеціи, напримѣръ, такихъ два экземпляра, сказать—безбожныхъ, не будетъ преувеличено:

„*Sior Tonin* (господинъ Антоній) своими шутками безжалостно терзаетъ и того, и другаго, и третьяго.

„Выраженіями скандалёзными, безчестными, оскорбляя даже невинныхъ дѣвушекъ.

„Нравственность для него не существуетъ; онъ не скажетъ слова добраго: порицаетъ и дурное, и прекрасное; позоритъ даже женщинъ.

„Да иначе и быть не можетъ: его совѣтникъ—пресловутое *Rinovamento* (возрожденіе).

„Почти всѣ Венеціянцы влюблены въ эту газету, обзывающую ихъ собаками—всегда, даже въ карнавалъ.

„Но кто же этотъ *Пизани*, этотъ знаменитый шарлатанъ, обратившій вотъ уже два года Венецію въ собакъ?

„Онъ терзаетъ муниципіи, полицію, префекта, министровъ, купцовъ, однимъ словомъ, все образованное общество.

„Нѣтъ сомнѣнія, иногда онъ правъ; но въ большей части случаевъ заслуживаетъ палки.

„Онъ хлопочетъ о Венеціи, о торговлѣ, о трудѣ, а потомъ? Послушайте что̀ помрачаетъ его чело.

„Нищета господствуетъ повсюду, даже во Франціи, которую нельзя назвать страной жалкою.

„Но гдѣ видано чтобы съ хвастовствомъ выставляли на показъ свои заплаты, чтобы на весь міръ кричали о своихъ язвахъ?

„Венеціянцы ни у кого не просятъ милостыни: между ними есть ремесленники и здоровыя руки.

„А онъ повсюду трубитъ: здѣсь только пьяницы, бездѣльники, праздношатающіеся, болтуны.

„Женщины занимаются только ремесломъ разврата, гондольеры—воры и разбойники.

„Что̀ долженъ подумать о насъ иностранецъ? Скажу безъ преувеличенія: о, газеты-сплетницы!

„Послушайте его, и вы подумаете что онъ одинъ создалъ Италію, а я знаю и утѣшаюсь что онъ почти ренегатъ.

„Онъ желалъ бы наконецъ уничтожить національную гвардію для своего спокойствія.

„Кавалеръ ордена тѣхъ двухъ святыхъ (Маврикія и Лазаря), который дается шутамъ, онъ предписываетъ законы всѣмъ: о! что̀ за перлъ, о! что̀ за камень драгоцѣнный!!“

Не перевожу строфъ, заключающихъ воззваніе къ италіянскому народу: онѣ не представляютъ для насъ интереса.

Но пора кончить. Всего не испишешь что̀ подсмотрѣлъ и подслушалъ въ Италіи въ два съ половиною года. Цѣль моя будетъ достигнута, если читатель, пробѣжавъ эти замѣтки, спѣшно набросанныя, убѣдится что *Италія не такъ хороша, какъ ее рисуютъ.*

ВИКЕНТІЙ МАКУШЕВЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I.

Недавно вышли первые два тома біографіи покойнаго лорда Пальмерстона *), написанной англійскимъ дипломатомъ сэромъ-Генри Бульверомъ. Вышедшія до сихъ поръ части обнимаютъ домашнюю и политическую жизнь лорда Пальмерстона до 1841 года. Авторъ пользовался обширными и немногимъ доступными матеріалами, въ томъ числѣ автобіографическимъ очеркомъ знаменитаго государственнаго человѣка, который довелъ его до 1830 года, дневниками его, писанными въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и множествомъ писемъ къ близкимъ родственникамъ и друзьямъ, гдѣ Пальмерстонъ откровенно излагалъ свои взгляды на частныя и общественныя дѣла. Съ помощью этихъ многочисленныхъ данныхъ, сэръ-Генри Бульверъ съ замѣчательною полнотой изобразилъ личность и дѣятельность знаменитаго министра, достигшаго въ продолженіе своей долгой жизни высшей степени популярности и власти какая только возможна въ Англіи. Вотъ какъ біографъ характеризуетъ историческое лицо которому онъ посвятилъ свой трудъ:

„Я предпринялъ написать біографію великаго государственнаго человѣка, подъ начальствомъ котораго я долго служилъ и къ которому я питалъ искреннюю и почтительную привя-

*) *Life of Henry John Temple, Third Viscount Palmerston, with Extracts from his Journals and Correspondence.* By the right honourable Sir Henry Lytton Bulwer. Vols I and II, London 1870.

занность. Я постараюсь выполнить эту благодарную задачу просто и безпристрастно, будучи убѣжденъ что чѣмъ проще и безпристрастнѣе я выставлю характеръ человѣка необыкновенно даровитаго и достойнаго, тѣмъ болѣе я могу надѣяться обезпечить ему удивленіе и любовь соотечественниковъ. Самое выдающееся преимущество замѣчательнаго мужа котораго я намѣреваюсь изобразить состояло въ натурѣ счастливо отзывавшейся на вкусы, чувствованія и привычки различныхъ классовъ и родовъ людей. Отсюда его чуткая симпатія, благодаря которой не только дѣйствія его гармонировали съ пониманіемъ и чувствомъ общества, но и жизнь представлялась ему въ многоразличныхъ видахъ, расширяя его кругозоръ и смягчая его впечатлѣнія, и удержала его отъ мелочныхъ тонкостей и причудливыхъ странностей, легко порождаемыхъ жизнью въ уединеніи или въ замкнутомъ кружкѣ.

„Въ прогрессѣ своего времени онъ шелъ позади рьяныхъ, но впереди медлителей. Привычный къ обширному кругу наблюденій надъ современными событіями, онъ почерпнулъ изъ исторіи заключеніе что всякая эпоха имѣетъ свои увлеченія, и что спокойное сужденіе и просвѣщенная политика должны ясно сознавать, но не раздѣлять ихъ преждевременно и безразсудно. Онъ не питалъ вѣры въ безусловную мудрость, которую нѣкоторые видятъ въ прошедшемъ, а другіе ждутъ отъ будущаго; но онъ предпочиталъ надежды грядущаго поколѣнія отчаянію поколѣнія исчезавшаго. Такимъ образомъ въ его долгомъ поприщѣ не было ничего насильственнаго или внезапнаго, никакого колебанія впередъ и назадъ, или назадъ и впередъ. Дѣятельность его подвигалась въ одинаковомъ направленіи медленно, но непрерывно отъ начала до конца, подъ дѣйствіемъ двигательной силы, сложившейся изъ совокупности различныхъ вліяній, взаимно измѣнявшихъ одно другое и въ общемъ итогѣ не представлявшихъ рѣшительнаго мнѣнія какой-нибудь отдѣльной партіи или сословія, но приближавшихся къ общему мнѣнію англійской націи вообще. Въ то особенное, индивидуальное положеніе, котораго онъ такимъ образомъ мало-по-малу достигъ, онъ внесъ серіозный патріотизмъ, вѣрное пониманіе вещей, многія знанія, которыми онъ былъ обязанъ своему трудолюбію и основательности своего ранняго воспитанія, и замѣчательный талантъ схватывать и обозрѣвать подробности. Въ этомъ заключалось его особенное достоинство какъ дѣловаго человѣка; въ этомъ онъ выказалъ превосходство мастера. По этому онъ ни на одной государственной должности не былъ ниже своей задачи; а между тѣмъ еще замѣчательнѣе то что ни одной изъ нихъ онъ не добивался преждевременно. Будучи честолюбивъ, онъ былъ свободенъ отъ тщеславія; и при рѣдкомъ отсутствіи усилія или притязаній онъ очутился наконецъ на вершинѣ той лѣстницы по которой онъ долго восходилъ, не силясь обращать на себя вниманіе.“

Книга сэра-Бульвера богата извлеченіями изъ дневника лорда Пальмерстона, чрезвычайно интереснаго тѣмъ что онъ намъ раскрываетъ мысли и воззрѣнія знаменитаго дипломата съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Дневникъ, или по крайней мѣрѣ отрывки приводимые сэромъ-Бульверомъ, имѣютъ содержаніемъ не случаи частной жизни, а политическія событія, которыя съ юности привлекали вниманіе будущаго виртуоза политики. Выборы, составъ министерствъ въ Англіи, а также событія дипломатическія и военныя на материкѣ, служатъ для Пальмерстона предметомъ сужденій, въ которыхъ рано обнаруживается его проницательный умъ и вѣрный политическій тактъ. Мы позволимъ себѣ въ видѣ примѣра привести его замѣчанія о прусской кампаніи 1806 года, которыя теперь, спустя слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, получаютъ особенный интересъ въ виду сходства между тогдашнею судьбой Пруссіи и теперешнею судьбой Франціи.

„*30го декабря 1806 года.* Рядъ событій, не менѣе быстрыхъ и необычайныхъ нежели происшедшія въ концѣ прошлаго года, обозначилъ конецъ нынѣшняго. Въ 1805 году, Европа съ удивленіемъ созерцала старую могущественную державу, Австрію, которая въ три мѣсяца была повергнута во прахъ. Сраженіе при Ульмѣ, послѣдовавшія за нимъ сдачи австрійскихъ войскъ и сраженіе при Аустерлицѣ, довели императора до унизительныхъ условій Пресбургскаго мира. Въ нынѣшнемъ же году *одна* битва уничтожила прежнюю соперницу Австріи.... Послѣ нѣсколькихъ частныхъ стычекъ, въ одной изъ которыхъ былъ убитъ принцъ Лудвигъ прусскій, защищая переходъ черезъ мостъ, генеральное и рѣшительное сраженіе произошло 14го октября между Іеной и Ауэрштедтомъ, и окончилось совершеннымъ пораженіемъ и уничтоженіемъ прусской арміи. Силы на обѣихъ сторонахъ были почти равныя, простираясь до 120.000 человѣкъ. Обѣ арміи были въ теченіи нѣсколькихъ дней вблизи другъ друга; но Прусаки были до того лишены свѣдѣній, что они только за день или за два предъ дѣломъ узнали гдѣ находились Французы. Говорятъ, причиной этого былъ преобладавшій въ арміи духъ дезертированія, который сдѣлалъ совершенно тщетною разсылку патрулей, такъ какъ обыкновенно они, вмѣсто того чтобы возвратиться съ извѣстіями, переходили къ непріятелю. Два дня предъ сраженіемъ, 10.000 Французовъ проникли между центромъ и лѣвымъ крыломъ Прусаковъ, пробрались въ тылу ихъ до Наумбурга и сожгли ихъ магазины. Двѣ арміи въ это время стояли въ слѣдующихъ позиціяхъ: Французы въ Мюльгаузенѣ, Эйзенахѣ и Готѣ; Прусаки въ Эрфуртѣ, Іенѣ и Цейстѣ. Увидавъ что часть войскъ непріятеля прошла къ нимъ въ тылъ, и что главныя его силы предприняли демонстрацію,

какъ бы намѣреваясь обогнуть ихъ лѣвый флангъ, Прусаки отступили этимъ флангомъ назадъ. Тѣмъ временемъ Французы напали на нихъ, и началось дѣло, продолжавшееся съ восьми часовъ утра до трехъ пополудни, когда побѣда обозначилась въ пользу Французовъ. Потеря Прусаковъ убитыми, ранеными и плѣнными простиралась до пятидесяти тысячъ человѣкъ, и остальная армія была окончательно разсѣяна. Г. Россъ * говоритъ что бѣгство Прусаковъ превосходило всякое вѣроятіе. Спасавшіяся войска разсѣялись по всѣмъ направленіямъ. Отряды безъ своихъ офицеровъ и офицеры безъ своихъ отрядовъ, кавалерія и пѣхота, пушки и фургоны, все это смѣшалось въ одинъ общій хаосъ. Собрать ихъ вновь и привести въ порядокъ было невозможно, и единственный предѣлъ ихъ избіенію и забиранію въ плѣнъ заключался въ невозможности для Французовъ преслѣдовать ихъ. Король бѣжалъ въ Берлинъ, а оттуда тотчасъ же въ Кюстринъ. Послѣ такого знаменательнаго пораженія какъ Іенское, *естественно сдѣлать попытку искать причинъ въ предательствѣ или неспособности замѣшанныхъ офицеровъ, и часто случается что такимъ образомъ бываютъ весьма несправедливы къ людямъ вся вина которыхъ состоитъ въ неимѣніи успѣха.* Въ настоящемъ же случаѣ не можетъ быть сомнѣнія что неудача Прусаковъ можетъ отчасти быть приписана вышеупомянутымъ причинамъ. Сколько бы мы ни ожидали отъ превосходства французскихъ начальниковъ и ихъ искусства, все же, еслибы Прусаки исполнили долгъ свой, катастрофа не могла бы быть такою окончательною. Но извѣстно что долга своего они не исполнили. Вопервыхъ, два министра, Гаугвицъ и Ломбардъ, были измѣнники. Ломбардъ Французъ родомъ, человѣкъ очень низкаго происхожденія, рекомендованный королю Гаугвицомъ; онъ былъ признанный шпіонъ стараго французскаго правительства. Еслибы была надобность въ какомъ-нибудь обстоятельномъ доказательствѣ измѣны Гаугвица, то для приговора надъ нимъ было бы достаточно слѣдующаго разказа о немъ графа Воронцова, бывшаго здѣсь русскимъ посланникомъ: Когда Русскій императоръ увидалъ въ Берлинскомъ кабинетѣ расположеніе къ разрыву съ Франціей, онъ возобновилъ свое прошлогоднее предложеніе заключить союзъ и предоставить 150.000 человѣкъ въ распоряженіе Пруссіи, требуя единственно чтобы генералъ Цастровъ, на котораго онъ могъ полагаться, былъ посланъ въ Петербургъ дабы устроить движеніе войскъ и пр. Въ продолженіе трехъ недѣль Гаугвицъ не посылалъ отвѣта на эти предложенія, а наконецъ отправилъ не Цастрова, — привели въ отговорку что король не могъ безъ него обойтись — а какого-то полковника, свою креатуру. Этотъ уполномоченный по прибытіи своемъ объяснилъ что 150.000 человѣкъ слишкомъ много; что для такого большаго войска у нихъ не было достаточныхъ магазиновъ и

* Англійскій дипломатъ, бывшій въ это время въ Пруссіи.

запасовъ; и что если императору угодно будетъ послать имъ 50.000 человѣкъ, то они ихъ съ радостью примутъ. Русскіе, впрочемъ, къ тому времени уже отправились въ путь, и послѣдовавшія затѣмъ событія показали что еслибъ императоръ обождалъ отвѣтъ Гаугвица или согласился на его просьбы, единственный шансъ спасенія Пруссіи былъ бы утраченъ.

„Говорятъ что нѣкоторые изъ прусскихъ генераловъ, и въ томъ числѣ Моллендорфъ и Гогенлоэ, сильно настаивали на томъ что выгодно было напасть на Французовъ какъ можно раньше послѣ 8го числа (дня назначеннаго королемъ какъ крайній срокъ до котораго онъ хотѣлъ ждать отвѣта на свой запросъ). Герцогъ (Брауншвейгскій) былъ человѣкъ у котораго личное мужество доходило до неосторожности, но не доставало той твердости характера которая такъ необходима главнокомандующему. Никто съ бо́льшимъ искусствомъ и храбростью не умѣлъ исполнять чужихъ приказаній, но, поставленный во главѣ арміи отъ которой зависѣла судьба королевства, онъ пугался отвѣтственности, связанной съ его положеніемъ, а въ сомнѣніяхъ и проволочкахъ потерялъ минуты, которыя должно было бы посвятить мощнымъ усиліямъ. Еслибы Прусаки раньше напали на Французовъ, пока они еще не собрали всѣхъ своихъ силъ, исходъ быть-можетъ былъ бы совсѣмъ не тотъ; и во всякомъ случаѣ, еслибы даже они были разбиты, армія ихъ не была бы такимъ образомъ изрѣзана въ куски. Этимъ разъединеніемъ они допустили Французовъ завладѣть небольшимъ возвышеніемъ, командовавшимъ полемъ сраженія; на этомъ возвышеніи Французы поставили сто-двадцать орудій, огонь которыхъ скашивалъ цѣлые ряды Прусаковъ и въ значительной мѣрѣ рѣшилъ участь дня. Въ первое время они бы могли овладѣть этимъ пунктомъ; но когда непріятель укрѣпился на немъ, онъ сдѣлался неприступенъ, и мы находимъ въ бюллетеняхъ что Пруссаки были отбиты въ нѣсколькихъ атакахъ, произведенныхъ на него. Но таково было предательство нѣкоторыхъ изъ начальниковъ и трусость большей части людей что въ какое бы время ни было дано сраженіе, исходъ его вѣроятно былъ бы одинъ и тотъ же. Адъютантъ герцога Брауншвейгскаго, поддержавшій его на рукахъ когда онъ палъ, сказалъ что какъ только начался огонь картечи, Прусаки бѣжали „comme des perdreaux“ (какъ куропатки). Вотъ доказательство того какъ безсильна парадная дисциплина образовать хорошихъ солдатъ, и что ни что кромѣ дѣйствительной службы не достигаетъ этой цѣли.

„Послѣ дѣла, прусская армія, будучи, какъ уже было замѣчено, окончательно разсѣяна, и имѣя непріятеля между собой и Одеромъ, нигдѣ не могла противостать ему сообща. Кое-какіе отряды попали въ Магдебургъ; самая бо́льшая часть, ушедшая въ одной кучѣ, состояла изъ двадцати-тридцати тысячъ подъ начальствомъ князя Гогенлоэ и генерала Блюхера. Убѣдившись въ невозможности достигнуть Одера прямымъ путемъ, Гогенлоэ попытался попасть въ Штеттинъ обходомъ.

Необыкновенными усиліями онъ успѣлъ достигнуть Пренцхова, въ семи нѣмецкихъ миляхъ отъ Штеттина, гдѣ его нагнали Французы. Такъ какъ войска его изнемогали отъ усталости и были вовсе лишены провіанта, онъ принужденъ былъ сдаться съ главными силами своего корпуса, составлявшими слишкомъ шестнадцать тысячъ человѣкъ. Остальные, подъ начальствомъ Блюхера, находились въ Лихенѣ, позади его; и услышавъ о его плѣнѣ, Блюхеръ, уже не надѣясь уйти, рѣшился служить своему отечеству насколько было въ его средствахъ, и увидѣлъ что единственная вещь оставшаяся въ его власти была оттянуть часть французскихъ войскъ отъ преслѣдованія бѣжавшихъ Прусаковъ. Согласно съ этимъ онъ началъ отступать къ сѣверо-западу и отбившись съ величайшимъ искусствомъ и мужествомъ отъ трехъ французскихъ дивизій, изъ которыхъ каждая была сильнѣе его отряда, онъ достигъ Любека. Здѣсь онъ хотѣлъ остановиться; но городъ уже былъ взятъ, вслѣдствіе измѣны офицеровъ командовавшихъ воротами. Блюхеру оставалось только или нарушить нейтралитетъ датской территоріи, или выдержать атаку силъ значительно превышавшихъ его собственныя. Перваго онъ не рѣшился сдѣлать, по причинамъ которыя очевидны; и такъ какъ число его людей было уменьшено разными дѣлами, въ которыхъ они принуждены были сражаться, и они были утомлены непрестанною трехнедѣльною форсированною маршировкой, въ продолженіе которой не ѣли куска хлѣба, такъ что они почти умирали съ голода, Блюхеръ долженъ былъ сдаться. У него оставалось 9.000 человѣкъ; за нимъ осталась слава что онъ отвлекъ три французскія дивизіи отъ бранденбургской Мархіи къ Балтійскому морю. Еслибы всѣ Прусаки вели себя какъ Блюхеръ, Бонапартъ нашелъ бы что дорога въ Берлинъ не такъ легка какъ онъ ожидалъ. За разгромомъ при Іенѣ вскорѣ послѣдовала сдача Магдебурга, Штеттина, Кюстрина и Гросъ-Глогау. Скорая капитуляція этихъ крѣпостей составляетъ новое доказательство что гдѣ-нибудь была измѣна. Если, какъ приводили въ свое оправданіе командовавшіе ими офицеры, въ нихъ не было съѣстныхъ припасовъ и другихъ принадлежностей для выдержки осады, слѣдовало повѣсить Гаутвица за то что онъ не принялъ мѣръ во время; если же это неправда, и онѣ могли выдержать осаду, слѣдовало разстрѣлять сдавшихся офицеровъ за ихъ трусость. Магдебургъ очень сильная крѣпость, а Кюстринъ почти неприступная, будучи окруженъ съ двухъ сторонъ Одеромъ и Вартой, а съ остальныхъ глубокими болотами. Такъ какъ ничто не могло противостать движенію Бонапарта впередъ, то онъ прошелъ въ Берлинъ, а оттуда въ Варшаву....“

II.

Исторія человѣческихъ вѣрованій и заблужденій обогатилась интереснымъ сочиненіемъ вѣнскаго богослова Густава Роскоффа *Исторія дьявола* (*Geschichte des Teufels*, два тома, изд. Брокгауса въ Лейпцигѣ). Авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить исторически всѣ проявленія вѣры въ олицетворенный принципъ зла, начиная съ первобытныхъ ступеней культуры и кончая нашимъ временемъ. У народовъ первобытныхъ, какъ напримѣръ у Бушменовъ въ южной Африкѣ, у Indios da motto въ южноамериканскихъ лѣсахъ, у коренныхъ жителей Огненной Земли и Австраліи предметомъ поклоненія служатъ болѣе злыя нежели добрыя божества. Воображеніе грубаго дикаря прежде всего поражается тѣми явленіями природы которыя вселяютъ ему страхъ или грозятъ ему опасностью, и возводя ихъ въ отдѣльныя божества, онъ старается смягчить ихъ гнѣвъ жертвами и поклоненіями. У народовъ болѣе развитыхъ мы встрѣчаемъ идею дуализма, какъ основный принципъ религіи. Такой дуализмъ въ различныхъ формахъ видимъ почти у всѣхъ народовъ древняго Востока. Дуализму противоположна откровенная религія монотеизма, но и религія откровенія—какъ еврейская, такъ и христіанская, признаетъ существованіе духа зла, и это ученіе о духѣ зла, встрѣтившись во время распространенія христіанства съ преданіями и остатками язычества, породило новый дуализмъ. Проповѣдуя христіанскіе догматы язычникамъ, католическое духовенство среднихъ вѣковъ держалось правила не отрицать существованія миѳическихъ божествъ, но низводить ихъ въ злые духи. Такую участь въ первомъ періодѣ христіанства испытали боги Грековъ и Римлянъ; въ послѣдствіи то же случилось съ богами Кельтовъ, Германцевъ, Славянъ и др. Благодаря этому методу,внѣшнія образныя черты языческихъ божествъ послужили для обрисованія, для индивидуализаціи дьявола, который такимъ образомъ сталъ плотью и кровью. Образъ его въ высшей степени занималъ воображеніе народа въ средніе вѣка; въ связи съ представленіемъ о немъ возникли безчисленныя суевѣрія, особенно поддерживаемыя католическими монастырями. Самое важное и самое извѣстное изъ нихъ — вѣра въ чародѣйство. Замѣчательно что въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ вѣра эта является въ гораздо болѣе мягкой

формѣ, нежели въ позднѣйшій. Карлъ Великій издалъ законъ въ силу котораго чародѣевъ и колдуновъ надлежало брать подъ стражу, *вразумлять и исправлять*, но не казнить смертью; и въ слѣдующія за великимъ императоромъ четыре столѣтія, сколько извѣстно, не было ни одного судебнаго обвиненія за чародѣйство; даже тѣ преслѣдованія которыя встрѣчаются въ XIII вѣкѣ касаются только чародѣйствъ учиненныхъ еретиками, и лишь къ концу среднихъ вѣковъ чародѣйство было оффиціально признано преступленіемъ независимо отъ ереси. Сущность его заключалась въ союзѣ съ лукавымъ и въ тѣсномъ сообщеніи съ нимъ. Такъ смотрѣла на него католическая церковь въ булѣ *Summis desiderantes* папы Иннокентія VIII, отъ 5го декабря 1484. Замѣчательно что булла эта указываетъ на *Германію* какъ на страну особенно виновную въ повсемѣстномъ распространеніи колдовства. И дѣйствительно съ этихъ поръ Германія становится центромъ процессовъ вѣдьмъ, которые въ слѣдующихъ двухъ столѣтіяхъ пріобрѣтаютъ размѣры почти невѣроятные. Въ Германіи же (въ Кельнѣ) вышла знаменитая книга, которая положила юридико-богословскій фундаментъ ученію о колдовствѣ, и авторами которой были два нѣмецкихъ богослова: Генрихъ Кремеръ и Яковъ Шпренгеръ. Книга эта называлась *Молотомъ вѣдьмъ* (Malleus maleficarum): она была одобрена богословскимъ факультетомъ Кельнскаго университета и снабжена привилегіей императора Максиміліана. Вдохновленные этою книгой, суды принялись за истребленіе вѣдьмъ со рвеніемъ отъ описанія котораго волосы становятся дыбомъ. Обвинялись въ сношеніяхъ съ дьяволомъ большею частью женщины, что опять составляетъ чисто-германскую черту и объясняется вѣрой древнихъ Германцевъ въ сверхъестественныя знанія которыми обладаютъ женщины. Въ первое время послѣ буллы *Summis desiderantes* преслѣдованіе вѣдьмъ еще не предпринималось въ тѣхъ размѣрахъ которыхъ оно достигло въ послѣдствіи. Во многихъ мѣстахъ мелкіе феодальные владѣльцы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, сопротивлялись введенію процессовъ; были также и проповѣдники съ высоты каѳедры оспаривавшіе существованіе вѣдьмъ и колдуновъ. Но въ XVI вѣкѣ эти процессы все болѣе и болѣе вошли въ обычай. Въ Лотарингіи отъ 1580 до 1595 года было сожжено 800 вѣдьмъ; въ городкѣ Оффенбургѣ (на Майнѣ)

отъ 1627 до 1630 года 60 вѣдьмъ; въ городѣ Фульдѣ судья Бальтазаръ Фоссъ хвастался что одинъ послалъ на костеръ 700 лицъ обоего пола и надѣялся добраться до тысячи. Лишь изолированные голоса протестовали противъ этихъ ужасовъ въ теченіи всего XVI и первой половины XVII столѣтія; „вѣра въ колдуньи“, говоритъ г. Роскоффъ, „сдѣлалась болѣзненнымъ помѣшательствомъ, она приняла форму психической эпидеміи, охватившей значительную часть современниковъ.“ Извѣстно что реформаторы раздѣляли вѣру въ чародѣйство и что именно Лютеръ былъ однимъ изъ ревностныхъ адептовъ этой вѣры. Лишь къ концу XVII вѣка успѣхи наукъ и охлажденіе религіознаго фанатизма вызываютъ въ вопросѣ о вѣдьмахъ обширную реакцію. Послѣднее сожженіе въ большихъ размѣрахъ мы на германской почвѣ видимъ въ Зальцбургѣ въ 1678 году: оно было устроено зальцбургскимъ епископомъ и стоило жизни 97 жертвамъ. Вскорѣ послѣ казни значительно уменьшаются, а въ 1691 выходитъ знаменитое сочиненіе Голландца Бальтазара Беккера *Die betoverde vareld* (*Заколдованный міръ*) которое распространеніемъ болѣе просвѣщеннаго взгляда на этотъ предметъ составляетъ эпоху въ исторіи суевѣрія. Послѣдняя вѣдьма, была сожжена въ Севильѣ въ 1781 году.

Г. Роскоффъ съ основательною ученостью изслѣдовалъ какъ исторію вѣдьмъ, такъ и вообще исторію воззрѣнія народовъ на принципъ зла и тѣхъ суевѣрій которыя произошли отъ различныхъ формъ этого воззрѣнія. Особенную заслугу его интересной книги составляетъ подробное изученіе средневѣковой монастырской словесности, въ которой авторъ почерпнулъ богатый матеріалъ для опредѣленія вліянія католической церкви на понятія и убѣжденія народовъ.

III.

Есть ли писатель на котораго сыпалось болѣе нападокъ, который бы возбудилъ болѣе озлобленія, нежели Вольтеръ? Онъ имѣлъ врагами людей самыхъ различныхъ мнѣній и направленій. При жизни его, это были большею частью люди стоявшие далеко ниже его уровня по уму и таланту. И при жизни, и послѣ смерти ему чаще всего доставалось за то вольнодумство, которое распространено, хотя далеко не по всѣмъ, но по многимъ изъ его сочиненій, и долгое время было окрещено

его собственнымъ именемъ, страшнымъ для многихъ имень „волтерьянства.“ Но не одни завистники, не одни ограниченные умы, не одни упорные консерваторы въ церкви и государствѣ были противниками фернейскаго мудреца. Настало время когда противъ него вооружились не только тѣ кто отъ него отстали, но и тѣ кто его перегнали. И, какъ водится въ такихъ случаяхъ, удары послѣднихъ дѣйствительно сокрушили его славу и величіе, тогда какъ покушенія первыхъ только упрочили пьедесталъ на которомъ онъ стоялъ. Бывши идоломъ своего времени, славный французскій писатель претерпѣлъ пренебреженіе слѣдующаго времени, когда его идеалы и стремленія показались узкими и устарѣлыми. Сравнительно съ другими знаменитостями, паденіе это для Волтера совершилось довольно быстро. Нѣтъ сомнѣнія что причина лежитъ въ немъ самомъ. Ничто такъ долго не сохраняетъ свѣжести какъ объективное художественное твореніе, и ничто такъ скоро не утрачиваетъ ее какъ тенденція. Вольтеръ же только условно и съ ограниченіями можетъ быть названъ художникомъ, и конечно никогда не былъ объективнымъ. Онъ былъ человѣкъ направленія, и въ талантѣ горячности, энергіи, постоянствѣ и ловкости съ какими десятилѣтіе за десятилѣтіемъ онъ выдерживалъ это направленіе, онъ черпалъ свою силу и свою славу. Культъ *здраваго смысла* нашелъ въ немъ самаго ревностнаго жреца. Вездѣ и во всемъ онъ стоялъ за *здравый смыслъ* противъ увлеченій темнаго чувства. Этимъ характеромъ былъ запечатлѣнъ вѣкъ Вольтера: торжество разсудка надъ воображеніемъ, надъ слѣпою вѣрой, надъ преданіями, надъ предразсудками составляетъ главное содержаніе того прогресса который приходится на долю XVIII столѣтія. Къ концу этого столѣтія совершился поворотъ. Все непосредственное, все стихійное и смутное въ душѣ человѣка, что̀ такъ долго осмѣивалось и преслѣдовалось „здравымъ смысломъ“ возстало и заявило свои права. Отрицательное отношеніе къ прошлому замѣнилось отношеніемъ полнымъ любви и благоговѣнія; прежнія вѣрованія, народныя преданія, наивное творчество снова вступили въ свои права. Ограниченность, сухость и прозаичность „здраваго смысла“ подверглись теперь въ свою очередь насмѣшкамъ. Настало время романтизма, а когда оно прошло, Вольтеръ былъ уже слишкомъ далеко опереженъ движеніемъ умовъ, и хотя вражда къ нему лишилась всякаго основанія, возрожденіе прежняго вос-

торженнаго культа также было невозможно. Мы можемъ относиться къ Вольтеру исторически, и внутри такого отношенія могутъ конечно быть разные оттѣнки; но энтузіазма и увлеченія Вольтеру въ нашъ вѣкъ уже не возбудить.

Этимъ хладнокровіемъ, которое свидѣтельствуетъ изъ какой дали авторъ смотритъ на свой предметъ, запечатлѣны лекціи Давида Штрауса о Вольтерѣ, давшія поводъ къ настоящимъ замѣткамъ. Авторъ относится къ Вольтеру не только безъ пристрастія, но и безъ любви. Его раздѣляетъ отъ знаменитаго писателя не только вѣкъ, но и народность; въ Германіи главнымъ образомъ былъ уничтоженъ авторитетъ Вольтера. Но „фернейскій мудрецъ“ внушаетъ автору *Жизни Іисуса* живой интересъ, и мы должны отдать его лекціямъ ту справедливость что они въ свою очередь способны внушить этотъ интересъ и читателю. Какой бы ни былъ нашъ приговоръ надъ Вольтеромъ, мы не можемъ отрицать что дѣятельность его была исполинская и расходилась по самымъ различнымъ радіусамъ. Написать подробную исторію этой дѣятельности и освѣтить ея значеніе въ каждомъ отдѣльномъ моментѣ значило бы написать обширное, многотомное сочиненіе. Вольтеръ жилъ долго и во все время своей жизни работалъ неутомимо. Оцѣнить всю эту массу произведеній не входило въ планъ книжки Штрауса; онъ ограничился легкимъ очеркомъ, въ которомъ сообщаетъ намъ главныя черты біографіи Вольтера и его характеристики какъ поэта, философа, историка и публициста. Нечего говорить что поэтъ находитъ мало сочувствія у германскаго писателя. Со временъ Лессинга между французской поэзіей и германской критикой прорылась бездна, которая не пополнилась до сихъ поръ. То что̀ дало жизнь и силу германской изящной литературѣ есть именно ея разрывъ съ французскимъ классицизмомъ, котораго Вольтеръ, съ ничтожными уклоненіями, придерживался цѣлую жизнь. Болѣе симпатичнаго германскій писатель находитъ въ историческихъ и философскихъ трудахъ Вольтера; между прочимъ онъ защищаетъ Вольтера-философа отъ упрека въ поверхностности, хотя не можетъ признать за нимъ полной послѣдовательности. Наибольшей похвалы онъ удостоиваетъ Вольтера-публициста, какъ неутомимаго и краснорѣчиваго борца противъ несправедливостей и угнетеній, которыхъ такъ полна была Франція его времени. При этомъ

Штраусъ указываетъ, однако, на знаменательную разницу между мнѣніями Вольтера и стремленіями нашего вѣка. Подобно тому какъ фернейскій философъ для себя лично въ продолженіе цѣлой жизни съ величайшими стараніями, не рѣдко съ двоедушіемъ и лестью, добивался знакомства и хорошихъ отношеній съ сильными міра сего, онъ и для народа ждалъ блага только сверху: строгій монархистъ, онъ былъ чуждъ новѣйшихъ идей объ участіи народа въ правленіи, и года проведенные имъ въ Англіи отнюдь не сдѣлали его сторонникомъ принципа самоуправленія. Интересы „философовъ“ онъ считалъ тождественными съ интересами государей, которые именно въ его время такъ часто дѣлались „философами“ въ его смыслѣ и увлекались идеями французскихъ просвѣтителей. Эту „философію“ Вольтеръ считалъ удѣломъ счастливаго меньшинства; ему въ голову не приходило желать чтобы признаваемое имъ за истину сдѣлалось достояніемъ всѣхъ; „народъ“, писалъ онъ, „всегда останется глупымъ и варварскимъ; это быки, которые нуждаются въ ярмѣ, въ рожкѣ и сѣнѣ“. Панегиристъ Людовика XIV и избалованный любимецъ дворовъ и аристократическихъ салоновъ, Вольтеръ считалъ просвѣщенные взгляды и изящныя произведенія исключительно-возможными въ томъ блестящемъ кругу гдѣ они въ его время пользовались благосклонностію; къ простолюдину онъ чувствовалъ состраданіе, какъ его можно чувствовать и къ животному, но никогда не переставалъ считать его за существо низшее.

Мы говорили о томъ хладнокровіи съ которымъ Штраусъ относится къ Вольтеру. Это же отсутствіе теплоты мы видимъ и въ его приговорѣ надъ нравственною личностію знаменитаго мужа. Правда, Штраусъ пользуется многими случаями чтобы напомнить ту или другую черту великодушія, благотворительности и мягкосердечія которыхъ такъ много въ жизни Вольтера; но множество другихъ чертъ въ этой долгой и пестрой жизни даютъ ему поводъ относиться къ Вольтеру безъ истинной симпатіи и безъ истиннаго уваженія. Мы у него не находимъ той снисходительности къ слабостямъ своего героя которую мы такъ привыкли встрѣчать у біографовъ и которая такъ пріятно согрѣваетъ ихъ произведенія благодушною теплотой. Есть даже случаи гдѣ Штраусъ намъ кажется слишкомъ строгимъ. Можетъ-быть въ этомъ

нѣсколько виновато *пруссофильство* Штрауса, то пруссофильство, которое онъ въ нынѣшнемъ году такъ явственно обнаружилъ въ своемъ извѣстномъ посланіи къ Ренану. Въ распрѣ Вольтера съ Фридрихомъ II Штраусъ становится рѣшительно на сторону короля, и здѣсь очевидно его покинуло безпристрастіе, которымъ отличается бо́льшая часть его книги. Но особенное значеніе въ виду событій совершающихся въ наши дни имѣетъ сужденіе Штрауса о воинственности Фридриха и миролюбіи Вольтера. Послѣдній порицалъ завоеванія Прусскаго короля: онъ видѣлъ въ нихъ отрицаніе настоящаго призванія Фридриха, который по его мнѣнію былъ назначенъ быть мирнымъ покровителемъ просвѣщенія и вмѣсто того сдѣлался нарушителемъ европейскаго покоя. Намъ кажется что для борца *просвѣщенія*, какимъ Вольтеръ былъ цѣлый вѣкъ, другое отношеніе къ вопросу о войнѣ или мирѣ и не можетъ быть мыслимо: духъ его ученія необходимо требуетъ отрицанія войны, наравнѣ съ отрицаніемъ пытки и костра; что же касается до примѣненія къ Фридриху, то оно могло быть только лестно для этого государя, особенно если мы вспомнимъ его благоговѣніе предъ Вольтеромъ и стремленіе быть „философомъ на престолѣ.“ Но подъ впечатлѣніемъ Дюппеля и Садовой понятія иначе слагаются въ головѣ нѣмецкаго ученаго, и вотъ что̀ мы читаемъ у Давида Штрауса:

„Въ этихъ декламаціяхъ о мирѣ Вольтеръ совершенно плоскъ, чистѣйшій школьный учитель. Конечно война есть большое зло, и въ оправданіе Вольтера не слѣдуетъ забывать что въ ближайшемъ прошедшемъ онъ имѣлъ предъ глазами только напрасныя войны, проистекшія изъ властолюбія и заносчивости государей, въ особенности его идола Лудовика XIV. Но вторженіе Фридриха въ Силезію, неминуемымъ послѣдствіемъ котораго была семилѣтняя война, принадлежало совершенно другому разряду. *Фридрихъ при этомъ былъ побуждаемъ стремленіемъ къ развитію* того юнаго государства во главѣ котораго онъ только что былъ поставленъ; или если взглянуть глубже, стремленіемъ къ развитію германской націи, искавшей для себя другаго центра тяжести, въ замѣнъ Австріи, сдѣлавшейся не германскою и оставшейся въ умственномъ отношеніи несвободною.“

Мы рѣшительно отказываемся понять почему на этомъ основаніи не признать войнъ Карла XII результатомъ стремленія Швеціи къ развитію, войнъ Наполеона I стремленіемъ Франціи къ тому же, и такъ далѣе. Этотъ видъ развитія, который заключается въ пріобрѣтеніи новыхъ провинцій цѣ-

ной блистательныхъ походовъ и кровопролитныхъ сраженій, Штраусъ цѣнитъ выше того развитія которому способствовать было задачей всей жизни Вольтера. Нельзя не останавливаться со вниманіемъ, соединеннымъ съ сожалѣніемъ, на этихъ повторяющихся съ такимъ упорствомъ свидѣтельствахъ патріотическаго тщеславія, овладѣвшаго теперь представителями германской науки. Казалось бы что̀ можетъ быть неправдоподобнѣе чѣмъ неудовольствіе ученаго біографа на знаменитаго писателя за его миролюбивый образъ мыслей? Думалъ ли Вольтеръ что именно на этой точкѣ своихъ мыслей онъ спустя столѣтіе получитъ строгое осужденіе, и притомъ отъ кого же? не отъ реакціонера, не отъ феодала, не отъ клерикала, а именно отъ писателя раздѣляющаго и во многомъ опередившаго его свободный и смѣлый образъ мыслей? Теорія по которой войны оправдываются „стремленіемъ къ развитію" есть такой обоюдо-острый мечъ что въ спокойныя, трезвыя минуты литературы такой умъ какъ Давидъ Штраусъ едва ли бы за нее ухватился. Но прибѣгнуть къ ней весьма легко во времена возбужденныя, и притомъ возбужденныя фальшиво и опасно, каково нынѣшнее время для Германіи. Если взять приведенный нами отзывъ какъ патологическій признакъ общественнаго мнѣнія, какъ симптомъ патріотической горячки, то онъ въ высшей степени поучителенъ. Нельзя оспорить что мысль, что наука XIX вѣка далеко ушли отъ XVIII; что Штраусъ имѣетъ счастіе стоять на гораздо высшей ступени прогресса нежели Вольтеръ. А между тѣмъ вотъ попался тому и другому на обсужденіе вопросъ простой гуманности: они рѣшаютъ его различно, и притомъ различіе это такого рода что позднѣйшему писателю приходится краснѣть предъ болѣе раннимъ. Будемъ надѣяться что такой отрицательный прогрессъ окажется явленіемъ лишь временнымъ и непродолжительнымъ, и что въ Германіи, гдѣ теперь такъ усилились пагубныя увлеченія и предразсудки, снова восторжествуетъ то *просвѣщеніе*, къ которому стремился Вольтеръ и которое теперь зловѣщимъ образомъ затемняется тучами пороховаго дыма.

II годъ. **О ПОДПИСКѢ НА 1871 ГОДЪ.** годъ II.

НИВА,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ,

будетъ издаваться въ 1871 году въ томъ же направленіи и по той же программѣ еженедѣльно какъ и въ 1870 году.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа со 130—150 художественно-выполненными рисунками:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ . . . . 4 „ 50 k.
Съ доставкой въ Петербургѣ . . . . . 5 „
Для иногородныхъ съ пересылкою. . . 5 „

Лестное и благосклонное вниманіе русской читающей публики, которымъ пользовалась НИВА въ первый годъ, поставляетъ намъ въ обязанность употребить тѣмъ большія усилія для улучшенія нашего журнала.

Все обѣщанное въ прошлогоднемъ объявленіи объ изданіи НИВЫ выполнено нами болѣе чѣмъ добросовѣстно: такъ напримѣръ вмѣсто обѣщанныхъ 104 рисунковъ мы помѣстили ихъ гораздо больше.

Въ НИВѢ за 1870 г. напечатаны между прочимъ: Стихотворенія *А. Н. Майкова*, повѣсти *В. В. Крестовскаго* (*Подъ каштанами Саксонскаго Сада*), *В. И. Кельсіева* (*Москва и Тверь*), комедія *Д. В. Аверкіева*, статьи *С. М. Любецкаго*, *Н. Н. Страхова*, *П. К. Щебальскаго* и другихъ.

Въ редакціонныхъ статьяхъ мы старались не пропустить ни одного замѣчательнаго факта современной жизни, каковы были: Прорытіе Суэзскаго канала, сооруженіе Тихо-Океанской желѣзной дороги, Всероссійская мануфактурная выставка и наконецъ Прусско-Французская война.

Въ 1871 году въ НИВѢ будутъ участвовать: гг. *Д. В. Аверкіевъ*, *Б. Н. Алмазовъ*, *Н. Боевъ*, *Е. А. Бѣловъ*, *И. Я. Ваулинъ*, *д-ръ Ф. Гезелліусъ*, *Г. П. Данилевскій*, *З. А. Кельсіева*, *В. И. Кельсіевъ*, *В. В. Крестовскій*, *А. И. Кобякова*. *А. И. Коптевъ*, *С. М. Любецкій*, *О. Н. Ливчакъ*, *Н. А. Любимовъ*, *А. Н. Майковъ*, *А. Ѳ. Писемскій*, *П. Н. Петровъ*, *Н. Н. Страховъ*, *И. С. Тургеневъ*, *М. Б. Чистяковъ*, *А. П. Шевяковъ*, *П. К. Щебальскій* и др., а также художники: проф. *И. К. Айвазовскій*, *Зичи*, *К.* и *В. Маковскіе*, *П. Марковъ*, *Пановъ*, *Н. А. Богдановъ*, *К. О. Брожъ*, *В. Шпакъ*, ксилографы: граверъ Его Императорскаго Величества *Л. А. Сѣряковъ* и *К. Вейерманъ*.

ПРОГРАММА:

1. Оригинальные повѣсти и разказы, какъ историческіе, такъ и бытовые; стихотворенія извѣстныхъ русскихъ авторовъ; повѣсти и разказы переводные.

2. Біографія замѣчательныхъ дѣятелей.

3. Описанія замѣчательныхъ историческихъ событій и эпизодовъ, преимущественно изъ русской исторіи.

4. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки древнихъ и новыхъ народовъ, преимущественно русскаго.

5. Путешествіе.

6. Новѣйшіе успѣхи естествовѣдѣнія; картины животной и растительной жизни.

7. Статьи, относящіяся до народнаго здравія, общественной и домашней гигіены.

8. Очерки изъ міра юридическаго; замѣчательные процессы.

9. Ежемѣсячное политическое обозрѣніе.

10. Фельетонъ.

11. Смѣсь, извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, анекдоты и частныя объявленія.

На будущій годъ мы можемъ обѣщать *новую историческую повѣсть В. И. Кельсіева* и *новый разказъ В. В. Крестовскаго находящійся уже въ портфелѣ редакціи.*

Первый нумеръ НИВЫ отпечатается въ большомъ количествѣ экземпляровъ и будетъ раздаваться въ редакціи безплатно, по желанію каждаго. Иногороднихъ издатель покорнѣйше проситъ присылать 10-коп. почтовую марку на пересылку.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ), на углу Невскаго проспекта и Большой Морской, д. Россемана, №№ 9—13.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ. 11.333.—2.

ПОДПИСКА

НА

„РУССКУЮ СТАРИНУ"

ВЪ 1871 ГОДУ.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Русская Старина въ 1871 году будетъ выходить въ томъ же объемѣ и на тѣхъ же основаніяхъ какъ въ 1870 году. Годовое изданіе изъ *двѣнадцати* книгъ въ годъ составитъ *три тома:* изъ нихъ *два* тома текста, каждый не менѣе *33 печ. листовъ* и *одинъ* томъ (въ два столбца) *приложеній:* записки русскихъ людей, не менѣе *36* листовъ,—всего же болѣе *2.300* страницъ.

При изданіи, время отъ времени, прилагаются *портреты* замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей и снимки съ ихъ писемъ.

Каждая книга *Русской Старины* выходитъ *ежемѣсячно,* непремѣнно 1го числа и одновременно разсылается, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ.

Цѣна годовому изданію въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ съ доставкою на домъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица проживающія за границей приплачиваютъ къ семи руб., за доставку: для Германіи и Бельгіи—2 руб., для Франціи—2 руб., для Англіи, Швейцаріи и Италіи—3 руб.

За перемѣну адреса уплачивается 10 коп. или почтовая марка, причемъ гг. подписчики должны сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ *Русской Старины* въ книжномъ магазинѣ Алек. Ѳедор. Базунова (Невскій проспектъ, д. № 30), въ Москвѣ въ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

Гг. иногороднихъ просятъ обращаться *исключительно* въ редакцію *Русской Старины*, въ С.-Петербургѣ, у Спаса Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына.

Рукописи и матеріалы для напечатанія въ *Русской Старинѣ* могутъ быть присылаемы или по вышеозначенному адресу — *Василію Арсеніевичу Семевскому* или *Михаилу Ивановичу Семевскому* (принимающему постоянное и непосредственное участіе какъ въ составленіи, такъ и въ изданіи *Русской Старины*)—въ С.-Петербургъ, Литейной части, у Спаса Преображенія, д. Трута, кв. № 13.

Въ вышедшихъ двѣнадцати книгахъ *Русской Старины* 1870 года *три тома*, всего 2.300 страницъ, напечатаны матеріалы и статьи изъ области императорскаго періода отечественной исторіи, то-есть относящіеся къ XVIII и XIX столѣтіямъ. Въ приложеніяхъ напечатаны: *Записки А. Т. Болотова 1738—1794 гг.*, семь частей (событія 1738—1760 гг.: воспитаніе, домашній и общественный бытъ русскаго дворянства въ царствованіе Елизаветы Петровны, русско-прусская война и пр.).

Къ этимъ же книгамъ *Русской Старины* приложены гравированные академикомъ Л. А. Сѣряковымъ: *портретъ Болотова*, двадцать четыре рисунка въ текстѣ *Записокъ* Болотова, *портретъ*, *снимокъ съ подписи и печать Емельяна Пугачева;* планъ Камчатскаго порта въ 1854 г., въ эпоху отраженія англо-французской эскадры. Рисунокъ *памятника* на могилѣ *М. И. Глинки. Снимки съ писемъ* М. И. Голенищева-Кутузова (1790 г.) и М. И. Глинки (1857 г.). Родословная роспись семьи кн. Кутузова.

———

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ"

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

СЪ 1го ЯНВАРЯ 1871 ПО 1е ЯНВАРЯ 1872 ГОДА.
Выходитъ ежедневно, на листѣ большаго формата, безъ цензуры.

Подписная цѣна: безъ доставки: на годъ 7 р., на полгода 3 р. 50 к., на мѣсяцъ 60 к. Съ пересылкой по почтѣ и *доставкой* на домъ: на годъ 9 р., на полгода 4 р. 50 к., на мѣсяцъ 75 коп.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, по Большой Садовой улицѣ, домъ № 39; а также во всѣхъ мѣстахъ гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

Желающимъ дѣлается разсрочка въ платежѣ, но только при выпискѣ изъ самой редакціи.

Новые подписчики желающіе начать полученіе *Дѣятельности* въ истекающемъ году, приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ текущаго года по 50 к. съ пересылкою. 10.394.—2.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ *РУССКОМУ ВѢСТНИКУ.*

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ГАРРИ РИЧМОНДА

РОМАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.
1870.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ГАРРИ РИЧМОНДА.

ГЛАВА I.

Я составляю предметъ спора.

Въ полночь одного зимняго мѣсяца, спящіе въ Риверсли Гренджѣ были пробуждены громкимъ звономъ и стукомъ въ наружную дверь. Хозяиномъ тутъ былъ сквайръ Белтамъ, домочадцами — его незамужняя дочь, Дороти Белтамъ, другая дочь, замужняя, мистрисъ Ричмондъ, Веньяминъ Сюисъ, старый буфетчикъ, еще нѣсколько слугъ, и маленькій мальчикъ, названный въ крещеніи Гарри Лепель Ричмондъ, внукъ сквайра. Риверсли Гренджъ стояла въ плодородной долинѣ луговой части Гампшейрскаго графства: одинокая усадьба изъ которой виднѣлись нѣкоторыя принадлежащія къ ней фермы, но голосъ не долетѣлъ бы ни до одного жилья, исключая конюшенъ да избушки главнаго садовника. Преданія о смѣлыхъ разбояхъ, вмѣстѣ съ мрачностью окрестнаго бора, поддерживали ночныя опасенія, а громкій стукъ и нетерпѣливый звонъ свидѣтельствовали всѣмъ слушателямъ страшныхъ разказовъ въ людской что разбойники явились наконецъ съ грозными силами. Кучка горничныхъ столпилась въ верхнемъ коридорѣ главнаго строенія; два-три лакея стояли ниже на лѣстницѣ въ смѣлыхъ позахъ. Вдругъ шумъ прекратился, и вскорѣ затѣмъ голосъ стараго Сюиса велѣлъ всѣмъ расходиться по

постелямъ. Тогда лакеи стремительно бросились на встрѣчу опасности, а горничныя, въ груди которыхъ мучительное любопытство преодолѣло страхъ, отправились въ пустую комнату, помѣщавшуюся надъ входною дверью, и стали глядѣть изъ окна. Тѣмъ временемъ Сюисъ стоялъ у постели хозяина. Сквайръ былъ охотникъ стараго покроя: неутомимъ въ ѣздѣ, неодолимъ за бутылкой, почти непробудимъ во снѣ. Еще не рѣшаясь толкать его, Сюисъ зажегъ огонь и бросилъ свѣтъ на глаза сквайру, чтобъ онъ скорѣе проснулся. При первомъ прикосновеніи, сквайръ вскочилъ, божась патрономъ своимъ, Гарри, что ему только-что снился пожаръ.

— Сюисъ! Вѣдь это ты? Гдѣ горитъ?

— Не горитъ нигдѣ, отвѣчалъ Сюисъ.—Вы будьте спокойны.

— Будьте спокойны, чортъ возьми! Развѣ я не слыхалъ трескъ цѣлой сотни пожарныхъ трубъ? Не такъ же я крѣпко сплю что ничего не слышу, собака! Приходитъ сюда, будитъ меня и говоритъ мнѣ чтобъ я былъ спокоенъ. Что̀ за чортъ! Такъ бѣды нѣтъ? Все стало-быть въ порядкѣ? Сквайръ улегся на подушку и готовъ былъ опять заснуть.

Сюисъ проговорилъ выразительно:—васъ спрашиваетъ одинъ джентльменъ; джентльменъ дожидается внизу. Онъ пришелъ поздненько.

— Джентльменъ внизу, пришелъ поздненько? повторилъ сквайръ, какъ бы желая взять въ толкъ слышанное. — Запоздалъ? Ну, суньте его въ постель, дайте ему горячей воды съ водкой, и пусть себѣ спитъ.

Сюису приходилось сообщить сквайру весьма непріятное извѣстіе.

— Джентльменъ не намѣренъ ночевать, началъ онъ. — Онъ не затѣмъ пришелъ. Время уже позднее.

— Время позднее! заревѣлъ сквайръ.—Да который часъ?

Доставъ часы надъ головой, онъ увидѣлъ часъ неурочный.

— Безъ четверти два? Джентльменъ внизу меня спрашиваетъ? Ужь не мошенникъ ли это аптекарь, что̀ обѣщалъ вчера обѣдать у меня? Если это онъ, я окачу его такъ, будто онъ въ прудъ окунулся. Два часа утра! Да онъ пьянъ! Скажите ему что я мировой судья. Я его арестую. На двѣ недѣли за пьянство, да еще на двѣ за дерзость. Я ужь не разъ засаживалъ на мѣсяцъ. Является ко мнѣ, къ мировому судьѣ.... да онъ взбѣсился! Скажите ему что онъ попадетъ въ сумашедшій домъ. И не намѣренъ ночевать! Вытолкай его ногами изъ

дому, Сюисъ, и скажи что по моему порученію. Я тебѣ разрѣшаю!

Сюисъ отошелъ на шагъ отъ кровати. На безопасномъ разстояніи, онъ твердо, почти съ укоромъ глядѣлъ на хозяина:— это мистеръ Ричмондъ, сказалъ онъ.

— Мистеръ.... Сквайръ остановился. Имя это никогда не произносилось въ Грейнджѣ. Негодяй то? спросилъ онъ рѣзко, какъ бы желая удостовѣриться, и губы его сурово сжались.

Слѣдовало отвѣчать или утвердительно, или отрицательно. Сюисъ молчалъ.

— Онъ внизу? закричалъ сквайръ, комкая простыни. — Ты впустилъ его въ мой домъ, Сюисъ?

— Нѣтъ.

— Впустилъ!

— Онъ не въ домѣ.

— Какъ же ты говорилъ съ нимъ?

— Изъ окна.

— Какое же мѣсто пятнаетъ теперь негодяй?

— Онъ на крыльцѣ за дверью.

— За дверью? Дверь заперта?

— Заперта.

— Пусть тамъ гніетъ.

Между тѣмъ терпѣніе ночнаго посѣтителя истощилось. Новый громкій призывъ долетѣлъ до слуха сквайра, изумленнаго такою дерзостью.

— Подай штаны! крикнулъ онъ Сюису. — У меня мысли не вяжутся когда на мнѣ нѣтъ штановъ.

Сюисъ держалъ требуемую одежду на-готовѣ. Сквайръ соскочилъ съ постели въ безмолвномъ бѣшенствѣ, и злобясь на сапоги, подтяжки и пуговицы, позволилъ однако одѣть себя какъ слѣдуетъ, между тѣмъ какъ звонъ и стукъ у дверей продолжался непрерывно. Сквайръ имѣлъ видъ человѣка съ принужденнымъ спокойствіемъ переносящаго оскорбленія наносимыя ему на судѣ, гдѣ поневолѣ приходится все выслушивать и сдерживать пылкіе отвѣты въ негодующей груди.

— Теперь, Сюисъ, подай хлыстъ, замѣтилъ онъ, будто требуетъ простую туалетную принадлежность.

— Вамъ угодно шляпу?

— Говорю тебѣ, хлыстъ.

— Ваша шляпа въ прихожей, замѣтилъ Сюисъ серіозно.

— Я хлыстъ спрашиваю.

— Его нѣтъ нигдѣ, сказалъ Сюисъ.

Сквайръ не успѣлъ излить свое негодованiе на такое неповиновенiе слуги, ибо послышался голосъ дочери его Дороти, робко просившей позволенiя войти. Сюисъ вышелъ изъ комнаты. Вскорѣ затѣмъ сквайръ сошелъ внизъ, тяжело дыша. Прислугу всю отослали прочь. Одинъ только Сюисъ остался при хозяинѣ.

Сквайръ самъ снялъ запоры съ двери, и отворилъ ее на длину цѣпи.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ.

Немедленно послышался отвѣтъ снаружи.

— Полагаю что вы мистеръ Гарри Лелель Белтамъ. Если ошибаюсь, скажите. И примите, прошу васъ, мои извиненiя, что безпокою васъ въ такой позднiй часъ.

— Ваше имя?

— Въ настоящую минуту меня зовутъ не иначе какъ Августъ фицъ-Джорджъ Рой Ричмондъ, мистеръ Белтамъ. Вы лучше меня узнаете, если совсѣмъ отворите свою дверь. Голоса обманчивы. Вы по рожденiю джентльменъ, мистеръ Белтамъ, и не заставите меня требовать чтобы вы поступали какъ прилично джентльмену. Я теперь въ такомъ положенiи будто переговариваюсь съ барсукомъ въ его логовищѣ. Положенiе неудобное для обѣихъ сторонъ. А на васъ, домохозяина, это бросаетъ значительную тѣнь.

Сквайръ поспѣшно приказалъ Сюису посмотрѣть чтобы ходы къ спальнямъ были заперты, и отцѣпилъ дверную цѣпь. Онъ видимо сильно сдерживался. Ночь была тихая, свѣтлая. Когда отворилась дверь, появился высокiй, крѣпко сложенный мущина, въ тепломъ плащѣ и модной шляпѣ того времени. Въ рукахъ у него была легкая тросточка, которой серебряный набалдашникъ онъ приложилъ къ губамъ. Въ наружности его не было ничего пугающаго, прiемы его были изысканно любезны. Онъ приподнялъ шляпу, какъ только очутился лицомъ къ лицу со сквайромъ и обнаружилъ отчасти лысую голову, хотя бакенбарды его были роскошны, и мужественная сила высказывалась въ высокой груди, приподнявшей мѣховой плащъ. Лицо его было чрезвычайно открыто и бодро. Съ высоты своей онъ съ царственнымъ величiемъ глядѣлъ внизъ на человѣка покой котораго потревожилъ.

Между ними завязался слѣдующiй разговоръ:

— Теперь вы видите, мистеръ Белтамъ, кто позволилъ себѣ

разбудить васъ въ неурочный часъ, и я глубоко сожалѣю объ этомъ, хотя самъ я привыкъ принимать легко подобные случаи.

— Не спрятаны ли здѣсь у васъ какіе-нибудь сообщники?

— Я одинъ.

— Какое дѣло у васъ до меня?

— Никакого дѣла.

— Вамъ до меня дѣла нѣтъ, также какъ и мнѣ до васъ; правда. Я спрашиваю васъ о цѣли вашего посѣщенія.

— Позвольте мнѣ сначала объяснить причину моего поздняго прибытія. Вамъ также какъ и мнѣ, мистеръ Белтамъ, покажется смѣшно сваливать вину на ямщиковъ. Я вынужденъ однако это сдѣлать; мнѣ нѣтъ другаго исхода. По милости одного негодяя, невоздержнаго къ крѣпкимъ напиткамъ, я сегодня прошелъ пѣшкомъ семь миль отъ Юлинга. Я не за себя жалуюсь.

— Зачѣмъ же вы пришли?

— Вы меня спрашиваете?

— Я спрашиваю что̀ привело васъ къ моему дому.

— Правда, я могъ ночевать въ Юлингѣ.

— Зачѣмъ же не ночевали?

— По той причинѣ, мистеръ Белтамъ, которая и привела меня сюда. Я не въ силахъ былъ ждать ни одной минуты. Добравшись до вашихъ окрестностей, я не хотѣлъ уже мѣшкать и пошелъ пѣшкомъ. Прошу извиненія за часъ моего прибытія. Зачѣмъ я пришелъ, вы очень хорошо поймете и одобрите меня, когда я скажу вамъ что я пришелъ, если не оправдываться, то покаяться. Я люблю жену мою, мистеръ Белтамъ. Да, выслушайте меня. Я могу сослаться на несчастную звѣзду мою и сказать: вините ее, а не меня. Эта звѣзда, давшая отъ рожденія моего направленіе всей бѣдственной моей жизни, могла бы служить мнѣ оправданіемъ въ вашихъ глазахъ; въ глазахъ жены по крайней мѣрѣ послужитъ.

— Вы пришли видѣться съ моею дочерью Маріанной?

— Съ моею женой.

— Вы не переступите черезъ порогъ мой пока я живъ.

— Вы принудите ее выйти ко мнѣ?

— Она будетъ сидѣть у себя, бѣдняжка, пока не ляжетъ въ могилу. Сколько могли надѣлать зла, вы уже надѣлали. Убирайтесь!

— Мистеръ Белтамъ, ничто не помѣшаетъ мнѣ видѣться съ женой.

— Пройдоха!

— Никакіе нелѣпые эпитеты отъ человѣка котораго я обязанъ уважать.

— Негодный пройдоха, говорю я; сквайръ, давъ волю своему бѣшенству, не стѣснялся болѣе.—Вотъ уже часъ какъ я сдерживаюсь предъ негодяемъ, который ангела вывелъ бы изъ терпѣнія. Да ступайте наконецъ куда вамъ угодно, отъ одного конца свѣта до другаго! Мошенникъ, запятнанный всевозможными мерзостями, которому я запретилъ доступъ къ моему дому, какъ простому вору, котораго сто разъ стоило бы повѣсить, является сюда къ моей дочери, когда онъ укралъ ее, надушившись, толкуя о своемъ родѣ, да напѣвая разный иностранный вздоръ; а потомъ оказалось что онъ не болѣе какъ лгунъ и животное. Она вернулась домой. У меня двери не запираются для родныхъ дѣтей. Я принялъ ее и держу у себя вопреки закону, если законъ мнѣ не даетъ на это права. Она помѣшалась; вы свели ее съ ума; она не узнаетъ никого изъ насъ, даже своего сына. Убирайтесь! Сколько могли надѣлать зла, вы надѣлали. Она безумная. И говорю вамъ, Ричмондъ, или Рой, или какъ вы тамъ себя называете, я благодарю Бога что она лишилась разсудка. Увидитесь вы съ ней или нѣтъ, власть ваша надъ ней кончена; да, и не видать вамъ ее, пока я зовусь мущиной.

Мистеръ Ричмондъ сумѣлъ сохранить видъ серіознаго раздумья подъ этимъ потокомъ брани, изливавшимся почти безъ остановки. Онъ сказалъ:

— Жена моя не въ своемъ умѣ? Я могъ бы предположить что эта болѣзнь у ней наслѣдственная. Ужь не шутите ли вы со мной, милостивый государь? Она помѣшалась? И вы считаете себя въ правѣ разлучить насъ? Если правда что вы говорите, то мое право лелѣять ее въ тысячу разъ сильнѣе вашего. Пустите меня, мистеръ Белтамъ. Я смиренно прошу священнѣйшаго преимущества, котораго горе можетъ требовать отъ человѣколюбія. Жену, жену мою! Пропустите меня.

Онъ готовъ былъ рвануться впередъ. Сквайръ крикнулъ Сюпсу чтобъ онъ добѣжалъ до конюшни и спустилъ собакъ.

— Это ваше послѣднее рѣшеніе? спросилъ мистеръ Ричмондъ.

— Къ чорту ваше разглагольствіе! Да, послѣднее! Я не пускаю въ свое стадо прокаженной овцы.

— Мистеръ Белтамъ, умоляю васъ, будьте милосерды. Я согласенъ на какія угодно условія, только дайте мнѣ повидаться съ ней. Я буду ходить по парку всю ночь, только скажите что вы утромъ дозволите свиданіе. Признаюсь, я не намѣренъ употреблять силу. Я обращаюсь исключительно къ вашему милосердію. Я люблю эту женщину. Я виноватъ во многомъ. Увижу ее и уйду, но видѣть ее я долженъ. Это я также говорю рѣшительно.

— Говорите рѣшительно, сколько вамъ угодно, отозвался сквайръ.

— По законамъ естественнымъ и законамъ человѣческимъ, Маріанна Ричмондъ моя жена, я долженъ служить ей опорой и утѣшеніемъ, и никто не можетъ помѣшать мнѣ, мистеръ Белтамъ, если я захочу взять ее къ себѣ.

— Не можетъ? проговорилъ сквайръ.

— Да будетъ проклятъ, да будетъ пораженъ громомъ небеснымъ тотъ кто въ горѣ разлучаетъ жену съ мужемъ.

Сквайръ свиснулъ своимъ собакамъ.

Какъ уязвленный этою холодностью, мистеръ Ричмондъ выпрямился во весь ростъ.

— Я не увижу ее, если явлюсь и завтра утромъ?

— Вы не увидите ее, протянулъ сквайръ, передразнивая рѣчь мистера Ричмонда,—если явитесь и завтра утромъ.

— Вы отказываете мнѣ по праву отца, жена моя ваша дочь. Хорошо. Я желаю видѣть моего сына.

И на это сквайръ отвѣчалъ положительно:

— Нельзя. Онъ спитъ.

— Я требую.

— Глупости! Говорятъ вамъ, онъ въ постели, спитъ.

— Повторяю: я требую.

— Когда ребенокъ спитъ!

— Ребенокъ этотъ моя плоть и кровь. Вы говорили за свою дочь; я говорю за моего сына. Я хочу видѣть его, хотя бы мнѣ пришлось колотить въ вашу дверь до утра.

Нѣсколько минутъ спустя, мальчикъ вынутъ былъ изъ постели теткой Дороти; она одѣла его въ потьмахъ, горько плача, въ то же время унимая его, приглаживая его платьице и нѣжно цѣлуя его щечки. Ему сказали что бояться нечего. Одинъ джентльменъ желаетъ его видѣть, больше ничего. Доб-

рый ли это джентльменъ или разбойникъ, онъ не могъ доузнаться. Но тетушка Дороти, увернувъ его въ шаль и пледъ, и подвязавъ его шляпку дрожащею рукой, увѣряла его, съ судорожными ласками, что все скоро кончится и онъ опять будетъ лежать благополучно въ своей уютной постелькѣ. Она передала его Сюису на лѣстницѣ, подержавъ минуту и поцѣловавъ его руку; затѣмъ Сюисъ, властитель буфета, гдѣ хранились всѣ сласти, поставилъ его на полъ въ прихожей, и онъ очутился лицомъ къ лицу съ ночнымъ посѣтителемъ. Ему показалось что незнакомецъ громаднаго роста, какъ сказочные великаны; ибо за нимъ въ растворенную дверь виднѣлись деревья и клочокъ неба, и деревья казались гораздо меньше его, а небо чуть сквозило изъ-за его плечъ.

Сквайръ схватилъ мальчика за руку, чтобы представить его и удержать въ то же время; но незнакомецъ вырвалъ ребенка у дѣда, и поднимая высоко, воскликнулъ:

— Вотъ онъ! Вотъ Гарри Ричмондъ! Онъ сталъ гренадеръ ростомъ!

— Поцѣлуйте мальчика, и назадъ въ постель его, проворчалъ сквайръ.

Незнакомецъ горячо поцѣловалъ мальчика и спросилъ: забылъ ли онъ папу. Мальчикъ отвѣчалъ что у него нѣтъ папы, а есть только мама да дѣдушка. Незнакомецъ тяжело вздохнулъ.

— Видите ли что̀ вы сдѣлали. Вы родное дитя отторгли отъ меня! сказалъ онъ сквайру свирѣпо; но тотчасъ же постарался успокоить ребенка дѣтскою болтовней и ласками.

— Четыре года разлуки, началъ онъ опять — и сына моего пріучили думать что у него нѣтъ отца. Ей Богу, это безсовѣстно, это безчеловѣчная гнусность. Мистеръ Белтамъ, если я не увижусь съ женой, я унесу сына.

— Кричите хоть до сипоты, вы никогда не увидитесь съ ней въ этомъ домѣ, пока я здѣсь хозяинъ, сказалъ сквайръ.

— Очень хорошо! Въ такомъ случаѣ Гарри Ричмондъ не будетъ жить у васъ. Я беру его съ собой. Дѣло рѣшено.

— Вы отнимаете его у матери? воскликнулъ сквайръ.

— Вы клянетесь мнѣ что она потеряла разсудокъ. Она не можетъ страдать. А я могу. Не стану ожидать отъ васъ, мистеръ Белтамъ, малѣйшаго пониманія отцовскихъ чувствъ. Вы грубое существо, вы животное.

Сквайръ увидѣлъ что онъ готовъ взять мальчика на руки,

и сказалъ:—Постойте. Не въ этомъ дѣло. Сообразите. Вы можете зайти завтра, повидаться со мной и переговорить.

— Увижу я жену?

— Нѣтъ, не увидите.

— Вы остаетесь при своемъ словѣ?

— Да.

— Такъ и я остаюсь при моемъ.

— Какъ? Постойте? Не унести же ребенка изъ удобнаго дома въ зимнюю ночь.

— О! Ночь тиха и тепла. Онъ не долженъ оставаться въ домѣ гдѣ безчестятъ отца его.

— Постойте же! Этого вовсе нѣтъ! вскричалъ сквайръ. — Никто не говоритъ о васъ. Даю вамъ честное слово что имя ваше не произносится въ домѣ ни мущиной, ни женщиной, ни ребенкомъ.

— Молчаніе объ отцѣ равносильно безчестію, мистеръ Белтамъ.

— Къ чорту ваше краснорѣчіе! Не касайтесь этого мальчика своими разбойничьими руками, загремѣлъ сквайръ. Помните, если вы возьмете его, такъ онъ уже не вернется ко мнѣ. Онъ не получитъ отъ меня ни гроша, если вы будете его воспитывать. Вы этимъ рѣшите его участь. Если онъ въ послѣдствіи явится сюда и будетъ стоять предо мной нищимъ, въ украденномъ платьѣ, какъ вы теперь, я не признаю его. Гарри, поди сюда! Поди къ своему дѣдушкѣ.

Мистеръ Ричмондъ ухватилъ мальчика въ ту минуту какъ онъ поворачивался, чтобъ убѣжать.

— Этотъ джентльменъ, сказалъ онъ, указывая на сквайра,— твой дѣдушка; я твой папа. Ты долженъ непремѣнно узнать и полюбить своего папу. Если я зайду за тобой завтра или послѣ-завтра, они придумаютъ какую-нибудь штуку и спрячутъ Гарри Ричмонда. Мистеръ Белтамъ, прошу васъ въ послѣдній разъ дать мнѣ обѣщаніе, замѣтьте, я довольствуюсь вашимъ обѣщаніемъ, что завтра или послѣ-завтра мнѣ будетъ дозволено видѣть жену.

Сквайръ, кашляя, произнесъ рѣшительное: — никогда! и подкрѣпилъ его энергическою божбой.

— Я убѣдительно прошу васъ дозволить это свиданіе, сказалъ мистеръ Ричмондъ.

— Нѣтъ, никогда! Не хочу! отозвался сквайръ, покраснѣвъ отъ сердитаго кашля.—Не хочу. Но постойте! Пустите

мальчика. Выслушайте меня, Ричмондъ. Вотъ что̀ я сдѣлаю. Если вы поклянетесь мнѣ на Библіи, какъ обвиненный въ присутствіи судей, что никогда носу своего не покажете въ здѣшнемъ околоткѣ и не будете тревожить ни мальчика, въ случаѣ что его встрѣтите, ни дочь мою, никого изъ насъ... вотъ что̀ я сдѣлаю... оставьте мальчика, я дамъ вамъ пятьсотъ фунтовъ.... Я дамъ вамъ вексель на моего банкира въ тысячу фунтовъ. Выслушайте же меня. Вы поклянетесь, какъ я сказалъ, на моей домашней Библіи, чтобы васъ громомъ убило, какъ Ананію и еще того другаго, если вы отступитесь отъ своего слова, и я обязуюсь выплачивать вамъ сверхъ того по пятидесяти фунтовъ въ годъ. Постойте. Я возьмусь заплатить долги ваши не свыше двухъ или трехъ сотъ фунтовъ. Бога ради, пустите мальчика! Вы сейчасъ получите пятьдесятъ гиней въ зачетъ. Пустите же мальчика! И вашъ сынъ... видите ли я называю его вашимъ сыномъ... вашъ Гарри Ричмондъ наслѣдуетъ мнѣ: ему достанется Риверсли Гренджъ и лучшая часть моего состоянія, если не все оно. Довольно ли вамъ? Согласны ли вы поклясться? Если не поклянетесь, мальчикъ будетъ нищій. Онъ станетъ чужимъ здѣсь, точно также какъ вы. Возьмите его, и какъ Богъ святъ, вы его погубите. Ну, будетъ; пустите его. Онъ и такъ ужь простудился. Давно пора ему въ постель; пустите его.

— Вы предлагаете мнѣ денегъ, отвѣчалъ мистеръ Ричмондъ.—Это одно изъ тѣхъ оскорбленій которыя приходится сносить когда имѣешь дѣло съ вами. Вы хотите чтобъ я продалъ сына. Чтобы повидаться съ страдающею женой я подавилъ бы въ себѣ отцовское чувство; но деньги ваши я ставлю ни во что̀. И вы принуждаете меня сказать вамъ что я презираю и ненавижу васъ. Меня пугаетъ мысль подвергнуть сына вліянію вашего грязнаго эгоизма. Мальчикъ мой: онъ у меня въ рукахъ и пойдетъ со мной труднымъ путемъ. Да развѣ судьба его не блестящая? Клянусь, его узнаютъ тѣмъ что̀ онъ есть на самомъ дѣлѣ, законнымъ наслѣдникомъ имени стоящаго на ряду съ знатнѣйшими именами страны. Запомните слова мои, мистеръ Белтамъ, вы, упрямый, низкій старикъ: Я беру этого мальчика, и посвящаю жизнь свою на возстановленіе его въ подобающемъ ему санѣ, и тогда, если мы съ вами доживемъ, вы до земли преклоните предъ нимъ свою глупую голову, глубоко скорбя о томъ днѣ когда вы,

простой сельскій дворянинъ ничтожнаго рода, съ кровью котораго мы удостоили смѣшать нашу кровь, грозили въ безумной слѣпотѣ своей лишить наслѣдства Гарри Ричмонда.

Дверь громко захлопнулась; и рѣчь его осталась недосказанною. Сначала онъ какъ будто удивился, но видя что испуганный мальчикъ готовъ расплакаться, онъ вынулъ изъ кармана хорошенькую коробочку и сунулъ вкусную конфекту въ надутыя губки. Затѣмъ послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, постучавъ себѣ въ грудь и поговоривъ самъ съ собою и съ ребенкомъ, окинувъ взглядомъ окна дома, онъ наконецъ опустился на одно колѣно и закуталъ мальчика въ шаль. Потомъ поднялъ его съ земли, и усадивъ его на руку, онъ быстро пошелъ по дорожкамъ и лугу, какъ лошадь, тронутая кнутомъ.

Тихая теплая ночь озарялась откуда-то мѣсяцемъ. Мѣстами, гдѣ проглядывало небо, виднѣлись мелкія, безлучныя звѣзды. Вѣяло запахомъ травъ и корней. Ночь была скорѣе майская, чѣмъ февральская. Такъ странно глядѣли эти холмы, эти верхушки хвойныхъ деревъ въ тихомъ сумракѣ, что ужасъ мальчика подавленъ былъ удивленіемъ. Онъ никогда еще не выходилъ ночью, и должно-быть ему страшно было кричать, ибо рыданіе его было не громко. На склонѣ парка, гдѣ начиналась сосновая роща, онъ услышалъ свое имя, произнесенное вдали женскимъ голосомъ, который узналъ за голосъ тетушки Дороти. Только разъ зовъ этотъ долетѣлъ до него: „Гарри Ричмондъ!“ Скоро они вышли изъ парка и очутились среди овраговъ, которые тянутся на цѣлыя мили вдоль большой дороги въ Лондонъ. Иногда отецъ насвистывалъ ему, или поднималъ его высоко и кивалъ ему въ привѣтъ головой, будто они впервые увидѣлись. Постоянная доступность его при всемъ горѣ вліянію засахареннаго чернослива внушила отцу надежды на будущее его благоразуміе.

Такъ, поцѣловавъ послушно отца, мальчикъ заснулъ у него на шеѣ, забывъ что онъ странствуетъ по свѣту, и если не ошибаюсь, ему приснилось будто онъ на кораблѣ изъ благоуханнаго дерева, среди моря, гдѣ катятся громадныя, но тихія волны, отрывающія отъ чего-то кусокъ за кускомъ безъ звука и безъ боли.

ГЛАВА II.

Лично испытанное мною приключеніе.

Эта ночь стоитъ въ моей памяти одна среди пустоты, какъ сказочный мѣдный зáмокъ, окруженный морскою волной. Отецъ должно-быть пронесъ меня по дорогѣ нѣсколько миль; онъ должно-быть добылъ мнѣ пищи; помнится что я чувствовалъ прикосновеніе чего-то сыраго, пилъ свѣжее молоко. Мало-по-малу послышался шумъ голосовъ и колесъ, появилась собака, бѣгающая однá по люднымъ улицамъ, останавливая всякую встрѣчную собаку. Она повернула въ одну сторону, а мы съ отцомъ въ другую. Мы очутились въ домѣ, гдѣ, какъ мнѣ казалось, пахло спертымъ воздухомъ, въ улицѣ состоящей изъ домовъ всѣ двери которыхъ были окрашены чернымъ и шумно запирались. Италіянцы-шарманщики и продавцы молока постоянно расхаживали по улицѣ и оглашали ее своею музыкой. Молоко, а коровъ нѣтъ нигдѣ; множество людей, и никого знакомаго; мысли мои заняты были этими странностями.

Отецъ скоро заставилъ меня забыть прежнее житье мое. Онъ умѣлъ представлять собаку, кролика, лисицу, пони, цѣлое собраніе забавныхъ животныхъ; но его иногда по цѣлымъ днямъ не было дома, а я не расположенъ былъ дружиться съ тѣми кто не могъ занять какъ онъ мое воображеніе. Когда онъ былъ дома, я ѣздилъ на немъ верхомъ по комнатѣ и вверхъ по лѣстницѣ спать; я билъ его кнутомъ, пока онъ не пугалъ меня естественностью своего лая. Стоило мнѣ произнести слово: звѣринецъ, и онъ превращался въ собраніе дикихъ животныхъ. Я разстегивалъ пуговицу его жилета, и на меня съ ревомъ бросался левъ; я дергалъ его за полу, и предо мной старый медвѣдь уморительно покачивался, потомъ садился и испускалъ жалобный вой. Комната наша казалась мнѣ богаче всего Гренджа, пока происходили эти представленія. Обезьяну онъ изображалъ почти такъ же хорошо какъ медвѣдя, только онъ былъ слишкомъ великъ ростомъ и принужденъ былъ для достиженія сходства съ этимъ животнымъ ломать чтò попадалось подъ руку. Это вызвало на сцену нашу хозяйку. Чѣмъ больше я наслаждался въ присутствіи отца,

тѣмъ больше страдалъ въ его отсутствіи. Когда я оставался одинъ, нянькѣ приходилось понуждать меня чтобъ я игралъ; я валялся по полу, и внезапно меня поражала разница между моимъ теперешнимъ и прежнимъ жильемъ. Отецъ мой подрядилъ маріонетокъ давать каждое утро представленіе предъ моимъ окномъ. Но тутъ опять талантъ его помѣшалъ исполненію его добрыхъ намѣреній. Разъ, стоя подлѣ меня у окна, во время представленія, онъ придалъ ему такую живость своими словами и жестами что безъ него оно потеряло для меня всякую прелесть. Меня пугалъ крикъ полишинеля въ его отсутствіи и нисколько не забавляли самые полновѣсные удары по деревяннымъ головамъ. По воскресеньямъ мы отправлялись въ соборъ. Этотъ день имѣлъ для меня свою особую прелесть. Отецъ всегда былъ дома въ воскресенье. Оба мы, принарядившись, шли по улицѣ рука съ рукой. Отецъ подводилъ меня къ памятникамъ собора, говоря тихимъ голосомъ о побѣдахъ Англичанъ и призывая вниманіе мое на героевъ. Я очень рано сталъ считать своею обязанностью подражать имъ. Пока мы оставались въ соборѣ, онъ говорилъ о славѣ старой Англіи и понижая голосъ среди тихаго напѣва, произносилъ имя Нельсона, или другаго великаго человѣка. Это повторялось постоянно. „Кого возьмемъ мы сегодня?“ спрашивалъ онъ, когда мы выходили изъ дому. Мнѣ предоставлялось рѣшить выберемъ ли мы героя или писателя. И я скоро научился обнаруживать въ моихъ рѣшеніяхъ капризное упрямство. Одно воскресенье мы брали Шекспира, другое Нельсона, или Питта. „Нельсона, папа!“ отвѣчалъ я чаще всего. Онъ никогда не противорѣчилъ, и мы направляли шаги къ Нельсонову памятнику, и онъ обнажалъ голову и говорилъ: „Ну, хорошо, Нельсона“. Я выбиралъ Нельсона предпочтительно предъ другими, потому что подъ вечеръ отецъ разказывалъ мнѣ о жизни героя дня, и ни Питтъ, ни Шекспиръ не могли похвастаться тѣмъ что лишились глаза и руки, или дрались на льду съ огромнымъ бѣлымъ медвѣдемъ. Я называлъ ихъ иногда изъ состраданія и чтобы доставить удовольствіе отцу, который говорилъ что и ихъ не слѣдовало бы забывать. Они, говаривалъ онъ, посѣщаютъ его, когда я оказываю имъ слишкомъ продолжительное пренебреженіе, чтобъ узнать причины моей холодности, и пристаютъ къ нему чтобъ онъ заступился за нихъ предо мною и сообщаютъ много сво-

ихъ неизвѣстныхъ еще приключеній, чтобъ я соблазнился заняться ими на слѣдующее воскресенье.

„Славный Вилль“, называлъ отецъ мой Шекспира, а Питта „Тонкій Билли“. Сцена, когда славный Вилль билъ оленей и таскалъ за ними Фальстафа по всему парку, при свѣтѣ Бардольфова носа, на который надѣвали гасильникъ, при приближеніи лѣсниковъ, и тутъ всякій въ потьмахъ хваталъ не того кого нужно, сцена эта представляла удивительное смѣшеніе смѣха и слезъ. Славный Вилль былъ очень молодъ, но всѣ въ паркѣ звали его отецъ Вилльямъ. Когда онъ освѣдомлялся куда ушелъ олень, король Лиръ (если память меня не обманываетъ) указывалъ ему слѣдъ; леди Макбетъ подавала платокъ, чтобъ онъ окунулъ его въ кровь оленя; Шейлокъ требовалъ фунтъ мяса, Гамлетъ (не знаю почему, только фактъ врѣзался въ моей памяти) предлагалъ ему трехногій стулъ; множество королей, рыцарей и дамъ зажигали факелы отъ Бардольфова носа, и разбѣгались всѣ, смущая лѣсниковъ и предоставляя Виллю оленя. Это бѣдное животное, при каждомъ разказѣ умирало отъ новаго оружія, но кровь его всегда текла потокомъ, и всегда оно ударяло рогами въ животъ Фальстафу; и какъ ревѣлъ Фальстафъ! Но какъ жалко было слышать о грусти славнаго Вилля надъ убитымъ животнымъ. Слова его звучали какъ музыка. Сцена эта трогала меня, хотя я зналъ что она освѣщена носомъ Бардольфа. Когда я готовъ былъ расплакаться, ибо олень высунулъ языкъ, и бока его тяжело поднимались, а до́ма остались у него дѣтки, славный Вилль припоминалъ что обѣщалъ Шейлоку фунтъ оленьяго мяса. Рѣшивъ что не ѣсть этого оленя жиду, онъ соображалъ что Фальстафъ можетъ удѣлить фунтъ своего жиру, а жидъ не замѣтитъ разницы. Фальстафъ спасся только поспѣшнымъ бѣгствомъ, заподозривъ что грязная жизнь навѣрное придала тѣлу его вкусъ свинины, и что поэтому жидъ откроетъ обманъ.

Отецъ мой разказывалъ все это такимъ положительнымъ тономъ, и съ такою живостью подражалъ охотничьимъ крикамъ, изображалъ спотыкающагося Лира и мрачнаго Гамлета и объемистаго Фальстафа что я напряженно слѣдилъ за всѣми явленіями и дѣйствительно видѣлъ ихъ предъ собою. Мнѣ потребовалась нѣкоторая помощь чтобы понять что смѣшно со стороны Гамлета предлагать трехногій стулъ въ критическую минуту охоты. Мало-по-малу я безсознательно

ознакомился съ характерами Шекспира. Не было отца болѣе восхитительнаго, чѣмъ мой, для мальчика отъ восьми до десяти лѣтъ. Онъ предугадывалъ въ субботу что я выберу въ воскресенье Вильяма Питта, ибо въ этихъ случаяхъ однообразіе высокой дѣятельности Тонкаго Билли вознаграждалось смородиннымъ пирогомъ, который, какъ торжественно увѣрялъ отецъ мой, знаменитый министръ весьма любилъ при жизни. Если я называлъ его, отецъ мой говаривалъ: Вильямъ Питтъ, иначе Тонкій Билли, родился въ такомъ-то году. А теперь, и онъ шелъ къ буфету, во имя политики, возьми это и помышляй о немъ. Такъ какъ лавки въ воскресенье заперты, онъ, конечно, безошибочно предугадывая мой выборъ, покупалъ пирогъ въ субботу, и какъ только пирогъ этотъ появлялся, мы оба испускали восклицаніе. Помню еще стишокъ, повторяемый отцомъ:

Билли Питтъ съѣлъ варенья съ кускомъ пирога
Какъ Серингапатамъ отнятъ былъ у врага.

Какъ бы то ни было, по поводу этого преданія, отецъ мой обнаруживалъ свою непостижимую предусмотрительность. Размышленія мои о Питтѣ, при такихъ обстоятельствахъ, склоняли меня въ пользу званія перваго министра. Но я только изъ любви къ лакомству выбиралъ его. Ничего не находилъ я привлекательнаго въ политической дѣятельности, несмотря на краснорѣчивыя разсужденія отца объ управленіи государствомъ, о благосостояніи народномъ, о громахъ Британіи. Устроено было такъ что день прииоравливался всегда къ характеру избраннаго героя; поэтому, когда я выбиралъ Питта, мнѣ доставался пирогъ, а разказа не доставалось, потому что не было у него никакихъ приключеній, и едва ли правитель государства не представлялся мнѣ какою-то тѣнью, подлѣ лавки пирожника. Но я удивлялъ чужихъ, говоря объ немъ. Я сообщилъ нашей хозяйкѣ нѣкоторыя замѣчанія, на которыя она всплеснула руками и воскликнула что я изумителенъ. Она всегда шептала какія-то таинственныя слова на ухо моей няньки, или своихъ знакомыхъ, заглядывавшихъ въ мою комнату. Когда отецъ научилъ меня немного играть на фортепіанахъ, началамъ англійской исторіи и родословнымъ знатнѣйшихъ домовъ, я сдѣлался дивомъ дома. Меня сажали на высокій стулъ наигрывать пѣсенки; а потомъ чтобъ обнаружить обширность моего образованія, меня спрашивали: „А кто же-

нился на вдовствующей герцогинѣ Дьюлапъ?" Я отвѣчалъ: „Джонъ Греггъ Ветролъ, эсквайръ, и опозорилъ семейство." Затѣмъ меня спрашивали чѣмъ объясняю я ея поведеніе. „Это все оттого что герцогъ женился на скотницѣ", отвѣчалъ я, вскидывая головой. Отецъ мой составилъ эти вопросы и подготовилъ отвѣты, но дѣйствіе производилось поразительное и на посѣтителей и на хозяйку. Понемногу ухо мое привыкло къ неизмѣнному шепоту ея въ подобныхъ случаяхъ. Королевская кровь! говорила она. — Нѣтъ? говорили посѣтители, словно смычкомъ вели внизъ по струнамъ.

Однажды вечеромъ знакомый зашелъ за отцомъ, взять его съ собой погулять. Отецъ игралъ со мной, когда вошелъ посѣтитель. Онъ вскочилъ съ полу и закричалъ на гостя, зачѣмъ онъ вторгается въ его домашнюю жизнь; но потомъ представилъ мнѣ его какъ Шейлокова правнука и сказалъ что Шейлокъ довольствовался однимъ фунтомъ, а потомокъ его требуетъ двухъ сотъ фунтовъ, или всего его тѣла, что̀ произошло будто бы отъ переселенія семейства изъ Венеціи въ Англію. Отецъ только казался сердитымъ, ибо онъ ушелъ подъ руку съ правнукомъ Шейлока, воскликнувъ: „На Ріальто!" Когда я сообщилъ хозяйкѣ нашей, мистрисъ Вадди, объ этомъ посѣтителѣ, она сказала:

— Ахъ, Боже мой! Пожалуй милый папаша вашъ не такъ-то скоро воротится!

Мы ждали много дней, пока мистрисъ Вадди получила отъ него письмо. Она пришла совсѣмъ одѣтая ко мнѣ въ комнату, требуя чтобъ я далъ ей двадцать поцѣлуевъ для папеньки, и я глядѣлъ какъ поправляла она ленты шляпки предъ зеркаломъ. Шляпка все не надѣвалась какъ слѣдуетъ. Наконецъ мистрисъ Вадди упала въ слезахъ на кресло, превратилась въ кучу коричневаго шелка и воскликнула:

— Какъ мнѣ, бѣдной, одинокой женщинѣ явиться предъ этими ужасными людьми, да можетъ-быть еще предъ настоящимъ герцогомъ! Ни за что̀! отвѣчала она на мою просьбу взять и меня.—Ни за что̀ на свѣтѣ не поведу я васъ *туда*, къ папашѣ. Это убило бы его. Вамъ и желать этого не слѣдуетъ.

— Ахъ, бѣдный отецъ, продолжала она.—Какъ жестоки къ нему люди! Никто не цѣнитъ его очаровательнаго характера. Повсюду враги у него, когда ему слѣдовало бы сидѣть рядомъ со знатнѣйшими въ странѣ!

Я почувствовалъ свое печальное одиночество, проводя вос-

кресенье безъ отца; точно будто бы я навсегда его лишился. Нянька моя пришла и помогла мистрисъ Ваддн надѣть шляпку на свои шесть крутыхъ локоновъ. Пока онѣ этимъ занимались, я сидѣлъ смирно, только по временамъ подергивая шелковое платье, частью чтобъ оно взяло меня съ собой, частью изъ зависти что оно увидитъ того съ кѣмъ я такъ жестоко разлученъ. Мистрисъ Ваддн еще нѣсколько разъ поцѣловала меня, увѣряя что черезъ четверть часа передастъ отцу мои поцѣлуи, чтобъ я покуда считалъ время. Нянька выпустила ее. Я притворился что считаю, пока мистрисъ Ваддн не прошла мимо окна. Сердце мое болѣзненно стукнуло. Дверь на улицу оказалась отпертою; въ коридорѣ никого не было, я выбѣжалъ, полагая что мистрисъ Ваддн принуждена будетъ взять меня съ собой, когда увидитъ меня подлѣ себя на улицѣ.

Я нисколько не смутился не увидѣвъ ее тотчасъ же. Перебѣгая изъ улицы въ улицу, я поворачивалъ то вправо, то влѣво, со смѣлою увѣренностью, будто направляюсь къ опредѣленной цѣли. Должно-быть прошло уже около часа, когда я понялъ что мистрисъ Ваддн ушла отъ меня. Тогда я рѣшился любоваться окнами магазиновъ, съ отраднымъ чувствомъ свободы не стѣсняемой теченіемъ времени и нянькой. Зная что могу глядѣть сколько мнѣ угодно, я довольствовался однимъ взглядомъ. Если останавливался, такъ развѣ для того чтобы гордо заявить свою свободу, а вовсе не изъ предпочтенія къ одному магазину предъ другими. Всѣ были одинаково прекрасны, и экипажи тоже, и люди тоже. Дамы часто оглядывались на меня, можетъ-быть оттого что у меня ничего не было на головѣ. Но онѣ нисколько меня не интересовали. Я пожалуй спросилъ бы у нихъ или у кого-нибудь гдѣ живетъ перство, да умъ мой былъ слишкомъ занятъ; мнѣ было не до того. Я былъ увѣренъ что если буду долго, долго идти, такъ дойду до собора Св. Павла или до Вестминстерскаго аббатства. Ко всему остальному я былъ равнодушенъ.

При захожденіи солнца меня вдругъ какъ стрѣлой пронзило чувство голода, когда проходилъ я мимо лавки пирожника. Я поплелся далѣе, надѣясь дойти до другой такой лавки, не зная зачѣмъ ушелъ отъ первой. Я увидѣлъ мальчика въ изодранныхъ панталонахъ, не выше меня ростомъ, стоящаго на цыпочкахъ предъ окномъ весьма большой и блестящей булочной. Онъ уговорилъ меня войти и попросить булку. Мнѣ это показалось весьма естественнымъ. Но дойдя до стойки,

по срединѣ обширнаго магазина, я слегка смутился, и принужденъ былъ два раза повторить мою просьбу молодой женщинѣ сидѣвшей за конторкой.

— *Дать* вамъ булку, мальчикъ? сказала она.—Мы не даемъ булокъ, мы продаемъ ихъ.

— Вѣдь я голоденъ, отвѣчалъ я.

Явилась другая молодая женщина, смѣющаяся, вся въ локонахъ.

— Развѣ вы не видите что это не простой мальчикъ. Онъ не хнычетъ, замѣтила она. — Вотъ вамъ, мистеръ Чарльсъ. Благодарить не за что̀.

— Меня зовутъ Гарри Ричмондъ. Я очень вамъ благодаренъ.

Я слышалъ уходя какъ она говорила: „Видно что это сынъ джентльмена.“ Оборванный мальчикъ ждалъ меня съ нетерпѣніемъ.

—Экій счастливчикъ! вскричалъ онъ.—Ну, пойдемъ, кудряшъ!

Я, помнится, намѣренъ былъ раздѣлить съ нимъ булку; но онъ, конечно, не могъ угадать моего благодушнаго намѣренія, и поступилъ со мной такъ какъ предполагалъ что я съ нимъ поступлю: быстрымъ движеніемъ онъ вырвалъ у меня булку и убѣжалъ, суя ее себѣ въ ротъ. Я остановился, глядя себѣ на руку. Въ эту минуту я узналъ что̀ такое воровство, и нищенство, и голодъ. Я умеръ бы скорѣе чѣмъ второй разъ попросить булку; и при мучившемъ меня истощеніи и голодѣ, безчестный поступокъ мальчика темною тучей отуманилъ мой умъ. Когда я опомнился, меня велъ за руку сквозь толпу какой-то старый джентльменъ, которому я должно-быть разказалъ что-то необыкновенное. Онъ качалъ головой, приговаривая: „непонятно.“ Но его вопросы: зачѣмъ я на улицѣ безъ шляпы? гдѣ живетъ моя мать? что̀ я дѣлаю въ Лондонѣ? побуждали ребенка къ автобіографическимъ изліяніямъ, и на каждый вопросъ я сызнова разказывалъ ему всю мою исторію. Онъ привелъ меня въ скверъ, все время слушая меня, наклонившись ко мнѣ. Но когда я замѣтилъ что мы отошли отъ лавокъ, я сразу разъяснилъ ему въ чемъ дѣло, внезапно остановившись и воскликнувъ: „Какъ я голоденъ!“ Онъ кивнулъ головой и сказалъ:

— Нечего допрашивать пустой желудокъ. Вы сдѣлаете мнѣ честь отобѣдать со мной, молодой человѣкъ; а потомъ мы переговоримъ о вашихъ дѣлахъ.

Тревога моя о томъ что мы ушли отъ аппетитныхъ магазиновъ успокоилась только тогда когда я очутился за столомъ со старикомъ, съ молодою дамой, да со старушкой въ чепцѣ, дѣлавшей громкія замѣчанія на мою одежду и всѣ мои движенія. Я былъ представленъ имъ какъ упавшій съ неба мальчикъ. Старикъ не позволялъ расправшивать меня пока я не поѣлъ. Пиръ былъ достопамятный. Мнѣ дали супу, рыбы, мяса и пирога и въ первый разъ въ жизни рюмку вина. Какъ смѣялись они когда я заморгалъ и закашлялся, проглотивъ полрюмки какъ воду. Языкъ мой сразу развязался. Я какъ будто вдругъ вознесся выше лондонскихъ крышъ, подъ которыми бродилъ недавно жалкою крошкой. Я заговорилъ о чудномъ отцѣ моемъ, о славномъ Виллѣ, о Питтѣ и перствѣ. Я изумилъ ихъ моими познаніями. Когда я закончилъ длинный разказъ объ охотѣ Вилля на оленя заявленіемъ что политика меня не интересуетъ (я хотѣлъ сказать что Питтъ сравнительно скученъ), они громко захохотали, словно я взорвалъ ихъ.

— Знаете ли что вы такое? сказалъ старикъ. У него были насупленныя брови и улыбающійся ротъ. — Вы комическая личность.

Я заинтересовался имъ и спросилъ: кто онъ самъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ что онъ юристъ, и готовъ служить мнѣ помощникомъ въ роли клоуна, если я согласенъ взять его.

— Вы принадлежите къ перству? спросилъ я.

— Пока еще нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, — я васъ не знаю.

Молодая дама залилась хохотомъ.

— Ахъ, вы, смѣшной мальчикъ! Уморительное вы существо! сказала она, подошла ко мнѣ, подняла меня со стула и освѣдомилась умѣю ли я цѣловать.

— О, да! Этому меня научили, сказалъ я, и поцѣловалъ ее, не дожидаясь приглашенія, — но, прибавилъ я, — мнѣ это не очень нравится. Она пришла въ негодованіе и сказала мнѣ что сейчасъ обидится, тогда я объяснилъ ей что люблю чтобы меня цѣловали и играли со мной утромъ, пока я еще не вставалъ, и если она придетъ ко мнѣ въ домъ, какъ бы ни было рано, она найдетъ меня у стѣнки, и я буду радъ ей.

— А кто же спитъ рядомъ съ вами? спросила она.

— Папа, началъ было я, но голосъ мой прервался рыданіемъ: мнѣ казалось что цѣлое море отдѣляетъ меня теперь

отъ него. Они нѣжно ласкали меня. Мало-по-малу выпытали отъ меня всю мою исторію ловкими вопросами со стороны старика и умѣстными ласками со стороны дамъ. Я все могъ сообщить имъ, кромѣ имени улицы въ которой я жилъ. Ночное путешествіе изъ дома дѣда всего болѣе интересовало ихъ, а также и то что у меня жива мать, вѣчно обмахивающаяся вѣеромъ и носящая бальное платье. Я это помнилъ. Дамы объявили что я очевидно дитя романтическое. Я замѣтилъ что старикъ очень часто произносилъ: „гм!...", и брови его мрачно нахмурились, когда я разказалъ какъ отецъ ушелъ съ потомкомъ Шейлока и съ тѣхъ поръ уже не возвращался ко мнѣ. Принесли большую книгу изъ его библіотеки, онъ прочелъ въ ней вслухъ имя моего дѣда. Меня помѣстили на стулъ подлѣ чайнаго прибора у камина. Тутъ представился мнѣ старый красный домъ въ Риверсли, и мать моя въ бѣломъ платьѣ, и тетушка Дороти. Всѣ онѣ жаловались что я разлюбилъ ихъ, увѣряли что мнѣ пора въ постель, и я ничего не имѣлъ противъ этого. Кто-то отнесъ меня на верхъ и раздѣлъ и обѣщалъ мнѣ большую игру въ поцѣлуи на утро.

На слѣдующій день я услышалъ въ чужомъ домѣ что старикъ послалъ одного изъ своихъ конторщиковъ въ Риверсли и вступилъ въ сношенія съ лондонскими констеблями. Вскорѣ появилась мистрисъ Вадди, также обращавшаяся къ этимъ властямъ, изъ которыхъ одна подтверждала права ея на меня. Но старикъ желалъ удержать меня у себя, пока посланный его воротится изъ Риверсли. Онъ придумывалъ разныя отговорки. Наконецъ онъ сталъ настаивать чтобы повидаться съ отцомъ моимъ, и мистрисъ Вадди послѣ продолжительнаго колебанія и многихъ слезъ, сообщила ему адресъ на ухо.

— Такъ я и думалъ, сказалъ онъ.

Мистрисъ Вадди увѣщевала его быть почтительнымъ къ моему отцу, который по достоинству выше его, да и не въ обиду будь сказано, выше всѣхъ присутствующихъ, и такъ несчастенъ безъ всякой вины съ своей стороны, и что̀ бы ни говорили, примѣрный христіанинъ и образецъ истиннаго джентльмена и по праву долженъ бы занимать мѣсто на ряду со знатнѣйшими. Со знатнѣйшими, повторила она, укоризненно потрясая ячменными колосьями на чепцѣ и крѣпко сжавъ руки.

Мистеръ Баннербриджъ, такъ звали старика, вернулся очень поздно отъ моего отца, такъ поздно что, по его сло-

вамъ, было бы жестоко выпустить меня на улицу, когда мнѣ давно пора быть въ постели. Мистрисъ Вадди согласилась оставить меня съ тѣмъ чтобъ я былъ выданъ ей на слѣдующее утро не позже девяти часовъ. Мистеръ Баннербриджъ увѣрялъ меня что здоровье и аппетитъ моего отца превосходны, и сообщилъ мнѣ множество неудовлетворительныхъ извѣстій, остальное же говорилъ онъ на ухо своей дочери, миссъ Баннербриджъ,—которая замѣтила что мы, по всей вѣроятности, получимъ отвѣтъ изъ Гампшейра рано утромъ, и тогда можно будетъ возвратить бѣднаго мальчика друзьямъ его дѣтства. Я понималъ что они осуждали за что-то отца моего и что я составляю предметъ спора между двумя противными сторонами, но почему они жалѣли обо мнѣ, этого я не понималъ. Произошла изъ-за меня великая битва, когда мистрисъ Вадди явилась аккуратно въ назначенный часъ. Побѣда осталась за нею, и я, ея добыча, провелъ цѣлый день въ различныхъ экипажахъ, изъ которыхъ послѣдній высадилъ насъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона у воротъ старой, ветхой, мшистой фермы, похожей цвѣтомъ на желтую фіалку.

ГЛАВА III.

Дилвелская ферма.

Въ дождь и въ солнце эта старая ферма подобна была желтой фіалкѣ. Все тотъ же сырой, земляной запахъ, кромѣ кухни, гдѣ жили Джонъ и Марта Трешеръ. Всѣ свѣжія яица, масло клейменное тремя пчелами, банки меду, куры, зайцы, привлекательно пахучій деревенскій хлѣбъ, приходившіе къ мистрисъ Вадди въ Лондонъ и появлявшіеся на столѣ моего отца, были произведенія Дилвелской фермы, подарки сестры ея Марты Трешеръ. Узнавъ это, я тотчасъ же почувствовалъ себя какъ дома и спросилъ прямо: Долго ли я здѣсь останусь? Не уѣду ли завтра? Что̀ намѣрены дѣлать со мной? Женщинамъ эти вопросы молодаго странника показались трогательны. Поцѣлуи и обѣщанія что мнѣ дадутъ куръ кормить, и что отъ этого произойдутъ яица, меня успокоили. Сильное впечатлѣніе произвели на меня слова мистрисъ Вадди:

— Сюда, мистеръ Гарри, пріѣдетъ за вами самъ папаша вашъ. Навѣрное пріѣдетъ; я слышала онъ самъ говорилъ, а онъ слова своего не нарушитъ, развѣ вся страна поднимется противъ

него. А за своего сынка онъ готовъ пойти на пушки. Такъ вы сидите здѣсь и ждите его.

Я тотчасъ же сѣлъ и сталъ глядѣть вопросительно. Мистрисъ Вадди и мистрисъ Трешеръ подняли руки кверху. Я имъ явилъ какое-то необычайное доказательство любви моей къ отцу. У меня же сложилось понятіе что сидѣніемъ на мѣстѣ я привлеку къ себѣ отца.

— Гдѣ не замѣшано сердце его, замѣтила лестно мистрисъ Вадди,—онъ смышленъ какъ школьный учитель.

— Какіе у него умные глаза! сказала мистрисъ Трешеръ, лицо которой я разсматривалъ.

Джонъ Трешеръ предлагалъ биться объ закладъ что я скоро буду умнѣе всѣхъ ихъ. Но всякій разъ какъ онъ начиналъ говорить, его останавливали за ошибки противъ правильности рѣчи.

— Больше чѣмъ о насущной пищѣ, отецъ этого ребенка заботится о томъ чтобъ онъ говорилъ языкомъ истиннаго джентльмена, воскликнула мистрисъ Вадди. — Въ его присутствіи надо держать ухо востро. Онъ бывало останавливалъ меня, какъ несла я горячее блюдо, чтобъ убѣдиться не слыхалъ ли ребенокъ какого-нибудь неправильнаго слова. Нянькѣ онъ такія читалъ наставленія что бѣдняжка приходила бывало ко мнѣ совсѣмъ запуганная. Это все потому что отецъ этотъ знаетъ свои обязанности къ сыну. Каковъ въ дѣтствѣ, таковъ и въ зрѣломъ возрастѣ, говаривалъ онъ. Все равно какъ вы, Джонъ, когда сѣете хлѣбъ, думаете о жатвѣ. Такъ не обижайтесь же на меня, Джонъ, и пожалуста думайте о правильности своихъ рѣчей. Каждое слово переверните дважды въ умѣ, прежде чѣмъ выговорить.

— Значитъ, перегрузись на дорогѣ, сказалъ Джонъ Трешеръ. — Ну, сѣмя-то положимъ ужь сѣется, а жатва его еще далека. Слушайте-ка, Мери Вадди, иное дѣло франтовство, иное деревня, а иное школа. Смѣшай и то, и другое, и третье, оттяни и осади. Вотъ какъ я полагаю.

Жена его и мистрисъ Вадди задумчиво сказали въ одинъ голосъ:—справедливо!

— Какъ тамъ себѣ хочешь, а въ этомъ вся штука, добавилъ онъ.

Онѣ согласились, и тотчасъ, какъ кроткія женщины, начали хвалить его.

— Что̀ Джонъ говоритъ, сто́итъ послушать, Мери. Ты можетъ-быть ужь слишкомъ заботлива. Чтобы сварить жаркое нуженъ огонь умѣренный а не полымя.

— О, я совершенно согласна съ Джономъ, Марта. Въ здѣшнемъ мірѣ надо принимать и хорошее и дурное.

— Ну, да я вѣдь неученый; значитъ и безпокоиться нечего, сказалъ Джонъ.

Мистрисъ Ванди шепнула ему что-то на ухо.

Брови его поднялись; глаза вытаращились. Ей удалось чѣмъ-то поразить его.

— Это вѣрно? спросилъ онъ.

— Вы меня обижаете. Развѣ я стану говорить неправду? отвѣтила она.

Джонъ Трешеръ устремилъ свой взглядъ на меня и заявилъ что этого никакъ бы не угадалъ. На что̀ ему замѣтили что угадать было можно. Онъ затѣмъ объявилъ что мнѣ нельзя водиться съ тамошними дѣтьми, а помѣстить меня въ кухнѣ нечего и думать. Мысль о моемъ помѣщеніи, казалось, сильно занимала также и Марту. Меня повели въ парадныя комнаты. Самый видъ ихъ непріятно на меня подѣйствовалъ. Я затопалъ ногами, требуя чтобы меня пустили въ кухню, и рѣдко въ жизни бывалъ я такъ счастливъ, какъ обѣдая или ужиная тамъ съ Джономъ, съ Мартой и съ рабочими, ожидая отца моего изъ-за горъ, и довольный въ то же время днемъ моимъ. Надѣяться, и не терять терпѣнія, значитъ вѣрить. Таково было чувство мое въ отсутствіи отца. Я зналъ что онъ пріѣдетъ и не желалъ торопить его. Ему принадлежалъ міръ за горами, а мнѣ здѣшній міръ, гдѣ тихая рѣка текла отъ шумной мельницы подъ нашимъ садомъ, черезъ широкіе луга. Зимою летали тутъ дикія утки. По ту сторону рощицъ, окружающихъ нашъ домъ, былъ паркъ съ деревьями, современными, какъ говорилъ Джонъ Трешеръ, началу англійской исторіи. Мысль о ихъ почтенной старости навѣвала на меня чувство мирнаго спокойствія. Онъ затруднялся опредѣлить въ точности лѣта этихъ деревъ и по моей догадкѣ пріурочилъ ихъ къ саксонской гептархіи. Живя такимъ образомъ среди воспоминаній саксонскихъ временъ, я смотрѣлъ на Риверсли какъ на мѣсто новое, плохо насиженное, не носившее моего Альфреда и Гарольда. Эти герои жили въ предѣлахъ Дипвела, спокойно ожидая пріѣзда моего отца. Онъ прислалъ мнѣ однажды чудное письмо. Мистрисъ Ванди взяла съ собой въ Лондонъ одного изъ голубей Джона Трешера, и вечеромъ птица эта появилась, разсѣкая воздухъ какъ стрѣла, и неся на шеѣ письмо прямо отъ милаго моего отца. Бесѣда планеты

съ планетой не болѣе поразила бы смертныхъ, чѣмъ слова его, доставленныя такимъ образомъ, поразили меня. Я легъ спать и проснулся, воображая что птица летитъ ко мнѣ съ неба.

Въ это время сдѣлана была попытка опять потревожить меня. Неизвѣстный молодой человѣкъ появился въ окрестностяхъ фермы. Онъ завелъ рѣчь со мной на Лекгамской ярмаркѣ.

— Мы вѣдь, кажется, знакомы. Что подѣлываетъ дѣдушка вашъ, сквайръ, и тетушка, и мистеръ Баннербриджъ? У меня есть новости для васъ.

Желая выслушать его, я взялъ его за руку, оставивъ спутницу мою, маленькую дочь мельника, Мабелю Свитвинтеръ, у латка съ игрушками, пока Бобъ, ея братъ и нашъ провожатый, обтачивалъ поодаль палки въ красивой позѣ. Да, и новости объ вашемъ отцѣ, сказалъ молодой человѣкъ. Пойдемте, вы съ нимъ увидитесь. Вы умѣете бѣгать? Я показалъ ему какъ скоро я бѣгаю. Бобъ погнался за нами, вступилъ за меня въ бой, отбилъ меня, и я тотчасъ же опять призналъ надъ собой его власть. Онъ пронесъ меня почти всю дорогу до Дипвела. Женщины должны смотрѣть на счастливыхъ героевъ. завладѣвающихъ ими, почти съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ смотрѣлъ я на моего героя. Я цѣловалъ его окровавленное лицо, не давая ему утереться. Джонъ Трешеръ сказалъ мнѣ вечеромъ:

— Вотъ теперь вы имѣете понятіе о кулачномъ боѣ. И повѣрите ли, мистеръ Гарри, есть такіе безразсудные люди которые хотятъ уничтожить это прекрасное искусство. По моему, имъ бы слѣдовало ходить въ юбкахъ. Пусть пасторы проповѣдуютъ какъ знаютъ, мы съ вами будемъ поддерживать мужественную забаву.

Да здравствуетъ Бобъ! Онъ увѣрялъ меня, и я вполнѣ ему вѣрилъ, что кулачный бой естественная защита Англіи отъ враговъ. Мысль что страну нашу защищаютъ отъ непріятельскаго нашествія такіе люди какъ Бобъ была мнѣ невыразимо отрадна. Руководимый Трешеровымъ патріотизмомъ, я принялся проходить книгу англійской исторіи, съ медленностью возовой лошади, тащащей за собой громадную фуру во образѣ Джона. Пока не нагрузится эта фура, нельзя было двигаться впередъ. Способъ воспріятія имъ историческихъ свѣдѣній заключался въ томъ что онъ сначала шелъ на драку съ лицами оскорблявшими нашу народную честь, а потомъ протягивалъ имъ руку и гордился ими.

— Гдѣ не удастся силой, тамъ помогаетъ хитрость, говорилъ онъ.—Отъ Вильгельма-Завоевателя не отдѣлаешься, потому что онъ упрямъ и стоекъ, ну, мы беремъ его и дѣлаемъ однимъ изъ нашихъ. Въ этомъ, надѣюсь, нѣтъ униженія! Онъ вѣдь польстилъ намъ, мистеръ Гарри, самъ пожелавъ быть Англичаниномъ. „Это знаешь?“ говоримъ мы, показывая ему кулакъ. „Немножко,“ отвѣчаетъ онъ, и бьется хорошо. „Такъ значитъ,“ говоримъ мы, „ты изъ нашихъ; мы весь свѣтъ побьемъ.“ Такъ и случилось.

У Джона Трешера былъ трудолюбивый умъ. Онъ лишь въ потѣ лица возвышался до этихъ умозрѣній. Онъ сказалъ мнѣ что на его взглядъ родина то же что̀ жена. Въ одной родишься, съ другою вѣнчаешься, а узнаешь ихъ ужъ потомъ, и приходится уживаться какъ умѣешь. Онъ совѣтовалъ мнѣ все смѣшать, оттянуть и бросить осадокъ; въ этомъ главная штука. Всякое затрудненіе въ жизни разрѣшалось для него этимъ пріемомъ, достоинство котораго доказывалось, по его словамъ, чистымъ элемъ, національнымъ напиткомъ. Даже ребенкомъ я чувствовалъ что онъ по преимуществу Англичанинъ. Разказы о беззаконіяхъ совершенныхъ на рѣкѣ Нигерѣ доводили его до ярости, и онъ громко требовалъ новыхъ налоговъ, чтобы наказать негодяевъ. И въ то же время, при видѣ нищихъ у воротъ, онъ скорбѣлъ о тяжести существующихъ налоговъ, и заклиналъ меня имѣть жалость къ бѣдному податному сословію, когда буду принимать участіе въ исправленіи законовъ. Я, смѣясь, обѣщалъ ему помнить его слова съ искреннимъ намѣреніемъ издать нѣсколько законовъ прямо въ его пользу. И онъ, также смѣясь, отъ души однако, благодарилъ меня.

Я былъ одѣтъ въ трауръ по далекой матери. Мистрисъ Ватди привезла изъ Лондона молодаго человѣка, который снялъ съ меня мѣрку чтобъ одежда моя была скроена по послѣдней модѣ.

— Отецъ раздѣлъ бы его тотчасъ же еслибъ увидѣлъ на немъ платье деревенскаго покроя, сказала мистрисъ Ватди, и слова ея, какъ бы предвѣщая близкую перемѣну, поселили во мнѣ увѣренность что отецъ мой началъ двигаться въ своей части свѣта. Онъ прислалъ мнѣ молитву, написанную его собственнымъ почеркомъ, за мать мою отошедшую на небо. Молитва эта въ черномъ ободкѣ мелькала предо мной, какъ только я закрывалъ глаза. Марта Трешеръ стала давать мнѣ лѣкарство отъ разстройства печени. Мистрисъ Ватди нашла

что я блѣденъ и предписала желѣзо. Обѣ рѣшили что мнѣ нужна самая питательная пища; аптекарь же соглашался во всемъ съ обѣими, что̀ и помирило ихъ, ибо эти добрыя женщины чуть было не поссорились изъ-за лѣкарствъ какія слѣдовало мнѣ поглощать. При такомъ тщательномъ уходѣ, во мнѣ обнаружился зловѣщій симптомъ что умъ мой обращенъ болѣе на мать нежели на отца. Мнѣ невольно представлялось что уйти на небо страннѣе чѣмъ пріѣхать въ Дилвелъ. Эта мысль вертѣлась у меня въ головѣ и въ ту минуту какъ отецъ обнималъ меня; но предъ лицомъ его она исчезла какъ тающій снѣгъ. Онъ пріѣхалъ, предшествуемый почтальйонами, на одеждѣ которыхъ были креповые банты, также какъ и на лошадяхъ. Мы играли въ крикетъ. Это была первая сезонная партія Дилвела противъ сосѣдней деревни. Въ самый разгаръ игры, нѣкоторые отошли и окружили отца моего. Одинъ дилвельскій мальчикъ, разсерженный такимъ нарушеніемъ правилъ, пустилъ мячъ въ толпу и больно ушибъ двухъ-трехъ человѣкъ. Отцу моему пришлось за него заступиться. Онъ сказалъ что этотъ мальчикъ ему нравится, и такъ убѣдительно и смѣшно просилъ за него что ушибенный всѣхъ больнѣе смѣялся всѣхъ громче. Стоя въ коляскѣ и держа меня за руку, отецъ мой обратился ко всѣмъ поименно:

— Свитвинтеръ, благодарю васъ за вниманіе къ моему сыну, и васъ тоже, Трибль, и васъ, другъ мой, и васъ, Бэкеръ, Рипленгель, и васъ тоже, и ва̀съ, Джуллъ! Словно онъ зналъ ихъ лично. Правда, онъ кивалъ наудачу. Затѣмъ онъ произнесъ краткую рѣчь и изъявилъ желаніе вносить ежегодно извѣстную сумму на ихъ невинныя удовольствія. Онъ далъ имъ денегъ; бросилъ серебряной монеты мальчикамъ и дѣвочкамъ, хвалилъ Джона Трешера и Марту, жену его, за заботливость обо мнѣ, и указывая на трубы фермы, сказалъ что этотъ домъ всегда будетъ для него священнымъ, что онъ будетъ посѣщать его ежегодно, если возможно, и что во всякомъ случаѣ подписныя деньги его будутъ являться въ маѣ мѣсяцѣ такъ же вѣрно какъ весенніе цвѣты. Люди послѣ радостныхъ криковъ какъ будто потеряли охоту продолжать игру. Отецъ мой сошелъ съ экипажа, пустилъ первый мячъ и затѣмъ ушелъ, держа меня за руку.

— Да, мой сынъ, сказалъ онъ,—мы возвратимъ имъ десятерицей что̀ они для тебя сдѣлали. Одиннадцатое мая будетъ праздникомъ для Дилвела, пока я живъ, а послѣ меня ты бу-

деть поддерживать заведенный обычай, изъ уваженія къ моей памяти. А теперь пойдемъ смотрѣть постель въ которой ты спалъ.

Марта Трешеръ показала ему постель, показала цвѣты которые я посадилъ и только что выростающій испанскій орѣшникъ.

— О! сказалъ онъ, сіяя при видѣ моихъ дѣяній,—я на вѣкъ въ долгу у васъ, сударыня. Онъ поцѣловалъ ее въ щеку.

Джонъ Трешеръ вскричалъ:

— Старуха, да ты дрожишь какъ красная дѣвушка!

Она отвѣчала что-то очень слабо, и до самаго отъѣзда нашего, краска не сходила съ ея лица. Джонъ вытянулся какъ солдатъ. Мы уѣхали среди взрыва громкихъ криковъ, словно залпъ батареи. „Царственные проводы!“ сказалъ отецъ мой, и потомъ спросилъ меня серіозно не забылъ ли я наградить кого-нибудь изъ моихъ друзей или съ кѣмъ-нибудь проститься. Я отвѣчалъ что не забылъ никого, и въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ, пока на песчаномъ подъемѣ дороги, откуда въ послѣдній разъ открывался видъ на старую ферму, я не увидѣлъ Мабель Свитвинтеръ, съ которою часто дѣлилъ я и игры и постель, курчавую дѣвочку, любившую плясать по воскресеньямъ и слушать вечеромъ страшные разказы, прикусывая пряника. Она пристально поглядѣла на меня, но не кивнула головой. „Ну, прощай,“ подумалъ я, и взглядъ ея остался у меня въ памяти когда я забылъ уже всѣ другія лица.

ГЛАВА IV.

Я вкушаю величіе.

Хотя я никогда еще не видывалъ почтальйона, я глядѣлъ на двоихъ подпрыгивающихъ на лошадяхъ предо мной, не думая спрашивать себя откуда они появились и какая связь ихъ съ моею судьбой. Я съ наслажденіемъ прислушивался къ стуку многихъ бѣгущихъ рысью ногъ, и старался объяснить отцу что въ соединеніи съ подпрыгивающими людьми все это какъ бы представляетъ фортепіано играющее само собою. Онъ засмѣялся и поцѣловалъ меня, и вспомнилъ при этомъ что показалъ мнѣ какъ-то внутренность фортепіано въ то время какъ играли на клавишахъ. Любовь моя къ нему, какъ въѣзжали мы въ Лондонъ, прочно установилась: я по-

нялъ что онъ не только герой мой, но и лучшій мой другъ и товарищъ. „Злые люди разлучившіе насъ теперь уже безсильны“, говорилъ онъ. Я забылъ на радости спросить что̀ сталось съ потомкомъ Шейлока.

Мистрисъ Вадди привѣтствовала насъ, какъ только вышли мы изъ экипажа. Не воображайте что мы остановились у двери ея стараго дома. Улица была широкая, выходившая на великолѣпный скверъ; предъ домомъ были колонны, а внутри его восхитительный фонтанъ билъ тонкою какъ веревочка струей въ мшистомъ бассейнѣ у окна расписаннаго изображеніями англійскихъ королей, заимствованными изъ дѣтскихъ исторій. Вся прислуга выстроена была въ рядъ въ прихожей, чтобы заявить свою преданность мнѣ. И наконецъ, величайшая изъ всѣхъ радостей: мнѣ представили живую обезьяну.

— Это причуда вашего папаши, сказала мистрисъ Вадди кротко.—Онъ говоритъ что ему надо имѣть шута, а мнѣ это вовсе не шутка.

Однакожь она весело улыбалась, хотя голосъ ея звучалъ печально. Отъ нея я теперь узналъ что меня зовутъ Ричмондъ Рой, а не Гарри Ричмондъ. Я сказалъ: „Очень хорошо“. Я уже привыкъ къ перемѣнамъ. У всѣхъ въ домѣ были веселыя лица, кромѣ обезьяны, которая слишкомъ захлопоталась. Какъ пошли мы вверхъ по лѣстницѣ, я увидѣлъ еще другихъ англійскихъ королей написанныхъ на окнахъ за перилами.

— Это, говорятъ, придаетъ царственный характеръ, сказала мистрисъ Вадди, и закашлявшись скромно послѣ нѣсколько изысканнаго слова, добавила: — какъ и слѣдуетъ.

Я непремѣнно захотѣлъ взойти на верхній этажъ, гдѣ надѣялся найти Вильгельма-Завоевателя, и нашелъ. И мысли мои, вспомнивъ Джона Трешера, унеслись къ старымъ саксонскимъ временамъ.

— Такъ всѣ короли и идутъ другъ за другомъ внизъ по лѣстницѣ? сказалъ я, осматривая ихъ одного за другимъ.

— Да, отвѣчала мистрисъ Вадди такимъ жалкимъ тономъ, какъ будто судьба ихъ очень грустная.—Что̀ жь, глядѣли на васъ какъ ѣхали вы по улицамъ, мастеръ Ричмондъ?

Я тоже сказалъ: „да“, и затѣмъ мы перестали уже отвѣчать другъ другу, а только предлагали вопросы. Такъ скорѣе доберешься до дѣла; по крайней мѣрѣ мальчики и женщины, я знаю, добираются. Мистрисъ Вадди гораздо менѣе интере-

совалась Дипвеломъ и его жителями чѣмъ впечатлѣніемъ произведеннымъ повсюду нашимъ проѣздомъ. Я замѣтилъ что когда голосъ ея не грустенъ, такъ лицо все-таки грустно. Она показала мнѣ прелестную розовую кроватку, увѣнчанную короной, въ комнатѣ смежной съ комнатой отца. Двадцать тысячъ золотыхъ сновъ какъ будто опустились на меня, когда я узналъ что эта кроватка моя. Въ ней, казалось мнѣ, будетъ почти такъ же пріятно какъ подлѣ отца.

— А вамъ развѣ она не нравится, мистрисъ Ваддн? сказалъ я.

Она улыбнулась и вздохнула.

— Какъ не нравиться! Разумѣется, нравится! Только я боюсь какъ бы она не исчезла.

Мистрисъ Ваддн грустно потупилась.

Я слишкомъ многимъ былъ занятъ, иначе я спросилъ бы ужь не обнаружилъ ли въ чемъ новый восхитительный домъ мой склонности къ исчезновенію. Мнѣ казалось, судя по моему опыту, что я одинъ только быстро переношусь съ мѣста на мѣсто, и главною заботой моею было какъ бы кто-нибудь внезапно не умчалъ меня. Вечеромъ меня представили кружку джентльменовъ пившихъ вино послѣ обѣда съ моимъ отцомъ. Они захлопали руками и громко захохотали, когда я сказалъ имъ что вѣроятно короли не нашедшіе себѣ мѣста на окнахъ сошли внизъ въ погреба.

— Они идутъ туда, сказалъ отецъ мой. Онъ выпилъ стаканъ вина и глубоко вздохнулъ.—Уходятъ они, господа, какъ доброе вино, какъ старый портвейнъ, который, говорятъ, тоже уходитъ. Удостойте выпить за здоровье Ричмонда Роя младшаго.

Они отъ души выпили за мое здоровье, но отецъ мой впалъ въ раздумье, прежде чѣмъ я вышелъ изъ комнаты.

Ѣзда верхомъ, уроки гимнастики, уроки французскаго языка у Француженки-гувернантки, при появленіи которой отецъ всякій разъ какъ будто собирался танцовать минуетъ, до такой степени преисполнялся онъ изысканною любезностью, уроки латинскаго языка у учителя, котораго отецъ приглашалъ обѣдать разъ въ двѣ недѣли, но не удостоивалъ особеннаго вниманія, развѣ только что отъ времени до времени записывалъ подъ его диктовку латинскія сентенціи въ карманную книжку, — таковы были занятія наполнявшія мое утро. Отецъ мой сказалъ человѣку обучавшему меня искусству бокса что наше семейство всегда покровительствовало его

ремеслу. Я всякій день боролся десять минутъ съ сыномъ этого человѣка и всякій разъ онъ валялъ меня. Въ хорошіе дни, меня одѣвали въ черный бархатъ, и мы катались по парку, гдѣ отецъ кланялся очень многимъ и былъ предметомъ общаго вниманія.

— Наша обязанность помнить имена и лица, не забывай этого, милый Ричи, говорилъ онъ. — Мы ѣздили въ его ложу въ оперу; мы посѣщали верхнюю и нижнюю палату, и мой отецъ, жалуясь на упадокъ британскаго краснорѣчія, жалѣя о дняхъ Чатама и Вильяма Питта (нашего стараго пріятеля), и Берка, и Шеридана, поощрялъ однако ораторовъ одобрительнымъ шепотомъ. Отецъ мой уже не настаивалъ чтобъ я изучалъ родословныя знатныхъ домовъ.

— Теперь ты въ самой атмосферѣ, говорилъ онъ,—все это придетъ само собой. Я освѣдомлялся не буду ли я внезапно перенесенъ на какое-нибудь новое мѣсто? Онъ увѣрялъ меня что это невозможно, развѣ земля пошатнется. Это меня успокоило, ибо я вполнѣ полагался на стойкость земли. Мы говорили о нашихъ воскресныхъ прогулкахъ въ соборъ Св. Петра и Вестминстерское аббатство, какъ о времени имѣвшемъ свою прелесть. Наше отдѣленіе среди избранныхъ прихожанъ болѣе нравилось отцу. Церковная ключница никому такъ низко не присѣдала, какъ ему. Мнѣ же недоставало памятниковъ, налѣвовъ и чего-то еще, чего я самъ не зналъ. При первыхъ признакахъ задумчивости во мнѣ, отецъ встревожился. Довольно долго пришлось мнѣ простоять предъ нимъ и мистрисъ Вадди, съ высунутымъ языкомъ, словно драконъ на обояхъ. Онъ взялся опять за прежнюю игривость, стараясь быть такимъ же какимъ былъ въ квартирѣ мистрисъ Вадди. Потомъ мы стали читать вмѣстѣ сказки *Тысячи и одной ночи*, или лучше сказать, онъ ихъ читалъ мнѣ, и часто представлялъ событія ихъ въ лицахъ во время нашихъ прогулокъ. Когда отецъ спрашивалъ у меня уроки, онъ являлся грознымъ африканскимъ чародѣемъ, которому надо отдать все что я добылъ—и кольцо, и ржавую лампу. Мы часто встрѣчали прекрасныхъ Персіянокъ. Отецъ говаривалъ что во многихъ отношеніяхъ походитъ на трехъ странствующихъ дервишей. Чтобы позабавить меня, когда я выздоравливалъ отъ кори, онъ нанялъ актера въ театрѣ, повязалъ ему вкругъ шеи полотенце, посадилъ его на стулъ, намылилъ ему лицо, и сталъ разыгрывать надъ нимъ роль цирюльника. Никогда я въ жиз-

ни такъ не смѣялся. Бѣдная мистрисъ Ватди ухватилась руками за бока и только восклицала:—Ахъ, Боже мой! Господи! А цирюльникъ тѣмъ временемъ бѣгалъ въ другую комнату справляться съ воображаемымъ гномономъ, и мы слышали какъ онъ громогласно вопрошалъ дозволяетъ ли положеніе солнца продолжать бритье несчастнаго юноши. Потомъ онъ возвращался съ цирюльничьей суетливостью, какъ будто довольный благопріятнымъ отвѣтомъ свѣтилъ. Прислуги позволено было глядѣть на эту сцену. Но какъ только юноша былъ добритъ, отецъ отослалъ его тономъ господина. Удивительно ли что его любили? Мистрисъ Ватди спрашивала: можно ли его не любить? Помню какъ испугался я, когда она однажды заговорила о томъ что онъ можетъ жениться во второй разъ. Къ любви моей примѣшалась какая-то романтическая нѣжность: я почувствовалъ что мы съ отцомъ одни на свѣтѣ. Держать его за руку было для меня наслажденіемъ. Я думалъ серіозно о принцѣ Ахметѣ, и доброй и прекрасной Перибану, на которой охотно допустилъ бы отца жениться. Любимымъ мечтаніемъ моимъ было что онъ стрѣляетъ изъ лука въ цѣль, и не получаетъ награды потому что не можетъ найти стрѣлу свою, и отправляется искать ее, и приходитъ къ зеленымъ горамъ, а потомъ въ каменистую пустыню, гдѣ наконецъ находитъ стрѣлу свою на огромномъ разстояніи отъ стрѣльбища; кругомъ его пустыня, и прелестнѣйшая изъ всѣхъ волшебницъ выходитъ предъ нимъ изъ земли. Въ отсутствіи его я тосковалъ по немъ, ревновалъ его. Во время этой сказочной жизни нашей, мы слетали на коврѣ-самолетѣ на европейскій материкъ, гдѣ я заболѣлъ и излѣчился, понюхавъ яблоко; отецъ направлялъ движенія наши, съ помощью телескопа, который показывалъ намъ названіе гостиницъ, готовыхъ принять насъ. Города же, и соборы, и жаркія долины подъ горами, и рѣки и зáмки были для меня какъ бы живою, географическою книгой, открывающеюся и закрывающеюся наудачу. Странствованіе изъ мѣста въ мѣсто такъ похоже было на жизнь которую велъ я прежде, что я поминутно готовъ былъ и смѣяться и плакать и мгновенно переходить отъ одного настроенія къ другому. Въ одинъ прекрасный день, я очутился въ гондолѣ съ молодою дѣвушкой. Отецъ мой подружился со многими на пути, въ томъ числѣ и съ ея родителями. Она влюбилась въ меня и радовалась имени Перибану, которое я далъ ей за ея прекрасныя рѣчи о полосатыхъ столбахъ, изъ-подъ которыхъ

брызжутъ фонтаны жемчуга, если вытащить ихъ изъ земли, о чертогахъ прилетѣвшихъ съ отдаленнѣйшихъ концовъ свѣта, о городѣ внезапно исчезнувшемъ ночью и оставившемъ по себѣ лишь пустынныя волны, которыя катясь шепчутъ: „гдѣ? гдѣ?“ Я охотно согласился бы на бракъ ея съ отцомъ. Она для меня была какъ отдыхъ и сонъ, какъ тихое море и блестящій жемчугъ. Мы условились переписываться всю жизнь. Звали ее Клара Гудвинъ. Она просила меня, когда захочу писать ей, всегда заходить въ казармы конной гвардіи, чтобъ узнать въ какой части свѣта обрѣтается полковникъ Гудвинъ. Я же не могъ дать ей постояннаго адреса, и вмѣсто того разказалъ свою исторію съ самаго начала. Вамъ писать все тоже что писать рѣкѣ текучей, сказала она, и требовала чтобъ я оставилъ гадкое имя Рой, когда выросту. Отецъ мой поссорился съ полковникомъ Гудвиномъ. Много мѣсяцевъ спустя, мнѣ казалось что я только сейчасъ разлученъ съ Кларой, но она виднѣлась мнѣ въ туманѣ невозвратно утраченною. У меня не было другой подруги.

Плодомъ нашей поѣздки были двѣнадцать дюжинъ отличнѣйшаго бургундскаго вина, которыя отецъ намѣревался сложить въ дилвелской фермѣ, чтобъ онѣ были выпиты въ день моего совершеннолѣтія, когда, по выраженію отца, я сдѣлаюсь юридическимъ лицомъ и поплыву на собственномъ корабле.

— Я не отвѣдываю вина. Я, Богъ дастъ, выпью въ этотъ день портеру, сказала мистрисъ Ватди.

Отецъ мой поглядѣлъ на нее съ сожалѣніемъ и приказалъ ей отправить вино въ Дилвелъ, что̀ и было сдѣлано. Онъ посадилъ меня къ себѣ на колѣни и сказалъ выразительно:

— Ричи! двѣнадцать дюжинъ лучшаго вина, какое можетъ пить человѣкъ, ожидаютъ тебя на порогѣ совершеннолѣтія. Немногіе отцы могутъ сказать это своимъ сыновьямъ. Если мы выпьемъ вино это вмѣстѣ, счастливъ будетъ тотъ день. Если меня заколотятъ въ длинный ящикъ,—голосъ его дрогнулъ,—если я, понимаешь, отправлюсь внизъ къ Перибану, прибавилъ онъ,—помни что отецъ твой самъ выбралъ это вино и велѣлъ разлить при себѣ, пока ты спалъ въ императорской комнатѣ, въ старинномъ бургундскомъ городѣ, и поклялся что какъ бы ни было, сынъ его, вступая въ совершеннолѣтіе, будетъ пить царское вино.

Отецъ мой говорилъ съ большимъ одушевленіемъ, лицо его

раскраснѣлось. Я обѣщалъ ему что отправлюсь въ Дипвелъ къ двадцать первой годовщинѣ моего рожденія; онъ же обязался присутствовать тамъ, если возможно тѣломъ, а не то такъ духомъ. Мы заключили разговоръ этотъ нѣсколькими слезами. Мысль о великомъ предстоящемъ намъ днѣ привела меня въ возбужденное состояніе. Мистрисъ Вадди, напротивъ, впала отъ этой мысли въ грустное раздумье. „Богъ вѣсть гдѣ будемъ мы тогда“, вздохнула она. „Она плаксивая женщина“, сказалъ отецъ мой презрительно. Они все какъ-то не ладили другъ съ другомъ, несмотря на ея безграничную преданность отцу моему. Онъ грозилъ мгновенно выдать ее за кого-нибудь замужъ, если она будетъ надоѣдать ему своимъ, какъ онъ выражался, ваддизмомъ. Она привыкла восклицать въ заключеніе своихъ замѣчаній: „Такъ ли, иначе ли, часъ нашъ скоро пробьетъ!“ Эти слова поселили во мнѣ смутное опасеніе что внезапно въ одной изъ стѣнъ отворится дверь и мы перейдемъ подземными ходами въ другую страну. Отецъ мой по-своему укрощалъ ея тревогу: онъ призывалъ своего повара, нѣкоего monsieur Alphonse, смѣшнѣйшаго изъ Французовъ, и заказывалъ ему шесть званыхъ обѣдовъ сразу. „Вотъ теперь, мистрисъ Вадди, вамъ будетъ чѣмъ занять умъ свой“, говорилъ онъ. И судя по спокойствію, тотчасъ же ею овладѣвавшему, это средство излѣчивало на время ея болѣзнь. Бѣдняжка торопливо отправлялась слѣдомъ за monsieur Альфонсомъ и не произносила ни одной жалобы, пока продолжались обѣды. Но носились слухи что съ ней дѣлаются припадки въ верхнемъ этажѣ. Какъ только слухи эти дошли до моего отца, онъ сталъ уличать ее въ непозволительной слабости и объявилъ что намѣренъ произвести радикальное лѣченіе, хотя бы это вовлекло его въ безграничные расходы. Былъ у насъ балъ и алладинскій ужинъ; двѣ недѣли отецъ мой нанималъ почтальйоновъ; мы носились по Лондону. Отецъ держалъ пари за одну лошадь на Эпсомской скачкѣ только потому что ее звали Королевскій Принцъ. Лошадь эта выиграла, что̀, какъ увѣрялъ онъ, могло служить доказательствомъ какъ благоразумно стоять въ нашей странѣ за королевство. Онъ объяснялъ мнѣ что если ѣздитъ парой, на него сравнительно мало обращаютъ вниманія, а видя четверню съ почтальйономъ, народъ тотчасъ же снимаетъ предъ нимъ шапки и готовъ цѣловать ему руки.

— Попробуемъ красную ливрею въ одинъ изъ нашихъ выѣздовъ, Ричи, сказалъ онъ.

Мистрисъ Ваддп, слышавшая эти слова, воскликнула:

— Это запрещено закономъ!

— Кому, сударыня? отозвался отецъ.

— Только лица принадлежащія.... начала было она, но отецъ страшно нахмурился; она остановилась и расплакалась такъ что мнѣ стало жаль ее.

Отецъ тотчасъ отправился заказывать красную ливрею. Онъ былъ очень взволнованъ. Тутъ мистрисъ Ваддп, обнявъ меня, сказала:

— Милый мой мистеръ Ричмондъ, маленькій мой Гарри, готовьте дѣтское сердечко свое къ тяжелымъ днямъ!

Я увидѣлъ въ этой непонятной рѣчи нападки на моего отца и сталъ сильно бранить ее. Пока я горячо говорилъ, дверь передней отворилась; я выбѣжалъ и увидѣлъ тетушку Дороти, въ сопровожденіи мистера Баннербриджа. Меня цѣловали и обнимали не знаю сколько, пока наконецъ на меня повѣяло воздухомъ Риверсли, и старый домъ мой сталъ казаться мнѣ ближе новаго. Тетушка, увидѣвъ слезы на моихъ щекахъ, спросила о чемъ я плачу. Я тотчасъ же излилъ потокъ жалобъ на мистрисъ Ваддп за нападки на моего отца. Услышавъ о красной ливреѣ, тетушка всплеснула руками.

— Этотъ человѣкъ скоро проживетъ и умъ, и деньги, замѣтилъ мистеръ Баннербриджъ.

Тетушка сказала мнѣ:

— Мой милый Гарри скоро вернется въ свою хорошенькую комнатку, къ дѣдушкѣ. Не правда ли, душа моя? Ты все найдешь тамъ по-старому, кромѣ бѣдной мамаши. „Поцѣлуй моего мальчика, моего Гарри.... Гарри Ричмонда". Таковы были послѣднія слова ея на смертномъ одрѣ, прежде чѣмъ отошла она къ Богу, милый Гарри. Тамъ все по-прежнему: и пони Саллонъ, и собачка твоя, Принцъ, и ягненочекъ Дэзи, сдѣлавшійся уже барашкомъ, и мальчикъ рабочій Дикъ, въ большихъ сапогахъ.

И много еще подобныхъ сладкихъ рѣчей, отъ которыхъ лицо мое то свѣтлѣло, то омрачалось, и захотѣлось мнѣ побывать въ Риверсли, взглянуть на могилу матери и на друзей моихъ.

Тетушка Дороти поглядѣла на меня.

— Пойдемъ, сказала она,—пойдемъ со мною, Гарри.

Дрожь ея мгновенно сообщилась мнѣ. Я сказалъ: „да", хотя сердце во мнѣ упало, будто съ этимъ словомъ я лишился отца.

Она схватила меня за руки, шепча: „Осуши ты наши слезы, развесели опять домъ нашъ! О, съ той ночи какъ Гарри ушелъ.... теперь я ужъ мамаша Гарри.“

Я посмотрѣлъ, есть ли у ней на лбу прядь бѣлыхъ цвѣтовъ, которую мать моя всегда носила, и подумалъ о письмѣ отца съ черною каймой. Я сказалъ что пойду, но радость моя исчезла. Въ дверяхъ насъ остановила мистрисъ Вадди. Ничѣмъ нельзя было убѣдить ее выдать меня. Мистеръ Баннербриджъ попробовалъ вступить съ нею въ разсужденія, и изложилъ, какъ выражался онъ, дѣло которое давно уже какъ будто душило его. Онъ говорилъ о моей будущности, о единственной надеждѣ для меня получить воспитаніе, приличное внуку джентльмена хорошаго стараго семейства; о томъ какъ отецъ растратилъ материнское состояніе, какъ, по всей вѣроятности, растратитъ и мое; о нравственномъ долгѣ, о страшной отвѣтственности, которую беретъ на себя мистрисъ Вадди. Онъ навелъ на меня страхъ, но не тронулъ меня, какъ тетушкино описаніе Риверсли; и когда мистрисъ Вадди, повидимому укрощенная, жалобно спросила меня: „Мистеръ Ричмондъ, вы согласитесь оставить папашу?“ я вскричалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, никогда я не оставлю папашу!“ и вырвался изъ рукъ тетушки. Вернулся отецъ мой; меня удалили, но я слышалъ какъ онъ предлагалъ имъ распоряжаться его домомъ и всѣмъ что̀ у него есть. Тетушка уходя поцѣловала меня и шепнула: „Приходи къ намъ, когда будешь свободенъ; думай о насъ когда молишься“. Она была вся въ слезахъ. Мистеръ Баннербриджъ потрепалъ меня по головѣ. Дверь затворилась за ними, и мнѣ показалось что это лишь промелькнувшее предо мной видѣніе. Но отецъ привелъ меня въ ужасъ разными вопросами, указывавшими на возможность разлуки съ нимъ. Онъ какъ-то представлялъ моего дѣда въ такихъ черныхъ краскахъ что я серіозно заявилъ готовность скорѣе умереть, чѣмъ возвратиться къ Риверсли. Я рѣшился даже никогда не произносить имени мѣста гдѣ говорятъ дурно о томъ кого я любилъ болѣе всего на свѣтѣ. „И не произноси, сынъ мой,“ сказалъ онъ торжественно, „или мы разлучены навсегда“. Я повторилъ за нимъ: „Я Рой, а не Белтамъ!“ Узнавъ что честь его подверглась оскорбленіямъ въ Риверсли, я возненавидѣлъ это мѣсто. Мы вмѣстѣ плакали, а потомъ смѣялись и должно-быть я говорилъ необыкновенно краснорѣчиво, ибо отецъ поглядѣлъ на меня и сказалъ: „Ричи, приготовить тебя въ генера-

лы британской арміи не дурно; но ты обладаешь даромъ слова, званіе канцлера тоже представляетъ свои выгоды, давая возможность шепнуть иногда словечко на ухо державной власти. Вотъ цѣль наша, сынъ мой. Вы не хотите признать нашего рода, такъ признаете наши заслуги. Онъ горько жаловался на то что тетушка Дороти ввела въ домъ подъячаго. Грѣхи мистрисъ Вадди были отпущены ей за благородное сопротивленіе вкрадчивымъ рѣчамъ юриста. Съ недѣлю еще ходилъ я вверхъ и внизъ по лѣстницѣ на глазахъ англійскихъ королей, глядѣвшихъ на меня съ оконъ; потомъ два гадкихъ человѣка вошли въ домъ и очень смутили меня, хотя отецъ мой былъ съ ними чрезвычайно любезенъ и оставилъ ихъ ночевать, говоря что они старинные его арендаторы. На слѣдующій день появилась наша красная ливрея. Вмѣнивъ мистрисъ Вадди въ обязанность тщательно исполнить его приказанія, отецъ сѣлъ со мной въ экипажъ, смѣясь надъ ея печальными глазами и надутыми губами. „Съ меня гора свалилась", замѣтилъ онъ, и спросилъ меня: „не утомленъ ли я пышностью". Я прочелъ ожидаемый отвѣтъ на его лицѣ и сказалъ что утомленъ и желалъ бы прямо отправиться въ Дипвелъ. „Тамъ бургундское покоится мирно," сказалъ отецъ и задумался. Необыкновенный былъ день. Люди останавливались глядѣть на насъ. За городомъ нѣкоторые снимали шапки и кричали. Хозяева трактировъ гдѣ мы мѣняли лошадей стояли безъ шапокъ у двери до нашего отъѣзда, и я по примѣру отца серіозно приподнималъ шляпу и кланялся людямъ привѣтствовавшимъ насъ на дорогѣ. Я и не старался узнать причину этой чрезмѣрной почтительности; я начиналъ уже къ этому привыкать. На склонѣ горы, гдѣ большая дорога спускается къ городу, мы остановились предъ высокою красною стѣной, за которою слышались крики играющихъ мальчиковъ. Мы пошли къ нимъ въ сопровожденіи содержателя школы. Отецъ мой далъ денегъ первому ученику. Послѣ завтрака съ содержателемъ и его дочерью, которую я поцѣловалъ по ея просьбѣ, мальчикамъ былъ объявленъ праздникъ. Какъ громко и весело кричали они! Молодая дѣвушка замѣтила мою радость и стояла со мной у окна, пока мой отецъ разговаривалъ съ ея отцомъ. Долго потомъ мнѣ еще видѣлось какъ разговаривали они, то-есть отецъ мой дѣлалъ свои распоряженія, а мистеръ Рипенджеръ выслушивалъ ихъ, какъ покорный вассалъ. Результатомъ было то что, не возвращаясь болѣе домой, я

черезъ два дня сдѣлался лучшимъ другомъ Джуліи Риппенджеръ и младшимъ ученикомъ въ школѣ. Отецъ сказывалъ мнѣ потомъ что двѣ ночи провели мы въ гостиницѣ. Память переноситъ меня прямо отъ кареты и красной ливреи на мѣсто моего заключенія.

ГЛАВА V.

Я пріобрѣтаю дорогаго друга.

Геріотъ былъ героемъ нашей школы. Бодди былъ одинъ изъ нашихъ надзирателей. Оба они были влюблены въ Джулію Риппенджеръ. Я же имѣлъ счастія пользоваться ея предпочтеніемъ въ продолженіи довольно долгаго времени, въ теченіе котораго я, хотя и не жилъ болѣе въ роскоши, и бархатные мои костюмы стали уже изнашиваться, а объ отцѣ моемъ не было ни слуху ни духу, все-таки былъ еще довольно счастливъ. Джулія расточала мнѣ свои поцѣлуи при всякомъ удобномъ случаѣ; но въ то же время она всегда такъ восхищалась всякаго рода героизмомъ и смѣлостью, что мнѣ настолько же трудно было обабиться, какъ нѣкогда Ахиллу, переодѣтому дѣвочкой. Ей было семнадцать лѣтъ: возрастъ одинаково плѣнительный, какъ для мальчиковъ, чувствующихъ свое ничтожество, такъ и для мущинъ, чувствующихъ свое превосходство. Школа никакъ не могла объяснить себѣ близкое родство ея со старикомъ Риппенджеромъ. Невозможно было себѣ представить какимъ образомъ могло вырости подобное яблочко на такомъ кривомъ, уродливомъ деревѣ. Геріотъ выражалъ надежду что Бодди женится когда-нибудь на настоящей дочери Риппенджера, то-есть на розгѣ. Я пересказалъ это остроумное изреченіе Джуліи, которая разсмѣялась, виня его однако за дерзость. Она показала мнѣ портретъ своей покойной матери, ирландской дамы, съ длинными, темными рѣсницами: Джулія очень походила на нее. Я разказалъ объ этомъ портретѣ Геріоту, и такъ какъ я пользовался преимуществами, не доставившимися кромѣ меня никому изъ мальчиковъ, имѣя право бывать у нея во всякое время дня, исключая часовъ ученія, то онъ сказалъ мнѣ чтобъ я попросилъ ее показать этотъ портретъ и ему. Она на минуту задумалась и отказала. Геріотъ, услыхавъ объ этомъ немилостивомъ отказѣ, заложилъ обѣ руки въ карманы и оставилъ

игру въ крикетъ. Мы видѣли какъ онъ прислонился къ стѣнѣ, прямо противъ ея оконъ, между тѣмъ какъ толпа мальчиковъ окружила его, умоляя принять участіе въ игрѣ, которая должна была служить упражненіемъ къ предстоящему состязанію нашему съ другою школой, нашею соперницей. И только изъ опасенія чтобы наша школа не осталась побѣжденной ради ея немилости, Джулія передала мнѣ портретъ, съ торжественнымъ приказомъ доставить его вскорѣ назадъ. Я, конечно, обѣщалъ исполнить ея приказаніе. Геріотъ ушелъ въ свой любимый уголокъ на лужайкѣ, и тамъ долго глядѣлъ на портретъ, цѣлуя его: затѣмъ онъ спряталъ его подъ своею курткой, застегнувъ ее на всѣ пуговицы, и заворчалъ на меня, когда я попросилъ возвратить мнѣ портретъ. Джулія испугалась и послала меня умолять его.

— Слушай, юноша, сказалъ мнѣ Геріотъ:—ты славный мальчуганъ и я очень люблю тебя; но скажи ей что я повѣрю только ея собственноручному посланію; если она хорошенько попроситъ меня объ этомъ въ письмѣ, то я возвращу ей этотъ портретъ. Скажи ей что я только хочу заказать копію съ него первокласному художнику.

Джулія расплакалась отъ его жестокости, называя его злымъ, безжалостнымъ обманщикомъ. Она написала ему, но письмо это ему не понравилось, и онъ сердито отвѣчалъ на него. Во время утренней и вечерней молитвы жалко было видѣть ея умоляющіе взгляды и опущенныя рѣсницы. Я догадался что Геріотъ требовалъ отъ нея, въ своихъ письмахъ, чтобъ она призналась ему въ чемъ-то, въ чемъ она не хотѣла признаваться. — Я больше не буду писать; передайте это ему, милый мой, сказала она мнѣ, и слѣдствіемъ неблагодарности и упрямства Геріота было то что на освященіи новой церкви она, въ глазахъ всѣхъ насъ, взяла Бодди подъ руку и стала расхаживать съ нимъ взадъ и впередъ. Геріотъ не спускалъ съ нихъ глазъ; губы его сжались, а руки неподвижно опустились. Вечеромъ того же дня я доставилъ ей длинное посланіе отъ него. Она разорвала его въ клочки, не читая.

На слѣдующій день, Геріотъ медленными шагами прошелъ мимо Бодди, держа портретъ въ рукахъ. Надзиратель окликнулъ его.

— Что̀ у васъ въ рукахъ, Геріотъ?

Герой мой остановился.

— Это фамильный портретъ, отвѣчалъ онъ, кладя его въ карманъ и устремивъ взглядъ на окно Джуліи.

— Позвольте взглянуть, сказалъ мистеръ Бодди.

— Позвольте вамъ отказать, отвѣчалъ Геріотъ.

— Посмотрите-ка на меня, воскликнулъ Бодди.

— Я предпочитаю смотрѣть въ другую сторону, возразилъ Геріотъ; Джулія показалась въ эту минуту въ окнѣ.

— Я учтиво просилъ васъ, продолжалъ Бодди; я просилъ у васъ позволенія взглянуть на портретъ; я съ намѣреніемъ употребилъ это выраженіе: просилъ у васъ позволенія....

— Нѣтъ, вовсе не просили, перебилъ его Геріотъ; вы можетъ-быть только хотѣли такъ выразиться; но вы не употребляли слова: позволеніе.

— А вы дерзко отвѣтили мнѣ, продолжалъ Бодди, лице котораго стало очень грозно; вы вѣрно стащили что-нибудь; вы надули меня, вы скрыли что̀ несли съ собой.

— И несу *теперь*, поправилъ его Геріотъ; и намѣренъ скрыть наперекоръ всѣмъ, очень внятно пробормоталъ онъ.

— Какъ негодяй, захваченный въ покражѣ, заревѣлъ Бодди, вы спрятали.

— И прячу.

— А я требую, во имя моей обязанности, чтобы вы сейчасъ же предъявили мнѣ эту вещь, сію же минуту, здѣсь, немедленно, безъ разговоровъ; разстегнитесь, не то я позову мистера Рипленджера.

Я стоялъ рядомъ съ моимъ храбрымъ Геріотомъ, съ легкою дрожью во всѣхъ членахъ, хотя и любовался его мужествомъ. Онъ твердо выставилъ лѣвую ногу впередъ и сказалъ именно такимъ тономъ который долженъ взбѣсить надзирателя:

— Я скрывалъ и скрываю; несъ и несу. Вы требуете чтобъ я предъявилъ вамъ то чего не хочу показать никому. Позвольте мнѣ со всевозможнымъ уваженіемъ замѣтить вамъ что фамильный портретъ вещь неприкосновенная для сына джентльмена.—На, Ричи, бѣги!

Портретъ очутился въ моей рукѣ, а Геріотъ между мною и Бодди, въ положеніи игрока въ барры, не допускающаго въ свои ряды противника. Онъ увидалъ голову мистера Рипленджера, выглядывающую изъ-за рѣшетки. Я могъ видѣть какъ Геріотъ вступилъ въ борьбу съ надзирателемъ, еще

не выбѣжавъ за калитку въ садъ, гдѣ я упалъ въ объятія Джуліи, привлеченной сюда ожиданіемъ ужасной катастрофы.

Геріота обвинили лишь въ дерзости. Обычное наказаніе за это, состоявшее изъ пятисотъ строкъ изъ Виргилія, было принято имъ съ презрительнымъ хладнокровіемъ.—Позвольте мнѣ выбрать эпизодъ о Дидонѣ, вотъ все что̀ отвѣтилъ онъ Риппенджеру; вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ мальчиковъ сейчасъ же бросились изучать исторію Дидоны; но Геріоту досталось сраженіе съ Турномъ. Участіе принятое мною въ этомъ приключеніи пріобрѣло мнѣ дружбу Геріота, не причинивъ мнѣ притомъ ни малѣйшей непріятности.

—Папа никогда не накажетъ васъ, сказала мнѣ Джулія, и я проникся сознаніемъ своего исключительнаго положенія. Неудивительно что это сознаніе утвердилось во мнѣ, ибо мистеръ Риппенджеръ, постоянно распространялся, въ моемъ присутствіи, при своихъ гостяхъ, о величіи моего отца. Пользуясь позволеніемъ обращаться къ нему за карманными деньгами, не стѣсняясь количествомъ суммы, я поддерживалъ въ школѣ отцовскую славу.

Повременамъ, особенно при наступленіи каникулъ и праздниковъ, когда я оставался одинъ съ Джуліей, на меня нападала тоска, и я считалъ другихъ мальчиковъ чуть ли не счастливѣе себя. Возвращеніе домой стало казаться мнѣ недосягаемымъ блаженствомъ. Мнѣ казалось также что имѣть настоящаго отца вмѣсто блестящаго ангела, появляющагося отъ времени до времени, немалое счастіе, могущее служить вознагражденіемъ прочимъ мальчикамъ за то что у нихъ отцы не такіе какъ мой. Я утѣшалъ себя въ своемъ горѣ тѣмъ что писалъ отцу письма, адресуя ихъ на имя миссъ Джуліи Риппенджеръ и кладя ихъ въ ея рабочую корзинку, служившую мнѣ почтовымъ ящикомъ. Она удостоивала меня смѣшными отвѣтами, подписывая подъ своими посланіями „твой многолюбящій тебя папа“ и описывая въ нихъ битвы съ бенгальскими тиграми и ловли бѣлыхъ слоновъ; благородныя занятія эти возбуждали во мнѣ тревожныя и въ то же время отрадныя мечты. Наконецъ пришло и дѣйствительное письмо отъ него, со штемпелемъ иностраннаго города; но въ немъ онъ не упоминалъ ничего о своемъ пріѣздѣ ко мнѣ. Я увидалъ въ то же время что письмо это обмануло ожиданія мистера Риппенджера. Мало-по-малу точно какое-то облако омрачило мой горизонтъ. Я пересталъ просить у него де-

негъ; меня одѣли въ простое суконное платье, изгнали изъ семейной столовой и позволяли навѣщать Джулію только по воскресеньямъ. Тогда я пересталъ жить собственною жизнью. Во все время ученія, въ рекреаціонные часы, въ постелѣ, вплоть до звука утренняго звонка, я мысленно гнался вслѣдъ за моимъ отцомъ по невѣдомой странѣ, обыкновенно въ виду заходящаго прямо противъ меня солнца; я все будто бы бѣжалъ изъ лѣсу къ ручью, въ который оно опускалось, и потерявъ его изъ виду, чувствовалъ себя какъ бы окруженнымъ со всѣхъ сторонъ мракомъ, возвращавшимъ мнѣ сознаніе дѣйствительности, которое, не особенно огорчая меня, странно удивляло. Зачѣмъ былъ я разлученъ съ нимъ? Я могъ отлично повторять вслухъ мои уроки, среди этихъ мечтаній; но внезапное пробужденіе мое отъ нихъ, въ кругу мальчиковъ, заставляло меня запинаться во время отвѣта учителю и задавать себѣ вопросъ: отчего же я здѣсь, а онъ далеко отъ меня? Мальчики перестали уже разчитывать на вторичный праздникъ съ угощеніемъ отъ моего отца, но тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное имъ на нашу школу, было такъ сильно что даже когда я очутился уже на равной ногѣ съ ними, они все-таки продолжали оказывать мнѣ разныя преимущества. Я умѣлъ разказывать о чужестранныхъ городахъ и о разныхъ исторіяхъ, и кромѣ того находился еще подъ непосредственнымъ покровительствомъ Геріота. Но вскорѣ ожиданіе большаго горя сжало мнѣ сердце; мой дорогой Геріотъ объявилъ мнѣ о своемъ намѣреніи оставить на слѣдующее полугодіе нашу школу.

— Я не могу слышать что человѣкъ у котораго не хватаетъ духу побить меня, какъ мущина, молится объ отпущеніи грѣховъ моихъ утромъ и вечеромъ.

Мистеръ Рипенджеръ имѣлъ обыкновеніе упоминать во время общихъ молитвъ о главнѣйшихъ преступникахъ нашей школы, какъ объ юношахъ сердца которыхъ онъ желалъ бы отвратить отъ зла. Онъ вѣчно подозрѣвалъ какіе-нибудь злые замыслы противъ себя; было ужасно непріятно слышать, стоя неподвижно на колѣняхъ у нашихъ скамеекъ, какъ онъ постоянно намекалъ на какіе-то глубоко задуманные, важные школьные заговоры, и затѣмъ, глубоко вздохнувъ, говорилъ: — да будетъ обращено на путь истины сердце Вальтера Геріота и да удостоится онъ всѣхъ благословеній и пр. Вмѣстѣ съ именемъ Вальтера Геріота чаще всего упоминались имена Джо-

на Сальтера, Андрью Саддльбенка, нашего лучшаго игрока въ крикетъ и забавнѣйшаго на свѣтѣ мальчика, и маленькаго Гуса Темпля. Они увѣряли что всякій разъ отвѣчали на это: Аминь, подобно Геріоту, но никто изъ насъ еще ни разу не слыхалъ изъ ихъ устъ этого надменнаго изъявленія согласія. Геріотъ же произносилъ это слово всегда ясно и свободно, и при этомъ трепетъ пробѣгалъ каждый разъ по всему тѣлу Джуліи, стоявшей на колѣнахъ, съ наклоненнымъ къ стулу лицомъ, прямо около каѳедры своего отца. Товарищи мои осыпали меня разъ поздравленіями за то что я, подобно пѣвчему, пропѣлъ „Аминь“ еще громче Геріота, хотя и не могъ такъ же хорошо вытянуть послѣднюю ноту, послѣ того какъ Риппенджеръ сталъ разъ, къ удивленію моему, молиться о смягченіи сердца „юноши извѣстнаго намъ подъ именемъ Ричмонда Роя.“ Я сдѣлалъ это, слѣдуя минутному влеченію. Мистеръ Риппенджеръ бросилъ на меня взглядъ, сходя съ каѳедры. Джулія казалась огорченной. Что же касается до меня, то я былъ въ восторгѣ что мнѣ удалось уподобиться въ чемъ-либо Геріоту.

— Юный Ричмондъ, ты маленькій герой, сказалъ онъ, лаская меня.

— Я видѣлъ какъ старикъ Риппенджеръ шепнулъ что-то на ухо этому скотинѣ Бодди. Но не безпокойся; пока я здѣсь, я не дамъ тебя въ обиду. Крѣпчай, вотъ въ чемъ должна быть твоя главная задача. Я бы желалъ чтобъ они какъ-нибудь посѣкли тебя, только для того чтобы посмотрѣть можешь ли ты не хныкать при этомъ; но я не желалъ бы, однако, чтобы тебѣ круто пришлось, мой крошка.

Онъ приподнялъ меня и прижалъ къ себѣ.

— Для тебя, Геріотъ, я на все готовъ, отвѣчалъ я.

— Хорошо, хорошо, возразилъ онъ, желая отъ души чтобы мнѣ никогда не пришлось пострадать изъ-за него.

Онъ обладалъ неподражаемымъ даромъ какъ-то особенно нѣжно произносить нѣкоторыя слова; даръ этотъ привязывалъ къ нему всѣхъ младшихъ мальчиковъ, способныхъ оцѣнить эту особенность, подобную неизъяснимому вліянію музыки. Мнѣ кажется, это самое привязывало къ нему и молодыхъ женщинъ. Джулія часто повторяла нѣкоторыя изъ его фразъ, какъ-то напримѣръ: „Глупенькій, глупенькій мальчуганъ“, что онъ всегда говорилъ, махнувъ при этомъ рукой, когда какой-нибудь маленькій мальчикъ благодарилъ его за

что-нибудь. Она сердилась на него за поощреніе во мнѣ того что̀ она называла дерзостью въ отношеніи къ ея отцу и увѣряла что я служу Геріоту средствомъ постоянно раздражать старика.

— Скажи Геріоту отъ меня что ты *мой* и чтобъ онъ не смѣлъ тебя портить, сказала она.

Онъ отвѣчалъ на это что требуетъ отъ нея письменнаго повторенія этого приказа. Она просила его возвратить ей ея прежнія письма. Затѣмъ онъ поручилъ мнѣ отнести ей длинное посланіе, изъ-за котораго мы и попались въ бѣду. Мистеръ Бодди сидѣлъ въ класной, въ которой Геріотъ прилежно работалъ перомъ, въ одно дождливое воскресенье. Его проницательные, маленькіе глазки безпокойно двигались въ его плоской птичьей головѣ во все время пока Геріотъ писалъ. Онъ увидалъ потомъ что Геріотъ передалъ мнѣ какую-то книгу; и въ ту минуту какъ я собирался идти къ Джуліи, позвалъ меня и спросилъ куда я иду.

— Къ миссъ Рипенджеръ, отвѣчалъ я.

— Что̀ вамъ тамъ нужно?

— Мнѣ нужно отнести ей книгу.

— Покажите книгу?

Я въ недоумѣніи остановился.

— Эту книгу далъ ему я, сказалъ Геріотъ, вставая.

— Я посмотрю годится ли эта книга маленькому мальчику, сказалъ Бодди, и прежде нежели Геріотъ успѣлъ помѣшать ему, тряхнулъ книгой, и письмо выпало изъ нея. Оба вдругъ подскочили чтобы поднять его; они стукнулись головами, но Геріотъ былъ проворнѣе; онъ схватилъ письмо и закричалъ мнѣ: „бѣги“, какъ и тогда при подобномъ же случаѣ. Но на этотъ разъ онъ не стоялъ между мною и надзирателемъ. Надзиратель схватилъ меня за воротъ и началъ сурово трясти.

— Теперь вы поймете что вы ничѣмъ не отличаетесь отъ другихъ мальчиковъ, Рой, сказалъ Бодди.—Негодные, избалованные мальчишки, не признающіе школьныхъ порядковъ, не терпятся здѣсь. Вотъ ваша книга, Геріотъ. Очень жалѣю что одинъ изъ листовъ ея вырванъ, прибавилъ онъ ухмыляясь.

— А я очень жалѣю что съ бѣднымъ мальчикомъ обошлись такъ свирѣпо.

— Ему посовѣтовали избѣгать дерзости.

— О, задавайте мнѣ Виргилія, сколько вамъ угодно, возразилъ Геріотъ,—я знаю его наизусть.

Время назначенное для моего визита Джуліи прошло, и она

явилась узнать что задержало меня. Бодди всталъ чтобъ объяснить ей въ чемъ дѣло. Но Геріотъ опередилъ его, сказавъ:

— Мнѣ кажется, я долженъ объяснить вамъ это, миссъ Рипенджеръ. Дѣло въ томъ что я слышалъ отъ маленькаго Роя что вы охотница до разказовъ изъ индійской жизни, и я далъ ему для васъ книгу, чтобы вы прочли ее если вамъ угодно. Мистеръ Бодди не позволилъ ему отнести ее къ вамъ и обошелся съ юношей довольно сурово. Тутъ было вѣрно какое-нибудь недоразумѣніе съ его стороны. Вотъ не угодно ли вамъ эту книгу; она очень занимательна.

Джулія вся покраснѣла; она взяла книгу, тихонько прошептавъ что-то; позеленѣвшему надзирателю она не сказала ни слова.

— Позвольте, продолжалъ Геріотъ,—я осмѣлился написать нѣкоторыя примѣчанія къ этой книгѣ. Отецъ мой, какъ вамъ извѣстно, офицеръ индійской службы, а многія изъ выраженій этой книги будутъ непонятны вамъ безъ примѣчаній. Ричи подай сюда листокъ. Вотъ они, миссъ Рипенджеръ; будьте такъ добры положите ихъ въ книгу.

Я ото всей души надѣялся что она не откажется отъ листка. Но она, однако, отказалась, и сердце такъ и упало во мнѣ.

— О, я прочту и безъ примѣчаній, весело сказала она.

Послѣ этихъ словъ, я уже совершенно равнодушно выслушалъ какъ она просила Бодди позволить мнѣ идти съ ней, и нисколько не огорчился его отказомъ. Она положила книгу, сказавъ чтобъ я принесъ ее когда меня простятъ.

Вечеромъ, въ то время какъ мы гуляли по лужайкѣ, Геріотъ спросилъ меня соглашусь ли я оказать ему услугу, требующую смѣлости съ моей стороны, но которую онъ за то никогда не забудетъ. Она состояла въ томъ что я долженъ былъ быстро пробѣжать мимо Бодди, прохаживающагося взадъ и впередъ около калитки, ведущей къ Джуліи въ садикъ, проскользнуть туда и заставить Джулію принять его письмо. Я пустился бѣжать, прыгая какъ мячъ. Надзиратель, воображая что я спѣшу такъ съ цѣлью поговорить съ нимъ, хотѣлъ доказать мнѣ насколько онъ былъ возмущенъ моимъ поведеніемъ, ускоривъ шаги при моемъ приближеніи; онъ прошелъ мимо калитки, а я быстро вскочилъ чрезъ нее въ садъ. Я только-что успѣлъ сказать Джуліи:

— Спрячьте письмо, не то я попадусь!

Письмо исчезло въ ея корсетѣ.

Въ ту же минуту она обратилась къ моему врагу съ словами:

— Вы, конечно, не накажете его за то что онъ любитъ меня?

Онъ началъ говорить о неповиновеніи, о заслуженномъ наказаніи и прочія надзирательскія фразы, однако смягчился, повидимому, и я кажется впервые получилъ понятіе о власти женщины. Она самымъ кротчайшимъ образомъ навела разговоръ на то какъ дождь освѣжилъ ея цвѣты, особенно же ея бѣдныя розы.

У меня не выходило изъ головы драгоцѣнное письмо, исчезнувшее изъ моихъ глазъ, подобно кролику прыгнувшему въ свою нору. Бодди ушелъ съ розой въ рукѣ.

— Ахъ, Ричи, сказала она,—я должна была заплатить за то что тебя оставили у меня.

Мы пошли съ ней въ бесѣдку, и тамъ она прочла съ начала до конца Геріотово письмо.

— Но вѣдь онъ еще мальчикъ! Сколько лѣтъ Геріоту? Онъ вѣдь моложе меня!

Сказавъ эти слова, она еще разъ прочла письмо, затѣмъ еще разъ, и наконецъ спрятала его у себя на груди. Во все это время я не переставалъ расточать похвалы Геріоту.

— Ты такъ говоришь о немъ какъ будто самъ влюбленъ въ него, Ричмондъ, сказала она.

— Да, я дѣйствительно очень люблю его, отвѣчалъ я.

— Такъ значитъ ты не въ меня влюбленъ? спросила она.

— Я и васъ очень люблю, когда вы только не сердите его.

— А ты знаешь чего онъ отъ меня хочетъ?

Я догадывался объ этомъ.

— Да, знаю; ему хочется посидѣть рядомъ съ вами съ полчасика.

Она возразила на это что онъ безъ того сидитъ близко около нея въ церкви.

— Это такъ, сказалъ я,—но вѣдь онъ не можетъ же тогда мѣшать вамъ слушать проповѣдь.

Она разсмѣялась и осыпала все лицо мое веселыми поцѣлуями.

— Кажется нѣтъ ничего на свѣтѣ на что̀ бы онъ не осмѣлился.

Мы заговорили объ его мужествѣ.

— Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и добрый, сказала Джулія, обращаясь больше къ самой себѣ, нежели ко мнѣ.

Но я сейчасъ же сталъ превозносить его.

— Добрый ли онъ! О, онъ такой добрый!

Это, казалось, убѣдило ее.

— Онъ такъ великодушно обращается съ вами, да и со всѣми, не правда ли? сказала она.

И затѣмъ забросала меня распросами о его добротѣ ко всѣмъ мальчикамъ, и объ ихъ обожаніи къ нему.

Когда я прощался съ ней, она поручила мнѣ сказать Геріоту:

— Вы можете сказать ему что.... я на этотъ разъ не могу написать.

Геріотъ нахмурился, когда я повторилъ ему эти слова.

— Гм, вотъ какъ! пробормоталъ онъ; но въ то же мгновеніе вдругъ просіялъ.—Значитъ она сама придетъ!

Онъ всплеснулъ руками, а лицо его потемнѣло.

— И она дала розу этому скотинѣ Бодди? спросилъ онъ.

Я долженъ былъ признаться что дала; совѣсть упрекнула меня немного за то что я выдалъ ее, и въ то же время я винилъ ее въ измѣнѣ Геріоту.

— Вотъ какъ! продолжалъ онъ.—Ей за это достанется.

Все это для меня казалось музыкой, предшествовавшей поднятію занавѣса, изъ-за котораго появится мой отецъ.

Скоро каждый любившій Геріота такъ какъ я могъ бы прочесть какую-то тайну на его лицѣ. Лицо Джуліи ничего не выдавало. Меня они не избрали своимъ повѣреннымъ, къ счастію для меня; не то я, вѣроятно, оказался бы имъ плохимъ помощникомъ, такъ мало умѣлъ я притворяться и такимъ пытливымъ распросамъ подвергался я со стороны подозрительнаго надзирателя. Но я былъ увѣренъ что Геріотъ и Джулія имѣли свиданія другъ съ другомъ. Онъ не спускалъ съ нея глазъ во время молитвъ, а ея глаза постоянно искали его черезъ наклоненныя головы мальчиковъ, пока не останавливались на немъ. Тутъ въ нихъ точно что-то вздрагивало и они быстро опускулись, какъ подстрѣленная птичка. Мальчики, повидимому, подозрѣвали что любовь прокралась въ ихъ среду, они постоянно говорили о Геріотѣ и Джуліи, какъ о славной парочкѣ и о Бодди, какъ лицѣ намѣревающемся разыграть при случаѣ роль злаго духа. Она была къ намъ добрѣе нежели когда-либо. То что она присылала намъ пирожки собственнаго

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.